

82.3(2)

0-24

ОБРЯДОВАЯ
ПОЭЗИЯ

СОКРОВИЩА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

82.3(2)

0-24

КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СОВРЕМЕННОГО»

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

182693/1

МОСКВА «СОВРЕМЕННИК» 1989

ББК.82.ЗР-6
О-24

Составление, предисловие, примечания, подготовка текстов
В. И. Жекулиной, А. Н. Розова

Рецензент
В. К. СОКОЛОВА
Художник
Т. М. ЧИРКОВА

О-24 **Обрядовая поэзия** /Сост., предисл., примеч.,
подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова; Ху-
дож. Т. М. Чиркова.— М.: Современник, 1989.—
735 с., ил.— (Классическая б-ка «Современника»).
ISBN 5-270-00110-1

Трудовая и семейная жизнь крестьянина была неразрывно связана со словом поющим: календарные праздники годового земледельческого круга — с колядками, веснянками, масленичными, гупальскими песнями; полевые работы — с покосными, жатвенными; рождение и свадьба — с колыбельными, свадебными; смерть — с похоронными плачами и причитаниями. Все это составляет календарный и обрядовый фольклор, древнейшую форму народно-поэтического творчества наших предков. Многие из этих творений, утратив свою обрядность, стали хорошо известными и любимыми нами народными песнями.

О $\frac{4702000000-228}{M106(03)-89}$ 9—88

ББК82.ЗР — 6

ISBN 5-270-00110-1

© Составление, предисловие, примечания,
подготовка текстов, оформление,
Издательство «Современник», 1989

НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

В давние времена человек познавал себя через природу, а природу наделял человеческими свойствами. Он одухотворял и придавал особую магическую силу солнцу и огню, земле и временам года, разнообразным природным процессам, стихиям и животным. Земля, вода, лес заселялись добрыми и злыми духами. Вера в загробную жизнь и взаимосвязь живых и мертвых способствовала возникновению культа предков.

Почти все языческие божества, полубожества, духи обладали общей «чертой характера»: они были привередливы и непостоянны. В одних случаях «помогали», в других «вредили» человеку, поэтому их нужно было задобрить, расположить к себе жертвоприношениями и магическими действиями — обрядами, сопровождавшимися определенными словами и песнопениями¹. Обряды сопутствовали каждому шагу человека от рождения до смерти, организуя его трудовую, социальную и личную

¹ В сборнике в основном публикуются обрядовые песни, которые, по мнению древнего человека, дополняли ритуалы, подкрепляя их магической силой слова.

жизнь. Обязательные для всего общества, обряды духовно спланировали народ: общественный, общинный характер принимали и радостные праздники святок, масленицы, троицы, свадеб, и горе похорон. Особенностью обрядов является их удивительная устойчивость, основанная на вере людей в магическую силу ритуалов. Бережно передаваемые из рода в род, обряды выполняли роль исторической памяти, осуществляя связь поколений. В обрядах воплотилось не только народное мировоззрение, но и народная психология и этика, эстетический вкус и практическая мудрость, наконец, трудовые навыки.

В фольклористике принято народную обрядность делить как бы на два раздела: обряды, обусловленные хозяйственной деятельностью людей (земледелием, животноводством, рыболовством, охотой), и обряды семейные, связанные с главными этапами жизни человека — с рождением, вступлением в брак, проводами в армию, смертью.

Основным занятием русского крестьянства было земледелие¹, оно и обусловило большинство трудовых обрядов. Земледельческие (аграрные) обряды приурочены к работам крестьянина в течение всего года, поэтому их принято называть календарными.

Обряды календаря в течение многих веков существовали в устной традиции. Собираемыми фольклора они были зафиксированы лишь в первой трети XIX века, когда, вследствие постепенного изменения социально-экономического уклада деревенской жизни, в земледельческой обрядности уже наблюдаются явные черты разрушения: исконная религиозно-магическая функция многих обрядов становится для исполнителей непонятной, в них все более и более видится игра и развлечение. Так возникают характерные для русской деревни XIX — начала XX веков календарные праздники. В них причудливо сочетались как обрядовые ритуалы и песни, так и необрядовые песни, игры, пляски, которые усиливали атмосферу праздничности.

Исполнялись на календарных праздниках и лирические песни. Для некоторых из них подобная приуроченность была случайной, но для большинства — включение в то или иное празднество вызывалось устойчивой местной традицией. Тем не менее эти песни не могут считаться календарными и в сборнике не публикуются. К календарным, или обрядовым песням принято относить лишь те, в которых имеют место элементы заклинания и магии, а также песни-описания обряда.

¹ Слова «крещеный», «крестьянин», «христианин», образованные от греческого *christianos*, были однозначны на Руси. Первоначально эти слова — «крестьяне» и «христиане» — употреблялись в значении «русские люди», «русский народ», когда речь шла об отличии их от иноплемеников. (См.: И п а т о в А. Н. Православие и русская культура. М., 1985. С. 80.)

Сложнее обстоит дело с хороводными песнями. Генетически они восходят к песням календарного цикла и связаны с культом солнца (недаром их водили обычно кругами), но с течением времени многие хороводные песни полностью утратили свой магический смысл и перешли в необрядовую лирику. Более того, к хороводным примкнули песни других жанров. Поэтому хороводные песни не вошли в наш сборник, за исключением ряда весенне-летних хороводов, исполнение которых сопровождалось завиванием березки, венков, гаданием на венках. Эти песни подробно описывают последовательность обрядов.

Но даже в календарной обрядности XIX — XX веков нельзя не увидеть ее древнейшую сущность — веру в особую магическую силу и жеста, и пения, и слова.

Семейные обряды проделали не менее сложный путь развития. До нас дошли обряды позднего периода — многие представления о мире, составляющие их основу, со временем разрушились или переосмыслились. Однако и в них, и в сопутствующих им песнях легко обнаруживаются детали обрядов и образы, восходящие к дохристианской эпохе и отражающие древние магические и культовые верования.

К жанрам семейной обрядовой поэзии относятся родильные и крестильные песни¹, свадебные песни и причеты, величания, приговоры, корильные песни², похоронные плачи, рекрутские и бытовые причитания (на случай болезни, пожара, неурожая и других бедствий — так называемые окказиональные причитания).

Семейные обряды, в первую очередь свадебные, тесно связаны с народным земледельческим календарем. Достаточно вспомнить, что свадьбы вплоть до 20-х годов XX века повсеместно игрались только после окончания полевых работ (поздней осенью или в начале зимы). И этот довольно короткий отрезок можно считать свадебным периодом в годовом цикле крестьянских празднеств. Более того, многие исследователи считают, что некогда земледельческая и свадебная обрядность составляли единое целое, имея одну общую задачу — достижение благополучия, плодородия в хозяйстве и в семье. Недаром столь большое место в тематике календарных песен занимают семейно-брачные мотивы, а для свадебных песен нередко мотивы земледельческие. Наибольшее сходство наблюдается в

¹ В русском фольклоре родильно-крестильная поэзия, столь развитая в белорусском народном творчестве, почти отсутствует, поэтому в сборнике родильно-крестильные песни опущены.

² Относящиеся к свадебной обрядности заговоры и загадки в своем историческом развитии получили более широкий смысл и самостоятельное значение, оформившись в своеобразные фольклорные жанры, поэтому они рассматриваются лишь в связи с обрядами и не выделены в самостоятельный раздел.

календарных и свадебных песнях заклинательного и величального характера, а некоторые типы песен одновременно могли исполняться на календарном празднике и на свадьбе (например, севернорусские «виноградия»).

Взаимосвязаны также похоронные и земледельческие обряды, в них нашли отражение дохристианские представления о жизни и смерти: там и здесь наблюдается почитание умерших, стремление умиловить покойников¹.

Исторически сложившиеся различия бытовых условий тех или иных местностей, а также их природа и климат, несомненно, влияли на календарную и свадебную обрядность, придавая характерные особенности деталям обряда, порядку их следования, приметам, песенному репертуару. Например, для севернорусских областей главными были праздники зимнего и зимне-весеннего цикла, в то время как в южных районах России наиболее торжественно справлялись летние и осенние праздники. Сугубо местными обрядами были весенние обходы дворов с выюнишными песнями, а также с песнями-окликаниями в егорьев день. Совершенно очевидны и два типа свадебного обряда: севернорусский и южнорусский, отличающиеся и своим набором песен, и своей эмоциональной окраской. В севернорусской свадьбе господствовали причитания невесты, звучавшие в течение всего довенечного периода, нередко более недели. В южнорусской свадьбе — вместо причитания исполнялись песни мажорного характера и свадебный обряд более походил на праздничное веселье.

Количество подобных примеров можно значительно увеличить. Но нельзя забывать и о том, что в целом последовательность основных моментов свадьбы и главные даты народного календаря едины по всей России. Наконец, существует общерусский репертуар свадебных и календарных песен. Следовательно, только из сочетания общерусских и местных черт народной обрядности рождаются такие явления, как русская свадьба и русский народный календарь XIX — начала XX веков.

Предлагаемый читателю сборник посвящен обрядности, возникшей и бытовавшей в крестьянской среде. Первоначально мало чем отличались от деревенских городские свадьбы и праздники, но в процессе развития городов городская культура постепенно все больше и больше отдаляется от крестьянской². Размежевание двух типов народной культуры в конечном счете привело к тому, что современному читателю, в большинстве

¹ Рекрутская обрядность и причитания, возникшие лишь в начале XVIII века, после введения Петром I всеобщей рекрутской повинности, с календарными обрядами и песнями не связаны.

² Этот процесс шел очень неравномерно: в Петербурге и Москве быстрее и раньше, начиная с XVIII столетия; быт же провинциальных городков был схож с сельским бытом вплоть до последней трети XIX века.

своем горожанину, содержание многих обрядовых песен уже не понятно. Здесь необходимо, во-первых, познакомиться с конкретными обрядовыми ритуалами, частью которых были песни, во-вторых, постичь законы своеобразного мира обрядовой поэзии. Поэтому в сборнике ведущие жанры обрядовой поэзии даны в контексте обрядов, а во вступительной статье, во вступлениях к основным разделам, в комментариях разъясняются особенности поэтики обрядовых песен, которые обладают всеми чертами непреходящей истинной поэзии. Не случайно, что многие писатели, начиная с XVIII века и по сегодняшний день, обращаются в своем творчестве к обрядовой поэзии: А. Сумароков, А. Радищев, В. Жуковский, А. Пушкин, А. Кольцов, Н. Некрасов, А. Островский, П. Мельников-Печерский, Д. Мамин-Сибиряк, М. Горький, А. Блок, С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, А. Твардовский, Ф. Абрамов, В. Белов и многие другие. А некоторые из них занимались научным исследованием обрядовой поэзии. Блок написал статью «Поэзия заговоров и заклинаний»¹. Пушкин намеревался подготовить сборник свадебных песен по своим записям, сделанным в Михайловском. Сохранился и план его статьи, предназначенной для сборника П. В. Киреевского.

Как уже отмечалось, фольклор на протяжении долгих веков передавался из поколения в поколение изустно. И едва ли дошло бы до нас все разнообразие русской календарной и свадебной обрядности, если бы не самоотверженный труд тысяч известных и неизвестных собирателей.

Хотя первые публикации самих обрядов, календарных и свадебных песен относятся ко второй половине XVIII века², их активное собирательство развертывается в России лишь в 30 — 40-х годах XIX века, и один за другим выходят не утратившие ценности до сего дня сборники И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837 — 1839); И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1841), А. В. Терещенко «Быт русского народа» (1848). Важным событием русской культурной жизни XIX века стало начатое в 30-е годы собирание песен в различных уголках России П. В. Киреевским и его многочисленными корреспондентами, среди которых были А. Пушкин, Н. Гоголь, А. Кольцов, В. Даль и другие писатели³. С этого же времени обрядовый фольклор все чаще публикуется на страницах различных периодических изданий:

¹ Опубликована в «Истории русской литературы» под ред. Е. Аничкова и Д. Овсяннико-Куликовского (Т.1. М., 1908).

² Чулков М. Д. *Собрание разных песен*: В 4 ч. М., 1770 — 1774; Трутовский В. Ф. *Собрание русских простых песен с нотами*: В 4 ч. Спб., 1778 — 1795; Львов Н. А. *Собрание народных русских песен с их голосами*. Спб., 1790.

³ Сборник Киреевского вышел в свет лишь в 1911 году. (Здесь и далее см.: «Сокращения» — Киреевский.)

в «Губернских ведомостях», «Памятных книжках», «Сборниках статистических комитетов» и т. д.

В 1847 году только что созданное Русское географическое общество обратилось ко всем образованным людям, призывая присылать этнографические описания отдельных местностей. Менее чем за пять лет таких описаний было прислано более двух тысяч, и лучшие из них с 1853 года стали издаваться в трудах РГО: в «Этнографическом сборнике», в «Записках РГО по отделению этнографии», «Вестнике РГО», «Известиях РГО». Другие материалы до сих пор хранятся в архиве Географического общества.

Из всех дореволюционных изданий наиболее полно представлены календарные и свадебные обряды, песни в сборнике П. В. Шейна «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (1898). Большую историческую и художественную ценность представляют собой причеты знаменитой вопленицы И. А. Федосовой, записанные и изданные Е. В. Барсовым¹. Стоит также отметить книгу Ю. М. и Б. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (1915), где дано прекрасное описание севернорусского свадебного обряда.

Собирание и публикация фольклора активно продолжается и в советское время. За эти годы вышло несколько десятков сборников, антологий².

Последние публикации относятся к 80-м годам, что свидетельствует — обрядовый фольклор еще не окончательно забыт. До сих пор архивы страны пополняются записями, сделанными в разных областях. Следует при этом учесть, что нынешние исполнители, как правило, люди пожилые, в большинстве случаев рассказывают и поют специально для собирателей, вспоминая, как справлялись обряды в годы их молодости, 50 — 60 лет назад³, а в нынешний, активный репертуар тех же исполнителей этот обрядовый фольклор уже не входит. Гораздо реже встречаются обряды, которые продолжают оставаться неотъемлемой частью культурной

¹ См.: Барсов.

² Самые значительные издания последних 20-ти лет: Зырянов И. В. Чердынская свадьба. Пермь, 1969; Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969; Поэзия крестьянских праздников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970; Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпаковой. Л., 1973; Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой; Вступ. статья, предисл. к разделам и коммент. К. Чистова. Л., 1984; Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985; Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

³ Некоторые их воспоминания приводятся и в нашем сборнике наряду с описаниями обрядов, записанных собирателями в XIX — нач. XX веков.

жизни современного села. Например, в южнорусских областях (Смоленской, Курской, Брянской, Воронежской) сохранились некоторые календарные обряды, главным образом, весенне-летние. На Русском Севере кое-где еще продолжают играть свадьбы по-старому, с обрядами и песнями, но без причетов невесты. Отдельные элементы традиционного свадебного обряда встречаются и в других местах, в частности в Астраханской области. Широко распространен на Смоленщине обряд поминания с пением особых «поминальных стихов».

Некоторые обряды могут по разным причинам возрождаться. Так, в Карелии во время Великой Отечественной войны неожиданно вернулась традиция плача, казалось бы, безвозвратно ушедшая из деревенского быта¹.

Народная песня — это произведение не только словесного, но и музыкального искусства. По мнению многих музыковедов, напевы обрядовых песен даже в большей степени, чем их тексты, сохраняют архаические черты. «Музыкальное исполнение сообщало даже элементарным по поэтике песням особую силу эмоционального воздействия. Чары музыкального ритма и интонации пусть бессознательно, но придавали человеку ощущение власти над таинственной и могучей природой, помогали ему подчинять себе мир². Эмоциональный заряд, образность мелодий обрядового фольклора издавна привлекали внимание многих композиторов: М. Глинки, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, М. Балакирева, А. Лядова, И. Стравинского, С. Прокофьева, Г. Свиридова, Р. Щедрина, В. Гаврилина и других.

Наиболее полное представление о своеобразии обрядовой песни складывается в сочетании текста и напева, но они обладают и известной самостоятельностью, что позволяет познакомиться с календарным и свадебным фольклором как поэтическим произведением.

Понятие «обрядовый фольклор» не исчерпывается песнями. Сюда же относятся многочисленные приговоры-заклинания (например, при хлестании вербой, начале сева, жатвы), пастушечьи заговоры, произносимые пастухами при первом выгоне скота весной, различные виды гаданий. Едва ли можно полностью уподоблять песням причитания, которые не пелись, а произносились нараспев. Наконец, и употребление термина «песня» по отношению к некоторым типам колядок, веснянок, к масленичному фольклору до известной степени условно, так как их не пели, а выкрикивали, что было связано с магией заклинаний. В сборнике представлены наиболее характерные образцы такой обрядовой поэзии.

¹ Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. В записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962.

² Земцовский И. И. Песенная поэзия русских земледельческих праздников. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 50.

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ

С момента появления человека на земле он постоянно соприкасается с окружающим миром и осваивает его. Веками создаются и развиваются трудовые навыки, которые приобретают особенно важное значение в эпоху земледелия. Именно тогда «ритм жизни оказался еще в большей зависимости от чередования времен года и производственных циклов, урожаи — в прямой зависимости от капризов природы, от воздействия природных стихий»¹.

От способности земледельца предугадать погоду, чтобы вовремя посеять, сохранить и убрать урожай, зависела не только его жизнь, но и жизнь всего его рода. Поэтому исследователи считают, что годовой цикл изначально сложился на приметах погоды. Сохранилось большое количество примет в виде пословиц, поговорок и присловий, а также прямых указаний на сроки различных земледельческих занятий. Некоторые приметы являются общими для всех областей России. Другие, а их большинство, отражают лишь местные климатические особенности.

Второй еще менее надежный способ узнавания погоды и видов на урожай — гадание. Хотя, в отличие от примет, гадания основаны исключительно на суевериях — и в них «есть некий известный психологический эффект: благоприятное гадание повышает... психическую энергию, уверенность в себе, уверенность в успехе, а неблагоприятное, напротив, может подействовать на психику угнетающе; потому можно считать, что благоприятное гадание помогает желаемому «сбыться»².

Но человек не ограничивался лишь созерцанием мира природы и предугадыванием в нем определенных процессов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на земную жизнь. Он издавна стремился активно воздействовать на природу, в том числе и посредством многочисленных магических ритуалов.

Эти обряды должны были повторяться из года в год без каких-либо изменений в словах, мелодии и телодвижениях. Только при этом условии окружающий мир оставался бы неизменен, а следовательно, и урожай — не хуже прошлогоднего³.

¹ Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 68. (Далее: Календарные обычаи и обряды.)

² Токарев С. А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды. С. 63.

³ Здесь и кроется главная причина удивительной устойчивости календарных обрядов.

Тысячелетиями складывался народный земледельческий календарь, в котором нашли свое отражение практический опыт хлебопашца, его метеорологические и астрономические наблюдения, а также и суеверные обычаи, возникшие вследствие своеобразного понимания им причинно-следственных связей в явлениях природы¹. В календаре отмечались сроки начала и конца работ в поле и в доме, выделялись дни обязательных культовых ритуалов.

Большинство земледельческих обрядов совершалось не ради одного человека, а в интересах всех жителей деревни, что нашло свое отражение в хоровых календарных песнях. В них обращались к природе от имени общины, используя местоимения множественного числа («мы», «нас», «нам» и т. д.).

«Пища и потомство,— писал знаменитый английский этнограф Дж. Фрэзер,— вот чем люди стремились обеспечить себя, совершая магические обряды, призванные регулировать времена года и управлять ими»². Главную цель земледельца — прокормить семью — проще было достичь при большом числе домочадцев-помощников. Вот почему в русской деревне на протяжении долгого времени преобладала большая семья³, в которой, по мере своих сил, трудились все, от мала до велика. Основная же тяжесть крестьянской работы ложилась на плечи хозяина и его старших сыновей. От благополучия отдельной семьи зависела в конечном счете жизнь всей крестьянской общины. Поэтому в земледельческих обычаях и праздниках в течение всего годового цикла столь важны семейно-брачные мотивы.

Особое место в жизни земледельца занимает солнце. «Солнце,— указывал А. В. Луначарский,— это бог, который дает и тепло, и свет, и пищу, который каждые сутки ведет борьбу с ночью и, кроме того, каждый год ведет борьбу с зимой. Зима лишает его лучей, лишает оплодотворяющей силы. Стало быть, в течение зимы бог побежден, бог страдает. Зимой происходит схождение солнца под землю, в подземное царство, смерть солнца, а весной происходит возрождение. Каждый год весной солнце воскресает, бог возвращается в лучезарном сиянии. Однако этого бога нельзя мыслить как всемогущего бога. Нет, он не всемогущий, он борется с тьмой и холодом, и то он, то враг побеждает. Можно плакать, когда он побежден,

¹ Например, ежегодный прилет птиц весной создал легенду, что весну приносят птицы на крыльях, а следовательно, для ускорения прихода весны необходимо призывать птиц особыми песнями-заклинаниями.

² Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. 3. С. 83.

³ Под одной крышей жили и работали не только родители и дети, но и семьи взрослых сыновей.

и радоваться, когда он победил»¹. Поэтому в народном календаре большую роль играли четыре астрономические даты, связанные с фазами движения земли вокруг солнца: зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие. Зимнее солнцестояние (25 декабря) отмечалось как «поворот» солнца на лето, как день, после которого дневное время начинает постепенно, но неизбежно прибывать, а ночь укорачиваться. 25 декабря — праздник возрождения солнца, начало борьбы тепла и холода, света и тьмы. В летнее солнцестояние (22 июня) солнце достигает высшей точки на небе. Самый длинный день и самая короткая ночь — время наиболее бурного цветения всей растительности. После летнего солнцестояния солнце начинает клониться к земле, день за днем уступая силам тьмы. Даты весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 23 сентября) знаменовали собою приход весны и осени.

Все основные циклы крестьянских обычаев и праздников, приурочиваемые к четырем моментам солнечного года, принято делить на зимние, весенние, летние и осенние. Конечно, эта классификация в известной степени условна. Например, обычно незаметен переход весны в лето. Кроме того, время прихода весны в разные климатические зоны неодинаково. Встреча весны растянута в народном календаре от самого начала марта (на юге) и до конца марта — начала апреля (на севере и в Сибири). И так же растянуты сроки проведения основных крестьянских работ — вспашки полей, первого выгона скота, сева, сенокоса, сбора урожая. Наконец, в ряде случаев сами праздники отмечаются как бы в межсезонье. Так, масленица по времени — праздник зимний, а по содержанию — весенний.

Календарные обряды могли быть приурочены к началу каких-либо земледельческих работ или как самостоятельные празднества растягивались в ряде случаев на несколько дней. Зимние святки праздновались в течение двух недель² (с 25 декабря по 6 января), неделю отмечались масленица (обычно вторая половина февраля — первая половина марта) и семик «зеленые святки» (чаще всего в июне).

До сих пор рассматривалась дохристианская основа народного календаря. Но в нем нашла свое отражение и многовековая борьба христианства с язычеством. Православная церковь действовала не только строгими запретами и наказаниями приверженцев дедовских обычаев. Она стремилась преобразовать языческую сущность празднеств, вводя церковный месяцеслов или святцы (в которых в календарном порядке были расположены дни поминовения христианских святых или события из исто-

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 4. С. 39.

² Неделя была основной единицей времени в народном календаре.

рии церкви), совпадающие с датами основных языческих праздников. Но в этой борьбе победила не церковь, а традиционное дохристианское мировоззрение. Отвергнув отвлеченность христианского учения, крестьянство создало свое «бытовое православие». И библейские святые и библейские события получили в нем характерную для крестьянского мировосприятия конкретность. Образы христианских святых взяли на себя функции божеств плодородия, помощников в труде земледельца. Даже их имена подвергались в народе бытовому переосмыслению. К ним прикреплялись различные прозвища, отражающие многолетние наблюдения за состоянием погоды в эти дни, особенности сезонного труда. Так, 1 марта — день мученицы Евдокии имел несколько прозвищ: Авдотья Весновка, Авдотья (Евдокия) Плющиха (снег «плющит»), Евдокия Замочи Подол или Авдотья Подмочи Порог (снег начинает таять), Авдотья Каплюжница (начало капели). 8 мая — день апостола Иоанна Богослова имел название Иван Пшеничник (с этого дня сеяли пшеницу).

Таким образом в устной традиции возникли производственно-бытовые «святцы» (преобразованный народный календарь), в которых причудливо смешались языческие и христианские элементы. Церковный месяцеслов значительно увеличил число праздничных дат, ввел два типа празднеств: стабильные, или «непереходящие» и нестабильные, или «переходящие». Первые строго прикреплены к определенным числам месяца, вторые из года в год меняют свое место в календаре. Все «переходящие» праздники приходятся главным образом на весну — начало лета и связаны с пасхой, день празднования которой вычисляется по восточному лунному календарю.

В результате наложения церковного календаря на годовой цикл дохристианских праздников, некоторые из них утратили свое прежнее название, сохранив при этом свой исконный смысл. Например, целый ряд обычаев, приуроченных к великому посту, — «средокрестье», «вербное воскресенье», «чистый четверг», пасхальная обрядность. Другие праздники несмотря ни на что сохранили свое прежнее название (масленица, семик). Православие также вытеснило из народной памяти всю языческую мифологию, заменив имена языческих богов именами христианских святых.

Церкви удалось ввести в народные календарные обряды христианскую символику. К «древним приемам магического воздействия и предметам, которым приписывалась особая сила, присоединились заимствованные из церковного культа (молитвенные формулы, крест, просфоры, «святая» вода и прочее)¹. В народный календарь вошли и отдельные христианские обряды, например купание в проруби на крещение.

¹ См.: Соколова. С. 5.

Судьба календарных праздников и обрядов была различной. Святочные, масленичные обряды уже в середине XIX века принимают характер своеобразного народного гулянья с песнями, играми, плясками, в котором участвуют все сельские жители, независимо от возраста и имущественного положения, но главная роль принадлежит молодежи. Обряды, сопровождавшие конкретные трудовые процессы (сев, сбор урожая), вплоть до 20-х годов XX века сохранили свой религиозно-магический смысл. Понимая важность трудовых обрядов в жизни крестьянства, духовенство освещает их своим участием. Так, перед самым севом священники окропляли святой водой поля, семена, женщины катали по полю тучного священника или дьякона, считая, что от этого посев будет тучным и спорым.

Народному календарю присущи общие для всех годовых циклов культы земли, предков, воды, солнца (огня), растительности, совместная жертвенная трапеза, ритуальный смех и слезы, ряжение, поверья о нечистой силе и т. д. Таким образом, все сезонные обычаи оказываются взаимосвязанными. Взаимосвязь обрядов выражается и в сходстве сопровождающих их календарных песен, которые можно разделить на три типа: песни-заклятия, величальные песни и песни-описания обрядов.

При помощи заклинаний — одного из древнейших фольклорных жанров — люди стремились заручиться поддержкой сверхъестественных сил природы (весны, мороза), коляды или масленицы¹, а в более позднее время бога. Подобная чисто практическая суть песен оказала влияние на их поэтику. Они обычно невелики по объему (10 — 15 строк), несложны по напеву и просты в средствах поэтической выразительности². Заклинания обращены (чаще в императивной форме, реже в форме просьбы или мольбы) к олицетворенному образу — коляде, масленице, весне — и перечисляют желаемое. Основная композиционная форма заклинаний — монолог, в некоторых веснянках встречается форма диалога: хор как бы обменивается репликами с весной. Из всего богатого арсенала поэтических средств песенного фольклора в заклинаниях используется лишь метафора в виде олицетворения и гипербола при описании желаемого («из колоса — осмина, из полузерна — пирог»). Часто встречаются в этих пес-

¹ Коляда, масленица, весна приходят, приезжают к хозяину, с ними можно разговаривать, но ни в одной песне эти персонажи зримо не представлены и нет хотя бы лаконичного их портрета. Отсутствие развитой системы образов, столь типичной для необрядовой лирики, одна из специфических особенностей песен-заклятий.

² Благодаря этому заклинания легко запоминались детьми и переходили в их репертуар, нередко даже теряя при этом свою первоначальную магическую функцию. Например, заклинание дождя типа «Дождик, дождик, перестань...» превратилось в необрядовую припевку.

нях уменьшительно-ласкательные суффиксы при обращении к природным явлениям, хлебу, животным, что лишний раз подчеркивает единение человека с природой, его любовь к ней.

«Чисто» закликательных песен в русском календарном фольклоре немного (подблюдные песни, веснянки, некоторые масленичные и жнивные песни). Чаще элементы закликанья выступают в песнях в единстве с другими поэтическими мотивами.

С закликаньями генетически связаны величальные песни, исполняемые при обходах дворов зимой (колядки, овсени и виноградия) или весной — летом (вьюнишные, егорьевские песни). Они также призывали в дом богатый урожай, счастье, здоровье и благополучие, но в них, в отличие от закликанья, и исполнителей и слушателей привлекала красота слова и мелодии. Главный персонаж величальных песен — человек, которого славят и которому высказывают разные пожелания: любой, самый бедный крестьянин, становился «князем», «красным солнышком», дом его превращался в «терем», «дворец», так же идеализировалась и его семья. Две основные части величальных песен — величание и пожелание — используют наиболее яркие и красочные, во всем русском фольклоре, художественные средства: различные символы богатства и счастья, украшающие эпитеты, чуть ли не все виды метафор и гиперболы.

Величальным песням присущ характер описаний, но в народном календаре существовал и особый тип песен-описаний, которые «были приурочены к определенным моментам обряда, как бы комментировали их и в то же время организовывали все обрядовое действо, скрепляли отдельные его части, указывали их последовательность»¹. Считается, что песни-описания — наиболее поздний тип обрядовой поэзии. Об этом свидетельствует и большое сходство их поэтики с поэтикой необрядовых лирических песен. В сборнике читатель может познакомиться с ними в троичных обрядах.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ

Семейные обряды и поэзия, как и календарные, связаны с историей и бытом народа. Они прошли длительный путь развития и сохранили следы верований, мировоззрений, семейного и общественного уклада, историко-правовых отношений различных эпох.

¹ См.: Соколова. С. 272.

До нас, как уже было сказано, дошли описания поздних семейных обрядов, но мы можем представить, какими они были на ранних этапах существования, так как имеется много исторических свидетельств, начиная с XI века: летописи, мирные грамоты, поучения и послания деятелей церкви, судебные документы, мемуары иностранных путешественников¹. Так, из древних источников мы узнаем, что свадьбы обычно устраивались «межи рожеством и крещением»; что от давнего времени, когда у славянских племен еще «брати не бываху», остался обычай «умыкания» невест (насилованного увоза), осуждаемый в XI веке «Уставом Ярослава»; что «в пределах Новгородских невесты водят к воде», и церковь запрещает свершение этого обряда: «И ныне не велим тому так быти; еще ли, то проклинати повелеваем»². В «Кириковом вопрошании» — документе 1156 года — упоминается «баенный» обряд и обычай поить жениха для укрепления любви водой, которой омывали в бане невесту. «Повесть временных лет» свидетельствует о существовании обряда «разувания» жениха, а Воскресенская летопись — об обрядовом употреблении зерна, хлеба, каши. Памятники письменности X — XIII веков оставили нам не только сведения о похоронных обрядах, но и образцы причети.

Многие из названных обычаев восходили к языческим верованиям и культам, и церковь в течение длительного времени вела с ними упорную, но в основном бесполезную борьбу. «Иосифовский служебник», донесший до нас описание народного свадебного обряда, осуждает его как «некое неблагоугодное дело, яко творят християны, от диавола научены суще»: «А как укрутят невесту, и покроют ее пеленою и учнут хмелем осыпать. А как приедут жених с невестою и поездом в дом свой, так бабу поставят на кадь, и облекут на нее шубу выворотя, и она яко видимый кулеш стоит, и станет та баба всех людей хмелем осыпать, и в то время вси шапки подставляют. Да от венчания приходят жених с невестою на подклеть, а не за стол, как не во истинных християнех ведется по христианскому обычаю, а не странному сему деяню. <...> Да и еще к ним приносят ту же на подклеть каши, и они кашу черпают и за себя мечут»³. Но даже в позднем свадебном обряде самых разных мест России, как свидетельствуют записи XIX века, были живы многие из этих «диавольских» обычаев народной свадьбы.

¹ «Записки о Московских делах» Сигизмунда Герберштейна (1549 г.); мемуары Джерома Горсея (конец XVI в.); «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария (1634 г.) и др.

² Живописная Россия. 1903. Т. 3. С. 595.

³ Страхов Н. И. О свадьбах, свадебных обрядах и обычаях русских крестьян // Ученые записки Московского университета. 1836. № 11. С. 370.

Так, повсеместно невесту, жениха и всех присутствующих осыпали хмелем и зерном для обеспечения достатка и благополучия (так называемый обряд продуцирующей магии), во многих местах укрывали невесту платком, оберегая от злых сил (обряд профилактической магии), устраивали постель для молодых в нежилой части избы и, как правило, рядом с хлевом, для плодovitости (тот же обряд продуцирующей магии), благословляли жениха и невесту на расстеленных мехом вверх шубах, сажали их на постланные на лавки шубы и даже встречали от венца в шубах, вывороченных мехом наружу (мех, шерсть, шкура животного — символ плодородия, богатства, жизненной силы). Повсеместно распространены были и другие, восходящие к древности, обрядовые действия: брызгали водой, зажигали костры, расчищали дорогу перед женихом и невестой кнутом и веником, угощали молодых молоком, яйцами, медом, пивом, веря в силу растительного и животного мира.

Конечно, в XIX веке многие обрядовые действия превратились в традицию, а зачастую — просто в веселую игру, однако даже в самых последних описаниях свадебного обряда, сделанных уже в наши дни (в основном от пожилых женщин, рассказывающих о своей свадьбе, справлявшейся в 20 — 30-е годы нашего века), упоминается многое из того, что было перечислено.

Пережил народный свадебный обряд и время двоеверия, когда церковь внедряла обязательное освящение брака путем венчания, а народ держался старых обычаев. Показательно, что еще в XI веке в «Уставе Ярослава» признаются те и другие браки: «Аще муж распустится с женою по своей воле, а будет ли венчальнаа, и дадут митрополиту 12 гривен; а будут ли не венчальными, митрополиту 6 гривен»¹. В XIX веке венчание в церкви обязательно входило в свадебную обрядность, но ни одна крестьянская свадьба не обходилась без подробно разработанного свадебного ритуала, включающего множество дохристианских обычаев и обрядов. Известно, например, что народ не считал брак состоявшимся, если он после церковного венчания не был закреплен традиционным пиршеством, а внезапно умершую до ритуального пира молодую женщину хоронили как незамужнюю.

Самобытный русский свадебный обряд, прошедший долгий путь развития и доживший в основных своих чертах до конца XIX века (а в памяти народной — и до наших дней), подтверждал устойчивость народных традиций и обычаев. «Народ, — по словам В. Г. Белинского, — крепко дорожит обычаями, как своим священнейшим достоянием»².

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л. 1950. С. 482.

² Б е л и н с к и й В. Г. Литературные мечтания // Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 36.

Как же справлялась традиционная народная свадьба? Восстановим типичную последовательность ее обрядовых действий.

Как правило, свадьбы устраивались зимой, в рождественский мясоед (в январе) или осенью — в осенний мясоед (в октябре и ноябре), что было связано с окончанием осенних крестьянских работ и религиозными соображениями.

До этого молодежь знакомилась друг с другом, а родители приглаждали невест для своих сыновей. Во многих местах складывался особый обычай знакомства молодежи: в определенные дни, в основном в дни храмовых или календарных праздников, молодежь из соседних деревень собиралась у святых источников, на возвышенном берегу реки или озера, в бору или роще, у церкви или в каком-либо нанятом для бесед и вечеринок доме. В эти дни устраивались катания на лошадях по деревням, жгли костры, играли, плясали, и зачастую к концу празднества определялись симпатии и оговаривался день сватовства. Обычай выбирать невесту у реки, озера восходит к языческим представлениям об очистительной силе воды, и родился он в ту далекую эпоху, когда многие славянские племена «один обычай имяху»: «Схожахуся на игрища, на плясания и на вся бесовския песни и ту умыкаху жены собе»¹.

Вот как описывает в конце XIX века этот древний обычай новгородский собиратель: «⟨...⟩ Собирается на Иордан все наличное количество невест того или иного прихода. Девуцы во время водосвятного молебна стоят на горе или возвышенном берегу реки или озера, а парни под горою, оттуда и высматривают девиц»².

С выбора невесты начинался первый этап свадьбы — *предсвадебный*, состоящий из следующих друг за другом в определенном порядке действий: выбор сватов, сватовство, смотрины невесты, осмотр дома жениха, сговор (рукобитье, запоручивание, зарученье, поручение, закрыванье, богомолье, пропой — в разных местностях свое название обряда), девичник (вечерины) с обрядом расплетения косы, баней и проводами «красной красоты» (девичий венок, лента, коронка, украшенная елочка или березка, символизирующие девичью волю), парневик (парнишник) — последний вольный вечер жениха. Этот период длился несколько дней.

В основе свадьбы лежала хозяйственно-экономическая заинтересованность семей и стремление получить здоровую продолжательницу рода, поэтому к обрядам относились как к серьезным актам, строго соблюдая их последовательность, традиции, веря в приметы и обереги. Наиболее ответственным моментом этого периода был выбор свата, так как от него

¹ Полное собрание русских летописей. Пг., 1923. Т. 11. С. 10.

² С и н о з е р с к и й М. О выборе невест в Новгородской губернии // ЖС. 1896. Вып. 3 — 4. Отд. V. С. 536.

зависел благополучный исход сватовства и зачастую дальнейшая жизнь молодых, поэтому начало свадьбы особенно широко обставлено различными обрядами оберегающей магии (см. раздел сборника «Сватовство»).

Второй этап свадьбы — *свадебный день*, также с целым рядом обрядов, проходивших в доме жениха и невесты и заканчивающихся венчанием и свадебным пиром: благословение жениха родителями и сборы свадебного поезда, утреннее бужение невесты и ожидание жениха, обряды соединения жениха и невесты, благословение к венцу, отъезд свадебного поезда, сопровождаемый целым набором магических, символических и игровых действий, передача приданого невесты родителям жениха, встреча молодых от венца, «княжой (великий) стол», постельный обряд.

Третий этап — *послесвадебный*, с ритуалом утреннего бужения молодых, обрядовой баней для молодоженов, отводинами (отводынье, яишня, хлебины) — посещение дома родителей молодой (подробнее об обрядах см. в соответствующих разделах сборника).

Каждый из обрядов свадьбы сопровождался пением песен, приговорами, причитаниями, величаниями, причем в тот или иной период свадебной игры преобладал какой-либо один жанр: в предсвадебный период звучали в основном причитания и исполнялись лирические свадебные песни грустного содержания; в свадебный день, после венца, по этикету причитывать не полагалось, а пели в основном величальные и веселые корильные песни.

Свадебные лирические песни исполнялись в течение всей свадьбы. Они рассказывали о происходящем, передавали взволнованное состояние невесты, выражали чувства всех участников обряда: «пониzehоньку сват кланялся», «расхвалил чужу сторону» — и вот «по рукам уже ударено, зелено вино пораспито», и приходится девушке оплакивать «красну красоту и всю девичью вольну волюшку», шить «платочки-то золотом» для одаривания «Василья-то с поездом» и горевать, что «русу косу рѹсплели, на две прядки розняли, на подножки ставили, златые венцы надели». Из песен мы узнаем о сборах жениха, о встрече его в доме невесты, об отъезде к венцу и о многих совершенно конкретных обрядовых действиях.

В ходе длительного развития свадебной песни расширялось ее обрядовое содержание: включались образы христианской религии, упоминались исторические события, рисовался быт русской деревни и семейные отношения. Но используя образы реальной или обрядовой действительности, свадебная песня «переводила» их в разряд поэтической метафоры. Благодаря особому языку, выработанному песней, языку иносказаний, образы, взятые из мира природы и быта, расширяли свое содержание и становились символами, близкими и понятными народу. Мир свадебной

песни населялся символическими белыми лебедушками, сизыми селезнями, зелеными садами, темными лесами, грозными тучами, за которыми легко угадывались конкретные девушки-невесты, молодцы, девичество и злая разлука, чужие родители и печаль. Таких образов-символов, особенно олицетворяющих горе, разлуку, слезы, печальную дорогу в неласковую семью, в русской свадебной песне множество.

Как правило, свадебная лирическая песня несла в себе заряд отрицательных эмоций. Связано это было с тем, что замужество для женщины во времена патриархальной семьи отождествлялось с горем, бедой, было началом нелегкой жизни в роли работницы, бесправной жены и матери. Тяжелая семейная доля русской женщины в старые времена — это факт истории. Вспомним «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. Говоря о «неволе браков», о «несчастьи жизни семейственной», он замечает: «Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный»¹.

Грустно-элегический тон свадебных песен связывает с тяжелым патриархально-семейным укладом и В. Г. Белинский, отмечая, что такая поэзия «выходит» из семейного быта, «и потому она так грустна, так заунывна и нередко дышит таким сокрушительным чувством отчаяния и ожесточения»².

Примечательно, что любовная тематика не типична для обрядовой свадебной песни, приоритет в разработке этой темы принадлежит семейно-бытовой и любовной лирике. Но иногда в свадебных обрядовых песнях слышен голос любви: девушка с радостью откликается на зов молодца: «Я иду, иду домой с тобой»; о браке говорится как о желаемом событии, и невеста видит в своем суженом не «чужого чужанина», а «защиту великую, оборону немалую» и без страха идет в новую семью, а родители жениха радуются счастьем сына: «Была б тебе любя, а нам любим-любешенька». Такие песни стали возможны в обрядовой свадебной лирике только в эпоху смягчения патриархальных семейных нравов, когда появилась возможность заключать браки по любви, а не по родительскому принуждению, не по соображениям чисто материального, хозяйственного расчета. Они пополнили разряд песен, которые, по словам В. Г. Белинского, говорили о том, «что любовь на Руси могла быть не только поэтической, но и грациозно-поэтической»³.

¹ Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. (Браки) // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 287.

² Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 441.

³ Там же. С. 445.

Лирическая свадебная песня звучала всегда в хоровом исполнении, она достаточно распевна и оформлена различного рода припевами, повторами, восклицаниями (ой, ай), а при пении в ней явно слышны ритмические паузы, что в какой-то степени сближает ее напев с причетью (см. № 581).

Свадебные причитания — жанр психологический, рожденный потребностью передать состояние всех участников свадьбы, а главное — настроение вступающей в новую жизнь невесты, ее тревогу за свою судьбу, страх перед будущим, горечь от разлуки с родимым домом. Девушка навсегда прощалась с домом, с деревней, поэтому свадебные плачи в какой-то мере ассоциировались с похоронными. С одной стороны, причитания были средством эмоциональной разрядки для невесты, понимающей неизбежность происходящего, а с другой, — они были рассчитаны на слушателя, поэтому включали в себя некоторый элемент обязательной условности. Невеста обязана была причитать в любом случае, даже если она выходила замуж по желанию, и послушать причитание невесты, ее подружек, матери, родственниц приходили со всей деревни. Один из корреспондентов Г. Р. Державина, приславший ему записи свадебной причеты, пишет в письме: «Молодые девочки заблаговременно учатся вопить, как благородные наши девицы учатся танцевать и петь. <...> «Вопить не умеет» — такой же почти упрек, как прясть не умеет»¹. Ко времени своей свадьбы невеста уже была вооружена необходимыми знаниями, и если оказывалась одаренной исполнительницей, умела импровизировать, то создавала высокохудожественные произведения, волнующие слушателей. Собираателями записано немало таких причитаний, в частности от выдающихся воплениц из Олонецкой губернии И. А. Федосовой и А. М. Пашковой, новгородской крестьянки А. П. Сонатихи, М. Р. Голубковой из архангельской деревни и многих других.

Как уже отмечалось, свадебные причитания — в основном поэтическая принадлежность северного типа русской свадьбы. Талантливый собиратель и издатель фольклора П. В. Шейн отмечает, что плачи «нигде не составляют такого необходимого элемента свадебных торжеств, как именно в северных наших губерниях. Тут народ считает причитания священной частью этих торжеств, пропустить которые никак нельзя»². Причитания были неотъемлемой частью быта севернорусских крестьян, исполнялись практически по каждому поводу (болезнь, смерть, несчастье, проходы в армию), а уж на свадьбе в довенечный период сопровождали поч-

¹ Лотман Ю. Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г. Р. Державина // Русская литература. 1960. № 3. С. 146.

² Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Спб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 826.

ти каждый шаг невесты, причем в некоторых деревнях причет вызывал какое-либо исступленное действие невесты: битье руками по коленям, столу, лавке, наклон головы, «хрястанье» (падение на пол). Создавалась атмосфера сильнейшего эмоционального накала. Потому и живы причеты в народной памяти до сих пор, несмотря на полное разрушение в наши дни бывшего подробно разработанного свадебного ритуала. Собираателям еще и сейчас удастся не только услышать причет, но и увидеть, как он исполняется. Так, Д. М. Балашов, много раз записывавший свадебный обряд в селах Вологодской области, рассказывал об одном из эпизодов своей экспедиционной работы: «В деревне Мартьяновской Илезского сельсовета мне впервые удалось увидеть, как хлещутся или хрястаются. Одна из исполнительниц явилась в наряде невесты, во всей скруте, серебре и янтарях. Начала причитать и вдруг, взмахнув руками, с маху рухнула на пол, вниз лицом, упала на колени и локти. Сперва это даже страшновато выглядит — недаром рассказывают, что прежние невесты нередко разбивали себе и колени и локти в кровь. Впрочем, исполнительница проделала все это спокойно, даже весело, но падала все равно отчаянно, именно «рушилась», разом на колени и локти выброшенных вперед рук, прикикая лицом к полу»¹.

Обычное исполнение причитаний — сольное приплакивание, иногда — диалог невесты с подругами, сестрой, матерью, теткой, но существовала и форма коллективного голошения. В последний период жизни свадебного обряда причитания перестали быть исключительной «собственностью» того лица, чьи переживания они передавали. За невесту могли приплакать подруги или специально приглашенные плакальщицы. Но лучшие дошедшие до нас причитания передают чувства самого исполнителя и потому воспринимаются как искренний рассказ о судьбе женщины.

Наибольшей эмоциональной силой обладали причитания, звучавшие на девичнике — самом драматическом эпизоде свадьбы. Невеста навсегда прощалась с «девичьей волей гульливой», поэтому причитания были искренней поэтической жалобой девушки на свою судьбу: она хочет сберечь свою волю, пытается спрятать «красну красоту» то «во чистом поле далекошенько», то повесить ее «на кудрявую березинку», то «отнести в луга-то зеленые», но понимает, что везде найдет ее «чужой чужанин», и самое надежное место — родной дом, «теплая пазушка» матушки и голова младшей сестры. Им и оставляет невеста свою «девичью волюну волюшку» в надежде, что та будет рассказывать родным, как живется ей «на злодей

¹ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 372.

чужой сторонущке». Тема причета — прощание с «красной красотою» — очень популярна и в различных вариантах записана во многих местностях России.

Широко известен в целом ряде вариантов и причет-сон. Невеста исполняла его утром в день свадьбы. Ей снится, что на батюшкином подворье «все столбы да пошатились, все заборы раскатились», и она понимает, что это «раскатилась воля вольная»; снится ей «горушенька высокая», на которой «лежит зверь со звериною, змея лежит со змеями» и «стоит столб да новоточенный», который «горит да разгорается, кругом искрами обсыпается» — и догадывается, что это семья ее будущего мужа и он сам, грозный и немилостивый. В причете-сне удивительно емкий и точный подбор символических образов, переводимых сразу же на язык действительности. Его обычная композиция — две части, в первой из которых рассказывается, что приснилось невесте, а во второй — что это означает. Фантазия исполнителей тут не знает предела, и многие причеты-сны можно считать лучшими образцами поэтического создания народа.

Художественная природа причитаний основана на широком использовании символов, метафор, метонимий, олицетворений. Олицетворяются такие понятия, как красная красота, неволя, воля, кручина, горе, забота и так далее. Они действуют, дают невесте советы, разговаривают друг с другом и с невестой. В причитании, как в сказке, могут встретиться воля с неволей:

Как вышла воля вольная
За славное чисто поле,—
Ей попали три дороженьки;
Везут неволюшку великую.
Как спросила воля вольная
У великой-то неволюшки:
«Ты куда едешь, неволюшка?»
Отвечала ей неволюшка:
«Еду к душечке, к красной девице...»

Как живое существо ведет себя в причитаниях и баня-паруша, где по обряду начинается цепочка драматических эпизодов прощания с девичьей жизнью. Баня может брать с невесты дань:

А взяла-то баня-паруша
Больши дани, больши пошлины,
Взяла красоту-то красную,
Всю девичью волю вольную...

Баня может превратить «волю» в белый пар или лебедушку, утушку и выпустить их в окно или дверь, не пожалев девушку.

Метафорические и символические образы причитаний устойчивы и ассоциируются с определенными понятиями и лицами. Так, невеста всег-

да — белая лебедушка, кукушечка сыроборная, недозрелая ягодка, травинка недоспелая и так далее (круг этих образов очень широк); жених — ясный сокол, селезень, соловей, горностаюшко; отец — «крепка стена родовая»; мать — «угревно красно солнышко»; счастливое девичество — зеленый сад, лазоревый цветочек. Таких замен множество, и они вместе с широким набором эпитетов и сравнений делают причитания неповторимым творением исполнителя.

Величальные свадебные песни, как правило, не были связаны с конкретным обрядом: они рассказывали не об обряде, а о человеке, и должны были, как и календарные, восхвалить величаемого и его род, его гостей, окружающую их обстановку.

Истоки величальной песни следует искать в древних магических обрядах, исполняя которые верили, что действием и словом можно обеспечить величаемому благополучие. В более поздний период величания стали песнями-пожеланиями, песнями-описаниями, песнями-восхвалениями, адресованными конкретному лицу. За такие песни полагалось платить.

Мир величальных свадебных песен чрезвычайно разнообразен и близок к колядкам, подблюдным песням, которые нередко «отдавали» свои темы и образы величаниям. Художественная природа свадебных величаний отлична от лирических свадебных песен. В них почти не развит сюжет, шире используются приемы идеализации восхваляемого — преувеличение его красоты и богатства, его силы и ума, — поэтому в этих песнях множество эпитетов с оттенком положительного значения, много красочных сравнений, упоминаются предметы из золота, жемчуга, серебра, парчовые ткани и дорогие предметы домашнего обихода. Все в таких песнях звенит, переливается радужными красками, радует взор.

Молодец в таких величальных песнях не просто красавец, а идеальное совершенство: он белый, кудреватый, умный-разумный, «чистый да речистый», с желтыми кудрями, которые «словно жар горят», у него «очи ясного сокола», «брови черного соболя», он «во садике родился, в медпатоке окунулся». И одет молодец соответственно своей красоте: «на кудрях шляпа черная <...> с бразументами, с алым лентами», «тулуп до земли, кушак шелковый». И конь под стать молодцу: вороной, с сивой гривой, на нем седельшки кованые, «повода-шлей шелковые», золотая узда, он ест пшеницу и пьет только ключевую воду.

Идеально красива и девушка, к которой едет молодец на таком необыкновенном коне: «Без белил она белешенька, Без румян румянешенька». Ходит девушка гордо и плавно — «не стряхнется, на сторонку не оглянется» (то есть по сторонам), одета она в алое платье, «на головушке шалевый платок», она умеет шить шелками и низать жемчуг.

Богатыми, нарядными, умными выглядят и тысяцкий (на нем «шуба сорока соболей»), и сваха (она «умно речь ведет» — «что ни слово ска-

жет — сто рублей, а другое слово — тысяча»), и дружка (у него «мошна шелковая», полная золотых гривен, которыми он одаривает «красных девушек на румяна, маленьких ребятишек — на орехи»), и все гости.

В конце XIX — начале XX века репертуар свадебных величальных песен расширился за счет некоторых плясовых припевок, игровых посиделочных песен с «поцелуйным» концом, близких по смыслу к величаниям. Читатель встретит в сборнике часть таких песен.

Корильные песни — своеобразный антипод величальным. Это песни-насмешки, построенные по принципу величания, с использованием тех же художественно-изобразительных средств, в частности эпитетов, но имеющие отрицательное значение (иронический эпитет, гротеск, гипербола). Цель таких песен — высмеять кого-либо из присутствующих. Чаще всего насмешке подвергался только что восхвалявшийся в величальной песне сват, сватья, дружка, скупой расплатившийся за песню. Могли «корить» и поезд жениха, и его самого.

Корильные песни высмеивали все то, что противоречило нормам народной морали: лень, глупость, жадность, грубость и так далее. На внешность человека корильные песни почти не обращают внимания.

Выдумке народной нет предела — и в «корилках» проходит вереница бестолковых сватов, «леноватых» смутниц-свах, глупых поезжан, принимающих «грудницу» (кучу камней) за церковь и кланяющихся «коту с хвостом» вместо «попа с крестом», «ненаед»-дружек («кобылу съел — не наелся, да другую съел — задавился») и других юмористически изображенных персонажей.

По количеству вариантов корильные песни явно уступают величальным, и в этом сборнике они представлены небольшим числом образцов.

Кроме песен и причитаний на свадьбе исполнялись непоющие обрядовые произведения, древней основой которых являются магические верования: заговоры, загадки, приговоры. Все они дошли до нас в составе свадебного обряда, утратив в поздний период жизни свое религиозно-магическое значение и превратившись в традиционную игру сторон, зачастую с элементами балагурства и скоморошества.

Приговоры — наиболее интересный среди них жанр, со своей историей, значением в обряде, поэтикой, определенным исполнителем (как правило, дружкой). При произнесении приговоров требовалось соблюдение ритуала и знание заговоров, способствующих благополучному завершению свадьбы и оберегающих жениха и невесту от «сглаза», «порчи» и других неприятностей. Есть сведения, что первоначально приговоры на свадьбе были «собственностью» лиц, которым приписывались необыкновенные способности влиять на людей — знахарей и колдунов. Их боялись и почитали, поэтому на свадьбе им отводилась почетная роль охранителей молодых. До нас дошли описания свадебных обрядов с рассказами о

действиях этих лиц — с целью оберегов или, наоборот, порчи молодых, — не только XIX века, но и наших дней, от пожилых исполнительниц.

Приговоры по форме исполнения, их значению в обряде и содержанию разнообразны. Они могли быть пространным монологом дружки, в котором он от первого лица перечислял все действия свои и свадебников, называл всех присутствующих, давая меткие характеристики. Приговоры могли произноситься в форме вопроса и предполагали обязательный ответ, за которым следовало ритуальное действие, а могли быть просто веселым диалогом дружки и кого-либо из находчивых присутствующих.

Особый интерес представляют приговоры, связанные с порядком обрядовых действий. Именно в них сохранились следы древней основы: заклинательные формулы, эротические намеки, недоговоренности, насмешки. В этих приговорах встречаются и более поздние привнесения — мотивы некоторых молитв, имена святых с закрепляющей формулой — аминь (верно, истинно).

Приговоры, как правило, ритмизованны. Их язык — это образная народная речь с меткими сравнениями и эпитетами, преувеличениями и оксюморонами (контрастными сочетаниями слов, создающими в приговоре комический эффект), со множеством слов с уменьшительно-ласкательными или уничижительными суффиксами.

Приговоры, исполненные поэтически одаренным дружкой, становились в ряд лучших произведений народного искусства слова.

Похоронные причитания (плачи, вопли, причеты), как считают исследователи, являются наиболее древним жанром народной обрядовой поэзии, давшей жизнь другим видам причети — свадебной, рекрутской, бытовой.

Как и свадебная, похоронная причеть связана с обрядом. Корни похоронного обряда и похоронной причети уходят в глубокую даль времени и связаны с магической верой в силу умершего, в его способность вредить оставшимся на земле родственникам. Похоронный обряд славян был хорошо развитым ритуалом проводов покойного в иной мир, состоящим из цепочки обрядовых действий, сопровождаемых причитаниями. До XVIII века причитания жили и в крестьянской, и в городской среде, и в слоях господствующего класса, но ко времени их интенсивной записи собирателями XIX века они стали в основном принадлежностью быта русской деревни.

В деревнях умели причитать многие женщины, и нередко по покойному причитали его близкие — жена, мать, дочь, сестра (причитания создавались и исполнялись преимущественно женщинами). Но не каждая

из них обладала поэтическим даром, памятью, набором фомул и тем, являющихся основой импровизации. Оплакать покойного поэтому приглашали известных плакальщиц. Талантливые вопленицы из северных районов России, где искусство причитывания в XIX веке достигло художественных высот, создали немало причитаний — своеобразных поэм, рассказывающих о судьбе русского крестьянина.

Более 30 тысяч стихов причитаний (похоронных, свадебных, рекрутских) записано Е. В. Барсовым от упомянутой уже И. А. Федосовой (1831 — 1899). Она создала уникальные похоронные причеты о народных заступниках, наполненные социальным звучанием: «Плач о старосте» (см. № 754), «Плач о писаре», «Плач о попе, отце духовном» и другие.

А. М. Горький, слушавший И. Федосову в 1896 году, был потрясен ее плачами. «Федосова была пропитана русским стоном», — писал он в очерке «Вопленица». Ф. И. Шаляпин, тоже слушавший Федосову, признавался, что только «в ее изумительной передаче» ему «вдруг понятна стала глубокая прелесть народного творчества».

Следует упомянуть об одном из необычных плачей И. А. Федосовой, исполнявшемся от имени вдовы «упьянсливой головушки» — крестьянина, погубленного пьянством.

Уж как я жила, печальная головушка,
За безумной за надежной державушкой,
По царевым кабакам да находилася,
У питейных я домов да настоялася,
Я за выручку глядела — надрожалася,
Назвалась свою надежицу, накланялась,
Я бесчестьица, победнушка, наслухалась,
Уж я смертных побоев натерпелася!¹

В причитании воссоздана тяжелая картина жизни семейства покойного и точно передано чувство женщины, упрекающей «горькую пьяницу» за разорение «крестьянской жирушки» и в то же время жалеющей и его, и себя, и детей-сирот: «Не радю многим добрым я людюшкам, Столько жить да ведь за горькима за пьяницам!»

Высокохудожественные образы похоронной причеты оставили нам и другие талантливые вопленицы: Богданова, Голубкова, Пашкова, Крюкова, ученица Федосовой — Лобачевская.

В похоронных плачах боль и переживания от потери близкого человека причудливо переплетаются с реальными жизненными наблюдениями, со знанием мира природы, практическим разумом. Плачи используют всю систему поэтических средств (символику, метафоры, сравнения, эпитеты), а также широкий набор устойчивых формул и сочетаний слов, по-

¹ Барсов. Т. 1. С. 272.

нятных всем слушателям: надежная головушка — это муж, кормилец; стена городовая — заступник; головушка кручинная, печальная, многопобедная — жена покойного; жемчужинка скачена — сын; колода белодубова — гроб; жирушка крестьянская — хозяйство; трудная постелюшка — болезнь; уличка крещенская — кладбище и так далее. В сборнике помещены единичные образцы похоронной причеты, но и они помогут читателю понять особенности этого жанра.

Рекрутские причитания в системе русской причеты — жанр более позднего происхождения, возникший на основе похоронных причитаний и потому близкий к ним по своим приемам выражения эмоций, художественно-изобразительным средствам и обрядности. Исполнялись они в момент проводов новобранцев на царскую службу или по возвращении их домой. Рекрутчина была тяжелым уделом молодых парней, которые уходили из дому на долгие годы, поэтому в причитаниях женщины оплакивали рекрута как покойника, рисовали картины бедственного положения семьи без кормильца и помощника, сетовали на свою участь, пеняли «властям грозным», разлучающим их с сыновьями и мужьями «дорожкой», которой «конца и краю нет», и даже грозили «проклятым злодеям супостатным»:

Распорола бы я груди этой некрости,
Уж я выняла бы сердце тут со печенью,
Распластала бы я сердце на мелкие куски,
Я нарыла бы корыто свиньям в месиво,
А и печень я свиньям на уеденьице¹.

Близки к рекрутским солдатские причитания. В них рассказывается о военных сражениях, оплакивается горькая участь русского солдата, воссоздается палочный режим царской армии, где и без повинности «и до ран да бьют <...> до кровавых», где «скрозе строй гонят несчастных солдатушков». В таких причитаниях личный характер жалобы перерастал в социальное обличение жизни и режима царской России.

В. И. Ленин, ознакомившись со сборником Е. В. Барсова «Причитанья Северного края», где были помещены «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские», назвал эти причитания «ценнейшим материалом», характеризующим «проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека». Он замечает: «Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомнен-

¹ Барсов. Т. 2. С. XXIV.

но отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение»¹.

Количество дошедших до нас рекрутских и солдатских причитаний невелико, и лучшие из них принадлежат И. А. Федосовой.

Заканчивая характеристику жанров семейной обрядовой поэзии, следует хотя бы коротко сказать об еще одной разновидности причитаний, не связанной, как правило, с каким-либо обрядом — о *бытовых причитаниях*. Возникали они, как и рекрутские, на основе поэтики похоронных причитаний, поэтому в них встречаются те же приемы создания образа и выражения чувств и та же особенность исполнения — ритмичное припевание с обрывом («проглатыванием») одного-двух последних слогов заключительного слова каждой строки, сопровождаемое всхлипываниями, вздохами, восклицаниями.

Бытовые причитания исполнялись по поводу какого-либо бедственного случая или важного в жизни семьи события: болезни, пожара, падежа скота, засухи, разлуки с близкими, строительства дома и по другим многочисленным случаям, поэтому они разнообразнее по содержанию, в них обнаруживается большее внимание к деталям, к последовательности в рассказе о случившемся. Причитывая, например, по поводу страшного бедствия — пожара, причетница объясняет, как это случилось:

Зажигала воскову́ свечу
Перед чудным перед образом...
Как от той от восковой свечи
Показались дымочки,
Запылали огонечки
По крестьянской по деревенке!

Рассказывая о болезни сына, вопленица упоминает «больницы белокаменные», «докторов немилостивых», которые «режут телушко» сына «ножичком булатным»; сетует, что семья «на тундрах поселилася», где «нет машин да сухопутных, пароходов скороходных», чтобы добраться поскорее до «сына баженого» (любимого).

Оплакивая конкретные печальные события, причетницы, благодаря использованию традиционных эпитетов, сравнений, уменьшительно-ласкательных суффиксов, возвели в ранг поэзии далеко не поэтичные образы. Причитания стали лирической жалобой женщины на свою судьбу.

В таких причитаниях ощутимее индивидуальность исполнительницы, в них сильнее, чем в свадебных и похоронных, проявляется импровизационное начало, ведь причетница рассказывает о том, что случилось только с ней, только в ее семье и может не повториться с другими.

¹ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве // Сов. этнография. 1954. № 4. С. 117 — 131.

Бытовые причитания, не связанные с исполнением какого-либо обряда, оказались жизненным жанром и записываются собирателями и в наши дни.

Фольклор русского народа, в том числе и обрядовый, с которым предстоит познакомиться читателю этого сборника, — это память о прошлом, это часть нашей национальной культуры. Поколения не уходят бесследно: остается накопленный опыт, традиции, язык, фольклор, литература, музыка. Новые поколения, создавая свою культуру, нередко обращаются к древним корням своей истории, и чем крепче эти корни, тем самобытнее современная культура. Это прекрасно понимали деятели литературы и искусства XIX века. Поэтому, когда в начале прошлого века общественная мысль России обратилась к историческим судьбам своего народа, именно фольклор оказался неисчерпаемым источником знаний о народе, его духовной жизни, мостом, связывающим настоящее с прошлым.

Интерес к фольклору отмечен на протяжении всего XIX века. Один за другим выходят собрания сказок, пословиц, духовных стихов, песен, обрядовой поэзии русского народа. Появляются научные исследования в области языка и поэтики фольклора, его истории и судеб. Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский — вот далеко не полный перечень тех, кто создал науку о фольклоре.

Не исчез интерес к народному творчеству и в наши дни. И хотя «верхний пласт» фольклора снят собирателями и учеными прошлого, мы и сейчас обнаруживаем прекрасные образцы народного искусства слова, наблюдаем возрождение некоторых старинных обычаев и обрядов. Как свидетельствуют фольклорные публикации последних лет, в памяти народной хранится немало из того, что родилось в глубокой древности, а во многих районах страны еще живы некоторые календарные обряды и звучат на свадьбах старинные песни и величания. Созданное народом искусство бережно сохраняется в веках, так как в нем отразилась совесть нации, ее философия и гуманизм.

Предлагаемый читателям сборник объединил все основные жанры русской обрядовой поэзии, с особенностями бытования которой познакомил вводная статья.

Для того, чтобы мир песни раскрылся для читателя полнее, перед каждым жанром даются дополнительные этнографические сведения, а сами

песни и причитания, по возможности, помещаются в обрядовый контекст и даются связанными «блоками»: зимние календарные праздники и обряды, масленичные и весенние праздники, купальские и жнивные обряды, полное описание свадьбы одного из северных районов страны, типичной для общерусского свадебного обряда.

Образцы обрядовой лирики расположены в сборнике в порядке следования обрядов.

Тексты в квадратных скобках добавлены составителями для реконструкции памятников; угловые — указывают на пропуски фрагментов. Раздел «Календарные обряды» подготовлен А. Н. Розовым, «Семейные обряды» — В. И. Жекулиной.

В. И. ЖЕКУЛИНА,
А. Н. РОЗОВ

КАЛЕНДАРЬ ОСНОВНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Святки зимние	— 25 декабря — 6 января
Святые вечера	— 25 декабря — 1 января
Страшные вечера	— 1 января — 6 января
Рождество	— 25 декабря
Васильев день (Новый год)	— 1 января
Крещение	— 6 января
Масленица	— 8-я неделя до пасхи (обычно: вторая половина февраля — пер- вая половина марта)
Авдотья (Евдокия)	— 1 марта
Сороки	— 9 марта
Благовещение	— 25 марта
Великий пост	— начинается за 7 недель до пасхи, с понедельника сразу же после мас- леничной недели
Средокрестие (преполовление)	— среда 4-й недели великого поста
Вербное воскресенье	— предшествует пасхальному воскре- сенью
Великий («чистый») четверг	— на последней неделе перед пасхой
Пасха	— первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (обычно не ранее 22 марта и не позднее 25 ап- реля)
Фомино воскресенье	— первое воскресенье после пасхи
Егорьев (Юрьев) день	— 23 апреля
Вознесение	— на 40-й день после пасхи
Святки летние (они же: ру- сальная, семиковая неделя)	— 7-я неделя после пасхи
Семик	— четверг на 7-й неделе после пас- хи
Троица	— через три дня после семика (50-й день после пасхи), воскре- сенье
Духов день	— следующий после троицы
Аграфена Купальница	— 23 июня
Иванов день (Ивана Купала)	— 24 июня
Петров день	— 29 июня
Ильин день	— 20 июля
Семин день (день Симеона- летопроводца)	— 1 сентября, начало «бабьего лета»
Покров	— 1 октября
Кузьмы — Демьяна	— 1 ноября

¹ Все даты здесь и далее приведены по старому стилю.

ЗНАМЕНІЕ СВЯТЫИ

КОЛЯДОВАНИЕ

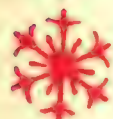
Наиболее торжественным, ярким и, пожалуй, самым древним из всех годовых праздников были зимние святки. Несмотря на то, что празднование Нового года 1 января было введено лишь в 1700 году¹, зимнее солнцестояние издавна считалось началом отсчета нового солнечного года. Христианская церковь приурочила к святкам три больших праздника: рождество (25 декабря) — начало святок, день Василия Великого (1 января) и крещение (6 января), завершающее святки; церковь же ввела в народный обиход и некоторые свои ритуалы и песнопения. Тем не менее знакомство с содержанием святочных обрядов показывает, насколько сильны в них дохристианские представления и верования.

В новогодней обрядности поражает обилие мотивов, связанных с весенне-летними крестьянскими работами, хотя, казалось бы, до этих работ еще далеко. В колядных песнях хозяин, которого колядовщики величают, ходит по двору с плугом, собирает хороший урожай, а на лугу пасется скот. Объясняется это тем, что первоначальной основой новогодних обычаев была так называемая «магия первого дня»: крестьяне верили в то, что все происходящее в первый день нового года распространяется на все последующие дни, месяцы, год в целом. Эта вера выражена в обряде колядования и в песнях, его сопровождающих.

Во время колядования его участники, а ими могли быть все деревенские жители, независимо от пола и возраста, ходили по селу и, войдя в ту или иную избу, чаще же, стоя под окнами, исполняли особые величальные песни, называемые по их припеву «колядками», «овсенями» или «виноградиями»². Содержание этих песен в значительной степени отражает

¹ До 1348 года Новый год официально отмечался 1 марта, а с 1348 по 1700 год — 1 сентября.

² Слово «коляда» восходит к латинскому *calendae* (название греко-римского зимнего празднества); в различных огласовках оно употребляется для обозначения заклинательно-величальных песен у славянских и многих европейских народов. У белорусов, украинцев и болгар колядою назывался и сам праздник. Неясной остается этимология слова «овсень», с его многочисленными фонетическими разновидностями: «та-

последовательность самого обряда колядования. Колядки, овсени и виноградия можно разделить на две большие группы, в зависимости от того, кому они предназначались: всей семье или отдельному ее члену. Среди колядок, предназначенных семье, распространены были песни, состоящие из зачина, основной части и концовки.

В зачине рассказывалось о приходе (или рождении) коляды на святки, о долгом и трудном поиске колядой или колядующими двора хозяина, называемого по имени¹.

Основная часть содержит величание, исконный смысл которого — вера в силу слова, способного «одним своим появлением произвести то, что им обозначено»². Самым ценным, жизненно необходимым для крестьянина было крепкое хозяйство. Поэтому колядное величание — это прежде всего пожелание небывалого, сказочного благополучия и богатства семье. В колядном величании нет ни одной детали из реального крестьянского быта. Вместо крестьянина перед нами — «господин», «боярин», «государь» или «князь»; вместо убогого дома — сказочный красивый терем; вместо бедной одежды — одежда достойная царя; вместо скудного урожая, убогой скотины — райское изобилие. Нередко к данному описанию присоединялось величание семьи: хозяин уподоблялся месяцу, хозяйка — солнцу (реже наоборот), дети звездам.

Иногда к величанию дома и семьи добавлялось пожелание хозяйственного благополучия, однако чаще всего эти пожелания поют уже после одаривания.

Просьба одарить может быть выражена в разных вариантах, но в любом случае, за редким исключением, в ней сохраняются своеобразные взаимоотношения между колядующими и теми, для кого они колядуют: первые имеют право требовать вознаграждение и порицать жадных хозяев, а вторые должны безропотно подчиняться колядовщикам. Ведь одаривание при колядовании — не просто плата, а своеобразный магический акт, призванный, как и весь обряд, обеспечить удачу семье в наступающем году. Колядующие просят и получают не что-либо из съестного, а только особую обрядовую еду: фигурное печенье, изображающее домашних животных («козульки», «коровки», «колядки»), «свиные ножки» (окорока) и «кишки» (колбасы). Причем вплоть до нашего века в сознании крестьян сохранился древний смысл этого одаривания: «Верующие

усень», «баусень», «усень». Этот термин встречается у русских, а также у некоторых народов Поволжья. Название «виноградье» исключительно русское.

¹ Уже сам приход колядующих к определенному хозяину предвещал благополучие в наступившем году.

² Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 2. Колядки и щедровки. Варшава, 1887. С. 59.

считают, что если хозяйка не подаст колядующим, то в хозяйстве на этот год не будет проку»¹.

Пожелание наряду с величанием составляло смысловое «ядро» колядок. Но если величание было выражено, как уже говорилось, условными образами, то пожелание — весьма конкретно. Именно здесь хозяину сулилось самое для него главное: урожай, плодovitость скота, здоровье домочадцев. Кроме того, если в семье были взрослые дети, то им предвещалась скорая свадьба.

В XIX веке колядование из магического обряда превратилось почти повсеместно в веселую детскую забаву. Это не могло не отразиться на содержании колядных песен. Их тексты сокращаются: выпадает величальная часть, максимально сокращаются зачин и пожелания. Таким образом, колядки, исполняемые детьми, состоят, по сути дела, из одной просьбы одарить. Кроме того, в качестве колядок могли исполняться различные песни из детского репертуара, к которым прибавлялась традиционная концовка.

Иная судьба была у овсеней и виноградий, предназначенных хозяину дома или, чаще, его взрослому сыну, хозяйке дома или взрослой дочери². Эти песни пелись обычно взрослыми девушками или женщинами. К их приходу хозяева относились серьезно и принимали с большим радушием. Исполнителей приглашали петь в дом, а после колядования сажали за стол с обильным угощением и потчевали особенно старательно, если они припевали сыну или дочке хорошую невесту или жениха.

Особое место среди индивидуализированных колядок занимают севернорусские виноградия — длинные, величавые «полуэпические» песни, с постепенным раскрытием художественных образов, с наиболее разработанной системой поэтических приемов.

Исполнение виноградий не только во время святочного обхода дворов, но и на свадьбах или даже на святочных вечеринках объясняется скорее всего тем, что эти песни адресовались одному и тому же кругу лиц, а набор поэтических средств величаний был устойчив.

Однако далеко не все моменты обряда находят свое отражение в тексте песен — колядки ничего не сообщают, как сбиваются в артель колядующие. Поэтому в сборнике приводится (№ 5) описание обрядового «мехоноши» — человека, несущего мешок для сбора даров. Он (она) же мог быть и вдохновителем действия и запевалой обрядовых песен. По мнению ученых, изучающих европейский обряд колядования³, сам облик ряженых, их

¹ См.: З е р н о в а. С. 17.

² Колядные песни могли адресоваться и другим лицам: вдове, вдовцу, мальчику, девочке, брату с сестрой, священнику и т. д. Колядовщики обычно знали песни на разные случаи.

³ В и н о г р а д о в а Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 149—150.

манера поведения свидетельствуют о том, что первоначальный смысл обряда — это инсценировка прихода духов умерших.

Кроме колядования на святки обходили дома и с обрядом «посевания», который сопровождался пением коротких песенок. Распространенный особенно у украинцев, этот обряд имитировал посев зерна и совершался обычно на Новый год детьми или пастухами. Он долженствовал обеспечить богатый урожай этому году.

Стремясь вытеснить дохристианский обряд колядования, церковь усиленно распространяла в крестьянской среде разного рода христославения, которые в одних местах полностью заменили колядные песни, в других — оба вида обходных песен довольно мирно сосуществовали. Часто взрослые колядовщики, придя в очередной дом, исполняли сначала церковные песнопения, а потом пели виноградия или колядки. В сборнике публикуются короткие детские «славы», представляющие собой своеобразную пародию на христославение.

С «магией первого дня» были связаны многочисленные святочные гадания, при помощи которых люди старались предугадать свою судьбу в наступающем году. Большинство гаданий совершалось во второй половине святок (от кануна Нового года до кануна крещения), называемой в народе «страшной неделей», так как существовало поверье, что в это время вся нечистая сила, побеждаемая воскресающим солнцем, устраивает в последний раз свой «шабаш». Любое же гадание, по народному представлению, невозможно без помощи ведьм, чертей, оборотней и прочих представителей нечистой силы.

Среди святочных гаданий особое место занимает так называемое «подблюдное» гадание, сопровождаемое короткими (от одной до десяти строк) подблюдными песнями.

Подблюдное гадание начиналось с прославления хлеба: эти песни предвещали достаток хозяевам того дома, в котором гадали. Затем в определенном порядке пелись песни, содержащие иносказательные образы, разгадка которых сулила гадающим счастье и богатство, свадьбу или безбрачие, разлуку, дорогу, несчастье, бедность, болезнь или смерть.

В подблюдных песнях поражает необычайное разнообразие песенной символики, далеко не всегда понятной современному читателю. Так, иносказание «Ходила корова по репищу, набила пузище тинищею» (№ 96), оказывается, сулит счастье. Разгадки одних и тех же песен в разных местах могли не совпадать. Например, песня «Мышь пишит, каравай тащит...» могла сулить либо смерть, либо богатство. Изменялся смысл песни в зависимости от адресата. Так, песня «Живут мужики богатые...» (№ 97) для молодежи предвещала брак, а для стариков — смерть. Последнее символическое истолкование использовал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»

(гл. V, строфа VIII). Наконец, в ряде случаев сами исполнители забывали исконную разгадку и давали песне свое толкование.

Некоторые поэтические формулы и отдельные строфы подблюдных песен оказываются сходными или даже общими с колядками, свадебными, игровыми песнями, частушками, сказками. Это объясняется и близостью их тематики, и заимствованием подблюдными песнями на позднем этапе своего существования элементов поэтики других жанров. По форме подблюдные песни сходны с загадками, а особая закрепка: «кому вынется, тому сбудется, тому сбудется, не минется», имеющая характер заклинания, сближает эти песни с колядками и заговорами.

Довольно часто подблюдное гадание сопровождалось игровой песней «Уж я золото хороню» (№ 166), а иногда и другими песнями (№ 167), не имеющими ничего общего с традиционными подблюдными.

Существовали и многочисленные беспесенные гадания (№ 169 — 247), которые в сборнике систематизированы в зависимости от того, что они предсказывают. Человека всегда волновало, что ждет его в новом году. В новогодних гаданиях участвовали все деревенские жители, независимо от пола и возраста, однако наиболее излюбленным занятием гадание было для молодежи, в первую очередь для девушек.

В. И. Чичеров, известный фольклорист-этнограф, выделил два основных типа гадания — в «форме примет-истолкований <...> и гадания в форме колдовства»¹. В последнем случае гадающие призывают предсказать им будущее нечистую силу. Этот тип гадания считался самым верным, но и самым страшным. Поэтому неслучайно сохранилось множество записей рассказов о гаданиях, закончившихся трагически.

Некоторые гадания сопровождалось произнесением коротких заклятий (№ 227). Такие гадания, в известной степени, сближались с подблюдными гаданиями, с их обязательной концовкой-закрепкой.

В течение двух недель все деревенское население собиралось на вечеринки, так называемые «игрища», на которых пелись хороводные, плясовые песни, частушки, устраивались всевозможные игры, разыгрывались сценки, приходили ряженые.

Ряженье было одним из любимых развлечений молодежи. Некогда ряженье, как и все прочие обряды, было наделено смыслом и связывалось с культами плодородия и предков², но с течением времени оно прев-

¹ См.: Чичеров. С. 89.

² Сохранилось мало описаний сценок, разыгрываемых ряжеными. И тем не менее совершенно очевидно, что наиболее популярными святочными играми ряженных была игра в свадьбу, имитация различных сельскохозяйственных работ, игра в покойника. Все они генетически восходят к первоначальной функции обрядного ряженья. (Подробнее см.: Фольклорный театр /Сост., предисл., коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., 1988.)

ратилось в чисто комедийное представление, в котором участвовали бытовые персонажи («старик», «старуха», «поп», «нищий», «горбун», «цыган», «цыганка», «солдат»), а также персонажи, изображающие нечистую силу («черт», «кикимора», «баба-яга»), животных («конь», «коза», «медведь»). Часто эти ряженые, разбившись на пары («старик» — переодетая женщиной женщина, и «старуха» — мужчина в наряде женщины; «лекарь» и «больной», «цыган» и «медведь»), разыгрывали веселые, полные грубоватого деревенского юмора бытовые сценки. Причем ряженые всячески старались остаться как можно дольше неузнанными, меняя для этого свой голос, придумывая особые наряды. Если же ряженого узнавали, то он должен был немедленно снять свой костюм и присоединиться к зрителям¹.

Среди деревенских парней были распространены всевозможные святочные шалости. По мнению В. И. Чичерова, подобные действия некогда так же имели магический смысл: предрекали тому или иному дому, его хозяину несчастье, но постепенно они превратились в забаву, имеющую подчас форму жестокой шутки².

К последнему дню святок, крещению, церковь приурочила целый ряд христианских обрядов. Один из них был особенно распространен: в освященной проруби, чтобы очиститься от греха, купались те, кто рядился.

¹ Любопытен пример святочного обхода ряжеными домов с пением величальных песен, обращенных к каждому из членов крестьянской семьи (№ 252). Этот обход возник, очевидно, в позднее время, как подражание обряду колядования.

² См.: Чичеров. С. 131.

КОЛЯДОВАНИЕ

№ 1

Все молодые девушки и женщины собираются куда-нибудь в одну избу, между ними вертятся, конечно, и ребятишки. И тут-то начинаются уговоры о том, как провести вечер. «А хорошо бы ноне нарядиться!» — заявляет одна. «Какое ряжение, чай ноне Васильев вечер, пойдем виноградий петъ, али коляду!» — говорит другая. «Кочетка петъ, таусеньку!» — пищат маленькие. «Цыц вы, проклятые! — унимает толпа. — Пропasti на вас нет, чай вы поутору орете, так и вечером припала охота глотку драть! Мы вас!» — кричат большие <...>

Почти в каждом семействе приготавливаются на этот случай воложные (сдобные) кокурки и каракульки (уродливые фигурки из теста), которые и подаются колядчикам; для семьи же готовится по обычаю кашница со свиными ножками, а также пекут сочни (ржаные маленькие пирожки с пшеничной кашей).

№ 2

Девки с парнями ходят артельно. Подходят к дому парня и поют:

Как проть этого двора
Разливалася вода.
Как на этой на воде
Расстилалася трава.
Как на этой на траве
Стоит дров костер.
«Вам на что дрова?» —
«Нам пиво варить,
Нам сына женить.
Сынка Васеньку,

Нам взять ли, не взять
Красну девицу Настеньку».

Потом идут к девкину дому, которая с этим парнем-то гуляет, и поют:

Не стой, верба, на горе,
Становись, верба, во ржи.
Лучше ветер не берет,
Перепелка гнездо вьет.
А как Настина-то мать,
Она спрашивает ребят:
«Вы, робяты, кудреваты,
Не видали ль дочку Настю?» —
«Мы видать-то — не видали,
Только слыхом прослыхали.
Ванька ходит по двору,
Цапан носит до полу.
Спросят люди: «Чей такой?»
Настя скажет: «Милый мой!»

Потом идут к дому, где у хозяев нет детей, и споют им, хозяевам-то:

Как Иван-то живет хорошихонько,
У него жона хороша, да умнѣхонька:
Она пиво не пьет,
Вино в рот не берет.
Хоть и бражку не пьет
Золотым ковшом.
Она по двору пройдет,
Как павынька проплывет...

И просят колядку. У кого в доме невеста на выданье, пекут пирог с мясом, варят ногу свиную и дают на колядку <...>

№ 3

Мальчики и девочки ходят под Новый год по селу и заклинают овсенья.

Собираемся мы, рассказывает мальчик <...> гурьбою — человек пятнадцать; идем мы к какому-нибудь двору и шумим: «Дядя Устин, можно овсень прокликать?» Но дядя Устин — мужик сердитый — он нам в ответ: «Я вам такой дам овсень — ступайте от моего двора: метлой вас подженю». А мы давай дядю Устина ругать: «На двор тебе чер-

тей, на огород тебе червей, а на махоньких твоих ребят куриную слепоту!

Ну, девки и бабы, пойдете к дяде Гаврилу!»

Подходим мы к его двору: «Дядя Гаврил, дозвожь овсень прокликать?» Дядя Гаврил шумит добродушно: «Ну, ребята, кличь!» Вот мы и начинаем:

Бай овсень, бай овсень!

Мы ходили, мы гуляли по святым вечерам,

Мы искали, поискали дяди Гаврилова двора.

Как дяди Гаврилов двор весь тыном обтынен,

Весь тыном обтынен и кольцом обведен.

Среди его двора росла шелковая трава,

Как по той-то траве

Гуляла куня со куняточками,

Со малыми, со детяточками.

Мы шумим дяде Гаврилу: «Эй ты, дядя Гаврил, ты убей куну — сшей шубу себе и жене». И опять закричим:

Бай овсень, подавай совсем,

Кишку, ножку в верхнюю окошку.

Подавай блинов, пирога!

Если не дашь пирога —

Уведем корову со двора.

А не дашь блин —

Забьем в ворота клин!

Но дядя Гаврил испугался наших слов, несет блины, и пирог, и начиненную кишку, и поросячьи ножки и говорит: «Кто ваш мехоноша?» — «А вон она сидит на салазках». Гаврил подал ей, а мы снова шумим: «Спасибо Гаврилову дому — пойдём к другому! <...>»

№ 4

<...> Коляда в Пензенской губернии известна под именем таусеня. Местная оригинальность таусеня заключается в песнях и прибаутках, причитаемых таусенщиками (исполнителями таусеня) в честь хозяина или хозяйки дома, в который они пришли. Самый церемониал этой игры очень прост: с наступлением вечера под Новый год огромная толпа молодых парней и девушек отправляется по деревне из конца в конец кричать таусень. Они знают заранее, где будет им пожива, подачка. Вот остановились они на улице перед одною избой <...>:

«Ты сорока-дуда,
Таусень!
Ты летала куда?» —
«Я коней пасла». —
«А где кони?» —
«За ворота ушли». —
«А где ворота?» —
«Водой снесло». —
«А где вода?» —
«Быки выпили». —
«А где быки?» —
«За горы ушли». —
«А где горы?» —
«Черви выточили». —
«А где черви?» —
«Гуси выклевали». —
«А где гуси?» —
«В тростник ушли». —
«А где тростник?» —
«Девки выломали». —
«А где девки?» —
«За мужья ушли». —
«А где мужья?» —
«На печке спят,
На боку лежат».

После такой замысловатой интродукции, в которой много натуральной поэзии, один из таусенщиков поет:

Кишки, лепешки,
Свиные ножки
В печи сидели,
На нас глядели,
В котел хотели.
Жеребенок в печи ходит,
На хвосте пирог носит.
На ушах по лепешке,
На боках свиные ножки.

На это воззвание открывается волоковое окно, и из него, как из рога изобилия, щедрая рука хозяйки наделяет певцов различными произведениями своей кухни: свиные кишки, начиненные гречневою кашей и рубленою говядиною, составляют верх желания таусенщиков. С визгом и скрипом отворяются ворота: сам хозяин, низко кла-

няясь, от имени хозяйки просит гостей в избу отогреться.
Хор поет:

Летел, летел кочеток
Через тетушкин дворок,
Уронил он сапожок.
Таусень!
«Уж ты, тетушка, подай,
Ты, лебедушка, подай!» —
«Недосуг мне подавать:
Я коровушек дою,
Я телятушек пою!»
Таусень!
Жеребенок в печи ходит,
На хвосте он пирог носит,
На ушах по лепешке,
На боках свиные ножки.
Таусень!

⟨...⟩ Таусенщиков угощают ⟨...⟩ и просят повеселиться и потешить песенкою честную компанию. Но им не время: они спешат на новую поживу и благодарят хозяина и хозяйку причитанием, вроде следующего:

Как у дядюшки Вавилы
Хороша жена — разумница,
Хороша дочь — красавица.
У тебя ль, сударин Петр,
Свет Панкратьевич,
Не жена, а ясно солнышко —
Красавица Степанидушка,
Дочка умница-разумница.
У тебя казна несчетная,
Воронные кони борзые.
Век тебе, сударь, не стариться,
Ни о чем век не печалиться.

Неласковый прием таусенщиков разражается иногда над хозяином злою насмешкою. Таусенщики нецеремонны, а, пожалуй, споют:

Ты, седая борода,
Отворяй ворота!
Старый хрыч,
Подай пирога!
Не подашь пирога —

Изрублю ворота!
Таусень!

Или:

Ребята, ребята,
Поедьте в лес,
Нарубимте сосен,
Наколемте дóсок,
Намостимте мóстов.
Кому по мосту ехать?
(такому-то)
На сивенькой свинке?
(такому-то)
Мост подломился,
Свинка повалилась,
Старый хрыч (такой-то) провалился.
Таусень!

№ 5

Лишь только солнце начинает освещать макушки деревьев и заглядывать в окна крестьянских изб <...> из одной избы в другую начинают перебегать девушки и молодые женщины, подходят одна за другой; насобирается их человек пятнадцать или двадцать и даже более. «Мехоношу убирают!» — кричат ребяташки и бегут скорее под окно посмотреть. Среди избы стоит одна из отчаянных женщин; на нее надевают вывороченный полушубок; набивают большой горб, подпоясывают горстью конопей, на голову также навешивают конопля; из коноплей же приделывают бороду и усы, надевают рваную шапку и приготовленную суму.

Во главе своего мехоноши шествие трогается, направляясь в конец деревни; подойдя к крайнему дому, начинают петь <...>

Когда обойдут всю деревню, то идут на свою квартиру и начинают выкладывать на стол куски пирога, блины, чиненную кашей кишку, куски вареного мяса или ветчины; режут мелкими кусками и начинают есть. Иногда на них нападает толпа мужиков, отнимают у мехоноши сумку и уносят; обиженные начинают бранить мужиков на чем свет стоит.

КОЛЯДКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯЕВАМ ДОМА

№ 6

Каледа, маледа!
Ходила каледа по святым вечерам.
Зашла каледа к (имя и отчество) на двор.
У(имя) борода до шелкова пояса.
Дай ему, господи, доброго здоровья,
Ярицы оденье да пшеницы копну,
Семь лошадей ровно белых лебедей,
Пятьдесят быков, сто коров!

Тетушка, матушка!
Хлебца кусочек,
Лучинки пучочек,
Кокурочку с дырочкой,
Пирожка с начиночкой,
Поросячью ножку
Да жарену лепешку.
Не подашь лепешки —
Разобью окошки.
Не подашь пирога —
Разобью ворота!

(Получивши, еще прибавляют:)

Дай им, господи, всего-то всего!
Одна-то бы корова по ведру доила!
Одна-то бы кобыла по два воза возила!

№ 7

Как ходила каледа окануне рождества.
Как искала каледа Николаева двора.
Как пришла каледа к Николаю на двор.
Николаев-он двор, он не мал, не велик:
На семи верстах, на восьми столбах.
На восьми столбах, на высоких кораблях.
Столбы точеные, позолоченные.
А вокруг его двора железный тын.
На каждой тычинке по земчужинке.

Посреди его двора три терёмы стоят.
В первом терему — красно солнышко,
А в другом терему — месяц-батюшко,
А в третьем терему — часты звездочки.
Светел месяц — то хозяин во дому,
Красно солнышко — то хозяйюшка его,
Часты звездочки — малы детушки.

Не дари ты нас, хозяин, не рублем и не полтиной!
А если дашь пирога — полон двор живота!
Тебе триста коров, полтора ста быков!
На реку они идут — все помыкивают,
А с реки они идут — все поигрывают!

№ 8

Каледа, каледа!
Выходила каледа из Нова-города.
Как искала каледа государева двора.
Нашла каледа государев двор.
Государев двор не мал, не велик.
Не мал, не велик — на семидесят столбах.
На семидесят столбах, на семидесят верстах.
На всяком столбе по жемчужинке горит.

Здравствуй, хозяин с хозяйюшкою!
На полице есть пирог,
Ты не режь, не ломай!
Ты не режь, не ломай,
Лучше весь отдавай!
Кто подаст пирога,
Тому — двор бы скота!
Девяносто бы быков,
Полтора ста бы коров.
Они маслом бы цедили,
И сметаной бы доили!
А как на пролуб пойдут,
Пусть поигрывают.
А как с пролуби пойдут,
Пусть поигрывают.

Здравствуйте же, хозяин с хозяйшкою
И со всем твоим малютками!

Кто ничего не подает <...> тому прибавляют следующий куплет:

Не подашь пирога,
Так и нет живота.
Хоть и есть, так не в честь:
Пусть дегтем же доят,
И смолою вам цедят!

№ 9

Ой, овсень, бай, овсень!
Что ходил овсень по светлым вечерам,
Что искал овсень Иванов двор.
У Ивана на дворе три терема стоят.
Первый терем — светел месяц,
Второй терем — красно солнце,
Третий терем — часты звезды.
Что светел месяц — то Иван-хозяин,
Что красно солнце — то хозяйшка его,
Что часты звезды — то детки его.

Уж дай ему бог,
Зароди ему бог,
Чтобы рожь родилась,
Сама в гумно свалилась.
Из колоса—осмина,
Из полузерна—пирог
С топорище долины,
С рукавицу ширины.

Кишки и ножки в печи сидели,
В печи сидели, на нас глядели,
На нас глядели, в кошель хотели.
Скажите, прикажите,
У ворот не держите,
Кочергами не гребите,
Помелами не метите,
Винца стаканчик поднесите!

Благослови-ко, хозяинушко, коляду покликать!

Как ходила коляда по святым вечерам,
 Виноградье кудрявое, зеленое!
 Как искала коляда Иванова двора.
 Его-то двор на семи верстах,
 На семи верстах, на желтых песках.
 Вокруг этого двора все железный тын.
 Окол этого тына растет шелкова трава,
 А на каждой на травинке по жемчужинке.
 Как в самом-то дворе три терема стоят.
 В первом терему — светел месяц.
 В другом-то терему — красно солнышко.
 А как в третьем терему — часты звездочки.
 Светел месяц в терему — хозяин в дому.
 Красно солнышко — то хозяйюшка.
 Часты звездочки — малы детушки.

Полно коляду томить, пора подарить.
 Подай нам, хозяин, подачу,
 Ни малу, ни велику:
 Либо ставец круп, либо денег рубль.
 Благослови-ко, хозяйюшка, пивца из подпольица.
 Пирожка из залавочка, кокорочки с полочки!

Как у Васильевых ворот расстилалася трава.
 Таусень!

Расстилалася трава, трава-муравушка.
 Кому эту траву подкосить будет?
 Подкосить будет Василь Миколаичу,
 Подбирать будет Татьяна Михайловна.
 У Василья на дворе три терема стоят.
 Как во первом терему — светел месяц,
 Во втором терему — красно солнышко,
 Во третьем терему — часты звездочки.
 Светел месяц — Василь Миколав,
 Красно солнышко — Татьяна Михайловна,
 Часты звездочки — милы деточки.

Уж ты, тетушка Татьянашка,
Ты, дядюшка, ты — Васильюшка,
Вы нас будете дарить, мы вас будем хвалить,
А не будете дарить, мы вас будем хайть.

№ 12

Как пала, пала порошка, выпало снежку немножко.
Винограды красно-зеленое!
По этой по порошке колядовщички шли.
Колядовщички — красны девушки.
Кол этого двора — шелковая трава.
Шелковая трава, серебряный тын.
Хозяин наш далеко в поле живет.
Далеко в поле живет: на семи верстах.
На семи верстах, на желтых песках.
Создай-кося, бог, полный двор животных:
Избушку ребят, хлевушку телят!

Хозяй-кося, наделай-кося нас!
Наделай-кося нас, колядовщичков:
Либо с печи пирогом, либо с клетки решетом!
Не ломай, не гибай, пирог весь подавай!

№ 13

Коляда светлая!
Пришла коляда
Вперед рождества,
Вперед масленицы.
Зашла коляда
К Бардиным на двор.
У Бардиных на дворе
Стоит тын железной,
А у этого тына
Вереюшки точеные,
Столбы золоченые.
Дай вам, господи.
Скота, животá,
Корову с теленочком,
Овцу с ягненочком,

Лошадь с жеребеночком,
Свинью с поросеночком!

Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок!
Открывайте коробейки,
Доставайте копейки!

№ 14

Да виноградиё да красно-зеленоё!
Да уж мы ходим, не ходим спо Нову-городу.
Уж мы ищем, не ищем господинов двор.
Господинов двор да высоко на горе.
Да высоко на горе, да далеко в стороне
На семидесят верстах, да на восьмидесят столбах,
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой на маковке по замчужке,
Да на каждой на замчужке по ленточке,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит.
Да этот чей стоит дом, да чей высок новой терём?
Да этот дом стоит Филиппа Ивановича,
Да эти горницы Ирины Ивановны.
Да ты позволь, сударь-хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти, да на круто крыльцо взойти,
Да на круто крыльцо взойти, да за витое кольцо взять,
Да за витое кольцо взять, да спо новым сеням пройти.
Да спо новым сеням пройти, да в нову горницу взойти,
Да в нову горницу взойти, да против грядочки встать.
Да нам еще того повыше — на лавочку сесть,
Да нам на лавочку сесть, да виноградиё спеть,
Да виноградиё спеть, в дому хозяина опеть.
В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть.
Да как хозяин во дому, да как Адам во раю,
Да как хозяйка во дому, да как оланья в меду,
Да малы деточки, да часты звездочки.
Да нам хозяин-то дарил да золотую гривну,
Да нам хозяйка-то дарила бел круписчатый калач,
Да малы деточки да по копеечке.
Да золотую гривну мы в кабак снесем,
Да мы в кабак снесем, да на вине пропьем,

Да бел круписчатый калач да на закусочку съедим,
Да эти копеечки — на конфеточки.

№ 15

Ишо по полю, полю, да по широкому полю
Да виноградье красно-зелено моё!
По широкому полю да красны девицы идут.
Красны девицы идут, да разговаривают.
Разговаривают, переговаривают:
«Еще чей это стоит господина-то двор,
Господина-то Ивана Неофитовича.
Да ты позволь, сударь-хозяин, ко двору прийти,
Ко двору прийти, нам во двор зайти.
Нам во двор зайти, во новы сени.
Во новы сени, в нову горенку!»
Как хозяин со хозяйкой на кровати спят.
Между ними-то катается золотой перстень,
Самой больший сын — Александр господин.
Между ними-то катается жемчужина,
Сама большая дочь — Катеринушка.
Как хозяин со хозяйкой разговаривают.
Разговаривают, переговаривают:
«Ишо где-то мы будем сыновей-то женить,
Да куда-то мы будем дочерей-то отдавать?
Сыновей будем женить да во Нове-городе,
Дочерей будем давать в каменну Москву.
У нас гости-то будут из Нова-города,
У нас гостюшки будут московочки».

Еще дай бы хозяину жилося, былося, богатилося!
Двор со скотом да чулан с животом!
Ишо семьдесят быков да пятьдесят порозов.
Быки на воду идут, они помыкивают,
Да с водопою-то идут, они поигрывают,
Да подняли хвосты да на белые хребты.
На белы хребты, да на лопаточки.
Ишо чем будешь, хозяин, нас жаловати?
Да уж мы пива-то не пьем,
Вина в рот не берем.
Да золотой казны сколько сойдется.

О святых вечерах да о рождественские,
 Да виноградиё красно-зеленоё!
 Да там ходили девицы-виноградщицы,
 Да они ищут и поищут господинов новой двор.
 Да господинов новой двор он далеким-далеко,
 Да далеким-далеко, да высоким-высоко,
 Да на семидесяти верстах, да на восьмидесяти столбах.
 Да как на каждом-то на столбышке по свечке горело,
 Да по свечке горело, по жемчужинке висело.
 Присуди, сударь-хозяин, ко двору прийти.
 Да ко двору прийти, да на красно крыльцо зайти.
 Да на красно крыльцо взойти, да за колечушко взятí.
 Да на крылечушко взойти, да по новым сеням пройти.
 Да присуди, сударь-хозяин, в нову горенку взойти.
 Да в нову горенку взойти, да середь полу встать.
 Середь полу встать, да «виноградиё» спеть.
 И как во горнице новой стоит кроватька тесовая.
 Стоит кроватька тесова, да ножки точеные, позолоченные.
 Да на кровати перина да все пуховая лежала.
 И на перины простыня да не простого полотна.
 Да в зголовьях-то подушка пуховая.
 Да во ногах-то одеяло черна соболя лежало.
 Да тут и спит-посыпат тут и князь молодой.
 Да тут и князь молодой, да со своей госпожой.
 Да меж има-то тут катается злачан перстень.
 И как злачан перстень, да дума крепкая.
 Да и дума крепкая, и слово тайное.

Ты затем, сударь-хозяин, прирасплачивайся.
 Хошь и рупь, хошь и два, хошь полтину серебра.
 Мы золоту гривну на вине пропьем,
 А бел круписчатый калач на закуску съедим.
 Ты еще, сударь-хозяин, прирасплачивайся,
 Неси пивушка ведром, кати пива лагуном.

Той авсень, той авсень!
 Мы ходили, мы ходили
 По проулочкам, по проулочкам.

Мы искали, мы искали
Государев двор, государев двор.

Мы нашли его двор
Среди Москвы, среди Москвы.

Среди Москвы вереи пестры,
Подворотенки позолочены.

На дворе-то трава,
Трава шелковая.

Трава шелковая,
Полушелковая.

А в этой траве
Завелася куна.

Завелася куна
Со куняточками.

Со куняточками,
С дитеняточками.

Подыму я дугу,
Я убью ту куну.

Я куну убью —
Жене шубу сошью.

А куняточков побью —
Детям шапочки сошью.

«Кликать авсень» ходили ребята и молодые девушки. В ответ на одаривание желали хозяевам: «Дай бог вам сына в четыре аршина!»

№ 18

По этой по порошке колядовщички ишли.
Виноградье красно-зеленое!
Колядовщички, люди добрые,
Ходили, искали господинова двора.

Господинов двор далеко во поле стоит
На семи столбах, на желтых песках.
Кол этого двора шелковая трава.
Шелковая трава, серебряный тын.
Во этом во тыну стоит три терема.
Во первом терему светел месяц,
Во другом терему красно солнышко,
Во третьем терему часты звездушки.
Светел месяц — то хозяин во дому.
Красно солнышко — то хозяйюшка.
Часты звездушки — малы детушки.
А хозяина дома не случилось:
Он уехавши в каменну Москву
Суды судити и ряды рядити.
Он за суд берет по сто рублей,
За ряды берет по тысячи.
Домой едет и жене везет.
Жене везет кунью шубу,
Сынам-соколам — по добру коню,
Малым детушкам — по жемчужинкам,
Своим служанкам по сапоженкам.

Ты, хозяин, не томи! Поскорей подари!
А как нонешний мороз не велит долго стоять,
Велит скоро подавать:
Либо с печи пирогом,
Либо с клети решетом,
Либо пива коречок,
Либо денег пяточок,
Либо шей горшок,
Либо латку кишок!
Создай тебе бог
Полный двор животных!
И в конюшню конёв,
Во хлевушку телят,
И в избушку ребят,
И в подпечку котенят!

№ 19

Благослови-ко, бог, завтра новый год!
«Таусень, таусенько! Дома ли хозяйка?» —

Таусень, таусень!

«Ее дома нету: на базар уехала
Торги торговати, товар закупати:
А мужу-то шубка, а себе-ти юбка,
Сыновьям по шляпе, дочерям по ленте».
Летел сокол через батюшкин дворок,
Уронил сокол с ноги сапожок:
«Уж ты, Машенька-сестрица, выдь, подай сапожок!» —
«Мне теперя недосуг: я головушку чешу,
Я к обеденке спешу, женихов выбирать.
Кто бел да румян, тот и мой жених!»
У Михайлы-ти была рожь хороша:
Уколосиста, умолотиста —
Из колосьев две осьминки, из зернышка пирожок.
Не подашь пирога — мы корову за рога,
Не подашь лепешки — обольем окошки!

№ 20

За реченькой, за быстрою,
Таусень!
Огни горят калиновые,
Калиновы, малиновы.
Промеж огней стоит скамья,
На той скамье лежат гусли.
Лежат гусли неналаженные.
А кому эти гусёлушки налаживати?
А налаживать гусёлушки Гордеюшке.
А Гордея-то сударя да не случилося,
А уехал-то Гордей во Казань-город,
Суды судить суженые,
Ряды рядить ряженые.
Он и батюшке шлет добра коня,
Он и матушке шлет шубу на золоте,
Он и братцам-то шлет туги луки,
Туги луки, кленовы стрелы,
Он и сестрицам шлет золоты венцы.

№ 21

Пошли мы славить к добру господину,
добру господину.

Добра господина в дому не случилось,
в дому не случилось.
Хозяина звали во пир пировати,
во пир пировати,
Хозяюшку звали во стол столовати,
во стол столовати,
Сыновей его звали да на игрищо,
да на игрищо,
Дочерей его звали на сходбище,
да на сходбище,
Хозяина дарили да куньей шубою,
да куньей шубою,
Да все под атласом, да все под атласом,
Все под атласом, да все под зеленым.
Хозяюшку дарили, хозяюшку дарили,
Да сорок собольев, да сорок сибирских.
Сыновей его дарили, сыновей его дарили
По добру коню, да по вороному.
Дочерей его дарили, дочерей его дарили
Да по веночку, да по златому.

№ 22

«Дома ли хозяин?» —
«Дома нет». —
«Где же хозяин?» —
«Уехал на торг, соли купить». —
«Для чего соли?» —
«Мясо солить». —
«На что мяса?» —
«Сына женить». —
«На что сына женить?» —
«Чтобы пашеньку пахати,
Хлеба промышляти».

Ой тавсень, тавсень!
Мы ходим не гуляем
Со святым вечером поздравляем!
Хозяин дома, ой дома,
Хозяин, давай пирог!

№ 23

Усенья, усенья,
У ворот костеня.
Мы подходим к воротам,
К золотым вереям:
«Дома ль ваш хозяин?» —
«Его дома нету.
Он поехал в поле
Пашенку рассевать». —
«Дай ему бог:
Колосисто, молосисто,
Как из колоса — коврига,
Из полна зерна — калач».

Подай кишку, ножку
В заднюю окошку.
Подавай — не ломай,
Будет сын Николай.
Отломишь немножко —
Будет сын Ермошка.

№ 24

У Спиридона, у света, три ключика текут.
Виноградие красно-зеленое!
А и первый ключ — зелено вино,
А другой-то ключ — сладки меда.
Зелено вино пить хозяину.
А сладки меда есть хозяйюшке,
А свежу воду пить добру коню.

№ 25

Коляда, моляда,
Отворяй ворота!
Снеги на землю падали,
Перепадывали.
Со небес Христос,
Со ангелом Гаврилом,
Со Иваном-богословом.
Пресвята мати Мария

По божьим церквам ходила,
Божьи дани собирала,
Всем проводчикам сказала:
«Вы, проводчики мои,
Вы проведайте про то,
Про то, про ново́,
Про Христово рождество».
Прикатилось рождество
К господину под окно.
«Ты вставай, господин,
Разбужай госпожу.
Хлебом-солью накормлю,
Путь-дорожку укажу».
От села до села
Голова весела,
Сердце радуется,
Перерадуется.
У нашей-то матки
Телятки-то гладки,
Скачут через грядки,
Копытцами щелкают,
Хвосты задирают.
Хозяин да хозяйюшка,
С праздничком,
С именинничком!
Давай целком,
А не ломанком!
Пирог да шаньгу,
Серебряну деньгу!

№ 26

Овсень, овсень!
Как Иван-то господин
По новым сеням ходил,
Овсень, овсень!
Свою барыню будил:
Овсень, овсень!
«Вставай, барыня моя!
Овсень, овсень!
К тебе гости пришли,
Овсень, овсень!

Просят рюмку вина,
Овсень, овсень!
На закуску пирога». —
Овсень, овсень!

Подавай, не ломай,
Будет сын Николай!
Отломишь немножко,
Будет сын Кирешка!

№ 27

Под окнами кричат: «Черны воротá, бела борода, не
спеть ли вам таусень?»

Гуси-лебеди летели через кострицыны сени.
Таусень, таусень!

Миколой-то Михайлыч по горнице ходит,
Лизавету Николавну за рученьки водит.
Лизавете Николавне ручки пожимает.
Ручки пожимает, душой называет.
«Душа ль моя, душенька, Лизавета Николавна,
Лизавета Николавна, роди ты мне сына,
Роди ты мне сына, как белого сыра,
Роди ты мне дочку, как белу лебедку!
За эту услугу сошью лисью шубу».

№ 28

В бору стоит сосенка,
На сосенке — павынька.
Павынька летала,
Перышки роняла.
«Кому эти перышки?» —
«Михайле Иванычу
Перышки брати». —
«Зачем ему перышки?» —
«Шапочку пушити,
Шурьев-то дарити.
Шурья-то спесивы,
У них кони сивы.
На двор не въезжают,
Шапок не снимают».

Коляда! Коляда!
Ходила коляда
Вкруг сударева двора.
Сударев-то двор
Посередь Москвы:
Ворота пестры,
Подворотенки-позолотенки
Не браните коляду,
Не журите коляду!
Пышки, лепешки,
Свиные-то ножки
Все в печи сидели
Да на нас глядели,
Поесть захотели,
В кузов полетели.

Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой! С праздничком!

№ 29

Овсей, овсей
Шел по дорожке,
Нашел железце,
Сделал топорочек
Ни мал, ни велик:
С игольные уши.
Срубил себе сосну,
Наснастил мосточек.
По этому мосту
Шли три братца:
Первой-то братец —
Рождество Христово.
Второй-то братец —
Крещение господне.
Третий-то братец —
Василий Кесаринский.

Блин да лепешка
На заднем окошке,
Подавай, не ломай,
Не закусывай!
У хозяина в дому
Велись бы ребятки,

Велись бы телятки,
Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки <...> и т<ак> д<алее>.

Пение кончилось, и гурьба спрашивает: «Будет ли по-
даяние-то?»

№ 30

«Калёда, малёда,
Дома ли хозяин?» —
«Нету его дома». —
«Куда он уехал?» —
«В город по прутья». —
«На что ему прутья?» —
«Мост мостить». —
«На что мост мостить?» —
«Молодых приводить». —
«На что молодых приводить?» —
«Детей родить». —
«На что детей родить?» —
«По жолудки ходить». —
«На что жолудки?» —
«Свиней кормить». —
«На что свиней кормить?» —
«Разговляться».

№ 31

Овсень, овсень, каракульки.
Вскочил козел на барский двор.
«Пошто вскочил?» —
«Брусок искать». —
«На что брусок?» —
«Косу вострить». —
«На что косу вострить?» —
«Сено косить». —
«На что сено косить?» —
«Коня кормить». —
«На что коня кормить?» —
«Дрова возить». —
«На что дрова возить?» —

«Печку топить». —
«На что печку топить?» —
«Овсеньки печи». —
«На что овсеньки печи?» —
«Маленьким ребятишкам давать».

Баушка, сударушка,
Подай конька,
Родишь сына!
Не подашь конька,
Не родишь сына,
Родишь девушку,
Расшерёпушку!

№ 32

Василий Звездин,
Таусень!
По морю ездил,
Уронил перстень.
«Красная девица, подай!» —
«Я бы рада, подала,
На перине сажу,
Тебе жемчуг нижу!»

Пышки, лепешки,
Свиные ножки!
А вы не скупитесь
И нам поделитесь!
Таусень!

№ 33

Пришла коляда
Накануне рождества.
Хозяюшка, родна матушка,
Не ленись, подымись!
Ты подай пирога.
Как подашь пирога,
Целый двор живота.
Не подашь пирога,
Одна куричья нога.

Хозяюшка в дому,
Как оладейка в меду.
Ты подашь пирога,
Целый двор живота,
Не подашь пирога,
Одна куричья нога.
У скупого мужика
Загорелась борода.
Окуните помело в грязь,
Затушите бороду!
А у доброго мужика
Загорелась борода.
Окуните помело в молоко,
Затушите бороду.
Коляда, свят вечер,
У доброго двора
Есть жемчужная гора,
На горыной на травинке
По жемчужинке.
Коляда, свят вечер.

№ 34

Коляда, коляда
Накануне рождества.
Тетенька добренька,
Пирожка-то сдобненька
Не режь, не ломай,
Поскорей подавай!
Двоим, троим,
Давно стоим,
Да не вьстоим.
Печка-то топится,
Пирожка-то хочется!

№ 35

Как ходила коляда
Накануне рождества.
А кто даст пирога,
Тому двор живота.
Кто не даст пирога,

Тому двор чертей,
Огород червей!

№ 36

Коледа-моледа
Запросила пирога
У хозяина Ивана,
У хозяйюшки Прасковьи.
Подарите, не знобите
Коледовщичков!
У вас полным-полно
Всяких снедовьев:
На печном окошке
Блин да лепешки.
Подавайте, не ломайте,
Только крошки подбирайте,
Коледовщичкам!

№ 37

Таусень, таусень!
Дай блин, дай кишку,
Свининную ножку,
Всем понемножку!
Неси — не тряси,
Давай — не ломай!

(Если подадут:)

У доброго мужика
Родилась рожь хороша:
Колоском густа,
Соломкой пуста!

(Если не подадут:)

У скупого мужика
Родилась рожь хороша:
Колоском пуста,
Соломкой густа!

№ 38

Милёда, милёда
Запросила пирога:

«Кто не даст пирога,
Отворю ворота,
Кто не даст лепешки,
Выставлю окошки!»
Бундыриха с Бундырем
Две подушки с киселем.
Пятый хвостик
Пошел в гости.
Две монашки дерутся,
У них сумочки трясутся.
У них крошки летят,
Подбирают да едят.

№ 39

Из-за моря кума в решете приплыла.
Ай таусень!
Веретенами гребла, мочкой парусила.
«Ай чем, кумушка, тебя подчивати?» —
«У попа в саду воробей без заду!»
Мы зарежем воробья в четыре ножа.
Мы сварим воробья в пивном котле.
Мы разложим его на двенадцать блюд.
О ешь-ка, кума, не засаливай уса!

**КОЛЯДКИ,
АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯИНУ ДОМА
ИЛИ ЕГО СЫНУ**

№ 40

Как не Волга-река разливается,
Как не мурава-травка расстилается.
(Имя хозяина дома или его сына) на коне потешается,
(Имя хозяйки дома или ее дочери) перед ним унижается:
(Имя) ты господин, ты не езди в Мордву,
Не служи королю, служи нашему царю:
Как у нашего царя столбы точеные, позолоченные!
(Одна из хора скороговоркой:)

Дома ли хозяин с хозяйкой?
(Все хором:)
Подай денежку с копьем
Иль копеечку с орлом!

№ 41

Ой да не ясён сокол во поле увивается,
Ты усень, ты усень, увивается.
Что и Федор на коне-ти величается.
Ты усень, ты усень, величается.
Подходила к нему сера утушка,
Ты усень, ты усень, сера утушка.
Сера утушка его — родна матушка его.
Ты усень, ты усень, родна матушка его.
Говорила-то ему: «Ты не ездй во орду.
Ты усень, ты усень, ты не ездй-ка во орду.
Ты не ездй во орду, не служи королю.
Ты усень, ты усень, не служи королю.
Не служи королю, да служи белому царю.
Ты усень, ты усень, служи белому царю.
Да как у белого царя три беды стряслось.
Ты усень, ты усень, три беды стряслось.
Три беды стряслось, три несносные.
Ты усень, ты усень, три несносные.
Вот как первая беда — три церкви сгорело,
Ты усень, ты усень, три церкви сгорело.
Как вторая-то беда — растопились все кресты,
Ты усень, ты усень, растопились все кресты.
Как и третья-то беда — пошатились палаты белокаменные,
Ты усень, ты усень, белокаменные».

Не пора ли вам, хозяин, за усенюшку платить:
Ты усень, ты усень, за усенюшку платить.
Или жбан молока, или блюдо киселя,
Ты усень, ты усень, или блюдо киселя.
Или каши горшок, или мяса кусок,
Ты усень, ты усень, или мяса кусок.
Или сена клочок, или вилы в бок.
Ты усень, ты усень, или вилы в бок.

Девуцы-невесты, нарядившись в лучшие сарафаны и штофные шубки, в сопровождении женщины ходят только по тем домам, где есть женихи, и поют:

Не летай-ка ты, сокол, высоко,
Таусень!

Не маши ты крылами далеко.
Много бояров во Москве,
Нет боле крестьян по Русе,
Нет такого молодца,
Как Ивана Иваныча.
Он на добром коне поезживает,
Шелковой плеткой помахивает,
На высок терем поглядывает.
В высоком новом тереме
Сидит девица-душа,

(тут именуется одна из пришедших девиц-невест)

И бела, и румяна, хороша,
Что на грамотке написанная.

Жених угощает их вином, орешками, пряничками; конечно, более ту, которую намеревается сватать, а провожавшей их женщине дает небольшой ржаной пирожок.

Ох, не летай-ка ль ты, соколик, высоко,
Таусень!

Ох, да не маши-ка крылом далеко.
Ох, не примахивай кручинушку,
Ох, ко своей буйной головушке.
Ох, нет у вас такого сокола,
Ох, что Ивана-то Ивановича?
Ох, что Иван-то Иванович,
Ох, на добре коне поезживал.
Ох, шелковой плеткой помахивал,
Ох, красных девушек высматривал.
«Ох, ты открой, открой окошечко,
Ох, покажи свое мне белое лицо.
Ох, если ты мне полюбишься,
Ох, я тебя за себя возьму,

Ох, если ты мне не полюбишься,
Ох, я товарищам выхваляю тебя».

№ 44

Не летай-ка ты, соколик, высоко,
Не примахивай кручину к молодцу свет Ивану-удальцу.
Таусень, да таусень!

Он из горенки в горенку похаживает,
С гриденки на гриденку ступает.

Он полтиною ворота запирает,
По пяти рублей на окошке спокидает.

Насупротив его кельеночка стоит.
Во кельеночке сударыня живет,

Что на грамоте написанная,
Умом-разумом осыпанная!

№ 45

Во соборе у Михайла-архангела
Да виноградиe красно-зеленое!
Да зазвонили часту раннюю заутреню,
Да часту раннюю заутреню рождественску.
Да ото сну ли молодец да пробуждается,
Да со тесовой кровати опускается,
Да во козловы сапоги да обувается,
Да ключевой водой да умывается,
Да тонким белым полотенцем утирается,
Да против зеркала хрустальна снаряжается.
Да на расчес кудри да он расчесывает,
Да гребешок-от у него да зубу рыбьего,
Да зубу рыбьего да кости мамонта.
Да надевает на главу да черну шляпу пухову.
Да нарядился молодец, да во божью церковь пошел,
Да во божью церковь пошел, да на красно крыльцо взошел,
Да на праву руку встает да вот ко крылосу.
Он поклон-от кладет да по-ученому,
Да он молитву творит да все Иисову.

Да все бояра и крестьяна дивовались молодцу:
«Да это чей, это чей, да это чей молодец?
Да не заря ли, молодца, воспроиздила тебя,
Да не часты мелки звезды воссияли молодца,
Да не светел ли месяц воспоил, вскормил?» —
«Да уж вы глупые бояры, неразумные крестьяна,
Да уж и как же воспроизводит заря утренняя?
Да породила меня родима матушка.
Да воспоил меня, вскормил да сударь батюшка,
Да обшивали, обмывали родны сестрицы».
Ты затем же, молодец, тебе жениться пора.
Тебе жениться пора, да время свататься,
Что на той же на невесты, на девицы душе красной,
Да по имени-то Анне Павловне.

№ 46

Таусень!

Благослови-ка, бог, утра Новый год!
И святые вечера!
Как у месяца золотые рога,
А у красного солнца очи ясные.
У Ванюшки кудри русые порасчесанные,
По плечикам кудри разложены.
Выходил же Иванушка на улицу играть.
Он на улицу играть, в калену стрелу стрелять.
Соезжались, солетались все бояре-господа.
Все бояре-господа дивовались:
Как и чье это детинушко порожено?
Породила его родна матушка,
Воспоил, вскормил родной батюшка,
Возлелеяла его больша сестра Машенька.

Кто и нас наделит, того бог наградит.
Уродил бы бог белу ярову пшеницу,
Уколосисту, умолотисту:
Из колоса осьминку, из зерна пирожок,
По ночевочкам пирог, по ночевочкам широк,
С топорище пирог высок.
Не томите, не морите красных девок под окном,
Подавайте, не ломайте, не закусывайте!

Среди-то двора, вдоль широкого,
 Таусень, таусень!
 Вдоль широкого растет травонька.
 Растет травонька, цветут цветики.
 Как по этой по цветам добрый молодец гулял.
 Добрый молодец гулял все и Шурынька.
 Его русые кудерышки по плечикам лежат.
 По плечам лежат, словно жар горят.
 Словно жар горят, да жениться велят.
 Пора дровы рубить, да и пиво варить.
 Да и пиво варить, да и Шурку женить.
 Да и Шурку женить, да и Тоньку замуж брать.
 Да и Тоньку замуж брать, да у Боковых взять.
 Да у Боковых взять, Чернышовым отдать.

Как у нашего хозяина рожь-то густа.
 Она рожь-то густа, умолотиста, чиста.
 Как из колосу осьмина, со зерна-то пирог.
 Со зерна-то пирог, он в ночевочках широк.
 Он у печки печен, красным девкам обречен.
 Ты неси, не тряси, подавай, да не ломай!
 Пышку, лепешку да свиную ножку!

Тут и ехали, наехали бояре-купцы.
 Таусень! Таусень!
 Срубили они рябинушку под самый корешок.
 Они тесали, повытесали рябиновы доски.
 Они делали, поделали звончаты гусли.
 Да кому в эти гусли играть будет?
 Что играть ли, не играть ли братцу Николаю Ивановичу,
 Что плясать ли, не плясать сестре Анне Ивановне.
 Как у молодца месяца крутые рога,
 А у нашего Николая Ивановича
 Вот кудрява голова, кудри в три ряда.
 Заливала, заплетала сестра его свет Анна Ивановна.
 Завивала, заплетала, приговаривала:
 «Когда реки разольются, тогда кудри разовьются!»

По морю, морю, морю синему,

Из-за Дунай!

Что по синему морю, по солóному

Там бежало, выбегало тридцать кораблей.

Тридцать кораблей бежало с единым кораблем.

Что един чёрной корабль да наперед он забежал.

Наперед он забежал, будто сокол залетал.

Что нос-корма у корабля по-звериному,

Что бока-то взведёны по-лошадиному,

Что на корабле бесёдушка серебряная,

Еще бархатна бесёда изукрашенная.

Что во той во бесёды — удалой молодец

Свет по имени Михайла да Александрович-сокол.

Да уж он ходит-гуляёт по чёрному кораблю,

Да уж он стружочки строгал, да во синё море спускал.

Уронил со правой руки злаченый перстень

Да он с правого любимого мизёнышка.

Он вскричал-закричал да зычным голосом своим:

«Да уж вы, ой еси, мои да рыболовы-молодцы!

Да завертывайте нёводы шелковые,

Да вы ловите из синя моря злачён перстень!»

Да рыболовчики Михайла не ослушались,

Они занётывали нёводы шелковые,

Они ловили из синя моря злачён перстень.

Во первой-от раз ловили и не выловили,

Во второй-от раз ловили — не попало ничего,

А во третий-от раз ловили — они выловили

Да они выловили три окуня златоперые.

Да уж как первой-от окунь-то во сто рублей,

Да уж другой-от окунь во тысячу рублей,

Да уж как третьему-то окуню — цены-то ему нет.

Да хошь и есть ему цена — да во Новё-городе,

Да есть оценщицки да в каменной славной Москвы,

Да есть закупщицки да в славной Вологде.

Да учёсала кудёрышка красна девица-душа.

Да красна девица — Антонида да Юрьевна.

Да затем буди здоров, да Михаил-молдец,

Да из отчества да Александрович-сокол.

Что подайте Михаилу на житьё да на бытьё,

Да Александровичу да на женитьбу молодцу!

Таусень!

Как поехал наш Иван в лес за охотою.
 В лес за охотою, да за работою:
 Всё за зайками, за горностайками.
 Тут и взял наш Иван все три повода.
 Он три повода, да все шелковые.
 Как подъехал наш Иван да ко синю морю.
 Ко синю морю, да ко Волынскому.
 Как раскинул наш Иван да все три повода,
 Он три повода, да все шелковые.
 Как поймал наш Иван да вороных троих коней.
 Как и первому коню — да девяносто рублей,
 А второму коню — да полтораста рублей,
 А ко третьему коню да цены-то ему нет.
 Как ему-то цена да у государя во дворе.
 У государя на дворе, за каменной за стеной.
 Как подъехал наш Иван да к широку своему двору,
 С ходу стукнул, потом брякнул золотой своей казной:
 «Не стучите, не гремите, да мою Катю да не будите.
 Моя Катя молодá, да на кроватиньке спала.
 На кроватиньке тесовóй, да на перине пуховóй.
 У ней есть и не есть няньки-баушки.
 Няньки-баушки, да сенны девушки».

Не пора ли вам, хозяева, дарить-жаловать,
 Не рублем да вам, хозяева, не полтиною,
 Хоть одною золотою, сударь, гривною,
 Хоть по рюмочке пивца да по стаканчику винца!

Летела пава через три оврага.

Таусень, таусень!

Летела пава через три оврага,

Роняла пава свои сизы перья.

Таусень, таусень!

Кому эти перья брати?

Таусень, таусень!

Кому брати, подбирати?

Иванушке-братцу во черную шляпу.
Таусень, таусень!
К обеденке ходити, на ухе носить.
Таусень, таусень!

№ 52

Ой баусень!
Под яблонькой под кудрявой.
Под кудрявой течет ручей.
По том ручью плывет селезень.
У батюшки есть сыночек.
Есть сыночек — Павел-государь.
Просился он, молился он:
«Пусти, батюшка, пусти, матушка!
На ручей погулять, селезня поглядеть!» —
«Дитя ль мое, дитятко,
То не селезень — разлука твоя:
Разлучить тебя хотят с отцом-матерью.
С отцом-матерью, с родом с племенем».
Ой баусень!

Подайте коровку,
Масляну головку!
Не обкусывайте,
Не обламывайте,
Не общипывайте!
Не давайте пирога,
А то корову уведем со двора!

**КОЛЯДКИ,
АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯЙКЕ ДОМА
ИЛИ ЕЕ ДОЧЕРИ**

№ 53

У Марьюшки у вдовушки на сдорочках,
Таусень!
Расстилалась мурава шелкова,
Убирать ее будет Марьюшка.

Во тереме у Марьюшки милы деточки,
Милы деточки, что звездочки.
У тетушки, у Марьюшки, часты бровушки.
«Ты тетушка, ты Марьюшка!
Подари-ка нас, недоросточков!
Ты будешь дарить — мы везде будем хвалить!
А не будешь дарить — всюду будем корить!»

№ 54

Как у кочета головушка краснехонька,
Таусень!
У Степана-то жена хорошохонька.
Она по двóру идет, ровно пава плывет.
Она в íзбушку идет, ровно буря валít.
Впереди-то сидит, ровно свечка горит.
В пологú она лежит, ровно зайка дышít.

№ 55

У Ивана-то у света жена хороша!
Виноградия красно-зеленая!
Кабы мне такова,
Я бы и толк и молол!
Я бы и толк и молол,
Я бы и по воду ходил,
Я бы и курам месил,
Я бы щи, кашу варил,
Обувал бы, одевал
Все вязовым подогом!

№ 56

Уж ты ягодка красна,
Во сыром бору росла.
Таусень, таусень!
Вот росла, росла, росла,
Больше выросла.

Не пора ли, не пора ль
Нашу Машу сватать?

Мы и свата пошлем,
И другого пошлем,

Мы и третьего пошлем,
И по рукам убьем.

Мы и Машу уведем
Ко чужой матери.

На чужую сторонú,
Ко чужому отцу.

№ 57

Уж как ягодка красна,
Таусень!
Земляничка красна.
От чего она красна —
Во сыром бору росла.
Так и Аннушка красна —
Что у матушки росла,
У матушки росла, умничала.

Подавай-ка пирог
Ты с лопату широк!
Ты неси, не тряси,
Либо сковроду кишок,
Либо каши горшок,
Либо вилы в бок!

№ 58

Виноградье красно-зеленое мое!
Захотелось Нюроньке во садик погулять.
Во садик погулять, соловьев прослушать.
Соловей-воробей — вор-обманщикек:
Обманул молодую на чужую сторону.
Ко чужому отцу, к чужой матери.

Таусень!

Среди двора да все растет трава.
 Все растет трава, да все шелковая.
 По траве-ти цветут цветы лазоревы.
 По цветам-то гуляет красна девушка.
 Красна девушка да все ведь Машенька.
 Как у Машеньки да есть коса руса.
 Есть коса руса да до шелкова пояса.
 По плечам-то все лежит да расстиляется,
 Чистым серебром кудерки завиваются.
 Тут и ехали бояре, дивовались над косами:
 «Что за косы, что за русы за шелковы волоса
 По плечам-то лежат да расстиляются,
 Чистым серебром кудерки завиваются.
 Что эту дитятку да воспроизло?
 Не красно ли ее солнышко спородило?
 Не светел ли ее месяц воспоил и воскормил?
 Не часты ли ее звезды воскачали-возлюляли?» —
 «Ах, вы, глупые бояры, неразумны господа,
 Воспроизло ее да родна матушка,
 Воспоил и воскормил да родный батюшка,
 Воскачали да возлюляли две родные сестры.
 Две родные сестры, да не частые звезды».

Не пора ли да вам, хозяин, дарить-жаловать?
 Не рублем-ти вам, хозяин, не полтиною,
 Хоть одною золотою, сударь, гривною,
 Хоть по рюмочке винца да по стаканчику пивца.

Пение предваряется разговором колядовщиков <...>:
 «Бабушка с дедушкой, аусеньки скричать, что ли?» — «Кри-
 чи!» — «Кому?» — «Соньке! Кóсу!»

То-аóсинь, то-аóсинь!
 А ты уж Сóнюшка честна́,
 С отцом с матерью росла,
 Кóсу русу заплела, приговаривала:
 «Ты расти, расти, коса,
 До шелкóва пояса.

Коснѣик до пят,
Жених догляд».
То-аосинь, то-аосинь!

А ты, бабушка, подай,
Ты, Варварушка, подай,
Подавай, не ломай,
Будет сын Николай,
Обломи немножко,
Будет Ермошка!

№ 61

Уж ты, клюковка, красна́ во сыром бору росла.
Таусень, таусень!

Василиса хороша все у батюшки росла.
Она тропочку тропила все узехонько,
Она богу-то молилась все низехонько.
Тут ехали бояре, сдивовались:
«Да уж чье это дитё богу молится,
Богу молится, низко клонится?
Мы пойдем, мы пойдем посвататься!
Мы не сами пойдем, мы людей пошлем.
Мы богатых мужиков, мы Курашкиных,
Мы Курашкиных, мы Степашкиных!»

№ 62

Не во далече-далече, во чистом во полі,
Да виноградіе красно-зеленоё!
Да что еще того подале — во раздолье широко́м,
Да там стояла береза кудрѣватая,
Да что кореньё у березы булатноё,
Да прутьё-листьё у березы серебряноё,
Да что вѣршинка у березы позолоченная.
Да под той белой березой кудрѣватою
Да тут стоял-постоял бел-полотняной шатер.
Да уж как полы у шатра — да рѣта бархата,
Да что припѣлки у шатра — да хрущатой камки.
Да что во том во шатри да красна девица сидит,
Да красна девица — Настасья да Митриевна.

Да уж как шила ширинку красным золотом,
Да вышивала ширинку чистым серебром,
Да она усаживала скатным жемчугом,
Да устанавливала самоцветным камешкам,
Да на первом-то вышивала божью церковь со крестами,
Да божью церковь со крестами, со чудными образами.
Да на втором-то вышивала светел месяц со зарями.
Да светел месяц со зарями, со частыма со звездами.
Да на третьём-то вышивала красно солнце со луною.
Да красно солнце со луною, со теплою маревью.
Да на четвертом вышивала чисто полё со травами.
Да чисто полё со травами, с шелковыми цветами.
Да на середке вышивала синё морё со волнами.
Да синё морё со волнами, со черными кораблями.
Да со черными кораблями, со белыми парусами.
Да со белыми парусами, со шелковыми флагами.
Да со шелковыми флагами, со служивыми людьми.
Да со служивыми людьми, да со матросиками.
Да тут и ходит-гуляет удалой молодец,
Да что по имени Александр-от Петрович-сокёл,
Да он кунцами-лисицами обвесился,
Да он черными соболями круг утыкался,
Да уж он шелковой тетинкой подпоясался,
Да он тугим лучком да подпирается,
Да небылыми словесами похваляется:
«Да кабы был, да кабы жил далеким-далекó,
Да далеким-далекó, да за синим за морём.
Да за синим да за морём, да на крутом бережку.
Да на крутом бережку, да на желтом на песку.
Да на желтом на песку, да во чистом во поли,
Да во чистом во поли, да у белá шатра,
Да я разбил бы, разрубил да бел-полотняной шатер,
Да уж я эту бы березу по коренье ссек,
Да уж этой бы ширинкой белой ус подтер,
Да уж я эту бы девицу за себя бы взамуж взял,
Да уж я эту бы девицу — Настасьюшку,
Да из отчества да сударь Митревну-девицу.
Да затем буди здорова, Настасея-девица,
Да из отчества да сударь Митревна-девица!
Да что подай, боже, Настасье на житьё да на бытё,
Да сударь Митревне-девице на выдаваньё!»

На горке ленок,
Коляда!
Зеленехонек растет.
Степанидушка ленок
Тонко прядет,
Звонко точёт.
Ей чарочку винца,
Братыничку пивца.
(Если не подадут:)
Сена клок,
Вилы в бок!

ПЕСНИ ОБРЯДА ПОСЕВАНИЯ

〈...〉 В первый день рождества 〈...〉 деревенский пастух отправляется по домам с мешком, наполненным рожью и овсом, за плечами. Он отворяет дверь, ведущую из сеней в избу и обращается к хозяйке со словами: «Держи подол!» При этих словах хозяйка становится против него, держа подол (фартук). Дальше пастух говорит:

Сею, засеваю
Овсом, рожью,
Милостей божью!
На крутой твoroжok
Пастушку пирожок!

При словах «Сею, засеваю 〈...〉» он бросает через порог три горсти зерен из мешка. Хозяйка должна подать пастуху «пирожок», о котором он говорит. Если же пастух замечает у хозяйки нежелание, он, чтобы предупредить ее, говорит:

А не дашь пирога — я корову за рога!

№ 65

В Новый год, на заре, «челядь» (дети) бегают по избам в одиночку или группами и «посеват» овсом <...> Зерна бросают в «перёдней» или «красной угол» (где образа — «бога»), а сами поют:

Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Со скотом, с животом,
С малым детушкам!

Маленьких «сеятелей», в которых видят предвестников будущего урожая «хлебушка» и нового счастья для людей, одаривают, чем только могут.

№ 66

Сею, вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю.
На новый год, на ново счастье
Уродись, пшеничка,
Горох, чечевичка!
На поле — копнами,
На столе — пирогами!
С Новым годом,
С новым счастьем, хозяин, хозяйюшка!

№ 67

Василия дома нету.
Бог его знает,
Где он гуляет.
Он ходит с плужком,
Сам господь с мешком.
Ручка золотая,
Сама подсеваает.
Куда ручка брыкнёт,
Туда зернышко падёт.
С Новым годом, с новым счастьем!
Пшеничка большая расти!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ СЛАВЛЕНИЕ

№ 68

В рождество ходили славить. Как обычай, делали звезду, кто большую, кто маленькую <...> Пели «Рождество твое...». Кто рождества славить не умел, тот «юльчика» пел. Им кто шанежку, кто копейку, кто побогаче — две, до пяти копеек давали. Взрослые отдельно ходили вечером. Эти деньги насобирают, купят квартиру у старика и старушки. За эти деньги и покупали. А некоторые были люди выделены — представители, так винограды пели. Им рубль или пятьдесят копеек давали...

№ 69

Звезда делается из палок, бумаги и слюды. В середине бывает склеенный из бумаги круг, в котором бывают и зажигаются восковые свечи. От круга протянуты по тонким палкам рожки (лучи). Для украшения звезда оклеивается цветами, разнovidною бумагой, и даже от конфет. Звезда прикрепляется к большой палке, так что она прикасается пола <...> от движения руками звезда делает беспрестанные обороты, за которыми освещаются пустые внутри из бумаги рожки, представление выходит привлекательное. Со звездой христославцы поют хором рождественские гимны <...> Со звездой ходят и днем и по вечерам. С нею ходят человека по три и по четыре, но, если звезда очень замечательна по своей величине, устройству и много в ней слюды, то к ней причисляется человек до десяти взрослых парней.

Выславленное партии христославцев делят между собою уравнительно, давая пай дележа более тем, кто делал звезду, кто доставлял на постройку ее материалы, кто носил ее в славенье, кто был мехоношей, т<о> е<есть> казначеем, или заведывающим общею калыгой, и кто был лучшим запевалой.

Христославам подают христославное: ржаные казули, крупитчатые и ржаные калачи, витушки и пряники, а также: всякие шаньги, муку и деньги. Бывает, что одна партия

со звездою насбирает в день денег до четырех рублей серебром.

ДЕТСКИЕ СЛАВЫ

№ 70

Славите, славите,
Сами, люди, знаете.
Я славить не умею,
Просить много не смею.
Отпирайте сундучок,
Вынимайте пятачок,
Мне, Ивану, на чаек!

№ 71

Славите, славите,
Сами, люди, знаете:
Христос родился,
Ирод возмутился,
Иуда удавился,
Мир возвеселился.

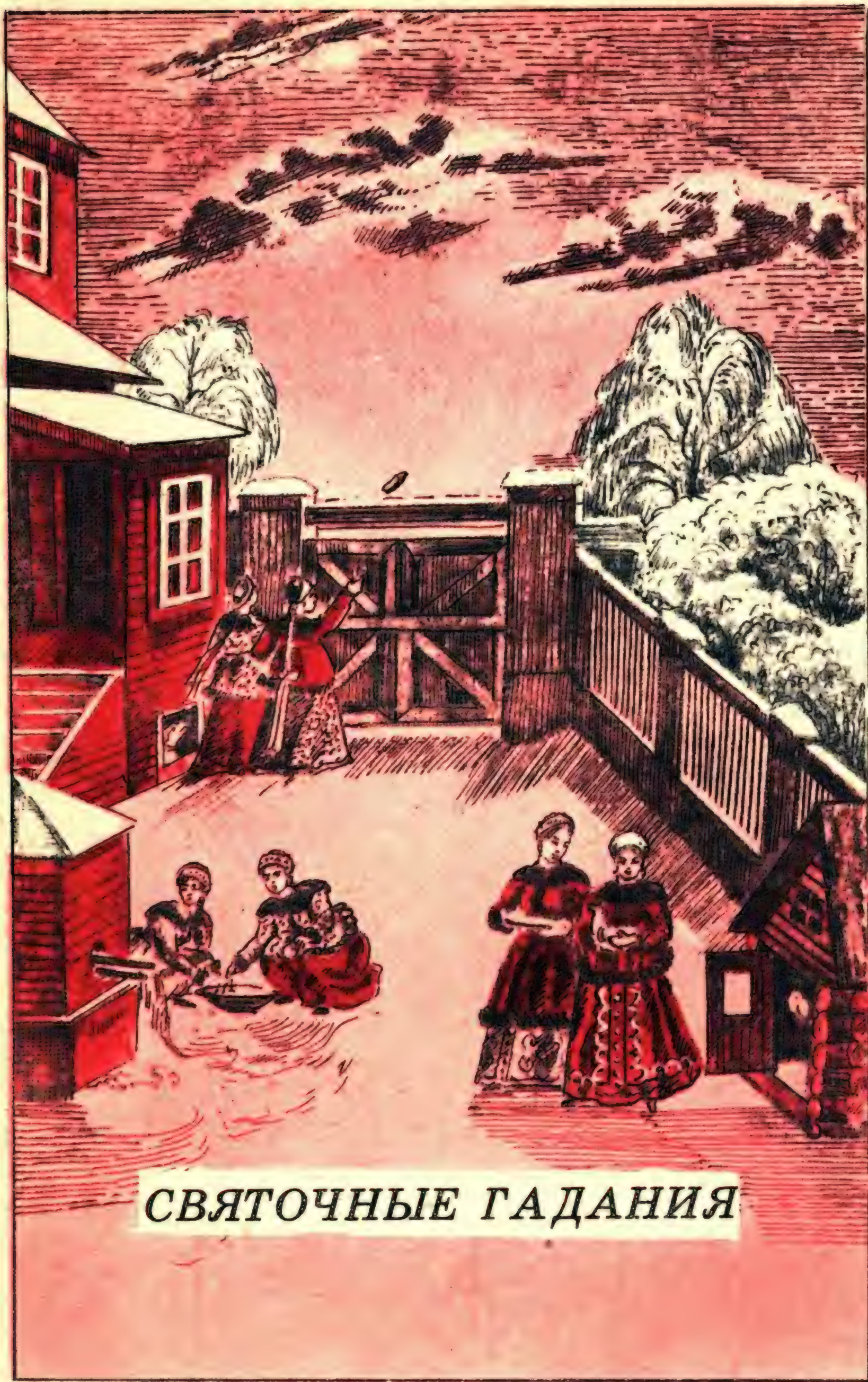
С праздником поздравляю,
И вам того же желаю!
Раскрывайте кису,
Вынимайте колбасу,
Больше не прошу!

№ 72

Хозяин с хозяйшкой, с праздничком!
С Христовым рождеством!
Не давай ломком, подавай целком,
Шаньга да копытце не ломается,
Серебряна копейка накидается,
Стопка вина подается!

Я, маленький юльчик,
Сел на стульчик,
В трубочку играю,
Христа поздравляю.
Хозяин с хозяйюшкой,
Поздравляю вас с праздничком,
С Христовым рождеством!
Подайте пятак,
Отцу на табак,
Матери на кофе,
Сестре на картофель.

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

ПОДБЛЮДНЫЕ ГАДАНИЯ И ПЕСНИ

№ 74

В наступившее время по заходе солнца из разных домов собираются девушки в одну назначенную ими горницу и начинают праздновать святки следующим образом: берут красное деревянное блюдо, покрывают его большою салфеткою, кладут на салфетку невеликой кусок хлеба и холодный уголь. Потом всякая загадывает на перстнях, на кольцах, на запонках и на многих еще таких же малых вещах. Касаются ими края блюда крест-накрест и кладут их под салфетку. Наконец садятся все рядом и запевают песню хлебу; по окончании ее ломают хлеб и делят его по себе, оные кусочки завертывают в рукав, с которыми они и спят для того, чтобы грезилась им принадлежащие к загадкам сны.

№ 75

Подтряхивали [блюдо] под песню <...> Все остальные, кто был там, и дети, старики и старухи — все пели <...> И мужчины <...> Все в деревне пели. Все поют, а один кто-то избранный из них, кто постарше, конечно, тот уже на лету должен хватать в блюде то, что положено. А что положено? Украшение для женщин, а у кого нет — то ложили наперстки, пуговицы, а для мужчин — так и мундштуки, у кого чего было — лишь бы оно брякало. Достают, например, мое кольцо и говорят: «Вот для тебя такая песня!» — и старший уже всем разъясняет, что это песня вот така — или взамуж выйдёт, или ты плохо будёшь жить, или ты заболеешь, или ты весело будёшь жить — всё про эту песню. И опять повторялось для следующего. И для всей деревни; все — сколько есть людей, — для всех и поют.

В некоторых местах подблюдное гадание начиналось с песни, под которую собирали кольца <...> Девушка берет тарелку и припевает:

(Девушке:)

Вился, вился соловей,
Да привился молодой
(имя девицы).
Молодешенька хороша,
Молода пригожа.
Она меня подарит
С буйной главы венчиком,
С правой ручки перстеньком.

(Холостому:)

Пожалуй-ка, молодец,
В наш сад посидети,
Зелен наградити.
Вечер у нас девушки
По саду гуляли,
Весь сад приломали,
Зелен притоптали.

(Женщине:)

Пожалуй-ка, тетушка,
Чем сад насадити,
Зелен наградити,
Чем дочь выдавати,
Чем зятя дарити.

(Женатому мужчине:)

Пожалуй-ка, дядюшка,
Чем сад насадити,
Зелен наградити,
Чем сына женити,
Чем сноху дарити.

Все снимают с рук по кольцу, кладут на тарелку и кому что угодно загадывают. Другая девица покрывает тарелку платком, опускает под платок руку на тарелку и, перемешавши, берет одно кольцо. Здесь все рассуждают, к чему эта песня спета.

ПЕСНИ ХЛЕБУ

№ 77

Еще нынче у нас
Страшные вечера
Да васильевские.

Йлею, йлею!

Мы не песню поем,
Хлебу честь отдаем.

Йлею, йлею!

Кому эта песенка достанется,
Тому сбудется, не минуется.

Йлею, йлею!

Тому жить бы богато,
Ходить хорошо!

Йлею, йлею!

№ 78

Хлебу да соли долг век.

Слава!

Боярышне нашей боле того.
Кому мы спели, тому добро.
Кому вынется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СЧАСТЬЕ И БОГАТСТВО

№ 79

Благослови, боже, нам перстни затреть.

Ой люлі!

Нам перстни затреть, нам песни запеть.

А чей перстенок, того и песенка.
Кому вынется, тому и оправдится.

№ 80

А дай, господи, годы добрые.
Ой люли!

Годы добрые, жито густое,
Чтоб было с чего пиво варить,
Пиво варить, ребят жанить,
Ребят жанить, девок отдавать.

Мы кому споем — и тому добро,
Кому вынется, тому и оправдится.
Тому оправдится, не минется.

№ 81

Сам Иисус Христос у ворот стоит,
Со скотинкою, с животинкою.

Кому вынется, скоро сбудется!

№ 82

Ходит Никола по погребам.
Слава!

Он полные бочки располнивает,
А неполные бочки дополнивает.
Кому мы спели, тому и добро,
Скоро сбудется, не минется!

№ 83

Ходит Никола по полю,
Ставит суслоны по ряду.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минется.

№ 84

Ай часты́, часты́ звезды на́ небе.
Ой люли!
А чашей того копы на́ земле.

Мы кому споем — и тому добро,
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 85

Нивка узенька, снопики ча́стеньки.
Ой люли!

Мы кому споем — и тому добро,
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 86

Стоит полоса нежатая.
Лады!

А рожь густа, не ужиниста.

Кому поем — тому с добром,
Тому сбудется, не минуется!

№ 87

Пошла наша коровушка в лес по дрова.
Думали, коровушка дров принесет.
Пришла наша коровушка с приполоном,
со теленочком.
Илею, илею!

Кому песню поем, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.
Илею, илею!

№ 88

Во поле березонька не старится,
все кужлявится.
Илия!

Что кому эта песенка достанется,
Тому сбудется, не минуется.

Тому жить-быть богато, ходить хорошо,
Ходить хорошо, не жалеть ничего.

№ 89

А ты, бабушка-мукосейница.
Ой люли!
Муку сеяла, пироги пекла.

Мы кому споем — и тому добро,
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 90

А ты, дѣжечка-мукосейница.
Ой люли!
Учиню тебя я немножечко,
А как по́смотрю — так ты по́лненька.

Мы кому споем — и тому добро,
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 91

Шли три девицы,
Шли три красные
Через быструю реченьку.
Де-де, слава!

Правая ступила:
Праву ноженьку смочила —
Сто рублей получила.

Другая ступила:
Леву ноженьку смочила —
Полтора́ста получила.

А третья ступила:
Обе ноженьки смочила —
Триста получила.

Кому вынется, тому сбудется.
На житьё, на бытё, на богатство.

№ 92

Сидит на перине, считает полтины.

Кому поем, тому сбудется, не минуется.

№ 93

На корыте сижу, я корысти жду.
Слава!

Я еще посижу и еще подожду.

Кому мы спели, тому и добро
Скоро сбудется, не минуется.

№ 94

На печи звезда
Высоко взошла!

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

№ 95

Идет щучка из Новá-городá,
Хвост волокёт из Белá-озерá.
На щучке чешуйка серебряная.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 96

Ходила корова по репищу.

Свят вечер!

Набила пузищо тинищею.

Кому поем, да тому добро!

Кому выйдется, тому сбудется!

№ 97

Живут мужики богатые.

Лады!

Гребут жемчуг лопатами.

Кому поем, тому с добром,

Кому сбудется, не минуется!

№ 98

Идет кузнец из кузницы.

Слава!

Шубенка на нем худёхонька:

Одна пола во сто рублей,

Друга пола во тысячу,

А всей-то шубенке цены нету.

Цена ее у царя в казне,

У царя в казне, в золотом ларце.

Да кому мы спели, тому добро,

Кому вынется, тому сбудется.

№ 99

Мышь пищит, каравай тащит,

Да еще попищит, да другой притащит.

№ 100

Лежит кошечка в печурочке.

Ой люли!

Обложила котенятками.

А чей перстенок, того и песенка.
Кому вынется, тому и оправдится.

№ 101

Идет медведь через реку,
Распыхался, раздыхался.
Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СВАДЬБУ

№ 102

Идут сваты богатые.
Лады!
Один сват в лаптях,
А другой в сапогах.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется!

№ 103

Идет кузнец из кузницы.
Слава!
Несет кузнец три молота.
«Кузнец, кузнец, ты скуй венец!
Ты скуй венец золот и нов,
Из остаточков золот перстень,
Из обрезочков булавочку.
Мне в том венце венчаться,
Мне тем перстнем обручаться,
Мне тою булавкой убрѹс притыкать».

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.

№ 104

Покачу колечко кругом города.

Слава!

Я за тем ли колечком сама пойду.

Как сама пойду, мила ладу найду.

Да кому мы спели, тому добро,

Кому вынется, скоро сбудется.

№ 105

Катилось зерно по бархату.

Слава!

Прикатилось зерно ко яхонту.

Крупен жемчуг со яхонтом,

Хорош жених со невестою.

Да кому мы спели, тому добро,

Кому вынется, скоро сбудется.

№ 106

По саду хожу, головú чешу.

Ой люли!

Мы кому споем, и тому добро.

Кому вынется, тому и оправдится.

Тому оправдится, не минуется.

№ 107

Висит полотенце в горенке.

Лады!

Придется ль нам с милым утираться им?

Кому поем, тому с добром,

Кому сбудется, не минуется.

№ 108

Брошу я подушечку через ворота.

Слава!

Упади, моя подушечка, на тесовую кровать!

Кому на этой подушечке спать-ночевать?

Что не отроку с отрочицею:

Доброму молодцу со девицею.

Кому песню поем, тому добро,

Тому сбудется, не минуется.

№ 109

Ах, ты мати, ты мати, порода моя.

Слава!

Еще выгляни, мати, в окошечко.

Ах, ты выкини, мати, опутинку,

Еще чем мне опутать ясна сокола.

Да кому мы спели, тому добро,

Кому вынется, скоро сбудется.

№ 110

Сей, мати, мучицу, пеки пироги.

Слава!

К тебе будут гости, ко мне женихи.

К тебе будут в лаптях, ко мне в сапогах.

Кому мы спели, тому и добро,

Скоро сбудется, не минуется.

№ 111

Ах, как на небе у нас да две радуги.

Слава!

Ах, как на дворе у нас да две радости:
Отец сына женит, дочку замуж дает.
Еще коробьи с двора, сундуки на двор.
Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется.

№ 112

Ой ты, щеточка-богатырочка.
Ой люли!
Покатилася в богатый двор.
В богатый двор, в солодкий мед.

Мы кому споем, и тому добро.
Кому вынется, тому и справдится,
Тому справдится, не минуется.

№ 113

За столами сидят, сарафаны кроят.
Да еще посидят, да еще покроят.
Кому поем, тому сбудется, не минуется.

№ 114

Пала иголочка во ящичок.
Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 115

Полно тебе, иголочка, в коробочке лежать.
Пора тебе, иголочка, дары припасать.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 116

Брякнула игла с висока терема.

Слава!

Полно шить мне на батюшку,
Пора мне шить да на ладушку.

Кому мы спели, тому и добро,
Скоро сбудется, не минуется.

№ 117

Брошу я ключи

Среди горницы:

Я вам не ключница,

Я вам не замочница.

Илия!

Кому вынется, тому сбудется.

Илия!

№ 118

За рекой хомут, за другою дуга.

Слава!

Перекину дугу я к тому хомуту.

Быть той дуге на том хомуте.

Быть той невесте за тем женихом.

Кому мы спели, тому и добро,

Скоро сбудется, не минуется.

№ 119

Соцепилися да два прутика.

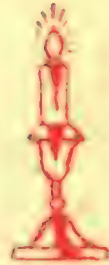
Ой люли!

Они сцепятся — не расцепятся.

Мы кому поем, и тому добро.

Кому вынется, тому и оправдится,

Тому оправдится, не минуется.

№ 120

Стоят саночки-малюваночки,
Ой люли, люли, малюваночки.
Только сесть на них и поехати.
Ой люли, люли, и поехати.

Мы кому споем, мы тому с добром,
Кому сбудется, не минуется,
Не минуется, дай достанется.

№ 121

Сокол летит из улицы.
Слава!
Соколинка из проулочка.
Слетались, целовались,
Сизым крыльям обнимались.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется.

№ 122

Идет котик дай по лавочке.
Ой ляле!
Ведет кошечку дай за лапочку.
Ой кому поем, ой тому добро.

№ 123

Уж кличет кот кошку в печурку спать:
«Ты поди, моя кошка, в печурку спать:
У меня, у кота, есть скляница вина,
Есть скляница вина и конец пирога.
У меня, у кота, и постеля мягка!»

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 124

Кур идет на сени.
Слава!

И курка с ним.
Кур клюет пшеницу —
И курка с ним.
Кур пьет сытицу —
И курка с ним.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется.

№ 125

Греблась курочка под окошечком.
Илялю!

Выгребла курочка ямочку.
В этой ямочке златый перстенок.
Брошу подушечку через ворота.
Думала: подушечка в грязь упадет,
Пала подушечка в золото, в чисто серебро.

Кому песню поем, тому выпоем.

№ 126

Сидит воробей на перёгороде,
Глядит воробей на чужу сторону.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 127

Сидит воробей, начищается,
В дальний путь за невестой собирается.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ БЕЗБРАЧИЕ

№ 128

На печке сижу да ошурки гложу.
Еще посижу да еще погложу.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 129

На печи сижу, сквозь потолок гляжу.
Ой люли!

Мы кому споем, и тому добро.
Кому вынется, тому и оправдится.
Тому оправдится, не минуется.

№ 130

На загнетке сижу,
Долги нитки вожу.
Еще посижу —
Еще повожу.

Кому вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

№ 131

Уж ты, щеточка-повалюшечка.
Ой люли!
Повалается по залавичью.

Кому сбудется, не минуется.
Мы кому споем, мы тому с добром.

№ 132

Под окном сосна, сосна колючая.
Кто прислонится, тот исколется.

Да кому споем, тому добро,
Кому скажется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 133

Бежит река волнистая.
Лады!
Сидит девка гористая.

Кому поем, тому с добром,
Тому сбудется, не минуется.

№ 134

Сидит кошечка на окошечке.
Ой люли!
Вяжет кошечка дай коверочки.

Кому сбудется, не минуется.
Мы кому споем, мы тому добром.

№ 135

Повадился медведь в бор коренье драть.
Де-де слава!
Еще похожу, да еще надеру.

Кому вынется, тому сбудется
На житье, на бытье, на богатство.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ РАЗЛУКУ, ДОРОГУ

№ 136

Лодочка от одного берега отстала,
А ко другому не пристала.
Илия!

Кому вынется, тому сбудется.

№ 137

Перекинь дугу на чужу сторону,
А ты, хомут, оставайся на своей стороне.
Свят вечер!

Кому поем, да тому добро,
Кому выйдется, тому сбудется.

№ 138

Ах, ты гнутое деревцо — черемушка,
Куда клонишься, туда склонишься.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 139

На бочке сижу, за гвоздь держусь.
Еще посижу, еще подержусь.
Свят вечер!

Кому поем, да тому добро,
Кому выйдется, тому сбудется.

№ 140

Коло речки шла, полотно стлала.
Ой люли!

Кому вынется, тому и оправдится,
А чей перстенок, того и песенка.

№ 141

Саночки-самокаточки,
Они сами катят, сами ехать хотят.

Да кому мы спели, тому добро.
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 142

Ласточка касатая.
Слава!
Не вей гнезда в высоком терему,
Ведь не жить тебе здесь и не лётивати.

Да кому мы спели, тому добро,
Кому вынется, скоро сбудется.

№ 143

Зайнышка-ковыляинька.
Слава те!
Ковылять тебе на чужу сторону.

Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

**ПЕСНИ,
СУЛЯЩИЕ НЕСЧАСТЬЕ,
БЕДНОСТЬ, БОЛЕЗНЬ**

~~~~~

№ 144

Заехали в ухаб, не выехать никак.

Кому сбудется, не минуется.

№ 145

Идет кузнец из кузницы.
Одна полá рванá, рванá,
Друга полá еще рванее.

Кому песня поется, тому сбудется,
Исполнится, не минуется.

№ 146

Ходит старушка посереде,
На ней сарафан весь истрескался,
изверескался.
Илею, илею!

Кому песню поем, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 147

Я бежала по поженке,
Добежала до часовенки.

Илия, илия, добежала до часовенки.
На часовенке два голубя сидят.
Один голубь ничего не говорит.

Илия, илия, один голубь ничего не говорит.
Другой голубь разговаривает,
Меня, девушку, обманывает.

Илия, илия, меня, девушку, обманывает.

№ 148

Идут из-за пёчи рваные плети.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 149

А в печурочке да две чурочки
Не куреются, не дымеются.

Да кому споем, тому добро,
Кому скажется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

№ 150

Залетела ворона в чужие ворота.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

№ 151

Летел коршун с чужой стороны.
Слава!

Сел коршун на высокие хоромы.
Полетел коршун в полуночную сторону.

А кому песня досталася,
Тому сбудется, не минуется.
На печаль-горе, на несчастьице.

№ 152

Бежит заяц по рощице.
Слава!

Чует заяц невзгодушку:

За ним гонятся охотнички.
Еще побегу, еще погонюсь.

Кому вынется, тому сбудется.
На печаль она, на несчастьицо.

№ 153

Идет свинья из Питера,
Вся шильем истыкана.

Кому сбудется, да не минуется.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СМЕРТЬ

№ 154

Идут мужики горбатые,
Гребут землю лопатами.

Кому песня поется, тому сбудется,
Исполнится, не минуется.

№ 155

Взял щеплига вострый топор.
Лилею!
Пошел щеплига во широкий двор.
Начал щеплига доски тесать.
Сколотил колоду о дубовый гроб.

Кому же эта песенка достанется,
Тому сбудется, не минуется.
Тому жить-быть богато, ходить хорошо.
Тому в сутках сидеть, тому вдоль расти.
Тому вдоль расти, поперек толстеть!

№ 156

Везут бревно на семи лошадях.
Если семь не повезут — восьмую подпрягут,
Далеко увезут и назад не привезут.

Это сбудется, да не минуется.
Илия!

№ 157

За гумном стоят коники все запряженные,
Черным сукном позастланные.

Кому поем, тому добро.

№ 158

По погосту хожу,
Полотенце стелю.

Кому споем, тому сдеемся,
Тому сдеемся, не подеется,
Тому сдеемся, не минуется.

№ 159

Висит рушничок на воротиках.
Ой люли!

Кто ни идет — вытирается.

Кому вынется, тому справдится.

№ 160

Сидит сиротушка на шерсточке,
Дождается поскребушков.

Кому песня поется, тому сбудется,
Исполнится, не минуется.

№ 161

Покатился венок с кута в порог.
Ой люли!
Мы кому споем, и тому добро.
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 162

Полное корыто платков намыто.
Илия!

Кому вынется, тому сбудется.

№ 163

За добром клетка не открывается.
Ой люли!

Мы кому споем, и тому добро.
Кому вынется, тому и оправдится,
Тому оправдится, не минуется.

№ 164

В баенке ледок,
Возле баенки ледок,
Везде холодок.

Кому поем, тому с добром,
Кому сбудется, не минуется.

Мышь пищит, каравай тащит.
Слава!
И еще попищит, и еще потащит.
Кому мы спели, тому и добро,
Скоро сбудется, не минуется.

ОПИСАНИЕ
СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ

Д

евушки, собравшись вместе, берут четыре блюда; одна из них, не участвующая в гадании, кладет в одно блюдо уголь, в другое — печинку, т(о) е(сть) кусок глины от печи, в третью — щетку и, наконец, в четвертое — кольцо и закрывает блюда платками. После этого запеваются известная песня «Уж я золото хороню», а также другие.

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро прихораниваю,
Я у батюшки в терему, терему,
Я у матушки в высоком, в высоком.
Пал-упал перстень
В калину, малину,
В черную смородину,
В алую земляночку...
Очутился перстень
У дородна молодца
На правой на рученьке,
На правом мизинчике...
Гадай, гадай, девица,
В коей ручке былица.
Девушка гадала,
Да не отгадала
Доброго молодчика...
Вы, подруженьки,
Вы, голубушки,
Вы скажите-ка,
Не утайте-ка,
Мое золото
Мне отдайте-ка.

Меня матушка
Журить будет, бить
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
По четыре прутика
Жемчужные.
Девицы гадали,
Да не отгадали.
Добры молодцы,
Отгадайте сами!

Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица.
Былица достанется,
Жизнь пойдет, покатится,
По пригожей срядится.
Молодцу достанешься,
Выживешь, состаришься.

Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом первиваючи.

Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица.
Неладная выскользнет —
Негадано выплывет.
Жизнь пойдет, покатится
Не по жемчуг — золоту.

Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом первиваючи.

Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица.
Былица в золоте,
На жемчуге, серебре...
С молодцом повяжешься, —
Поживешь, изведашь —
С горя не наплачешься!

Девушки под звуки этой песни вынимают по очереди из закрытых блюд, что кому достанется. Если девушка

вынет уголь, то у нее муж будет негодяй и пьяница, если печинку — то она сама вскоре умрет, если щетку — значит, у нее муж будет некрасивый, старый и житье нескладное, если же вынет, наконец, кольцо — то, значит, муж у нее будет молодой и житье счастливое. То же и для мужчин.

№ 167.

⟨...⟩ На четырехугольную доску [«жировку»] кладут: на первый угол хлеба, на второй — уголь, на третий — печину, а на четвертый — серебряное кольцо и закрывают скатертью; кругом в избе около нее садятся и поют: «Уж я жировку хороню ко святому вечеру, к святому васильевскому. Жировка малёнька, окошка велики, косящатыё, решещатыё, не могла блоха скочить, коза скочила, рога увезила, хвост заломила. Вы берите свой уголок!» Берут и открывают скатерть: кому хлеб, тому богато жить; кому уголь, тот умрет; кому печина, тому в печали жить, а кому кольцо, ту замуж выдадут.

№ 168

С нетерпением ждут девушки святок, чтобы погадать о своей судьбе, будущей жизни, о замужестве. На них глядя, гадают и парни, и маленькие ребятишки.

Самое большое гадание бывает вечером под Новый год. Гадают, главным образом, литьем свинца. Гадают не только молодые, но и старые: всем хочется узнать, что ожидает каждого в новом году. Очень весело бывает во время гадания; сколько радости, когда выльется хорошее! Смеху, крику тоже немало, но очень обидно и печально делается тому, кому выльется нехорошее ⟨...⟩

ГАДАНИЯ О СУДЬБЕ

№ 169

Растопленное олово или воск выливают в ковш холодной воды или снега. При этом получается обыкновенно какая-

нибудь замысловатая фигура или «счастье» гадающего. Счастье это тщательно рассматривают, объясняя затем его значение. Некоторым счастье выливается в виде венца, что означает замужество; другим — в виде гроба, что предвещает смерть; третьим — в виде повозки, что указывает на дорогу и т<ак> д<алее>. В некоторых местах рассматривают счастье на «тень», т<о> е<сть> смотрят, какую будет давать тень полученная фигура при свете свечи на стене. По очертаниям этой тени и стараются обыкновенно узнать свою судьбу <...>

<...> Девушка <...> выходит ночью в огород и ложится на снег; осторожно поднявшись, затем она уходит. Поутру она рассматривает отпечаток на снегу, сделанный ее телом. Если отпечаток этот будет отчетлив и ясен, то и жизнь девушки в течение целого года будет счастлива; напротив, растрескавшийся неясный отпечаток предвещает несчастную жизнь <...>

ГАДАНИЯ О ЖИЗНИ ИЛИ СМЕРТИ

№ 170

Наливают в тарелку воду и пускают в воду иголку. Если иголка потонет, то гадающий (гадающая) умрет, а если будет плавать оверх, то будет жить.

№ 171

Вечером в сенях на полке или подоконнике кладут столько кусочков хлеба, сколько человек в семье, причем каждый кусок назначают определенному лицу. Утром в Новый год кусочки осматривают. Чьего кусочка не окажется, тот умрет в этот год, а если этот кусок девушки, то она выйдет замуж.

На Новый год после ужина на большую сковороду кладут ложки по числу семьи, и каждый отмечает свою. На ложки выливают воды и выносят на сарай. Утром смотрят — если вода застыла в ложке ямкой, тот человек умрет.

Берут дров по числу членов семьи, ставят около стены, замечая — чье полено. Если утром видят, что какое-нибудь полено упало, то заключают, что тот обязательно умрет.

ГАДАНИЯ ОБ УРОЖАЕ

В ночь под Новый год выставляли у амбара пучки соломы, ржи, проса, пшеницы и т<ак> д<алее>. На каком пучке утром будет иней, на ту культуру будет урожай.

На Новый год ходят с кашей, сваренной из пшеницы, и спрашивают первого встречного человека — из чего сварена каша? Если таковой угадает, то будет урожай, если не угадает, то урожая не будет.

На Новый год <...> подходят к клетям (амбарам) и слушают; если хлеб пересыпается в сусеках, то урожай на следующий год будет хороший, если не пересыпается, то будет плохой.

На Новый год моют пол и вечером выметут. После ужина ищут на полу зерен. Какое зерно найдут, тот хлеб и будет хорош в этом году.

ГАДАНИЯ О ВЫХОДЕ ЗАМУЖ (ЖЕНИТЬБЕ)

Около полуночи наиболее смелые из молодежи шли в баню, брали там ожег — обожженную палку, которой мешают дрова в топящейся каменке, и отправлялись за деревню. Девушки приседали к снежной дороге вплотную друг к дружке, и одна из них обводила ожегом вокруг присевших, очерчивая на снегу линию круга и трижды припевая при этом: «Мы в кругу, черти за кругом!» И затем говорком:

Кому замужем жить — колокольчик пусть звенит,
А кому умереть придется — треск досок раздается!
〈...〉 И вслушивались в тишину. После окончания гадания водящий снова очерчивал круг, теперь уже вокруг «нечистой силы», припевая: «Мы по-за кругу, а черти в кругу. Оставайтесь, черти, ждите себе смерти!»

Все слушали, какие бывали в это время звуки. Бывало, знаете, совпадало. Ехали с шергунцами, с колокольцами, ну, значит, все вроде свадебного поезда. Бывало, просто сани скрипели в той стороне, значит, в эту сторону замуж выйдешь. Бывало, иногда стучали доска об доску — это что-то нехорошее, вроде гробовой доске вторили. 〈...〉 Если лаяла собака, значит, выдавали в ту сторону 〈...〉 Если лай злой, то, значит, попадешь в злую семью, если ерундовый, небрежный, то, значит, эта семья хорошая 〈...〉

Несколько девушек около полночи бегут на перекресток дорог; здесь одна девушка, на которую хотят гадать, становится на месте, другая обскакивает вокруг нее на левой ноге против солнца три раза со словами: «Чертово место — черт с тобой!» Потом девушка, стоящая в кругу, приседает на снег и расстилает подол своего платья по снегу, а та девушка, которая обскакивала вокруг нее, кидает на разостланное платье пятой левой ноги снег со словами:

Я полола, полола снежок
На собачий следок.
Злай, злай, собачка,
Где (называют имя) женишок!—

и слушают, где залает собака <...> Перед уходом разворачиваются.

Девушка, набрав в сборчатый подол своей шубки снежку и рассеивая его по сторонам, напевала, кружась:

Сею-вею снежок,
Ожидаю, дружок.
Приходи, дружок,
Сюда на снежок!
Сею-вею снежок,
Уродися, ленок,
Тонок, долог, головист,
Белый, чистый, волокнист,
Чтоб кудели мне намять,
Чтоб семь холстов наткать.
Сею-вею росу
На девичью косу.
Роса, рассыпайся,
Коса, расплетайся!
Косу расплетут,
Надвое расплетут.
Надвое заплетут,
Круг головки обовьют.

№ 182

Девушки наливают воду на блюдо и пускают туда две тонкие иголки. Если они сходятся, то гадающая за милого замуж выйдет.

№ 183

Из чашки с водой зубами пытались достать предмет. Удастся — значит быть замужем в этом году.

№ 184

Ставят на лавку два горшка. Под один горшок кладут повойник, а под другой — платок. Кладет это одна девица потихоньку от подруг. Приводят девиц и смотрят: под какой горшок сначала посмотрит девица. Если под горшок с повойником, то выйдет замуж, если с платком, то не выйдет.

№ 185

Выносят вечером петуха, кладут кружком грудки овса, каждая девка — свою грудку; петухову голову пригибают под правое крыло трижды и опускают в кружок; чью грудку прежде станет есть, ту наперед замуж отдадут.

№ 186

Приносят в избу петуха, на полу в избе рассыпают зерна овса, очерчивают зерна углем <...> кладут вразброску среди зерен кольца гадающих и становятся вокруг петуха со словами:

Петушок, петушок!

Скажи, не утай —

Выйду ли я нонешний год замуж? (*Три раза.*)

Петух клюет зерна, иногда он схватит и кольцо. Если петух чье-либо кольцо клюнет и выбросит его за черту, та девушка в этот год выйдет замуж.

№ 187

Кормят курицу счетным зерном. Кучка зерен предварительно пересчитывается. После того, как курица поклюет, вновь зерна считают: если окажется, что остаток «парный» т<о> е<сть> делится надвое, девушка в том году «парой» будет — выйдет замуж.

№ 188

В полночь ловили кур в сарае. Попадет петух — к замужеству.

№ 189

Петуха и курицу связывают хвостами и дают им корму. Если курица оторвется от петуха или его пересилит, то девке не быть замужем, если же петух потащит за собой курицу, это считается несомненным признаком, что она выйдет замуж.

№ 190

<...> У коровы рога опутывают поясом; если поутру эта корова стоит к дверям головой, то выдадут замуж.

№ 191

В сочельник вечером скалкой девка колотит матицу. Если наутро первым придет венчанный, то выйдет замуж; если холостой, то нет.

№ 192

Подходит каждая к поленнице и берет охапку дров, сколь возьмет. Дома смотрим, прикладываем. Если два полена подойдут друг к другу, то, значит, выйти замуж.

№ 193

Под Новый год девушка берет в руки без счету несколько поленьев дров и затем начинает их откладывать

попарно; если получится четное число, то девушка выйдет замуж.

№ 194

Во все дни от рождества до крещения девицы ложатся на снег и катятся по двору или дому от стены до стены [или] к воротам: если прикатится лицом к воротам или двери, тогда отдадут замуж; если спиной — тогда посидит еще, девкой останется.

№ 195

Девицы надевают на свои головы хлебные квашни, растворяют настежь передние ворота и идут от заднего забора на улицу. Которая девица выйдет воротами на улицу прямо — ни на что не наткнувшись, та заключает, что выйдет замуж; а которая не выйдет воротами на улицу или спотыкнется и упадет, то она о себе заключает, что ей в будущем году замуж еще не выйти.

№ 196

Квашонку унесем (хлеб в ней пекли раньше), на снег поставим, черту сделаем, эту квашонку и ищем, глаза завяжем. Кто ее найдет — замуж выйдет <...>

№ 197

Несколько девушек берут по лепешке и, выбежав во двор, бросают свои лепешки собаке. Первою выйдет замуж обладательница той лепешки, которую прежде всего съела собака.

№ 198

<...> Когда бьют к празднику свинью, то от свиной туши отрежут хвостик и спрячут; в святочный вечер, когда молодым ребятам и девкам вздумается погадать, то хвостик принесут в избу, изрежут поперек кружочками на несколько частей, и всякий, участвующий в этой игре, получает свой

кружочек <...> [и прячет его в щель между половицами]. Окончив эти приготовления, в избу впускают собаку, и у кого у первого собака схватит кружочек хвостика, то парень женится непременно, а если девка, то на тот же год выходить ей замуж.

№ 199

Под Новый год девушки ставят на дворе корыто и идут к нему задом. Какая из девушек упадет в корыто, та и выйдет замуж.

№ 200

Девушки кидают со двора чрез ворота на улицу свои башмаки и затем смотрят, куда они ложатся носками. У которой девушки башмак носком ляжет от ворот, то значит — она выйдет замуж, а у которой башмак упадет к воротам, то значит — она не выйдет в будущем году замуж.

№ 201

<...> Кидали сапоги через поленницу или через стог; если перекинешь, то выйдешь замуж.

№ 202

В ночь на Новый год девушка отправляется к тому дому, в котором живет любимый парень (если в чужой деревне, так все равно туда идет). Нужно отгрызть щечку от саней (обычно они на ночь остаются под окнами или у двора), прийти с ней домой и лечь спать. Хорошим признаком считается, если при этом никто по дороге не встретится и не окликнет. Если приснится тот парень, надейся, что выйдешь в том году за него замуж.

№ 203

Грызли угол нежилого дома и кидали в колодец: если булькает, то замуж [выйдешь].

№ 204

Девушки <...> ходят слушать к конюшне тех, где есть парни. Если лошадь стоит в конюшне беспокойно, то жених собирается или думает свататься, а если спокойно, то хочет подождать.

№ 205

[Девушки] ходят по деревне, и каждая по очереди стучит деревянной ложкой под окнами изб. Если на стук девушки отзовется голос женщины, то это значит, что постукавшая в окно девушка не выйдет в этом году замуж («дома сидеть»); если же она услышит на свой стук голос мужчины, то выйдет (молодцам наоборот).

№ 206

Ходят задом до проруби, берут ртом воду из нее и несут домой тоже задом. Если донесет, не проглотит, то значит — выйдет замуж, а если не донесет, то не выйдет.

№ 207

Запирают замком колодец на ночь, кладут ключ под подушку, говоря: «Суженый-ряженный, приходи коня поить, у меня ключа просить!» Если увидит во сне молодого человека с лошастью, то значит — выйдет замуж.

**ГАДАНИЯ О ТОЙ СТОРОНЕ,
ГДЕ ЖИВЕТ ЖЕНИХ (НЕВЕСТА)**

№ 208

Ставят стоймя носилки и смотрят, в которую они сторону упадут: с той стороны и жениха ждать.

№ 209

В полночь кидали мутовку, приговаривая: «Снежок, снежок, где мой женишок?» Смотрели, куда покажет.

№ 210

Девушке давали в руку кочергу, надевали на голову кузов и заставляли кружиться, потом бросать кочергу. Куда покажет кочерга, там суженый.

№ 211

На перекрестке вертелись, пока не упадешь. Упадешь, посмотришь, в какую сторону головой, туда и замуж выйдешь.

№ 212

⟨...⟩ Уводят потихоньку от хозяина кобылу и ведут ее на реку к проруби. Если ворожат парни, то воруют кобылу у вдовы, если девушки, то у вдовца. Здесь ей завязывают глаза и сажают кого-нибудь на нее верхом, лицом к хвосту. После этого, повернув кобылу несколько раз вокруг проруби, чтобы она потеряла возможность определить направление, пускают ее. Куда кобыла повезет, — туда выдадут замуж или оттуда высватают невесту. Если кобыла пойдет в сторону кладбища, то гадающий умрет.

№ 213

Завязывают собаке глаза и пускают бежать. Если гадающая выйдет замуж в своем селении, то собака остановится возле того дома, куда ей выходить. Если собака не подбегает к дворам, а просто бежит в одном направлении, то, значит, выдадут в ту сторону, куда она бежит.

№ 214

Бросают наотмашь через ворота с улицы на двор кушак, свернутый в клубок. Если при этом развернется длинный

конец кушака, то выдадут замуж далеко, если развернется только незначительная часть его, то и замуж отдадут близко. Так же узнают парни, далеко или близко находится их суженая.

№ 215

Гадающая девушка ночью, возвращаясь с беседы, берет из-под левой пяты комочек снега. Дома она кидает его три раза в чело (так называется та часть трубы у русской печи, которая поднимается сразу же у отверстия печи в ее задней стенке) со словами: «Чело, чело, покажи мне то село, куда я выйду замуж!» Увидишь во сне ту деревню, в которой будешь жить, выйдя замуж.

№ 216

У соседа взять таракана, положить его под подушку и три раз сказать: «Таракан, своди меня к тем воротам, где суженый живет».

**ГАДАНИЯ ОБ ИМЕНИ,
ВНЕШНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ СУЖЕНОГО
(СУЖЕНОЙ)**

№ 217

⟨...⟩ Выходили за ворота и спрашивали у первого прохожего: «Как зовут?» И какое скажет он имя, так будут звать жениха.

№ 218

Девушки мутовкой сучат снег и по шороху или звуку, происходящему от сучения снега, выводят имя жениха.

№ 219

Когда девки выйдут из избы, хозяйка кладет под горшки разные предметы. Каждая из пришедших девиц берет

свой горшок, и которой из них достанется сборник, ту замуж выдадут; которой гребень — у той жених будет щеголь; которой плетъ — у той муж будет грозный; которой — горчѣвник (тряпка, употребляемая при обрядах), та будет полной хозяйкой; которой — чайная ложка, та выйдет замуж за богатого; которой — рюмка, у той муж будет пьяница <...>

№ 220

<...> Холостые парни и девицы ходят в курячьи хлева и, зажмурив глаза, снимают курицу с насести (наседала); какого цвета курица, такого будет, по примете, суженый.

№ 221

В хлеву в темноте вырывали клочок шерсти у овцы. Какого цвета шерсть, такого — будут волосы у жениха.

№ 222

Подходят к поленнице и из середины вытаскивают одно полено; если полено гладкое, без сучков — муж красивый, если с сучками — корявый. Это же гаданье объясняют и иначе: если полено гладкое, ровное — муж добрый, покладистый (или жена); если сучковатое — муж вспыльчивый, злой. Есть и еще объяснение: сколько на вытащенном полене сучков, столько и детей будет.

№ 223

Подходят к проруби и достают камень со дна и смотрят на него: если камень беленький и гладкий — муж будет чистый, красивый; если камень шершавый — муж корявый; если камень синий, темный — муж будет с лицом «буреватым» и т<ак> д<алее>. (У молодых — то же про невесту.)

Гадают до полуночи в такой избе, в которой нет народа или в которой все спят. Крест снимают, волосы распускают, все пуговицы расстегивают; говорить во время гаданья нельзя. Самое гаданье состоит в следующем: берут два зеркала, устанавливают их так, чтобы было видно зеркало в зеркале, и смотрят в одно зеркало, не мигая глазами. В зеркале начнет получаться изображение суженого: сначала покажутся волосы (или шапка), потом голова, дальше плечи, грудь и т<ак> д<алее>. Когда изображение дойдет до пояса, его нужно зааминить (сказать: «аминь, аминь»), иначе суженый может выпрыгнуть из зеркала и причинить несчастье <...>

Под Новый год парень идет в нежилую избу, приносит с собой хлеб, соль и нож, который он втыкает в хлеб. Затем парень снимает и зажигает свечу, говоря при этом: «Выходи, моя желанная, кушать хлеб и соль со мной!» На эти слова из подполья к нему выходит его невеста, и слышится бряцанье сундуков, а также свадебные приготовления. После этого парень бывает уже уверен, что он смело может посвататься к любимой и не получит отказа.

<...> Идут к овину, обскакивают на левой ноге против солнца вокруг овина три раза, каждый раз приговаривая: «Чертово место, черт с тобой!» — и смотрят в окошко. Увидишь в овине своего (<сво>ю) суженого (<сужен>ую). После гаданья, прежде чем уйти домой, нужно разворожиться — обскакать овин на правой ноге в противоположную сторону (по солнцу) три раза со словами: «Богово место — бог с тобой!» — иначе может случиться несчастье («черт схватит и утащит»).

Гадают парни и девушки. В полночь идут к чьему-либо двору, снимают свой пояс и хлещут им три раза о веревку <...>, каждый раз приговаривая:

Верея, верей,
Покажи моего суженого жениха (невесту).
Пояс, пояс,
Покажи мой суженой поезд (свадебный поезд).
Когда ложатся спать, пояс расстилают поперек постели и спят на нем. Во сне увидишь своего жениха (невесту) и свою свадьбу.

№ 228

Клали на ночь расческу под голову, приговаривая: «Суженый-ряженный, приходи наряженный, расчеши мне голову!» Ждали, кто приснится.

№ 229

Гадают на парня и девушку посторонние. Когда парень или девушка спят, к нему кто-либо из близких к какой-нибудь части одежды привешивает замок, запирает его со словами: «Суженое-ряженое (такого-то), приходи ко мне за ключом!» Ключ запиравший берет себе и, когда ложится спать, кладет себе под подушку. Во сне запиравший увидит, за кого запертая (<запер>той) выйдет замуж (или на ком женится).

№ 230

На ночь девица кладет матери под изголовье сковороду, а себе полотенце, гребень и зеркало. Ночью уже на рассвете суженый приходит к теще есть блины, а к девице, т(<о> е(<есть> будущей жене, утираться и причесываться.

№ 231

Устраивают перед тем, как ложиться спать, из лучинок под постелью колодец (сруб), опускают в него на нитке наперсток (бадья), накрывают колодец щепкой (ворот) и, положив в головы под подушку кусок лучины (ключ), ложатся со словами: «Суженый-ряженный, приди коня поить, у меня ключа попросить!»

№ 232

Гаданье с тараканом. Кладут его в горшок и приговаривают: «Таракан, таракан, вези меня по деревням, по селам, по горам, по городам, привези меня к суженому». Гадают на сон. Другой приговор: «Как этот таракан бега-ет, так и мне бегать у суженого в доме».

№ 233

Выводят из конюшен лошадей не иначе как через оглоб-лю или через какую-нибудь жердь. Если лошадь зацепит за оглоблю или жердь ногами, то для девушки муж сер-дитый и несчастная жизнь. Когда же лошадь удобно пере-шагнет, не зацепив жердь или оглоблю, то для девушки предстоит житье со смирным, ласковым мужем.

№ 234

⟨...⟩ У нас комичный обычай был. Девки за ворота ста-рый валенок бросали. Считалось, кто из парней подберет, тот и мужем будет ⟨...⟩ Ну, и вот. Если любит парень какую девку, так в тот день от ворот ее не отходит. Боится, чтобы другой какой охотник (до этой, значит, девки) не перехватил.

**ГАДАНИЯ
ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ
ЖЕНИХА**

№ 235

Ставили кошелку (к бедности), ведро (муж-пьяница), квашню (богатство). Девушке завязывали глаза, смотрели, что она выберет.

№ 236

Вешают три веника: лохматый, средний и голик — и заставляют в потемках выбирать один из них. Если вытащишь лохматый, то жених будет богатый; если средний, то жених будет среднего достатка; если вытащишь голик, то жених будет бедняк, голыш.

№ 237

Захватывают частокол руками и считают колья: «Солдат, вдовец, молодец», — на кого придется.

№ 238

Бегают к амбару и меряют, кто выше дотянется рукой и считают бревна сверху донизу: «Сусек, мешок, корзинка». Корзинка — по миру, мешок — так себе, сусек, значит, прожиточный крестьянин.

№ 239

Скакали на кочерге по дороге. Кто много снега загребет кочергой, тот за богатого выйдет замуж.

№ 240

Около полночи идут в гумно к стогу ржаной соломы, обскакивают три раза на левой ноге против солнца вокруг стога, приговаривая: «Чертово место — черт с тобой!» — и вытаскивают из стога три соломинки, каждую со словами: «Скажи, не солги, скажи, не утай, за кого я, девушка, выйду замуж: за богатого, али среднего, али бедного?» Если выдернешь соломинку с колоском, а в колоске окажется зерно — то выйдешь замуж за богатого; если соломинка будет только с колосом, а зерна в колосе не будет — выйдешь за среднего; если соломинка окажется без колоса — выйдешь за бедного. Если во все три раза выдернешь разные соломинки — последняя самая верная. Перед уходом домой развораживаются.

ГАДАНИЯ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ, О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

№ 241

〈...〉Делали уточек из воску и опускали их на тарелку с водою; если уточки плавали вместе, то это означало согласие, а врозь — недружбу.

№ 242

Пред тем как ложиться спать, девушки осыпают постель льняными семенами и говорят: «Семечко, семечко, покажи мне семечку!» Тем, кто выполняет это гаданье, может присниться та семья, куда выйдет замуж девушка.

№ 243

Бросали в чужой дом лаптем. Если хозяева засмеются — попадешь в веселую семью, если будут ругать — в сварливую.

№ 244

〈...〉Лазят за курицей под печку, хватают, какая попадется под руку, вытаскивают и смотрят, как курица ведет себя. Если курица воркует: «Ко-ко-ко!» — свекровь вредная будет, если спокойно ходит — все в порядке.

№ 245

Берут ртом из проруби воды, несут в нем ее в беседу; выливает каждая на сковороду, скручивает клочок льняной кудели, кладет на воду и зажигает. Если вода заколышется, закипит, то означает презлую свекровь; если при горенье клок вода оставалась спокойной, то и свекровь будет мирной.

〈...〉Выдергивают из одонья наугад колос и считают: сколько в нем окажется зерен, столько будет членов в семье жениха.

Чтобы угадать, сколько будет детей, для этого девицы берут зеркало и на него наводят месяц. Сколько в зеркале получится лунных отражений, столько, будто бы, у гадающей девицы будет по выходе ее замуж и детей.

РЯЖЕНИЕ

На второй день рождества 〈...〉 часов в 6 девицы собираются в назначенный дом и проносят с собой узлы с платьем. Начинается переодевание в лучшее платье и потом чинное сиденье на лавках, в ожидании святочных гостей 〈...〉

〈...〉В отношении наряда святочники представляют самое пестрое разнообразие; все они ходят группами. Одна группа, например, состоит из цыганки, турчанки и старика с непременным горбом; другая состоит из бурлака, черемисина в белой рубахе с обшивным воротом; женщины в барском платье и кормилицы с ребенком; третья группа водит медверя на цепи, и все бывают одеты сообразно этому представлению: один изображает мишку, другой козу, третий скрипача или барабанщика. Эта группа особенно доставляет удовольствие девицам. Но самую соль удовольствия играющим доставляет представление черта; изображающий его, с красными глазами и губами, с длинными когтями, хвостом и рогами, весь обтянутый кожей, вбегают быстро в комнату, к страху глазающих старух. В скором времени приходит одетый в рогожу и представляет собой попа; со словами: «Мир всем!» и «Дух вон!» — он кропит веником и кадит лаптем, после чего черт, как не

терпящий каждый день и кропленья, с громким криком убе-
гает, к немалому удовольствию присутствующих. Самый
же обыкновенный и любимый наряд святочников составля-
ет: красная рубаха, обшитая галуном, и при этом шляпа,
обвязанная лентами всевозможных цветов〈...〉

〈...〉Святочники 〈...〉 входят в ворота. Едва только
калитка стукнет, как девицы начинают песни, под звуки ко-
торых ряженые и расхаживают по комнате 〈...〉 [Затем]
святочники выступают на середину со своей гармоникой.
Начинается русская пляска 〈...〉 Песни сменяются игра-
ми 〈...〉 Девушки стараются узнать ряженых 〈...〉 Уз-
нанных 〈...〉 величают, за что каждый, которому пропели
песню, обязан благодарить девушек деньгами 〈...〉

№ 249

Под вечер ряженые шли к кому-нибудь на вечерки.
«Шли» — легко сказать. Это было то ли еще шествие! Кто
крутил колесо, кто двигался на руках — и снег нипочем!
Кто выделывал такие коленца, будто молнии сверкали.
На головах самодельные козлиные и медвежьи личины или
просто огромные шапки-малахай, рожи изукрашены сажей
и помадою. Лихо наяривала гармоника: пусть знают на ве-
черках — ряженые идут!

На крыльце ряженым устраивался заслон: требовалась
плата за участие в вечерках. Кто-нибудь из ряженных вы-
ходил вперед и говорил: «Денег немає — сами занимаем;
пряники, орешки взяли сладкоежки; но нам неча горевать —
будем петь и танцевать!»

«Загадать им загадки!» — закричат «вечёрошные». Тут
же кто-нибудь и загадывает: «Восемь ног, два хвоста,
посредине гривенник. Что такое?» — «Две свиньи целуют-
ся!» А это: «Летела тетеря, вечером — не теперя, упала в
лебеду — и теперь не найду!» Все: «Пуля! Пуля!» А «ве-
чёрошные» все не унимаются: «Шел я по тюх-тюхтю,
нашел я валюх-тюхтю; кабы эта не валюх-тюхтя, так бы
съела меня тюх-тюхтя!» Ряженые не могут разгадать загад-
ку, и, как это ни странно, именно после этого их пус-
кают в избу.

Заходя, ряженые делают вид, что раздеваются. Один из
них приговаривает: «Приходил к шит-пит гвоздь, прино-
сил шиту-питу узду и повесил на шит-пит гвоздь. Ты

виси, моя шита-пита узда, на шитым-питым на гвозде!»

Как бы раздевшись и пригладив волосы на голове, ряженые славил «хозяина» вечерки, десятника [парня, наблюдающего за порядком на вечерке], а также и всех «гостей»: «Поздравляем вас с праздником, с Новым годом, со счастьем и здоровьем!» Это говорил какой-нибудь один из вновь пришедших, после чего ряженые пели «коляду» (...)

После чего вечерки продолжались с ряжеными. Те время от времени разыгрывали «представления»: «Брат, здорово!» — «Брат, здорово!» — «Ты откуда?» — «Из Тамбова». — «Дык он цел? А говорили — погорел!» — «Да было дело. Чуть вода не сгорела». — «Как же так было?» — «Шли два господина, сошлись на плотине, взяли закурили, спички бросили на пруд. Вода забурела, огнем загорела, выгребла до дна, осталась рыбка одна». — «Что ты... А правда ли это?» — «Живут же люди неправдой, дык и нам не лопнуть, стать!» — «А с чем в город ездил?» — «Ездил, брат, с овсом; мешки-то на беду завязал плохо: овес мой сыпался да сыпался — мешок пуст оказался». — «Худо ж твоё дело!» — «Худо, да не совсем: Фомка и на долото рыбу удит, овес потерял — пшенички набрал». — «Хорошо ж твоё дело!» — «Хорошо, да не совсем: пшеничку-то у меня в городе украли». — «Худо ж твоё дело!» — «Худо, да не совсем: я воров нагнал — все деньги отобрал». — «Хорошо ж твоё дело!» — «Хорошо, да не совсем: денег-то оказалась одна копейка и та ребром!» — «Худо ж твоё дело!» — «Худо, да не совсем: у кого нет рубашки, тот рад и ветошке». — «Хорошо ж твоё дело!» — «Хорошо, да не совсем: пропил копейку, полез на шубатейку, били меня, били, больно колотили». — «Худо ж твоё дело!» — «Худо, да не совсем: я теперь дороже стал — ведь за битого двух небитых дают!» — «Ну, тогда пойдем, тогда еще живем». — «Пойдем. Вот когда земля плодов давать не станет, тогда все вместе умрем!»

№ 250

Обряженный или обряженная монашенкой, войдя в избу, приговаривает:

Пожертвуйте на сальную свечу
Ивану Кузьмичу!

Его-то мощи
Лежат в осиновой роще!
Они там потеют,
Плясать к нам не успеют!

№ 251

Пели «наряжонки», переходя из дома в дом:
У батюшки Трифона
Семеро детей,
Семеро, семеро, семь сыновей!
Они не пили, не ели,
Все на Трифона глядели,
Они делали все так!
Показывают, как делал Трифон, и опять с начала песню.

№ 252

⟨...⟩Ряженные по вечерам ходят из дома в дом. При входе в дом они поют.

Григорьюшко, не забудь,
Как семеюшку зовут.
Самого зовут Григорьюшкой,
А хозяйюшку — Авдотьюшкой.
Старшого сына — Прохорушкой,
А сношеньку — Натальюшкой,
А внучка зовут Иванушкой,
А другого сына — Сергеюшкой,
А третьего — Михайлушкой,
А доченьку — Марьюшкой.

* * *

У кого у нас, у кого у нас
Молодая жена?
У Прохора у Григорьевича — молодая
Натальюшка Ларивоновна.
Ему добрые люди позавидовали,
Молодые ребята позавистовали:
Кабы эта молодица мне,
Молодцу, вручена и пожалована,

Я бы эту молодницу и не бил, не журил,
Все б я ее во колясочке возил,
А зимнею порою — во санях-козырях,
На ямщицких лошадях.
Коники вороные, почтарики молодые,
По три плети шелковые, по четыре — золотые.
Ударьте! Прихлыстните! Вдоль по селу.
На честь, на хвалу!

* * *

По двору, по двору,
По двору широкому
Ходил, гулял молодец,
Молодец Иванушка.
Связал свою голову
Шляпою пуховою.
Шляпою пуховою,
Лентою зеленою.
Завидела его девушка
С высокого терема.
Девушка — Оленька
Красная — Михайловна!

Ряженных угощают чаем, дарят деньгами.

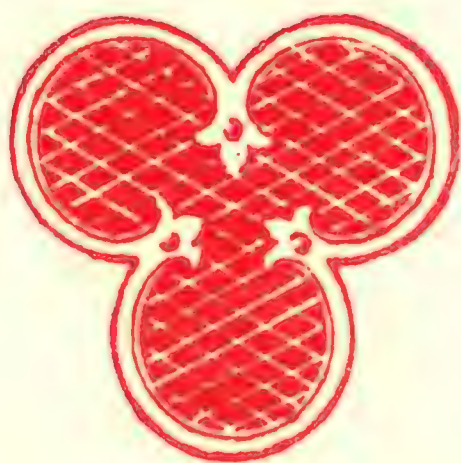
НОВОГОДНИЕ ШАЛОСТИ

№ 253

⟨...⟩ Деревенские парни, а иногда и взрослые мужчины в ночь на Новый год ходят по улице деревни и ищут всякие находящиеся не в порядке вещи, как-то: неубранные сани, сбрую, дрова, ведра, солому и проч⟨ее⟩, и все это стаскивают в одно место на улице же или где-нибудь в стороне от деревни или в овраге; при этом вещи стараются уложить в кучу так, чтобы потом труднее было вынуть потребовавшуюся вещь. Вещи забрасывают иногда на кровли домов ⟨...⟩

Молодежь деревенская отправляется к какому-нибудь дому, чаще всего к такому, где есть девушка-невеста, и заваливает вход на крыльцо снегом, дровами, бревнами, оставленными повозками и т<ому> п<одобным>. Затем отправляются к другому дому <...>

МАСЛЕННИЦА

ледом за святками шла масленица. Праздник этот почти не испытал на себе влияния христианства, за исключением запрета мясной пищи в течение всех семи дней и обычая просить друг у друга прощения в воскресенье накануне великого поста. Тем не менее церковь включила масленицу в цикл пасхальной, вернее предпасхальной обрядности (масленица отмечалась на восьмой неделе до пасхи). Масленичная неделя превратилась, по сути дела, в подготовку к долгому и изнурительному посту, в своеобразный полупост, во время которого разрешалось есть молочные продукты (масло, сыр, молоко)¹, яйца, рыбу.

Уже в XIX — начале XX веков масленица — «это просто веселье, какое мы можем наблюдать в любой праздник, с добавлением лишь специальных пережитков старины»². Среди подобных «пережитков» можно отметить целый ряд наиболее важных и древних элементов празднества: проводы³ или похороны (сожжение, погребение) масленицы — символа холода, тьмы и смерти; обычаи, посвященные молодоженам; катание с ледяных гор и на лошадях, ряженье, ритуальное пиршество с блинами, поминание покойников.

Некогда масленичные обычаи и обряды должны были «способствовать плодородию земли и размножению всего живого»⁴. По дыму от костра, на котором сжигалось чучело масленицы, судили о будущем урожае (с. 151). Так, разбросанные по полям угли или пепел, оставшие-

---

¹ Недаром масленичная неделя называлась в народе «сырной», или «сыропустной», да и само название праздника явно позднее, связанное с основной едой в эти дни.

² О г у р ц о в Н. Масленица в Пошехонском уезде // Этнографическое обозрение. М., 1909. Кн. 80. № 1. С. 68.

³ Встреча масленицы, отмечавшаяся в ряде мест, по мнению В. К. Соколовой, новообразование: «Прежде чем масленицу проводить, надо было ее встретить» (С о к о л о в а. С. 16).

⁴ П р о п п В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963. С. 74.

ся после ее сожжения, якобы придавали силу и плодородие озимым посевам. Главными исполнителями этих обрядов были молодожены. Подобное описание празднования масленицы содержится в воспоминаниях И. К. Копаневича¹, которые печатаются в сборнике почти целиком, с добавлением наиболее интересных деталей из других публикаций.

Песни, певшиеся при встрече масленицы и при ее проводах, были резко противоположны. В первых преобладали мотивы славления, величания персонифицированной масленицы («Дорогая наша гостья, масленица, Авдотьюшка Изотьевна!»), перечисляются те удовольствия и развлечения, которые она привозит людям («Кидала масло по кому, кто ухватит, так тому!»). Песни, сопровождающие проводы масленицы, шуточно-похоронные.

Во время масленицы пелись также различные величания, адресованные молодоженам (№ 283—285), и песни, рассказывающие о гуляниях, катаниях, играх в эти дни (№ 273, 277—282)². Дети под масленичные колядки собирали блины (№ 274—276) или дрова для сожжения масленицы.

По сравнению со святочными колядными песнями, большинство масленичных — носят следы явно позднего происхождения, намного меньше их разновидностей, они не отличаются тематическим разнообразием, богатством используемых поэтических приемов. Многие из них, дошедшие до нас, ничем не отличаются от частушек.

Тексты масленичных песен, как правило, отмечены жизнерадостностью, напевы же их близки к похоронному причету. Подобное сочетание мажорных и минорных мотивов свойственно любому календарному празднику, сопровождающемуся имитацией похорон. Если плач и слезы были естественны при похоронах, то смех имел здесь ярко выраженный ритуальный характер. «Сила смеха,— писал В. Я. Пропп,— должна была обеспечить земле плодотворящую силу...»³

¹ См.: К о п а н е в и ч-1903.

² По традиции, к масленичным относят шуточную песню «Теща про зятя пирог пекла» (№ 286), в которой рассказывается о приезде зятя к теще на масленицу.

³ П р о п п В. Я. Русские аграрные праздники. С. 102.

Перед наступлением масленицы, т<о> е<сть> в воскресенье <...> в заговенье, вечером крестьянская молодежь выходит на устроенные ледяные горы «встречать масленицу» песнями, после чего поздно возвращается домой. Ребятишки, готовя к масленице ледяные горы, поливая их водою, приговаривают: «Приезжай-ко мне в гости, масленица, на широк двор: на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться!» Встречают масленицу и в понедельник, т<о> е<сть> в первый день масленицы. [Дети на снежных горах приговаривают]: «Звал, позвал честный семик широкую масленицу к себе в гости на двор!» Сбегая или скатываясь на салазках с гор, они кричат: «Приехала масленица! Приехала масленица!» <...> В иных местах дети лепят из снега бабу, которую называют «масленицей», сажают ее на санки и скатывают с горы со словами: «Здравствуй, широкая масленица!» Встречать масленицу приходят на горы парни и девушки. Последние приносят с собою блины, которые кладут на голову, когда поют песни масленице. Эти блины парни берут у девушек и съедают <...> В первый день <...> все поздравляют друг друга с «широкою масленицей».

Порядок проведения масленицы, между прочим, обозначается названиями дней масленой недели. Названия эти следующие: понедельник — «встреча», вторник — «заигрыши», среда — «лакомка», четверг — «широкий» и «перелом», пятница — «посиделки», суббота — «золовкины посиделки» и воскресенье — «проводы», «прощеный день». Отсюда видно, что празднование масленицы начинается со среды или с четверга; в первые же дни масленицы некоторое оживление в деревню вносят ребятишки, которые шумно, с песнями собираются на ледяные горы и

катаются с них. Взрослые занимаются работами, и только под вечер парни и девушки присоединяются к детям. В продолжение всей масленицы бабы встают очень рано и пекут блины¹ к завтраку <...>

С половины недели масленицу повсюду проводят по-праздничному, с широким разгулом и с разными затеями. Работы в эти дни прекращаются, и все так или иначе принимают участие в общем веселье <...> Крестьяне посещают своих родственников <...> где за угощением решают, как проводить время, куда ехать в гости, кого к себе приглашать, когда ехать кататься. В некоторых местах устраивают на санях чучело, изображающее масленицу, надевают на него шубу шерстью вверх, шапку, подпоясывают кушаком, обувают в лапти. Со среды и до конца масленицы чучело возят по соседним деревням. Сани с чучелом обыкновенно везут ребятишки, а парни и девушки, нарядившись в костюмы, как на рождественских праздниках, сопровождают кортеж. Явившись в какую-либо деревню, кортеж останавливается перед каждым домом. Парни и девушки поют песни масленице и пляшут под звуки гармоники, за что хозяева угощают явившихся гостей блинами и пивом. В иных местах посредине больших саней водружают разукрашенный лентами столб, на вершине которого укрепляется чучело. В сани впрягают несколько лошадей, иногда даже двенадцать; около столба помещаются разрядившиеся мужики и бабы, которые поют песни под аккомпанемент гармоники. В таком виде они разъезжают по деревням, где их с радостью встречают и угощают.

Среда считается, как сказано выше, «лакомкой». В этот день (в других местах — в четверг и даже в воскресенье) тещи угощают зятьев блинами. <...> Молодые, обвенчавшиеся незадолго до масленицы <...> обыкновенно не приезжают к жениной родне до масленицы. Прием молодых сопровождается таким обычаем: отец молодой сажает но-

---

¹ Блины пекутся из гречневой или пшеничной муки на масле, молоке и яйцах, круглые, во весь объем сковородки; блины же, не более как с чайное блюдечко, тонкие, легкие и большею частью на молоке и яйцах, из одной пшеничной муки, называются оладьями. К ним подают разные приправы: икру, сметану, яйца, сметки и пр<очее>. Есть страстные любители<...> которые едят такие горячие блины, что обжигают язык и рот, и притом съедают неимоверное количество, на том простом успокаивающем основании, что «блин — не клин, живота не расколет». (Степанов Н. П. Народные праздники на святой Руси. Спб., 1899. С. 36.)

воженов за стол и кладет перед зятем хлеб и нож. Если зять отрежет хлеба от середины, это означает, что он доволен своей молодой женой; если же отрежет от края, то это знак недовольства ею <...>

Деревенская молодежь в продолжение масленицы устраивает общие вечеринки, подобно тому, как это бывает и в рождественские святки <...> Днем молодежь веселится, обыкновенно на улице, разгуливая с песнями и гармониками или устраивая хороводы; ходят также парни и девушки на ледяные горы, с которых катаются на больших санях, усевшись большою толпою <...> Часто также парни катаются с девушками, за которыми ухаживают, на лошадях. Катание на лошадях — необходимое развлечение на масленице. У нас ему придается особенное значение: чем больше кто катается на лошадях во время масленицы, тем длиннее у того уродится лен в наступающем лете. Вот почему ни один хозяин не отказывается участвовать в общем катанье, устраиваемомся целою деревней, и охотно позволяет кататься своим детям. Начинают кататься на лошадях со среды или с четверга, но главным образом катаются в субботу или в «прощальное» воскресенье.

В последние дни масленицы веселье достигает наибольшего оживления; в эти дни и затей всяких бывает больше <...> Так, в последний день масленицы на санях устраивают столб, около сажени высоты, а наверху столба колесо. Столб обвешивают вениками. На колесе усаживается мужик с гармоникой, или же устраивают на нем чучело, в виде молодухи, изображающее масленицу. Чучело обвешивают пучками соломы, льна, сковородами и даже блинами. В сани, где помещается «масленица», запрягают пару или тройку лошадей, и усаживаются до десятка парней и девушек, после чего отправляются кататься или по своей деревне, или же едут в ближайшие соседние деревни. За первыми санями едут другие катающиеся, а иногда и вся деревня. Катанье сопровождается песнями, шумом. Гривы лошадей, сбрую и дугу украшают лентами, подвязывают лошадям бубенчики <...> колокольчики. Парни и девушки одевают лучшие одежды, некоторые из них переряживаются и даже маскируются. Пестрая вереница катающихся представляет нередко очень красивую картину. Когда катающиеся приезжают в чужую деревню, мальчишки, поджидающие их, устраивают какие-либо преграды: снежную стену

посредине улицы или же посреди дороги, по которой приходится ехать катающимся, зажигают вороха соломы. Переехать через такую преграду считается верхом удалства. В воскресенье в некоторых местах устраиваются состязания в беге лошадей <...>

Во многих деревнях во время масленицы сооружают снежные городки: это довольно высокий снежный забор, а вокруг него еще несколько рядов снежной насыпи, пониже главного забора. Все эти сооружения поливаются водою, чтобы были тверже. В последний день масленицы происходит взятие таких городков. Парни, участвующие в забаве, разделяются на две партии: одни защищают город снежками, другие нападают. Смотреть эту потеху обыкновенно собираются все; сюда же приезжают и катающиеся с «масленицей».

Катанье, песни, звуки гармоники, шум и гам в последний день продолжаются до вечера, когда в заключение всех затей «провожают масленицу», то есть сожигают чучело, изображающее масленицу, за деревней, на ближайшей горке, именно там, где и встречали масленицу <...> Чаще всего сожигают ту «масленицу», с которою катаются в последний день. Для этой цели устраивают за деревней огромный костер из сухих веток, дегтярных бочек, кострики ото льна и соломы. Чучело или привозят к костру прямо с катанья, или же насаживают его на высокий шест и торжественно приносят к месту сожжения. Сожигают чучело при пении подходящих песен, при громких криках. Бывает и так, что в сожжении «масленицы» принимают участие несколько соседних деревень, и тогда обряд сожжения сопровождается большим оживлением. Присутствующие при этом обряде парни и девушки образуют круг и поют песни. Мальчишки выхватывают из горящего костра пучки соломы, кружатся с ними и припевают: «Мы масленицу первые повстречали, мы широкую первые сожигали!» Когда горит масленица, замечают, как исчезает дым: если он поднимается столбом вверх, то это, по поверью крестьян, сулит в наступающем году урожай, а ежели дым расстилается по земле, то это признак неурожая. Сожжению масленицы по местам приписывается такое значение: чрез это сожжение <...> сожигаются на весь пост всякие удовольствия и развлечения¹.

¹ Чтобы подготовить маленьких ребятишек к долгому посту, бабки и

⟨...⟩ Все затеи и веселье продолжают только до вечера «прощального» воскресенья. Как только зазвонят к вечерне, веселье в толпе быстро обрывается и сменяется «постным» настроением ⟨...⟩ После вечерни начинается прощение грехов друг другу. Старики заходят на могилы и там, поклонившись до земли пред могилами родных, говорят: «Простите меня, грешного!» Потом идут к соседям и просят у них прощения ⟨...⟩ В это же прощальное воскресенье заговляются, то есть едят много и часто, едят до тех пор, пока не будет съедено все скоромное; иногда встают ночью и доедают остатки. ⟨...⟩ Со стола после ужина не убирают и иногда нарочно оставляют пищу, чтобы ночью могли прийти заговляться умершие родственники ⟨...⟩

№ 256

[Обильное угощение подавалось почти во всех домах.] Хозяйка стояла посреди избы, встречала гостей, отвечивала поклоны. Гости входили со своими присловиями, хозяйка в каждом случае умела найтись и отвечала остроумным словом. Получалось примерно следующее: «Скок на крылечко, бряк во колечко, дома ли хозяйка?» — «Просим в избу: красному гостю красное место». Хозяйка показывает куда садиться. А дверь снова открывается. «Ехал было мимо, да завернул до дыму!» — «Нежданный гость лучше жданных двух! Добро пожаловать, дорогие гости, милости просим!» — «Твоя правда, кума. Незванный гость легок, а званный тяжел. На званого-то угодить надо!» — «Проходите, садитесь к столу, родные, будьте как дома: гость на гость — хозяину радость!» Особый был фарт — последнее слово оставить за собой. Проходя на место, гость иной пошутит: «Не беспокойся, хозяйюшка: дома не лежу, а в гостях не стою». И вот все уселись, хозяйка потчует, приговаривает то одно, то другое. К примеру: «Кушайте, гости, не стыдитесь, кушайте гуся, не студите!» Или: «Что на столе — все братское, а что в

матери говорят им, показывая на летящие от костра искры: «Вот молочко-то, гля, летит-горит, вот молочко-то горит. Глядите, глядите, завтра уж не дадут. Вот сейчас придем, уж заговеемся, уж завтра не дадут. Вон оно сгорело!» (Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья /Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985. № 171.)

клети — то хозяйское!» Или: «У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко. Отведайте масленицы!»

№ 257

[Молодожены играли особую, центральную роль в масленичных обрядах.]

К молодой, вышедшей замуж в течение прошедшего года, привозят борону и сани. Молодая должна была выкупить шельгу. Если молодая выкупит шельгу, выставяет угощение, то поедет на гулянье в санях, а если посякупится, то поедет на бороне <...>

№ 258

Молодые, приехавшие в масленичную среду или четверг к родителям жены, оставались здесь ночевать, а утром обходили родных, причем брали с собой кусочки мыла и пирожки. Придя в дом и помолившись, они давали хозяину мыло и пирожки, а их одаривали деньгами и угощали.

№ 259

Начиная с пятницы, молодые обязаны были жить у тещи, и на них приезжали смотреть даже из соседних деревень. Всех приезжих молодуха угощала пивом, женщин и девушек целовала. Потом муж выходил на середину комнаты, жена подходила к нему и целовала. После этого гости поочередно целовали молодую, а мужу жали руки, говоря: «Спасибо на масленице!» — затем уезжали к другим.

№ 260

<...> В «прощеный» день перед вечером один из крестьян наряжается цыганом и всех без изъятия молодых, которые обвенчаны были в продолжение последнего года, вызывает на улицу, а запрямятся, вытаскивают из дома противу желания их. К этому времени ребята на улице выкапывают в снегу яму глубиною в $1\frac{1}{2}$ сажень, в которую попарно, то есть мужа с женою, кладут и зарывают

снегом, где они должны пробыть около пяти минут, потом вырывают и отпускают домой.

№ 261

〈...〉Интересен обычай катанья молодых 〈...〉 Молодые приезжают на лошадях к горе; между тем холостые парни забираются на вершину горы. Молодой первый заходит на гору, ему дают ребята сани, и он садится на них. Парни затем во всю мочь, во всеуслышанье, призывают (такую-то) молодую. Вот она является на гору и садится на колени мужа, обняв одною рукой шею его. Тут-то холостежь задерживает молодых и требует, чтобы молодая поцеловала молодого зараз (сподряд) 25 раз. Разумеется, молодая исполняет это публично, хотя немного застенчиво, и поцелуи считаются громогласно, но ежели молодая не сделает вдруг назначенное число поцелуев, то за это снова должна поцеловать молодого 25 раз, да на поход 25. Это значит, как говорит простой народ, «солить рыжики на пост» или «промораживать». Когда переберут таким образом всех известных молодых, народ убирается прочь от горы 〈...〉

№ 262

[Взятие снежных городов особенно распространено в Сибири.]

Исстари в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа утром в последний, «прощеный», день масленицы делается «город». На реке Нице или на слободской площади, где побольше простору, складывают по круговой линии из снега (иногда изо льда) стены, в которых проделываются два столба. Сверх столбов кладется также из снега или льда дугообразная перекладина. Куски снега тщательно заливаются водою для того, чтобы крепче стояли. Предварительно же рыхлые столбы и перекладину с лицевой стороны украшают различными узорами, больше всего посредством прикрепления к белому снегу по разным направлениям кусочков угля. Вверху на подобных воротах ставят различные грубые изображения людей, иногда птицы или какого-нибудь зверя, приготовленных из снега. С обеих сторон к воротам примыкают, как было сказано, стены. В середине города

укрепляется длинный столб с новым платком на вершине.

Перед закатом солнца народ в огромной массе собирается смотреть — кто и как будет «ломать город». Практикуется два способа «ломать город». Или какой-нибудь удалец, разбежавшись на тройке, сумеет пробраться сквозь живую стену народа, оттолкнуть строителей и охранителей города и силой сломать его, а затем быстро умчаться на тройке; или же выискивается охотник купить этот город по добровольному соглашению со строителями, которые и уступают его или за четверть ведра водки, если охотников много, или за меньшее количество, если охотников нет или мало. Купивший город и ломает его для собственного удовольствия. В случае насильственной поломки, охотника стараются поймать и как можно больше засыпать снегом.

После того, как город сломан, выискивается охотник доставать платок с мачты, которая, зачастую, кроме высоты, имеет еще то неудобство, что заливается водою и покрывается поэтому снегом.

Иногда пробуют доставать несколько смельчаков, и все неудачно. Но чаще всего этот платок с успехом достает кто-нибудь из молодых ребят.

№ 263

[Обычай «братъ город» бытовал и на юге России, среди гребенских казаков.] С пятницы на масленице начинают «держатъ и братъ города». Эта игра состоит в следующем. Где-нибудь, по большею частью около общественного хлебного магазина, устраивают скамейку, насколько можно, длинную. На нее становятся со всей станицы девушки с длинными палками в руках: это они собрались «держатъ город». Против них ополчаются мужчины — «братъ город»; в этом деле принимают участие даже восьмилетние мальчики и дряхлые старики. Верхом на лошадях мчатся казаки «братъ город». Но девушки с силой машут имеющимися у них палками и бьют подсакивающих к ним всадников без всякой жалости <...> но осаждающие продолжают наступать на «город». Взявшие «город» получают право перещеловать всех находящихся на скамейке девушек, но достичь этого удовольствия никому в отдельности не удастся. Бывает, однако, иногда, что девушки не удержат город, но не желают и целоваться; в таком случае они ударяются бе-

жать. Этим только оттягивается развязка, которая непременно наступит: казаки преследуют убегающих «горожанок» и врываются в дом, где укрылись девушки, и тут уже они, волей-неволей, должны бывают покориться и выполнить условие. За все беспорядки, могущие произойти в чьем-нибудь доме от этой игры, никто не сердится, ибо в <...> [ней] участвует вся станица <...> Эта игра продолжается с пятницы до воскресенья.

№ 264

[Иногда масленицу не сжигают, а хоронят.] В «прощеное» воскресенье <...> после обеда соберутся девки и бабы и совершают обряд ее похорон следующим образом: делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову навязывают платок. В таком виде кукла эта изображает собою масленицу. Затем одну бабу наряжают попом, наденут на нее рогожу наместо ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке осметок — на место кадила. Двое из участвующих в обряде берут масленицу под руки и в сопровождении толпы, под предводительством «попа» пускаются в путь из одного конца деревни в другой, при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то масленицу сажают на палки вместо носилок, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу-масленицу раздевают, разорвут и растреплют всю. Во все время шествия с масленицей «поп», размахивая кадилом, кричит «аллилуйя», а за ним кричит, шумит вся толпа, кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет и т<ак> д<алее>, а когда масленицу хоронят, то поют песни. В заключение нужно заметить, что куклу-масленицу делают во многих домах, а хоронят только одну.

№ 265

[В ряде мест маленькие дети или подростки собирают по деревне топливо для костра. Они заходят во все дома.] <...> И обязательно в каждом доме возьмут или пучок дров, или пучок соломы, или <...> охапку дров. Им обязательно хозяева положат, припасут. Если хозяева не припасут, они чего угодно утащат: хоть дугу, хоть колесо, че-

го угодно хорошего возьмут <...> [Нередко такой обход домов сопровождался исполнением песен, сходных с колядками-требованиями.]

ПЕСНИ ВСТРЕЧИ МАСЛЕНИЦЫ

№ 266

Ой, ой, ты, масленица,
Ой, и ко двору въезжает,
Ой, да ты, широкая,
Ах, ко двору въезжает.
Ах, вот девушки сустречают,
И вот, красные, сустречают.
«Ох, ты, масленица,
Погостюй недельку,
Ой, да недельку.
Ох, ты, широкая,
Погостюй другую!» —
«Ай, да вы, девушки,
Рада бы гостевала,
Ой, да вот, красные,
Рады бы гостевала». —
«Ох, вот, масленица,
Кого же ты боишься?
Ой, вот, широкая,
Кого же ты боишься?» —
«Ах, да вот, девушки,
Я поста боюсь,
Ах, да вот, красные,
Я поста боюсь». —
«Ах, да вот, масленица,
Пост пришел,
Далекая да широкая,
Пост пришел».

№ 267

Масленица годовая,
Гостья наша дорогая!

Она пешей к нам не ходит,
Все на конях приезжает.
У ней кони вороные,
Слуги молодые.

№ 268

Ой, масленица-кривошейка,
Состречаем тебя хорошенько!
Хорошенько!
Сыром, маслом, калачом
И печеным яйцом!

№ 269

А мы масленицу повстречали,
Сыром гору набивали,
Маслом гору поливали,
На широк двор зазывали
Да блинами заедали.

№ 270

О, мы масленицу устречали,
Устречали, лёли, устречали,
Мы сыр с масельцем починали,
Починали, лёли, починали.

Мы блинкам гору устилали,
Устилали, лёли, устилали,

Сверху масельцем поливали,
Поливали, душа, поливали.

Как от сыра гора крута,
Гора крута, лёли, гора крута,

А от масла гора ясна,
Гора ясна, лёли, гора ясна.

А на горوشке снегí сыплют,
Снеги сыплют, лёли, снеги сыплют,

А нас мамочки домой кличут,
Домой кличут, лёли, домой кличут.

А нам домой не хотётся,
Не хотится, лёли, не хотится,

Нам хотится прокатиться,
Прокатиться, лёли, прокатиться,

С горúшки да до елушки!
До елушки, лёли, до елушки!

Наша гóрушка всё катлива,
Всё катлива, лёли, всё катлива,

Наши бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.

Они день и ночь всё воркочут,
Всё воркочут, лёли, всё воркочут,

Они на печке лежат, всё про нас говорят,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

«Не пришел бы к нам кто, не принес бы чего,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

Или сыра кусок, или мыла брусок».
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

№ 271

Дорогая наша гостья, масленица,
Авдотьюшка Изотьевна!
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластики красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные!

ПЕСНИ МАСЛЕНИЧНЫХ ГУЛЯНИЙ

№ 272

«Расскажи-ка, масленица,
Как блиночки пекла?
Ой, блины, мои блины,
Блины масленные,
Ой, блины, мои блины,
Ой, блиночки мои.
Как блиночки пекла,
Сколько здобья клала?»

«Растворила я блины
На холодной на воды,

Никто не покупает,
Никто даром не берет.

За рекой огонь потух,
У свиньи живот распух.

Свинья рыло замарала,
Три недели прохворала!»

№ 273

Как на масленой неделе
Со стола блины летели,
И сыр и творог —
Всё летело под порог!

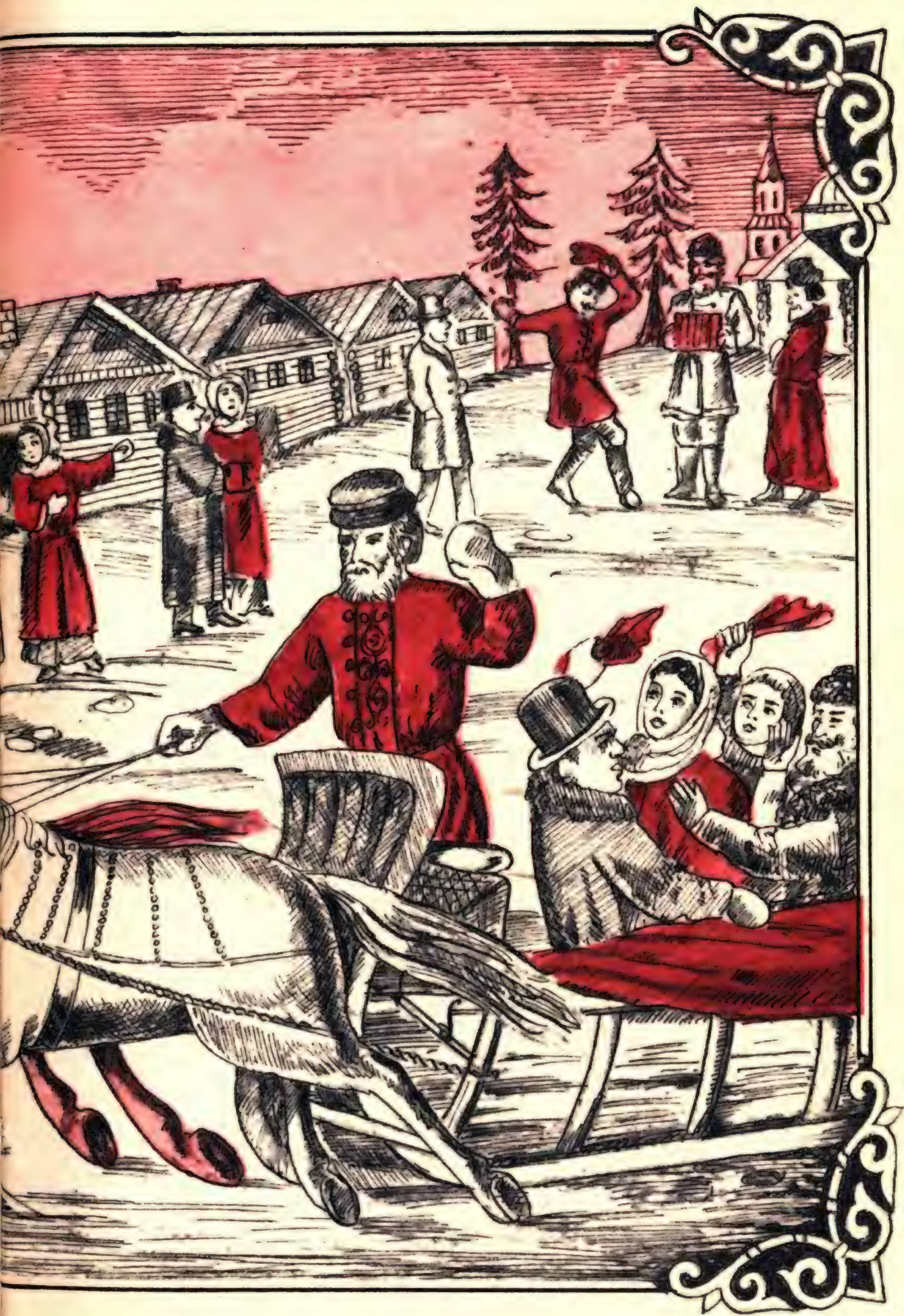
Как на масленой неделе
Из печи блины летели.
Весело было нам,
Весело было нам!

Прошла маслена,
Кончилось гулянье,
Идем теперь
На отдыханье!

№ 274

Мы давно блинов не ели,
Мы блиночков захотели.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блиночки мои!
На поднос блины кладите
Да к порогу подносите!
(На поданный блин отвечали песней-пляской:)
Эх, масленица-
Непогасница!
До чего ты довела?
До великого поста!

№ 275

⟨...⟩ Дети [обычно в первый день праздника, в четверг] ходят под окнами с мешочками, торбочками и корзинками и поют:

Ах ты, Домнушка,
Красно солнышко.
Вставай с печи,
Гляди в печь:
Не пора ли
Блины печь.

Если хозяйка скупа и подает плохо, ребята уходят из избы с криком:

Паршивые блины
По аршину длины!

Иногда ряженые дети носят соломенную куклу с лентами.

№ 276

Четверг называется «сисинка». Этот день особенно отмечают подростки 10—14 лет. Не успеет рассветать, они уже собираются группами 4—6 человек и обходят дома. Открывши дверь, они поют:

Сисинка, ясинка,
Желанная, бескарманная.
У тебя в кармане-то горошинка,
Сама ты хорошенька.

Подай, тетенька!
Если не подашь —
Родишь цыганеночка!
А если подашь —
Родишь хорошенького!
Подай, тетенька!

За это им подают и блины, и деньги, кто что может.

№ 277

Ах ты, масленка дорогая,
Дорогая, лёли, дорогая.
К нам в гости приезжала,
Приезжала, лёли, приезжала.
Да сыр с маслицем привозила,
Привозила, лёли, привозила.
А мы масленку прокатали,
Прокатали, лёли, прокатали.
На вороненьком коне катались,
Мы катались, лёли, мы катались.

№ 278

Запрягу я коня вороного,
Посажу я кума молодого,
Масленая счастлива!
Простягнися далёко. У!

№ 279

Широкорожая масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!

№ 280

Ой, масленая, ай, покургузка, ай!
Покургузка, люли, покургузка!
Проводим тебя, эх, станет груско, ой!
Станет груско, люли, станет груско.

Ой, масленая, эх, канадуха, ой!
Канадуха, люли, канадуха!
Потянись-ка ты, эх, хоть до духа, ой!
Хоть до духа, люли, хоть до духа.

Ой, масленая, эх, обманяка, ой!
Обманяка, люли, обманяка!
Отдадим тебя, эх, за монаха, ой!
За монаха, люли, за монаха.

Ой, масленая, эх, полизуха, ой!
Полизуха, люли, полизуха!
Полизала она, ой, курьи яйца, ой!
Курьи яйца, люли, курьи яйца.

Ой, масленая, эх, полизуха, ой!
Полизуха, люли, полизуха!
Полизала она сыр да масло, ой!
Сыр да масло, люли, сыр да масло.

Сыр да масло, ой, курьи яйца, ой!
Курьи яйца, люли, курьи яйца!
Ох, курьи яйца, эх, и каравайце, ой!
Караваеце, люли, а караваеце.

№ 281

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленая-полизуха,
Растянися, масленка,
Хоть до духа!

Я думала, масленке
Семь недель, семь недель,
А дни масленки —
Один день, один день!

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленая, белое молоко,
Растянися далеко!

Я думала, масленке
Семь недель, семь недель,
А дни масленки —
Один день, один день!

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленица-котофейка,
Проводили тебя хорошенько!

Я думала, масленке
Семь недель, семь недель,
А дни масленки —
Один день, один день!

№ 282

На масленицу обязательно качались на качелях. В гумнах веревки привязывали, на них доску — и качались и пели:

Масленица, масленица,
Вылетала с куста ластовица,
Кидала масло по кому,
Кто ухватит, так тому!
Ухватила молода Анютка.
Анютка ком ухватила,
Черпачки топила,
Свово суженьку поила!

№ 283

Как приехал Степанушка с Нова-города,
Как ударил Михайлович копьем в ворота.
Очутились воротички середі двора!
А взбрякнуло колечушко серебряное,
А заныло сердечушко Варварушкино.
«Выйди, выйди, Варварушка, за новы́е воротá,
Сустрень, сустрень, ой, Павловна, середі двора,
Поцелуй, поцелуй, ой, Павловна, сахóрны уста!»

№ 284

Коло рéчушки всё рябинка,
Всё рябинка, лёли, всё рябинка.

Коло быстрою всё зеленая,
Всё зеленая, лёли, всё зеленая.
Там Иванушка переходит,
Переходит, лёли, переходит.
Он Марусеньку переводит,
Переводит, лёли, переводит.
«Ты иди, Маруся, не шатайся,
Не шатайся, лёли, не шатайся.
За меня, молодца, не хватайся,
Не хватайся, лёли, не хватайся!» —
«На мне шубушка новая,
Новая, лёли, новая,
В мене пуговики медяные,
Медяные, лёли, медяные,
Мои петельки шелковые,
Шелковые, лёли, шелковые!»

№ 285

Черемушка, черемушка, густенький кусток.
На черемушке аленький цветок.
Далеко у поля алеется,
Алеется, голубеется.
Кто ж у нас по улицы проезжал?
Ой, кто ж у нас на вороном коне?
Полинарушка у воротичках стоит:
«Полинарушка, отвори ворота!
Егоровна, не отворяет ворота!» —
«Лександрушка, я не слушаю тебя,
За вчерашнюю за грубость за твою,
Что вчерась со мной спать не пошел.
Без тебя, мой друг, перины холодны,
Под перинушки мороз подполз,
Под одеяльцу ветер холоду нанес,
Подушечка потонула во слезах!»

№ 286

Теща про зятя пирог пекла.
В этом пироге три осьмины муки,
Соли да крупы на четыре рубли,
Лучку да мачку на семь рублей,
Маслица с яичком на восемь рублей;
Этот ли пирог с рублем двадцать стал.

Зять-то сел, у присеста съел.
Теща посéреде похаживает,
Косо на зятя поглядывает:
«Как тебя, зятя, не разóрвало?»
Теща-то зятя употчивала
В четыре дубинки дубовенькие,
В пятую дубинку вязовенькую.
«Дай-ка мне, теща, домой дойти,
Все эти побои на жене взворочу!»

ПЕСНИ ПРОВОДОВ МАСЛЕНИЦЫ

№ 287

В последний день масленицы, в воскресенье, утром берут эту куклу [«масленицу»], надевают на кол и ходят под окнами каждого дома, напевая такую песню:

Государыня ты масленица,
Полизуха ты, Борисьевна,
Полизала да уехала,
А опять-то не приехала!
Мы дождемся до великого дня.
В великий день нам яичко дадут.
А яичко-то красненькое,
А куличечка-то сдобненькая,
Подавайте, не ломайте
По целому пирогу!

№ 288

⟨...⟩ В последний день масленицы подростки ходили по деревне с песней, а хозяйки на блюде выносили им блины и деньги:

А свет, наша масленица,
Покатися по дворам,
Покатися, потянися
До петрова дня.
Александрины блины,
Подгорели они.

№ 289

А мы масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали.
На каталищах не бывали,
Не бывали, душа, не бывали.
Наша масленица обманила,
Обманила, душа, обманила.
На велик пост посадила,
Посадила, душа, посадила.
Наша масленица дорогая,
Дорогая, душа, дорогая.
Да ты, масленица, протянися,
Протянися, душа, протянися,
Один день за семь недель,
Соловея, соловея, душа, соловея.
Со Христова дня, до петрова дня,
Соловея, соловея, душа, соловея.

№ 290

Масленка, масленка,
Какая ты малая!
Кабы тебе семь недель,
А посту — одна́я!

№ 291

Наша масленица дорогая
Немножечко постояла.
Мы думали — семь неделек,
Схватились, спохватились —
Всего семь денечков!
Нас масленица подманила,
На большой пост посадила.

№ 292

Прощай, маслена-вертушка,
Настает великий пост,
Дома ужинать садятся,
Подают от редьки хвост!
Как на масленой неделе
В потолок блины летели!

Уж ты маслена, ты обманщица,
Ты сказала: «Семь недель»,
А остался один день.

№ 293

Поддергалась,
Подпоясалась —
На весь мясоед,
На всю масленицу!
Не отторну хвоста
До великого поста!
Прощай, масленица-ерзóвка!
Оставила нас —
На кислой квас,
На постные щи,
На холодные харчи!

№ 294

Солому, связанную в снопы, складывали в сани и корыта, поджигали ее, и всей гурьбой шли вслед за санями, вдоль деревни с песней:

Ты прощай, прощай,
Наша масленица.
Ты прощай, прощай,
Наша широкая.
Ты не в середу пришла
И не в пятницу,
Ты пришла в воскресенье,
Всю неделюшку веселье.
Ты пришла с добром,
С хмельным пивом и вином.
Со блинами, пирогами
Да со оладьями.
Блины масленые,
Шаньги мазаные.
Мы катаемся с горы
От зари и до зари.
А сегодня, в воскресенье,
Наше кончилось веселье.
Прощай, прощай,
Наша масленица!

№ 295

Мы масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали!
И в ямочку закопали,
Закопали, душа, закопали!
Мы на горушке не бывали,
Не бывали, душа, не бывали,
И сыр с маслом мы не едали,
Не едали, душа, не едали!

№ 296

А мы масленицу прокатали,
В ямочку закопали.
Лежи, масленица, до налетья,
А на лето раскопаем,
А на лето раскопаем.

№ 297

Прощай, масленица,
Пересмешница.
Тырь, тырь, монастырь!
Ты лежи, лежи, старуха,
На осиновых дровах,
Три полена в головах,
Ура!!!

ВСТРЕЧА
ВЕСНЫ

«КЛИКАНИЕ ВЕСНЫ»

сли масленица — это праздник проводов зимы, то первым весенним праздником была встреча весны, отмечавшаяся в разные даты марта (от 1 до 25, то есть от дня Евдокии до благовещенья), в зависимости от ее прихода в те или иные районы России. Возможно, что когда-то встреча весны представляла собой сложный целостный обряд, но уже в XIX веке от него осталось, по сути дела, лишь заклинание весны с помощью особых песен-закличек — «веснянок». Чаще всего их исполняли 9 марта, в день сорока мучеников (по народному — на «сороки»), время весеннего равноденствия, когда «день с ночью равняется». Накануне праздника все хозяйки пекли из теста фигурки «жаворонков» или «куликов», а утром раздавали их детям, которые, залезая на самые высокие места (на крыши, деревья, заборы), выкрикивали коротенькие веснянки. В них, как и в колядках, отразилась вера в способность слова превратить желаемое в действительное. Поэтому веснянки обращались к «жаворонкам», «куликам», прямо к персонифицированной Весне с просьбой принести «хлеба вольного, лета теплого». Наряду с императивным тоном многих пожеланий в этих песнях присутствуют элементы величания весны и ее предвестников — птиц.

После пения веснянок «куликов» и «жаворонков» либо съедали, либо отдавали скоту, либо зарывали в землю, веря, что в любом случае обрядовые фигурки принесут благополучие.

№ 298

Пъезжаем мы в эту деревню на восходе солнышка раннею весной: в оврагах снеговая вода бежит, пруд надувается, но снег еще не сошел, только на пригреве высохло. На сухом-то месте в конце деревни собрались крестьянские девушки, все наряженные: с чистыми полотенцами на голове, с лентами в косе, в белых льняных рубашках, в нарядных поневах, все обутые, правда, что обуты которые и в лапти, а то есть которые и в коты. Подъезжаете ближе и слышите: девки песни поют:

«Весна красна,
На чем пришла?
На чем пришла,
Пришла, приехала?» —
«На кобыле вороной,
С сохою, с бороной!»

— Что девки песни поют? — спросит какой-нибудь проезжий на ту пору в деревушку. — Теперь великий пост, а здесь девки песни поют! <...>

— Девки те не песню поют.

— Как не песню?

— А так, не песню! — ответит тот, кого спрашивали. — Не песню, это весну заклинают.

№ 299

В Калужском крае еще недавно весну кликали взрослые; 15—20 лет тому назад девушки-невесты, а лет 30 тому назад в некоторых местностях <...> и взрослые крестьяне-хозяева считали нужным и полезным покликать хотя бы с крыльца. Теперь <...> обряд <...> превратился в забаву подростков и детей <...>

9 марта утром хозяйки пекут «жаворонков» <...> из пресного ржаного теста, реже из пшеничного; иногда из вареного картофеля, обваленного в муке. Тесто из муки катают в виде жгута и связывают его узлом. Комок картофельного теста раскатывают, лепят головку, надрезывают тесто на противоположном крае полосками (хвост), прилепляют сверху две полоски теста крест-накрест (крылья) <...> Вместо глаз вставляют угольки, горох, гречишные зерна, конопляное семя, ягоды можжевельника <...> В тесто вливают конопляного масла <...> смазывают птичек распущенным сахаром. На головке лепят хохолок <...> [Иногда] на спинку «жаворонка» сажают его детенышей, вылепленных из того же теста <...> В семье пекут по одному, по два «жаворонка» на каждого ребенка <...>

[В одной из деревень] 9 марта <...> в 11 утра ребята — мальчики и девочки, от 8 до 12 лет, пошли с печеными «жаворонками» на край деревни во фруктовый сад <...> Школьники воспользовались для этого перерывом между уроками <...>

Дети вошли в сад и по глубокому снегу подошли к плетню и посадили свои «чувильки» [«жаворонки»]. Затем они нараспев стали кликать:

Жа́воронки, жа́воронки,
Дайте нам лето!
А мы вам — зиму,
У нас корму нету!

* * *

Жаворо́нки, жаворо́нки,
Прилетайте к нам!
Тут кисели толкут,
Тут блины пекут!

* * *

Жаворонки, жаворонки,
Катитесь колесом,
Ваши дети за лесом,
Связаны поясом.

* * *

Чу-виль-виль,
Весна пришла
На колясочках.
Зима ушла
На саночках.

* * *

Мужички, мужички,
Точите сошнички:
Скоро пашеньку пахать.

⟨...⟩ Каждую отдельную формулу ребята нараспев повторяли по несколько раз, затем делали маленькую паузу и переходили к новой песенке. Кончив кликание, они поиграли со своими «жаворонками» и съели их тут же в саду¹.

Жавороночки,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лета теплого,
Хлеба доброго!
Чувиль-виль-виль.
«Весна красная,
На чем пришла?» —
«На сохе, на бороне,
На пшеничном пироге».

* * *

Жаворонки, жаворонки,
Прилетайте к нам!
Приносите нам
Весну красну,
Красну солнышку,
Теплу гнездышку!

---

¹ Едят обыкновенно всю птицу за исключением головы, которую малыши берегут каждый для своей матери ⟨...⟩ А дома каждый мальчик отдает голову «жаворонка» матери со словами: «На-ко, мама, тебе голову от «жаворонка»: как «жаворонок» высоко летал, так чтобы и лен твой высокий был. Какая у моего «жаворонка» голова, так чтобы и лен головастый был» ⟨...⟩ (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903. С. 35. Зап. в Орловской губ. Вт. пол. XIX в.)

Жаворонок, жаворонок,
Вот твой брат!
Лети высокенько,
Пой хорошенько!
«Весна красна,
На чем пришла?» —
«На сошечке,
На борóночке,
На овсяном снопу,
На оржаном колосú!»

* * *

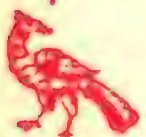
Чивíль, чивíль, жа́воронок,
Вот твой дитенок!
Дай нам лето!
Нам зима надое́ла:
Весь хлеб поела,
Кудельки отпряла,
Веретёнца поломала.
«Весна красна,
На чем пришла?» —
«На хомутике,
На кнутике,
На сошке,
На борóнке.
На худой лошаденке,
На овсяном снопу».

* * *

Жив жаворонок!
По полю летает,
Зернышки собирает,
Весну заклиняет!

* * *

Жаворóнки, жаворóнки,
Летите из-за моря!
Несите здоровья!
Кому крошку,

Кому ложку,
А мне цельную лепешку!
Жаворонки, жаворонки,
Летите к нам в Валварёнки!
Несите нам здоровья!
Кому коровий носок,
А мне — целый кузовок!

№ 300

9 марта <...> в каждом доме пекут «кулики». Девушки и парни берут по «кулику», идут на гумно, какой-нибудь один из участвующих собирает «кулики» и прячет их в солому.

Потом все поют по три раза следующие песни:

Кулики, кулики, куликали,
Весну красную заклинали:
«Весна красна, на чем пришла?» —
«На сохе, бороне, на кривой кочерге,
На жердочке, на бороздочке,
На ржаном колоску,
На пшеничном пирожку!»

* * *

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со великою к нам
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со пшеничкой золотистою,
С овсом кучерявым,
С ячменем усатым,
Со просом, со гречею,
С калиной-малиною,
С черной смородиною,
С грушами, со яблочками,
Со всякой садовинкой,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой!

В пении этих песен и заключается в данное время обряд «закливание весны». Затем вся молодежь ищет

своих «куликов», съедают их тут же и, выйдя на улицу, поют «весенние песни».

№ 301

〈...〉 Девушки брали их [«жаворонков»] с собой на гумна, где пели что есть силы, как можно громче:

Лето, лето, вылазь из подклета!

А ты, зима, иди туда,—

С сугробами высокими,

С сосульками с морозными,

С санями, с подсанками!

А ты, лето, иди сюда,—

С сохой, с бороной,

С кобылой вороной!

Лето теплое, хлебородное!

Затем пышки съедались, частью вешались на колья: чтобы гумно всегда было полно хлебом.

№ 302

[9 марта дети] собираются на огородах и приносят с собою «куликов», которые пекут из пшеничного или ржаного теста. Иногда они называются «жаворонками». Этих «куликов» привязывают нитками к шестам, которые втыкают в одонки. Ветер качает «куликов», так что они представляются как бы летящими, а дети поют:

«Весна красна,
На чем пришла?» —

«На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке». —

«А мы весну ждали,
Клочки допрядали».

Летел кулик из заморья,

Принес кулик

Девять замков.

«Кулик, кулик!

Замыкай зиму.

Замыкай зиму,

Отпирай весну —
Теплое лето!»

№ 303

После обеда [на благовещение] молодежь выходит на улицу, становится в круг и, схватившись рука с рукой, начинают закликать весну:

«Весна красна!
На чем пришла?» —
«На жердочке,
На тоненькой;
На досточке,
На славенькой.
С хлебами обильными,
Со льном высокиим!»

ВЕСНЯНКИ

№ 304

Лето, лето,
Поди сюда!
А ты, зима,
Ступай на моря!
Надоела нам,
Надоскучилася.
Э, рученьки
Приморозила,
Все суставчики
Перезнобила,
Метель глазки все
Повыхлестала,
Метель-вьюга
Всё повымела.

Уж вы жаворонки,
Жавороночки,
Прилетите вы к нам,

Принесите вы нам
Лето теплое,
Весну красную!
Хоть под крылышком,
Под бутылышком!

А соха-борона,
Ступай на поля,
Вспаши, взборони
Хлебца новенького,
Хлебца новенького,
Посоленького!

Две ластушки,
Три касатушки!
Коровки ревут —
На волю хотят,
Лошадки идут —
Они травки ждут,
Свинки хрючât —
Корешков хотят,
Овечки кричат —
Они травки хотят,
Шелкóвой травы,
Ключевой воды.

№ 305

Жавороночек на приталинке
Распевает, распевает.
Он зовет себе, он зовет себе
Вёсну красную, вёсну красную.
Не лежать снежкам во чистом поле —
Растопиться, растопиться,
В синё море, во синё море
Укатиться, укатиться.

№ 306

Ой, весна моя,
Ты весняночка!
Из-за темных лесов,

Из-за синих морей
Приходи!
Солнцем, светом озари!

№ 307

«Весна красная,
Долгожданная!
Где ж ты долго
Так бродила?»—
«Зимой лютою
Повстречалася,
Растопила ее сердце хладное,
Напоила землю-матушку!»

№ 308

«Весна, где бывала?»—
«В лесу зимовала,
Горóд городила,
Капусту садила,
Краски заводила!»

№ 309

«Весна, весна,
На чем пришла?» —
«На сохе, на бороне,
На кобыле воронé!»

Ой вы, жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье;
Второе овечье;
Третье человечесьё!

№ 310

«Весна, что ты нам принесла?» —
«Принесла я вам три угодыя:

Первое угодюшко — животинушка в поле,
Другое угодюшко — с сошкою в поле,
Третье угодые — пчелки на полете,
Да еще угодица — миру на здоровьица!»

№ 311

«Ой, весна красна, теплое летечко,
Ой люли, люли, теплое летечко,
Что ж ты вынесла, что ж ты вынесла?
Ой люли, люли, что ж ты вынесла?»—
«В поле сенушка, в закрома хлебушка,
Ой люли, люли, в закрома хлебушка,
Ой, еще яиц, колбасы конец!
Ой люли, люли, колбасы конец!»

№ 312

«Ой, весна красна, что ты нам принесла?
Ой, люли, люли, что ты нам принесла?
Что ты нам принесла, чем ты наградила?
Ой люли, люли, чем ты наградила?
Или ярким солнышком, или хорошей погодой?
Ой, люли, люли, хорошей погодой?
Или хорошей погодой, или хорошим здоровьем?
Ой, люли, люли, хорошим здоровьем?»—
«Хорошим здоровьем, да на полный же год
Ой, люли, люли, да на полный же год».

№ 313

Весна красная, теплое летечко,
Ай, люли-люли, теплое летечко.
Вот пришла весна, весна красная,
Ай, люли-люли, весна красная.
Принесла весна золоты́ ключи,
Ай, люли-люли, золоты́ ключи.
Ты замкни, весна, зиму лютую,
Ай, люли-люли, зиму лютую.
Ототкни, весна, тёпло летечко,
Ай, люли-люли, тёпло летечко.
Зароди, весна, жито густое,

Ай, люли-люли, жито густое.
Жито густое, колосистое,
Ай, люли-люли, колосистое.
Чтоб было с чего пиво варити,
Ай, люли-люли, пиво варити.
Чтоб было с чего пирогов напечь,
Ай, люли-люли, пирогов напечь.
Пирогов напечь, сынов поженить!
Ай, люли-люли, сынов поженить.

№ 314

Сама мати Пречистая на улицу выходила,
Лелемьё-лелем, на улицу выходила,
Ключи выносила да зиму замыкала,
Лелемьё-лелем, да зиму замыкала.
Да зиму замыкала, а лето отмыкала,
Лелемьё-лелем, а лето отмыкала.
Ой, дай, боже, лето, зароди, боже, жито!
Лелемьё-лелем, зароди, боже, жито.
Кустисто, рясисто да еще колосисто.
Лелемьё-лелем, да еще колосисто!
Прасковьюшка мала, стоя жито жала,
Лелемьё-лелем, стоя жито жала.
Снопов не вязала, батюшку ожидала,
Лелемьё-лелем, батюшку ожидала.
Батюшка приедет, снопочки повяжет,
Лелемьё-лелем, снопочки повяжет.
В кучечку поносит, в клеточки положит,
Лелемьё-лелем, в клеточки положит.

№ 315

А звон-колокол благовещенский,
Ай, люли-люли, благовещенский.
Благослови, боже, нам весну гукати,
Ай люли-люли, нам весну гукати,
Нам весну гукати, зиму провожать!
Ай, люли-люли, нам зиму провожать.
Вылети, черная галочка,
Ай, люли-люли, черная галочка.
Вынеси, вынеси золоты́ ключики,

Ай, люли-люли, золоты ключики.
Отомкни, отомкни теплое летечко,
Ай, люли-люли, теплое летечко.
Ты замкни, замкни холодную зимушку!
Ай, люли-люли, холодную зимушку.
Подледна вода разливается, разливается,
Ай, люли-люли, разливается.
А Леня дочкой набивается,
Ай, люли-люли, набивается.
«Ты возьми, Витенька, мою доченьку,
Ай, люли-люли, мою доченьку.
Вот тебе задатка — золота лупотка!»
Ай, люли-люли, золота лупотка.

**ВЕЛИКОПОСТНЫЕ
ОБРЯДЫ**

После встречи весны существовал целый ряд дохристианских по происхождению обычаев и обрядов, совершавшихся во время великого поста. Они должны были, по поверью, дать плодородие земле, благоприятствовать новому урожаю, принести здоровье и силы самому крестьянину, его семье, сохранить скот. Первый обряд, так называемое «средокрестие», приходился со среды на четверг четвертой недели поста, когда заканчивалась первая его половина. Тем самым пост как бы «переламывался пополам», поэтому неслучайно праздник назывался в народе «преполовлением». По обычаю, на средокрестие в деревнях пекли печенье в форме крестов, в которые запекали для каждого члена семьи различные предметы. В зависимости от того, кому они попадали, гадали о ближайшем будущем. Крестообразная форма печенья возникла, скорее всего, под влиянием христианства, но сам обряд восходит к древности и является пережитком земледельческой магии. Недаром в ряде мест кресты закапывали в землю перед севом или кормили ими скот.

В Костромской и в некоторых районах Горьковской области был распространен обычай собирать детьми кресты с пением песен-колядок. В текстах их сохранилась одна архаическая особенность обряда: дети просят облить их водой, что свидетельствует о связи сбора крестов с магическим заклятием дождя, столь нужного перед началом полевых работ.

Также, несомненно, из древности пришел и ставший христианским обычай освящения вербы в воскресенье за неделю до пасхи. Вербa — первое дерево, на котором появляются весной почки. Она, вестник весны, обладающая особой магической силой плодородия, могла, по мнению крестьян, принести благополучие и достаток, обезопасить скотину от мора и гибели, повлиять даже на предметы домашнего обихода. Для этого нужно было только слегка ударить вербой всех членов своей семьи, животных, орудия труда, мебель и так далее, произнося при этом приговоры-заклятия (№ 325—326).

Вся последняя неделя великого поста сопровождалась очищением водой жилищ, купанием людей в холодной воде. Самый разгар очистительных обычаев приходился на «великий» или «чистый» четверг. Четверговая вода, взятая еще до восхода солнца¹, обладала, по поверью, особой живительной силой. Поэтому в этот день мылись сами, обливали водой домашних животных. Такую же целебную силу приписывали соли, пережигаемой в печах на великий четверг. Ее использовали как лекарство для людей и для скота.

Еще одним способом очищения было окуривание²: прыганье через огонь всех членов семьи для того, чтобы запастись на целый год здоровьем, уберечься от всякой нечисти. Через дымящийся можжевельник прогоняли лошадей, коров, овец.

Существовали также обряды-обереги, которые предохраняли и двор и дом от бед. Например, нужно было трижды с заклинаниями обежать двор, очерчивая, таким образом, «магический круг», отпугивающий все силы зла.

В великий четверг, для того чтобы уродился хороший урожай, крестьяне имитировали пахоту и сев. К тому же времени было приурочено «заклинание мороза». Хозяйка варила кисель и выносила его на улицу, прося мороз есть кисель и не губить овес или рожь. Тем самым стремились предохранить всходы от заморозков.

Даже среди обычаев и обрядов пасхи, одного из самых крупных христианских праздников, можно найти дохристианские мотивы. Так, крашеное яйцо — один из древнейших символов плодородия, которому приписывали разнообразные магические свойства: от лечения больных до тушения пожаров и способности обнаруживать заблудившихся в лесу коров или овец.

Пасха — начало уличного гулянья молодежи с хороводами и качелями, первоначально имевшими также магический смысл: хоровод ходил по кругу, имитируя движение солнца и как бы усиливая солнечное тепло, а чем выше раскачивались качели, тем скорее должны были расти посевы, тем длиннее урождался лен.

Среди белорусов, а также в соседних с Белоруссией русских областях, в Смоленской и Псковской, существовал еще и такой пасхальный обычай — крестьяне обходили дома с пением так называемых волочебных песен. В них перечисляются божества плодородия — покровители землепашцев — в образе христианских святых и те работы, в которых

---

¹ Раннее утро считалось наиболее благоприятным временем для совершения многих архаических обрядов и заклинаний.

² Окуривали, как правило, дымом вереса (можжевельника), который по праву считается лечебным средством.

они помогают на поле. Композиция и поэтика волочебных песен имеет много общих черт с колядками.

Сугубо русским обычаем волочебного обряда было окливание молодоженов, или «выюнины» — исполнение величально-заклинательных с пением «выюнишных» песен в первое после пасхи воскресенье, называемое в народе красной горкой (день св. Фомы). Обряд окливания был распространен в ряде центральных районов России и в Поволжье (во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях). В ряде мест выюнишные песни, как и волочебные, сохранились по сей день.

Окликание, отмечает В. К. Соколова, «было как бы завершение весеннего чествования молодоженов, начатого на масленицу». Это был своеобразный праздник принятия новой семьи в крестьянскую общину. Иногда только после «выюнин» родственники мужа, и прежде всего свекровь, начинали загружать молодую тяжелой работой (см. № 370). Выюнишные песни, исполняемые с особым припевом: «выюнец — молодец (выюной — молодой)», «выюница — молодца (выюная — молодая)», могли адресоваться либо обоим супругам вместе, либо каждому в отдельности. По сути своей, выюнишные песни — это те же колядки, но все пожелания в них касаются исключительно благополучия семьи. Во выюнишных песнях встречается образ растущего во дворе величаемых молодоженов дерева. Этот символ новой, только что образовавшейся семьи неизвестен другим типам обходных песен. По мере разрушения обряда окливания — основными исполнителями песен становятся дети, которые сокращают песенный текст, оставляя, чаще всего, лишь одну просьбу одарить. Но не просто одарить, а одарить яйцом — символом зарождения новой жизни.

СРЕДОКРЕСТИЕ-ПРЕПОЛОВЕНИЕ

№ 316

В среду четвертой недели великого поста <...> во всех крестьянских домах пекут из пресного пшеничного теста кресты по числу членов семьи. В крестах запекают или куриное перышко, «чтобы куры велись», или ржаное зерно, «чтобы хлеб уродился», или, наконец, человеческий волос, «чтобы голове легче было». Кому попадется крест с одним из этих предметов, тот считается счастливым. В среду же <...> маленькие дети ходят под окна поздравлять хозяев с окончанием первой половины поста. В некоторых местностях этот обычай поздравления выражается в очень оригинальной форме: ребятишек-поздравителей сажают, как цыплят, под большую корзину, откуда они тоненькими голосами поют: «Здравствуйте, хозяин — красное солнышко, здравствуйте, хозяйюшка — светлый месяц, здравствуйте, дети — яркие звездочки!.. Половина говенья переломилась, а другая наклонилась». Простодушных ребят-поздравителей принято обливать при этом водой, а затем, как бы в награду за перенесенный испуг, им дают кресты из теста.

№ 317

<...> В два разных креста запекают копейку и крест или же только копейку. Два пустых креста хозяйка кладет в кусок, где они и хранятся до посева, остальные кресты хозяйка за ужином раздает всей семье, причем тот, у кого окажется в кресте копейка, признается самым удачливым на этот год; обнаружение же запеченного креста принимается как указание на скорую смерть <...> [В другом селении] бытовал обычай: кому доставалась копейка, должен был весной засеять яровое.

№ 318

В Рязанской губернии в кресты запекали зерна разных злаков, и если какие-нибудь из них сгорали, то считали, что на эту культуру не будет урожая. <...> В Калужской и Рязанских губерниях печенье-крест давали лошади, на которой пахали. <...> В Курской губернии вместе с крестами пекли маленькие лепешечки, их в тот же день давали скоту, а один крест закапывали в овес. Его брали с собой в поле и съедали, когда начинали сеять, чтобы «овес ровный был».

№ 319

Половина говенья
Переломилася,
А другая под овраг
Покатилася.
Подайте крест,
Подайте другой,
Обмывайте водой!

№ 320

Крестики, крестики,
Жавороночки,
Крест подают
И водой обдают!
Половина-то говина
Перевалится,
Кадка с молоком
Перекатится!

№ 321

Половина говенья
Переломилася,
А другая под овраг
Покатилася.
Подавайте крест,
Подавайте другой,
Обмывайте водой!

Обмывайте гуще,
Подавайте пуще!
Красные сапожки
С неба упадут,
Старые старушки
По крестику дадут!

Поют на крестовой неделе (то есть в среду четвертой недели великого поста). Поют мальчишки, [выпрашивая] печенье, которое пекут в эту среду.

№ 322

Кресты-богомолы
Побежали по дороге.
Овес толкчи!
Блины пекчи, овсянички!
Половина говина треснет,
Подай нам крести!
Подай, не ломай
Разовесь каравай!
Хрен да редька переводится,
Кадка с молоком катается,
Белой сахар рассыпается.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

№ 323

В вербное воскресенье крестьяне во время утрени молятся с освященной вербой и, придя домой, глотают вербные почки для того, чтобы предохранить себя от болезни и прогнать всякую хворь. Детей своих (а также и скотину) крестьяне слегка хлещут вербой, приговаривая: «Не я бью — верба бьет, верба хлест бьет до слез!» В этот же день бабы пекут из теста орехи и дают их для здоровья всем домочадцам, не исключая и животных. Освященную вербу берегут до первого выгона скота (23 апреля [до егорьева дня]), причем всякая <...> хозяйка выгоняет со двора скот непременно вербой, а самую вербу затем или

«пускают на воду», или втыкают под крышу дома, с тою целью, чтобы скотина не только сохранилась в целости, но чтобы и домой возвращалась исправно, а не блуждала бы в лесу по нескольку дней.

№ 324

〈...〉 Бабушки запекали в хлебцы шишечки вербы и обязательно скармливали его скотине.

№ 325

〈...〉 Домочадцы били друг друга ветками распустившейся вербы. 〈...〉 [В некоторых местах били] не только людей, но и домашних животных и предметы домашнего обихода. Отвербовывание сопровождалось словами:

Верба свята,
Верба свята!
Не я освящаю —
Бог освящает
Печки-перепечки:
На божью милость,
На житьё-бытьё,
На корысть, на радость,
На божью милость.
Хлеб спор,
Животам приплод.
На тебе веревочку,
А мне парочку яичек!

№ 326

Верба, верба,
Верба хлѣст.
Верба хлѣст
Бьет до слез.
Верба синя
Бьет несильно.
Верба красна
Бьет напрасно.
Верба бела
Бьет за дело.

Верба хлѣст
Бьет до слез!

№ 327

**Описание празднования
кануна вербного воскресенья**

[К празднованию вербного воскресенья молодежь в селах Пензенской губернии начинала готовиться] <...> за три-четыре дня. Девушки, разделившись на группы, собирали продукты, из которых в субботу готовили рыбный «курник» и кашу, пекли гречневые блины, варили брагу. Молодежь веселилась, потом угощалась. В полночь шли по селу от дома к дому, «воспевая гимн»:

Ай, наша деревня,
Чистый городок деревня,
Половина Москвы
Стоит на полуюре,
На которой роща...

Около ворот каждого дома кричали: «Отопри, отопри, молодая, вербошкою бить, здоровьем больше прежнего наделить!» Молодая отпирала ворота, и толпа входила во двор с песней:

Был бы урожай хлеба,
Скота умноженье.

В избе слегка ударяли спящих вербой, приговаривая: «Верба хлѣст, бей до слез!», «Вставай рано, бей барана!», «Бьем, чтобы быть здоровым!». Последней били молодую, а она кланялась и провожала за ворота молодежь, которая пела:

Не нашего околотка девки толстопряхи,
А нашего — тонкопряхи...

Потом возвращались в дом, где было приготовлено угощение, и ели блины и кашу. Утром кашеварки угощали блинами пришедших поздравить их с праздником мальчиков. Все торжество оканчивается песнями, пляскою и неприличными коверканиями <...>

ВЕЛИКИЙ («ЧИСТЫЙ») ЧЕТВЕРГ

№ 328

Последняя неделя великого поста называется «страстной». В течение всей этой недели крестьяне <...> не покладают рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки бедных людей и привести свои убогие жилища в чистенький и, по возможности, нарядный вид. Мужики с первых же дней страстной недели заготавливают хлеба и корму для скотины на всю светлую седмицу¹, чтобы в праздник не приходилось хлопотать и чтобы все было под рукою. А бабы и девушки хлопчут в избах: белят печи, моют лавки, скоблят столы, вытирают мокрыми тряпками запыленные стены, обметают паутину. Разгар бабьих работ <...> выпадает на «чистый» четверг, который признается не просто днем страстной недели, а каким-то особенным угодником божьим, покровительствующим чистоте и опрятности. В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». На этом же основании и бабы считают своим долгом мыть ребят, а иногда и поросят, а также чистить избы. «Если в «чистый» четверг вымоешь,— говорят они,— весь год чистота в избе водиться будет». <...> Кроме всеобщего мытья крестьяне стараются приурочить к «чистому» четвергу и убой скота и свиней, предназначенных для праздничного стола [на пасху] и для заготовления впрок. Это делается на том же основании, как и мытье избы: угодник божий, «чистый» четверг, сохраняет мясо от порчи; в особенности если к нему обратиться со следующей короткой молитвой: «Чистый» четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время!»

Покончив с убранством избы, бабы приступают обыкновенно к стряпне <...>

№ 329

В великий четверг [рано утром] «большуха» [старшая в семье женщина] <...> идет на колодезь и, принеся воду,

¹ Первую неделю после пасхи.

опускает в нее серебрушку (монету)¹. Этой водой все умываются. Девушки берут воду и бегут в хмельник «до вороны» (то есть пока она еще не закаркала) и умываются тут, приговаривая: «Как хмель любят добрые люди, так бы и меня любили».

№ 330

Во многих случаях обычай омовения сопровождается довольно сложной обстановкой. Глухою ночью, далеко до света, чтобы ворон не успел выкупать своих птенцов, идут бабы на речку (вода для обряда должна быть непременно проточная) с ведрами и кувшинами. Черпают воду на восходе солнца и перед домом сначала обливаются сами, а потом будят мужа и взрослых детей, заставляя их также обливаться с головы (маленьких детей моют в горячей воде).

[Хозяйки еще до выхода за водой] в темноте ночной прядут катушку ниток, ссученных в обратную сторону, и, по совершении омовения, перевязывают этими нитками руки на запястьях, ноги на предплюснах и поясницу как себе, так и каждому из членов семьи — в уверенности, что все, исполнившие обряд, весь год не подвергнутся никакой болезни (носят эти перевязки обыкновенно до тех пор, пока они не изотрутся).

[В этот же день существует обычай] первого пострижения волос у тех малых ребят, у которых они с первого дня рождения еще не стриглись и успели вырасти настолько, что потребовались ножницы; <...> подстригают у овец шерсть на лбу, у кур, коров и лошадей — хвосты. Делается это в той уверенности, что от подобных пострижек у овцы будет руно длиннее и гуще, лошади не станут скакать через изгороди и портить колья, а у коров не потеряется молоко и что, сверх того, сами животные не потеряются в лесных чащах, не заблудятся, не завязнут так, чтобы даться легкой добычей медведю или волку и тому подобное.

Из описания таких домашних невзгод в некоторых лесных местах, особенно там, где еще не обзаводятся пастухами, добрые хозяева даже гадают о судьбе своей скотины,

¹ «С серебра умываются, чтобы лицо было чистое»; «чтобы жить богато, чтобы водились деньги»; «для здоровья».

для чего <...> до восхода солнца примечают: если скотина лежит головой, обращенной на закат, то это добрый знак, и такая животина благополучно прогуляет все лето; та же, которая стоит или лежит головой к воротам,— не надежна для дома и может пропасть. Чтобы этого не случилось, малым ребятам велят с колокольцами в руках три раза обегать во все лопатки кругом двора с криком: «Около двора железный тын». А бегать надо так, чтобы не упасть, ни с кем не столкнуться и не поскользнуться. В глухой Новгородчине это гаданье обставляется несколько иначе: бабы открывают печную трубу и, набравши в подол овса, взбираются на крышу и кричат в трубу: «Коровы-то дома?» Кто-нибудь из семейных подает им из избы успокоительный ответ, и бабы «уговаривают»: «Так-то вот, коровушки, в лесу не спите, домой ходите!» Затем, уйдя на двор, скармливают овес скотине. Так ведется еще в белозерских и череповецких местах. А в прославленной Уломе в тех же видах сбережения скотины прикармливают домового, для чего выпрядут нитку в левую сторону, обведут ею кругом двора три раза, спутают ноги цыпленка также три раза и обнесут его кругом стола с приговором: «Чужой домовой, ступай домой, а свой домовой, за скотиной ходи, скотину паси!» Чтобы куры не теряли яиц, а неслись бы на своем дворе, кормят их зерном, насыпанным в обруче, а чтобы ястреб не таскал кур и цыплят, эту хищную и злобную птицу устрашают крынкой с выбитым дном, оставляя ее на огороде, к изгородям которого, по возможности ко всем кольям, привязывают сверх того нитки, и конечно, до восхода солнца, чтобы никто не видал, не сглазил и, таким образом, не утратили бы своей силы и могущества все эти заботы и хлопоты, заговорные слова, шепоты и действия. А чтобы заговорное слово было крепко, ходят в лес (также до солнечного восхода) за вересом или можжевельником, в который в лесных местах верят повсюду. Могуществом своим можжевельник уступает лишь сору из муравьиной кучи, а чудодейственная сила его зависит от умения им пользоваться и доставать его. Прежде всего войти в лес надо с молитвой: «Царь лесной и царица лесная, дайте мне на доброе здоровье, на плод и род!», затем надо идти, не умывшись, не помолившись, и соблюдать строжайшую тайну, чтобы никто не приметил. Дома же принесенное надо разбросать по двору и хлевам, и только в таком случае не

постигнет семью никакая напасть и не стряется никакой беды над скотиной. Впрочем, в некоторых местах <...> даже этих мер считается мало, и, для окончательного успокоения и уверенности, соблюдается еще до сих пор такой прием: принесенный из лесу верес ранним же утром, до восхода солнца, зажигают на сковороде или жестяном листе посредине избы, на полу, и все члены семьи скачут через этот огонь, запасаясь на весь год здоровьем и окуриваясь от дьявольщины, которая в этот день в особенности хлопотлива и проказлива <...>

№ 331

[Специфическим обычаем великого четверга было приготовление так называемой «четверговой» соли.]

<...> Домохозяйки во время топки печей пережигают соль. <...> Эту соль дают скоту во время болезней; кладут ее в пойло или в корм <...>; [ее] едят и люди во время болезней.

№ 332

[В некоторых районах домохозяева имитировали работу в поле для того, чтобы] не брала усталость в течение лета в работе: [хозяйка] <...> берет косу и делает вид, что косит; потом серп — и жнет; потом молотило — и молотит (все это в избе, конечно).

№ 333

Домохозяин, до восхода солнца, трясет сохой, чтобы хлеб лучше родился.

№ 334

К великому четвергу был приурочен еще один обычай — «закливание мороза».

Домохозяйки варят овсяный кисель, с которым выходят на улицу (берут или весь кисель, или только одну ложку этого киселя) и говорят: «Мороз, мороз, не побей наш овес, но приходи кисель есть!» Этот кисель большею частью

сберегают до первого дня пасхи, в который разговляются им прежде пасхи и кулича.

№ 335

〈...〉 А потом хозяин выносил остатки [киселя] на улицу или раскрывал окно и говорил: «Мороз, мороз, поди к нам кисель с молоком хлебать, чтоб тебе наше жито и поле оберегать, градом не бить, червем не точить и всему бы в поле целу быть».

№ 336

〈...〉 Хозяин или хозяйка выплескивают через порог на улицу ложку киселя и произносят одну из следующих закличек:

Мороз, мороз,
Ступай к нам кисель есть!
Не бей рожь и житарь,
А на посконь воля твоя!

* * *

Мороз, мороз,
Не бей наш овес, нашу рожь!
Бей дуб, да клен, да бабий лен,
Да конопли, как хочешь, колоти!

* * *

Мороз, мороз,
Иди кисель есть!
Не бей наш овес, нашу рожь,
А бей быльник да крапивник!

После произнесения заклички вся семья съедает кисель. В некоторых местах мороз заклинают не с киселем, а с похлебкой или со щами. Действие остается неизменным, меняется только соответственно текст:

Мороз, мороз, иди к нам обедать,
А опосля не морозь нас!
Не губи наш овес,

А наши конопли,
Как хочешь, колоти.

№ 337

«С киселем на овин» ходят ребята «зверей кликать». <...> Они забирают в овин блюдо с овсяным киселем, садятся там на соломе и начинают созывать всех зверей: «Волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, горностайцы, идите к нам кисель есть!» Какой-нибудь парень надевает вывороченную шубу и приползает в овин на четвереньках, изображая медведя и пугая детей. Кисели дети съедают в овине после кликанья.

№ 338

[Ритуальные обходы дворов могли совершаться и по-другому:] <...> Девушка до солнца садилась на помело, распускала волосы и в одной рубахе, без пояса, объезжала дом с постройками. Подъехав к окну, обращалась к матери: «Тетка Анна, скотина дома?» — «Дома!» Благословляла. И так три раза. Это чтобы скотина была здорова и от дому не отказывалась.

№ 339

<...> Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубахе объезжает три раза свой дом, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством».

№ 340

<...> На кочергу садится хозяин и объезжает трижды вокруг избы и поля. При этом он говорит: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день чистого четверга тебе в ... кочерга!»

№ 341

[Для предохранения скотины использовались и другие магические действия:] Ходят в лес кричать, для того,

чтобы не было хищных зверей. Кричат: «Волки, медведи — из слуха вон! Зайцы, лисы — к нам в огород!» При этом стучат в сковороды, звонят в коровьи колокольчики и тому подобное.

№ 342

⟨...⟩ Хозяин брал четыре небольших куска мяса и шел на «росстань» (перекресток), там раскладывал мясо по дорогам на четыре стороны, сам становился в центр лицом на восток, кланялся и три раза произносил: «Черные лютые звери, серые волки, принес я вам питание-еду, не надейтесь больше на меня!»

№ 343

Через дымящийся верес прогоняли скот и сами проходили.

ПАСХА

ПАСХАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

№ 344

К

пасхе готовились заранее. В частности, накапливали яйца, которые в четверг перед пасхой красили <...> в луковой шелухе. Окрашивали по 100—200 яиц. В течение пасхи их раздавали проходящим «христосоваться» детям, а также в первый день праздника разговлялись сами всей семьей. Часть яиц приберегали для членов семьи и делили между ними поровну.

№ 345

<...> Крестьяне повсюду верят, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положивши на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить его «вольной» птице. <...> При помощи пасхального яйца получают облегчение и живые от всех болезней и напастей. Если яйцо, полученное при христосовании от священника, сохранить на божнице в течение трех и даже 12 лет, то стоит только такое яйцо дать съесть тяжелым больным — и всю хворь с них как рукой снимет. Помогает яйцо и при тушении пожаров. <...> Но всего больше помогает пасхальное яйцо в земледельческих работах: стоит только во время пасхального молебна зарыть такое яйцо в зерна и затем выехать с этим же яйцом и зерном на посев, чтобы обеспечить себе прекрасный урожай.

№ 346

С пасхальным яйцом в Ярославской губернии искали пропавшую или заблудившуюся в лесу корову, овцу. В не-

которых местах им гладили скотину по хребту, чтобы она не болела и шерсть у нее была гладкой (обычно это проделывали перед первым выгоном).

№ 347

На пасхе катали яйца в лотке по желобку. Этой забаве предавались и взрослые, и дети. Каждый норовил при катании разбить яйцо своего противника, после чего оно переходило в собственность хозяина уцелевшего яйца.

№ 348

В первый же день пасхи по деревням попы ходят с молебном. Сначала молебны служат в отдельных избах. Перед «приходом икон» хозяева постилают на лавках переднего угла солому и ставят на нее севалки с рожью, овсом и льном <...>

По окончании молебствия священник сеет по избе горсть взятого из севалки овса, который потом подбирают куры. Освященные семена берегутся до посева: ими начинают сев в первый день <...>

После окончания молебна по избам, в некоторых деревнях начинается молебен по овинам. В д<еревне> Непеино, когда иконы приносят на гумно, хозяин прячется в подлаз овина и на тоекратный возглас священника: «Христос воскрес!» — отвечает: «Воистину воскрес!» Спрятавшийся крестьянин изображает «овинника» (дух, якобы живущий в овине). После этого считается, что овинник не будет хозяину вредить.

№ 349

«Качули» (качели) <...> устраиваются на другой день пасхи. Постановка их лежит на обязанности главным образом тех парней, которые имеют взрослых или подростков-сестер. Материал для качелей всегда артельный: кто дает бревна, кто веревку, кто доску; другие помогают ставить «козлы», «слегу» встаскивать, веревки вешать <...> В деревушке удовлетворяются одной качелью; в селах ставят — две-три. Качанье доступно для всех окружающих того околотка, где стоят качели; в другом околотке надо ожидать <...> приглашения.

№ 350

⟨...⟩ На качелях катаются решительно все. Где-нибудь в конце деревенской улицы парни устраивают так называемые «общественные» качели, и возле этих качелей образуется нечто вроде деревенского клуба: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками и «тальянками» толпятся здесь с утра до ночи: одни только глядят да любуются на чужое веселье, другие веселятся сами. Первенствующую роль занимают здесь, разумеется, девушки, которые без усталости катаются с парнями ⟨...⟩

№ 351

Качаясь, приговаривали:

Подкачнуся высоко,
Увижу далеко,
Где мой братка гуляет,
Червоное яйко катает.

№ 352

В разных местностях парни, качая девушек, устанавливали свои обычаи, чтобы было посмешнее. ⟨...⟩ Например, в Горьковской области ⟨...⟩ два парня становились по краям доски, в середину садилась девушка. Раскачав девушку, парни спрашивали, кто ее жених или любимый, угрожая, если она не признается, опрокинуть качели. При этом пели частушки:

На качуле я качалась,
Веревочка порвалась,
Я насилу тебя, залеточка,
На качулю дождалась...

№ 353

Пасха — начало «улошнова» (уличного, публичного) веселья деревенской молодежи, хороводов и т⟨ому⟩ п⟨одобных⟩ «игришш», происходящих на «полянках» ⟨...⟩

⟨...⟩ Наконец, из числа пасхальных развлечений деревенского народа нельзя также не указать на обязательное приглашение в гости кумовьев и сватов. В этом отношении пасха имеет много общего с масленицей, когда точно так же домохозяева считают долгом обмениваться визитами со сватами. Но на пасху приглашают даже будущих сватов, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ родня обрученных жениха и невесты приглашает друг друга в гости, причем, как и на масленицу, во время обеда и всякой трапезы жениха с невестой сажают рядом в красном углу ⟨...⟩ и вообще делают центром общего внимания. Обычай требует при этом, чтобы жених ухаживал за невестой, но так как ухаживание это носит, так сказать, ритуальный характер, то естественно, что в нем много натянутости и чего-то деланного, почти фальшивого: жених называет невесту обязательно на «вы», по имени-отчеству или просто «нареченная моя невеста», сгребает руками сласти с тарелки и потчует ими девицу, а после обеда катается с нею по селу, причем опять-таки обычай требует, чтобы нареченные жених и невеста непременно катались, обнявшись за талию: он ее, а она его.

⟨...⟩ К числу оригинальных пасхальных обычаев ⟨...⟩ относится ⟨...⟩ так называемое «хождение волочечников». Это та же коляда, странным образом приуроченная к пасхе ⟨...⟩

ВОЛОЧЕБНЫЕ ПЕСНИ

«Хозяинушка, наш батюшка!
Христос воскрес, сын божий наш!
Открой окно, погляди в окно,
Погляди в окно, в чисто поле.
В чистом поле на твоей нивке,

На твоей нивке престол стоит,
На престолике много праздников.
Первый праздник — Христов день,
Второй праздник — Егорий-свет,
Третий праздник — Микола-свет,
Еще праздник — Илья святая!» —
«Христов день, а где ж ты был?» —
«В божьей церкви с попам, с дьякам я стосался».
«Егорий-свет, а где ж ты был?» —
«В чистом поле коров я пас».
«Микола-свет, а где ты был?» —
«В чистом поле с севалинкой».
«Илья святая, где была?» —
«В чистом поле с серпом,
С золотым серпом я рожь жала,
Где пясть нажну, там сноп свяжу,
Где сноп свяжу, там стог складу.
Высок-далек — под небеса!»

«Хозяинушка, наш батюшка!
Дари гостей, не томи гостей!
Стоят гости незваные,
Незваные, незнамые.
Заводчушке — сорок яиц,
Подводчушкам — по десяточку,
Мехоносчушке — пару яиц да пирога конец!
Не хошь дарить — пойдем ты с нам
Грязь месить, собак дразнить.
Собак дразнить, людей смешить!»

№ 357

Идем, бредем лалынщички,
Христос воскрес, воистину!
К чьему двору, к хозяйскому.
Хозяинушка, наш батюшка,
Ты спишь-лежишь со своей женой,
Со своей женой — боярыней.
Кроватушка тесовая,
Перинушка пуховая.
Хозяинушка, наш батюшка,

Открой окно, гляди в извнó!
В твоём извне церква стоит,
Церква стоит соборная,
Соборная, богомольная.
У той церкви престол стоит,
На том престоле книга лежит.
У той книги написаны,
Написаны три праздничка:
Первый праздник — Христов денек,
Второй праздник — Егорьев-свет,
Егорьев-свет коров пасет.
Третий праздник — Илья-пророк,
Илья-пророк — зажитничек.
Пошел Илья в чисты поля:
Что раз резнет — там сноп нажнет,
Где два резнет — там счету нет!

Хозяинушка, наш батюшка,
Дари гостей — лалынщичков!
Эти гости не частые —
В один годок один разок!
Один разок в Христов денек!

№ 358

Далалынь, далалынь! По яиченьку!
Христос воскрес, сыне божий!
«Ты дома, не дома, хозяинушко?»
Он не кажется — величается,
Он сидит за столом, подпершись костылем.

Кто не даст конца пирога —
Мы корову за рога.
Кто не даст пару яёц —
Мы прогоним всех овец,
Кто не даст солонины кусок —
Мы свинью завалим!

ОКЛИКАНИЕ МОЛОДЫХ («ВЬЮНИНЫ»)

№ 359

В селениях и даже между мещанами некоторых городов здешней губернии исстари празднуется фомино (т<о>е<сть> первое после святой пасхи) воскресенье — юнины <...>

На пасхе в первый год после свадьбы все молодые ходят с женами к тестю с тещей христосоваться и остаются у них праздновать дня на два и на три, начиная с четверга; потом просят тестя и тещу к себе на юнины, — и они со всеми своими домашними приходят или приезжают к ним в фомино воскресенье обедать.

Этот общий праздник имеет свои особенности. Так, в селениях Ковровского уезда в фомино воскресенье, по выходе из церкви от обедни, все крестьянки и некоторые крестьяне собираются во кружок на улице, а около их толпятся с нетерпением крестьянские мальчики. Вот приносят шест с мочальным помелом и привязанным колокольчиком и елку, украшенную разноцветными лентами, платками и полотенцами. Одна из крестьянок, посмелее других, припрыгивая на помеле и звеня колокольчиком, а другая с разукрашенной елкой идут к ближайшему дому, где живут молодые, а за ними в некотором отдалении медленно тянутся с песнями и прочие крестьянки и крестьяне. Толпы ребят заключают это шествие. Подойдя к дому, начинают стучать в окна и кричат: «Юн да юница, вынеси куличу, да перепечу, да сорок яиц!» Крик продолжается до тех пор, пока не выйдут молодые на улицу. Наконец у ворот показываются молодой с полштофом водки и со стаканом или небольшим ковшом, а за ним молодая, неся на деревянном кружке большой неразрезанный пирог с начинкою и семь окрашенных яиц, отнюдь не более, не менее. Молодой подчует близко знакомых крестьян <...> водкою, и эти, выпив и отломив от пирога кусок на закуску, бросают пирог на землю, несмотря на то — сухо или грязно на улице, а яйца берет одна из крестьянок к себе в фартук или запон, и затем снова с песнями отправляются к дому других молодых и таким образом обходят всех решительно молодых, сколько их слу-

чится в тот год в селении, и у каждого, выпив и закусив, бросают пироги на землю, а парнишки с шумом и часто с дракою бросаются на эти пироги и разрывают их между собою на части, кто сколько успеет захватить. Обошедши всех молодых, крестьяне расходятся по домам, а крестьянки начинают делить между собою все собранные яйца <...>

№ 360

В фомино воскресенье окликают молодых («кликушнично воскресенье»). Молодые — это те, кто вступил в брак в продолжение пасхального года. Оклик относится собственно к одной молодой, так как мужчин в это время уже не бывает дома. Все женщины (не исключая и старух) деревни, где есть молодая, после обедни собираются на улице и толпой отправляются к дому, где живет молодая. Впереди прочих идет женщина [едущая на привязанном к длинному шесту помеле и держащая в руках большую палку]. Молодая, увидев эту толпу, запирает двери своего дома. Подойдя к дому, предводительница стучит своей палкой в двери и говорит:

Молодая молодца,
Молодая ты юница!
Подавай наши яйца!
Яйца на полице,
В коробице.
Не дашь яйца,
Пирога конца —
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница!
Мы тя в хлев запрем,
Помелом заткнем
И не выпустим!

Молодая сначала ничего не отвечает. Женщина громче прежнего повторяет то же самое; и это делает до трех раз. Наконец молодая отворяет двери, останавливается в них, просит к себе и говорит:

Соседушки, голубушки,
Меня любите и жалуйте,
К себе примите в подруженьки!

После этого женщины входят в дом, и начинается угощение, после которого — песни и пляски. После ухода женщин молодая созывает к себе девиц со всей деревни и также

угощает их. В некоторых местах не бывает такого форменного угощения, а только одедают пряниками, яйцами, пирогами.

№ 361

⟨...⟩ Молодые в пасхальную субботу, по обычаю, должны были ехать к родителям молодухи, но до этого, рано утром, когда они еще спали, к их крыльцу приходили мужики-соседи. Они стучали палкой о крыльцо и произносили «вьюницу»¹, призывая молодых выйти на крыльцо и вынести угощение. Молодая угощала пришедших, подносила им вино и обязательно давала яйца.

Угостить старались как можно лучше. Если окликальщики оставались довольны, то благодарили и желали молодой всяких благ: «Дай те бог, молодуха, чтоб у тя всего было вдоволь. Дай те бог, чтоб у тя, молодуха, было сколько в лесу пеньков — столько бы у тя сынков; сколько в лугу кочек — столько бы у тя и дочек!» Если же угощали плохо, то мужики постараются наговорить совершенно противоположных пожеланий, как, например: «Дай те бог, молодуха, чтоб у тя народилось сколько в поле огородов — столько бы у тя и уродов».

После ухода окликальщиков приходили ребяташки и проделывали все то, что до них мужчины: стучали о крыльцо с тем же приговором. Молодуха угощала их пирогами, одедала яйцами и гостинцами.

ВЬЮНИШНЫЕ ПЕСНИ

№ 362

Еще дома ли хозяин со хозяйюшкой?

Вьюнец ты, и ой молодой ты!

Он велит ли окликать, молодых величать —

Свет вьюнца-молодца Ивана Фомича

С молодой своей женой, с Аннушкой со Терентьевной?

Как у этого вьюнца был построен теремок —

Он не низок, не высок — на пятнадцати рядах.

¹ Здесь «вьюница», очевидно, означает рифмованное обращение к молодым.

На пятнадцати рядах, на шестнадцати столбах,
На шестнадцати столбах, крутоверховатый,
частослеговатый.

Как во этом терему стены мраморные,
Стены мраморные, печь муравленая.
На передней-то стене три окошечка,
Три окошечка, все три красненьки;
Все три красненьки, все косящаты.
Под передним-то окошком дубовы столы стоят,
Дубовы столы стоят, ножки точеные,
Ножки точеные, позолоченные.
Как за этим за столом дороги гости сидят,
Как на этих на столах белы скатерти лежат,
Белы катаные, незамазаные.
Как на этих скатертях три угодища стоят:
Уж как первое угодьё — стоит скляница вина,
А второе-то угодьё — стоит пива ендова,
А уж третье-то угодьё — желты блюдечки стоят,
А на этих на блюдах красны яйца лежат.
Вот как нам бы, певцам, по бокальчику пивца,
По бокальчику пивца, по стаканчику винца,
По стаканчику винца, на закуску пирожка,
По четыре бы яйца, по пятому барыша,
По пятому барыша, чтобы славушка прошла,
Чтобы славушка прошла про Ивана Фомича
С молодой своей женой, с Аннушкой со Терентьевной.

№ 363

Мы пойдемте-ка, ребята, вдоль по улице гулять!
Вьюница, ой молодая!

Вдоль по улице гулять, молодых окликать!
Во Семеновском приходе, у Ивана на дворе,
У Ивана на дворе все железный тын.
Вот на каждой на тычиночке по маковке цветет,
А на каждой на маковке соловей песни поет.
Не подшибывайте деревца подобного:
Как на этом деревце три угодища есть,
А поверх деревца соловей песни поет.
Посрédь деревца пчелы яры гнезда вьют.
Покорéнь деревца кровать нова тесова.
На кроватушке тесовой вьюнец-молодец
В звончаты гусли играет,

Он вьюницу утешает:
«Забывай, забывай волю батюшкину,
Волю батюшкину, негу матушкину!
Вдоль по горенке ходи, полегоньку говори,
Под окошечком сиди, весела на нас гляди,
Весела на нас гляди, за работу заплати!
Либо яйцами, либо пряниками,
Либо скляница вина, либо пива ендова!
А не дашь как три яйца — три насмешки!
Уж-то первую насмешку — я на верх взойду,
А на верх взойду, со избы верх сломлю;
А другую-то насмешку — я на двор взойду,
А на двор взойду — пару коней уведу;
Уж как третью-то насмешку — я в горницу взойду,
Я во горницу взойду, я заслон отслоню,
Я заслон отслоню, пироги я остужу,
Пироги я остужу, молодых остыжу.
Будешь ты ткаха и пряха и по воду ходяха,
По воду ходяха и в клеть по рубаху,
Во клеть по рубаху — по шелковую!»

№ 364

Еще господи Исусе, благословляй Христос!

Ой вьюнец-молодец, ай молодая!
Еще дома ли хозяин со хозяйшкой?
Еще дома ли вьюнешник со вьюницею?
Благословляй-ко ты нас, хозяин со хозяйшкою,
Нам на двор взойти да по двору пройти,
По двору пройти, на часту лесенку вступить.
На часту лесенку вступить, да по частой пройтить,
По частой пройтить, на калинов мост взойти.
На калинов мост взойти, да по калинову пройти,
По калинову пройти, да на дубовы скамьи сесть.
На дубовы скамьи сесть, да на кленовы ноги встать,
На кленовы ноги встать, да царских песенок попеть.
Царских песенок попеть, да нам царя повеличать,
Нам царя повеличать, да про все города сказать,
Про все верховые, да про все низовые.
Тут стояло-вырастало кипарис-дерево,
Как на этом кипарисе три угодья стоят,
Три угодья стоят, да три угодьяща:
Еще первое угодье — соловьево гнездо.

Соловей гнездо свивал, да малых деток выводил,
Малых деток выводил, да всех по мѣстам рассадил,
Всех по мѣстам рассадил, да всех по мѣстам, по мѣстам,
Всех по мѣстам, по мѣстам, да по дубовым по скамьям.
А второе-то угодье — кровать тесаная,
Как на этой на кровати вьюнешник лежит.
Вон [он] вьюнешницу укладывал.
Он укладывает да уговаривает:
«Уж ты спи-ка, моя надежа, высыпайся, свет!
Завтра рано поутру окликальщички придут,
Приокликнут тебя да приозычут тебя!»

Еще дай-ко вам бог, недели-ко вас Христос:
Либо двое двойников, либо трое тройников,
Либо семеро погодков, все бы девушек,
Все бы девушек, да мелкошеюшек!
Одного бы одинца, да удалого молодца!
Он бы по полу не ползал, вокруг бы лавок не ходил,
Вкруг бы лавок не ходил, да и в окошко не глядел,
И в окошко не глядел, да и куска бы не ел.

Не пора ли вам, хозяин, в новы сени выходить!
В новы сени выходить, да окликальщичков дарить,
Окликальщичков дарить, да приокликальщичков,
Приокликальщичков, да приозыкальщичков!
Нам по красному яйцу, да по пшеничной куличе,
Да по рюмочке винца, да по стакашику пивца!

№ 365

Еще дома ли хозяин,
Во дому ли господин?
Мы проздравить вас хотим
Со вьюнцом с молодцом,
С Алексеюшком,
Со вьюницей с молодницей,
С Александрушкой.
Молодица-вьюница
По сеничкам ходит,
По новом гуляёт,
Вьюнца разбужает:
«Вьюнец-молодец,
Ты восстани, пробудись,

Водёнкой всплеснись,
Полотенцем утрись,
Ко батюшку с матушкой
В ноги поклонися».

Пришли окликати —
Пора оделяти.
На полічке в ко́шничке
Тут яички красненьки.
Они пекутся-жарятся,
Про вьюнца поставятся.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица!

№ 366

Разреши, сударь хозяин,
Нам на мостик-то взойти,
Нам на мостик-то взойти,
По пословице сказать,
Молодых окликать.
Ой, молодая, ой, вьюная!

Уж как у Василья во дворе
Три-ти дерева стоят кипарисовые,
Кипарисовые, сверху лиственные.
Как на этих на дерёвах
Три качельки висят.
Ой, молодая, ой, вьюная!

Как на первой на качельке
Отец с матерью сидят.
Как на вто́рой-то качельке
Красны девицы сидят.

.....
Ой, молодая, ой, вьюная!

Уж ты вынеси, молодушка,
Старым старушкам пирога с творогом,
Молодым молодушкам пивца да винца,
А красным девицам красны яйца.
Ой, молодая, ой, вьюная!

№ 367

Ты позволь, позволь, хозяин,
Молодая, да ты вьюная!
Прикажи-ка, господин,
Нам молитву сотворить
Да калитку растворить!
Во широкий двор войти
Да молодую взвеселить!
Уж мы видели тебя,
Как от матушки ты шла,
Пасху сладкую несла.
Уж мы видели тебя,
Как от батюшки ты шла,
Полуштоф вина несла.
Нам по чарке поднесешь,
Свое счастье сбережешь!
Не жалея, не береги,
По яичку одели!

№ 368

Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай-ка, наш вьюнец!
Ты расчесывай кудри
Костяным гребешком.
Уж ты взгляни, молодец,
В окошко косящатое!
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем!
Награди-ка нас подарком —
Сладким пряником,
Белым, сахарным!

№ 369

Ой лелю, молодая,
О лелю!
Ты вьюная,
Ты по горнице пройди,
Покажи свое лицо,
Да в окошечко!
Покажи нам молодца,
Своего-то вьюнца!

Да пожалуй-ко яичко
Еще красненькое,
Что на красном блюде
И при добрых людях!

№ 370

Научить ли тебя, вьюница,
Как в чужих-то людях жить?

Ой ли, вьюница, ой, молодая!

Во чужих-то людях жить —
Да надо каждому служить.

Уж как свекру услужить —
Корму ко́ням замесить;

А свекрови услужить —
В и́збу дро́вец наносить;

А деверьям услужить —
Пару ко́ней заложить;

Как золовке услужить —
На базар скорей сходить.

На базар скорей сходить,
Да белил, мазил купить.

А как мужу услужить —
Чаще банюшку топить.

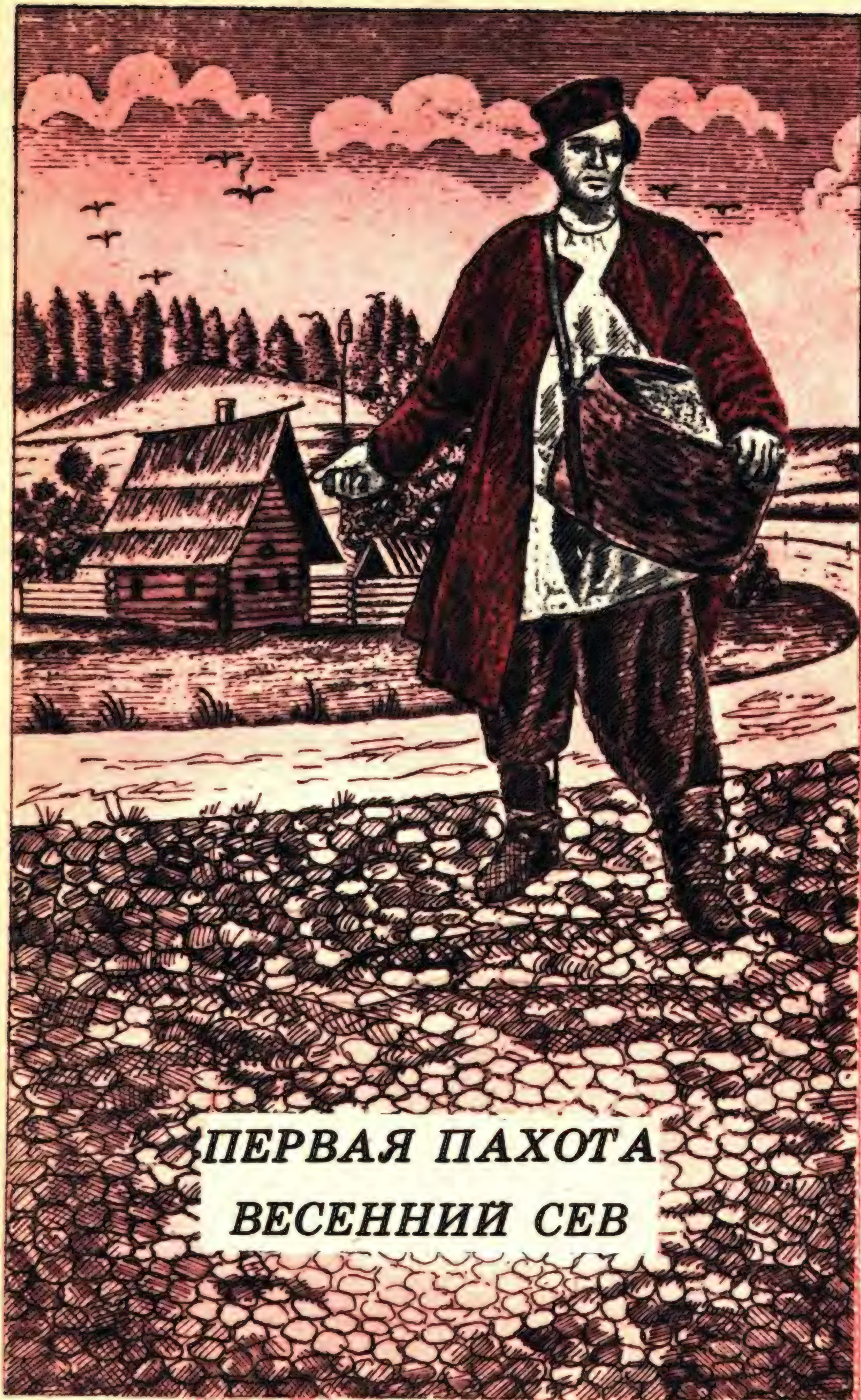
Чаще банюшку топить,
Да с ним париться ходить,

С мужем париться ходить,
Черпачок с собой носить.

Черпачок-то новенький,
Веничек зелененький.

**ПЕРВАЯ ПАХОТА
ВЕСЕННИЙ СЕВ**

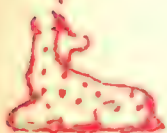

ложными ритуалами, причудливо сочетающими дохристианские и христианские воззрения земледельцев, сопровождалась первая пахота и весенний сев. Соблюдение обычаев должно было обезопасить посевы от всех стихийных бедствий, обеспечить полноценный урожай.

Одним из самых важных весенних праздников был егорьев (юрьев) день — 23 апреля. К этому празднику приурочено больше всего пословиц, поговорок, примет, легенд, заговоров, песен и обычаев,— и это вполне естественно: в егорьев день — не только первый выгон скота со двора, но и разгар сева, а также начало охоты. Некогда скотоводство, земледелие, охота имели каждое свое божество-покровителя, помогавшего людям. С принятием христианства эти функции перешли к святому Георгию Победоносцу, который, согласно христианской легенде, являлся олицетворением сил добра, служил защитником людей. Несмотря на то, что в егорьевской обрядности нашли отражение различные хозяйственные занятия людей, 23 апреля — прежде всего скотоводческий праздник. Егорий — покровитель не только пастухов, но и оберегатель животных («вся живая тварь у Егорья под рукой»), как домашних, так и диких, в первую очередь, от волков. На иконе Георгий Победоносец всегда изображался на коне, крестьяне полагали, что святой постоянно объезжает луга и охраняет пасущийся там скот. Чтобы заручиться поддержкой Егория, надо было произнести заговор о замке и ключе. В некоторых районах, особенно на Русском Севере, бытовали в рукописном виде прозаические пастушеские заговоры, так называемые «отпуска», которые пастухи тщательно прятали от посторонних.

Кроме заговоров существовал целый ряд магических действий, которые должны были предохранить скот от болезни и ущерба, наделить его плодovitостью.

В Костромской губернии (области) совершался в этот день обход дворов с пением колядок, которые представляли собой обращенные к Егорию пастушеские заклинания.

ОБЫЧАИ ЕГОРЬЕВА ДНЯ

№ 371

Пахота и весенний сев начинаются между днем Бориса и Глеба и днем Егория. Существует еще примета на начало сева овса, уже независимая от чисел: сев надо начинать тогда, когда зацветет одуванчик-севун. Пожилые крестьяне выбирают для запашки «легкий» день, т<о> е<сть> вторник, четверг или субботу. За день до пахоты пахарь парится в печке и одевает все чистое. В продолжение всего сева ему нельзя будет париться, так как парятся на подстилке из соломы, а по принципу подражательной магии, также может «запариться» и хлеб, который будет посеян. В некоторых семьях севцу запрещают вообще мыться во время сева, иначе в колосьях будет «бель», т<о> е<сть> колосья будут пустыми. На пахоту и особенно на сев (в некоторых местах пахота и сев из-за малоземелья бывают в один-два дня) полагается одевать все чистое, чтобы не было во всходах сорной травы.

Обычаи эти сохраняются до сих пор, потому что, по правилу, засекает старший мужчина в доме, т<о> е<сть> чаще наиболее консервативный. Однако засекальщик должен быть крепок и силен. <...>

[Яровой и озимый засеки могут производиться как одним человеком для целого села, так и представителем от каждой семьи.] Засек <...> происходит следующим образом: на преображение во время молебна в церкви освящаются посевные семена для всего села, а иногда и для всего прихода. Потом выборный от всего села берет севалку с семенами, кладет в нее просфору, вынутую в этот же день, крест от четвертой недели поста, освященное пасхальное яйцо и со всем этим идет в поле. В поле же выносятся и иконы. Засекальщик идет через все полосы, бросая на каждую по горсти семян. Следом за ним идет поп в облачении, с кропильницей и кропит брошенные семена. Это

окропление производится с целью обеспечить хлебу достаточное количество дождя. <...>

После парадного засева, на другой день, отправляются засеивать уже все. Перед отправлением вся семья собирается в избе, затворяют окна, двери, закрывают печную трубу, хозяйка постилат на стол в переднем углу чистую скатерть, кладет непочатую ковригу хлеба и ставит солонку. Хозяин зажигает лампаду и богоявленную свечу. После общей молитвы сеятель отправляется в поле. Обычай закрывать все входы в избу является тоже типичным магическим актом: как нельзя проникнуть в эту избу, так пусть нельзя будет граду побить засеянное поле. В то же время закрывание входов в избу, по мнению верующих, мешает нечистой силе повредить священнодействию.

С посевными семенами связан ряд запретов. Так, из них нельзя давать взаймы, если уже необходимо дать, то делают так: три горсти себе, три — другому и т<ак> д<алее>, иначе хлеб не уродится и вся удачливость в хозяйстве перейдет к должнику. Потому же запрещается давать взаймы что-либо из дома в день посева. Семена посева никоим образом не должны быть сняты с того же поля, на котором будут посеяны. Если семена куплены, то их нельзя подсевать: они должны попасть в новую землю со всеми примесями, с какими их сняли с чужого поля. Если в продолжение жатвы прошедшего года попадались двойные колосья, то их берегут до посева и, вышелушив, рассеивают по полю: они считаются носителями спорости в хлебе. Везти семена на посев надо обязательно в незавязанных мешках <...> иначе для зерен «земля завяжется». Время и погода тоже выбираются особым образом: овес следует сеять в мокрую землю, а рожь — в сухую.

Сей овес в грязь —
Будешь князь,
А рожь-барыня
Любит в золу
Да в пору.

Если вышедшему на поле пахарю перейдет дорогу женщина, ему лучше вернуться домой, так как труд его все равно пропадет. Нельзя также начинать сева, если в этот день в родственной семье есть покойник. Выйдя в поле, прежде чем начать сеять, сеятель крестится на четыре стороны со следующим приговором:

Уроди, господи,
На всякую долю,
На нищую братию,
На цыганскую долю.

Пошли, господи, милость свою
На всякую долю,
На нищую долю,
На сиротскую долю,
На птиц небесных,
На свое семейство,
Пошли, господи, милость свою!

Начиная сев, разбрасывают вместе с зернами и положенные туда обрядовые печения. Для ярового обрядовые печения — крест, благовещенская просфора, лазаревская лесенка и кусок артоса, или хлебной пасхи; для озимого — крест, преображенская просфора, пасхальное яйцо.

Известны запреты, связанные с предметами, употребляющимися во время посева. Так <...> существует запрет во время сева вносить в избу севалку, а то хлеб подопреет: как может подопреть в избе сама севалка, так же подопреет и посеянный из нее хлеб.

В некоторых деревнях на посев старики брали с собой топор <...>

Металл — железо, сталь — средство оберегать от «злого глаза».

Посев льна в общем мало отличается от посева хлебов. <...> В семена льна хозяйка кладет несколько штук яиц (от 3 до 10); они поступают в собственность засевальщика. Сами крестьяне объясняют этот обычай тем, что, сколько положить яиц, столько и головок на стебле будет.

№ 372

<...> В каждом доме перед выгоном скота хозяин с хозяйкой зажигают перед иконами «страстную» свечу, стол накрывают чистой скатертью, кладут на него целый круглый хлеб, ставят на стол полную солонку соли и молятся богу. Потом хозяин берет икону святого Георгия, страстную свечу, а хозяйка — хлеб с солью¹, и обходят на дворе кругом весь свой скот, приговаривая: «Святой Егорий-батюшка,

¹ По народным поверьям, хлеб давал скоту здоровье и силу, обеспечивал хороший приплод.

сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя — сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!» Затем кладут на землю под ворота замок и ключ: «Чтобы пасть звериная была так крепко заперта, как запирается замок на ключ!» А икону ставят над воротами и выгоняют скот на улицу, где пастух уже снова обходит все стадо с иконою Николая-чудотворца, также говоря: «О святой Никола-батюшка, сдаю на поруки все стадо и прошу тебя — сохрани его от зверя лютого!» После этого все гонят скот в поле, имея в руках вербы; там хозяйки дают пастуху и подпаскам сало и яйца, из которых они готовят тут же, в поле, яичницу. Когда яичница бывает готова, пастух назначает, кому из его подпасков быть зайцем, кому — слепым, кому — хромым, кому — замком и кому — колодой; расставляет их всех кругом стада; после этого берет приготовленную яичницу и идет с нею, прежде спрашивая у «зайца»: «Заяц, заяц, горька ли осина?» «Заяц» отвечает: «Горька!» — «Дай бог, чтобы и наша скотинка для зверя была горька!» Потом спрашивает у «слепого»: «Слепой, слепой, видишь ли?» «Слепой» отвечает: «Не вижу». — «Дай бог, чтоб и нашу скотинку не видала зверинка!» Дальше спрашивает у «хромого»: «Хромой, хромой, дойдешь ли?» «Хромой» отвечает: «Не дойду!» — «Дай бог, чтобы и зверинка не дошла до нашей скотинки!» Дальше спрашивает у «замка»: «Замок, замок, разомкнешься ли?» «Замок» отвечает: «Не разомкнусь». — «Дай бог, чтобы и у зверя не разомкнулись зубы для нашей скотинки». И наконец спрашивает у «колоды»: «Колода, колода, повернешься ли?» «Колода» отвечает: «Не повернусь!» — «Дай бог, чтобы и зверь не повернулся к нашей скотинке».

Таким порядком пастух обходит все стадо три раза. После этого все действующие лица садятся и съедают яичницу, а затем, немного погодя, еще задолго до вечера, пастух гонит скот обратно в деревню, где уже на улице начинается пляска <...>

№ 373

[В районах Русского Севера] одно из условий, которое предъявляют крестьяне при найме пастуха, — это знание заговора. <...> Этот заговор называется «отпуском».

Если он [пастух] неграмотен, то достаточно молча обойти с отпуском стадо. После этого зверь не тронет скота. При-

веду заговор, который нам удалось достать <...>: «Выйду в чистое поле, в широко раздолье, обойду около широкого двора и обнесу свой приданный образ [икону] и свою зажженную свечу восковую около своего широкого двора, около своей милой береженной скотинушки, около любимых конюшек, около своих дойных коровушек, около своих маленьких овечушек, чтобы черные медведи и серые волки, злые росوماхи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазом не глядели и ухом не слышали, вонюю не воняли, носом не слышали; около моей скотинушки будь огненна река и каменна стена и железный тын и Миколин замо́к [Микола — святой Николай], чтобы эта скотинушка была бы цела и сохранна, а вы, черные медведи и серые волки и злые росوماхи, идите к синему морю, у синего моря бейте и копайте черный сонотливый пенъ и черную гнилую колоду и отныне бы и довеку и от веку и до-по веку. Аминь!»

Другой заговор, оказывающий то же действие, гласит так: «Стану я, раб божий, благословясь, выйду я, перекрестясь, из избы дверьми, из сеней воротами, в чистое поле, принимая милый скот, крестьянский живот, на свои на белые руки, и пойду около своего скоту и около своего стада и за тот ли железный тын; замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи пречистой божьей матушке. «Пречистая божья матушка, пресвятая богородица, закрой своей ризой нетленною мой милый скот и крестьянский живот от звиря широколапого; и кажись, мой милый скот, крестьянский живот, дубьем-колодьем и серым камнем; и как народ сходится, собирается в одну божью апостольскую церковь, так солнце пойдѣ на запад, как весь милый скот и крестьянский живот, сходишь, собирайся к своему двору; и кто буде завидовать, осужать, переговаривать, и тому лесы считать, и с лес хвоя вырубать, и в море воду вынимать, и около моря песок вызубать!»

<...> Пастухи покупают «отпуск» и тщательно хранят его, чтобы чужие руки не коснулись этой рукописи: вследствие такого прикосновения отпуск может потерять свою силу. Они прячут его либо в своей свирели, либо в фуражке, либо в глубине дремучего леса, вместе с шерстью от каждой головы пасомого ими скота.

Само чтение этого отпуска сопровождается еще лишним обрядом: скот окропляют водой, взятой из трех ключей.

Если пастух безграмотен, то <...> приглашается для этого грамотный, который и обходит стадо, читая заговор, и окропляет скот. По прочтении молитвы и окроплении стада, пастух принимает остатки воды и рукопись от чтеца и в свою очередь тоже кропит его водою, боясь, чтобы он чего-либо не похитил из молитвы; удаляется в лес и там прячет принадлежащую ему молитву где вздумается; остатки же воды или выпивает, или же изливает на землю под камень <...>

№ 374

Прогнавши в поле скот, каждая женщина бросает на то место, докуда прогнала скот, свои прутья, которыми гнала скот, и начинает через них прыгать (не менее трех — пяти раз) и старается прыгнуть как можно выше. Обычай прыгать через прутья крестьяне объясняют двояко: одни говорят, что это делается для того, чтобы скотина всегда так прыгала, т<о> е<сть> была всегда здорова и весела, а другие говорят — для того, чтобы лен уродился выше.

На юрьев день женщины [срывают платки друг у друга], дергают одна другую за волосы, приговаривая: «Чтоб у хозяина жито было рослое и густое, как волны!» <...>

При выгоне в первый раз пастухами скота, пастухов одевают выносами печеных лепешек, яиц, сала. Пастух выгоняет скот за околицу, обходя стадо кругом, молится на все четыре стороны, кладет под межу край хлеба и сам постится весь день <...>

<...> В полночь под юрьев день <...> каждый конюшек [пасущий коней] <...> берет с собой кусок хлеба и яйца и кладет все это под межу для того, чтобы лошади были сыты, полны, гладки телом и целы от воров <...>

23 апреля <...> имеет особенное значение также и в распределении хозяйственных работ. Если овцы не бывают стрижены до этого дня, то их стригут уже после николина дня (9 мая); прежде 23 апреля не станут городить изгородей в полях. Крестьяне говорят, что до Егорья «скоту в поле три воли», т<о> е<сть> когда и что захочет в любом месте; и еще: «Егорьева роса выкормит скотину лучше всякого овса», а потому в этот день непременно выгоняют скот в поле, хотя бы не было еще травы, и прежде всего в поле, засеянное озимым хлебом.

В этот же день <...> сеют рассаду, уверенные, что посеянная в это время рассада непременно будет хорошая.

Народ считает святого Георгия повелителем волков, и если в суровые зимы волки размножаются, то, значит, «святой Егорий их распустил» <...>

№ 375

[Уникален оберег, записанный в 1920-х годах в одном из сел Московской области.] Старики берут с речки столько камней, сколько водится в хозяйстве скотины, зашивают в мешочек и кладут над воротами двора и, таясь, приговаривают:

«Царь полевой, царица полевая,
Царь лесной, царица лесная,
Царь водяной, царица водяная!
Все чурочки, все палочки,
Берегите мою скотину
От сглазу, от злых людей,
От диких зверей и от всех прочих!»

№ 376

Выгоняя скот, ударяли его каким-либо предметом, свойство которого желали передать <...>: хозяйка ударяла корову лопатой, которой веяли хлеб, чтобы телок телила.

№ 377

<...> Утром <...> хозяйка варит яйцо, затем кто-нибудь берет сваренное яйцо и катает им по хребту каждой скотине, начиная с лошади и кончая овцой. Катают от головы к хвосту и потом самое яйцо пускают по навозу. Смысл обряда тот, чтобы скот отгулялся летом также кругло, как яйцо, и лошади, кроме того, бегали так же быстро, как быстро покатилося яйцо по навозу <...>

№ 378

[В Новгородской губ<ернии>] крестьяне собирались за околицей, принося с собой яйца, хлеб и монеты; все это отдавали пастуху, который складывал все на большое блюдо и произносил какое-то заклинание, а потом обращался к Егорию:

«Дарую тебе хлеб-соль
И золотые серебры,

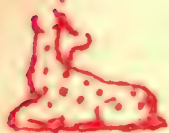

Храни мою животинушку
Во поле, во зеленом дубровье.
Сохрани ее от змея ползучего,
От медведя могучего,
От волка бегущего.
Поставь до самой небы изгородку,
Чтобы было не переползти,
Не перешагнуть через нее...»

№ 379

[В некоторых местах 23 апреля отмечалось как конский праздник, например, в Рязанской губернии в конце XIX века.] В этот день под вечер «делают коня». Для этого берут две крепкие жерди. Четыре парня кладут их на плечи. Один из передних держит на вилах конскую голову, или конский череп, украшенный бубенчиками и цветными тряпицами. Сзади концы жердей связаны между собой веревкой, к которой привязан хвост из мятого моченца (моченец — вымоченная в воде конопля). Жерди обмотаны сеном и веретьями (веретье — грубая ткань из конопли, употребляемая для перевозки зерна в телегах); на жерди сажают верхом мальчика, обыкновенно пастуха, преимущественно хорошо играющего на жалейке <...> Таким образом сделанный конь в сопровождении народа обходит деревню, причем сидящий на нем пастух играет на жалейке. Затем конь направляется в одну из соседних деревень. Завидев издали коня, в той деревне снаряжают, как можно быстрее, своего коня. Оба коня сходятся на выгоне перед деревней, причем происходит «бой» двух коней. Изображающие коней, подражая лошадиному ржанью, бросаются друг на друга, пока один конь не разрушит другого. В старину после этого водили круги (курагоды), причем один из парней изображал собою коня. От одной старухи нам удалось достать только следующий отрывок одной из «игравшихся» при этом песен:

Около сырого дуба,
Около молодого,
Вырастала чечевинка.
По той чечевинке
Черные коны скачут.
«Поскачь, поскачь, кона,
Поскачь, молодая,

Кóна новая на сене,
Выбирай себе подружку,
Что любимую сеструшку!»
Выбрала себе подружку,
Что любимую сеструшку <...>

Парень, изображающий «кóну», т<о> е<сть> коня, при пении этой песни входит в круг; он скачет и прыгает как можно выше и наконец выбирает себе «подружку, что любимую сеструшку», т<о> е<сть> девушку, которую ему вздумается.

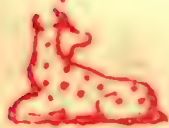
ЕГОРЬЕВСКИЕ ПЕСНИ

№ 380

Поют ребята от 5 до 10 лет, ходящие с иконой:

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотину.
Спаси и сохрани
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За крутыми берегами,
За быстрыми реками!
Волку, медведю —
Пень да колода;
Матушке скотинке —
Чистая дорожка,
Травка-муравка,
Зелененький лужок.
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок:
Телка, телися,
Овечка, ягнися,
Свинушка, поросися,
Хозяюшка, добрися.
Богу на свечку,
Нам по яичку;
Двоим, троим,
Давно стоим,
Дожидаем!

Хозяйка дает ребятам по яйцу, они поют:

Благодарю тебя, хозяин с хозяйшкой,
На добром слове, на хорошем подаянье!
Дай тебе господи побольше пожить,
Да побольше нажить:

Сто коров, девяносто быков,
Тридцать куриц, двадцать петухов.

Если же хозяйка ничего не дает, то ребята поют:

Повернись твой дом кверху дном!

Первая беда — лошадь со двора,

Вторая беда — корова со двора,

Ваша скотинка заблудися!

Волк сожрет, и медведь обдерет!

№ 381

Мы ранешенько вставали,

Белы лица умывали,

Полотенцем утирали,

В поле ходили,

Кресты становили.

Кресты становили,

Егорья вопили:

«Батюшка Егорий,

Макарий, батька храбрый,

Спаси нашу скотинку,

Всю животинку,

В поле и за полем,

В лесе и за лесом.

Волку, медведю,

Всякому зверю —

Пень да колода,

На раменье дорога.

Тетушка Анфисья,

Скорее пробудися,

В кичку нарядися,

Пониже окрутися!

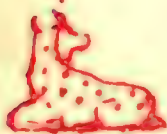
Подай нам по яичку,

Подай по другому!

Перво яичко —

Егорию на свечку,

Другое яичко —

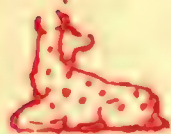
Нам за труды
За егорьевские».
Мы ходили, хлопотали,
Трое лапти изодрали,
В кучку поклали,
В бочаг покидали,
Чтобы наши не узнали,
Чтобы нас не заругали!

(Дальше следовало подаяние. Если подавали хорошо, то, значит, ребята благодарили:)

Спасибо тебе, тетка,
На хорошем подаянье!
Дай тебе бог
Подольше пожить.
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Денег мешок,
Да белья коробок,
Двадцать телушек,
Все годовушек,
Десять быков,
Все годовиков, все полуторвиков!

(Но бывали случаи, когда ребятам ничего не подавали. Тогда ребята пели неприятную поговорку:)

Не спасибо тебе, тетка,
На плохом подаянье!
Дай тебе бог
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей!

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

**ВОЗНЕСЕНИЕ
СЕМИК
ТРОИЦА**

дним из первых летних праздников было вознесение, отмечаемое на сороковой день пасхи. В этот день почти повсеместно пекли из теста «лесенки», якобы для того, чтобы облегчить Христу вознесение на небо. На самом деле в этом обычае тесно переплелись христианский миф и дохристианский обряд, вызывающий рост ржи, поскольку считалось — чем выше поднимется над землей составленная из отдельных «лесенок» «лестница» — тем быстрее и гуще вырастет рожь.

Самым крупным летним празднеством, связанным с культом растительности, была троица, отмечавшаяся на пятидесятый день после пасхи. Троица — исключительно женский, точнее девичий, праздник¹. За три дня до троицы, в четверг, называемый в народе «семиком», девушки тайком, чтобы не увидели парни, шли в лес. Там они выбирали березку и «завивали» ее, то есть украшали венками, сделанными из скрученных березовых ветвей, или сгибали ветви до земли, приплетая их к траве. Каждая девушка, делая для себя венок, задумывала какое-нибудь желание. После завивания венков устраивалась ритуальная трапеза, обязательной едой были яйца — традиционный для всей весенне-летней обрядности символ плодородия.

Вокруг березки водили хороводы, устраивали игры, пели песни. Еще одним семиковым обычаем было кумление: девушки, разделившись на пары, целовались через венок под пение коротких песен, в которых клялись в долгой и верной дружбе. При этом обменивались бусами, кольцами или крестиками.

Через три дня, на троицу, ходили «развивать» березку, и каждая девушка осматривала свой венок, и если он не завял и не распался, то задуманное должно было исполниться. Затем вили из трав и зелени венки, опять водили у березы хороводы, играли, пели. В конце праздника срубали дерево, несли его к реке или озеру и бросали в воду, заклиная

---

¹ Участие парней в троицком обряде свидетельствует об утрате им своего первоначального магического смысла.

дождь. В других местах березку бросали в поле или обносили ее вокруг поля для того, чтобы не погубило засухой или градом посевы. Наконец, украшенное дерево могли приносить и в село, ставить его на главной улице и устраивать веселье вокруг березы. Березка должна была приобщить людей к ее сверхъестественной живительной силе. Но в троицкой обрядности кроме ее «аграрной» тематики обнаруживается и нечто другое. Именно в это время происходило «посвящение девушек, принятие их полнокровными членами в род»¹.

Молодежь пела песни, водила хороводы, наиболее типичными для этого праздника были песни-описания, в которых подробно и последовательно изображался ход самого обряда, прославлялась нередко олицетворяемая березка. Текст песен подчеркивал женские формулы плодородия («где девушки шли — там рожь густа»).

В зависимости от содержания семиково-троицкие песни² можно разделить на исполняемые во время завивания березки и при гадании на венках, так называемые «майские песни» (свое название они получили из-за особого припева). Их пели во время обхода ржаных полей также для заклатья урожая. Майские песни особенно характерны для Смоленщины, где их повсеместно помнят до сих пор.

В ряде южнорусских областей обряд кумления назывался «крещением кукушки». «Кукушку» делали обычно из травы кукушкины слезки, наряжали ее в сарафан, сажали на сплетенные ветки березы и кумились друг с другом. Часто после этого ритуала, совершаемого за несколько дней до троицы, устраивались похороны «кукушки», а на троицу «кукушку» выкапывали из земли. Как и другие обрядовые похороны, погребение «кукушки» сопровождалось слезами и ритуальным смехом. Считалось, что корень травы кукушкины слезки обладает магической силой любовной «присухи».

Кроме «похорон кукушки» в ряде южнорусских областей «проводжали (хоронили) русалок». После ритуального обхода села с гробом «русалки» женщины и девушки шли в поле и оставляли «русалку» там, считая, что от этого рожь будет лучше расти. Нередко русалок изображали девушки с распущенными волосами, одетые в одну длинную белую рубашку. Подобное ряженье, так же как и более сложное ряженье парней и мужчин (см. № 415), является осколком архаического обряда.

По мнению исследователей, обряд похорон русалок восходит к магическому заклинанию дождя, но затем смысл русалий был в значитель-

---

¹ Соколова. С. 206.

² Следует отметить, что почти во всех семиково-троицких песнях имеются своеобразные припевы («ай дидо, ой ладо», «о эв ляля», «лелемье», «ой лялѣ-ляли» и так далее), восходящие к язычеству.

ной степени размыт последующими наслоениями. Во многом благодаря воздействию церкви, русалки были приравнены к нечистой силе, которую надо бояться и изгонять. С течением времени, как и многие другие аграрные обычаи, проводы русалок стали явлением, близким к народному театру, то есть свелись в основном к игре.

Еще одним видом обрядовых похорон были «похороны Костромы», которые также должны были спасти посевы от засухи. Почти повсеместно этот обряд, не имеющий твердой календарной приуроченности и исполняемый в промежутке от троицы до петрова дня, уже начиная с первой половины XIX века превратился в веселую игру как детей, так и взрослых. Так же, как и вся троицкая обрядность, «похороны Костромы» связаны и с проводами весны, недаром в одной из песен поется:

Костромушку да наряжали,
Девки весну провожали.
Пройдет весна да троица —
Все забавы скроются.

В

этот день пекут из ржаной муки грубые подобия лесенок, т<о> е<сть> продолговатые хлебцы, на которых ножом сделаны зарубки, изображающие ступени. Взяв с собой эти лесенки и захватив блинов, яиц, хлеба и водки, отправлялись в ржаное поле. Останавливались на чьей-нибудь полосе, выбирая, где рожь получше. На краю этой полосы у межи расстилали платок и ставили лесенки друг на друга, поддерживая их руками; поставив их таким образом, сколько было возможно, отнимали руки. Лестницы разваливались, причем присутствующие приговаривали: «Христос свалился с неба». После этого принимались за трапезу, по окончании которой становились на колени, обращаясь лицом к восходу, и молились следующими словами: «Христе боже наш, дай нам, боже, нынче много, а на лето (т<о> е<сть> на следующий год) еще больше!» Затем лесенки разламывались на куски и вместе с остатками трапезы разбрасывались по полю. После этого все присутствующие валялись по ржи. Все это делалось, по словам крестьян, чтобы хорошо родился хлеб. По народному поверью, та рожь, где ставили лесенки и валялись, бывала самая лучшая, и всякий желал, чтобы для этого обряда выбрали его полосу <...>

<...> Этот же обычай [существует] в несколько измененном виде: <...> лесенки <...> не ставятся друг на дружку, а просто прислоняются ко ржи каждая отдельно. Когда лесенки всех присутствующих уже поставлены, девушки становятся на одном углу полосы и разбиваются на две равные части. По данному знаку обе стороны бросаются со всех ног бежать по меже кругом полосы друг другу навстречу. Девушка, достигшая первой угла, с которого начался

бег, считала себя самой счастливой, так как, по народному поверью, целый год после этого в ее дворе царствовало довольство и на полосе ее семьи урожался самый лучший хлеб.

№ 383

⟨...⟩ Последняя неделя перед троицей ⟨...⟩ Четверток [четверг]. Развертываетсястряпня: пироги, лепешки, курники, яичницы, лапшенники, пшенники, сухарники, лапша, мелко искрошенная похлебка из домашней птицы. В полдень начинается праздник.

Посреди двора втыкают в землю деревце, срубленное с корня, с ветвями и листьями; под дерево ставят горшок с водою. Одна из девиц подходит к дереву опрокидывает горшок, выдергивает дерево, бросает на землю, [затягивает песню], которую подхватывают остальные:

Разыгрался Никин конь,
Сломил тычину серебряную.
Бранской староста, отворяй ворота,
Пускай девушек гулять во луга!

И все идут в лес с кушаньями, которые несут девушки и мальчики 10—13 лет. Поют:

Йо, йо, семик, троица!
Туча с громом соговаривалась:
«Пойдем, гром, погуляем с тобой,
Во ту слободу Радышевчину.

Йо, йо, семик, троица!
Не радуйтесь, дубы,
Не радуйтесь, зеленые!
Не к вам девушки идут,
Не к вам идут красные.
Не к вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.

Йо, йо, семик да троица!
Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые!
К вам девушки идут.
К вам идут красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.

Йо, йо, семик да троица!

Стелют под деревьями скатерть, едят кушанья, пьют пиво; потом рассыпаются по лесу. Выбирают ветвистую березу и, разделившись попарно, вьют венки из ветвей березы, не отламывая их от дерева. Свив венок, пара начинает кумиться: обменявшись яйцами, целуются сквозь венки и потом решают, которая из девушек должна быть старшею кумою (у кого выше взлетит подброшенный платок). Желание каждой быть старшею происходит, вероятно, от ожидания лучшего жребия в будущем. Потом возвращаются в село.

В день троицы после полудня идут в лес с кушаньями развивать венки. Каждая пара, приходя к своему венку, судит о своем будущем счастье: увял венок или еще свеж, поблек или зелен <...>

Перепелка молодая,
Куда ты летала?
Я ходила, я гуляла
По чистому полю;
Я летала, я порхала
По зеленому лесу.

Йо, семик да троица!

Выбирают березки для завивки новых венков. Мальчики отламывают ветви, бросают их на землю. Свив венок, девушка надевает его на голову:

Я в веночке, я в зеленом
Хожу, гуляю по городочку...
(Возвращаются из лесу с песней:)
Ищу ль я, ищу ласкову ладу.
Я в веночке, я в зеленочке,
Хожу ль я, хожу вокруг городочка:
«Добрый молодчик, будь моим ладой!»
Я в веночке, я в зеленочке.
Хожу ль я, хожу вокруг городочка,
Ищу ль я, ищу ласкова тестя.
Я в веночке, я в зеленочке.
Хожу ль я, хожу вокруг городочка,
Ищу ль я, ищу ласкову тещу.
Я в веночке, я в зеленочке.
Хожу ль я, хожу вокруг городочка,
Ищу ль я, ищу ласковых шурьев.
Я в веночке, я в зеленочке.
Хожу ль я, хожу вокруг городочка,

Ищу ль я, ищу ласковых своячен.

Я в веночке, я в зеленочке.

Хожу ль я, хожу вокруг городочка:

«Ласковый тестик, вари пива-меду!»

Я в веночке, я в зеленочке.

Хожу ль я, хожу вокруг городочка:

«Ласкова теща, пеки пироги!»

Я в веночке, я в зеленочке.

Хожу ль я, хожу вокруг городочка:

«Ласковый шурин, седлай коня врана!»

Я в веночке, я в зеленочке.

Хожу ль я, хожу вокруг городочка:

«Ласкова своячена, шей ты ширинку!»

Но свадебный пир еще далек, и песня кончается простодушной насмешкой:

«Вы, добрые люди, жалуйте на свадьбу,

Хлеба-соли ести, пива-меду пити!»

Расхвалили люди Борисову свадьбу:

«На свадьбе Бориса пива-меду нету,

Хлебу не бывало, а соль оскудела!»

Толпа идет к реке, бросает в нее венки, по движению их разгадывает будущее:

Пойду на Дунай, на реку,

Стану на крутом берегу,

Брошу венок на воду;

Отйду подале, погляжу:

Тонет ли, не тонет ли

Венок мой на воде?

Мой веночек потонул —

Меня милый вспомянул:

«О свет моя ласковая,

О свет моя приветливая!»

После этого девушки весело, беспечно возвращаются в село, где в хороводе кончают день <...>

№ 384

<...> В обряде участвовала девочка лет 10—12, которая была «пошустрее», плясунья: когда березку полностью одевали, девочка подлезала ей под юбку, брала ее за ствол и двигалась впереди хоровода; получалось впечатление, что

березка идет и пляшет сама. Так обходили все село, а потом березка начинала «ходить» в гости к девушкам (очередность устанавливалась заранее). Перед домом разыгрывалась сцена приглашения: «Белая березонька, милости просим к нам, не побрезгуй нашим хлебом-солью! Красны девицы, добры молодцы, заходите!» Березку ставили в передний угол перед накрытым столом, и девушка-хозяйка приглашала «попить-поесть, чем бог послал». Так обходили всех девушек, у последней березку оставляли до вечера (иногда ее относили к какой-нибудь бобылке). Вечером же девушки в венках собирались «отпевать березку». Девочка опять подлезала березке под юбку, и во главе с ней процессия с грустными песнями двигалась к реке, где березку раздевали и девочка бросала ее в воду.

№ 385

В «завивальное» или «кумишно» воскресенье (третье после пасхи) девушки, собравшись парами и заготовив венков из разноцветных лоскутков, а также яиц и «куличек» (ржаная сдобная лепешка с дырой посередине), отправляются в лес. Здесь каждая пара целуется через колечко из березовых ветвей, говоря одновременно:

Уж ты, кумушка-кума,
Покумимся мы с тобой:
Ни браниться, ни ругаться,
Ни кулички казать!

(Здесь «кулички», вероятно, означает «кукиш», как в выражении «куличи вертеть» — показывать кукиш). Затем через колечко разбивают яйца и тут же их съедают. Не нашедшая себе кумы девушка, обыкновенно подросток, называется «подкумышем». Затем каждая заплетает в укромном месте косу из ветвей березы, а венки, соединив вместе, вешают на самую высокую березу под песню:

Тряси, тряси березку
Выше белых берез!
Кто березку разовьет,
Того кумушка забудет!

В троицын день покумившиеся девицы идут в лес «раскумиться»; отыскивают в лесу свои венки, навешивают их

на березовую ветвь, украшенную лентами («красоту»), и ходят по деревне с песнями попарно, причем «красоту» несет «подкумыш» впереди. Затем отправляются на реку и бросают каждая свой венок <...> в воду, наблюдая, потонет ли он или нет. После этого раскумливаются, говоря:

Уж ты, кумушка-кума,
Раскумимся мы с тобой:
И браниться, и ругаться,
И кулички казать!

№ 386

Обычай, совершаемый в селе Шельбове в троицын день, носит на себе название «колоска». Действующие лица в нем — девицы и молодницы; они одни только наслаждаются удовольствием «водить колосок»¹, как говорится у них. Эта церемония сопровождается толпою любопытных; в числе их и молодцы, разумеется, занимают первое место; но старики и старухи также не отказывают себе в удовольствии — полюбоваться веселым гуляньем внучат <...>

Это обыкновение совершается в следующем порядке. <...> Озимо-рожь к троицыну дню начинает колоситься; она-то и служит целью похода, который совершается в «колоске». Поход открывается со стороны, противоположной той, где растет озимо-рожь. Девицы и молодницы схватываются попарно руками: каждая из них одною рукою берет другую свою же ниже кисти; а этой берет точно так же руку той девицы, которая составляет с нею пару так, что все четыре руки их соединяются вместе и образуют собой плотный квадрат. Потом все пары становятся вплоть рядом, составляя таким образом две стороны, обращенные одна к другой лицом и соединенные руками. По этому крепкому оплоту из рук начинает идти девочка лет 12-ти, опираясь на головы девиц; девочка эта выбирается предварительно, красивее других, одевается в нарядный сарафан и убирается разноцветными лентами. Последняя пара, которую про-

¹ «Водить колосок» — водить хоровод.

шла девочка, становится вперед, как это бывает в горелках. Таким образом эта процессия подвигается медленно к мосту, за которым ожидают девицы другой стороны¹; сии последние после обыкновенных поклонов примыкают к этому походу и продолжают его вместе точно таким же образом. В продолжение всего этого шествия, с самого его начала, неумолкаемо поется самым растянутым голосом песня:

Пошел колос на ниву,
На белую пшеницу!
Уродися на лето
Рожь с овсом, со дикушей,
Со пшеницею!

Эта песня повторяется несколько раз до тех пор, пока не придут к концу порядка, за которым зеленеется озимая рожь,— цель их церемониального похода. Здесь процессия останавливается, отделяется одна пара, на которой остановилась девочка-колосок, и подносит ее на руках же к оржаному хлебу. Девочка срывает горсть ржи, бежит к церкви и бросает близ оной сорванные колосья. (Прежде клали под церковь, когда она была деревянная.) Тем и кончается этот поход <...>

№ 387

В праздник вознесения девушки и молодые бабы идут в лес и там, под руководством более пожилой женщины, непременно вдовы, которая «умеет кстить кукушку», вырывают с корнем или срывают травку кукушкины слезки <...> и делают из нее куклу — «кукушку», т<о> е<сть> надевают на нее маленькую рубашку, сарафан и платок, заранее приготовленные; иногда еще убирают эту куклу разноцветными лоскутками и лентами <...> Некоторые женщины говорят, что раньше крестили настоящую птицу кукушку, но одевали ее всегда в черный платок и белую рубашку, если же надевали сарафан, то темный, так как, по объяснению здешних крестьянок, «кукушка — вдова, потому что ей мужа не достало».

Вследствие трудности достать настоящую птицу, ее стали заменять «кукушкиною травою».

¹ Село Шельбово рекою Липнею разделяется на две стороны <...>.

Присутствующие при обряде свивают вместе две ветки растущих рядом берез или орешника, покрывают их платком, сажают туда свою «кукушку». Затем желающие покумиться парами по очереди подходят к «кукушке», разделяются и заходят навстречу друг другу с противоположных сторон, нагибаются через свитые ветки, приподнимают платок, целуют «кукушку», затем друг друга до трех раз, каждый раз меняясь местами¹. При этом поется:

«Кукушечка, кукушечка,
Птичка серая, рябушечка,
Кому ты кума, кому кумушка?» —
«Красным девушкам и молодушкам!»
Иде девки красны шли, там и рожь густá,
И ужиниста, и умолотиста!
Иде бабы прошли, там и рожь пустá,
И неужиниста, и неумолотиста!

* * *

«Кумушка, голубушка,
Серая кукушечка!
Давай с тобой, дэвица,
Давай покумимся!
Ты мне кумушка,
Я тебе голубушка!» —
«Кумушка, голубушка,
Горюшко размыкаем!
Будешь мне помощница,
Рукам моим пособница!»

Если случится много пар, то, во избежание слишком частого повторения одних и тех же песен, поют обыкновенные протяжные весенние песни. Затем, покумившиеся таким образом, дают друг другу платки и считаются кумами на всю жизнь, в некоторых местах только на один год.

В этот же день к вечеру, иногда тут же, вслед за крещением совершается обряд похорон «кукушки». В лесу выбирается укромное местечко, вырывается ямка, устилается

---

¹ По некоторым записям, при кумовстве над «кукушкой» меняются еще крестиками, обручальными кольцами.

самыми лучшими, непременно новыми¹ лоскутками; туда кладется «кукушка» и зарывается с песнею:

Прощай, прощай, кукушечка,
Прощай, прощай, рябушечка,
До новых до берез,
До красной до зари.
До новой до травы!

Девушки-голубушки,
Кумушки-подруженьки,
Свейте вы веночки
Из плакучей травки,
Из белой березки!

Мы веночки сложим
Вот так, вот так!

Место, где похоронена кукушка, чем-нибудь отмечают и снова собираются туда уже в троицын день, но при обязательном условии — отсутствии мужчин. «Кукушку» вырывают из земли при следующих песнях:

Кукушечка-рябушечка
Из куста летела,
Через лес пролетала,
На все стороны глядела,
Себе цветики искала,
Цветики-венки.
А я, молода, выйду-пройду
Через мостик в лесок,
На студену на росу.
«Ты цвети, цветик,
Цвети, не засыхай!
Ты люби меня молодую,
Люби, не разлюбляй!»

* * *

Кукушечка-рябушечка,
Пташечка плакучая!

---

¹ Непременно новыми лоскутками устилается могила «кукушки», потому что относительно всяких похоронок существует воззрение, что человек скоро умрет, если положил свою вещь, одежду <...>

К нам весна пришла,
Весна красна!
Нам зерна принесла,
Нам аржи на гумно,
В коробью холста!
Будет девкам красный лен,
Старым бабам конопель!

«Кукушку» сажают на ветви и оставляют так навсегда. Кумы при этом дарят друг другу бусы, орехи, подсолнухи и т<ому> п<одобное> и возвращают платки, которыми обменялись при крещении «кукушки». По окончании обряда едят яичницу, поют обыкновенные песни, водят хороводы уже при участии мужчин. Иногда «кукушку» не оставляют на дереве, ее берет к себе женщина, руководящая обрядом, потому что корень этой травы имеет особую силу; если где-нибудь жена с мужем живут не в ладу, мужа поят настоем этого корня <...> Кроме девушек в обряде участвуют еще молодые женщины; по корню вырытого для кумовства растения они гадают о поле своего будущего ребенка <...>

Отношение крестьянок к обряду самое серьезное; его старательно скрывают, обставляя большою таинственностью; ни одна крестьянка не сознается, что умеет «срывать и кстить кукушку» <...>

№ 388

[Троица.] Бабы и девки собираются на кладбище после обедни, «опахивают» веником могилы родных и голосят по отце, матери или муже. Трудно описать зрелище, представляющееся изумленным взорам постороннего зрителя. Несколько сот женщин и девок воют, плачут, кричат, рыдают. Это продолжается несколько часов, до того что голосящие часто падают в обморок. Плачут только те женщины, которые живут в бедности или, по крайней мере, в стесненных обстоятельствах. Таким образом, иногда случается, что баба, обеднев через несколько лет после смерти отца или матери, только с того времени и начинает плакать по троицам. Плачут иногда лет 10 или 15 по смерти родителей. Слова те же самые, которые плачутся при похоронах.

СЕМИКОВЫЕ И ТРОИЦКИЕ ПЕСНИ

№ 389

Пришла наша весна красна,
Ой, люли, люли, весна красна.
Не в чести, да не в радости,
Ой, люли, люли, не в радости.
Ой, выйду я да на улицу,
Ой, люли, люли, на улицу.
Выйду я на широкую,
Ой, люли, люли, на широкую.
Ударю я в ладоши,
Ой, люли, люли, в ладоши.
То не дóдолы гремят,
Ой, люли, люли, гремят.
А гремят золотые кольца,
Ой, люли, люли, золотые кольца.
Гремят позолоченные,
Ой, люли, люли, позолоченные.
Нету суда на девушек,
Ой, люли, люли, на девушек.
Нету суда на красных,
Ой, люли, люли, на красных.
У девушек у красных,
Ой, люли, люли, у красных.
В году три праздника,
Ой, люли, люли, три праздника:
Семик и троица, и Кузьмы-Демьяна.

№ 390

Пошла девка по́ воду,
Эх, по́ воду, по́ воду, по́ воду.
Бросила ведры по́д гору,
Эх, по́д гору, по́д гору, по́д гору.
Коромысло — на гору:
«Станьте-ка, ведры, дубчиком,
Эх, дубчиком, дубчиком, дубчиком,
Коромысло — яблоней.

Поздравляем с праздничком!
Эх, с праздничком, праздничком, праздничком.
С вознесеньем — с троицей!
Эх, с троицей, с троицей, с троицей».

№ 391

«Березонька белая,
Березонька кудрявая,
На чем приехала?» —
«На ковре, на золоте,
На атласе, на бархате». —
«У кого же ты гостила?» —
«У отца, у матери,
У роду, у племени,
У красных девушек».
Хотят березоньку срубить.
И ее в речке утопить.

№ 392

Вся ватага ребятишек во главе с обряженными «Семиком» и «Семичихой», которые бьют палкой в худое ведро, а помелом разгоняют любопытных ребятишек, ходят под окнами домов и выпрашивают муку, крупу, масло, сметану, яйца, сахар и проч(ее).

Семик честной, семик ладужный
Послал за винцом, на нем семь одеж,
Все шелковые, полушелковые;
Семику да Семичихе — яичко!
Семик баню продает,
Семичиха не дает;
Стряпуха стряпала,
В тесто ложки прятала!

Из собранных припасов к троицыну дню приготавливают кушанье.

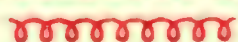
№ 393

Дай нам шильце да мыльце,
Белое белильце да зеркальце!

Копейку да денежку —
За красную девушку!
Ой, дид-ладо!
Семика честного яичницу!

ПЕСНИ НА ЗАВИВАНИИ ВЕНКОВ

№ 394

Пошли девушки во лужки гулять,
Люли, во лужки гулять,
Люли, венки завивать.
Мы завьем венки на все святовки,
Люли, на все святовки.
На духовские, на петровские,
Ой, люли, люли, на петровские.
Не кумилися, ой, люли-люли, не сварилися.
Покумилися — рассварилися,
Ой, люли, люли, рассварилися.

№ 395

Косатое дерево,
Косатое, золотое,
Все кольцами увитое.
Вью, леле, вью.
Никто к этому дереву
Не приступится.
Вью, леле, вью.
Приступились к дереву
Дочери отецкие,
Жены молодецкие,
Молодцы удалы,
Белы, кудреваты:
Метите вы улицы,
Улицы широкие,
Наставьте города,
Города с пригородками,
Терема с притеремками.

Вью, леле, вью.
Идут красны девицы,
Несут белу березу.
Вью, леле, вью.
Белу, кудреватую,
Листом листоватую.
Вью, леле, вью.
Чем она украшена?
Лентами-то алыми.

№ 396

Береза моя, березонька,
Береза моя белая,
Береза кудрявая;
Стоишь ты, березонька,
Посередь долинушки;
На тебе, березонька,
Листья зеленые;
Под тобой, березонька,
Трава шелковая;
Близ тебя, березонька,
Красны девушки
В семик поют;
Под тобой, березонька,
Красны девушки
Венки плетут.

№ 397

На троицу у нас в лес ходили, вырубали березку,
приносили в деревню, обряжали ее и потом ходили по
деревне, пели:

Ты береза, ты моя береза,
Ты кудрявая моя береза,
Ай, думала, думала,
Сидела-гадала!
Всю я ночь не спала —
Плакала-рыдала!

Раньше и яичницу делали на троицу и ходили с нею
в рожь <...>

№ 398

Березонька кудрявая,
Кудрявая, моложавая.
Под тобою, березонька,
Всё не мак цветет,
Под тобою, березонька,
Не огонь горит;
Не мак цветет,
Не огонь горит —
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, березонька,
Всё песни поют.

№ 399

Ты завейся, береза,
Ты завейся, кудрявая,
На тебе, береза,
На тебе, кудрявая,
Кукушка кукует,
Сизой голубь ворку-воркует.
Как во рже на меже,
В чистом поле на поле,
Где девки шли, цветы цвели.
Где парни шли, полынь росла.
Полынь трава расплакалась,
Всему миру разжалобилась.
«Не плачь, не плачь, полынь-трава,
Придет пора, ссекёт тебя,
Кукушка-купальница,
Где же ты купалась?» —
«Я купалась в реке,
А сушилась на плетне».

№ 400

Мой веночек, мой зеленой,
Веночек, веночек, аленький цветочек.
Да кому я свой веночек,
Да кому я свой зеленой подарить?

Эй-любо, да люли, подарити.
Подарю я свой веночек,
Подарю я свой зеленóй
Да я девке на головку,
Да я девке на буйную.

Эй-либо, да люли, на буйную.
Что не кум со кумою,
Со кумою сокумился,
Что не мóлодец с девицей
Три года водилися,

Эй-любо, да люли, водилися.
Они в рощу пойдут,
Ничего там не найдут.
Где не сóйдутся они,
Всё поклонются.

Эй-любо, да люли, поклóняются.

№ 401

⟨...⟩ Через семь недель после пасхи три дня кряду праздновали. Троицкая суббота: вода — именинница, нельзя ни полы мыть, ни стирать, ни баню топить. За этой субботой следовало воскресенье, троица. Тут лес — именинник, его нельзя ни ломать, ни рубить. Только одну молодую березку разрешалось принести из лесу, поставить ее на лужайке, где собиралась молодежь. Наряжали березу в ленты, разноцветные носовые платочки, и начинался хоровод. Первая песня было во славу леса:

Александровска береза, береза
Посреди Кремля стояла, стояла.
Она листьями шумела, шумела,
Золотым венком веяла, веяла.

Гуляй, гуляй, голубок,
Гуляй, сизенький,
Гуляй, сизенький,
Сизокрыленький.

«Ты куда, голубь, летал?
Куда, сизый, полетел?» —

«Я ко девице,
Ко красавице,
Коя лучше всех,
Коя важнее.

Без белил она бела,
Без румян хороша.
То невеста моя,
Поцелует меня!»

В понедельник духов день, земля — именинница.

№ 402

На троицу в лесу завивали березку, чтобы капуста
вилась. Пели:

Вейся-ко, вейся, капуста,
Вейся-ко, вейся, вьюная!
Как мне, капустке, не виться,
Как мне зимой не валиться!

ПЕСНИ ГАДАНИЙ НА ВЕНКАХ

№ 403

Ай кумушки-голубушки,
Подруженьки мои!
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдете в зеленый сад,
Возьмите меня.
Завьем венки на все деньки,
На все празднички!

№ 404

Возвращаясь из леса, пели:

Уж мы, девушки, дело сделали,
Уж мы белу березоньку завили,
Уж мы первый веночек — за батюшку,
Уж второй-то веночек — за матушку,
А третий веночек — за саму себя.

№ 405

Вьюн я несу, золотой я несу,
Украшенный я несу,
К речке я подхожу.
Начинаю я этот вьюн топить,
Начинаю я золотой топить.
Потопили мы вьюн,
Потопили мы золотой.
С кумушками мы идем,
Без вина к столу подходи!

№ 406

«Что же ты, березонька, не зелена стоишь?
Люшечки, люли, не зелена стоишь,
Аль тебя, березонька, морозом побило,
Люшечки, люли, морозом побило.
Морозом побило, инеем прихватило.
Люшечки, люли, инеем прихватило.
Инеем прихватило, солнцем присушило?»—
«Нет, меня, березоньку, морозцем не било,
Люшечки, люли, морозцем не било.
Морозцем не било, солнцем не сушило,
Люшечки, люли, солнцем не сушило.
Красны девицы веночки завили,
Люшечки, люли, веночки завили.
Веночки завили, веточки ломали,
Люшечки, люли, веточки ломали.
Веточки ломали, во речку бросали,
Люшечки, люли, во речку бросали.
Во речку бросали, судьбу загадали,
Люшечки, люли, судьбу загадали.
Быстра речка судьбу отгадала,
Люшечки, люли, судьбу отгадала.
Коим девушкам замуж идти,
Люшечки, люли, замуж идти.
Коим в девушках век вековать,
Люшечки, люли, век вековать.
А коим, несчастным, во сырой земле лежать!
Люшечки, люли, во сырой земле лежать.»

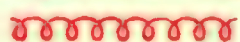
Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет,
 Смиренная беседушка, где милого нет.
 Веселое собраньице, где миленький пьет,
 Он пить не пьет, за мной, молодой, шлет.
 Как я, молода-молодешенька, замешкалася,
 Замешкалася за утками, за лебедями,
 За вольными за пташками, за журавами.
 Журавушка по бережку похаживает,
 Шёлкову травушку сощипывает.
 «Вы, кумушки, голубушки, подружки вы мои,
 Кумитесь, любитесь, любите и меня.
 Вы пойдете в зелен сад, возьмите и меня.
 Вы будете цветочки рвать, сорвите и мне,
 Вы будете венки плести, сплетите и мне,
 Вы будете на головку класть, положите и мне».

Пойду я лужком
 Пешком, бережком.
 Сломлю ли я
 С сыра дуба веточку,
 Кину ли я, брошу ли я
 В Дунай-реку быструю.
 Не тонет, не плывет
 С сыра дуба веточка —
 Не тужит, не плачет
 По мне свекор-батюшка.
 Потонет, поплывет
 С сыра дуба веточка —
 Потужит, поплачет
 С-по мне родимый тятенька.
 Не тонет, не плывет
 С сыра дуба веточка —
 Не тужит, не плачет
 С-по мне свекровь-матушка.
 Потонет, поплывет
 С сыра дуба веточка —
 Потужит, поплачет
 С-по мне родима матушка.

Я венок-от бросила,
 Завет завечала,
 Что кто венок переймет,
 За того замуж пойду.
 Услыхал сын крестьянский,
 Он часом разувался,
 Во другом разболокался,
 В третьем в воду кидался.
 Что венок-от подальше,
 Молодец-от глубже.
 Венок плывет,
 Молодец погибает,
 Охти мне, согрешила:
 Молодца погубила!

МАЙСКИЕ ПЕСНИ

Святое вознесенье, взнеси, боже, жито!
 Ой, маю, маю, маю зеляно!
 Взнеси, боже, жито густо, колосисто,
 Густо, колосисто, зерном зернисто!
 Чья это нива густа, колосиста?
 А Толькина нива — густа, колосиста.
 Ему много надо пива наварити,
 Пива наварити, сына оженити,
 Сына оженити, дочку замуж дати.

Святое вознесенье, взнеси, боже, жито!
 Ой маю, маю, маю зеляну!
 Взнеси, боже, жито густо, колосисто,
 Густо, колосисто, зерном ядренисто!
 У поле копнами, на гумне скирдами,

На гумне скирдами, в клети закромами,
В клети закромами, на столе пирогами!

№ 412

У' в поле пашаница перестой стояла,
Маю, маю, перестой стояла.
Перестой стояла, колосом махала.
Маю, маю, колосом махала.
Колосом махала, голосом гукала,
Маю, маю, голосом гукала:
«Жнеи молодые, серпы золотые,
Маю, маю, серпы золотые.
Или меня жните, или скот пустите,
Маю, маю, или скот пустите.
Не могу стояти, колосом махати,
Маю, маю, колосом махати.
Колосом махати, голосом гукати!»
Маю, маю, голосом гукати.
Манечка младая просилася взамуж,
Маю, маю, просилася взамуж:
«Маменька родная, отдай меня взамуж!
Маю, маю, отдай меня взамуж.
Не могу ходити, красоты носить.
Маю, маю, красоты носить.
Русая косица ломит поясницу,
Маю, маю, ломить поясницу.
Земченые крали шеючку обломали,
Маю, маю, шеючку обломали,
Златые перстенечки ломают перстяночки,
Маю, маю, ломают перстяночки».

№ 413

А береза лугу позавидовала,
Ой, маю, маю, маю зеляну.
«Хорошо тебе, лугу, хорошо зеленому,
А меня, березу, секут и ломают,
Секут и ломают, у печку бросают!»
Молодухи девкам позавидовали:

«Хорошо вам, девки, хорошо, злодейки,
А нам, молодухам, такой воли нету!
Один в колыбели, другой на постели.
А что в колыбели — надо колыхати,
А что на постели — надо целовати!»

«ПРОВОДЫ РУСАЛКИ»

№ 414

Обряд «вождения русалки» (в Верейке чаще говорят — «русалку хоронят») заключается в следующем. Собравшиеся женщины и девушки делают русалку — куклу из тростника, называемого здесь «кугá», реже из соломы. Связывают сноп этого тростника, высотой до 1 м (метра), срезая цветущие верхушки; в верхней части снопа прокладывают поперек 10—12 стеблей тростника, на расстоянии 30—40 (сантиметров) от одного конца; поперечные стебли выступают из основного снопа на 40—50 (сантиметров), как бы образуя руки фигуры. Концы этих «рук» перевязывают веревочкой, чтобы стебли не рассыпались. В месте перекрещивания вертикальных и горизонтальных стеблей фигуру перевязывают накрест веревкой для плотного укрепления «рук». Когда остов фигуры готов, начинают наряжать «русалку». На верхней части фигуры делают лицо, повязывая эту часть какой-либо белой тряпкой. Затем надевают на русалку женскую белую рубаху с вышивкой, какую носят обычно верейские женщины; поверх рубахи надевают юбку, на голову повязывают платок. Такова «русалка» — женская фигура в обычном для данного района костюме.

Далее для обряда готовят носилки. Берут две палки длиной в средний человеческий рост и перевивают их веревками; получается как бы сетка, на которую можно положить фигуру «русалки». Положенную на носилки «русалку» накрывают белой скатертью с вышивкой, поверх скатерти накидывают три праздничных «утирки» (вышитых полотенца) таким образом, что вышитые концы свешиваются по бокам фигуры с носилок, закрывая деревянные палки, образующие остов носилок. Из-под скатерти и ути-

рок видна только голова «русалки». В результате получается «русалка», как бы изображающая покойницу на носилках.

Затем наряжаются участницы обряда: женщины и девушки одеваются в обычные праздничные, но не «годовские» (т<о> е<сть> особенно торжественные) костюмы и берут в руки самодельные «свечи», в качестве которых употребляют белые нижние части стебля того же тростника, очищенного от верхних слоев. Свечи обрезают длиной в 30—40 <сантиметров> и перевязывают в верхней части ленточками, чаще красными или розовыми. Иногда в качестве «свечей» употребляют ветки полыни. Одна из участниц наряжается «попом»: распускает волосы, накидывает углом на плечи коврик или дерюгу, изображая фелонь, в руки берет «осмётки», т<о> е<сть> стоптанный лапоть, который должен изображать кадило; этот «осмётки» она держит за оборину и размахивает им.

После этих приготовлений похоронная процессия выходит из дома, где шли сборы, и с пением проходит по селу. Запевалой является «поп», сопровождающие женщины подхватывают и подпевают. Основной является следующая песня:

Да посеяли, да посеяли,
Посеяли девкам лен.
Танцы, бранцы, веретёнца,
Вертатушки, вертата.
Да посеямши, пололи,

Да посеямши, пололи,
Да белы руки кололи.

Да куда тебе шут нес
На корявый мост.

Мне сказали, что мой лен:
Весь истоптан он.

Я схватила шушпанішко,
Побежала на ленишко,

Посмотрела на свой лен:
Весь неистоптанный он!

Мотив песни — плясовой. «Поп», запевая строфы, скачет впереди процессии, размахивая «кадилом» и свечой. Несколько женщин или девушек несут носилки, держа свечи в руках. Пройдя по всему селу, процессия направляется в ржаное поле, где раздевают «русалку», разбирают «утирки», снимают ленты со свечей и бросают в лог около ржаного поля фигуру «русалки» и палки от носилок. Обычно «русалку хоронят» в заговенье после троицы <...>

По словам одной из участниц исполнения, обряд <...> этот было принято совершать в [селе] по двум причинам. Во-первых, если бросят «русалку» в ржаное поле, то лучше будет хлеб расти; во-вторых, самый обряд «вождения русалки» и самый факт ее бросания в поле спасают от русалок: «Если не бросают, то русалки всю лету будут тращать» (стращать, пугать) <...>

№ 415

Обычай провожать так называемую «русалку». Обряд этот совершается крестьянами обыкновенно по окончании весны, в неделю всех святых, с ним они соединяют прощание с веселою весною.

Лишь только день начнет склоняться к вечеру, затейливые молодые парни и мужики принимаются за «русалку», их потому и называют «русальщиками». Они берут липовую лутошку длиною аршина 2,5 с рожками на конце, надевают на нее головную лошадиную кость [череп]. Потом палку эту обвивают пологом, вытканым из толстой пряжи, перевязывают около рожков веревкою; потом привешивают к ней небольшой колокольчик или гремушку. Часов в 7 или 8 пополудни целые хороводы девушек, баб, парней и мужиков собираются по уговору к одному двору, и здесь начинается праздник. Они разделяются на несколько рядов: одни поют песни, другие пляшут, некоторые играют на балалайках и проч(ее). Этот праздник бывает для них как бы последним приветствием весне. После того все собрание медленным шагом начинает подвигаться вдоль села, обыкновенно к околице, с теми же песнями и плясками. «Русальщики» идут впереди, держа покрытую пологом лошадиную голову; за ними следуют скачущие, испачканные сажею парни (их называют «помелешниками»

и «кочерешниками») и бьют длинными кнутами «русалок», побуждая их идти веселее и бодрее, и эти-то «помелешники» и «кочерешники» как бы охраняют главных «русальщиков» и между тем бегают за малыми ребятами, пугая их и приговаривая: «Не станете ли просить молока?» Видя безобразные и испачканные лица, мальчики бегут от них куда кто успеет и прячутся.

Продолжая таким образом идти, «русальщики» в сопровождении своей свиты достигают наконец конца селения и переступают за околицу. Охраняющие «русальщиков» в один раз делают несколько холостых выстрелов из ружей, потом несколько смелых девок или баб с обоих концов берут в руки лутошки, по которым ходят две или три удалые девки, пляшут и скачут взад и вперед. Это делается у них в знак особенной чести, оказываемой ими провожаемой «русалке». Наконец приступают к снятию пологов, бросают в знак погребения русалки лошадиные головы в яму, в которой они и проваляются до будущей весны. Таким образом оканчивается провожание русалки, измучившиеся «русальщики» вместе с народом уже в тишине возвращаются домой.

№ 416

В «русальный вечер» варят кулеш. «Пойдемте, сестры, кулеша варить!» — говорят друг другу бабы и девки, выходя для сбора на улицу; выходит и «русалка» в одной рубашке с распущенными волосами, верхом на кочерге, держа в руках помело через плечо. Она в таком виде едет впереди, а за ней толпой идут девки и бабы, бьют в заслон. Ребятишки бегают вперед и то и дело заигрывают с «русалкой», хватая ее кто за руку, кто за рубаху, кто и к кочерге прицепится, приговаривая: «Русалка, русалка! Пощекочи меня!» или: «Не щекочи меня!». Вся эта толпа, с «русалкой» впереди, направляется ко ржам и дорогой поет:

Мы по лугу гуляли,
С комариком плясали.
Мне комар ножку отдал,
Все суставчики переломил.
Кричит: «Подай, мати, топора!
Рубить, казнить комара!»

Скати́лася голова
За задние ворота.
На улице ромада:
Жена мужа продала,
За дешево отдала,
Всего взяла три рубля,
По русскому — шесть алтын!

Подошедши ко ржам, «русалка» бросается в толпу, схватит кого-либо и пощекочет, другие защищают преследуемую, стараются отнимать ее, но «русалка» бросается на другую, третью и т(ак) д(алее). Тут пойдет свалка, пока ей не удастся вырваться и схорониться во ржах. «Теперь,— кричат все,— мы русалку проводили, можно будет везде смело ходить!» — и разбредутся по домам. «Русалка» же, посидев немного, прокрадется задками домой. Народ же всю ночь до самой зари гуляет на улице.

№ 417

«Русальная неделя» — так называется неделя от троицы до заговенья петрова поста. В течение ее каждый вечер водятся кураго́ды (круги). Несколько самых бойких девушек изображают всю эту неделю русалок. Вечером они являются в одних рубашках с распущенными и перекинутыми на лицо волосами. Они бродят то по улице, то по задворкам, то прячутся в коноплю, стараясь кого-нибудь испугать, преимущественно небольших ребят. Если им удастся поймать ребенка, то они трясут его.

Накануне заговенья в 12 часов ночи (до этого часа русалки ходят все время по деревне, то приближаясь к курагоду, то держась несколько поодаль) все находящиеся на улице вооружаются палками, косами, кнута́ми и с криком: «Гони русалок!» — звоном в косы и щелканьем кнутов бросаются на русалок, которые утекают со всех ног. Когда им удастся спастись на землю соседней деревни (куда их стараются не пустить), преследование прекращается и все возвращаются домой: «Ну теперь прогнали русалок!»

Детей очень часто пугают русалками, вследствие чего они их очень боятся и твердо верят, что русалка, поймав «дитю», может затрясти и затоптать его до смерти. Обычай

выгона русалок исчез всего лет 10—12 тому назад, главным образом благодаря влиянию духовенства.

«ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ»

№ 418

«А что, девки, ведь пора бы уж и Кострому хоронить?» — вывернется какая-нибудь бойкая бабенка из толпы. «А ну-те <...> с Костромой-те! — отзывается недовольным тоном другая. — Мне намесь (намедни) хозяин (муж) говорил: грех, потому тут в песнях-то гроб поминают; слышь, на том свете за это язык вытянут да сковороду раскаленную лизать заставят!» — «Ну, еще того света долго ждать, пока еще вытянут, а теперь мы в вольную голову погуляем: иди, девки, кто хочет Кострому сряжать (одевать), а кому грех, тот на месте сиди, всего не переслушаешь туточки!» И с весельем, гиканьем, шумом и смехом бежит целая ватага молодых девушек, женщин и парней хоронить Кострому. Из избы выносят деревянную скамью и ставят ее посреди улицы; на скамью ставят корыто и начинается делание Костромы. Притаскивается большой пук соломы, и все находящиеся тут парни и девки делают куклу наподобие женщины, причем поют следующее:

Кострома моя Костро́мушка,
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много золота-казны.
У костромского купца
Была дочка хороша,
То Костро́мушка была!
Костро́мушка-Кострома,
Лебе́душка-лебедá!
У Костромы-то родства —
Кострома полна была,
У Костро́мина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,

Кострома-то расхвалилась.
Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать.
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то пританцовывать:
«Кострома-Кострома,
То Костро́мушка была!
Я к те́е, кума, незваная пришла;
Я ли тея́, Костромушка,
За рученьку возьму,
Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу».
Стала Кострома поворачиваться,
С вина-маку покачиваться;
Вдоль по улице пошла,
На подворьице зашла,
На подворье костромское,
На купецкое.

Кострома ли Кострома,
То Костромушка была!
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка-Кострома!
К Костроме стали сходитьсья,
Костромушку убирать
И во гроб полагать.
Как родные-то стали тужить,
По Костромушке выплакивати;
А чужие-то плясать, притапывати:
«Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!»
Кострома-Костромушка,
Наша белая лебедушка! <...>

В продолжение этой же песни женщины и девушки одевают чучело в сарафан и рубашку; голову повязывают косынкою и убирают цветами; на ноги надевают башмаки, и, убрав таким образом Кострому, девушки и женщины

кладут ее в корыто. <...> «Понесем Кострому!» — раздается команда. Сейчас же все тут стоящие парни одеваются в рогожи и идут вперед; один из них берет лапоть, изображающий собою как бы кадило, и все шествуют медленно, не спеша. А женщины и девушки, покрыв головы белыми платками, берут корыто с куклою на руки и точно также медленно несут ее по направлению к реке; причем одна группа девушек, изображающая собой плакальщиц, поет:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!
И к тебе ль, Костроме,
Сошлись незваные сюда.
Стали Кострому
Собирать-одевать;
Собирать-одевать
И оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тебя ль, Кострома,
Блины масленые,
Браги сыченые,
Ложки крашеные,
Чашки липовые».

Пришедши к реке или озеру, Кострому разоблачают, снимают с нее все уборы и бросают ее в воду, причем поют следующее:

Во поле было во поле,
Стояла береза.
Она ростом высока,
Листом широка.
Как под этой под березой
Лежала Кострома;
Она убита — не убита,
Тафтою покрыта.
Девуца-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,

В лице признавала:
«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во поле кочуют,
Дороженьку чуют».
Девуца-красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Создай, боже, дождя,
Дождичка частого,
Чтобы травоньку смочило,
Костроме косу остру притупило».
Как за речкой, за рекой
Кострома сено косит,—
Бросила косу
Середі покосу.

[В других населенных пунктах Муромского уезда в обряде наблюдаются некоторые любопытные изменения.]

〈...〉 «Кострому хоронят» так: обряжают молодую женщину или девушку, кладут в ящик или корыто и несут ее с причетом и воем до лесу; корыто ставят под березою и поют: «Во поле было во поле, стояла береза». Под березу помещают «Кострому», вероятно, по недостатку воды в селении. Корыто с женщиною, изображающей собою «Кострому», оставляют в лесу и уходят назад с веселыми песнями, а женщина или девушка, называемая «Кострома», уже после присоединяется к своим товаркам.

* * *

〈...〉 Чучело «Костромы» — мужчина 〈...〉 одну из находящихся тут молодых женщин выбирают в жены умершего Костромы, и когда вся процессия двинется в путь, то жена впереди всех идет за корытом и причитывает: «Батюшка Костромушка, на кого ты меня покинул! Закрылись твои ясны оченьки! 〈...〉» и т〈ак〉 д〈алее〉. Когда же чучело кинут в воду, то изображавшая собою жену Костромы начинает плясать, говоря: «Поди, душа, прямо-таки в рай, таки в рай, таки в рай!» 〈...〉

* * *

⟨...⟩ Берут сноп соломы, одевают его в новый сарафан и платок, увешивают сноп лентами, цветами, потом несут до речки или болота; тут сноп кидают в воду, говоря:

Костромушка, Кострома,
Куда твоя голова?
К бесу, к лесу,
В омут головой?

* * *

⟨...⟩ Обычай совершенно исчез у взрослых, которые считают его за греховную забаву и приписывают ему: голод, болезни и другие народные бедствия ⟨...⟩ В «Кострому» играют девочки ⟨...⟩ одна из играющих садится на траву, другая ложится к ней на колена, изображая собою «Кострому»; несколько других девочек ходят вокруг и поют следующее:

Костромушка, Кострома,
Лебедушка, лебеда,
Белая, румяная.
У Костромушки, Костромы
Блины с творогом,
Кисель с молоком,
Каша масленая,
Теща ласковая.

Когда вся эта песня пропоется ходящими вокруг девочками, то они начинают спрашивать у девочки, сидящей на земле: «Жива ль, Кострома?» Девочка отвечает: «Жива». Так расспросы продолжаются до трех раз, когда же после последнего вопроса получают ответ, что «Кострома» преставилась, все девочки начинают тащить «Кострому» за руки и за ноги, потом бросят и побегут от нее, крича: «Зеленые глаза!» «Умершая Кострома» вскакивает и ловит бегущих. Кого поймает «Кострома», то они уже вдвоем ловят остальных; изловят третью, — втроем и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩ до последней, тем и оканчивается игра ⟨...⟩

- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома,
Мать сударыня моя,
Ой, где ж ты была?» —
«По погорью ходила,
Руки, ноги ломила,
Ломила я перстень
Золотой лозочек,
Чтоб кисель с молоком,
Сало, масло с творогом!» —
«Здравствуй, кума¹,
Жива Кострома?» —
«Жива».
- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома» и т. д.
«Здравствуй, кума!
Жива Кострома?» —
«Заболела».
- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома» и т. д.
«Здравствуй, кума!
Жива Кострома?» —
«Умерла!»
- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома» и т. д.
«Здравствуй, кума!
Где твоя Кострома?» —
«В церкву понесли».
- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома» и т. д.
«Здравствуй, кума!
Где твоя Кострома?» —
«На погост тянем».
- (Хоровод:) «Костромушка, Кострома» и т. д.
«Здравствуй, кума!
Где твоя Кострома?» —
«Схоронили».

Костромушку да наряжали,
Девки весну провожали.

¹ На протяжении игры идет диалог кумы и одной из участниц хоровода.

Пройдет весна да троица,
Все забавы скроются!

«ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ»

№ 421

В одной из деревень Белозерского уезда в петровское заговенье происходит обряд прощания с весной. Утром соседи и, главным образом, родственники, дарят друг друга крашеными яйцами, как в пасху. В этот день все девицы и парни, одетые по-праздничному, пляшут и поют песни, качаясь на поместительных (более, чем для 20 человек) качелях. Поют больше веселые песни и стараются как можно только навеселиться в этот день. К вечеру, на закате солнца, вся молодежь со цветами и песнями отправляется сначала вдоль деревни, а потом кругом ее и наконец идет к крайней границе деревенского поля. Здесь, как только будет скрываться солнце, все становятся в круг на колени и в один раз кланяются в землю, восклицая: «Прощай, весна красная, прощай! Ворочайся скорей опять!» Затем идут с песнями на реку, где водят хоровод; бегают в «головяшку» (горелки) и возвращаются домой. Песни, поющиеся в этот день, так или иначе касаются весны и весеннего веселья.

**ПРАЗДНИКИ
ЛЕТНЕГО
СОЛНЦЕВОРОТА**

ИВАН КУПАЛА

И

ванов день, отмечаемый 24 июня, в народе назывался днем Ивана Купалы. В этот день праздновался летний солнцеворот — время самого бурного цветения всей растительности. В народе существовало поверье, что в ночь под Ивана Купалу цветет папоротник, обладающий чудодейственной силой, которая перейдет на любого нашедшего и сорвавшего цветок. В ту же ночь собирали целебные травы и травы для гадания. Вода также обладала целебной силой, поэтому все стремились купаться на заре или хотя бы умыться утренней росой. Существовал также обычай взаимного обливания водой. С другой стороны, именно в ночь на Ивана Купалу наблюдалось, по поверьям, оживление всякой нечисти, а это, как и во время зимних святок, считалось лучшим сроком для всевозможных гаданий.

В отличие от украинцев и белорусов у русских почти не существовало купальских песен, за исключением пограничных с Украиной и Белоруссией областей. В купальских песнях, записанных там, сообщалось о сборе трав на Иванов день, о купании, о том, как «купаленка» привозит людям «добро и здоровье, богатство и почести». Наблюдался также купальский обход дворов с пением заклинательно-величальных песен, исполнялись и песни-обереги от нечистой силы.

Обряды изгнания злых духов имели место и на петров день (29 июня). В тот же день почти все население ходило смотреть, как «играет» солнце (см. № 435). А молодежь в это время часто занималась проказами: собирали все, оставленное хозяевами на улице, и разбрасывали по селу, подпирали кольями двери домов, воровали овощи на огородах и так далее (ср. аналогичные святочные проказы).

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ НА ИВАНА КУПАЛУ

№ 422

Все <...> эпитеты, которыми наделяет Купалу народная песня, находят свое объяснение в целом ряде обычаев, приуроченных к этому дню. Так, «любовным» Купала называется, между прочим, потому, что в его день, раз в году, расцветает папортник, при помощи которого, по словам одной купальской песни, «сердце девичье огнями зажигают на любовь». Впрочем, сердца деревенской молодежи зажигаются и без папортника, потому что, еще накануне Купалы, рощи, берега рек, леса и луга оглашаются веселыми хороводными песнями, и парни и девушки вместе ищут чудодейственных трав, вдали от строгих глаз матерей и отцов.

«Чистоплотным» Иван Купала называется оттого, что на заре этого дня принято купаться, причем такого рода купанью приписывается целебная сила. С той же целью — отыскать целебную силу — поутру иванова дня вологодские бабы «черпают росу»; для этого берется чистая скатерть и «бурак», с которыми и отправляются на луг. Здесь скатерть таскают по мокрой траве, а потом выжимают в бурак и этой росой умывают лицо и руки, чтобы прогнать всякую «болезнь» и чтобы на лице не было ни угрей, ни прыщей. В той же Вологодской губ(ернии), накануне Ивана Купалы, крестьянки обязательно моют у колодца или на реке так называемые «квашенки», т(о) е(сть) кадушки, в которых водят тесто для ржаного хлеба. (По замечанию нашего корреспондента, эти квашенки только и моются один раз в год.)

В Пензенской губ(ернии) точно так же «черпают росу», хотя здесь она служит не только для здоровья, но и для чистоты в доме: купальской росой кропят кро-

вати и стены дома, чтобы не водились клопы и тараканы. <...>

В Орловской губ(ернии) (как, впрочем, и во многих других) с иванова дня начинают ломать прутья березы для банных веников. Делается это в том предположении, что веники, срезанные до иванова дня, приносят вред для здоровья <...> Вообще, баня, купанье в реках и умыванье росой составляют один из наиболее распространенных в народе купальских обычаев. Местами этот обычай выродился даже в своеобразный обряд обливания водой всякого встречного и поперечного. «Деревенские парни,— пишет об этом обряде наш орловский корреспондент,— одеваются в грязное, старое белье и отправляются с ведрами и кувшинами на реку, где наполняют их самую грязною, мутною водой, а то и просто жидкой грязью, и идут по деревне, обливая всех и каждого и делая исключения только для стариков и малолеток». Но всего охотнее, разумеется, обливают девушек: парни врываются даже в дома, вытаскивают и выносят девушек на улицу силой и здесь с ног до головы окачивают водой и грязью. В свою очередь, и девушки стараются отомстить парням и тоже бегут на реку за водой и грязью. Начинается, таким образом, общая свалка, полная веселья, криков и смеха. Кончается дело тем, что молодежь, перепачканная, мокрая, в прилипшей к телу одежде, гурьбой устремляется на реку и здесь, выбрав укромное местечко, подальше от строгих глаз старших, купается вместе, причем, разумеется, и парни, и девушки остаются в одеждах.

Относительно общенародного обычая — купаться в иванов день — мы получили сведения почти со всей центральной и северной полосы России, и только <...> в некоторых уездах Ярославской губ(ернии) крестьяне признают такое купанье очень опасным, так как в иванов день считается именинником сам водяной, который терпеть не может, когда в его царство лезут люди, и мстит им тем, что не только топит всякого неосторожного, но, затащивши в самую глубь речных омутов, глумится уже над мертвым телом.

Кроме эпитетов «любовный», «веселый» и «чистоплотный» Иван Купала повсеместно именуется еще и «травником». Последнее название указывает на общенародное верование, которое гласит, что все чудодейственные и целебные травы распускаются как раз в ночь на Ивана Купалу,

когда творческие силы земли достигают своего наивысшего напряжения. Поэтому знающие и опытные люди, а особенно деревенские лекари и знахари, ни под каким видом не пропускают ивановой ночи и собирают целебные корни и травы на весь год. Наибольшим вниманием их пользуется : 1) «Петров Крест» — трава, похожая на простой горох без стручков. (Крест находится в корне, на глубине двух аршин, и вполне предохраняет и от колдунов, и от нечистой силы.) 2) «Чертогон» — трава с теми же свойствами: ее втыкают в трещину над воротами и калиткой — от колдунов и под крышами — для изгнания чертей. 3) «Чернобыль-трава». Эту траву заплетают в плети и кладут их «под иванову росу» с приговором: «Мать-земля, отец — небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья!» 4) «Зяблица» — помогает от ребячьего крика и от бессонницы, но, для успешного действия, ее нужно топить в молоке. 5) «Расперстыце» — трава эта сушится, и порошком ее присыпаются больные места на теле (обрезы, нарывы, опухоли). В большом употреблении точно так же травы: «дивий сил», «мария-магдалина» (от тоски), «богородская» трава (для окуривания отелившихся коров), а также специальный корень, носящий несколько рискованное название и предназначенный для снятия «порчи» с молодых.

ГАДАНИЯ

№ 423

В ночь на Ивана Купалу все девушки отправляются отыскивать цветы. Нужно набрать 12 трав, из которых самыми главными считаются иван-да-марья и головная трава. Когда эти цветы найдены, берут уже затем и остальные 10, какие встретятся <...>

Собравши цветы, девушки идут молча по домам и, ложась спать, не помолившись, кладут пучок цветов под изголовье, приговаривая: «Иван-да-марья, головная трава и все 12 трав, скажите, кто мне будет жених!»

И за того, кто <...> приснится, гадающая выйдет замуж <...>

Для того, чтобы гадание было действительно, нужно идти домой, собравши цветы, молча.

<...> Девушки идут на луг и ложатся навзничь и начинают заплетать траву, как косу, в три пряди. Утром идут смотреть: если трава расплелась, то девушка выйдет в этом году замуж, если же трава осталась нерасплетенной, то не выйдет.

<...> Собирают цветы, связывают их в пучок и вешают под матицу. Если цветы распустятся за ночь, то желание гадавшего исполнится, если же совсем не распустятся или распустятся немного, то желанию не суждено будет сбыться <...>

№ 424

<...> Собирали 12 трав (чертополох и папоротник обязательно) <...> Я цветы под подушку положила, утром считать стала, набрала 12 трав или нет. Если 12 набрала — замуж в этом году выйдешь.

№ 425

На иванов день, накануне, собирали 12 цветков, 12 сортов трав, ложили под голову и загадывали: «Суженый-ряженный, приходи в мой сад гулять!» Трипутник (подо-рожник) тоже под голову клали, говорили: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, видишь малого и старого, скажи моего суженого» <...>

№ 426

<...> Девушки и ребята шли вместе за цветами, девушки делали веники из 12 разных трав и бросали в реку со словами: «Суженый-ряженный, плыви по течению, где моя судьба!»

<...> Девушка в бане возьмет веник, похлещется и побежит к речке, бросит веник в воду и смотрит, к какой пристани пристал (у каждого дома тогда были пристани).

⟨...⟩ Венки вязали да на байню (баню) кидали через голову. В какую сторону упадет, там будет жить будущий муж или жених.

⟨...⟩ Каждый парился своим веником, а потом, став спиной к бане, бросал его на нее с приговором: «Если веник упадет вершиною к погосту, то умру, а если не вершиной, то не умру».

№ 427

В ночь под иванов день ⟨...⟩ выстирать тряпичку и повесить мокрую во дворе. Если она за ночь высохнет, то лето будет теплое и хлеб родится хорошо, если же она замерзнет, то лето будет холодное и хлеб не родится, замерзнет.

КУПАЛЬСКИЕ ПЕСНИ

№ 428

На святого Ивана
Девки елки собирали,
Собирали, не знали,
У Ивана пытали:
«Иван, Иван, старый дед,
А что это за зелье,
Аирово коренье?» —
«Девуцкая красота,
Мальцоцкая сухота,
Девуцкое умыванье,
Мальцоцкое воздыханье».

№ 429

Как на Ивана солнце играло,
Ходил чирик по улице,
Ходил чирик по улице.
Собирал девок на Купало,

Собирал девок на Купало,
Молодушек на гулянье,
А девочек венки вить,
Молодушек шапки шить.
А у девочек своя воля,
А у молодушек дитя малое.

№ 430

Иванская ночка мала-невелика,
Невелика-мала, и я-то не спала.
Я-то не спала, Петра ключи брала,
Зорю размыкала, росу отпускала —
Роса медовая, трава шелковая.
Перед Петром, пятым днем,
Разгулялся Юрьев конь,
Разбил камень копытом.
В этом орехе ядро есть,
Там у девок правда есть.

№ 431

Приехала купаленка
На семидесяти тележеньках,
Привезла нам купаленка
Добра и здоровья,
Богатства и почести.

№ 432

Иван да Марья,
Где ваше гулянье?

А у Марьи на дворе,
У Клима в тереме.

Простая Марьенка,
Неси кулагу!

В твоей кулаге
Пчелыньки бруяли.
(Если подадут:)

Роди, боже,
Чисто жито!
(Если не подадут:)

В твоей кулаге
Лягушки квовтали.

Лягушки квовтали
И квокот носили!

№ 433

Пойдем, девки,
Кругом жита.
В нашем жите
Ведьма сидит.
«Иди, ведьма,
С нашего жита.
Наше жито
Свячёное!
Иди, ведьма,
У Сеньково,—
Тама жито
Не свячёно!»

№ 434

Зарождалися три ведьмы
На Петра да на Ивана:
Первая ведьма закон разлучает,
Другая ведьма коров заклиняет,
Третья ведьма залом ломает.
Первой ведьме, что закон разлучает,
Ее по уши в землю, ей прощенья нет!
Другой ведьме, что коров заклиняет,
Ту по плечи в землю, ей прощенья нет!
Третью ведьму, что залом ломает,
Ту по пояс в землю, ей прощенья нет!

Вы катитесь, ведьмы, за мхи, за болоты,
За гнилые колоды, где люди не бают,
Собаки не лают, куры не поют,—
Вам там и место!

ПЕТРОВ ДЕНЬ

№ 435

большой торжественностью крестьяне и крестьянки в лучших праздничных нарядах в ночь на петров день, за час до света, идут на высоту холма и там с немым, но красноречивым восхищением ожидают величественного зрелища восходящего солнца, что они называют «караулить солнце». Они верят, что солнце в сей день при восхождении своем играет: то спрячется, то покажется, то повернется, то вниз уйдет, то блеснет голубым, то розовым, то разными вместе цветами. Как только покажутся первые лучи, запевала начинает, и все подхватывают песню с припевом: «Ой, ладо! Ой, ладо!»

№ 436

[Обычай отпугивания молодежью всяческой нечисти.] Идем со звонками, гармониями, бубнами; у кого заслонка звонкая, так заслонку возьмет. А несколько кос непременно брали, по косе палкой били <...> А сами разрядимся, как на святках, обвешаемся колокольчиками, бубенцами <...> И ждем. Крик, шум, пляска, пенье — во как весело было! И на всю ночь <...> а как вернемся — за Большой лес солнца ждать.

№ 437

В петров день клали окосок под порог хлева, узелки из холстины и осиновым колом подпирали в хлев дверь — это от колдуна. Колдуны у нас много делали: накануне петрова дня колодцы замыкали, пережины делали, урожай отмечали. Заломы заламывали. Отец однажды пошел в поле: «Батюшки, что за чудо! Рожь — как ее кто уложил!»

Пошел за Василием, тот за колдуном. Колдун кол забил, мы ему пол-литра поставили. Все обошлось <...>

№ 438

<...> Всю ночь караульщики солнца заняты усиленной работою. Все, что попадет под руки: сани, повозки, бороны, кадушки, бревна,— одним словом, что по оплошности домохозяев оставлено в эту ночь на улице, все это разбрасывают по дороге, так что на петров день домохозяева весь день разыскивают и собирают свое имущество. Те же домохозяева, у кого успели на огороде овощи, как-то: лук, морковь, огурцы,— всю ночь караулят огород; кто же оставит без караула, тот на утро найдет свой огород опустошенным; не тронут только те овощи, которых в сыром виде не едят.

КОНЕЦ ЛЕТА

ЖАТВА

атва, подобно севу, сопровождалась довольно сложными обрядовыми действиями, которые учитывали любую, казалось бы незначительную, мелочь. Особенно торжественно отмечали последний сноп, а также те последние колосья, которые составляли этот сноп. Жницы, а ими были исключительно женщины, оставляли в поле небольшой несжатый участок, называемый «бород(к)ой». Эту «бороду» иногда завивали под приговоры. По наблюдению В. Я. Проппа¹, завивание «бороды» сходно с обрядом завивания березки, ибо колосья не срывали, а пригибали к земле, часто связывая их с травой. Последние колосья обладали, по поверью, особой силой плодородия. Недаром их пригибали к земле для того, чтобы они передали ей свою силу для будущего урожая, «женили серпа», приобщая и его к этой силе. После жатвы жницы катались по земле, заклиная ее вернуть истраченные ими силы. Сжатый последний сноп всегда брали с собой в дом, так как считалось, что он способен принести достаток, обеспечить будущий урожай. Часто зерна из последнего снопа тщательно берегли до нового посева и мешали их с посевным зерном.

Существовали также особые обычаи, сопровождающие перевозку снопов, уборку соломы, обмолот зерна.

Если приговоры, сопровождающие жатву, записаны достаточно полно, то обрядовых жнивных песен у русских зафиксировано очень мало. Эти песни подробно описывают трудовой процесс, в некоторых из них величают хозяина того поля, на котором работали сообща (№ 454—456).

---

¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 65.

атва начиналась раньше с зажина от всей деревни <...> Выбирали зажинщицу <...> Зажинщица должна быть немолодой, иметь «легкую» руку и быть хорошей жницей. <...> Она символически проводит жатву так, как хотелось бы, чтобы жатва прошла на самом деле. <...> Чтобы жатва шла быстрее, зажинающая быстро собирается и спеша идет на полосу. Она внимательно следит за тем, чтобы не оцарапать или не порезать палец, иначе также будут резать пальцы и остальные жницы. <...>

Зажинают всегда в «легкий» день; зажинающая берет с собой кусок черного хлеба с солью, завязанный в тряпочку или полотенце, и икону «Спасителя». То и другое она кладет на полосу или на первый сжатый сноп. Сжинает она <...> только три снопа и кладет их крестом. Делается это потому, что по распространенному суеверию, все, что сжато в первый день, уйдет в закрома к колдунье; если же сжато три снопа, т<о> е<сть> крест, то колдунья не может к ним прикоснуться. В деревнях, где зажин от деревни больше не бытует, в большинстве случаев бытует зажин от семьи. В этом случае зажинает старшая в доме. Этот зажин проходит так же, как описано выше, причем как при первом, так и при втором зажине существует приговорка-молитва: «Дай, господи, спорыньи и легкости, и доброго здоровья!»

На поле каждая из жниц имеет определенное место, соответствующее ее положению в семье. Свекровь жнет впереди всех; с правой стороны рядом с ней жнет ее старшая дочь, и только за последней дочерью жнет старшая сноха. Если свекровь не выходит уже в поле, то ее

место занимает ее старшая дочь. Только после смерти свекрови и свекра, когда хозяйство перешло в руки сыновей, а дочери повышли замуж, место свекрови на жниве переходит к старшей невестке <...> [Существует] запрет менять место на полосе. Строго следят за тем, чтобы жница не меняла места: с какой стороны начала, с той и кончи. Если же жница перешла на чужое место, то у остальных жниц спины будут болеть; говорят: «Спины пережала».

Для того, чтобы у жниц не болели спины, употребляется ряд магических действий. Когда женщины выходят в первый день в поле, они затыкают за пояс над поясницей первые попавшиеся цветы с межи, или заячью капусту, или первые сжатые колосья. Известен также способ подпоясываться первой сжатой горстью ржи. Для предохранения от боли в спине запрещается также трогать спину руками. Если же спина все-таки начинает болеть, то рекомендуется повалиться по меже, причем надо лечь поперек межи.

Существует ряд запретов, относящихся к серпам. Каждая жница жнет своим собственным серпом; жать чужим запрещается, допускается только обмен серпами. Этот запрет подкрепляется предостережением, что в противном случае серп будет резать руки. <...>

Существует обычай по окончании жатвы награждать серп; если он не резал рук, его «женят». Женитьба серпа состоит в том, что его, начиная от рукоятки, обматывают горстью ржи или пшеницы так, чтобы колосья, тесно примыкая к острию серпа, как бы с него стекали. После этого серпом несколько раз покалывают землю. <...>

Последний озимый сноп, опоясанный красной лентой, приносится в дом, где ставится под передний угол. Этот обычай бытует только в нескольких селениях: в данном районе он культивировался помещичьей средой. Когда-то, в последний день жатвы, на барское поле выходили женщины ближайших деревень; последний сноп, украшенный цветами и лентами, с песнями и пляской несли на барский двор. Сноп поручался бойкой женщине, знающей все песни, умеющей ловко ответить на вопрос. Он передавался барину за «выкуп» в виде обильного угощения и мелких подарков. Понятно, что помещики, лишившиеся

даровых рабочих рук, всячески поддерживали этот обычай.

Большинство селений Дмитровского края на яровом поле оставляют несжатую горсть овса. Старшая жница выпалывает траву вокруг этой горсти и между стеблями, на очищенную таким образом от сорняков землю кладет кусок черного хлеба с солью; затем завязывает стебли узлом так, чтобы колосья были опущены на землю, а самые стебли образовывали нечто вроде дуги, опирающейся концами в землю. Под этой дугой продергиваются все серпы, бывшие на жатве. В некоторых деревнях <...> колосья срезаются поверх узла и кладутся в последний сноп. Эта последняя горсть носит различные названия, в зависимости от местности. В большинстве сел она называется «христовой бородкой». В северных частях края говорят: «Завивать бороду Егорию-победоносцу», со следующим приговором:

Егорий, приходи,
Коня приводи,
И наших коней корми,
И овечку корми,
И коровку корми!

Обычай «завивать бороду» присущ не только яровой жатве, в некоторых селах бороду делают и на яровом, и на озимом поле. В северо-западной части края <...> бороду не завивают, а вместо нее бытует измененный обычай «женитьбы серпа». В последнюю несжатую яровую горсть заматывают или все серпы, бывшие на жатве, или только серп самой старшей жницы, которая его и заматывает. Обматывают серп сначала в самые колосья, постепенно приближаясь к корням; когда серп прижат вплотную к земле, жница выдергивает овес с корнями и, подымая высоко над головой, говорит: «Родись и водись, на тот год не переводись!» или: «Уродись на тот год вот такой!».

После этого жницы катаются с боку на бок по полю, в некоторых местах не катаются, а кувыркаются через голову со словами:

Яровая жнивущка, отдай мою силушку
на долгую зимушку!

Или:

Нивка, нивка, отдай мою силку,
Я тебя жала, силку свою потеряла!

Обычай кататься по сжатой полосе встречается иногда и на дожинах озимого хлеба. Только слова, конечно, другие:

Не боли, моя спинушка,
Заживи на яровую жнивущку!
Матушка, оржаная жнивущка,
Отдай мою силушку на яровую жнивущку!

Иногда этот приговор произносится, сидя на последнем снопе.

«Завязывание бороды» считается не вполне безопасным делом, это обычно выполняет самая старшая жница. До бороды не рекомендуется дотрагиваться. <...>

Со снопом связан следующий запрет: нельзя перевязывать сноп, сжатый другой женщиной; перевязывать снопы можно только у старухи. Запрещается это потому, что перевязывавшая будто бы «завяжет детей у сжавшей», иначе — «спорынью в женщине завяжет» или сделает мужа бесплодным.

Последний яровой сноп повсеместно берут с собою в избу. В некоторых местах последний сноп делают из колосьев, растущих на меже. В гузок данного снопа затыкают все бывшие на жатве серпы, — чтобы нос не мерз зимою. [В одном из сел] до последнего времени бытовал обычай: последний сноп расстилался на полосе, и в него клали два серпа. Серпы клались так, чтобы лезвия образовывали замкнутый круг. После этого сноп связывался. Серпы, перекрещивающиеся внутри снопа, торчали наружу остриями и рукоятками. Этот сноп назывался «христовой рубашкой» и делался для того, чтобы в доме был полный достаток.

Внося последний сноп в избу, хозяйка делает снопом на стенах трижды крестное знамение со словами:

Мухи, блохи, вон: хозяйка идет в дом!
Ступайте, тараканы, клопы, вон!
Хозяйка идет в дом!

Считается, что после этого всякие домашние насекомые должны из избы исчезнуть.

Сноп ставят на лавку, в углу, под иконами, там он должен стоять до покрова, когда им будут закармливать скотину. Некоторые хозяева хранят сноп в сусеке до посева и им засеивают. <...>

Когда оканчивается жнитвом последняя десятина ржи, одна из баб, которая постарее других или пользуется уважением по уму, трудолюбию и сметливости, «обжинает козу». «Обжинать козу» — значит оставить несрезанными несколько небольших пучков ржаных колосьев, расположенных кружком на пространстве в поперечнике до 1 аршина или менее. Эти жиденькие купы колосьев связываются вверху, так что вся «коза» принимает вид игрушечной беседки. Беседочку эту или «козу» внутри выполняют начисто, а в середину положат на землю ломтик хлеба с солью. Потом все бабы помолятся на все четыре стороны, и устроившая «козу», «отжинальщица», садится на землю, лицом к «козе», а бабы отдают ей свои серпы. Собрав серпы и взяв их за рукоятки в обе руки, она бросает их через голову, за себя, насколько может сильнее; серпы разлетаются и, падая, принимают разные положения. Бабы, отдавая серпы, загадывают, доживут ли они или их дети, родные и проч(ие) до нового жнитва? Когда серпы брошены, всякая спешит к своему серпу. Той, чей серп концом воткнулся в землю, по направлению к своей приходской церкви, предвещает смерть; чей серп далее упал от «козы», та проживет более. Но, к счастью, подобные предсказания серпа не наводят уныния на загадывающую. «Ох, бабы! Никкак мне умереть?» — восклицает одна, поднимая свой серп. «Ох, баба, и так умрешь!» — отвечают другие, покачивая головами, и затем раздается звонкий порыв хохота (...)

«Козу», или «козульку» оставляют в поле, а выжатые из середины стебли делятся между бабами, которые обматывают ими ручки серпов и с пением идут домой (...).

(...) В конце жатвы, на последнем месте жнивы, последний «мирский сноп» всей семьей жнут, молча; при этом гоношат, чтобы где получше куст оставить, или три волотки оставляют несжатыми. Связавши молча последний сноп (молчать не будут — скотина зимой будет реветь), все садятся и закусывают, причем небольшой кусочек хлеба ос-

тавляют. Хлеба приносят хоть в пазухе, хоть в лукошке. Закусивши, большуха завивает несжатые волотки, но не голой рукой, а с прихваткой завивает (или с полой), т<о> е<сть> спускает рукав рубахи и, прихватив его, завивает волотки по солнышку. Завив бороду, «Илье под бороду кусочек хлеба кладут» (оставленный во время закуски). При этом говорят: «Вот тебе, Илья, борода — на лето уроди нам ржи да овса!» <...> или: «Батюшка, Илья-борода, уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!». Затем поклоняются завитому кустику, долго богу молятся и перемякнутся со словами: «Оржаная жнива, подай мою силу на овсяную жниву!» или: «Оржаная жнивка, дай на яровую жнивку силку!» <...>

<...> Илье бороду крестьяне «завивают» дважды в году: на озимой и на яровой жниве <...>

№ 442

Перевозка снопов начинается преимущественно в легкий день, особенно рекомендуется выбрать для этого день, на который пришлось в тот год благовещение. <...> Солому убирают тоже в благовещенский день, причем кладущий снопы спрашивает прохожих, в какой день благовещение было; если прохожий не вспомнит, то мыши не тронут в этот год солому. Для предохранения от мышей под снопы кладут троицкие ветки березок, можжевельник, ветки черемухи и рябины и, наконец, крапиву.

В основу скирда кладут крест из четырех снопов, положенных колосьями внутрь. Первый сноп кладется гузом на восток. Когда убирают сено, то первую охапку вносят в сарай, не дыша и зажмурив глаза, для того, чтобы мыши не могли ни увидеть сена, ни учуять его запаха.

Когда кончают огребать вороха, работающие, обращаясь к хозяину, говорят: «Хозяину ворошок, а нам каши горшок!»

Кончая молотить, молотильщики поднимают цепи вверх и говорят: «Уродись, хлеб, на тот год вот такой, в мотовило толщиной!»

Овин затапливают без обрядов; только, бросая первое

полено в теплинку, крестьянин кричит овиннику: «Уйди, не убить бы, дрова кидаю!»

Овинник представляется человеком, похожим на хозяина дома, правда довольно непостоянного; рассердится — спалит овин вместе с хлебом. <...> В Дмитровском крае «именины овина», или помолотки, празднуются после окончания молотбы, а воздвиженьев день считается чем-то вроде маленьких именин. <...> В этот день хозяйка расстилает на садиле белый вышитый рушник и оставляет на ночь угощение овину. <...> [В других местах] именины овина празднуются <...> обычно в избе и являются просто торжественным обедом. <...>

В последний день топки овина хозяин бросает в огонь пучок крапивы. Затем хозяйка приносит пироги, которые ставят на садиле овина, где они и стоят до конца дня. По окончании работ все члены семьи кланяются овину в землю со словами:

Спасибо тебе,
Батюшка овинец!
Дай бог тебе
В море постоять,
Огня не видать!
Дай бог по колено стоять,
Воды не видать!

После этого хозяин разламывает пироги на куски и раздает присутствующим. <...>

ЖНИВНЫЕ ПЕСНИ И ПРИГОВОРЫ

№ 443

Жито зеленеет —
У баб сердце каменеет,
Жито поспевает —
У баб сердце замирает.

№ 444

Лели мое, лели!
Два братца родные
Да сено косили.

Сестрица Аленушка
Обед выносила,

Обед выносила —
Творог и сметану.

Творог и сметану,
И молочную кашу.

№ 445

Приговор
перед жатвой:

Кыш, польшко, на конец,
Как татарский жеребец!
Бежи и ржи, уминай и рви,
И у поля конец ищи!
Выбежи, выбежи,
Нам волюшку дай!
Мы пришли с острыми серпами,
С белыми руками,
С мягкими хребтами.

Приговор произносила старшая из женщин, пришедших жать. После ее слов начиналась жатва.

№ 446

Ох, чийё то поле
Задремало стоя?
Янцовское то поле
Задремало стоя.
Как ему не дремати,
Когда некому жати?

Ой, чиё то поле
Загремело стоя?
Цызуревское то поле
Загремело стоя.
Чего ему не гремети,
Коли есть кому жати?
Есть кому жати,
Во стога метати,
В закрома ссыпати,
Жней награждати.

№ 447

А я, молоденька, рожь топчú,
Рожь то́пчу, рожь топчú.

Травку-муравку вытопчу,
Выто́пчу, вытопчú.

Зеленое жито вырастет,
Выра́стет, вырастёт.

А я, молоденька, буду жать,
Будú жать, бўду жать.

И да у сно́почки вязать,
Да в́язать, да вяза́ть.

И в сарай буду возить,
Да во́зить, да вози́ть.

И на раю буду садить,
Да са́дить, да сади́ть,

И цепами буду молотить,
Моло́тить, молоти́ть.

У печи буду сушить,
Да су́шить, да суши́ть,

У квашни буду творить,
Да твóрить, да творíть,

И рабочих всех кормить,
Всех кóрмить, всех кормíть.

№ 448

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,—
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
Пóстать широка́я;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

№ 449

Сей год — борода, на новой — друга.
Девка сорвет — дак замуж уйдет;
Вдова сорвет — сколотка́ принесет;
Кобылка сто́пчет — жеребенка приведет.

Когда рожь жнем, снопы делаем, дак куколки сробим.
И так надо говорить: «Как девка есть, дак тыкнешь ее,
чтобы затоптала куколку да замуж вышла».

№ 450

Вейся, вейся, борода!
Бородушка, вейся!
Сусек, наполняйся!

Когда рожь жнем, снопы делаем, дак куколки сробим.
И так надо.

№ 451

Ниву сожали,
Страду пострадали,
Гибкими спинами,
Вострыми серпами.

№ 452

Жали-пожали,
Три пряди нажали:
Первая прядь — на еду,
Вторая прядь — на семена,
Третья прядь — про запас.

№ 453

Женщины, закончив жатву, выкрикивали на поле:
Рано не ставали,
Долго не жинали,
Выжали, выжали!

№ 454

Уж мы вьем, вьем бороду
У Гаврилы на́ поли, завиваем бороду!
У Васильевича да на́ широком.
У Васильевича да на́ широком,
На нивы великой,
На полосы широкой,
Да на горы на высокой,
На земли чернопахотной,
На землицы на пахотной.

Раньше по окончании жатвы ее пели хозяевам поля, теперь поют председателю, агроному, бригадиру.

№ 455

А слава богу
До нового году,
Слава богу
До нового году!
Егорий обжался,
Яковлевич обстрадался!
Ниву пожали,
Страду пострадали!
Слава богу
До нового году!

№ 456

Слава тебе, боже,
Что в поле пригоже!

В поле копами,
На гумне стогами!

На гумне стогами,
В клетки закромами!

В клетки закромами,
В печи пирогами!

Ти рад, наш хозяин,
Что в поле пожали?

В поле пожали,
В копы поклали.

№ 457

Слава богу!
На нашей нивке
Сегодня дожинки!
Слава богу!

Яровая спорыня!
 Иди с нивушки домой,
 Со поставушки домой,
 К нам во Кощено-село,
 Во Петróвково гумно.
 А с гумна спорыня
 Во амбар перешла.
 Она гнездышко свила,
 Малых деток вывела,—
 Пшеной выкормила,
 Сытой выпоила.

**ГЛАВНЫЕ
ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ
ПРАЗДНИКИ**

уборкой урожая в деревнях наступало время отдыха; песни, пляски и игры не прекращались. В народном календаре отмечается немало осенних праздников, хотя, нельзя не сказать, все они по своему значению и масштабу не могут сравниться с главными зимними, весенними и летними. Отметим, что осенний народный календарь особенно насыщен различными предсвадебными обычаями. Например, 1 октября день покрова богородицы заканчивал все полевые работы и считался наиболее благоприятным для сватовства и свадеб. К этому же времени почти повсеместно начинались молодежные посиделки. Другим не менее удобным для свадеб праздником считался день Кузьмы и Демьяна (1 ноября).

День св. Симеона Столпника, называемый в народе «семин день» или днем «Семена-летопроводца», отмечали 1 сентября.

Название «летопроводца» присвоено семину дню потому, что около этого времени наступает конец лета, о чем можно заключить и по народным <...> поговоркам: «Семин день — севалка с плеч» или: «Семин день — семена долой» (т<о> е<сть> конец посеvu), «В семин день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони» (намек на то, что с наступлением сентябрьских дней ясная утренняя погода к полудню часто сменяется холодом и ненастьем). Время с семина дня по 8 сентября называется «бабьим летом» — это начало бабьих сельских работ, так как с этого дня бабы начинают «засиживать» вечера.

Во многих местах с днем Семена-летопроводца связывается «потешный» обычай хоронить мух, тараканов, блох и прочую нечисть, одолевающую крестьянина в избе. Похороны устраивают девушки, для чего вырезают из репы, брюквы или моркови маленькие гробики. В эти гробики сажают горсть пойманных мух, закрывают их и с шутиливой торжественностью (а иногда с плачем и причитаниями) выносят из избы, чтобы предать земле. При этом, во время выноса, кто-нибудь должен гнать мух из избы <...> полотенцем и приговаривать: «Муха по мухе, летите мух хоронить» или: «Мухи вы, мухи, комаровы подруги, пора умирать. Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь!» <...>

[14 сентября — воздвижение.]

По мнению [крестьян в этот день], все змеи, ужи и вообще все пресмыкающиеся «сдвигаются», т<о> е<сть> сползаются в одно место, под землю, к своей матери, где и проводят всю зиму, вплоть до первого весеннего грома <...>

В других местах слово «воздвижение» находит себе несколько иное объяснение: говорят, например, что в этот день хлеб с поля на гумно «сдвинулся», так как к половине сентября обыкновенно оканчивается уборка хлеба и начинается молотба <...>

[1 октября — покров пресвятой богородицы.]

Так как свадьба в крестьянском быту требует значительных расходов, то в деревнях девушек выдают замуж обыкновенно тогда, когда уже закончились полевые работы и вполне определился итог урожая. Таким временем считается покров <...> Поэтому и праздник покрова считается покровителем свадеб. <...> А так как о свадьбах и женихах всего больше толкуют девушки, то естественно, что и самый праздник покрова приобретает, до некоторой степени, значение девичьего праздника <...>

Отходя ко сну [девушки приговаривают:] «Покров-праздничек, покрой землю снежком, а мою голову венцом» <...>

[Нередко под покров] гадают. Гадающая девушка должна накануне праздника испечь небольшой ржаной хлеб и «обделить», т<о> е<сть> измять и отрепать пучок льна. Вечером хлеб и лен относится гадающей в овин и ставится на колосники (положенные горизонтально жерди, на которые ставят для просушки снопы хлеба) со словами: «Мой суженый, мой милый, приходи сегодня в ригу на работу, насмотришься, из окошка покажись!» Потом девушка должна дожидаться появления суженого, стоя посредине гумна. Он должен показаться в окне, в которое бросают снопы в овин; говорить с ним ничего не надо. Когда ударят к утрени, то хлеб и лен нужно взять обратно домой и хранить. Обыкновенно же гадающие девушки трусят оставаться ночью в

пустом овине и, положив хлеб и лен на колосники, уходят домой спать; когда же раздастся благовест к утрени, то идут и уносят хлеб и лен. Конечно, суженого они уже не увидят, но зато такие хлеб и лен имеют чудодейственную силу привораживать сердца. Если девушка захочет приворожить парня, то должна дать ему съесть кусочек хлеба и положить в карман нитку от вороженого льна, при условии, чтобы тот ничего не подозревал, иначе ворожба не подействует.

В этот праздник девушки не работают, а, собравшись в одном доме, танцуют и поют песни¹. В некоторых местах сохранилась старинная песня:

Покров-праздничек приходит,
Что-то нам он приготовит?
С другом милым ли венчанье,
С нелюбимым ли страданье?
Иль велит в девках остаться,
Замуж больше не собираться...

На беседе, бывающей на этот день, замечают, кто за кем ухаживает. Счастливым знаком считается получить девушке от парня в этот день какой-нибудь подарок, кроме, однако, ножниц и иголки:

Если миленький колечко
Подарит в покров, любя,
Должно знать, мое сердечко,
Полюбилась ему я.

Так поется в одной народной песне.

№ 462

Что касается прочего населения, то день 1 октября оно считает «первым зазимьем» (началом зимы). В этот день начинают топить в жилых горницах печи, причем бабы не упускают случая, чтобы произнести особую молитву: «Батюшка-покров, натопи нашу хату без дров». С покрова же крестьяне начинают конопатить свои избы (опять-таки с приговором: «Батюшка-покров, покрой избу тесом, а хозяев добром!») и «закармливают» на зиму скот. Последний обычай обставляется довольно торжественно, так как скотине скармливают особый сноп овса, называемый «пожинальщиком». Пожинальщик, или последний сноп с послед-

---

¹ С покрова повсеместно молодежь начинает устраивать беседы.

ней полосы, обыкновенно вяжется из тех колосьев, которые оставляются «Илье на бороду» <...>

№ 463

[1 ноября — день Кузьмы и Демьяна.]

[Кузьма и Демьян считались покровителями кур. В этот день] «ломают кочетов» (режут петухов): всякий почти двор считает обязанностью иметь в этот день жаренного петуха или курицу <...> Девки справляют «кузьминки», собираясь куда-нибудь в одну избу: приносят с собою жареных петухов и кур, поют песни и играют: к ним собираются и парни. Кур и других птиц для «кузьминок», по заведенному обычаю, девки крадут накануне вечером у своих родителей и родных, причем необходимо, чтобы никто не видал похищения: понятно, что никто не преследует этой кражи <...>

№ 464

Девочки и девушки группами ходили 1 ноября по дворам с украшенным веником, просили: «Подайте на Кузьму-Демьяна, на девичий праздник!» Подавали пшено, муку и т<ому> п<одобное>. <...> Снимали избу, отдавали хозяйке собранное, она варила кашу, делала «черепешники» (караваи с пшеном), блины. Делали куклу: на ухват или сковородник надевали шушпан, «вели на ходилках, приставляли руки из палочек»¹. С куклой по очереди плясали. Парни не участвовали, только смотрели <...>

<...> Праздновали Кузьму-Демьяна три дня: два дня «рядились молодцами», шли на посиделки, пели, плясали. На третий день все, кроме одной, снова «рядились мужиками», девушка изображала невесту. За деревней, на дороге, ее «венчали» с «парнем» <...>

С этого дня начинались свадьбы.

---

¹ [В других местах] устраивали «похороны Кузьмы-Демьяна»; делали чучело из соломы, одевали штаны, рваный кафтан, шапку, клали на полотно и несли на реку. За ним шли девушки, одетые старухами. «Поп» кадил лаптем. <...> На льду чучело сжигали. <...> На другой день [играли] «свадьбу Кузьмы-Демьяна»: женихом одевалась девушка из другой «беседы», ходили сватать, был запой <...>

[Описание праздника «Самокур», или «Кузьмы-Демьяна».]

Празднуется [в ночь на] 1 ноября. Начинается в 9 часов вечера и кончается в час-два ночи. В этот день ходили по избам ряженые. Одевались цыганками, выворачивали шубы (сейчас надевают и маски), подходили к избе и пели:

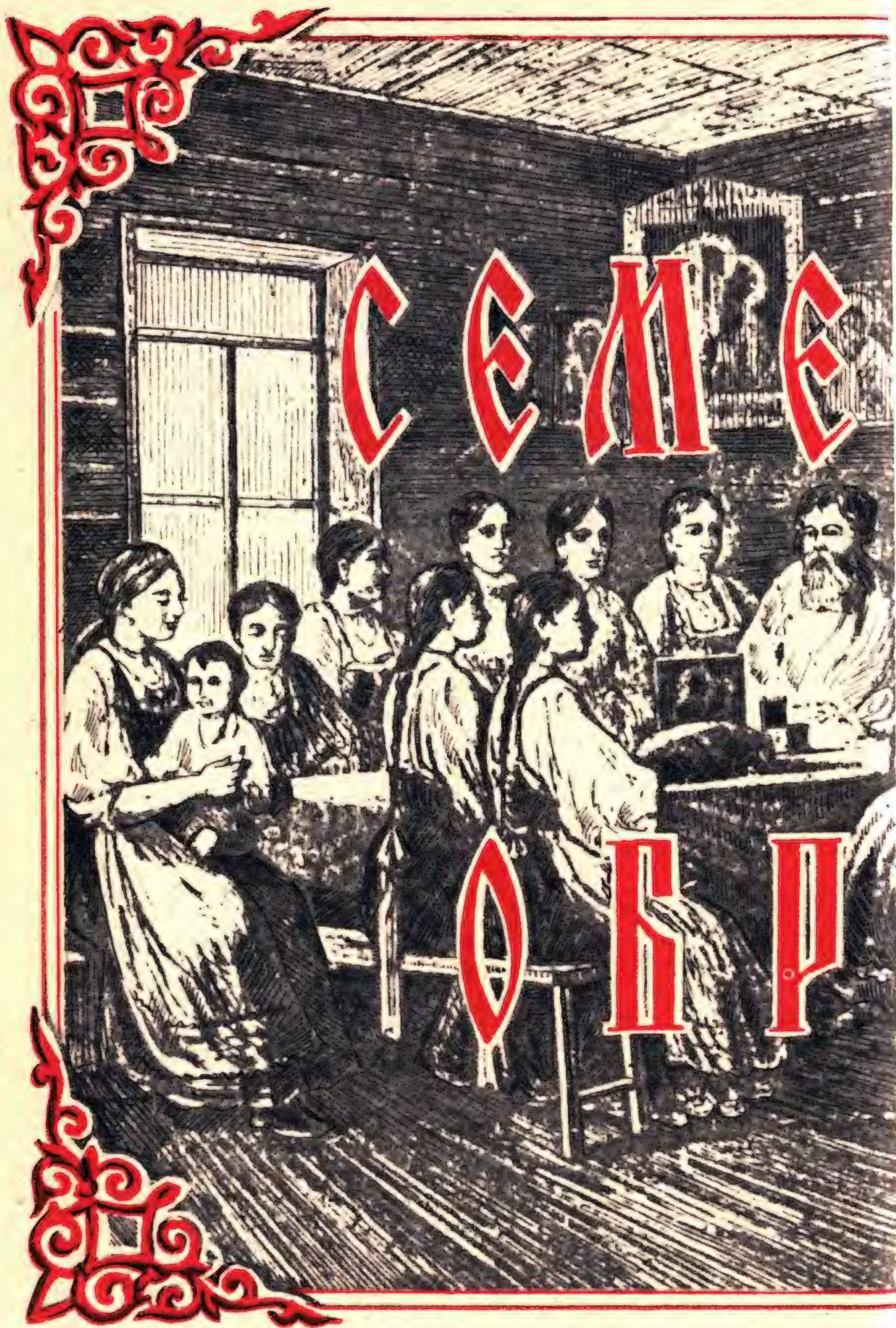
Чтобы курочки водились,
На насеточку садились,
Ушастенькие, головастьенькие!
Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку!

Хозяева дарили хлеб, сало, деньги. Если скупые хозяева не одаривали ряженых, они пели: «Самокур, дери кур!»

Потом ряженые собирались в одном месте, ели, пели песни.

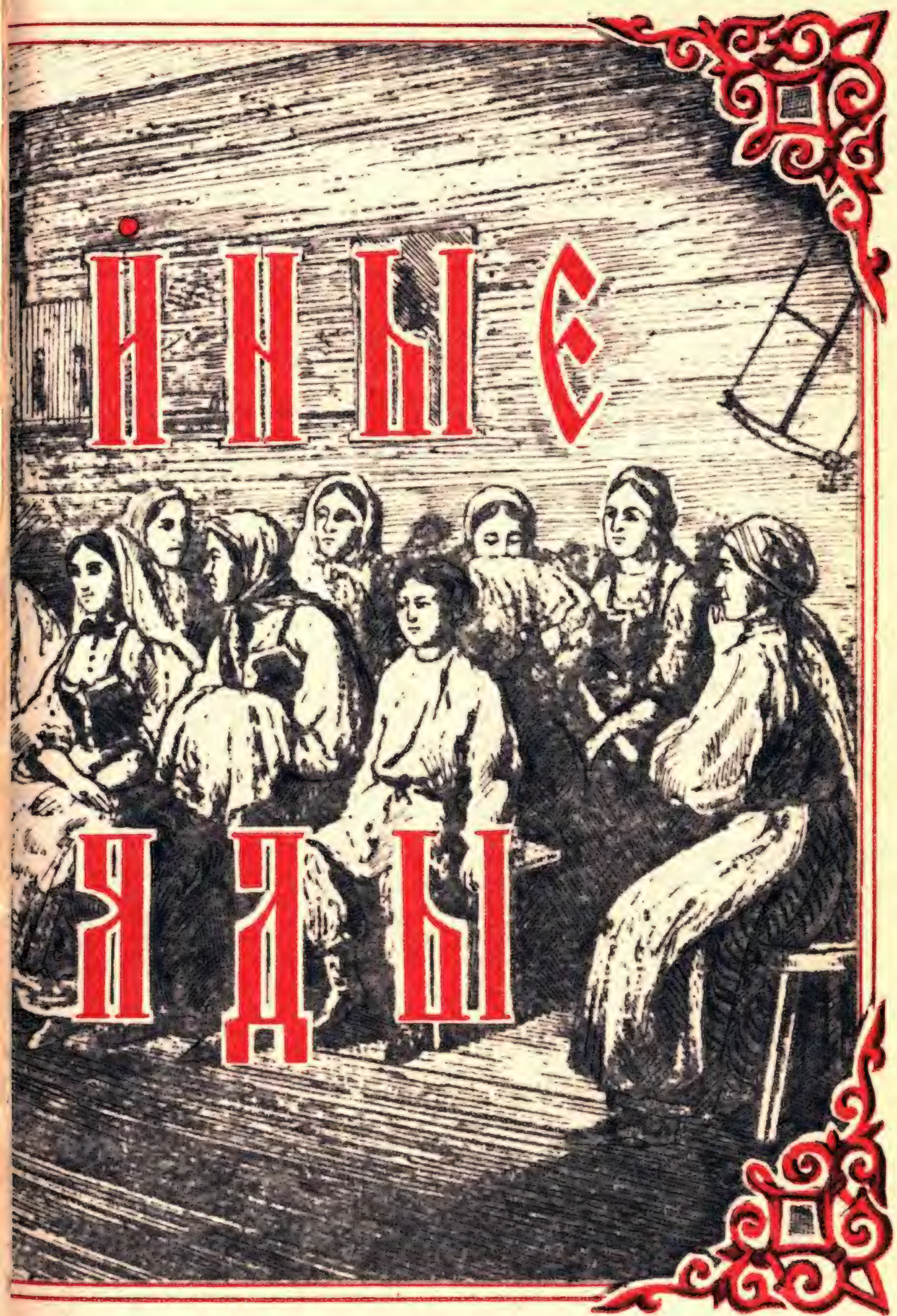

И И Ы Е

Я Д Ы

ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

РАССКАЗ КРЕСТЬЯНКИ СТАРОРУССКОГО УЕЗДА

№ 466

Знались мы с Матвеем Антохиным почитай целое лето, перед тем чтоб ему свататься за меня. Очень любили друг друга! А ведь любились-то мы честно, совестливо.

Как-то не виделись долго; обыкновенно, что за виденье, когда на работе да при людях. Стосковался мой Матюша! Как теперь помню: однажды вечером, как все с работы пришли, ну, поужинали, помолились богу, да и пошли спать <...>. Захрапели все, а Матюшка в калитку стук да стук потихоньку: меня, значит, вызывает. Вот я за калитку и шмыг, а самой страшно и господи как! Говорю Матюшке: «Как ты неосторожно стучишь, ведь батюшка с матушкой еще не спят,— подумают и бог знает что». — «Сколько времени я тебя не видел,— он-то говорит,— ведь с ума можно сойти, хоть бы взглянуть или слово сказать какое». — «Что делать, Матюша, ведь сам знаешь: страдная пора». — «Дождусь ли того времени,— говорит он-то,— как ты будешь моя женушка». — «Да ведь меня батюшка еще не отдает никому, потому, скажет, что ты еще молода». А мне тогда лет шестнадцать, семнадцать было. Семнадцати еще, кажись, и не было <...>

Наступила и зима, прошел рождественный пост, прошло рождество <...> просит [Матвей] свою мать: «Матушка, да когда же это будет? Мне стыдно сказать отцу, а тебе отчего не поговорить? Всех хороших-то невест разберут, а мы все будем думать».

Вот и говорит его-то мать: «Отец, сын жениться хочет». Ну, отец рассмеялся: «Ужо, говорит, давайте благословясь начинать; давайте подумаем, куда же мы пойдем свататься?» Будто и не знают. А Матвей на печку за-

брался да и говорит: «К кому? Известно, к Горячему» <...>

Выбрали сватов. «Потрудись,— говорит старик Артамону Михалычу,— сходить к Горячему посвататься». Отправился Артамон. Приходит к нам в избу: «Здравствуй,— говорит,— брат Григорий Петрович! Я, брат, прислан к тебе от Василья Ульяныча да от Аксиньи Артемьевны, не кумиться и не брататься, а пришел к вам посвататься». — «Да что, брат, моя невеста-то еще молода», — говорит мой-то отец. «Эх, брат! Этот товар пока с рук идет — и отдавай. Ведь не в кадке будешь солить».

Ну, они сговорились, дело поладили и назначили в четверг — легкий день — быть сговору. Пришел четверг; собрались все в избу к нам. Пришел и Василий Ульяныч с сыном Матвеем, принесли своего вина и водки, да баранков на закуску, а жена его не пришла — на это обряду нет. Вошли: «Здравствуй, брат Григорий Петрович; мы к тебе в гости пришли». — «Добро пожаловать, брат Василий Ульяныч».

Пришли гости, посадили за стол жениха с отцом. Начинают тут пить оба свата за здоровье один другого. А я-то с матерью и не показываемся; сидим за занавесью, что около печи, поперек избы протянута. «Дай господи,— говорит один сват за другим,— дай господи, что задумано, то совершить в чести и в радости». Вот начал просить сват сватью, мою-то матушку: «Просим покорно, Татьяна Микитишна, к винной чарке! Ну-тка, матушка, подвинься поближе да выкушай». Тогда вышла матушка из-за занавески: «Здравствуй, нареченный сватушка Василий Ульяныч и нареченный зятюшка Матвей Васильевич. Будьте здоровы! Дай бог, что задумано, то совершить в чести и в радости» <...> Всех гостей угощал так новый-то сват <...>

Теперь наливает Василий Ульяныч рюмку вина и дает сыну в руки и говорит: «Выкликай же ты свою нареченную невесту».

А я-то стою за занавесью да в дырочку и смотрю: все вижу, а сама дрожу, как в лихорадке <...>

Встал Матвей, рюмка в руках: «Аграфена Григорьевна, повыйди, пов выступи по новой горнице, по светлой светлице, бьет челом Матвей Васильевич к винной чарке!» Не иду я: меня и в жар-то, и в холод бросает, ноги-то так и подкашиваются <...>

Матвеев отец проговорил: «Ну-тка, матушка, выходи! Себя покажи, да и нас погляди». Вышла я сама не своя, иду да кланяюсь: «Здравствуйте», — говорю. Подошла я к столу, взяла у Матвея из рук рюмку, отхлебнула и ему отдала, и он отхлебнул да опять мне подал; так вместе выпили всю рюмку; выпивши, поцеловались, ну и стали тотчас расходиться все — и жених, и сват, и все гости.

Пошла было я прочь от стола — и идти-то не могу: повели меня под руки сестра да мать крестная. Завопила я тут голосом, у отца спрашиваю:

Государь ты, кормилец батюшка,
Государыня родимая матушка,
Вы скажите мне, молодешеньке,
Что за пир у вас да праздник,
Что за гости, за приятели,
Что вы пьете зелено вино?
Уж я думала, молодешенька,
Что вы меняете добрым конем,
Ан мне сказала родная тетушка:
«Пропивают тебя, нашу младую, нашу глупую.
Тебя пропил кормилец батюшка
За единую чару винную».
С кем ты, кормилец батюшка
И родимая матушка,
Думали думу крепкую —
Закабалить мою буйную головушку,
Что отдать меня в чужи люди;
Много будет мне там злодей-горя:
Наслывуся я, молодешенька,
И ленивая, и сомнивая,
Незаботлива, неработлива!
Неужели я тебе, кормилец батюшка,
Не работница была, не заботница,
Твоему дому не рачительница?

Стали унимать меня отец с матерью: «Полно, Грушенька, так богу угодно, судьба твоя». Ну, уняли меня, успокоили, легли спать <...>. А утром как встала да <...> обернулась я тут к батюшке с матушкой:

Вы скажите-ка, кормилец батюшка
И родимая матушка,
Вам спалася ли темная ночь?

А уж как мне-то, молодешеньке,
Не спалася темная ночь,
Все я думушки передумала,
Все я крепкие прогадала:
Как-то мне-то, молодешеньке,
Как идти-то мне в чужи люди,
Как упаковать, унаравливать?
Нехороший мне сон привиделся:
Под мою-то кровать тесовую
Подошла вода студеная,
Уж как подплыли гуси серые,
Ознобили свои скоры ноги.

Пришли подружки $\langle \dots \rangle$ помогать невесте приданое
шить. Встречаю я их, сама вою:

Вы подите, мои подруженьки,
Что ко мне-то, ко молодешеньке;
Вам спасибо, мои голубушки,
Навестили меня, горемычную,
Что при этом при злодей-горе, при великием.
Вы красуйтесь, мои подруженьки,
Вы красуйтесь, мои голубушки,
В красе-то вы во девичьей,
А я-то, молодешенька,
Открасовалась в красных девушках,
Относила алые ленточки.

«Полно, Грушенька, надорвешься, — унимают мои подружки. — Перестань: что ж, ведь он парень хороший, семейство хорошее».

А шитья-то много, сижу целый день да стегаю: одних рушников надо сколько вышить! Шью не разгибаюсь, а только лишь завижу — идет кто-нибудь чужой на двор, девка ли, баба ли, тотчас работу брошу да и почну голосить. Уж у нас обычай такой! Иная девка и неделю с небольшим даже бывает невестой, так до того надорвется, что и голосу уже нет; из сил выбьется. А иначе нельзя — «дурой необразованной» назовут.

Стали приходить ко мне подруги часто и песни петь. Запоют, бывало:

Прилетал млад ясен-сокол,
Он садился на окошечко,
На раскрашенный наличничек.
Никто сокола не видели,

Видела родная матушка,
Увидевши, слезно всплакала:
«Мое милое дитятко,
Приголубь ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего».

* * *

Что по белому снежку,
Что по этой по порошице
Разъезжал добрый молодец.
Один конь стоит во сто рублей,
На коне ковер — во тысячу.
Но кто ж этот ковер вышивал?
Вышивала красна девица-душа,
Она днем против солнышка,
Вечером против огоничка,
С утра рано — против месяца.

* * *

Что не яхонт по горнице катался,
Скачан жемчуг по блюду рассыпался,
Матвей Васильич жениться снаряжался,
Его родная убирала,
Хорошие кудри расчесала,
Алой лентой повязала
И словами ему наказала:
«Ты поедешь, мое дитятко, жениться
На душечке, красной девице;
Тебе будут девицы песни пети,
Расхорошую невесту припевати».

* * *

Что во сенечках стоит кроватушка,
Что во новых стоит тесовая,
На кроватушке лежит перинушка,
На тесовой лежит пуховая,

На перинушке лежит Грушенька,
В головах стоит Матвеюшка,
В руке держит зелено вино,
В другой держит меду сладкого.
«Ты попей винца, Грушенька,
Меду сладкого». —
«Я не пью винца, Матвеюшко,
Меду сладкого.

Я люблю дружка Матвея Васильевича».

Во время пения сих песен я обыкновенно плакала.

Сестра моя старшая отдана была замуж в нашей же деревне, да такая несчастная, что и господи! Просто как собаки ели ее и свекровь и золовка — змеи настоящие были. Вот как пришла она-то ко мне — а я к ней навстречу, да как вскину руками над головой, говорю ей:

Ты поди-ка, моя мила сестра,
Ко мне-то, молодешеньке!
Тебе спасибо, моя мила сестра,
Навестила меня, горькую,
Что при этом при злодей-горе!
Ты скажи-тко мне, моя мила сестра,
Каково жить во чужих людях?

Она и договорить мне не дала, как бросилась обнимать меня, а сама так, сердечная, и плачет, заливаясь:

Ты не спрашивай, я сама скажу,
Каково жить во чужих людях,
Как упаковать, унаравливать
На злодейских-то на чужих людей!
Поутру ты вставай ранехонько,
Ввечеру ложись позднехонько;
Да ничем-то на них не упáкаешь,
Что ни ранним вставаньем
И не поздним ложаньем!
Наслывешься ты, моя милая сестра,
И сонливая, и лживая,
Не заботлива, не работлива.
Ты натерпишься, моя мила сестра,
И холоду, и голоду.
Уж ты будь, моя мила сестра,
Не пронослива, не просмешлива;
Не ищи тайных подружек,
Не высказывай свое злодей-горе;

Ты скрывай все в белой груди.
Как придет тебе тошнехонько,
Ты поди-тка в поле чистое,
Ты ударься о сыру землю,
Расскажи свое злодей-горе:
Мать сыра-земля не проносилива,
Бел горюч камень не просмешлив!
Как жила ты у своего кормильца батюшки
И у своей родимой матушки,
Как жила ты — все красовалася,
Алым ленточкам убиралася;
Уж ты пела веселые песенки,
А теперь ты, моя мила сестра,
Отпоешь веселые песенки;
Ты пойдешь на тяжелу работушку,
Обливаться будешь горячим слезам.
Уж ты скажи, моя мила сестра,
Родимая моя матушка,
Ты на что меня спорóдила?
Лучше б ты, родимая матушка,
Заспала меня у белой груди;
А нет, так бы ты, родимая матушка,
Нарядила бы меня белым камушком;
Ты снесла бы его во чисто поле,
Положила бы его во зеленый луг,
При пути-то, при дороженьке.
Уж как пусть бы белый камушек
Обливал бы частой дождичек,
Припекало бы солнце красное!

А как начнут собирать вечеринку, девишник значит, накануне свадьбы, и посылает, хоть бы мой отец, с приглашением и к Егору Кузьмичу и Михайлу Лаврентичу — мало ли на селе родных да суседов найдется! И ждут гостей. Посадят невесту в переднем углу; перед нею стол, стол накрыт белой скатертью, на столе хлеб лежит благословенный, на хлебе солоница деревянная, большая, огромная. Оденут невесту в ферязь китайчатую, и рубашка с длинными рукавами, чтоб руки не голые были; волосы распущены по плечам, на голове повязан платок шелковый с золотом, и спустят его по самые брови.

Вот входит, примерно, Егор Кузьмич с супругою, при-

носят дары: хлеба каравай, а на хлебе повойник, а на повойнике деньги — все подарки невесте. Войдет это Егор Кузьмич, станет против невесты перед хлебом, богу помолится и невесте кланяется. И выходит невеста, хотя бы я была, из-за стола, гостю в ноги кланяется и голосом вопит-приговаривает:

Ты поди-ка, родной дядюшка,
И ты, желанная тетушка,
Ко мне-то, к молодешеньке,
На мою горькую вечеринушку!
Тебе спасибо, родной дядюшка,
И тебе, желанная тетушка,
Не погнушились вы, не поспесивились.

Ну, и начнут гости унимать невесту: «Молись богу, не печалься, что делать, они люди хорошие!» Уж это с каждым гостем одно идет. А как у нас-то был девишник, мой отец и говорит: «Не унимайте ее, пускай плачет; этого времени недолго: поплачет за столом, так не будет плакать за столбом».

Много гостей собралось у нас, пришли и подружки мои, всех встречала я, приговаривала. Усадили всех ужинать; и щей подали тут, и кашицу со свиной, и студень с хреном. Как отужинали все, подошла к столу моя сестра, начала плакать, да мне и говорит:

Ты покушай, дорогая гостья,
Сестрица ты моя, ластушка,
Моя белая лебедушка,
Со своими-то с подруженьками
У сво-во-то кормильца батюшка
В остатнии в остаточке.

А я ей:

Ты не подчуй, моя мила сестра,
Напилася я, наелася.

Ну и вышла я тут из-за стола, всех благодарю, всем кланяюсь, а сама голосом плачу:

Тебе спасибо, кормилец батюшка,
И тебе, родимая матушка,
Что на хлебе на соли;
А еще, кормилец батюшка,
О чем буду просить, молодешенька,
Не оставь мою просьбу великую:
Запряги своих добрых коней,

Покатай моих подруженек
В остатнии в остаточке
Со моей-то красой девичьей.

Запрягли тут лошадей, подвязали колокольчики, на-
сели на роспуски все девушки, что были на девишни-
ке, и поехали кататься с песнями по деревне. А я-то
сiju в избе да горючими слезами так и заливаюсь: все
плачу о красе своей девичьей. Чего-то, чего не подбе-
решь тут!

Девки-то катаются да и к жениху в гости заедут. А на
вечеринку-то жених уж приезжал с дружкой, только недол-
го, — так, значит, уж после ужина, девкам гостинцев при-
вез <...>, с тем и уехал. Вот как подъедут девки к его-то дво-
ру, выйдет дружка, возьмет лошадей под повода: «Пожа-
луйте, девицы красные, девушки, в гости к нам, к нашему
князю Матвею Васильевичу — хлеба соли кушать». Девки
войдут в избу, поклонятся: «Здравствуйте! Кланяться при-
казали Григорий Петрович с Татьяной Микитишной и Аг-
рафена Григорьевна». Тут посадят девушек за стол, под-
чуют <...>

Девки перешептываются: хорошо, дескать, угощают нас.
А одна и скажет: «Пора нам домой». А дружка: «Нет,
красные девушки, еще вы нас повеселите, песенку попой-
те да попляшите». А девки стыдятся да понекиваются:
«Как мы будем плясать, ведь стыдно». Ну, одна какая-ни-
будь, побойчее да полóвче, начнет: во лузях, во лузях, —
и пошла плясать. Отплясали, раскланявшись, отблагодари-
ли и домой поехали. А мне уж встречать их надо. Вот и
начинаю:

Вы подите, мои подруженьки,
Вы скажите, мои голубушки,
Покатались ли, повеселились ли
Со моей-то красой девичьей?

А девки войдут в избу да во все голоса и закричат: «При-
казали вам кланяться Василий Ульянович, Аксинья Ар-
темьевна и князь молодой, Матвей Васильич».

А я все свое тяну:

Разлюбезные подруженьки,
Не порите мою белую грудь;
Что мое-то ретиво сердце
Все повыныло, повымерло,
Без морозу оно вызябло,

Без ветру оно повысохло,
Без ржавчины оно заржавело!
Не вспоминайте мово недруга,
Мово недруга, разлушника!
Разлучил меня, молодешеньку,
Со всем моим родом-племенем
И с вами-то, мои подруженьки,
Разлюбезныя, расприятныя.

А еще перед девишником невесту в баню водят. Ну, тут также трудно бывает. Начнут это собираться; придут девки, истопивши баню, станут просить: «Милости просим, дядюшка, тетюшка, в мыльную баню! Аграфена Григорьевна: милости просим в мыльную баню!» И начну я тут плакать:

Вам спасибо, мои подруженьки,
Вам спасибо, мои голубушки,
Что истопили мыльну баньку.

Подошла я к своей матушке <...>:

Благослови, родимая матушка
И кормилец батюшка,
Расплетать мою русу косу,
Развивать алая ленточки!
Открасовалася моя руса коса,
Относила алая ленточки!
Наглядися, родимая матушка,
На мою-то красу девичью,
На мою-то красу девичью
Во остатнием в остаточке.

Взял отец с матерью хлеб и соль и стали за стол под божницу. Подвели меня подружки под руки, и благословили меня отец с матерью. А как стали они благословлять, — я-то и говорю им:

Ино как же, кормилец батюшка
И родимая матушка,
Поднимаются у вас белы руки
Благословлять меня, молодешеньку,
Расплетать-то мою русу косу?

А матушка-то моя как благословила меня, так и упала на лавку без памяти; водой отливали — очень уж ей жалко меня-то было.

Отошла я от стола и подружке в ноги поклонилась:

Потрудишься ты, моя подруженька,
Расплести мою косу русую
По единому русу волосу.

Хотели подружки взяться, чтобы расплестать, а я-то как
обовью косу около руки и не даю, кричу:

Ино как у тебя, подруженька,
Поднимаются руки белая
Расплетать мою косу русую
По единому русу волосу?

А подруженька отвечает мне:

Я не рада бы, моя подруженька,
Расплетать твою русу косу
По единому русу волосу,—
Расплетают твою русу косу
Что твоя-то пора-времячко
Да злодейское безвременьице.

Упали тут мои рученьки, говорю я: «Опустились мои
белы руки!» Ну, подружка-то косу-то и расплестать, и лен-
ты все себе берет; а лент-то на косе навешано много.

Стала я упрашивать подружку:

Ты не дай, моя подруженька,
Ты не дай, моя голубушка,
Позавалаться, позатаскаться
Что моей-то красе девичьей
Ни по налавочью, ни по подлавочью!

А она мне:

Я не дам, моя подруженька,
Я не дам, моя голубушка,
Завалаться, затаскаться
Что твоей ли красе девичьей.
Я увяжу твои алые ленточки
Во свою-то русу косу.

Уняв нас, наконец отец говорит: «Полно реветь, идите
в баню».

Ну, пошли в баню. По улице вели меня под руки, плат-
ком закрытую; я голосом вою, а подружки около меня пес-
ни поют, кто во что горазд.

Пришли мы, поддали девки пару, а свахи и повели меня
одну в баню. Баня жаркая, я разом спотела, а свахи-то и ну
вытирать с меня весь пот пряником. Этим пряником надо
потом мужа скормить — так больше любить будет, только
бы не догадался, а то не дай бог господи да исколотит.

Пришел и свадебный день; начала я с самого утра голосить и не переставала до самого венца. Пришли подруженьки одевать меня, и начала я им плакать:

Вы послушайте, мои подруженьки,
Вы послушайте, мои голубушки,
О чем просить вас буду, мои подруженьки!
Как раскроется весна красная,
Как придет-то лето теплое,
Расцветут цветы лазоревы,
Запоют веселы соловьюшки,
Закукуют серы кукушечки,—
Я не буду слышать, молодешенька,
Как будут петь веселы соловьюшки,
Буду слушать я, молодешенька,
Как будут куковать серы кукушечки.
А как пойдете вы, мои подруженьки,
Сорывать цветы вешние,
Уж вы будете сорывать цветы,
Уж вы будете завивать венки,
Не замните, не затопчите мой лазорев цвет!
Вы сорвите, мои подруженьки,
Что и мой-то лазорев цвет,
Занесите, мои голубушки,
К моей матушке лазорев цвет, красу девичью.
Я приду к родимой матушке
Полюбоваться на красу девичью,
На мой-то на лазорев цвет,—
Оболью-то горючим слезам
Что свою-то красу девичью,
Красу девичью — лазорев цвет.
Уж как все-то цветы хорошо цветут,
А уж как мой-то лазорев цвет позавявши, позаблекши.

Тут вдруг закричали: «Свадьба едет, свадьба едет!» Это значит, уж едет жених с дружками и со всеми поезжающими за невестой. Бросилась я к брату, кричу:

Где-то мой-то ясен сокол!
Ты куда, родимый брат, схороняешься,
Притуляешься, мой родимый брат,
О чем буду просить я, молодешенька!
Ты возьми-тка саблю острую,
Ты поди-тка во темны леса,

Наруби-тка ты лесу ровного,
Да все белой-то березинки,
Заломай ты путь-дороженьку
Что моим-то недругам,
Что моим-то разлушникам.
Разлучают меня, мой родимый брат,
Со моим-то родом-племенем.
Отчего вы, мой братец-батюшка,
Похваталися, поторопилися
Что отдать меня в чужи люди,
Ко чужому-то ко чужанину,
Ко чужому к отцу, к матери.
Много надо ума-разума,
Как упаковать, унаравливать
На злодейских на чужих людей!
Наглядятся твои ясны очи
На мою-то красу девичью!
Остатний-то мне минутной час
Гостить у вас в дорогих гостях,
В красных девушках.
И отхожено, и отгуляно,
Цветно платице отношено!
Неужели я вам, мой братец-батюшка,
Не заботница, не работница,
Вашему дому не рачительница?

В это время, как я убивалась, вошли поезжане. Начали они говорить, как уж всегда бывает: «Здравствуйте, кто есть в доме хозяин?» А кто-нибудь из наших и отвечает: «Нету его, обратитесь к девушкам!» А девушки-то сидят за столом, около невесты.

«Здравствуйте, красные девушки», — говорит дружка. А девки отвечают: «Сам красный!» Не любят, значит, этого слова. «Ну, здравствуйте, хорошие девушки!» — «Здравствуй! Что тебе надоть?» Дружка говорит: «Мы приехали за суженой-ряженой!» А девки отвечают: «У нас нет ни сучья, ни рядья!» Дружка опять говорит: «Что же вам, девушки, требуется?» А девки отвечают: «Слов ласковых, поклонов низких да золотой казны».

А дружка им и кланяется. «Ну, вот я вам, девушки, поклонюсь». — «Мы и сами поклонимся тебе ниже, ты только деньги нам давай».

Он бросит им копейку серебра: «Извольте, хорошие девушки!»

Девушки все на него и ошетинятся, закричат во все голоса: «Неужели копейку серебром наша-то невеста стоит?»

А у девушек для хвастовства приготовлены деньги, и много — все серебром. Они и развернут деньги перед дружками: «Вот у нас невеста чего стоит». А дружка ихняя деньги и схватит, девки все на него кричат: «Не дури, своих положи денег!»

Вот он и говорит: «Ну, извольте вам, хорошие девушки», — и прибавляет копеек пять — десять, тут девки уж возьмут и говорят: «Благодарствуем, голубчик!»

Теперь начнется долгая песня. Дружки спросят девушек: «Кого вам теперь нужно?» — «Малого дружку». Войдет малый дружка и точно так же с ними деньгами отсыплется. Этот отходит, спрашивает: «Что нужно, девушки?» Они скажут: «Большого барина». И с большим барин-ом то же. Потом он отходит, придет меньший барин; меньший барин отходит, спрашивает: «Кого нужно?» — «Тысяцкого».

Вот придет тысяцкий с широкой бородой — богач, за-всегда уж говорит: «Здравствуйте, красные девушки!» Они ему: «Сам ты красный, с широкой бородой!» Он также бросит сперва копейку, а девушки-то на него: «Как тебе не стыдно, точно милостыню собирал, грошей да копеек набрал! А еще в Питере живал, хлебом торговал!» — «Ох, девушки! Да я человек-то семейный». Оне кричат: «Не притворяйся! Кафтан-то у тебя синий, а кушак-то красный!» Ну и он им деньгами отсыплется, девки и благодарят.

Спросит тысяцкий: «Что вам теперь, девушки, требуется?» Они говорят: «Посветлее светлого месяца, покраснее красного солнышка». Это значит, надо образ им подавать. Образ-то держит жених, а сам стоит позади всех поезжан. Тысяцкий возьмет у него образ и подаст девушкам. Девушки образ на божницу поставят, а дружка им и скажет: «Ну, девушки, понимайте стыд, опростайте место». Ну, и пойдут девки вон, а все поезжане за стол сядут, жених подле невесты, так и норовит толкнуть ее ногой: это примета, чтоб быть большому над женой. А как мой-то жених сажался да хотел толкнуть меня, а я ноги-то под

лавку и поджала: уж он шарил, шарил ногой — ничего не нашел. А сидела-то я унылая; сижу, ничего не вижу, что около меня делается, только слышу, да сама плачу.

Вот сядут за стол, станут поезжане свое кушанье есть, и скатерть постеляют свою, и наших гостей не подчуют. Кушаньев у них три перемены. Одно блюдо нарежут говядины с квасом, а другое блюдо свинины сухо нарежут, так руками в соль макают да и едят; третье кушанье — пирог житный с гречневой кашей или с овсяной. А невеста все за их кушаньем в голос вопить должна с своими сестрами:

«Наехали наши недруги-разлучники!»

Не было ветров — вдруг повеяли,

Не было гостей — вдруг наехали;

Полон двор и коней и карет,

Полное зало и гостей и бояр.

Подломило зало новое с коридорами,

Расступили чару золоту с офинистами,

Выпужали соловья во саду,

Молода — в зелену.

Расплачется Грушенька:

«Не жаль мне зала нового с коридорами,

Не жаль мне чары золота с офинистами,

Только жаль мне соловья в саду,

Молода — в зелену:

Некому меня поутру будить,

К уму-разуму учить».

Как возговорит Матвей Васильевич:

«Не плачь, не тужи,

Сострою тебе зало новое с коридорами,

Солью тебе чару новую с офинистами,

Я у тебя — соловей во саду,

Молодой — в зелену:

Буду тебя поутру будить,

К уму разуму учить».

Теперь с невестиной стороны начнется подчивание, а женихово-то всё уберут, и скатерть-то ихнюю снимут, и подадут сперва рыбник — пирог такой с рыбой прозывается; потом шей нальют с говядиной, из сырой капусты, потом баранина жареная да студень. И скажет хозяйка, невестина-то мать: «Тем бить челом». А дружки ей уч-

тиво так: «Позвольте поблагодарить, сват и сватьюшка, за хлеб, за соль».

Ну, как откушают все, и завопят опять.

Невесту с женихом благословлять станут отец с матерью, а дружки приговаривают: «Ну, сват и сватья, умели вспоить да вскормить, умеете и под злат венец благословить». Старики-то как благословляют, приговаривают: «Будь наше родительское благословение навеки нерушимо; бог вас благослови». Тут запевают песню:

«Ты дитя, наше дитятко,
Ты дитя наше милое,—
Что ты ходишь невесело
И гуляешь нерадостно?
Твоя голова не чесана
И руса коса не плетена?» —
«Ты, родимая, вспоминай-кося,
Перед кем веселиться,
Перед кем наряжаться?
Мне ночесь мало спáлося,
Мне ночесь много виделось;
Мне приснился, привиделся
Нехорош сон, нерадостен:
Мимо наш-от зеленой сад
Прилетел млад ясен сокол;
Мимо наш-от высок терем
Проезжал добрый молодец,
Он меня за собой зовет». —
«Ты дитя, наше дитятко,
Наша дочерь любезная!
Прилучай ясна сокола,
Поезжай с добрым молодцем».
При пути, при дороженьке,
При широкой проезжей,
Тут стоял нов высок терем;
Что во этом новом тереме
Все покои изукрашены,
Все диваны изуставлены,
Все из красного дерева.
Что во одной новой горнице
Тут сидит добрый молодец,
Перед ним стоит девица,
Стоит дочерь любезная,

Она плачет, как река течет,
Возрыдает, как быстрая;
Во слезах слово молвила,
Во горючих речь говорила,—
Она звала его по имени,
Величала по отечеству:
«Уж ты будь мне отец и мать,
Будь защита великая,
Оборона немалая;
Ты буди молодешеньку
И поутру ранешенько,
Ты учи молодешеньку
И к уму и ко разуму».

Перед самым поездом к венцу поют:

Что от терема, сударь, до терема
Стланы ковры, стланы бархатны.
Что по тем коврам, по тем бархатным
Идут попы да идут дьяконы,
Идут маленькие идут певчики,
По-за ним-то идет добрый молодец,
За собой он ведет красну девицу.
«Что ты тих идешь,
Что ты помалу ступаешь?» —
«От яхонту лицо горит,
От чеботу, сударь, земля стонет,
От тебя, мой свет, сердце гремит».
Как выговорит Матвей Васильевич:
«Лицу гореть — да не потухать будет,
Земле стонать — да перестать будет,
Дрожать сердцу — да то лучше будет».

Тут уж вон пойдут садить невесту в кибитку со свахой,
они вдвоем и поедут в церковь, уж в ихние сани никто
больше не садится. Бьется невеста, не садится, не дает
посадить себя. Я-то сильная была, так уж помучились
со мной.

А девки-то на крыльце стоят да песни поют:
Съезжала Аграфена с широкого двора,
Ломали березинку в полдерева.
Ты стой, стой, березинка, без верха,
Живи, родной батюшка, без меня.

Поедут к венцу, в поле выедут, остановится весь поезд;
невесту-то уымут, а дружки вернутся назад с угощеньем,

с орехами. Войдут в избу к невестинному отцу: «Здравствуйте, сватушка и сватьюшка, приказал вам кланяться князь молодой с княгиней и все поезжане». Ну, тут уж переберут всех по имени по отчеству. Насыплют тут на блюдо орехов, поподчуют свата и сватью, скажут: «Вот гостинца вам прислали князь молодой с княгиней». Тут еще насыплют и приговаривают: «Девицы-певицы, пирожные мастерицы, горшочные пагубницы, сметанные лакомницы». И бросают им по полу все орехи — подбирай девки как знают.

Дружкам тут подарят отец с матерью по полотенцу. А девки торопятся дружкам петь:

Уж ты, большая дружка, послушай,
Мы тебя взвеличаем,
По имени называем,
По отчеству величаем,
Уж как ты роду большого,
Отца, матери честного:
На тебе кафтан камчатный,
Разбирай мошну шелкову,
Вынимай гривну золотую,
Дари девиц по гривне,
Молодым молодцам на белила,
Красным девушкам на румяна,
Еще маленьким ребятам на орехи.
Уж как мы живем при дороге,
Без белил-то, без румян мы не ходим.
Уж мы по воду пойдем — набелѣмся,
Со водой идем — румянѣмся.

Поедут тут дружки догонять свадьбу. А как они еще из деревни за ворота выезжают, мужики-то им и кольем, и дровами дорогу загораживают. Дружки им орехов дадут, вином поподчуют, их и пустят. А орехи-то великолепные! Бывает иной раз, что просто из теста напечены, а все-таки орехи!

Пока венчают, невеста все стоит веселая. Как обвенчают, начнут ее бабы окручать — значит косу надвое заплетать. Ох, горько, горько тогда бывает, а уж плакать нельзя — обвенчана. Молчишь да в себе горе держишь.

Тут уж поедут назад. Вот, как ехать назад, посадят молодых вдвоем в сани. Как выедут они — и начнут под-

чивать друг дружку, жених-то с невестой: он ее баранками, а она его пряниками, да еще норовит, как бы тем поподчивать, что в бане с ней был. Однако я Матвея-то своего этим пряником не кормила. Ну его, эка гадость! Матвей-то меня и без того любил, что тут еще! А чем подчивать — всегда есть. Ведь в кибитку-то положено всего: и баранков, и пряников, и пирогов даже. От нашего-то села до церкви верст десять будет с небольшим, ну известно, пока едешь, так все надо подчиваться. Да еще первый-то никто не хочет начинать есть или говорить: молчим, а с коленей на колени пряниками перебрасываемся. Уж под конец кучер вмешается да заставит разговор вести.

Приедут на двор к жениху. Выйдут отец с матерью встречать с хлебом-солью да с образом, и житом бросают. «Дай, господи, милости божьей,— приговаривают.— Надели, господи, их хлебом и солью и милостию божией».

Войдут в избу. В это время собирается около женихова дома вся деревня: старый и малый приходят посмотреть молодых. Молодые входят в дом не через сени, а через двор. Старший дружка ведет их тем же порядком, как и из дому невесты, постоянно стегая кнутом, из опасения какой-либо порчи. На крыльцах отец осыпает их житом в знак приветствия, желаниями богатства. Поздоровавшись с родителями, молодые тотчас же уходят в другую комнату. В это время впускают девиц и весь народ в избу. Дружка спрашивает: «Есть ли в этой новой горнице родной батюшка, родная матушка? Как умели своего чада воспоить, воскормить, на белых руках возносить, так умеете благословить». Родители отвечают: «Бог благословит!» — «Благословляете ли и вы, миряне?» — спрашивает дружка, обращаясь к народу. Народ отвечает: «Бог благословит». После этого дружка подносит молодым стакан водки, выпив который пополам, они целуются. Народ спрашивает: «А нам будет ли похвального?» На это дружка отвечает, что «у нашего молодого князя будет мостина пива и решето вина». И просит похвалить молодую. Народ изо всех сил кричит: «Хороша, хороша!» До трех раз. За что молодые кланяются.

Этим церемония и кончается, молодые отправляются в другую комнату, где вдвоем обедают; народ расхо-

дится, и остаются в доме гости — поезжане и девицы. Во время обеда девицы поют гостям песни; дружка или гость, кому пропоют девицы песню, платит им денег от 3 копеек до 10. Кто за песнь не заплатит, тому поют, скупому:

Не скупися, не скупися:
Золотой казны не скопити,
Жене фerezей не сшити!
Хоть сошьешь — замарают,
Она в пир пойдет — потеряет.
Мы, девушки горожанки,
Без белил, без румян не ступим,
Без калача есть не сядем.

Вечером перед ужином дружка приводит молодых в общую избу и становится их в передний угол за стол. Начинаются дары. Старший дружка вызывает к подаркам, держа, например, рубаху: «Родный батюшка, прошу пожаловать к дорогим подаркам». Так же вызывает и мать, ей дарится платок. Подарив свекра и свекровь, молодая кланяется им в ноги. Далее дарят всю родню женихову тем же порядком, кого платком, кого ленточкой. После даров сама молодая вызывает своих свекра и свекровь и родню к винной чарке. За это одаривают ее.

После ужина дружка ведет молодых в спальню, перетрахиывает постель, ударяет по ней несколько раз кнутом и сам ложится на ней. Сваха платком выкупает у дружки постель.

На другой день утром молодая, поклонившись свекру до земли, спрашивает его: «Что мне делать, батюшка?» Тот велит ей выпахать избу. Дружка тотчас приносит веник и отдает молодой. Она пашет, а гости кидают на пол всякий сор и деньги, которые достаются молодой.

После этого бывает похмельный обед, а дружки отправляются топить баню, не впуская никого в нее, из опасения порчи.

В полдни молодая сноха спрашивает свекра: «Что мне делать, батюшка?» Тот отвечает: «Сходи за водой». В это время собирается к ключу вся деревня смотреть на молодую, и несколько раз выльют ей воду. Здесь же сваха выносит для народу пирогов, и это бывает последнее угощение. Начнут собираться по домам. Запрягут тут лошадей с колокольчиками да с бубенчиками и поедут провожать всех

поезжан со свахой. А вечером будет уж стол у невестиного отца, все там соберутся. Это называется яишницей или в иных местах — отводинами.

Тут молодые переночуют ночь и на другой день, уж к вечеру, домой пойдут. И станут жить да быть. Жила и я с Матвеем хорошехонько.

СВАДЕБНЫЕ
ПЕСНИ

сли внимательно вчитаться в содержание свадебных песен, откроется удивительно яркий и содержательный мир русской свадьбы. Песни звучали в течение всего обряда и были своеобразным «прологом», «главами», «частями» и «эпилогом» обрядовой игры, поэтически воссоздавая каждый эпизод свадьбы. Одни песни по традиции исполнялись только во время сватовства, на сговоре, на девичнике, другие пели в течение всей свадьбы.

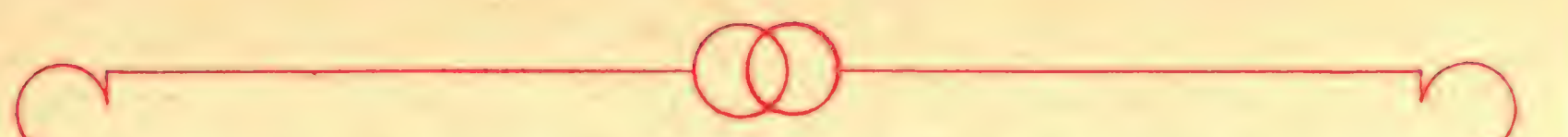
В сборнике песни помещены после свадебного обряда, к которому они относятся, исходя из содержания или указаний собирателя, исполнителя. Сиротские песни даны в конце раздела.

СВАТОВСТВО

Сватовство открывало многодневную свадебную игру. Сватом, как правило, мог быть любой: отец жениха, его крестный, родственник, просто уважаемый в деревне человек, умеющий «вести дело», «красно» говорить и расхваливать жениха и его семью.

Сватали обычно вечером, пробирались к дому невесты задворками, не разговаривали, боясь неудачи. Во многих деревнях, особенно северной части России, сватов, для успеха начинания, стегали по спине кнутом или поясом, бросали у порога под ноги вывернутую мехом наружу шубу; сваты, выйдя из дому или выехав за деревню, проводили позади себя черту, «чтоб не воротиться назад без дела». В доме невесты сваты вели себя так, как предписывал обряд: не заходили за матицу, не проходили к столу без приглашения, говорили обиняком, используя различные иносказательные формулы: «Нам нужна не рожь и не пшеница, а красная девица», «У вас ком теста и у нас ком теста,

нельзя ли их свалить в одно место?», «У вас товар — у нас купец». Таких формул сватовства в русском свадебном обряде множество.

Если родителям нравился жених, то «самовар согреют, уговорятце, когда еще придут, когда завесят <...> Сперва одни чай попьют, договорятце, а там и невесту зовут»¹. Если хотели отказать, намекали на молодость невесты, не приглашали к столу, клали в сани сватов веник, тыкву и другие предметы — символы отказа.

Во время сватовства невеста начинала причитывать, а девушки пели песни.

---

¹ Балашов-И. С. 29.

Славен город, славен город
 Да на вóзгорье, да на вóзгорье,
 Славна была, славна была
 Да у Василья дочи, да у Василья дочи,
 Славнее того, славнее того
 Да у Михайловича, да у Михайловича.
 Ездил в город, ездил в город
 Да Иван — молод князь, да Иван — молод князь,
 Ездил славен Иванович, ездил славен Иванович,
 Славен город повýездил, славен город повýездил,
 Княгиню Анну повысмотрел, княгиню Анну повысмотрел,
 Васильевну, Васильевну
 Сам повýприметил, сам повýприметил.
 Нóровья-обычья, нóровья-обычья
 Не выведал, не выведал,
 Сам говорил, сам говорил,
 Да только вýсловился, да только вýсловился.
 У добра у отца, у добра у отца
 Да сыновья были добры, да сыновья были добры.
 Да у доброй матери, да у доброй матери
 Да дочери хороши, да дочери хороши.
 Да Анна, да Анна
 Васильевна, Васильевна,
 Она тонёхонька, она тонёхонька,
 Да высокóхонька, да высокóхонька,
 Лицушком, лицушком
 Да красивёхонька, да красивёхонька,
 Беленьким, беленьким
 Да румянёхонька, да румянёхонька,
 Ясные очи, ясные очи
 Яснее сокола, яснее сокола,
 Брови черные, брови черные

Да чернее соболя, да чернее соболя,
Ягодницы, ягодницы
Да бысть как маковицы, да бысть как маковицы,
Походка у ей, походка у ей
Да все павина, да все павина,
Слова-речи ее, слова-речи ее
Да все повинны, да все повинны.
Сватались на Анне, сватались на Анне
Трое сватовьев, трое сватовьев,
Да на Васильевне, да на Васильевне
Трое большие, трое большие.
Первы сватовья, первы сватовья
Да из Нова-города, да из Нова-города,
Вторы сватовья, вторы сватовья
Да из славной Москвы, да из славной Москвы,
Третьи сватовья, третьи сватовья
Да из Кушкопалы, да из Кушкопалы,
От князя Ивана, от князя Ивана
Ивановича, Ивановича.
В Новой город, в Новой город
Тут отказ поступил, тут отказ поступил,
В славну Москву, в славну Москву
Тут не здумали давать, тут не здумали давать.
За князя Ивана, за князя Ивана
Они здумали давать, они здумали давать,
Да за Ивановича, да за Ивановича,
Да отказать нельзя, да отказать нельзя.

№ 468

Сват-от сватался да порасхвастался:
Что изба-то у нас пятистенная,
Что двор-то у нас на семи верстах,
Что скотинушки у нас полон двор,
Среди-то двора шатер стоит;
Три поля у нас хлеба насеяно,
Частым дождичком поливано,
Все весельем огорожено.
Обманули меня, бедную:
Что изба-то — безугольная,
Что двор-от на семи шагах,

Что скотинушки — одна коза,
Среди двора пестерь стоит;
Три поля горя насеяно,
Горючим слезам поливано,
Все кручиной огорожено.
Я пойду с горя в темны́ леса,—
Я хожу в лесах, аукаюсь.
Никто в лесе не отукнется,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни соколы-братцы милые,
Ни голубушки белы сестры.
Чуть надносит голос матушки:
«Ты родимое мое дитяtko,
Не в лесу ли заблудилоcя,
Не в траве ли заплеталоcя,
Не в росе ли замочилоcя?» —
«Ты родимая моя матушка!
Заблудилась я в чужих людях,
Заплелась я в горе-кручинушке,
Обмочилась в горючих слезах». —
«Ты родимое мое дитяtko!
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай». —
«Ты родимая моя матушка!
Понося-то платье, сложится,
Потерпя, горе да скажется».

№ 469

Я не знала, я не ведала,
Отколь сватушка наехала,
Сваха гордая, спесивая,
На словечушки говорливая.
Она ступила — не ступила,
Слово молвила — не молвила,
Восхваляла чужу сторону:
Как на чужой сторонущке
Стоит домик на семи верстах,
На семи верстах с половиною;
На середке стоит горница,
А во этой во горнице

Стены бархатом обитые,
Стулья жемчугом обсыпаны.
Пока жила — не ведала,
Потом пожила — проведала:
Как на чужой на сторонushке
Стоит домик на семи шагах,
На семи с половиною;
На середке стоит байнюшка;
Как во этой во байнюшке
Стены сажей навédены,
Лавки смолой насмóлены.

№ 470

«У ворот моей матушки
Вырастала травушка,
Лели, лели, ёли, ёли, ёли!
Да и кто траву стоптал,
Да и кто шелковую?
Приходили сходатаи —
Женишки богатые,
Сватали Настасьюшку,
Сватали Ивановну,
Просили приданого:
Гусака чубарого,
Гусака чубарого,
И гусыню серую,
И гусыню серую,
И село с деревнею!» —
«Нам не жаль приданого:
Гусака чубарого!
Ой, нам жаль Настасьюшку,
Ой, нам жаль Ивановну:
Молода Настасьюшка,
Молода Ивановна!»

№ 471

Перед нашими широкими воротами,
Перед московскими точеными вереями
Разливалось синее море;
Разыгралась в синем море белая рыба.

Рыболовнички по берегу ходили,
Белой рыбе говорили:
«Берегись, белая рыбица,
Хотят тебя рыболовнички поймать,
Во шелковые тенета посадить,
На двенадцать штук тебя разрубить,
На двенадцать блюд тебя разложить».
Перед нашими широкими воротами
Разыгрались красные девушки,
Прасковьюшка в хороводе расплясалась.
«Хотят тебя, Прасковьюшка, сваты сватать
За такого за детину, за Ивана».

№ 472

Ни в уме-то было, ни в разуме,
В помышленьице да того не было,
Чтобы девице да взамуж идти.
Соизволил так родной батюшка,
Отдает-то меня родная матушка,
Присоветовали люди добрые,
Все соседушки приближенные,
Ради ближнего перепутьица.
Я во торг пойду — к дочери зайду,
Я с торгоу пойду — ночевать зайду.
Я спрошу, спрошу свое дитяtko,
Я спрошу, спрошу свое милое:
«Каково-то жильe в чужих людях,
У чужого-то отца с матерью,
У чужих-то сестер, сестер с братьями,
У чужого-то роду-племени?» —
«Уж ты мать ли моя, родна матушка,
Ты, отдавши меня, стала спрашивать.
Ты поди-ка сходи на сине море,
Ты спроси-ка, спроси гуся серого,
Не зябнут ли его ноги резвые
От снегу-то, снегу белого,
От воды-то, воды от холодныя,—
Таково-то жить во чужих людях!» —
«Носи платьице, да не складывай,
Ты терпи горе, да не сказывай!»

Приходил к нам селезень,
 Приходил к нам селезень,
 Приходил к нам на двор,
 Приходил к нам на двор,
 К нам на двор, к нам на двор:
 «Ты, утица, выйди к нам,
 Ты, утица, выйди к нам,
 Ты, серая, выйди к нам,
 Ты, серая, выйди к нам,
 Выйди к нам, выйди к нам!
 Узнай своего женишка,
 Узнай своего женишка,
 Женишка, женишка!» —
 «То не мой, то не мой,
 Иван-сударь румяной,
 Иван-сударь румяной —
 То не мой!»

Ты пчела ли, моя пчелынька,
 Ты пчела ли, моя белая,
 По чисту полю полетывала,
 Да ко сырой земле прикладывалась,
 Да ко сырой земле, ко зелено лужку,
 Да ко цветочку ко лазорьевому.
 Вы цветы ли, мои цветики,
 Цветы алые, лазорьевые,
 Да голубые, бело-розовые!
 Да вы души ли красны девушки,
 Да вы ступайте во зеленый сад гулять,
 Да вы поймите белу рыбу на воде,
 Да вы снимите с белой рыбы гребешок,
 Да причешите русы кудри молодцу,
 Да что Степану-то Васильевичу.
 Да он поедет во зеленый сад гулять,
 Да станет-будет себе сужену искать,
 Да себе суженую-ряженую,
 Красну девушку обряженную,
 Да свет Елену Калистратовну.

№ 475

Как ударили два мороза, третий снег.
Ай лой, лой, люли!
Третий снег.

Четвертая холодная зимушка:
Призносили сходатова свата на коне,
Приморозили белые рученьки ко водам,
Приморозили быстрые ноженьки к струменам.
Выходила свет Марьюшка из терема долой,
Выходила Васильевна с высока долой,
Выносила кунью шубу на плечах.
«Ну и вот тебе, сходатай сват, одежда,
Ну и вот тебе широкая дорога».

№ 476

Садил мужик черемушку,
Садил, поливал:
«Рости, рости, черемушка,
Не тонка, не высока.
Цвети, цвети, черемушка,
Как белая заря.
Созрей, моя черемушка,
Как черная грязь».
Незрелую черемушку
Нельзя ее сорвать;
Просватана невестушка,
Нельзя ее так взять.

ПОСЛЕ ПРОСВАТАНЬЯ

Ч

ерез день-два невеста с родственниками осматривала хозяйство жениха. «Придут, пройдут по дому, скотины посмотрят: раньше скотины людно было во дворе! Анбары, хлеба да. Тут уж их угощают. А место погленетце — и отдадут! Не понравитце — из дому с отказом сходит кто»¹. Нередко родители жениха к этому дню приносили от соседей утварь, зерно, приводили скот, создавая картину полного благополучия.

«Как посмотрят место, едут на договоры. <...> У жениха родня, семейники. И договариваются: много ли даров надо с невесты? Крестный, божатка — всех надо обдарить», «договорятце, когда свадьба, когда пиво варить, когда кроить. А потом уж и заporучивали»².

Сговор (запоручивание, рукобитие) проходил в доме невесты: готовили угощение, зажигали свечи, все молились, потом «сваты одевают рукавицы и бьют по рукам», «берут в руки по пирогу и хлопают ими»³.

Во многих северных деревнях невесту после заporучивания покрывали платком (завешивали), что считалось окончательным актом свадебного договора. Это был драматичный момент обряда, и невеста отчаянно сопротивлялась: «Девчата схватят, она не даётце, фатку бросает, рвет, такая возня! С лавки хлопались на пол прямо, и коленки в кровь»⁴.

В некоторых деревнях при заporучивании жгли куделю на прялке невесты («жгли девичество»), протягивали веревку от дома невесты в сторону дома жениха, «елку ставили наряженную <...>. На елке цветы, наверху гнездышко с птичкой (из теста), свечи»⁵.

После сговора «девушка называлась сговоренка, ходила в темном платке, внахмурочку», «коса с распущенной лентой», «до свадьбы на улицу почти не показывается»⁶.

На сговоре девушки «слезили» («гневили», «кливили») невесту песнями, а она причитывала.

^{1,2,4} Балашов-И. С. 30, 31, 34.

^{3,5 6} Шаповалова. С. 98, 101, 114.

№ 477

Мимо батюшков высок терем,
Мимо матушкин зеленый сад,
Мимо девицын зелен сад
Пролегала путь-дороженька,
Широка, долга спроважена;
Что-й по той ли по дорожке,
Что-й по той ли по широкой
Там едет-гуляет
Удалой доброй молодец
Иван-то Иванович.
Он сворачивал с дороженьки,
Приворачивал к окошечку,
Колотился под окошечком
Своей тростью натуральною:
«Ты, душа ль моя, душенька,
Душа ль красная девица,
Да ты, Марья Ивановна!
Приотворь, душа, окошечко,
Приотдерни занавесочку,
Покажи-ка лицо белое,
Лицо белое, румяное,
Будто поро́ха — снегу белого!
Будет ты, душа, прилюбишься —
Я товарищу по́хвалю,
Своему брату крестовому».
Прилюбилась красна девица
Удалому добру молодцу
Ивану-то Ивановичу.

У ворот было на улице,
Да у широких на широкой,
Да у родителя батюшки —
Не сокол тут налетывает,
Не ясён тут насвистывает,
Да молодец коня объезживает,
Да молодец первобрачный князь,
Князь Иван Иванович
На своем на добром коне.
Уздрила млада, усмотрела
Из высока нова терема,
Из окошка косцёрчатого,
Из околени стекольчатой:
«Уж ты ой есь, первобрачный молод князь,
Не объезживай команя,
Да не пыли шелкова ковра,
Да не обсвистывай плеточки,
Не изъянь золотой казны». —
«Да не тесть мне коня купил,
Мне не твой родной батюшка,
Не Степан Сергеевич, —
Мне-ка свой родной батюшка
Иван Егорович;
Мне не теща убор давала,
Не твоя родна маменька,
Не Лизавета Егоровна, —
Мне своя родна маменька,
Мне Надежда Ивановна;
Мне не шурин ведь плетку купил, —
Мне-ка свой родной брателко;
Мне не свойка ковер вышивала, —
А мне своя родна сестрица;
Мне не княгиня казну нажила,
Не Марья Степановна, —
Уж я сам, первобрачный князь,
Да Иван-сударь Иванович!»

Ай, дунули ветры да со чистóго поля,
 Да со широкого раздолия.
 Да ай, грохнули весла да со синёго моря.
 Со синёго моря, да со синего, соленого.
 Да наехали гости, да все гости торговли
 Да с единого царства,
 Да со единого государства.
 Да приставали эты гости
 Да на крут красный бережок,
 Да на рассыпчатый песочек.
 Да выносили эты гости
 Да серебряна сóловью
 Да с позолоченным пóзвоном,
 Да жемчужныма рясами.
 Да что уздрела, усмóтрела
 Да душа красная девица,
 Да девица зарученная,
 Да княгиня первобрачная
 Да из висока нова терема,
 Да из косищата окошечка,
 Да сквозь хрустальную стекольную.
 Да воспроговорит тут Машенька,
 Да воспроговорит Ивановна
 Да свету брату милому, любимому:
 «Да поди ты, сходи, брателко,
 Да на крут красный бережок,
 Да на рассыпчатый песок
 Да ты ко тем гостям торговым,
 Да ты купи, купи, брателко,
 Да серебряного сóловью
 Да с позолоченным пóзвоном,
 Да жемчужныма рясами.
 Да ты прикуй, прикуй, брателко,
 Да ко кисóвой кроваточке.
 Да когда бог судит, брателко,
 Да жить у чужого чуженя,
 Да на чужой дальной стороны,
 Да у Петра Ондрейча —
 Да разбудит нас соловей
 Да поутру рано-ранешенько,
 Да как до солнечного всходика».

Белокаменные палаты да гриновиты, гриновиты,
 Не дубовы-ти столы да пошатились, пошатились,
 Не бердщаты-ти скатерки да зашумели, зашумели,
 Не пшёничини-то ковриги да сокатились, сокатились,
 Не серебряны подносы да забренчели, забренчели,
 Не полужены братыни да соплескались, соплескались,
 Не хрустальни-ти стаканы да сощёлкались, сощёлкались.
 Во-первых-то, наша Анна снарядилась, снарядилась,
 Во-первых-то, наша Александровна сподобилась,
 сподобилась:

Во белые-то белила да набелилась, набелилась,
 Она во алые румянцы да румянилась, румянилась,
 Среди-то полу дубового да становилась, становилась,
 Она всем князьям, боярам-то да поклонилась,
 поклонилась,

Молодому-то ведь князю да всех пониже, всех пониже.
 «Уж вы кушайте, гости, да не сидите, не сидите,
 Уж вы рушайте гуся, да не студите, не студите,
 Еще нашей-то княгини да не стыдите, не стыдите,
 Еще нашей-то первоображной да не соромьте, не соромьте.
 Еще наша-то княгиня да не стыжена, не стыжена,
 Еще наша-то первоображна не страмлена, не страмлена.
 Э-э не пора ли тебе, княгинюшка, да воротиться,
 воротиться?

Не пора ли тебе, Ивановна, да во задóски, во задóски?
 По тебе стары-ти старухи да прихрапелись, прихрапелись,
 По тебе молоды молодки да прижалились, прижалились,
 По тебе красны-те девки да приревелись, приревелись».

Возле реку, возле реку
 На крутом берегу, на крутом берегу
 Стоял же тут, стоял же тут
 Да зеленый сад, да зеленый сад.
 В том во саду, в том зеленом
 Жила пташечка канареечка.
 Слётались к ней, слётались к ней
 Ее пташечки канареечки.
 Щебетали ей, щебетали ей.

Нащебетывали, нащебетывали:
«Свет ты нашá, свет ты нашá,
Наша пташечка канареечка,
Знать, нам с тобою, знать, нам с тобою
Не летывати, да не летывати,
Пшенки с горошком, пшенки с горошком
Не клевывати, да не клевывати,
Ключевой воды, ключевой воды
Нам не пивывати, нам не пивывати».
Возле рекú, возле рекú
На крутом берегу, на крутом берегу
Стóял же тут, стóял же тут
Нов высок терем, нов высок терем.
В том терему, в том высоком
Жила девица да красавица,
Свет же Зенина, свет же Зенина
Ивановна, Ивановна.
Хóдили с ней, хóдили с ней
Ее кумушки да подруженьки.
Говорили ей, говорили ей,
Наговаривали, наговаривали:
«Свет ты нашá, свет ты нашá,
Наша кумушка да подруженька,
Знать, нам с тобою, знать, нам с тобою
Не гуливати, да не гуливати,
Крепкую думу, крепкую думу
Не задумывати, да не задумывати,
Тайных речей, тайных речей
Не говаривати, не говаривати.
Крепкая дума, крепкая дума —
Чужа сторона, да чужа сторона.
Тайные речи, тайные речи —
Чужой чуженин, да чужой чуженин,
Свет же Иван-от, свет же Иван-от
Васильевич да Васильевич».

№ 482

Черныя кудрицы за стол пошли,
Русую косыньку за собой повели.
Черныя кудри косу спрашивают:
«Русая косынька, где ты была да что делала?» —

«Я была в высоком терему,
Муку сеяла, пироги ставила». —
«Русая косынька, да на что пироги?» —
«Черныя кудрицы, ко мне гости будут,
Гости будут, гости батюшкины, гости матушкины,
А ко мне, молодой, все подруженьки».

№ 483

«Уж ты, свет наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Да ты что ж сидишь невеселая,
Да повесила буйну голову,
Потупила очи ясные?» —
«Уж вы, свет мои голубушки,
Да мои милые подруженьки,
Уж мне что же веселится?
Как по мою руку правую —
Все морозы трескучие;
Да по другую руку левую —
Стоит зимушка холодная;
Уж как всочь очи ясные —
Мне вьюга-переметелица;
А надо мной, молодешенькой,
Да туча с громом подымается,
Подо мной, молодешенькой,
Да вся земля колыбается.
Уж вы свет мои подруженьки,
Не с ума я слово молвила,
Да со горя со великого:
По мою руку правую —
Удалой добрый молодец;
А по другую руку левую —
Да стоит свахонька приезжая,
А как всочь очи ясные —
Да поезжана-ти хорошие;
А над мной, молодешенькой,
Да пресвятая богородица,
Да подо мной, молодешенькой,
Да высок терем колыбается».

Как у Домнушки матушка
Не добра была, не ласкова,
У Мокеевны родная —
Не добра, не приветлива.
Посылала ее матушка
Во сырой бор по ягоды:
«Выбирай себе, дитятко,
Ты из ягоды ягоду,
Из калины калинушку,
Из малины малинушку,
Из черной ягоды — смородинку». —
«Я не выбрала, матушка,
Как из ягоды ягоду,
Из калины калинушку,
Из малины малинушку,
Из черной ягоды — смородинку».
Как у Домнушки матушка
И добра была, и ласкова,
У Мокеевны родная —
И добра, и приветлива.
Посылала ее матушка
Во высок терем бояр смотреть:
«Выбирай себе, дитятко,
Из князей себе князича,
Из бояр себе боярина,
Ты из чина военного
Иль из штатских себе штатского,
Из придворных придворного,
Из купцов себе — посадского».
Как идет ее дитятко,
Скоры ноги подгибаются,
Белы руки опускаются,
Ясны очи помутились,
Горючи слезы катились:
«Я не выбрала, матушка,
Лучше чину посадского».

Золото с золотом свивалось,
 Да жемчуг с жемчугом сокаталсе.
 Да как возгóворят Марьины подруги:
 «Наше-то золото получше,
 Да наш жемчуг подороже».
 И возгóворят Ивановы бояра, да бояра:
 «А чем ваше золото получше, да получше?
 А чем ваш жемчуг подороже, да подороже?»
 Да возгóворят да Марьины подруги:
 «Тем-то наше золото получше,
 Да тем наш жемчуг подороже,
 Что наши по вашим не ездят,
 А ваши по нашим приезжают!
 Да семеро полозьи притерли, да притерли,
 Да семь комоней пригонили, да пригонили,
 Одного молодца притомили, да притомили,
 Да красну девицу раскливили».

Во городе перстни ковали,
 Посередь Москвы золотили,
 У царя в Москве оценили.
 Кому этим перстням обручатся?
 Так отроку со отрочицей,
 Доброму молодцу со девицей,
 Кузьме-то с Александрой,
 Андреевичу с Семеновной.

Виноградна ягодка расцветала,
 Расцветёмши, ягодка опадала.
 Марья батюшке своему говорила:
 «Не давай меня, батюшка, молоду замуж,
 Не уповай, мой родимый, на богатство,
 Выбирай мне, батюшка, человека
 С ростом, дородством, красотою,

Со своей молодецкой чистотою,
Чтоб не стыдно красной девке на улицу выйти,
Чтоб не стыдно молодушке похвалиться:
Сестрицы, подруженьки! То-то ровня!»

№ 488

Тужит, горюет перепелушка:
«Где-то мне зимовать будет?»
Откуда ни взялся млад ясен сокол:
«Не тужи, не горюй, перепелушка,
Я тебя беру к себе на крыло,
К себе на крыло, на сизо перо;
Зимовать будем во темном лесу,
Во темном лесу, во теплом гнезду».
Тужит, горюет свет Марьюшка:
«Где мне, красной девушке, вековать будет?»
Откуда ни взялся свет Иванушка:
«Не тужи, не горюй, моя Марьюшка,
Я тебя беру к себе на руки,
К себе на руки, совсем навеки,—
Я тебя буду кормить, поить и печалиться».

№ 489

У столба было, у столбушка,
Да у столба у дубового,
У колодца ключёвого
Да Марья воду черпала,
Да Яковлевна вычерпывала.
Были черпушки серебряные,
Да почерпушки позолоченные,
Да красной медью околоченные.
Да тут Иванушка коня веде поить,
Да Степанович ворона веде поить.
«Да ты напой, напой-ка, Марьюшка, коня,
Да ты напой, Яковлевна, ворона». —
«Да не пою, не пою я коня,
Да не пою, не пою ворона,—
Да не твоя слуга — батюшкина,
Да послужаночка матенькина».

Уронила с рук перчаточку
Да зазнобила праву рученьку.
«Да еще как будем перчатку доставать,
Да еще как буду Ивана целовать!»

№ 490

Залетала вольна пташечка,
Да залетала кинареечка
Ко соловушке во клеточку,
Да за серебряну решёточку,
Да за хрустальну переборочку.
Залетевши, стосковалася,
Стосковавшись, сгоревалася:
«Да охти, охти мне тошнешенько,
Да охти, охти мне грустнешенько
Да жить без батюшки, без матушки,
Да без любимых подружек,
Да без любимых, задушевных».
Да что Владимир речь говаривал,
Да Алексеич речь говаривал:
«Да ты не плачь, душа Маринушка,
Да ты не плачь, душа Егоровна:
У нас есть батюшка и матушка,
Да молодые есть молодухи,
Да будут все твои подруженьки,
Да будут твои задушевные».

№ 491

Во столовой новой горенке
На диване на бархатном
Тут сидел добрый молодец.
Он сидел, сам чесал кудри,
Со кудрями разговаривал:
«Уж вы кудерьцы, кудерьцы,
Уж вы русые, русые,
Прилегайте, русы кудерьцы,
Ко моему лицу белому,
Привыкай, красна девица,
К моему уму-разуму,

Ко обычаю молодецкому,
Ко понравьцу отецкому». —
Не успел речь окончить —
Красна девица в терем зашла.
«Ты иди, иди, барыня,
Ты плыви, лебедь белая,
Ты клонись, груша зеленая,
Ты лети, птица ласточка,
Ты гори, искра гранатная!» —
«Уж ты молодец, молодец!
Кабы я была барыня —
За мной были бы служаночки;
Кабы я лебедь белая —
Я плыла бы по синю морю;
Кабы я груша зеленая —
Я росла бы в зеленом саду;
Кабы я птичка ласточка —
Я летала бы по воздуху;
Кабы я искра гранатная —
Я была бы в золотом перстне
У молодца на правой руке».

№ 492

Что на горки, на горочки,
На горы на высокие,
На красе на великие,
Да во столовой новой горнице,
Да что на стуле красна дерева,
На подушке ала бархату,
Против зеркала хрустального,
Против чистого заморского
Добрый молодец чесал кудри,
Чесал кудри, приговаривал,
Чесал русы, принащелкивал:
«Уж вы, кудри, мои кудерцы,
Золотые, серебряные,
Через волос позолоченные,
Да кому, кудри, достанетесь чесать?»
Да доставались красной девице чесать.
«Ты, девица, перевей кудри,

Раскрасавица, русые,
Перевей кудри золотом,
Да унижи чистым серебром,
Усади скатным жемчугом
Через золото колечушко
Золотым веретешечком,
Позолоченной пяточкой».
Ответ держит девица,
Да отвечает красавица:
«Не твоя я теперь служечка,
Не тебя буду слушати —
Я служечка батюшкова,
Я служаночка брателкова.
Перевью я кудри золотом,
Унижу я чистым серебром
Через золото колечушко
Золотым веретешечком,
Позолоченной пяточкой».

№ 493

Вырастала предо мною белая березонька,
Прутья-листья проволочные,
А вершиночка жемчужная.
Охти я ли огляделасё,
Горе горькое осмотреласё:
То кака бела березонька
Тут стоит, стоит передо мною?
То Игнатьюшка да Савельевич
Со своим дорогим дарьем,
Со рублем да со полутором,
Да со гривною да со серебряною!
Ты на что даришь — проторишься,
Понапраслину теряешьсё,
Нонче годы-то тяжелые,
Нонче подати великие,
Самому бы пригодилосё.

№ 494

Перекадно красно солнышко
Закатилось за оболочко,
Закативши, затуманилось.

Перехожа красна девица,
Перешла она из комнаты,
Перешодцы, становилась,
Становивши, призадумалась,
Она горько прирасплакалась,
Во слезах да слово молвила:
«Государь ты мой, тятенька,
Государыня ты, маменька,
Нельзя ль думушку отдумати,
Мою свадебку оставить
До иного года нового,
Хоть до летечка до красного,
До весны ли до прохладной?» —
«Ты дитя ли наше дитятко,
Ты дитя ли наше милое,
Уж ты поздно спохватилась,
Не во время слово молвила,—
У нас записи записаны,
Зеленое вино выпито,
По рукам у нас ударено,
Про придано все рассказано».

№ 495

Расшаталась грушица,
Расшаталась зеленая
Не от ветра, не от вихорю,
Без осення часта дождичка.
Порасплакалась Прасковьюшка,
Порасплакалась Ивановна,
Перед батюшкой стоючи,
Перед матушкой плаючи.
Унимал ее батюшка,
Уговаривала матушка:
«Ты не плачь, не плачь, умница,
Ты не плачь, не плачь, разумница.
Мы тебя не в полон даем,
Мы тебя не полонить хотим.
Мы даем тебя за умного,
Мы даем тебя за разумного,
За Ивана Ивановича!»

ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

После просватанья много причитали, каждому надо причитнуть, да все разное. Невеста сидит на лавке и в ноги каждому пада, кто войдет, и причита (она невестит по-разному, бывает, дня два, а бывает, две недели)¹. Все дни «сговоренка» шила приданое, готовила подарки родне жениха, а подружки помогали ей собирать «короб» и пели песни.

«Кроильница накроит, невеста девкам и подает шить. Сядут кругом, а на середку поставят светилны (светец с лучиной). У светилна сядут и шьют, скамийк наставят и шьют! Платок у невесты приоткинут до гостей. Девки не в ежедѣнном, переволокаютце в праздниѣкое, а невеста всю недилу в одном»². «Пока шьешь, можно и петь, и играть, и веѣровать можно. Девки поют, парни с тальянкой»³. Обычно, чем веселее пели девушки, тем горше плакала невеста.

В целом ряде местностей России жених мог навещать свою невесту, привозил ей и подругам гостинцы (орехи, пряники). Вместе с женихом приходили и его друзья, смеялись, с шутками привязывали под окно невесты разукрашенную березку или елочку (в основном в деревнях южных районов). Невеста всех встречала причитанием, а подружки пели песни.

¹ Савушкина. С. 37.

^{2,3} Балашов-И. С. 47.

№ 496

Что во те... ох, во тереме,
Что, во но... ох, во новым
Сидит де... ох, девица,
Она шье... ох, шьет ковер,
Ковер зо... ох, золотом.
Недоши... ох, недошивши ковер,
Ковер бро... ох, бросила.
Да слезно пла... ох, плакала,
Думу ду... ох, думала:
«Да нельзя ли... ох, эту думу
Переду... ох, думати,
Меня мла... ох, младую,
Замуж не вы... ох, не выдайте?» —
«Ах ты, до... ох, доченька,
Да ты люби... ох, любимая!
У нас еди... ох, единый бог
Поцело... ох, поцелованный,
Да зелено... ох, у нас вино,
У нас повы... ох, повыпито,
Да по белым... ох, у нас рукам,
У нас уда... ох, ударено!»

№ 497

Я ходила, похаживала,
Да я гуляла, погуливала,
Да из терему в шатер зашла,
Из шатра — да в нову горницу.
Я брала да трои золоты ключи,
Открывала окованы сундуки,
Вынимала дорого сукно.
Я пошла, млада, по швецам:

«Уж вы, швецики, швецики мои,
Да мастера, люди покройщички,
Уж вы скройте-ко Ивану-то кафтан,
Да сошейте Андреевичу.
Да чтобы кафтан не долог был,
Да чтобы он не короток был,
По подолику — раструбистой,
По середке — пережимистой,
По подпазушкам — обжимистой,
Да чтобы лъзя да на добра коня вскочить,
Да хоробро да сесть, поехати —
Что ко тестю ко батюшки,
Что ко теще ко матушки,
Да ко шурьям ясным соколам,
Да ко сестрам белым лебедям».

№ 498

По сеням-сенечкам по батюшковым,
По чистым-широким по матушкиным
Да княгиня по сеням похаживала,
Чья же то по новым погулиwała,
Ино долго-недолго князь не бывал,
Долго-недолго Иван Васильевич не бывал.
Ино мало-помалу и князь на двор,
Князь на двор с родным батюшкой,
С родным батюшкой с любим гостем,
Со Иваном Николаевичем.
Еще конь у него петьдесят рублей,
Да седло у коня петьдесят рублей,
И узда на кони — третья петьдесят,
Да копье в руках — три деньги,
Три деньги, три деньги, три денежки.
Ткнул копьем в широки ворота,
Улетели ворота по новым по сеням,
По новым по сеням, по сеням матенкиным:
«Еще спит ли, живет ли княгиня моя,
Еще спит ли, живет да батьковна?
Она как спит, так разбудите ее,
А она как живет, так посылайте сюда».
У княгини-то матенка с ответом идет,

У батьковны кормилица ответ подает:
«Еще наша княгиня всю ночь не спала,
Да всю ночь не спала, да узду соткала,
Да узду соткала из семи шелков,
Из семи шелков, из восьми гарусов,
Повод высадила да чиста серебра,
Молодцу подала да во белы руки».

№ 499

Под часы, под часы
Да все под колоколы, все под колоколы
Ходили, будили, ходили, будили
Бояре все, бояре все, бояре все
Да молодого князя, молодого князя,
Князя Олексея, князя Олексея
Да Потапьевича, Потапьевича:
«Стань, пробудись, стань, пробудись,
Да и сам молод князь, молод князь!
По морю кораб, по морю кораб
Да с чистым серебром, чистым серебром,
По синю Хвалынску, по синю Хвалынску
Да с чистым серебром, с чистым серебром!»
Крепко спит, крепко спит, крепко спит
Да не пробудится, не пробудится
Молодой князь Олексей, молодой князь Олексей
Да Потапьевич, Потапьевич.
«Стань, пробудись, стань, пробудись,
Да сам молод князь, сам молод князь,
Олексей Потапьевич, да Потапьевич!
По морю кораб, по морю кораб
Да с красным золотом, да с красным золотом,
По синю Хвалынску, по синю Хвалынску
Да с красным золотом, да с красным золотом!»
Крепко спит, крепко спит,
Да не пробудится, не пробудится.
Под часы, под часы
Да все под колоколы, все под колоколы
Ходили, будили, ходили, будили
Бояре все его, бояре все его,
Бояре, бояре молодого князя,

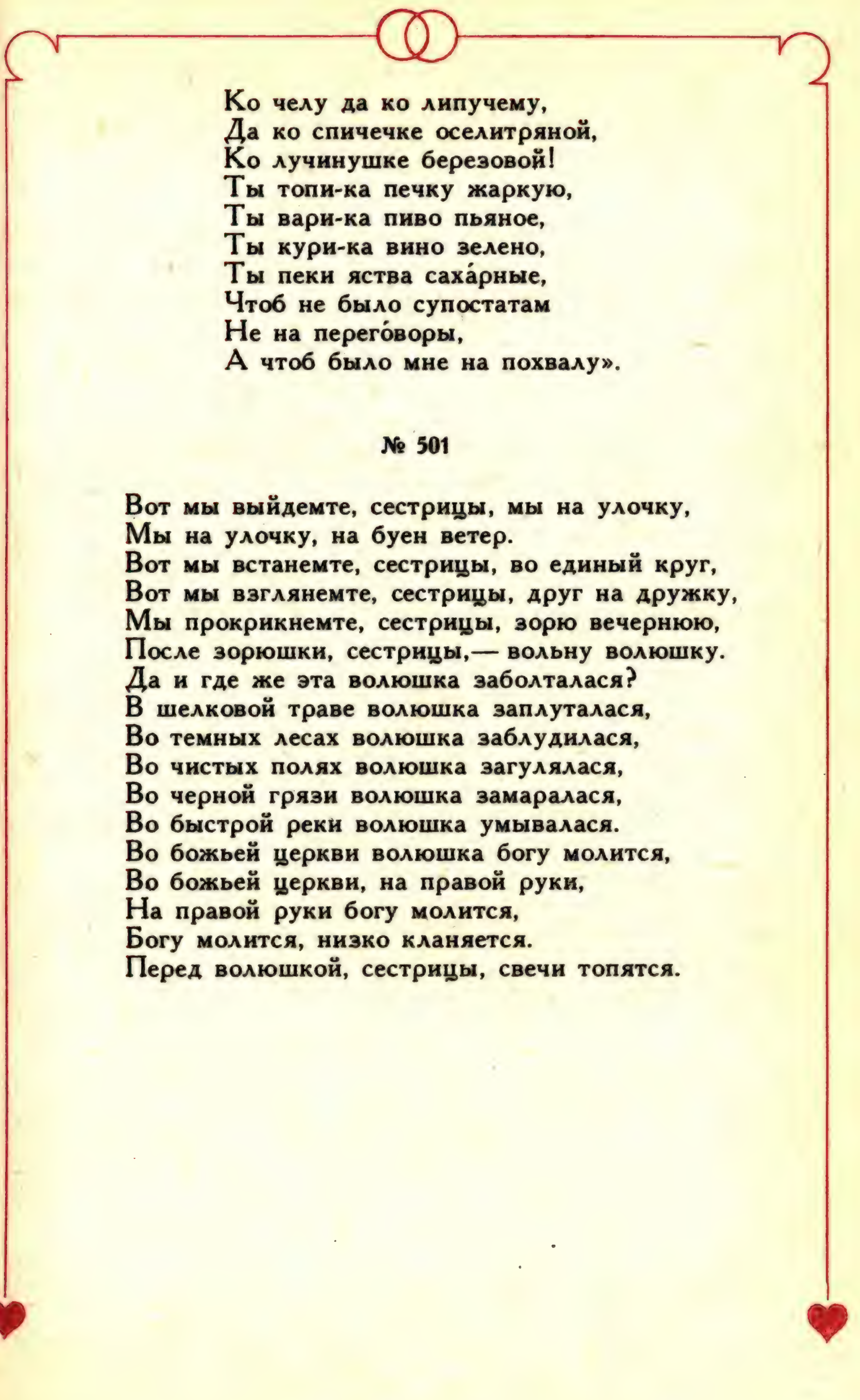

Бояре, бояре молодого князя,
Князя Олексея, князя Олексея
Да Потапьевича, Потапьевича:
«Пробудись, пробудись, сам молод князь!
По морю кораб, по морю кораб
Да с твоей суженой шел, да с твоей суженой шел,
По синю Хвалынску, по синю Хвалынску
С твоей суженой, с твоей суженой
С Марьей Александровной, с Марьей Александровной».
Скоро стал, скоро стал,
Да ворово побежал, да ворово побежал,
В синее море, в синее море
До колен забрел, до колен забрел,
До поясы, до поясы:
«Стой, постой, стой, постой,
Да моя сужена, да моя сужена,
Суженая Марья, суженая Марья
Александровна, Александровна!
Я для тебя, я для тебя да испотратился:
Пиво варил, пиво варил,
Да зелено вино курил, да зелено вино курил,
Хмелю брал, хмелю брал,
Да хмелевое платил, да хмелевое платил».

№ 500

Ой, петухи, петухи,
Ой, петухи троепёстрые,
Троепёстрые, да троеголосые,
Троеголосые, да троегребниё,
Не будите, не будите
Мою родиму матушку;
Я сама стану будить,
Сама стану гаркати:
«Ты вставай, вставай,
Моя родима матушка,
Ты вставай-ка, вставай,
Да пробудися!..
Умывайся ты белехонько,
Утирайся сухохонько,
Добывай огня сыпучего

Ко челу да ко липучему,
Да ко спичечке оселитряной,
Ко лучинушке березовой!
Ты топи-ка печку жаркую,
Ты вари-ка пиво пьяное,
Ты кури-ка вино зелено,
Ты пеки яства сахáрные,
Чтоб не было супостатам
Не на перего́воры,
А чтоб было мне на похвалу».

№ 501

Вот мы выйдемте, сестрицы, мы на улочку,
Мы на улочку, на буен ветер.
Вот мы встанемте, сестрицы, во единый круг,
Вот мы взглянемте, сестрицы, друг на дружку,
Мы прокрикнемте, сестрицы, зорю вечернюю,
После зорюшки, сестрицы, — волюну волюшку.
Да и где же эта волюшка заболталася?
В шелковой траве волюшка заплуталася,
Во темных лесах волюшка заблудилася,
Во чистых полях волюшка загулялася,
Во черной грязи волюшка замаралася,
Во быстрой реки волюшка умывалася.
Во божьей церкви волюшка богу молится,
Во божьей церкви, на правой руки,
На правой руки богу молится,
Богу молится, низко кланяется.
Перед волюшкой, сестрицы, свечи топятся.

ДЕВИЧНИК

Ро многих русских деревнях, особенно северных, перед девичником топили баню. «В доме невесты собираются гости. Как баня готова, невесту наряжают в рубашку длинную. Девки под руки ее держат <...> У невесты повязка бисерная хазовая на голове. Тут уж она повязку снимет и в руках ее держит. Приходит время ей косу расплести, а в косе иголка, колючки разные, спутана коса, веревками перевязана. Невеста просит зашить ей косу «бесчисленку» в шесть рядов, это чтоб труднее расплести. А кто иной зашьет с ниткой, хоть и не порато хорошо зашьет, все одно много волос вырвут»¹.

Покрытую «от сглаза» платком невесту вели в баню. Подруги «трепали веник и прутиками вершили дорогу. На венике и каждом прутике привязывались ленты. Вершат дорожку две девушки: одна с одной стороны, другая — с другой»². «Три-четыре девушки раздевались, мылись с невестой. Ребята толпились вокруг бани, некоторые залезали на крышу. Пели частушки, прибаутки. После бани невесту ведут домой. Невеста угощает девушек чаем и одаривает лентами. Ленточки снимают с веника. Одна из девушек заплетает сговоренке косу»³.

После бани «свадебницы» ожидали приезда «женихов». Приехавшие просили: «Выведите княгиню». «Вот ее и выведут на поветь под руки: невестка с одной стороны держит, сестра — с другой. Невеста одета, как богородица: сарафан, полушубочек, на руке шаль повешена, на плечах и на шее за лямками сарафана три плата, бусы висят, цепи светлы, серебряны, янтари, на руках браслеты, кольца, в ушах чушки серебряные, в перчатках цветных (в лавках куплены) — голыми руками не здороваются, на голове повязка, а вверх повязки венок золотой, из бисеринок. Женки ее держа, она стоит, глядит на жениха, не мигне. А жених тут и подойде, поздоровается, пласне её, дерне за косу: «Чья дочь?» Если жених строгий, так сильно дернет, больно, да тут

¹ Савушкина. С. 47.

^{2, 3} Шаповалова. С. 120. 121.

же и на ногу наступает (да и больно, до крови иной наступит), а потом, как невеста ответит: «Олексеевна!» — целует ее в губы, после на свое место отходит. В это время песню поют»¹.

Невесту одаривали, она угощала гостей, а после их отъезда прощалась с косой, которую снова расплетали, снимала «красную красоту» — девичью повязку, веночек, оплакивала украшенные лентами и свечами елочку, березку, которые подружки уносили из дома. Во многих местах невеста оставалась с распущенными волосами до самого венца.

Для жениха тоже устраивался последний вечер — парнишник (парневик, мальчишник, вечерок), на который собирались его друзья и родственники. Для жениха тоже топили баню, благословляли, опевали песнями. С парнишника жених с друзьями ездил к невесте на девичник и потом принимал у себя ее подруг с дарами (в северных деревнях существовал обычай «буженья жениха»).

Девичником и парневиком заканчивались предсвадебные обряды, наполненные песнями, величаниями, причитаниями.

---

¹ Савушкина. С. 52.

№ 502

Ты топись-ко, топись, баенка,
Да разгорися, нова каменка,
Да разгоритесь, сыры дрова,
Да что сыры дрова березовые!
Мы носили серы камешки,
Что со трех полёв со чистых.
Мы носили студену воду,
Что со трех ключей кипучих.
Мы ломали шелков веничек,
Что со трех берез кудрявых,
Чтоб обмыть-то красну красоту,
Что девичью вольну волюшку.

№ 503

Как от батюшкина крылечушка
И до банного крылечушка
Что протёк, пробёг
Да медвян ручей.
Как по тому медвяну ручью
Плавали белые лебедушки.
Они плавали да купались,
Крылышками заливались.
Как одна бела лебедушка,
Она не плавает, не купается,
Крылышками не заливается.
То душа ли красна девица,
То Анна Григорьевна.
Она пришла в баню париться
По мосткам да по калиновым
Со кумушками да со подруженьками.

На проезжей улочке
Тут стояла баёнка,
Земчужна камёнка,
Полки хрустальные,
Потолок — черной соболь.
Умывалась в баёнке
Молодая невеста.
Приходила к баёнке
Ейна крёсна матушка,
Приносила в баёнку
Троё платье цветное:
Перво платице —
После парной баёнки,
Друго платице —
Ко суду божью ехать
Со своим со сужо́ным.

Вот мы выйдемте, сестрицы,
Мы на божий свет, на буёр ветер,
На буёр ветер, на лютой мороз.
Вот мы скопимся, сестрицы, в одно местечко,
В одно местечко — во единый круг,
Понаправимте, сестрицы, звонки голоса,
Понадумаем, сестрицы, жалки причеты.
У старых старушек печки топятся,
А молоды молодицы за водой пошли,
А души красные девицы — головы чесать.
Только мне, доброй молоденькой,
Не своя-то вольная волюшка.
Куды, волюшка, подевалася?
Во темном лесу заблудилася,
В шелковой траве запуталася,
Во черной грязи замаралася,
Во быстрой реке умывалася.

«Вы, подруженьки, голубушки мои,
Заплетите мне русую косу
Во корню-то мне мелко-намелко;
Посередь моей русой косы
Вплетите гайтан шелковый,
По конец-то моей русой косы
Вы ввяжите ленту алую,
Вы запряте золотым замком,
И вы бросьте мои золотые ключи
Во матушку во быстрú реку».
Никита был рыболовщичком,
Ефимыч был рыболовщичком:
Он закинул невод шелковый,
Он от краю да до краю;
Он пымал эти зóлоты ключи.
Признавал он эти зóлоты ключи:
«Не от Вериной ли русой косы?» —
«Отопрет мою русу косу,
А меня за себя возьмет!»

Уж ты мать моя, матушка,
Ой ты моя сударыня!
Ты взойди, моя матушка,
Ты во мой во высок терём,
В мою новую горницу,
Во столовую светлицу;
Гей, ты сядь, моя матушка,
На мое на большó место,
Впереди под окошечком;
Погляди, моя матушка,
На мою на русу косу,
На девичью косыньку!
Уж не долго мне, матушка,
Во косе красоватися,
Во русой величатися!
От субботы до субботы,
До сговора-девичника,
До девичьего вечера.

Лей-полей, Волга-река,
Волга-река, во круты берега!
Побереги, родный батюшко,
Ты свою Федосью-душу!
Не долго Федосью-душú да лелеяти:
От утра, от утра да до вечера!
Сегодня у Федосьи-души да девíч вечер,
Завтра у Петровны поведённый день:
Поведут Федосью-душу ко суду божью,
Ко суду божью, ко злату венцу,
Страшно стоять, страшно стоять у суда божья!
От суда, суда божия — к чужу батюшку;
Ко чужому батюшку, ко неродному.
У суда божья голова болит,
Под златым венцом ноги ломаются!

Как у нас было при вечери,
При последнем часу вечера,
При поры было, при времячки,
При княгинином девичнике:
Были столики снаряжены,
Браным скатертям украшены.
Как за этим за дубовым за столом
Полный стол гостей насажено.
Все-то гости — красны девушки,
Не все девушки — молодушки,
Все покрытые головушки.
Все гостики веселые сидят,
Одна княгinyшка невесела:
Она мылася, чесалася,
Под венец златой справлялася,
Со всем девушкам прощалася:
«Вы прощайте-ка, подруженьки мои,
Я не на век с вам прощаюся,
С вам не на век разлучаюся,
Завтра в церкви обвенчаюся
И вернуся к вам не девушкой,
А вернуся к вам молодушкой,
Со покрытою головушкой!»

№ 510

Как при вечере, вечере,
При последнем часу́ времячке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;
Он садился на окошечко,
На серебряну решеточку,
На шелкову занавесочку.
Как увидела да ўзрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего!»—
«Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Красота с лица сменилася».

№ 511

Ай! Сборы, сборы Грушенькины!
Ай! Сборы, сборы Ивановнины!
Собирала подруг за свой стол,
Сажала подруг высоко,
Сама садилась выше всех,
Клонила голову ниже всех,
Думала думушку крепче всех:
«Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мне, пригадайте,
Как-то мне прийти ко свёкру,
Как-то мне назвать свёкра-та?
Мне свёкром назвать — осердится,
Мне батюшкой назвать — не хочется:
Убавлю я спеси и гордости,
Прибавлю ума-разума,
Назову свёкра батюшкой,
Лютую свекровь — матушкой;
Я с того худа не буду,

С белого лица не спаду,
С алых румян не ступлю,
С белых белил не сойду».

№ 512

Уж вы девки, наши девушки,
Уж вы девки, наши вы девушки,
Да вас много было насеяно,
Да вас много было-то насеяно —
Да вас немного уродилося,
Вас немного уродилося.
Да уродилось вас три поля,
Уродилося вас три поля:
Да как перво полё — краснянское,
Как первó полё — краснянское,
Да второе — крылошанское,
А второе — крылошанское,
Да уж как третьё полё — князёво.
Уж как третьё полё — князёво.
Между этих между трех полей,
Между этих между трех полей
Да тут рыдала красна девица-душа,
Тут рыдала красна девица-душа
Да по своей-то по русы она косы,
По своей-то по русы она косы:
«Да тебя завтра будёт, косынька,
Тебя завтра, будёт, русая,
Да расплетать будут подруженьки,
Расpletать будут подруженьки,
Да чесать будёт милая сестра,
Чесать будёт и то — милая сестра.
Примочи, родима матушка,
Примочи, родима матушка,
Что своим-то горючим слезам,
Что своим-то горючим слезам».
Примочила-приговаривала,
Примочила-приговаривала:
«Да уж ты, родно мое дитятко,
Да уж ты, родно мое дитятко,
Да ты пойдешь-то во чужи люди,
Да ты пойдешь-то во чужи люди —

Да держи голову покорнее,
Держи голову покорнее,
Да ретиво сердце отходнее,
Ретиво сердце отходнее
Да что свекрú да со свекровушкой,
Да что свекрú да со свекровушкой,
Деверьям-то со золовушкой,
Деверьям-то со золовушкой,
Что своёму-то другу милому,
Что своёму-то другу милому —
Да вот Незнаю-ту Незнамовичу,
Вот Незнаю-ту Незнамовичу».

№ 513

Вы цветы мои, цветики,
Вы цветочки лазоревы!
Вас немного было сеяно,
Что вас много уродилося?
Вы, души красны девицы!
Вас немного было в тереме,
Что вас много очутилося?
Из вас не было изменщицы
Души красная девица,
Свет Натальи Алексеевны;
Не хотела она замуж идти,
А хотела в монастырь пойти,
Нас, девиц, за собой вести:
Как одну из нас в ключницы,
А другую в варильщицы,
Еще третью на собор звонить.
Уж как ныне красная девица
Собирается замуж идти
За удалого добра молодца
За Григорья Матвеича.
На что душа прельстилася?
На что согласилася?
Что прельстилась красна девица,
Свет Наталья Алексеевна,
На орешки, на прянички,
На удала добра молодца,
Свет Григорья Матвеича.

№ 514

Не трубушка трубит рано по зари —
Аннушка плачет по русой косы,
Ивановна плачет по девичьей красы:
«Свет моя косынька, русая коса,
Вечер тебя, косынька, девушки плели
И золотом русую перевивали,
Жемчугом русую перенизали.
Как и бог судить Николы Ивановича:
Прислал ко мне сваху немилосливую,
Не милосливу, не жалосливу;
Взяла мою косыньку рвать, порывать,
Золото на косыньке все изорвала,
Жемчуг на русой весь рассыпала».

№ 515

Свет же мои подруженьки,
Свет вы мои голубушки,
Об чем я вам покучуся,
Об чем я поканаюся.
Идите-ка помалешеньку,
Ступайте-ка потихошеньку
Во пшеничное зернышко,
В конопляное семячко.
Я буду косе наказывать,
Своей хорошей девьей красоте:
«Наглядись-ко, моя руса коса,
На все четыре стороны,
И на лесоньки темные,
На гороньки высокие,
На солнышко красное
И на батюшко светел месяц,
На звездочки на частые.
Еще же, косынька, наглядись
На батюшков на высок терем,
На матушки светлу светлицу».

Кр́асота, дивья кр́асота,
 Да кр́асота ли да Марьяна!
 Да нам куда кр́асоту девать?
 Да мы возьмем, белы лебеди,
 Да во свои да белы рученьки,
 Да унесем дивью кр́асоту
 Да мы во чистое полюшко,
 Да во луга да во зеленые,
 Да во травы во шелковые!
 Да отойдем да и послушаем,
 Да не стонет ли мать сыра земля,
 Не плачет ли дивья кр́асота?
 Да она плачет, возрыдавает,
 Да на белы руки просится,
 Да на белые на Марьяны!
 Да вот и шли два-ти молодца
 Да со косами со булатными,
 Да подкосили дивью кр́асоту,
 Да ее резвые ноженьки!

На горушке вербинушка стояла,
 Стояла, стояла!
 Под вербинушкой дороженька лежала,
 Лежала, лежала!
 По дороженьке свет Валюшка бежала,
 Бежала, бежала!
 Сорвала она вербовую веточку,
 Веточку, веточку!
 Да бросила ее в быструю речушку,
 Речушку, речушку!
 «Да не тонет ли моя ветка на воде,
 На воде, на воде?
 Да не тужит ли мой батюшка обо мне,
 Обо мне, обо мне?
 Да не дали мне русу косу дорастить,
 Дорастить, дорастить!
 Да не дали мне ленту алую доносить,
 Доносить, доносить!» —

«Не горюй, Валюшка, у тебя сестра есть,
Сестра есть, сестра есть!
Она твою русу косу дорастит,
Дорастит, дорастит!
Она твою ленту алую доносит,
Доносит, доносит!»

№ 518

Уж ты, лента моя, ленточка,
Ты, ала лента, букетова,
Букетова, фиолетова.
Бывало, ты, ала ленточка,
Воскрашала ты русу косу,
Русу косу красной девицы,
Что и Марьи Ивановны.
А ныне ты, ала ленточка,
Воскрашаешь пухову шляпу,
Пухову шляпу доброго молодца,
Что Ивана Ефимовича.
Выходил Иван на улицу,
Что Ефимович на широку.
Его люди все спрашивали,
Все товарищи допрос берут:
«Еще кто тебя лентою дарил?» —
«Дарил меня тесть-от-батюшка,
Пожаловала теща-матушка,
Подносила красна девица,
Что и Марья Ивановна,
Подносила, слезно плакала
Не по батюшке, не по матушке,
По своей по русой косе:
«Уж ты свет, моя руса коса,
Руса коса не дорощена,
Ала лента не доношена».

№ 519

На солнечном всходе, на угреве
Да стоит белая береза кудревата,
Да мимо ту белú березу кудревату
Да туда нету ни пути нет, ни дорожки,

Да нет-то ни шíрокой, ни пешей, ни проезжой.
Да чтой-то серы́ гуси́ летят, да не гогочут,
Да бёлы лебеди летят, оне не кичут,
Да один млад соловей да распевает,
Да он-то над батюшков двор да надлетает,
Да он-то над матушкин высокий терем,
Да ище Аннушки надзолушку дает,
Да чтой-то Михайловны вестъ да подавает:
Да ище Аннушки у батюшка не жити,
Да во высоком терему да не сидети,
Да ее буйной головы да не чесати,
Да ее русой-от косы да не плетати,
Да алы ленточки в косы да не вплетати,
Да краснó-зóлотой повязки не носити,
Да ище быти ведъ Анны за Иваном,
Да быти батюшковой рабою,
Да быти (слыти) матушкиною снохою,
Да чтой-то Ивановой женой да молодою.
Да затем здравствуй, Иван да ведъ с Анной,
Да проздравляем, Алексáндрович с Михайловной!

№ 520

Во саду, во садике в моем
Белая лебедушка кликала,
В тереме Катеринушка плакала,
Жалобно своему батюшке говóрит:
«Бог судит родимому батюшке!
Мóлоду в чужи люди отдают!
Останется зеленый сад без меня,
Завянут все съветики во саду,
Завянут все алые в зеленóм!
Аленький мой, беленький цветочек,
Розовый, лазоревый василечек!
Кому будет мои съветы поливать?
Встань, вставай, мой батюшко, ранёнько,
Поливай мои съветы частёнько
Свежею ключёвою водою,
Сверх того горючими слезами».

А во новой во горенке столы стоят,
 Столы стоят!
 Посеред белой свѣтлицы — дубовые,
 Дубовые!
 На столах-то скатерти браные,
 На скатертях гусельцы звончистые,
 У гусель-то струны-то серебряные,
 Играл в гусельцы Иван-то молодец,
 Играл во гусельцы Васильевич.
 Подошѣдцы Марьюшка послушати,
 Отошла Ивановна — заплакала.
 Навстречу-то Марьюшке батюшка родной:
 «Об чем, мое дитятко, расплакалося,
 Об чем, мое родно, раскручинилося?» —
 «Как же мне-ко, батюшка, не плакати?
 У Ивана гусельцы неладно говорят —
 Велено-ка свекра-то батюшкой назвать». —
 «От горя, от нужды — хоть «батюшка»,
 От большой кручинушки — хоть «батюшка родной».
 Во новой во горенке столы стоят,
 Посередь-то свѣтлицы — дубовые,
 На столах-то скатерти браные,
 На скатертях гусельцы звончистые,
 У гусель-то струны-те серебряные,
 Играе во гусельцы Иван-то молодец,
 Играе во гусельцы Васильевич.
 Подошѣдцы Марьюшка послушати,
 Отошла Ивановна — заплакала.
 Навстречу ей, Марьюшке, матушка родна:
 «Об чем, мое дитятко, расплакалося,
 О чем, мое родно, раскручинилося?» —
 «Как же мне-то, матушка, не плакати?
 У Ивана гусельцы неладно говорят —
 Велено Ивана-то Иваном назвать». —
 «От горя, от нѹжды — «Иван-то молодец»,
 От большой кручинушки — «Васильевич!»

Да над речушкой рябинушка стояла,
 Под рябиной кленова доска лежала.
 Как на этой да дощечке Прасковьюшка стояла,
 Тонки белы рубашоночки мывала,
 Тонки белы рубашоночки льняные.
 А по бережку Иванушка гуляе,
 Он за утками, за лебедками стреляе,
 Что ни раз стрельне — то в лебедь попадае.
 Что у лебеда под крылышком лебедка,
 У сизого, у косатого под правым.
 У Иванушки Прасковьюшка на ручке,
 Под бочком Егоровна под правым.
 Еще с гор-горы метелица сметает,
 Со другой горы не сват ли соезжает?
 Шапку снял, коня унял, послушал:
 Не кукует ли в темном лесе кукушка?
 Не свищут ли в зеленом саду солóвьи!
 Ему чайало — кукушечка кукует,
 Ажно в горнице Прасковьюшка рыдае.
 Порыдай, порыдай, Прасковьюшка, немножко,
 Да день, да ночь до белого светочка!

Как у месяца звезды нету-тка,
 Ой ли, ой люли, звезды нету-тка.
 В светлой горнице парня нету-тка,
 Ой ли, ой люли, парня нету-тка.
 Он пошел гулять, наказал сестре,
 Ой ли, ой люли, наказал сестре:
 «Сестра милая, подметай полы,
 Ой ли, ой люли, подметай полы,
 Подметай полы, станови столы,
 Ой ли, ой люли, станови столы,
 Станови столы, стели скатерти,
 Ой ли, ой люли, стели скатерти.
 Я хочу, хочу (да) жениться,
 Ой ли, ой люли, (да) жениться,
 Я беру, беру у крестьянина,
 Ой ли, ой люли, у крестьянина,

У крестьянина, у богатого,
Ой ли, ой люли, у богатого,
Ой ли, ой люли, свет Петровича,
У него есть дочь красавица,
Ой ли, ой люли, красавица,
Все Мария-то свет Ивановна,
Ой ли, ой люли, свет Ивановна».

№ 524

Пропадает этот перстенок, перстенок,
Что у Марьюшки пропал со руки, со руки,
У Ивановны со правой, со правой.
Очутился этот перстенок, перстенок
У Ивана было на руке, на руке,
У Иваныча было на правой, на правой.
Что Иван-то стоит на горе, на горе,
Что и Марьюшка-то под горой, под горой,
У Ивана-то просит перстенок, перстенок:
«Ты, Иванушка, мне отдай, мне отдай,
Свет Иванович, его не держи, не держи». —
«А ты, Марьюшка, его не проси, не проси.
Я тогда тебе отдам, да отдам,
Когда будешь у нас во дому, во дому,
Моему тятеньке ты снохой, да снохой,
Моей маменьке ты слугой, да слугой,
А мне, молодцу, ты женой, да женой».

№ 525

Круг шатра белого, полотняного
Розаны Хавроньюшка рассаживала,
Часто в шатер в бел, полотнян заглядывала.
В том шатре в белом, в полотняном,
В том шатре спал-почивал Кузьма Иваныч.
Кличет себе, покликает себе еще Хавроньюшку:
«Душечка Хавроньюшка, подь ко мне во шатер,
Душечка Никитишна, подь в бел, полотнян». —
«Я не иду, не хочу я к тебе в шатер:
Слышала я, люди сказывали,
Сказывали — твой отец гордой». —
«Душечка Хавроньюшка, будь сама добра,

Сердце мое, Никитишна, добро ласковая,
Держи голову поклонливу, ретивое сердце покорное,
Будет, Хавроньюшка, мой отец доброй».

№ 526

Что на горочке деревцо,
Да деревцо кипаризное,
Да деревцо кипаризное.
Да что за этим за деревцом,
Что за этим за деревцом,
Да деревцом кипаризненьким
Да тут крылась, хоронилась
Да душа красна девица,
А душа красная девица,
Да именем изотчеством
Да что Ирина Михайловна.
Она сама похваляется
Да что словами похвальными,
Что словами похвальными,
Да словесами поносными,
Словесами поносными
Да красотой девичею:
«Никому меня не вывести,
Никому меня не вывести
Да из-за этого деревца,
Из-за этого деревца,
Да деревца кипаризного».
Тогда выискался таков молодец,
Выискался таков молодец,
Да именем изотчеством
Да свет Иван Тимофеевич,
Свет Иван Тимофеевич,
Да он сам тебя выведет.
«Уж я сам тебя выведу
Из-за этого деревца».

№ 527

Хто в зеленóm саду моем был,
Соловьино гнездушко разорил,
Всех моих соловьюшек разогнал,

Любиму соловьюшку с собой взял?
Как растужится батюшко,
Разгорюется родимый мой:
«Кто у меня в доме был,
Конем у ворот шурмовал,
Дубовы вереюшки расшатал,
Широ́ки воротечки растворял,
Смело во терем поступал,
Во тереме девушек разогнал,
Любимую девушку с собою взял,
Любимую девушку Оксиньюшку?»
Как возговорит Глеб-господин,
Как возговорит Карпович:
«Не прогневайся, батюшко!
Я у тебя, я в доме был,
Конем у ворот шурмовал,
Дубовы вереюшки расшатал,
Широки воротечки растворял,
Смело во терем поступал,
Во тереме девушек разогнал,
Любимую девушку с собой взял,
Любиму девушку Оксиньюшку,
Невесту любимую Степановну».

№ 528

Хвалился свет Иван-то князь,
Хвалился Александрович
Сам своею сторонушкою,
Сам своею любимою:
«В путь поди, Анна-душа,
В путь поди, Михайловна,
На Иванову сторонушку,
На Александровича любимую:
На Ивановой сторонушке,
На Александровича любимыя
Берега-то садовые,
А вода-то медовая;
Свекор — что батюшка,
А свекровушка — что матушка,
Деверья — что братички,
А золовушки — что сёстрицы!»

Как пришла, пришла Анна-душа,
Как пришла, пришла Михайловна
На Иванову сторонушку,
На Александровича любимую:
На Ивановой сторонушке,
На Александровича любимыя
Берега-то песчаные,
А вода-то Селигерская,
Свекор — не батюшка,
А свекровушка — не матушка;
Деверья — не братички,
А золовушки — не сестрицы.

№ 529

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходил-то к ней батюшка,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Татьянушка,
Во новой Ивановна.
Приходила к ней матушка,
И она звала ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянушка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Нейду я, не слушаю:
Ночь темная, не месячна,
Реки быстры, перевозу нет,
Леса темны, караулов нет».
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Татьянушка,

Во новой Ивановна.
Приходил-то к ней Василий,
Приходил-то к ней Николаевич,
И он звал ее с собой домой:
«Ты пойдем, Татьянашка, домой,
Ты пойдем, Ивановна, домой». —
«Иду я, сударь, слушаюсь:
Ночь светла и месячна,
Реки быстры, перевозки есть,
Леса тёмны, караулы есть».

№ 530

Из-за лесу, лесику,
Из-за лесу темного,
Темного, дремучего,
Из-за лесу конь бежит,
Конь бежит, земля дрожит,
На земле трава шумит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелою молодёц бежит;
У ворот стоит девица,
У широких — красная.
«Красна девица, переймѣ мого коня!» —
«Захочу, сударь, перейму,
Не хочу — не послушаю:
Не твоя я работница,
Не твоя послужебница.
Я работница батюшке,
Послужебница родимому».
Из-за лесу, лесику,
Из-за лесу темного,
Темного, дремучего,
Из-за лесу конь бежит,
Конь бежит, земля дрожит,
На земле трава шумит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелою молодёц бежит;
У ворот стоит девица,
У широких — красная.

«Красна девица, перейми мого коня!»—
«Захочу, сударь, перейму,
Не хочу — не послушаю:
Не твоя я работница,
Не твоя послужебница,
Я работница матушке,
Послужебница родимыя».
Из-за лесу, лесику,
Из-за лесу темного,
Темного, дремучего,
Из-за лесу конь бежит,
Конь бежит, земля дрожит,
На земле трава шумит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит,
За стрелою молодец бежит;
У ворот стоит девица,
У широких — красная.
«Красна девица, перейми мого коня!»—
«Я теперь, сударь, перейму,
И теперь я послушаю:
Теперь ваша работница,
Теперь ваша послужебница!»

№ 531

И как вился хмель по болоту,
По болоту, душа, по болоту!
И привился хмель ко воротам,
Ко воротам, душа, ко воротам!
И как просился хмель ко ночлегу,
Ко ночлегу, душа, ко ночлегу!
И у кого же наш двор просторный,
Просторный, душа, просторный!
У Борюшки двор просторный,
Просторный, душа, просторный!
Его хозяйюшка молодая,
Молодая, душа, молодая!
Как клюквинка моховая,
Моховая, душа, моховая!
И брусничинка боровая,
Боровая, душа, боровая!

№ 532

«Береза белая,
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?» —
«Я туда клонюсь,
Туда поклоняюсь,
Куда ветер повеет». —
«Княгиня-душенька!
Куда ты ладишься?» —
«Туда я лажуся,
Куда батюшко отдаёт
С родимой матушкой».

№ 533

Малешенька птичка пташка
Садилась на ракиту;
Хотела она, хотела она
Ракиту поломить;
Не поломила, не поломила,
Только наклонила.
Умнешенька девица
За столом сидела;
Хотела она, хотела она
Батюшку взвеселить;
Не взвеселила, не взвеселила,
Только прослезилась.

№ 534

Солнушко катилось ко западу,
Красное катилось ко тёмному;
Светёл месяц на востоке,
Он светит, не померкнет:
Кидает лучи яркие
Ко Матренушке во высок терём,
Ко Дементьевне в изукрашенной.
Приезжали князя, бояра
Ко Дементью на широкий двор,
Входили в светлую светличку,
Они богу молилися,
Хозяину чинно кланялися,

Все рядом садились;
Одно местечко оставили,
Впереди под иконами;
Звали к себе, выкликали,
Выкликали красную девицу,
Матренушку-душу Дементьевну:
«Ты выдь, душа Матренушка,
Ты выдь к нам, свет Дементьевна!
Покажи нам лицо свое белое,
Покажи нам свое лицо румяное!
Для тебя ли мы нароком приехали,
Для тебя ли мы и местечко оставили:
Ты сядь, сядь с добрым молодцем,
С добрым молодцем, твоим суженым,
С твоим суженым, с твоим ряженым,
Трифоном Пафнутьевичем,
Под святыми иконами под божьею милостию!
Тебе завтра с ним обручатся,
Золотым кольцом меняться,
Золотым венцом венчатся.
Век тебе с ним не расстатися!»

№ 535

Как по небу да по ясному
Сизый селезень летел,
Сизый селезень летел
Да во синё море глядел,
Да во синё море глядел,
Он глядел на лебедушку.
Он глядел на лебедушку,
Что во синём море плавала,
Что во синём море плавала
Под крылом отца да матушки.
«Ой ты, матушка-голубушка,
Ой да ты, мой родный батюшка,
Ой да ты, мой родный батюшка,
Не гоните вы лебедушку,
Не гоните вы лебедушку
Из родимого-то гнездышка.
Там во небе сизый селезень,
Он сгубит вашу лебедушку,

Он сгубит вашу лебедушку —
Ваше дитятко родимое».

№ 536

Княгиня, княгинюшка,
Дорогая гостюшка,
Золотая метелушка,
Намела, повымела
Везде с подлавочек,
Вымела горностаюшку,
Горностаюшку белого.
Посадила на ручушку,
Понесла к родному батюшке:
«Государь, родимый батюшка,
Что это за зверюшечка?» —
«Мое милое дитятко,
Ты неси к родимой матушке:
Твоя матушка с чужих людей —
Она знает зверюшечку». —
«Сударыня матушка,
Что это за зверюшечка?» —
«Мое милое дитятко,
Это не зверюшечка,
Это не зверюшечка —
Вечная разлучушка».

№ 537

Что не низко, не высоко,
Что не близко, не далеко
Соловей гнездо завивает,
Молодой гнездо завивает.
Что Иван дочь выдавает,
Свет и Павлович выдавает
За удалого доброго молодца,
Что за Федора Ивановича.
Что и Машенька по горнице ходила,
Свет Ивановна по дому гуляла,
Тиху нежну речь говорила:
«Соложися, соложися,
Золотая цепь с пробою,
Растворися, растворися,
Кленовая дверь, с порогу,

Распахнися, распахнися,
Тонкий браный. положечек,
Тонкий браный, полотняный!
Пробудися, пробудися,
Моя маменька родная!
Моя маменька родная!
Мне не год у вас годувати,
Не неделюшку гостити —
Одну ночку ночевати
И то всю ее не спати,
А все думати, гадати:
Как мне с маменькой расстаться,
Со подружками прощаться,
В цветно платье наряжаться?
В цветно платье наряжаться,
Ко злату венцу сбираться?
Ко злату венцу сбираться,
Мне в кареточку садиться?
Мне в кареточку садиться,
Вдоль по улице катиться,
Вдоль по улице катиться?»
Ямщички-то молодые,
Молодые, холостые,
Ямщикам-то говорила,
Ямщикам-то говорила:
«Вы пызжайте потихоньку,
Потихоньку, полегоньку,
Дайте мне, молодой, послушать,
Где кукушечка кукует,
Где кукушечка кукует».
Не кукушечка кукует —
По мне маменька горюет.
По мне маменька горюет,
Во горнице ходит, плачет,
Во горнице ходит, плачет,
Ходит, плачет, причитает,
Причитает, величает:
«Ты не плачь-ка, моя умная,
Ты не плачь, моя разумная,
Мы не одну тебя проводим:
Мы проводим тебя с провожатым,
С провожатыми, со сватами».

А все свахоньки разойдутся,
Поезжане все разъедутся,
Поезжане все разъедутся,
Одну, горькую, спокинут,
Одну, горькую, спокинут
Со удалым добрым молодцем,
С Николаем-то Иванычем!

№ 538

Две реки сотекалися —
Две свахи соезжались,
Думали думу над русой косой:
«Как нам расплесть русу косу,
Как разложить косу надвое?» —
«Постойте вы, свахи гордые,
Дайте мне посидеть у батюшки,
У родимой моей матушки,
Дайте поучиться, как домом жить,
Домом жить — много надобно».

№ 539

Не вода ли да меня пónяла?
Не вода ли да больша вешняя?
Что не горы ли меня óблегли?
Не леса ли да меня óбросли?
Я сама, млада, знаю-ведаю,
Молодешенька, догадаюся
Я своим-то да молодым умом:
То кака же да вода вешняя
Среди да зимы студеныя?
Это пónяли меня горючи слезы.
То каки же да леса темные? —
Обступили да люди добрые
С чужой-то дальнóй сторонушки,
Со злодейки да незнакомыя.
То каки же да горы высоки? —
Облегла же тоска-кручинушка
Вкруг моего же да ретива сердца.
Я спрошу тебя, родной батюшка
И родимая моя матушка,
Кто у вас были: гости торговые?
Аль с синя́ моря корабельщички?

Торговал мне родимой батюшка
На мои-то да могучи плеча
Он мне шубу да соболиную;
Торговала мне родна матушка
Во мои-то да во чутки уши
Она серги мне да жемчужные;
Торговала мне крестна матушка
На мое-то да ретивó сердце
Чуден крестик да со цепочкою;
Торговал мне да братец миленькой
На мои-то да резвы ноженьки
Мне он чеботы да сафьянные;
Торговала мне родна сестрица
На мою же да буйну голову
Мне венок же и с пелепелками.
Я сама, млада, знаю-ведаю,
Я, младешенька, догадаюсь
Я своим-то да молодым умом:
То кака шуба да соболиная? —
На чужой-то да дальней стороне
Мне работушка будет тяжкая.
То каки серги да жемчужные? —
На чужой-то да дальней стороне
Поношеньице да будет великое.
То какой же да крест с цепочкою! —
На чужой-то да дальней стороне
Нападут же да на мое сердце
Зла печаль-тоска со кручинушкой.
То каки же да новы чеботы? —
На чужой-то да дальней стороне
Мне работушка будет тяжкая.
То какой венок с пелепелками? —
На чужой-то да дальней стороне
Будут все меня всё журить-бранить.

№ 540

Ты прощай, прощай, подруженька,
Да ты прощай, наша голубушка,
Да мы не будем больше к вам ходить,
Мы не будем больше троп тропить.
Да зарастет наша тропинушка,

○○

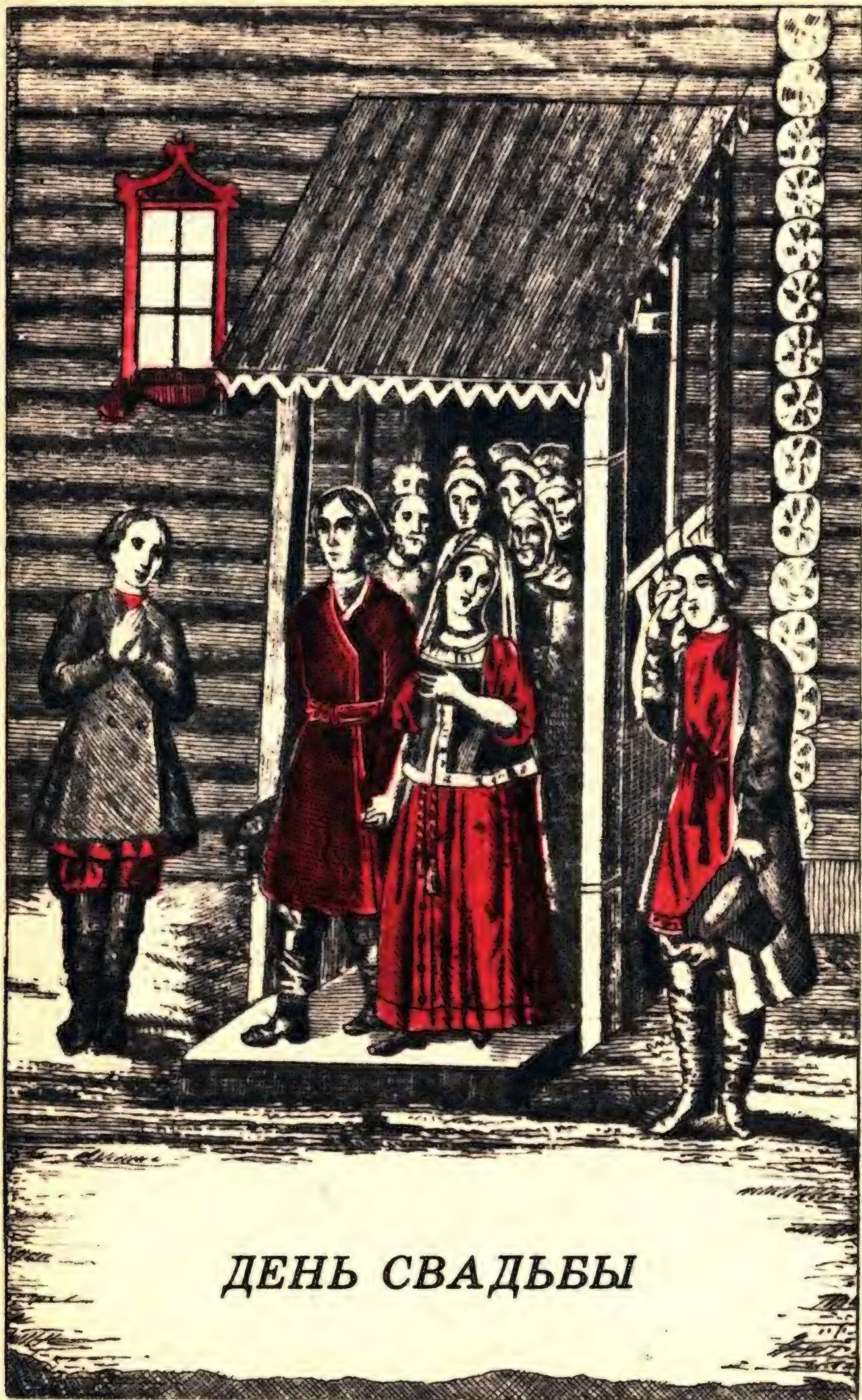
Зарастет наша тропинушка
Да частым ельничком, березничком,
Частым ельничком, березничком,
Да раскудрявым орешничком,
Раскудрявым орешничком!
Да погости-ка, гостья милая,
Погости-ка, гостья милая!
«Да я бы рада бы погостила,
Я бы рада бы погостила,
Да не стоят кони вороные,
Не стоят кони вороные,
Да не едят травы шелковые,
Не едят травы шелковые,
Да они рвутся с широка двора,
Они рвутся с широка двора,
Да с широка двора на улицу,
С широка двора на улицу,
Да во село-то ли во Федоровско,
Во село-то ли во Федоровско,
Да во деревню-то Григорце,
Во деревню-то Григорце,
Да ко Ивану-то Иванычу!»

№ 541

Кони вы, кони,
Лошади казенны!
Завтра вас, кони,
Конюхам на нужду,
Боярам на службу.
Пойте их, кормите,
Сена валите,
Сена до колена,
Овса — до щетки.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ДО ВЕНЧАНИЯ

Утром в доме жениха собирались родственники и соседи, приезжали «поезжане» на нарядно убранных полотенцами, лентами, цветами подводах (их должно было быть не меньше трех, бывало же и более тридцати). Поезжан угощали; жениха благословляли родители под пение песен. Дружку опоясывали полотенцем, вручали кнут, хлеб и образ — и он становился распорядителем дальнейших действий. Под благословение родителей жениха — «Бог благословит на добрые дела» — все поезжане во главе с дружкой выходили из дому и рассаживались в сани, как правило, в таком порядке: дружки с поддружьем — на первые, жених с тысяцким — на вторые, далее большой и меньший бояре, свахи, остальные поезжане. Жених никогда не ездил на первой лошади. Поезду по дороге устраивали «заломы» (перегораживали путь жердями, поленьями), требуя выкупа, зажигали костры, стреляли из ружей, а свахи разбрасывали по пути льняное семя.

В некоторых деревнях жених шел сразу в церковь, а за невестой отправлялся дружка с поддружьем.

Утро в доме невесты начиналось с буженья невесты причитаниями. В ответ она рассказывала «сны», причитая долго и горестно. После причети начинались сборы к встрече свадебного поезда: девушки помогали невесте одеться, пели песни, иногда в этот момент расплетали ее косу, заплетенную в последний раз по-девичьи вечером на девичнике (обряд расплетения и заплетения косы по времени исполнения бывал различным даже в соседних деревнях). Нарядив невесту в подвенечное платье, приготовив большой платок, чтобы закрыть ее от глаз жениха, они уходили домой нарядиться к встрече «поезда».

До приезда жениха невесту благословляли: она опускалась коленями на расстеленную мехом вверх шубу, и родители трижды по солнцу обносили икону и хлеб над головой.

Узнав, что свадебники подъезжают к дому, невесту покрывали платком и сажали за стол (иногда платок приоткрывали, показывая невесту жениху и поезжанам, а иной раз жених должен был узнать невесту

среди девушек, тоже покрытых платками; бывало, что платком покрывали какую-либо старуху, и присутствующие осыпали жениха насмешками, если он ошибался и, не дай бог, указывал на старуху).

Встреча поезда жениха превращалась в целый спектакль. Родственники невесты «заламывали» ворота, закрывали двери, и дружке приходилось долго стучаться кнутом, делать вид, что он ломает ворота и силой врывается во двор. Дружке загадывали загадки, он их отгадывал, проявляя смекалку; сам произносил различные приговоры и после долгих препирательств вводил своих поезжан в избу.

«Невеста за столом на лавке. Посадят двух девушек небольших, годов по восьми, на подушки. Дружки говорят: «Дайте нам невесту!» Девушки говорят: «Выкупите!» Надо купить невесту и подушки. Вот они дают им денег, коды два рубля, коды сколько»¹. Выкупали и косу невесты, и место за столом. Потом «невесту и жениха садят за стол на шубу, они берут правую руку друг друга<...> Затем вместе жениха и невесту благословляют невестины родители»².

В доме и во дворе совершались многочисленные оберегательные обряды: сваха разметала веником дорогу, дружка окрещивал путь кнутом, «поезд» обрызгивали водой, тщательно осматривали сани — нет ли «порчи»: клочьев собачьей шерсти, стручков гороха, сломанных иголок. «Выведут жениха с невестой во двор, тут уж все повозники (деверь, родня женихова) ехать готовятся. Жених невесту сам должен в сани или тарантас посадить. Летом на тарантас высоко поднимать надо, а подыме <...> ядреный, да и она поможе, сцепится за верхушку тарантаса-то. А то если мужик скудненькой какой, дак если не пособлять, где ж поднять таку бабу! А зимой на пошевни — не хитро посадить!»³. К венцу жених и невеста ехали в разных санях, но жених всегда впереди. Вслед отъезжающим во многих северных деревнях бросали снег, лили воду (для удачи), а невеста выбрасывала свой «слезяной» платочек.

По пути в церковь сани с невестой нередко сворачивали в сторону, и жениху приходилось догонять невесту. Существовал и обычай останавливать весь поезд за околицей, и дружка возвращался в дом невесты, приглашая ее родителей на «княжой стол». За это его одаривали полотенцем, кистами, поясами. Родители невесты, как правило, на «княжом столе» не присутствовали.

Свадебный поезд по пути в церковь еще не раз останавливался перед заломами, и дружка со свахами откупались угощением.

^{1, 2} Шаповалова. С. 205, 209.

³ Савушкина. С. 74.

Обычно после отъезда «поезда» замужние родственницы невесты (числяне, постельницы) на нарядных санях везли в дом жениха приданое невесты: украшенные рукоделием невесты сундуки, постель, домашнюю утварь. С приговорами приданое вручали родителям жениха, развешивали его по избе, чтобы все оценили искусство невесты. В сундуки с приданым для оберега и богатства клали чеснок, овес, рожь, льняное семя, янтарь.

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ В ДОМЕ ЖЕНИХА

№ 542

Володимира матушка
Во воскресенье спорóдила,
В воскресенску заутреню,
Чтоб скорó его возрóстила,
По головушке гладила,
Ума-разума учила:
«Ты будь, мое дитятко,
Будь счастли́вый, талáнливый,
К добрым лю́дям приветливый,
Ко невестам будь сча́сливый.
Ты задумаешь жениться,
Ты поедешь ко тестю в дом
И ко тещеньке к матушке;
Ты въедешь на широкий двор,
Не пущай коня по́ двору,
Ты отдай коня конюху,
Молодому придворничку,
Чтоб свел на конюшен двор,
Накормил бы пшеницею,
Напоил бы сити́цею.
Ты взойдешь во новы́ сени,
Не клади просто плеточку,
Ты повесь ее на гвоздичек;
Ты взойдешь в нову горницу,
Скидавай пухову́ шляпу,
Ты немного богу мо́лися,
Ты не низко тестю кланяйся,
Ты пониже — теще матушке,
По поклону — красным девушкам:
Узнавай свою суженую;
Твоя суженая снаряжена,
Выше всех она посажена,
Пуще всех припечаливши».

№ 543

Не тесан терем, не скоблен,
Только хорошо украшен,
Всякими разными красками.
Не учен Яким, не учен,
Не учен Климович, не учен,
Только хорошо снаряжен.
Шелкова ниточка к стенке льнет,
Яким батюшке челом бьет,
Климович родному кланяется:
«Благослови, батюшка, жениться.
Уж есть у меня корона,
Написана на ней разлука —
Разлучить Агафью с батюшкой,
Разлучить Ефремовну с родным,
С родимой с ее матушкой».

№ 544

Ой, у Ивана-то хоромы хороши,
Да у Васильевича крашеные.
Вот лёль лелю-лелю-лелю,
У Васильевича крашеные.
У Васильевича крашеные,
На дворе-то столбы точеные.
Вот лёль лелю-лелю-лелю,
На дворе-то столбы точеные.
На дворе-то столбы точеные,
Вереи-те позолоченные,
Подворотенка серебряная,
Среди-то двора камешек лежит.
Среди-то двора камешек лежит,
Из-под камешка реченька бежит,
Что по реченьке суденышко идет,
На суденышке немножко людей,
По моёму счету — семь человек,
А восьмой — кашевар кашу варил,
А девятый — пивовар пиво варил,
А десятый — удалой молодец,
По суденышку похаживает,
Калену стрелу наряживает:

«Ты лети, лети, каленая стрела,
Выше лесу по поднебесью,
Ты убей, убей, каленая стрела,
Серу птицу на Паузе-реке,
Раскрасавицу в высоком терему.
Сера утица — веста моя,
Раскрасавица — невеста моя,
Набеленная, намазанная,
Целоваться приказанная».

№ 545

Что не винная река протекла,
Что не винная, не сахарная,
Она все города прошла,
Что Казань-город, Астрахань,
Что Сибирь-город, богатую Москву.
Как по той по винной по реке
Тут бежит-плывет суденышко,
На суденышке хозяин молодой,
Удалый добрый молодец,
Свет Петр Алексеич-сударь.
Он по суденышку похаживает,
Он работничков наряживает:
«Вы, работнички, работнички мои,
Вы, работнички, удалые молодцы!
Пригребайтесь ко крутому берегу,
Ко желту мелку сыпучему песку,
Опускайте в воду якорь;
Уж мы выйдем на зеленый на лужок,
Мы раскинем бел полотняный шатер,
Мы расставим белодубовы столы,
Мы расстелем гранетуровый платок,
Мы разрежем бел круписчатый калач,
Станем девушек приманивать!»
Не где взялась красная девица,
Свет Лизавета Васильевна.
«Тебе бог помощь, удалый молодец!
Я пришла к тебе не шатричка смотреть,
Не калачика кушати,
Я пришла к тебе во карточки играть».

Она играла день одиннадцать часов,
Проигралась красная девица-душа,
Проиграла свою русую косу
Со алыми со ленточками.
Проигрался удалый молодец,
Свет Осип Антоныч-сударь,
Проиграл свои карманные часы
Со цепочкой серебряною,
Того больше он выиграл —
Душу красную девицу
Свет Лизавету Васильевну.

№ 546

Перед воротам-то озеро,
Перед широким рóзливши.
На этом на озере остров,
На этом на острове кустышек,
На этом на кустышке прутышек,
На этом на прутышке кáлина,
На этой на калины малина,
На этой на малины соловей сиди.
Ехал тут Василий с поездом,
Ехал тут Иванович с бóльшим.
Стенул он по соловью плеточкой:
«Не сиди, соловьюшка, полети,
Доставай Марьюшку в терему,
Доставай Степановну в высоком;
Чтобы Марьюшка не спала,
Чтоб Степановна не дремала,
Шила бы платочки-то золотом,
Выводила круги чистым серебром,
Дарила бы Василья-то с поездом,
Дарила бы Ивановича с большаим».

№ 547

Соловей, мой соловей,
Ай люли, соловей,
Залетная пташечка!
Где летел-полётывал?

По чистому полюшку,
Из садика во садок,
Из терема в теремок,
На красные вишенья,
На черну смородину.
Он и к Марье под окно,
К Степановной под высокó:
«Ты и Марья, отвори,
Степановна, отшани!» —
«Я бы рада отворить, —
Бóюсь-бóюсь батеньки,
Упасаюсь маменьки».
Николай-то рассердился,
Иванович рассердился,
С-под окошка воротился.
Как и Марья всплакнула,
Степановна вскрикнула:
«Николай, ты воротисе,
Иванович, оглянисе!» —
«Я бы рад бы воротиться —
Дóбра коня не сдержать;
Буйный ветер шляпу рвет,
Желтым песком в гла́зы вьет».

№ 548

Во бору-то бревна рубленые,
На добрых конях воженные,
На добрых конях Ивановых.
На красоте горница строеная —
Что о трех красных окошечках.
Как во этой новой горенке
Неясная свечка теплится.
Там как Иван богу молится,
Во слеза-то низко кланяется.
Приходила к нему матушка:
«Мое милое ты дитяtko,
Ты чего же богу молишьcя,
Во слезах-то низко кланяеcьcя?» —
«Ты родима моя матушка,
Уж как мне богу не мóлитcя,
Во слезах низко не кланятьcя?»

Путь-дороженька-то дальняя,
Поезжаны, дру́жки — пьяные,
Они пьяные-упрямые.
У них кони-то горли́вые,
У них сани закатли́вые:
Растеряют мою молодость
По кустам да по болотинам!»

№ 549

Как у брода было, брода,
У мелкого перевода,
У мелкого перевода —
Тут стояли эти кони,
Эти кони вороные,
Вороные, убранные.
Как никто коня не любит,
Вороного ненавидит.
Как Иван-то коня любит,
Сын Матвеёвич — дрóчит,
Из полы-то овсом кормит.
«Уж ты конь, ты добра лошадь,
Сослужи-ка мне-ка службу,
Вековечную дружбу:
Уж ты съезди к прогордёной,
К прогордёной, ко спесивой.
У нас Марьюшка спесива,
Дочь Никитьевна гордли́ва,—
Она по двору ходит,
Она в сани-то не сядет,
Хоть и сядет-то — не выйдет:
«На дворе-то у вас грязно,
Во сенях-то кумаристо,
В новой горенке — чисто!»

№ 550

Уж вы бо́яры, бо́яры,
Что вы тихо да справляетесь,
Что вы тихо да справляетесь,
Чисто-хольно одеваетесь.

Поезжайте-ка вы, бóяра,
Потихим да потихохоньку,
Потихим да потихохоньку,
Полегим да полегошеньку.
Уж вы-то станьте-ко, бояры,
Да на конец пути-дороженьки,
Что под вербу кудрявую,
Да что под грушу зеленую.
Уж вы вербушку слóмите,
Да уж вы грушу сощипните,
Уж вы Авдотьюшку увидите
Да за столом, столом дубовым,
Что за скатертью браною,
Да что за едением сахарным,
Да за питьем-то за мёдовым.
Она плачет — как река течет,
Да возрыдает — как ручьи шумят,
Она просит благословеннице
Да у своего кормильца батюшки,
Да у своей родимой матушки:
«Благослови, кормилец батюшка
Да со своей родимой матушкой,
Что во путь-то, во дороженьку,
Что во путь-то во широкую,
Уж как съездить во божья церкви,
Надевать золоченый венец,
Уж как пить вино церковное,
Целовать-то серебряный крест».

№ 551

Да по широкой улице
Сыты кони понаставлены,
Им шелком ноги спутаны,
Серебром занузданы.
Там ходил-похаживал
Коля — добрый молодец.
Он гладил-поглаживал
Своих вороных коней:
«Не потейте, конюшки,
Не потейте, вóроны:
Недалече ехать —

До моей до суженой,
До моей до ряженой,—
До Марии Ивановны!»

№ 552

Как у нашего князя
Не веселые кони стоят,
Они чуют путь-дороженьку —
По невесту ехать.
«Ах вы, девушки-подруженьки!
Уливайте гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойти бы, ни взъехать!» —
«Не грози, княгиня-душа!
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводуведу». —
«Ах вы, девушки-подруженьки!
Запирайте вы воротечки
Что тремя замками немецкими!» —
«Не печалься, княгиня-душа!
Приведу я с собой слесаря,—
Отопрет замки немецкие». —
«Ах вы, девушки-подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!» —
«Не печалься, княгиня-душа!
Привезу с собой свахыньку —
Расплетет она косу русую,
Увезет тебя с собой, душеньку!»

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ

№ 553

На море да и утушка да купалася,
На море да и серая полоскалася;
Скупавшись, да и уточка вострепенулася,

Встрепенувшись, да и уточка да воскликнула:
«Как-то мне с синим морем да расстаться будет?
Как-то мне с крутых бережков да подняться?
Захватит да и зимушка-зима лютая,
Выпадут да и снега да глыбокие,
Вдарют ли морозы да крещенские;
Тут-то я с синим морем я расстануся,
Тут-то я с крутых бережков приподымалася».
В тереме да Лукерьюшка убиралася,
В высоком Сергеевна умывалася,
Белыми белилами она белилася,
Алыми румянами она румянилась,
Черными сурмилами брови сурмила.
Белые белила из Бело-города,
Алые румяна из красной Москвы,
Черные сурмила из Черна-города,
Наша Лукерьюшка с высока терема.
Убравшись, Лукерьюшка она заплакала:
«Как-то мне с матушкой да расстаться будет?
Как-то мне да и с батюшкой распроститися?
Приедет да Ефим-сударь на вороном коне,
Тут-то я да и с матушкой я расстануся,
Тут-то я да и с батюшкой распрощаюся».

№ 554

Машенька мамочку высылала:
«Ой, выйди, мамочка, за ворота,
Приклони голову ко сырой земле,
Послушай, не шумит дубрава зеленая,
Не стонет дорога широкая,
Не везут бояре полковые,
Не везут нам князя молодого». —
«Ой, шумит дубрава зеленая,
Ой, стонет дорога широкая,
Ой, едут бояре полковые,
Ой, везут нам князя молодого».

№ 555

Ой, об чем, сердечушко, ноешь,
Ой, об чем, сердечушко, ноешь,
Ой, об чем, ретивое, занываешь?
Ой, слышит да сердечушко измену,
Ой, мне, горе-горькой, перемену.
Ой, во тереме свечи догорели,
Ой, девицы невесту обряжали.
Ой, невеста с гребцами говорила:
«Ой, гребцы вы, гребцы молодые,
Ой, дайте мне с горочки спуститься,
Ой, дайте мне с тятенькой проститься,
Ой, дайте на маму насмотреться.
Ой, как моя мама слезно плачет,
Ой, как осударыня рыдает:
«Я тебя, дитятко, родила,
Ой, я тебя, дитятко, кормила,
Ой, думала, дитятко, — замена,
Ой, а мне, горе-горькой, перемена».

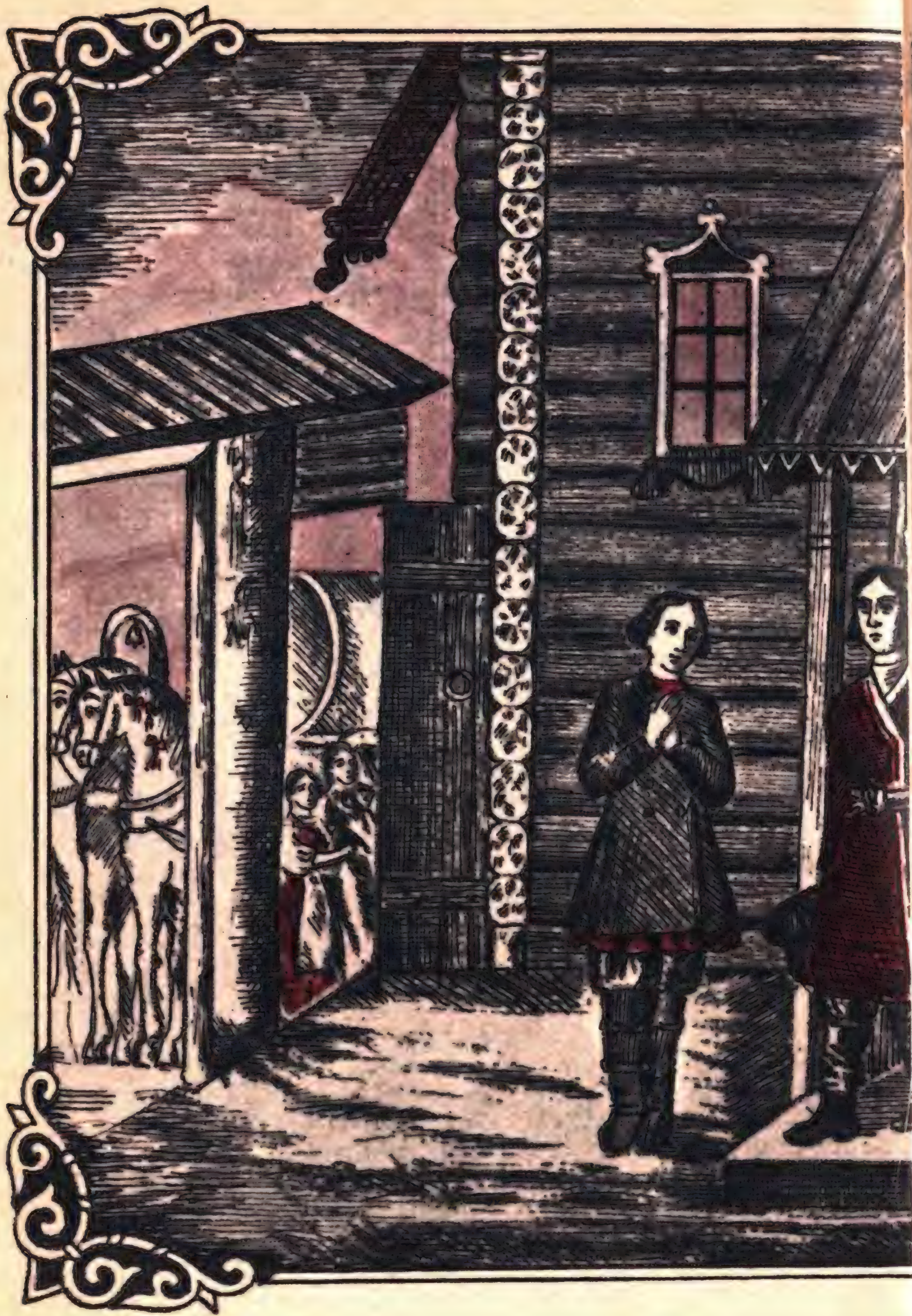
№ 556

С вечера бел заюшка по приволью скачет,
С полуночи бел-серенькой на столе на блюде.
С вечера Марьюшка скакала, плясала,
С полуночи Васильевна плакала, рыдала:
«Сестрицы мои, подруженьки!
Как же мне быть,
Как же мне быть, чем свекра дарить?
Подарю я свекра шитою рубашкой,
Шитою, белою, тонкою льняною».

№ 557

«Смородина, Смородина, Смородушка?
Отчего ты, Сморода, не весела?
Отчего ты, речушка, мутно потекла?» —
«Как же мне, речушке, не мутной быть?
На мне ли, речушке, три рати стоят:
Как первая рать-то литовская,
А вторая рать-то татарская,

А третья рать-то крестьянская.
В литовской рати конечек проржал,
Конечек проржал — он с войны бежал.
У татарской рати побрячки бречат,
Побрячки бречат — головки летят.
А в крестьянской рати девица плачет,
Девица плачет — замуж не хочет.
Что просватал ее — не батюшка родной,
Проговаривала — не родна матушка,
Была свашенькой — не крестная,
Во боярах — не сестрицы родны,
Во приезжичках — не братцы-соколы!
А просватал ее — светел месяц,
Проговаривало — красно солнышко,
Была свашенькой — ясна зорюшка,
Во боярочках — часты звездочки,
Во приезжичках — сини облаки!»

№ 558

«Матушка, что во поле пыльно,
Сударыня моя, что во поле пыльно?» —
«Дитятко, кони разыгрались,
Свет милое мое, кони разыгрались». —
«Матушка, на двор гости едут,
Сударыня моя, на двор гости едут». —
«Дитятко, не бось — не выдам,
Свет милое мое, не бось, не пужайся». —
«Матушка, на крылечко гости идут,
Сударыня моя, на крылечко гости идут». —
«Дитятко, не бось — не выдам,
Свет милое мое, не бось — не выдам». —
«Матушка, в нову горницу идут,
Сударыня моя, в нову горницу идут». —
«Дитятко, не бось — не выдам,
Свет милое мое, не бось — не выдам». —
«Матушка, за стол садятся,
Сударыня, за стол садятся». —
«Дитятко, не бось — не выдам,
Свет милое мое, не бось — не выдам». —
«Матушка, со стены образ снимают,

Матушка, меня благословляют». —
«Дитятко, господь бог с тобою,
Свет милое, господь бог с тобою».

№ 559

«Не лежи, черной бобер, у крутых берегов,
Черна куна — возле быстрой реки,
Не сиди, Савостьян-господин, во чужом пиру.
Савостьян-господин Созонтович,
Снаряжай свадебку Федосьину,
Что Федосьи Савостьяновнину». —
«Глупые люди, неразумные,
Уж у меня свадьбка снаряжена,
Девять печей хлеба испечено,
Десятая печь — тертых калачей,
Девять четвертей пива наварено,
Десятая — зелена вина,
Уж у меня приданое изготовлено —
Девять городов с пригородками,
Три терема с притеремками».

**ПРИЕЗД СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА
В ДОМ НЕВЕСТЫ И ОТЪЕЗД К ВЕНЦУ**

№ 560

«Дорогая наша гостьюшка,
Наша милая Маринушка,
Погости, гостья, малехонько,
Погости, гостья, малехонько,
На дворе у нас тихохонько,
В нашей горнице светлехонько;
Нет ни ветру, ни погодушки,
Ни часта дождя осеннего,
Нет ни вихря снега белого». —
Вдруг подули ветры буйные,
Растворилися окошечки:

На двор въехали разлучники,
Что разлучники — добры кони,
Добры кони, добрый молодец,
Алексеюшко Архипович.

№ 561

Ни с буйр ветры завеяли —
Незнамы гости наехали,
Полный двор коней заставили,
А новы сени седлами заняли,
А переходины завешали.
Сени новы обвалилися,
Переходины рассыпались!
Как Марьюшка расплакалась,
Ивановна распечалилась.
Стал Макар ее уговаривать,
Стал Матвеевич улящивать:
«Ты не плачь-ко, ты Марья-душа,
Ты не плачь-ко, ты Ивановна,
Новы-то сенички сам срублю,
Переходины — мастеров найму».

№ 562

Не бывать бы ветрам, да повеяли,
Не бывать бы боярам, да понаехали,
Травушку-муравушку притолочили,
Гусей-лебедей поразогнали,
Красных девушек поразослали,
Красную Анну-душу в полон взяли,
Красную Михайловну в полон взяли.
Стала тужить, плакати Анна-душа,
Стала тужить, плакати Михайловна;
Стал унимать, разговаривати да Иван-то князь,
Стал унимать, разговаривати Александрович:
«Не плачь, не тужи, свет Анна-душа,
Не плачь, не тужи, Михайловна!
Я тебя, Анна-душа, да не силой брал,
Я ж тебя, Михайловна, не неволею:
Бил челом, кланялся твоему батюшке,
Бил челом, кланялся твоей матушке,

Сняв шапку, сняв шапку соболиную,
Распустив полы сарачинские;
Износил кафтан китайчатый,
Истаскал кушак коломенчатый,
Все до тебя, Анна-душа, достапуючи,
Все до тебя, Михайловна, достапуючи!»

№ 563

Дорогие наши гостейки?
Издалека ли гости ехали?
И на добрых ли конях приехали?
Не в атласе гости, не в бархате,
Не в камочке мелкотравчатой.
Стречайте добрых гостей
Среди двора широкого,
Среди крыльца прекрасного!
Берите дорогих гостей
За ручки белые, за перстни злаченные!
Ведите в нову горницу
И садите за столы белодубовые,
За скатерти шиты браные,
За яства за сахарные,
За питья медвяные!
Кушайте, гости дорогие,
У любезных свата и сватушки!

№ 564

Вы, сваты богатые,
Что вас долго не было?
Ой лё, яли д, яли,
Яли лё, яли д, яли.
Что вас долго не было —
Иль у вас хлеб-соль нету?
Вы бы к нам посыл слали,
Мы бы вам хлеб-соль дали.
Вы, сваты богатые,
Что вас долго не было?
Что вас долго не было,
Иль у вас коней нету?

Вы бы к нам посыл слали,
Мы бы вам коней дали.
Вы, сваты богатые,
Что вас долго не было?
Что вас долго не было,
Иль у вас девок нету?
Вы бы к нам посыл слали,
Мы бы вам девок дали.

№ 565

Долго, долго сокол не летит!
Знать, что сокол за леса залетел,
Что за те леса да за темные,
За те горы да за крутые.
Долго-то, долго Ивана нет,
Долго-то, долго Степановича:
Знать-то, Иван в города заезжал,
Знать-то, Степанович за покупками.
Погодя маленько сокол прилетел:
Конь-от под ним, да что лютый зверь,
Грива у коня колесом завита,
Хвост у коня что лютая змея;
По сторону пятьдесят человек,
А по другую еще пятьдесят.
«Спишь ли, душа моя Машенька?»—
«Про вас, сударь, я всю ночь не спала,
Твоему коню ковер вышила,
Боярам твоим я на честь на хвалу,
Тебе, молодцу, на всеё красоту!»

№ 566

Скрип воротечки, мороз на дворе.
«Есть ли у друженьки черкасское седло?»—
«Был бы здоров князь молодой,
Будет у друженьки черкасское седло».
Скрип воротечки, мороз на дворе.
«Есть ли у друженьки чесменская узда?»—
«Был бы здоров князь молодой,
Будет у друженьки чесменская узда».
Скрип воротечки, мороз на дворе.

«Есть ли у друженьки шелковая плетъ?»—
«Был бы здоров князь молодой,
Будет у друженьки шелковая плетъ».
Скрип воротечки, мороз на дворе.
«Есть ли у друженьки выкуп денежной?»—
«За эфтим, девки, дело не стоит.
Отворяйте-ка ворота широки,
Отворяйте полотенца дубовы,
Дубовыя, кленовыя, скрипучи!
Разбудите-ка подруженьку свою,
Выдайте нам ее буйну голову».

№ 567

Гордая, спесивая свашенька
Не знала, что в гордости делати:
Припахала чисто поле журавлем,
Засеяла чисто поле жемчугом,
Замостила калины мосты перстнями,
Завесила зелену дубраву атласом;
Когда будет ехать сходатый сват поездом,
Заяснейся, чисто поле, жемчугом,
Зазвени, калинов мост, перстнями,
Зазеленейся, зелена дубравушка, атласом.
Гордая, спесивая Настасьюшка
Не знала, что в гордости делати:
Припахала чисто поле журавлем,
Засеяла чисто поле жемчугом,
Замостила калины мосты перстнями,
Завесила зелену дубраву атласом;
Когда будет ехать Викторушка поездом,
Заяснейся, чисто поле, жемчугом,
Зазвени, калин мост, перстнями,
Зазеленейся, зелена дубравушка, атласом.

№ 568

Вьюн на воде извивается,
А зять у ворот убивается:
«Ах тесть, ты мой тесть ласковой!
Отдай мой дар, мое суженое».

Ах тесть тот ему да коня выслал,
Ах ласковой тот — воронá в узде.
«Ах то не мое, то не суженое,
Ах то не мое, то не ряженое».
Ах вьюн на воде извивается,
А зять у ворот убивается:
«Ах теща моя, теща ласковая,
Теща моя, ты приветливая!
Отдай мой дар, мое суженое».
Ах теща ему — окованной ларец.
«Ах то не мое, то не суженое,
Ах то не мое, то не ряженое».
Вьюн на воде извивается,
А зять у ворот убивается:
«Ах шури́н мой, шури́н ласковой!
Отдай мой дар, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое».
Шури́н ему — да Ульяну-душу,
Ульяну-душу Анисимовну.
«Ах тот ли мой дар, мое суженое».

№ 569

У богатого тестя
Стоит зять за воротами,
Он завивши кудерушки,
Заломивши шапочку!
На него и дождь, и снег,
Со вихром метелица!
Увидала Настасьюшка,
Увидала Федоровна!
«Государь мой, батюшка,
Государь мой, родненький,
Упусти гостя на двор!
А ты [Иванушка] меня в полон возьми!»
Князь молодой Иванушка,
Князь молодой Иванович,
Не ходи вдоль улицы,
Не мети метелочкой,
Не сжимай белу снегу,
Не бросай в окошечко!
Под окошечком, под окошечком

Горда твоя боярыня!
Она шьет и вышивает
Ковер ясным золотом,
А шивши, она думает,
Кому ковер достанется!
Доставался этот ковер
Да Ивану Ивановичу!
«Кабы знала я, ведала,
Я бы шелку убавила,
А золотцу прибавила!»

№ 570

Стучит, гремит на улице
У терема у Маланьюшкина,
У высокого у Сидоровнина:
Едет то ее суженый,
Едет то ее ряженный,
Пафнутий-сударь Трифонович
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой атласу и бархату,
Зовет с собой Маланьюшку:
«Ты душа ль моя, красна девица,
Маланьюшка, свет Сидоровна!
Поезжай ко мне, поезжай:
Я привез тебе атласу и бархату,
Дорого платьецо самоцветное!»—
«Не поеду, не поеду, господин,
Пафнутий-сударь Трифонович!
Твое платьецо мне не надобно:
Я у батюшки не нага, не боса».

Стучит, гремит по улице
У терема у Маланьюшкина,
У высокого у Сидоровнина:
Едет то ее суженый,
Едет то ее ряженный,
Пафнутий-сударь Трифонович
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой каменьев и жемчугу,
Крупное зарукавьицо,
Зовет с собой Маланьюшку:
«Ты душа моя, красна девица,

Маланьюшка, свет Сидоровна!
Поезжай ко мне, поезжай:
Я привез тебе каменьев и жемчугу,
Крупное зарукавьицо!»—
«Не поеду, не поеду, господин,
Пафнутий-сударь Трифонович!
Твои каменья и жемчуги,
Твое крупно зарукавьицо
Не нужны мне, не надобны:
Я у матушки без них пригожа».
Стучит, гремит по улице
У терема у Маланьюшкина,
У высокого у Сидоровнина:
Едет то ее суженый,
Едет то ее ряженный,
Пафнутий-сударь Трифонович,
На добрых конях, на вороных,
Везет с собой золот перстень,
Золот перстень, золот венец,
Зовет с собой Маланьюшку:
«Ты душа ль моя, красна девица!
Маланьюшка, свет Сидоровна!
Поезжай со мной, поезжай:
Я привез тебе золот перстень,
Золот перстень, золот венец!»—
«Еду, еду, господин,
Пафнутий-сударь Трифонович!
Мне тем ли перстнем обручатися,
Мне тем ли венцом венчатися.
Возьму теперь атласы и бархаты,
Надену платьицо самоцветное,
Уберусь в каменья и жемчуги
И в крупное зарукавьицо!»

№ 571

Пантелей-государь ходит по двору,
Кузмич гуляет по широкому,
Кунья на нем шуба до земли,
Соболья на нем шапка до верьху,
Божья над ним милость до веку.
Бояра смотрят из города,

Боярыни смотрят из терема,
А сужена смотрит из полога.
Бояра-то молвят: «Чей ето такой?»
Боярыни молвят: «Чей господин?»
А сужена молвит: «Мой дорогой!»

№ 572

Не слыхала Надежда-душа,
Не слыхала Ивановна,
Да как ворота отворилиси,
Как ворота отворилиси,
Широкие размахнулиси,
Широкие размахнулиси,—
Да как Иван вошел в горницу,
Как Иван вошел в горницу.
Да у ней сердце ужахнулося,
У ней сердце ужахнулося,
Да ретивое испугалоси,
Ретивое испугалоси.
Да за отца, за мать бросаласи,
За отца, за мать бросаласи,
Да за подружек хорониласи,
За подружек хорониласи:
«Да ох, родимая матушка,
Да ох, родимая матушка,—
Да это-то погубитель мой,
Это-то погубитель мой,
Да это-то разоритель мой,
Это-то разоритель мой».
Да как Иван-то возгóворил князь,
Как Иван-то возгóворил князь:
«Да что не я разоритель твой,
Что не я разоритель твой,—
Да разоритель твой — батюшка,
Разоритель твой — батюшка,
Да погубительница — матушка,
Погубительница — матушка,
Да расплети косу — свашенька,
Расплети косу — свашенька,
Да потеряй косу — друженька,
Потеряй косу — друженька,

Да по дорожкам-то дальним,
По дорожкам-то дальним,
Да что по дальним, раскатистым,
Что по дальним, раскатистым,
Да по раскатистым, ухабистым,
По раскатистым, ухабистым».

№ 573

Приобсели там голуби
Да кругом новыя горницы,
Кругом новыя горницы,
Да кругом светлыя свѣтлицы,
Кругом светлыя свѣтлицы.
Да чтой сидят да всё не гóлубья,
Ище всё сидят не гóлубья,
Да ище всё сидят свáтовья,
Ище всё сидят свáтовья,
Да сватовья́ Олександровы.
Сватовья́ сидят Олександровы,
Да поезжана Николаевича,
Поезжана Николаевича.
Да ище сватали свáтовья,
Ище сватали свáтовья,
Да у Евгенья на дочери,
У Евгенья на дочери,
Да на любимой на Зоюшки,
На любимой на Зоюшки.
Да ище Зоюшка в горницы,
Ище Зоюшка в горницы,
Она во светлой во свѣтлицы,
Она во светлой во свѣтлицы,
Она не знала, не ведала,
Она не знала, не ведала,
Да почему душа уведала,
Почему душа уведала,
Да стала жалобно плакати,
Стала жалобно плакати,
Да жалобнёшенько причитывати,
Жалобнёшенько причитывати,
Да ко столу припадаючись,

Ко столу припадаючись,
Да ко ларьцю причитаючись,
Ко ларьцю причитаючись:
«Да уж ты, ларчик, ты, ларчик мой,
Уже ты, ларчик, ты, ларчик мой,
Да весь окован во золоти,
Весь окован во золоти,
Да весь во чистом во серебри,
Весь во чистом во серебри.
Да у тебя ли, у ларчика,
У тебя ли, у ларчика,
Да все четыре было стороны,
Все четыре было стороны.
Да у меня, у красной девушки,
У меня, у красной девушки,
Да единёшенёк батюшко,
Единёшенёк батюшко,
Да единёшенька матушка,
Единёшенька матушка.
Да не один у мня братёлко,
Не один у мня братёлко,
Да не одна была сестриченька,
Не одна была сестриченька,
Да я с имá расставалася,
Я с имá расставалася,
Да как водой разливалася,
Как водой разливалася.
Да отдавал меня батюшко,
Отдавал меня батюшко
Да на чужу, на дальню сторону,
На чужу, на дальню сторону,
Да на злодейку незнакомую,
На злодейку незнакомую,
Да князем-бо́ерам во́ руки,
Князем-бо́ерам во́ руки,
Да Олѣксандру-то во́веки,
Олѣксандру-то во́веки,
Да Николаевичѣм век коротать,
Николаевичѣм век коротать».
Да затем здравствуй, Олѣксандр-господин,
Затем здравствуй, Олѣксандр-господин
Да со голубушкой со Зоюшкой,

Со голубушкой со Зоюшкой,
Да поздравляем, Николаевич,
Поздравляем, Николаевич,
Да со голубушкой с Евгеньевной.

№ 574

«Что не тошно ли тебе, Анна,
Что не горько ли, да свет Андреевна,
Что твоя-то родня да прочь отстала,
Что Николаева родня кругом обсела,
Диодоровича да обступила.
Еще дружья перед дружья, чужа сваха,
Еще князь молодой да со боярами,
Славный тысяцкий богатый с поеззянами,
Николай-то молодец да со крестьянами.
Еще Анна-то братцу говорила,
Свет Андреевна родному наказала:
«Уж ты братец, мой братец, соколочек,
Ты сходи-ко, съезди, братец, во торжочек,
Ты купи-ко, сокол-братец, соловейка,
Соловья, птичку-пташку да веселую,
Еще пусть соловей да распевает,
Еще нас, молодых, да спотешает.
Еще нам, молодым, да не с привыку,
Ой, не с привыку на дальней на сторонке».

№ 575

Во лузях воды нету,
Во болотах не бывало.
Тут стояла береза,
Тут стояла кудрявая,
Со комля-то комлевата,
Со комля-то комлевата,
Со вершины кудревата,
Со вершины кудревата.
Что ко этой березе,
Что ко этой кудрявой
Солеталися галки,
Солеталися галки,

Галки, мелкие пташки,
Галки, мелкие пташки.
Стали галки галковати,
К сердцу жалобу давати.
Как у света у Ивана
В сердце жалости нету,
В ретивым не бывало.
Отдает свою дочь
В чужи люди, незнакомы,
Ко чужому ко свекру,
Ко чужой ко свекровке,
Ко журливым ко девёрьям,
Ко смутливым ко золовкам.

№ 576

Летит, летит черная галка низенько,
Оглянется,— ясен сокол близенько:
«Отвернися, ясен сокол, от меня,
Ищи себе такову галку, что меня».
Да черненькой, да касатенькой галушке:
«Я все леса, я все поля прилетал,
Нигде себе такой галки не сыскал».
Бежит Настасьюшка резвенько,
Оглянется,— Викторушка близенько:
«Отвернися, да Викторушка, от меня,
Ищи себе таковой девки, что меня».
Беленькой, хорошенькой Настасье:
«Я все селы, все деревни приездил,
Нигде себе такой девки не сыскал».

№ 577

По заморьицу белы лебедки клычут,
По-за синему лебедь белёшенёк,
За собою он лебедушку клычет:
«Ты лети, лети, лебедушка, за мною,
У меня есть луга зелёные,
У меня есть травы шелковые,
У меня есть цветики лазоревые.
У тебя на правом крылышке тепленько,
У меня в ретивом сердечушке миленько!»

По застолице добрый молодец ходит,
За собою красну девицу водит:
«Ты иди-ко, Катеринушка, за мною,
Ты иди-ко, дочь Григорьевна, за мною:
У меня есть столы дубовые,
У меня есть столешеньки кленовые,—
У тебя есть скатертки шёлковые;
У меня есть яства сахарные,
У меня есть питья медвяные,
У меня есть кровать тёсовая,—
У тебя есть перина пуховая,
У тебя есть подушки чижовыя,
У тебя есть одеяло черно-соболино,
На правой на рученьке тепленько,
У ретивого сердечушка миленько!»

№ 578

При утри рано на зори
Шшолкотала пташечка на мори;
Сидела там Аннушка на камни.
По берёжку батюшко гуляё.
«Гуляй, гуляй, батюшко, здорово!
Сойми меня с камешка с белогó!»
У батюшки жалости нёмного,
Не снял меня с камешка с белогó.
По бережку Митюшка гуляё.
«Гуляй-гуляй, милой мой, здорово,
Сойми меня с камешка с белогó!»
У молодца жалости больше всех,
Снял он меня с камешка с белогó,
Повел меня, девушку, в свой терем.

№ 579

Не по сахару река текла —
Да по изюму разливалась река,
Да далеко река в долину шла,
Да из долины в зелен сад зашла,
Да что из сада ко двору пришла,
Да ко двору-то ведь ко батюшкину,
Да именем изотчеством

Да ко Ивану Тимофеевичу.
Да тут и умна дочь, разумная была,
Да именем изотчеством
Да Степанида-свет Ивановна.
Да она ходила, расхаживала
Да по своим ли светлым светлицам,
Да по столовым новым горницам,
Да что из горницы во спальницу зашла,
Да ко кроватке ко тесовой подошла,
Да ко перины ко пуховенькой,
Да к соболину одеялышку,
Да ко косящату зголовьицу.
Да тут лежал-то добрый молодец,
Да она будила, разбуживала:
«Да ты проснись-ко, богосуженый,
Да ты проснись, богоряженный,
Да именем изотчеством
Да свет Василий Иванович».

№ 580

Гибкое деревцо черемушка,
Нет гибче во всем саду.
Умное дитяtko Иван-государь,
Нет умнее во всем поезде.
Залетела вольна пташечка
Ко соловьюшку во клеточку,
За золотую за сеточку,
За серебряну нашесточку.
Охо-хо, тошнехонько
У соловьюшка во клеточке,
За золотой за сеточкой,
На серебряной нашесточке,
Без воды, воды студеныя,
Без травы, травы шелковыя,
Без вольных пташечек.
Заходила же Дуняшенька
Ко Иванушке во горницу,
Зашедши, стосковалася:
«Охо-хо, тошнехонько
У Иванушки в горнице
Без красных без девушек,

Без милых подружек,
Без матушки, без батюшки,
Без всего ли роду, племени».

№ 581

От терему да и до терему,
Э-ой, что стелют-то ковры, да стелют ба... ай, бархаты,
Ой, что стелют-то ковры, да стелют ба... ай, да бархаты,
Ой, что стелют-то ковры, да стелют бархаты.
Ой, что с-по тем-то коврам, да с-по тем ба... ай,
да бархатам,
Что с-по тем-то коврам, с-по тем бархатам,
Ой, да что идут-то попы, да идут дья... ай, дьяконы,
Что идут-то попы, идут дья... ой, дьяконы,
Э-ой, что со маленькими идут с распевщицами,
Со маленькими идут с распевщицами.
Ой, что сзадé-то их идет да добрый мо... ой, молодец,
Что сзадé-то их идет да добрый мо... ой, молодец,
Ой, добрый молодец-купец, да свет Василий-молодец,
Ой, молодец-купец, да свет Василий-молодец.
Ой, за собою он ведет да красную де... ой, девицу,
За собою он ведет да красную девицу,
Э-ой, красну девицу-душу, да Олександру хорошу,
Красну девицу-душу, да Олександру хорошу.
Э-ой-то, он идет-то, идет, да останавливается,
Он идет-то идет, да останавливается,
Останавливается, назад оглядывается.
Э-ой, назад оглянется, да слово выгворит,
Оглянется, да слово выгворит:
«Э-ой, так и что же, Олександра, тихо больно идешь,
Что же, Олександра, тихо больно идешь?»—
«Э-ой, как не могу, мой господин-сударь,
круто больно идти,
Не могу, мой господин-сударь, круто больно идти:
Э-ой, что от сербуту, сударь, земля стонёт,
От сербуту, сударь, земля стонёт,
Ой, как что от япанцу, сударь, лицо горит,
Что от япанцу, сударь, лицо горит,
Эх, от тебе, мой господин-сударь, сердце дрожит,
От тебе, мой господин-сударь, сердце дрожит».—
«Что стонать-то земле-то да перестать будёт,

Стонать-то земле-то да перестать будёт,
Ой, что горит-то лицо, да приутухнути,
Что горит-то лицо, да приутухнути,
Ох, да дрожать сердцу да привыкать будёт,
Дрожать сердцу да привыкать будёт;
Ой, как привыкай-то, Олександра, да к моему уму,
Привыкай-ко, Олександра, ко моему уму,
Э-ох, да ко моему уму и ко разуму».

№ 582

Что во светлой во светлице,
Во столовой во горнице,
Под косящатым окошечком
Как сидела красна девица-душа,
Похвалялась похвальбой она своей,
Похвальбой она великою:
«Что не взять, не взять Анисиму меня,
Что не взять, не взять Лифантьевичу,
Что ни стом рублёв, ни тысячей,
Ни помещьем, большой вотчиной».
Как услышал Анисим-господин
Похвальбу ее великую:
«Не хвалися, красна девица-душа,
Свет Улита Спиридоновна,
Я возьму тебя за себя
И без ста рублёв, без тысячи,
Без помещьев, большой вотчины.
Я сам-сём приду с боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
Я девятую — присвашью,
Я десятую — тебя за себя,
Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя ко суду божью,
Ко суду божью, ко злату венцу,
От злата венца ко себе во двор:
Еще вот тебе, батюшка,
Вековечная ключница,
Еще вот тебе, матушка,
Вековечная платьямойница,
Уж как мне ли, добру молодцу,—
Вековечная молодая жена».

У ворот, у ворот у широких,
 Ой да люли, ой да люли, у широких
 Разливались ой да озера глубокие,
 Ой да люли, ой да люли, глубокие.
 Наезжали рыболовы молодые,
 Ой да люли, ой да люли, молодые,
 Неженатые ребята, холостые,
 Ой да люли, ой да люли, холостые.
 Холост, холост Иван-сударь неженатый,
 Ай да люли, ой да люли, неженатый.
 Ой, влюбился Иван-сударь да в Марью,
 Ой да люли, ой да люли, да в Марью.
 Полюбимши, свет Марьюшку стали сватать,
 Ой да люли, ой да люли, стали сватать.
 Посватавшись, свет Марьюшка стала плакать,
 Ой да люли, ой да люли, стала плакать.
 Как приехал Иван-сударь со поездом,
 Ой да люли, ой да люли, со поездом:
 «Садись, садись, свет Марьюшка, садись да поедем,
 Ой да люли, ой да люли, да поедем.
 Мы поедем, Ивановна, мы уедем,
 Ой да люли, ой да люли, мы уедем
 Через темненький лесочек со звонками,
 Ой да люли, ой да люли, со звонками,
 Через быструю речку со слезами,
 Ой да люли, ой да люли, со слезами».

Разлилась, разлелеялась
 По лугам вода вешняя,
 Унесла, улелеяла
 С широка́ двора три корабля:
 Первый-то корабль уплыл
 С сундуками кова́ными,
 А другой-то корабль уплыл
 Со ларцами красна дерева,
 А третий корабль уплыл
 Со душой красной девицей.
 Не бела лебедь вскрикнула,—

Мать по дочери всплакнула:
«Воротись, мое дитяtko,
Воротись, мое милое!
Позабыла ты, дитяtko,
От терема золоты ключи
Со шелковым поясом
И с кольцом со серебряным».
Как возговорит красна девица:
«Не забыла я золотых ключей
И со шелковым поясом,
Со кольцом со серебряным.
А забыла-то я волю батюшки,
И твою негу, матушка,
И свою косу русую
Со лентою алою,—
Я свою красу девичью».

№ 585

Отдала меня матушка
Далеким-далекошенько —
За три города дальные,
За три крепости крепкие,
За три церкви соборные,
За три стены белокаменные.
Не велела мне матушка
Ни тужити, ни плакати,
Ни часто в гости гостити.
Уж как я, молодешенька,
В недельку стосковалася,
А в другую взгоревалася.
Пойду, выйду я, молода,
Я во чистое полечко,
Попрошу я, молодешенька,
Я у ласточки перьяца,
У косатых крыльица;
Полечу я, молодешенька,
Во сырой бор на сопочку,
На сухую сушиночку
И на самую вершиночку:
Ты скрипи, скрипи, деревцо,
По всему свету белому,

Вы кукуйте, кукушицы,
Вы горюйте, горюшицы,
За три города дальные.
Не моя ли то матушка
У ранней заутрени
Она богу-то молится?
Все свечи затепляючи,
Всё меня вспоминаючи:
«Не мое ли то дитяtko
Во лесу заблудилося,
Во росе замочилося?» —
«Нет, родимая матушка,
Не в лесу заблудилася,
А во горе затужилася
И во слезах замочилася».

№ 586

Из лога, лога ехали бояре, стреляемчи,
Луками, стрелами все меняемчи;
Один только Ванюшка не меняется.
«Что же ты, Ванюшка, не меняешься?» —
«Меняйтесь, братцы, не ждите меня:
Мне ныне быть во божьем суду,
Во божьем суду, в святом вѣнчанье».
С терема на терем красны девки шли,
Красны девки шли, все играемчи,
Венками, цветками все меняемчи;
Одна только Марьюшка не меняется.
«Что же ты, свет Марьюшка, не меняешься?» —
«Меняйтесь, подруженьки, не ждите меня:
Мне ныне быть во божьем суду,
Во божьем суду, в святом вѣнчанье».

№ 587

Как летал, летал сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный летал, ладу, ладу,
Искал стадо лебедей, ладу, ладу,
Он нашел, нашел сокол, ладу, ладу,
Нашел стадо лебедей, ладу, ладу.
Всех лебѣдок пропустил, ладу, ладу,

Одноё остановил, ладу, ладу.
Как взмолилася лебёдка, ладу, ладу:
«Ты пусти меня, сокол, ладу, ладу,
Сокол ясный, отпусти! Ладу, ладу». —
«Я тогда тебя пущу, ладу, ладу,
Когда кровь твою пролью, ладу, ладу,
Крылья, перья ошпилю, ладу, ладу».
Как ходил, гулял Иван, ладу, ладу,
Иванович разгуливал, ладу, ладу,
По Нову-городу, ладу, ладу,
Искал девушек толпу, ладу, ладу,
Он нашел, нашел толпу, ладу, ладу.
Всех девиц он пропустил, ладу, ладу,
Одноё остановил, ладу, ладу.
Начала просить Анна, ладу, ладу,
Васильевна упрашивать, ладу, ладу:
«Ты пусти меня, Иван, ладу, ладу,
Иванович, отпусти! Ладу, ладу». —
«Я тогда тебя пущу, ладу, ладу,
Когда в церковь ты сведу, ладу, ладу,
Вокруг наложу обведу, ладу, ладу,
Своей женой назову, ладу, ладу.
Тогда девушки не примут, ладу, ладу,
Скажут: «Прочь отойди!» Ладу, ладу».

№ 588

Пала, выпадала, пала, выпадала
Молодая пороша.
По той по пороше, по той по пороше
Бежит белая зайка,
За зайкою гонют, за зайкою гонют
Борзые собаки.
Зайка бога молит, зайка бога молит:
«Унеси меня, боже,
Ко темному лесу, ко темному лесу,
К шелковым тенётам».
По торной дорожке, по торной дорожке
Бежит красная девка,
За девкою гонит, за девкою гонит
Молодой боярин;
Девка бога молит, девка бога молит:

«Унеси меня, боже,
Ко святой ко церкви, ко святой ко церкви,
Ко божьему венчанью!
Ко божьему венчанью, ко божьему венчанью,
К золотому обручанью».

№ 589

Надежде подруги говорили,
Ивановне наказали,
Наказали, наказали, наказали:
«Уж ты будешь, Надежда,
У божьей у церкви,
У злата венца —
Тебя будет чужанин целовати,
Ты, Надежда-душа, не целуйся,
Не целуйся, не целуйся, не целуйся.
Либо на сторону отвернися,
Отвернися, отвернися, отвернися;
Либо низкий поклон поклонися,
Поклонися, поклонися, поклонися;
Либо шелковым платочком прикройся,
Прикройся, прикройся, прикройся».

№ 590

Попов сын на городи
Звонит заутрину,
Большу христосскую,
Честну воскресеньскую, —
Подавает весточку
Марьиной матушки.
И Марьиная матушка
По три часа плакала:
Первой час плакала —
Марью родила;
Другой час плакала —
Марью крестила;
Третьей час плакала —
Марью ростила;
Четвертой час плакала —
Марью давала;

Пятый час плакала —
«От меня сундуки везут,
От меня — окованные».
Шестой час плакала —
«От меня заменку везут,
Да от меня — послухмяночку».
Попов сын на городи
Звонит заутрину,
Большую христосскую,
Честну воскресеньскую, —
Подавает весточку
Ивановой матушки.
Иванова матушка
По три часа радовалась:
Первой час радовалась —
Ивана родила;
Второй час радовалась —
Ивана крестила;
Третей час радовалась —
Ивана растила;
Четвертой радовалась —
Ивана женила;
Пятой час радовалась —
«Ко мне сундуки везут,
Да ко мне окованные»;
Шестой час радовалась —
«Ко мне заменку везут,
Да ко мне — послухмяночку».

№ 591

Покатилоси солнышко по зálezью,
По зálezью!
Да повели-то нашу Марьюшку по зáстолю,
По зáстолю.
Да бросила-то наша Марьюшка златые ключи,
Ой, златые ключи.
«Да я тебе, кормилец-батюшка, — не клюшница,
Не клюшница!
Да я тебе, родима матушка, — не помощница,
Не помощница!
Да я свекру-батюшке — наряженица,

Наряженица!
Да я свекровушке-матушке — помощница,
Помощница!
Да я Ивану-то Васильевичу — навечная слуга,
Навечная слуга!»

№592

Как пошел виноград по-за яверью,
Как пошел виноград по-за яверью,
Как пошла Манечка кругом стола,
Роняла слезоньки на скатерцу.
С скатерцы слезоньки не катятся,
Манюшке от батюшки не хочется,
От батьки, от матки в чужи люди.

№ 593

«Матушка, с гор меды текут,
Сударыня моя, меды сладкие». —
«Дитятко, черпай меды,
Милое мое, черпай сладкие». —
«Матушка, мне не до меду,
Сударыня моя, не до сладкого, —
Звонят колоколы церковные,
Идут попы и дьяконы,
Идут попы во божью церковь,
Дьяконы несут златы венцы».

№ 594

Да улетела-то сера утка со двора,
Улетела-то сера утка со двора
Да в чужи-дальни, во свитальни города,
В чужи-дальни, во свитальни города.
Да подворотни-то были не заложона,
Да подворотни-то были не заложона,
Стали утицу приманивати,
Стали утицу приманивати,
Стали серу уговаривати.
Затем бить челом с припевочкой,
Да ище с Анной со душой
Да с Ивановной.

Из-за гор, гор высоких,
Да из-за лесу, лесу темного,
Ох, да из-за лесу, лесу темного,
Да из-за садику зеленого,
Из-за садику зеленого,
Да из-за моря, моря синего,
Из-за моря, моря синего
Да поднялася туча грозная.
Да поднималась туча грозная
Да со громами со громучима,
Со громами со громучима,
Да с молоньями со палючима,
С молоньями со палючима,
Да со крупным-то частым дождиком,
Со крупным-то частым дождиком,
Да со бурею, со падерой,
Со бурею, со падерой,
Да со тяжкой-то заметелицей,
Со тяжкой-то заметелицей.
Да из-под той-то тучи грозной,
Да из-под той-то непроносной
Да вылетало-то стадо гусей,
Вылетало-то стадо гусей,
Да стадо гусей, серых утичек,
Стадо гусей, серых утичек.
Да во черных гусях, серых утицах,
Во черных гусях, серых утицах
Да замешалась лебедь белая,
Замешалась лебедь белая.
Да начали и гуси черные,
Да начали гуси-ти, гуси черные
Да белу лебедь стали клéвати,
Белу лебедь стали клéвати,
Да злато крылышко лóмати,
Злато крылышко лóмати.
Да начала лебедь-то кукати
Да своим звонким голосом,
Да звонким, громким лебединым:
«Да вы докуль же, гуси черные,
Да мое перышко вы щиплите,

Да злато крылышко да ломите?
Да не сама я к вам залётала,
Не сама я к вам залётала,
Да занесла меня туча грозная,
Занесла меня туча грозная,
Да затащили буйны ветры-ти,
Затащили буйны ветры-ти».
Да вылетала лебедь белая,
Да бела лебедь — красна девица,
Бела лебедь — красна девица,
Да именем-изотчеством
Да свет Лукия-то ведь Дмитревна,
На да вот Лукия-то ведь Дмитревна.
Она: «На головушке уладить не могу,
Да злой свекровушки уладить не могу,
Злой свекровушки уладить не могу».
Да стали тут журить, бранить
Да богоданны родители.
«Да не браните, родители,
Да не сама я к вам во двор зашла.
Не сама я к вам во двор зашла —
Да как завез-то меня добрый конь,
Да как завел-то добрый молодец,
Как завел-то добрый молодец,
Да именем-изотчеством
Никанор Селиванович».

№ 596

Не березушка ль клонится,
Не кудрявая ль поклоняется —
Клонится-поклоняется
Душа красная девица,
Перед батюшкой стоячи,
Перед матушкой плакучи,
Благословеньица просячи:
«Благослови, кормилец-батюшка,
Благослови, кормилец-батюшка
И моя родная матушка,
Во путь, во дороженьку!
Путь-дорожка дальняя,

Снеги-то глубокие,
Раскаты широкие,
Кони-то верткие,
Саночки валкие».

№ 597

Что сломилась березынька с полдеревца,
С полдеревца —
Соезжала Марьюшка с подворья,
С подворья.
«Стой-ко, стой, березынька, без верха,
Без верха!
Живи, живи, батюшка, без меня.
Без меня.
Коли тебе, батюшка, тесно было́,
Тесно было́,
А теперь тебе, батюшка, весь простор,
Весь простор».
Сломилась березонька, с полдеревца,
С полдеревца —
Соезжала Марьюшка с подворья,
С подворья.
«Стой-ко, стой, березынька, без верха,
Без верха,
Живи, живи, матушка, без меня,
Без меня.
Коли тебе, матушка, тесно было́,
Тесно было́,
А теперь тебе, матушка, весь простор,
Весь простор».

№ 598

Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
Ой, одна наша девица поговаривает,
А наша Федоровна поговаривает!
Ой, просит коня, просит коня, коня батюшки,
Просит коня, просит коня, коня батюшки!
Ой, батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел!
Батюшкин конь, батюшкин конь не ступил, не пошел,

Ой, не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
Не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
Ой, наша Марьюшка поговаривает,
Наша Федоровна поговаривает!
Ой, просит коня, просит коня, коня матушки,
Просит коня, просит коня, коня матушки!
Ой, матушкин конь, матушкин конь не ступил, не пошел!
Матушкин конь, матушкин конь не ступил, не пошел,
Ой, не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
Не ступил, не пошел, не у рысь побежал!
Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает,
На дворе дождь, на дворе дождь посеменивает!
Ой, там наша Марьюшка погоманивает,
Там наша Федоровна погоманивает!
Ой, просит коня, просит коня у Иванушки,
Просит коня, просит коня у Ивановича!
Ой, Иванов конь, Иванов конь что ступил, то пошел,
Иванов конь, Иванов конь что ступил, то пошел,
Ой, что ступил, то пошел, то у рысь побежал!

№ 599

На горы на высокой, раю-раю-раю!
На прекрасы немалой, раю-раю-раю!
На красы на великой, раю-раю-раю!
Тут стояла карета, раю-раю-раю!
Карета золотая, раю-раю-раю!
Что во той же карете, раю-раю-раю!
Что во той золотой, раю-раю-раю!
Тут сидела девица, раю-раю-раю!
Да девица-душа красна, раю-раю-раю!
Да княгиня первображна, раю-раю-раю!
Да по имени Марья, раю-раю-раю!
По извотчине Егоровна, раю-раю-раю!
Она сидит, слезно плачет, раю-раю-раю!
Жалобно причитаёт, раю-раю-раю!
И свою волю вспоминает, раю-раю-раю!
Свою негу свеличает, раю-раю-раю!
«Мне у батюшки воля, раю-раю-раю!
Мне у матенки нега, раю-раю-раю!

Мне у братцев вольнее, раю-раю-раю!
У сестричушек нежнее, раю-раю-раю!
Я куды пойду, поеду, раю-раю-раю!
Мене сряжают, спровожают, раю-раю-раю!
Я откуль приду, приеду, раю-раю-раю!
Мене встречают, звеличают, раю-раю-раю!
По имени называют, раю-раю-раю!
По извотчине взвеличают», раю-раю-раю!
Кругом этой кареты, раю-раю-раю!
Кругом этой золотой, раю-раю-раю!
Не сокол облетает, раю-раю-раю!
Молодец объезжает, раю-раю-раю!
Он в карету забегает, раю-раю-раю!
Он девицу унимает, раю-раю-раю!
«Ты не плачь, не плачь, девица, раю-раю-раю!
Да девица-душа красна, раю-раю-раю!
Да княгиня первображная, раю-раю-раю!
Уж я дам тебе волю, раю-раю-раю!
Да уж я дам тебе негу, раю-раю-раю!
Да уж я дам тебе вольнее, раю-раю-раю!
Да уж я дам тебе нежнее, раю-раю-раю!
Да у жорнова, у ступы, раю-раю-раю!
Да у поганого корыта, раю-раю-раю!
Да у бруснёго у каменья, раю-раю-раю!
Да у студеного подгорья, раю-раю-раю!
Да на гумне у китиги», раю-раю-раю!

№ 600

Из-за гор-горы карета бежала,
Та карета — карета не простая,
Не простая, не простая — золотая.
Во карете-то девица сидит, куманица —
То Настасья Ивановна.
Под ней пара коней, кони вороные,
Кучера с ней молодые.
Кучерам она кричала:
«Кучера вы, молодые!
Вы стегайте легонько,
Чтобы дольше дорожка,
Мне от батюшка ехать,
От родимого ехать!»

№ 601

Из лугу, лугу кони бежат,
Самый-от лучший конь впереди бежит.
Он тушечку держит печкою,
Он голову держит гоголем,
Он ноженьки мечет частешенько,
Он и хвост держит трубкою,
Из ноздрей коня искры сыпятся,
Изо рта его пламя пышется,
Из ушей-то дым столбом валит.
Поликарпушка едет с радости,
Свет Иванович — со великиё.
Парасковьюшка плачет от жалости,
Свет Ивановна — от великиё!

№ 602

Кудрявый повозник,
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтобы я не слыхала,
Как батюшка тужит,
Тяжело воздыхает,
Меня вспоминает.
Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтоб я не слыхала,
Как матушка плачет,
Тяжело воздыхает.

СИРОТСКИЕ ПЕСНИ

№ 603

Ты река ль, моя реченька,
Да ты река ли, моя реченька,
Да по тебе-то много струй бежит,
Да по тебе-то много струй бежит.

Да как одной-то струи не было —
Да самоцветного камушка:
Да у Онисьи нету батюшка,
Да у Ивановной родимого.
Да кабы был кормилец батюшко,
Да не столько бы пива наварил,
Да не столько гостей названы.
Да у окошечка стукнуло,
Да у ворот колечко брякнуло, —
Да очнитесь, люди добрые,
Да пропустите дорогих гостей,
Да дорогого гостя — батюшка
Да со родимой матушкой,
Да ко столам-то ко дубовым,
Да ко скатертям ко браным,
Да ко пищам ко сахарным.
Да благослови ты чадо милое
Да в путь ты, во дороженьку,
Да ко звону колокольному.

№ 604

Бежит речка — не колыбнется,
Да с берегами не равняется,
Да с берегами не равняется,
Да с желтым песком не мешается.
Как сидит-то наша умница,
Наша умница-разумница,
Наша тихая-смирённая.
Она сидит-то не улыбнется,
Говорит-то — не усмехнется:
«Вы желанные подруженьки,
Мне чего же улыбаться,
Говорить и усмехаться, —
Полный дворичек вороных коней,
Полны сенечки седелочек висят,
Полна горница дорогих гостей.
Уж как все гости собралися,
Как одного гостя нет как нет».
У ней нет кормильца-батюшки,
У ней нет родимой матушки,
Снарядить-то ее есть кому,

Бласловить-то ее некому.
Попрошу я братца родного:
«Уж ты, брат ты мой родименький,
Запряги-ка ворона коня,
Уж ты съезди до божьей церкви,
Приударь-ко в большой колокол,
Пробуди кормильца-батюшку
И родимую матушку.
Пораздайся, мать сыра земля,
Пораскройся, гробова доска.
Пораскинсья, точка белая,
Уж ты встань, кормилец-батюшка,
Ты, родима моя матушка,
Благословите сиротиночку».
Не успела слово молвити —
Под окошечком стукнуло,
У ворот колечко брякнуло,
Они несут-то Спаса образа,
Пресвятую богородицу
Бласловить-то сиротиночку!

№ 605

Много, много во сыром во дубу,
Много листу, много повитья,
И столько нету у сырого у дуба,
Золотой нету вершиночки,
Подзолоченной нет маковки.
И много, много-то у девушки,
Много роду, много племени,
Много сродчев, много сродничков,
И столько нет у красной девушки,
Нет родителя-то батюшка,
Нет желанной родной матушки,
Нет братцев — ясных соколов,
Нет сестриц да белых лебедей.
И выдавать-то замуж есть кому,
И наградить-то младу некому.
И выдают все чужьи люди,
Чужьи люди, незнакомые,
Все суседи спорядовые.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

После венчания сваха в церкви заплетала невесте волосы в две косы (нередко это делали и по приезде в дом жениха), накладывала повойник (борúшку, конúру, кúку), а сверху еще покрывала платком. Так, укрытая от посторонних глаз, и ехала невеста в одних санях с женихом к его родителям. От молодых по пути требовали «выкуп», а у самой околицы или у дома для оберега поджигали специально построенные ворота, через которые лошади должны были проскочить; жгли солому, зажигали расставленные на столбах доски с дегтем и маслом, стреляли из ружей.

Существовало множество местных разновидностей обряда встречи молодых. В одних случаях сани сразу же въезжали во двор, к самому крыльцу; в других — останавливались у ворот; в третьих — от околицы молодые шли к дому пешком (в основном — в южных районах России); родители жениха могли ожидать их у крыльца, у ворот, в сенях, у поставленного под окнами стола, у повети (во многих местах молодых в дом вводили через хозяйственный двор); родители, как правило, были одеты в вывернутые мехом наружу шубы (в северных деревнях), держали в руках хлеб и икону для благословения; молодых от саней вел дружка, окрещивая путь кнутом, а сваха веником разметала дорожку. Благословляли молодых на расстеленной шубе, шкуре, половике, осыпая житом, овсом, хмелем; поили молоком, кормили медом, клюквой, заставляли откусывать хлеб. «Откусит от каравая, и за пазуху, коров кормить, чтобы корова жарчае была. Два каравая вносили. Свекровка давала тому и другому, оба на голову положат и несут в дом».

«Народу-то полно, вся улица в народе, молодую смотреть», но «запрут ворота сперва, уж как посадят за стол, и пропустят народ-то»¹.

«За стол посадили, невесту платком накрыли, бабы песни пели. Вышла свекровь из чулана с пирогом и им подняла у невесты с головы платок; гости кричат: «Хороша наша молодая!»² В разных местах

¹ Балашов-И. С. 293, 294.

² Шаповалова. С. 264.

русского севера молодую могли «раскрывать» дружка, сваха, свекор, на-
вертывая платок на пирог, отрезанный край хлеба, черенок деревянной
ложки, кнут,— с приговорами, под пение песен и похвалу молодой
(«даже если и не хороша, то хороша»).

«Как отсидит за столом, подходит к свекру, сколько даров назна-
чено, дает. И поклонится в ноги, и обоймет. Ящик тут с дарами. А народ
в кучу соберутце да раздёргивают. Кланялась всем, и суседям»¹.

За свадебным столом молодые нередко сидели на шубе, подушках,
ели одной ложкой, пили из одной чашки.

Праздничный пир («княжий стол») был обильным, со многими пере-
менами блюд. Причитать уже не полагалось, пели веселые величания,
корильные песни, плясали, шутили, смеялись над ряжеными.

«Отстоят стол, все разойдутся, невесту с женихом спать валят в от-
дельную комнату. Сватья ее валит, тут приговор говорила: «Сколько в
лесу пеньков — столько вам сынков; сколько в лесу кочек — столько
вам дочек»². Сваха или родственницы жениха ложились на постель, тре-
буя выкуп, дружка окрещивал постель кнутом, а невеста их одаривала.
«Жених приде, ляже на кровать, невеста разуе его, раздене; век так, и
ныне так»³. «Он сапоги заставит снимать, там деньги. Новой так и еще
всяко держит ногу там, чтобы не снять было. Потом по три раза по-
молится, спать чтобы пустил: «Панкрат Петрович, прими в товарищи!» —
трижды. Третий раз как скажет с поклоном, он берет ее за пояс и пере-
кидывает через себя на постель, и все уходят, одних оставят» <...>
«Уйдут все из комнаты, их замкнут на полчаса, четверть часа, затем
крестная подымает чай пить. Уж после чая спать идут»⁴.

¹ Балашов-II. С. 295.

^{2, 3} Савушкина. С. 82, 83.

⁴ Балашов-I. С. 114.

ВСТРЕЧА МОЛОДЫХ СВАДЕБНЫЙ ПИР

№ 606

«Соколѣ вы, соколѣ,
Сокóлы вы яснѣе,
Соколы вы ясные,
Куда вы летали,
Куда вы летали
Долог день до вѣчера,
До самой полунóчи?»—
«А и мы вѣдь летали,
А и мы вѣдь летали
С морѣ да на мóре,
С моря да на море,
С синего на синѣе,
С синего на синѣе».—
«Что тамо видали,
Что тамо видали?»—
«А мы вѣдь видали:
Плават, плават утица,
Плават, плават серая».—
«А вы что ей не взяли
Да домой не привѣзли?»—
«А мы не глупо сдѣлали,
Ее так оставили:
Крылие обломали,
Перие ощипали».—
«Боярѣ, вы бояра,
Боярѣ Иванóвы,
Куда вы ездѣли?»—
«А мы вѣдь ездѣли
С города да на город,
С волости да на волость,
Да из деревни в деревню.
Да из деревни Печковской

У добра́ у крестьянина
Плачет, плачет девица
Своим зычным голосом». —
«Вы что ей не взяли?» —
«Мы не глупо сделали,
И не так оставили —
К божьей церкви свозили,
Закон божий прине́ли,
Русу косу расплели
Да молодницей назвали».

№ 607

«Ох, соколы вы, соколы,
Соколы вы, соколы,
Ой, далеко ли вы лётали,
Далеко ли вы лётали?» —
«Ой, мы лётали-лётали,
Мы лётали-лётали,
Ой, с города да на́ город,
С города да на́ город!» —
«Ой, что вы тамо видели,
Что вы тамо видели?» —
«Ой, мы видели-видели,
Мы видели-видели,
Ой, серу утку на́ море,
Серу утку на́ море,
Ой, красну девку в тереме,
Красну девку в тереме.
Ой, все девицы при венках,
Все девицы при златых,
Ой, одна Ксенья без венка,
Дмитриевна без злата́.
Ой, совил ей Дми́трий-князь,
Совил ей Михайлович,
Ой, со тонка поло́тнеца,
Со тонка поло́тнеца,
Ой, со беленького миткалёчка,
Со беленького миткалёчка».

№ 608

Возъезжал Васенок
На крутую гору,
Возъезжал Михайлович
На крутую гору!
Затрубил во трубочку
Во серебряную!
Подавал весточку
Родному батюшке,
Родной матушке!
«Батюшка мой, батюшка мой,
Я еду домой!
Еду домой,
Еду домой с молодой женой,
С дорогими гостями,
С молодой женой!
Гости мои, гости мои,
Мной зазванные!»

№ 609

Кругом-кругом да солнце катилось,
Рядом-рядом бояра все едут,
Бережно везут молодую княгиню,
Княгиню Анну Ивановну.
Часто князь к ей припадываё,
Тайно у ей все выпрашиваё:
«Что дары ли везешь к моему батюшку,
Моей матенке?»—
«То дары везу к твоему батюшку,
То дары — сто локот порчён».—
«То добро, то и надобно.
Что дары везешь молодому князю?» —
«То дары везу — сама я себя».—
«То добро, то и надобно!»

№ 610

«Уж вы где, гуси, были?
Калина да малина!
Уж вы где ночевали?»—

«Уж мы, гуси, были,
Уж мы ночёсь ночевали
У Прасковьи во тереме,
У Ивановны во высоком;
Уж мы видели чудо —
За столом сидит девка,
Ко ральцю причитает:
«Ох ты ральчик, мой ральчик,
Окована шкатулка!
Уж я год те копила,
Я другой — наполняла,
Я третей нагнетала;
Пришло разоренье —
В один час разорилась,
По платку раздарилась;
Еще свекру-то батюшке —
Тонка бела рубашка,—
Да еще дару мало,
Им еще не достало,
И не в честь им, не в радость,
Им не в доброе слово.
Свекровушке-матушке —
В пятьдесят рублей кокошник,
Золотой подзатыльник,
Полотняна рубашка,—
Да еще дару мало,
Им еще не достало,
И не в честь им, не в радость,
Им не в доброе слово.
Девёрьцам-братцам
По тонкой белой рубашке,
По шитой ширинке,—
Да еще дару мало,
Им еще не достало,
И не в честь им, не в радость,
Им не в доброе слово.
Золовушкам-сестрицам —
По алой по ленте,
По алому плату,
Полотна на рукавцы,—
Да еще дару мало,
Им еще не достало,

И не в честь им, не в радость,
Им не в доброе слово.
Да и милой-то ладе
Я сама головою,
Вековой слугою:
Резвы ножки с подходом,
Белы ручки с подносом,
Да уста с приговором,—
Ему в честь, ему в радость,
Ему в доброе слово».

№ 611

Трубила трубонька по заре,
Всплакала Марьюшка по косе,
Всплакала Васильевна по трубчатой:
«Вчера тебя, косынька, девицы плели,
Заплели косыньку трубчатую;
Сегодня же косыньку свашеньки плетут,
Расплели косыньку трубчатую,
Заплели косыньку двойчатую».
Воструби, труба, поранее,
Что поранее, по-утреннему,
Чтобы чула и слышала
Свет-су Марьи́на матушка,
Что Васильевны родимая.
Она где трубу услышала,
Слезно жалобно тут заплакала:
«От меня ли дитя везут,
Что дитя ли — дочь милую!
Перед ней образа несут,
Образа все пречудные,
По-за ней сундуки несут,
Сундуки окованные
И ларцы кипарисные».
Воструби, труба, поранее,
Что поранее, по-утреннему,
Чтобы чула, слышала
Свет Васильева матушка,
Что Иваныча родимая.
Она где трубу слышала,
Она там взрадовалась:

«Ах, ко мне ли дитя везут,
Что дитя — сноху милую.
Перед ней образа несут,
Образа все пречудные,
По за ней сундуки несут,
Сундуки окованные
И ларцы кипарисные».

№ 612

Козушка белоногая
По горке ходила,
Дразнила, поддразнивала
Она серого волка:
«Волчушка, серенькой!
Я ж тебя не боюсь,
Я ж тебя не боюсь,
В терем схоронюся».
Не взгадала ж да и козушка,
Что на утре будить:
Ножки тут, рожки тут,
Самой козы нету.
Дразнила Натальюшка
Василья Димитрича:
«Васильюшка Димитревич!
Я ж тебя не боюсь,
Как я ж тебя не боюсь,
В терем схоронюся».
Не взгадала ж да Натальюшка,
Што на утре будить:
Ленты тут, перевязки тут,
Натальюшки нету,
Ай, ляли, али-ляй-ляли!
Натальюшки нету.

№ 613

Выглянь, матка,
Во стекольчато окошко,
Как сын-сокол едет,
Соколушку везет,

Небывалого гостя,
Что век не бывала,
Двора не знавала.
Посади лебедку
Под святыя на лавку;
Начнет же лебедка,
Начнет гурковати,
К дому привыкати.

№ 614

«Сокол мой Соколович,
Василий да Иванович,
Залетная пташечка!
Где летал-полётывал?»—
«По чистому полюшку,
По лужкам зеленаим,
По травам шелковаим;
Поимал лебедушку,
Лебедушку белую,
Марью да Степановну».
Привел к своёму двору,
К высокому терему.
Спросил он у батюшки,
У родимой матушки:
«Родимый мой батюшка,
Государыня матушка!
Люба ль вам невестушка,
Невестушка-ластушка?»—
«Рожоная дитятко!
Была бы тебе любá!
А нам-то любешенька,
Мйла и милёшенька,
Марья да Степановна».

№ 615

Как у Петра-то во дворичке
Ворота все растворилися,
Да три кораблика приплыли,
Да три кораблика приплыли.

Да уж как первóй корабль с золотом,
Второй-то с чистым сéребром,
Уж как третей с красной девицей,
Да что и с Ольгой да Кузьмовной.
Как Петрова-то матушка,
Она по дворику похаживает,
А как Петру-то выпрашивает:
«Мое милое ты дитяtko,
Да за которой корабль примешься?»—
«Мне не надо злата-золота,
Мне не надо злата-сéребра,
А мне надо красну девицу!»

№ 616

У броду-то, броду,
Ряди, ряди да ранешенько!
Да у мелкого-то переходу,
Что Игнатий-то коня дрочит,
Свет Васильевич гладит.
«Ходил-то мой конь далеко,
Опристал-то мой конь порато,
Ты привез, мой конь, гордыню,
Что гордынюшку спесиву».
Александрюшка наша гордая,
Николаевна да спесива,
Она на лесенки да не ступит:
«Ваши лесенки да глязливы».
Она новыми сенями не пройдет:
«Во новых сенях порошье».
В нову горенку не зáйдет:
«В новой горнице копотье».
На кроватку спать не ляжет:
«На кроваточке комарье».
На лесенки надь новый заступ,
На порошье — шелков веник,
На копотье — шелков вехоть,
На комарье — шелков полог.
Что Игнатий ступил на лесенку —
Александрюшка да за ним же.
Свет Васильевич — в новы сени,
Николаевна-свет туда же.

Васильевич — на кроватку,
Николаевна-свет туда же,
Игнатий-то взял на ручку,
Александра-то жмет к сердечку.

№ 617

Ты звезда моя, звездочка,
Да ты звезда перехожая,
Ты звезда перехожая,
Да перешла, переступила,
Перешла, переступила
Да через трой сени новыя,
Через трой сени новыя,
Да через трой перехожая.
Через трой перехожая.
Да чтой по сенечкам, сенечкам,
Чтой по сенечкам, сенечкам,
Да по частым переступичкам,
По частым переступичкам
Да туда хóдила-гúляла,
Туда хóдила-гúляла
Да молодая боярыня
Молодого боярина,
Да молодого боярина,
Молодого боярина.
Да во руках она нóсила,
Во руках она носила,
Да чтой два блюдечка серебряныя,
Чтой два блюдечка серебряныя.
Да чтой на блюдечках по яфанты,
Чтой на блюдечках по яфанты.
«Да уж вы яфанты, яфанты,
Уж вы яфанты, яфанты,
Да полёжите малёшенько,
Полёжите малёшенько,
Да докуль я ли, молодёшенька,
Докуль я ли, молодёшенька,
Да я схожу, млада, во горницу,
Я схожу, млада, во горницу,
Да чтой во светлую свётлицу,

Чтой во светлую свѣтлицу,
Да к своему ли дружку к милому,
К своему ли дружку к милому,
Да ко приятелю сердечному,
Ко приятелю сердечному.
Да он сидит прохлаждайтсе,
Он сидит прохлаждайтсе,
Да сам женой похваляйтсе,
Сам женой похваляйтсе:
«Да у меня жена умная,
У меня жена умная,
Да Олександра разумная,
Олександра разумная.
У ей походочка павиная,
У ней походочка павиная,
Да тиха речь лебединая,
Тиха речь лебединая.»
Да затем здравствуй, Петро-господин,
Затем здравствуй, Петро-господин
Да со лебедушкой с Олександррушкой,
Со лебедкой с Олександррушкой.
Да проздравляем те, Иванович,
Проздравляем те, Иванович,
Да с богосуженой Степановной.

№ 618

Рыбинка-плотичка, не лягайся,
Не лягайся!
Что и Марья-душа, догадайся,
Догадайся!
Что Ивановна догадайся,
Догадайся!
Хотят тебя раскрывати,
Раскрывати,
На все люди показати,
Показати!
Хороша ли у нас молодая,
Молодая,
Ивановна похвальная,
Похвальная!

Что Семеновски рыболовы, да рыболовы,
 Они хотят рыбицу уловить, да уловить.
 Да уж ты, рыбица, умечися, да умечися,
 Да жива в рученьки не давайся, да не давайся!
 «Да куда же мне, го... горькой, деться,
 да горькой деться?
 Да куда же мне схо... схорониться, да схорониться?
 Да схоронюся я под фатейку, да под фатейку,
 Да под зеленую под тафтицу, да под тафтицу!»

Пригоженький горноста́й —
 Гордая боярыня
 Мария Федоровна.
 А мы тебя величаем
 Да поименно называем.
 А ты роду-то большого,
 Отца с матерью честного,
 Во садике роди́лась,
 Замуж пошла — переменялась!

Весела горенка Григорьева:
 Во сыром бору она валена,
 Вострым топором она рублена,
 На борзых конях в лесу вожена,
 Вниз по воде она сплавлена,
 Высоко на гору она тягана,
 На веселом местечке поставлена.
 В той ли горенке пир пировати,
 Пир пировати — свадьбу играти,
 Свадьбу играти — сыновей женити,
 Сыновей женити, дочек отдавати,
 Сына женю — я подмогу веду.
 Дочку отдаю — я поилочку.

№ 622

Да уж вы кушайте, гости, не сидите,
Не сидите!

Да уж вы рúшайте гуся, не студите,
Не студите!

Да вы пущайте Прасковью за завеску,
За завеску!

Да вы пущайте Дмитриевну за браную,
Да по ей девушки-подружки стосковались,

Да у ей скорые ноженьки пристоялись,

Да у ей белые ручки примахались,

Да у ей буйная головка заболела.

Да у ей скорые ножки — от стояния,

Да у ей белые ручки — со подноса,

Да у ей буйная головка — со поклона!

№ 623

Ай, в поле олень — золотые рога.

Николай говорил да сповыговорил:

«Я тебя, олень, убью, убью, застрелю!» —

«Ты меня, Николай, не бей, не стреляй,

Сын Иванович, не бей, не стреляй;

Я к тебе, молодец, да на свадьбу приду

И твоих всех гостей взвеселю!

Золотыми рогами гостей разбоду,

Золотыми косицами вострясу,

Я любимую песню спою,

Всех твоих я гостей взвеселю,

А невесту твою на особицу —

Катеринушку да Ивановну,

Чтоб она да не плакала,

Чтобы слезы да не ронила,

Бело лицо да не мочила».

№ 624

Плавала чарочка по сладкому медку,

Плавала чарочка по сладкому медку.

Некому чарочку переняти,

Некому чарочку переняти.

Перенял чарочку Иван-то князь,
Перенял чарочку Иванович.
Подносил чарочку Настасье-душе,
Подносил чарочку Андреевне:
«Выкушай чарочку, Настасья-душа,
Выкушай чарочку, Ивановна!»—
«Ты спасибо, Иванушко-князь,
Ты спасибо, Иванович!
Пить мне не хочется,
Пуще того — нездоровится.
Ты послушай, Ванечка, сон тебе скажу,
Ты послушай, милый, я чудный расскажу:
Будто у нас на широком дворе
Выросла зеленая трава,
На зеленой траве — алые цветы,
А на алых цветиках — сизый пав.н,
Сизый павин с сизой павушкой».—
«Ты послушай, Нюшенька, сон тебе скажу,
Ты послушай, милая, правду расскажу,
Зелена трава — гости у нас,
Алые цветики — девушки при нас,
Сизый павин — я при тебе,
Сизая павушка — ты при мне».

№ 625

Во тереме ясные свеченьки горят,
Воску-то ярого, утаивают,
Ой, ненешки, манешки утаивают.
Ой, утаивают, да припадывают
Ко шитому, ко браному, ко тонкому положку.
Ой, родимые сестрицы-то выпрашивают,
У Васильюшки Ивановича выпрашивают:
«Где же ты, Васильюшка, был-спобыл,
Где же ты, Иванович, спобывывал?»—
«Был же я у тестенька у ласкового,
У Ивана-то Матвеевича».—
«Чем же тебя тестенька дарил али нет?»—
«Дарил меня тестенька вороным конем!»
Во тереме свеченьки ясные горят,
Воску-то ярого, утаивают.

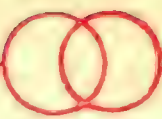

Родимые сестрицы у братца выпрашивают:
«Где же ты, братчик, был-спобывал?
Где же ты, Васильюшка, был,
Где же ты, Иванович, спобывывал?»—
«Был-то я у шурина у ласкового,
У Ивана свет Ивановича!»—
«Чем же тебя шурин дарил али нет?»—
«Дарил меня шурин черкальским седлом».
Во тереме свеченьки ясные горят,
Воску-то ярого, утаивают,
Ой, утаивают, да припадывают
Ко шитому, ко браному, ко тонкому положку.
Ой, родимые сестрицы-то выпрашивают,
У Василья Ивановича выпытывают:
«Где же ты, Васильюшка, был,
Где, Иванович, спобывывал?»—
«Был я у тещеньки у ласковья,
У Матрены у Григорьевны».—
«Чем же тебя тещенька дарила али нет?»—
«Дарила меня тещенька своим чадом милым,
Свет Федосьюшкой Ивановной».

№ 626

Что не соболи по улице погуливали,
Да играйте гораздо!
Да не сибирския по широкой разгуливали,
Да туды хóдил-гулял удалóй молодец,
Да удалой молодец, первобрачной князь,
Да ище нá имя Семен да Федорович.
Да он кунцами, лисицами обвесился,
Да вокруг калеными стрелами обтыкалсе,
Да он тугим лучком подпирайтсе,
Да он ко каждому ко терему привяртываёт,
Да он ко каждому к окошечку припадываёт,
Да он у старого, у малого выпрашивает,
Да он у середового выводываёт:
«Да ты ужли, ты ужли, душа Оксенья моя,
Да ты ужли, ты ужли, Алексеёвна?
Да у тя белыя дары да всё добелёныя,
Да у тя русая коса да всё дорощёная,

Да золотая хоть повязка додёржанная».
Да затем здравствуй, Семен да с Оксеньёй своёй,
Да проздравляем тебя, Федорович, с Олексеёвной!

№ 627

Что перед воротами Ивановыми,
Что перед широкими Михайловича
Тут и шла, протекала река серебряная.
Что по той по реке по серебряной
Тут бежит, выбегает червлёный корабль.
Что на том корабле сидят бóяра,
На середке корабля сидит суженый,
Ино суженый Андрей Иванович.
Выходила Ксенья на крут бережок,
Становилася Егоровна на серый камешок.
Она мыла, умывала белы руки свои,
Что белее того — лицо белое свое.
Ино суженый Андрей Иванович:
«Ты ступи, ступи, Ксенья, в червлёный корабль,
Ты подай, подай, Егоровна, белы руки свои,
Что белее того да бело лицо свое».
Как сумела Оксинья ответ содержать:
«Мне нельзя, нельзя, Андреюшка,
В червлен корабль ступить.
Мне нельзя, нельзя, Иванович, белы руки подать,
Что белее того — свое белое лицо:
Ясно солнце печет во ясны очи мои,
Часты дожди падут на скруту на мою,
Буйны ветры дуют под накаты мои,
Вся земля дрожит под резвы ноги мои,
Все бояра глядят все со города,
Да боярыни-то жены — со пригорода,
Да красны девицы — с висока с терема.
Я тогда, тогда, Андреюшка, в червлен корабль ступлю,
Я тогда, тогда, Иванович, белы руки подам,
Что белее того — свое белое лицо,
Да когда солнце за леса уйдет,
Да когда ясное за темные уйдет,
Да когда дожди перестанут пасть,
Да когда ветры перестанут дуть,

Да когда земля перестанет дрождать,
Да когда бояра приразъедутся,
Да боярыни-то жены приразойдутся,
Да красны девицы приусядутся».

№ 628

Умны бояре князевы —
Поумней их князь молодой:
Подсек березу во темном бору,
Побрал ягоду во сыром лесу,
Подкопал медуню в зеленом саду —
Украл девушку от батюшка,
Не дал березе раскинутися,
Не дал медуне повыцвести,
Не дал ягодке повызрети,
Красной девушке додевити!
Раскинись, береза подсеченная,
Расцвети, медуня подкопанная,
Дозрей, ягодка побранная,
Додиви, девушка, за моей головой,
Носи злат венец, не складывая,
Терпи горюшко, не сказывая!

КОНЕЦ ПИРА

№ 629

Фетисушка скажет: «Спать я хочу».
Агафьюшка молвит: «И я с тобою».
Фетисушка скажет: «Коровать тесна».
Агафьюшка молвит: «Будет с нас».
Фетисушка скажет: «Одеяло холодно».
Агафьюшка молвит: «Будет тепло».
Фетисушка скажет: «Зголовы низки».
Агафьюшка молвит: «Будут высоки».

Тетера на стол прилетела,
Молодушка спать захотела.
Алексею с похмелья не спится,
Аннушка на ножечку ступает
Да Алексеюшка спать позывает:
«Пойдем, пойдем, Алексеюшка, спати,
Да осеннюю ночь коротати».

Что во садике-саду, да эхи,
Да во зеленом во саду, да эхи,
Да кровать да тесовая, да эхи,
Да нова писаная, да эхи.
Да на кровати-то перина, да эхи,
Да перина пуховая, да эхи,
Ай да на перины-то простыня, да эхи,
Да простыня шелковая, да эхи,
Э-на простыне зголовье, да эхи,
На зголовье-то молод князь, да эхи,
А да молод князь Иван Иванович, да эхи.
Да служки-дружки у его, да эхи,
Да раздевают-то, разувают его, да эхи,
Да распоясывают его, да эхи,
Э-да спать укладывают, да эхи,
Э-да уговаривают, да эхи:
«Да уж ты стань-кось, молод князь, да эхи,
Да еще на море корабль, да эхи,
И да с чистым серебром пришел, да эхи,
А да еще на море второй, да эхи,
Э-да с красным золотом пришел, да эхи,
А да еще на море третьей, да эхи,
А да еще с красной девушкой с душой, да эхи,
Уж ты стань, пробудись, да эхи!»
Уж как стал молод князь, да эхи,
Да на одну ногу сапог, да эхи,
Да на втору ногу чулок, да эхи,
Да на одно плечо сертук, да эхи,
Да на одно ухо шляпу, да эхи:

«А да уж ты стой, корабль, да эхи,
Да отдай сужену мою, да эхи,
Да отдай ряжену мою, да эхи,
Да еще Анну хорошу, да эхи!»

№ 632

Как пришел Иван поздно вечером домой,
Ой да какой, кой, кой, поздно вечером домой!
Разломался над женой, все над Марьюшкой-душой,
Ой да какой, кой, кой, все над Марьюшкой-душой!
«А ты, Марьюшка, разуи, свет Ивановна, разуи,
Ой да какой, кой, кой, свет Ивановна, разуи!»—
«А я бы рада разула, да не знаю, как зовут,
Ой да какой, кой, кой, да не знаю, как зовут!»—
«Ты сходи-ка на улицу, ты спроси-ка у людей,
Ой да какой, кой, кой, ты спроси-ка у людей!»—
«А вот люди говорят: «Все Иваном зовут,
Ой да какой, кой, кой, все Иваном зовут!
А по батюшке зовут все Васильевичем,
Ой какой, кой, кой, все Васильевичем!»
Я одну ногу разула — я Иваном назвала,
Ой какой, кой, кой, я Иваном назвала!
Я другую разула, я — Васильевичем,
Ой да какой, кой, кой, я — Васильевичем!»

№ 633

Воробей воробку парует.
Посадивши на кровать,
Фетис Агафьюшку целует:
«Уж ты, душа моя, женушка,
Денная моя погляденья,
Ночная моя забава».

№ 634

Шелкóвая ниточка к стенке льнет,
Сергей-то Верушку к сердцу жмет:
«Скажи-ка мне, Верушка, всю правду свою —
Кто тебе, Верушка, из роду мил?»—

«Мне милёшенек родной батюшка». —
«Вот это, Верушка, неправда твоя,
Неправда твоя, не истинная».
Шелкóвая ниточка к стенке льнет,
Сергей-то Верушку к сердцу жмет:
«Скажи-ка ты, Верушка, всю правду свою —
Кто тебе, Верушка, из роду мил?» —
«Мне мила милёшенька родна матушка». —
«Вот это, Верушка, неправда твоя,
Неправда твоя, не истинная».
Шелкóвая ниточка к стенке льнет,
Сергей-то Верушку к сердцу жмет:
«Скажи-ка ты, Верушка, всю правду свою —
Кто тебе, Верушка, из роду мил?» —
«Мне мил-милёшенек ты, государь!» —
«Вот это, Верушка, правда твоя,
Правда твоя да и истинная!»

№ 635

Ой, не разбушуй,
Ой, не разбушуй, холоден ветер,
Ой, не раскачай,
Ой, не раскачай, звонкий колокол,
Ой, не разбуди,
Ой, не разбуди у крестна жену,
У Ивана Петровича.
Ой, вечер она, ой, вечер она
Во пиру была, во пиру была,
Во пиру была, во беседушке.
Ой, поутру она сына родила,
Сына родила.
Ой, за то ее царь, за то ее царь,
Царь пожаловал
Да трем городам, трем городам,
Ой, с пригородками, с пригородками.
Что в одном городе, в одном городе
Пиво варили,
А в другом городе, в другом городе
Вино курили.
А в третьем городе, в третьем городе
Сына крестили.

До дому, сваты, до дому,
Поели кони солому.
А ту ячную, смачную,
А ту ярную, ржаную.
А где будете ночевать,
Будете солому покупать.
Соломки пучок — пятачок,
А сена жмёнька — копейка.

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

У

тром «будили молодых, горшки об дверь били, ведрами гремели, рубчатым валиком», «мать горшок несет и бьет: «Ой, жарко! Ей надо полотенце»¹.

«Ну, чай утром попьют, посидят молодые, а там идут уж народ, пузырянники ехидны избу сорить. Накладут перьев, парева в горшок, несут под шубой, под полой, запнутся нарошно об порог, горшок сломается — вот сору-то в избе! В розны худые катанцы накладывают перья, ходят — сорят, из дырок сыплется. Молодка должна пахать из-под порожья — дадут ей веник, он обрублен, один комель, мести нечем; она свекрови в ноги — хресь: «Богоданна моя матушка, научи меня пахать!» Свекровка принесет мягонький веничек, покажет: «Вот так у нас пашут, молодушка!» <...> Свекровка ей покаже, молодка паше-паше — огленется: еще больше сору! Да надо чисто пахать, а пузырянники ходят, у них из-за пазухи все сыплется. Тут она мужика (мужа) просит: «Выкупи меня из неволи!» <...> Вся устанет молодушка, попробуй-ка попаши да попадай в ноги: хресь да хресь!»²

Во многих деревнях невесту утром посылали за водой. На ключе (у реки, озера, колодца) собиралась вся деревня посмотреть на своеобразный спектакль: молодая наливала воду, ей мешали, выливали воду на снег, стараясь облить молодую и друг друга, брызгались водой, требуя угощения. Сваха раздавала присутствующим пироги, а молодая «выкупала» ключ — бросала деньги в воду.

Во многих местах вслед за этим обрядом устраивали застолье, после которого все на разукрашенных саях катались по деревням. Пели в этот момент в основном необрядовые любовные песни.

В северных деревнях существовал обычай водить молодых в баню: ведут с песнями и шутками, верховодят дружка или сваха. «Ряженные

¹ Шаповалова. С. 291.

² Савушкина. С. 84.

приходят: врач, бабка с веником и тазом, лесник (штраф берет за елку), бабка в шутку парит невесту»¹.

К вечеру (или на второй-третий день) молодые вдвоем или с родственниками со стороны мужа ехали в дом молодой на отводной стол (отводины, хлебины, яичница).

В избу набивался народ посмотреть, как молодой будет благодарить тещу. Мать молодой подавала зятю большую сковородку с яичницей (в некоторых местах она была сверху покрыта платком). Молодой брал ложкой кусок яичницы, а все внимательно смотрели: с краю возьмет — девушка сберегла девичью честь до замужества; из середины — позор родителям. За яичницу зять расплачивался деньгами, клал сверху платок для тещи. В некоторых деревнях, по обычаю, молодой, взяв кусок со сковородки, ломал деревянную ложку (иногда до десяти штук) и бросал ее в сторону присутствующих. Яичницу уносили, а в конце застолья сковороду вновь вносили и угощали всех присутствующих. В ряде мест вместо яичницы подавали блины, пирог.

Нередко после отводин молодые оставались ночевать, а в некоторых местах гостили два-четыре дня.

Во время отводин пели песни и величания, но широко известна во множестве вариантов песня, прикрепившаяся именно к этому обряду — «На гвоздике гусельцы висели».

Заканчивалась свадьба поездкой молодых в гости к родственникам. После этого для женщины начинались рабочие будни. А свадьба, на которой она многие дни была главным действующим лицом, оставалась в памяти на всю жизнь.

---

¹ Шаповалова. С. 292.

№ 637

Из саду в сад путь-дорожка лежит,
Из зелена тут и проторена.
Кто эту дорожку прошел, проторил?
Проторил дорожку Иванович Иван.
«Ягода Марья, куда пошла?» —
«Вишенье Иван, в лес по ягоды». —
«Ягода Марья, во что будешь брать?» —
«Вишенье Иван, в твою шапочку». —
«Ягода Марья, кому поднесешь?» —
«Вишенье Иван, твоему батюшку». —
«Ягода Марья, поклонись ли?» —
«Вишенье Иван, — до поясу!» —
«Ягода Марья, кому поднесешь?» —
«Вишенье Иван, твоей матушке». —
«Ягода Марья, поклонись ли?» —
«Вишенье Иван, — до поясу!» —
«Ягода Марья, кому поднесешь?» —
«Вишенье Иван, тебе самому». —
«Ягода Марья, поклонись ли?» —
«Вишенье Иван, — до поясу!» —
«Ягода Марья, обоймешь ли?»
Ягода Марья, поцелуешь ли?»

№ 638

Вспомни-тко, Пётро-князь,
Как холост ходил,
Вспомни-тко, Васильевич,
Как холост ходил!
Холост ходил Пётро-князь,
Да никто не журил,

Холост ходил Васильевич,
Да никто не журил;
А теперича, Пётро-князь,
Офросинья журит,
А теперича, Васильевич,
Алексеевна журит:
«Не ходи, Пётро-князь,
Да теперь хоробёр!
Не ходи, Васильевич,
Да теперь хоробёр!
Не чеши голову
Да не вей кудёр!
Не надевай чулочки
Белы, шелкóвые,
Не обувай башмачки
Да со пряжечками!
Я тебя, Пётро-князь,
Я и так люблю!
Я тебя, Васильевич,
Я и так люблю!»

№ 639

Во тереме гусли лежали,
Лежали, лежали, лежали,
А некому в гусли играти,
Играти, играти, играти,
А зятя-та дома не случилось,
Не случилось, не случилось, не случилось.
У ласковой тещи пирует,
Пирует, пирует, пирует.
А теща-та зятя провожала,
Провожала, провожала, провожала,
Три слова ему наказала,
Наказала, наказала, наказала:
«Ах, зять ты, мой зять, зять любимой!
Любимой! Любимой! Любимой!
Ты пей пиво, зять, не до пьяна,
Не до пьяна, не до пьяна, не до пьяна,
А сладкого меду не досыта,
Не досыта, не досыта, не досыта,

Садись на коня — не шатайся,
Не шатайся, не шатайся, не шатайся,
Приедешь домой — не валяйся,
Не валяйся, не валяйся, не валяйся,
Над Хавроньюшкой не ломайся,
Не ломайся, не ломайся, не ломайся.
Хавронья — дитя молодое,
Молодое, молодое, молодое,
Обычая твоего, сударь, не знает,
Не знает, не знает, не знает,
Разувать, раздевать не умеет,
Не умеет, не умеет, не умеет,
В уста целовать не достанет,
Не достанет, не достанет, не достанет».

№ 640

Теща про зятюшку сдóбничала,
Сдóбничала да пирожничала;
Испекла пирог в двенадцать рублёв:
Сóлоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на́ восемь рублей.
Теща по горенке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
«Как тебя, зятюшку, не рóзорвало?
Как тебя, зятюшку, не пёрервало?»

№ 641

⟨...⟩ Полна изба найдет смотреть молодых, а они таки нарядны да красивы: у молодушки сарафан-то красивый, бусы, кофты, платки. Часа три свадебники сидят, а пузырянники приходят и уходят ⟨...⟩ Стольник принесет последнюю перемену — кашу, накрытую платком, ставит на стол, не открывает. А остальные поют:

Стряпуха-то кашу варила, варила
Да мутовкою шевелила, шевелила,
Да мутовку изломала, изломала,
Да она кашу на стол выносила, выносила,
Да против молодого князя становила, становила,
Каша пошла в колупанье,

Ой да и Марья пошла в целованье.
Да Василий Марью целует,
Да Иванович Петровну милует
Да через пуговицы золотые,
Да через петелки шелковые.
Да уж ты, Марьюшка, не стыдися,
Да еще мы молоды бывали,
Да и нас молодых целовали,
Да у нас подол загибали,
Да из портков да ключ вынимали,
Да у нас коробки отмыкали.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ
ПЕСНИ

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

вадебные величания пели в течение всего обряда, начиная с просватанья, но основная их часть исполнялась во время свадебного пира в доме жениха. Именно величания создавали атмосферу веселья и довольства, рисовали идеальные образы жениха и невесты, желали им здоровья и счастья. Повеличать песней — значит, по мнению народа, обеспечить величаемому то, о чем поется, так как величальные песни обладали «магией слова» (они и были магическими по своему происхождению). Круг лиц, величаемых на свадьбе, очень широк: это молодые, их родители, свадебники, гости. Некоторые величальные песни предназначались только конкретным «чинам» (свахе, дружке, тысяцкому), другие пелись любому.

В сборнике при отнесении величальной песни к той или иной группе участников свадьбы учитывалось ее содержание и замечания собирателей и исполнителей. Некоторые величальные песни, устойчиво исполнявшиеся в предвенечный период, оставлены в соответствующих разделах.

МОЛОДЫМ

№ 642

Молоду князю песенку
С молодой княгиней:
Молод князь Иван-сударь,
Беленький Николаевич,
Княгиня свет Марьюшка,
Белая Ивановна.
Бог их свел, бог их свел
За единый стол,
Бог им велел, бог им велел
Одну хлеб-соль кушать,
Бог им велел, бог им велел
Одну речь говорить.

№ 643

Перебор светел месяц,
Он перебрал все дробны звезды,
Выбрал себе заряночку,
Хоть маленька — очень ясненька!
Перебрал Николаюшка,
Перебрал красных девушек,
Выбрал себе Авдотьюшку!
Хоть маленька, очень умненька,
Хоть тоненька — развеселенька,
Горницей идет потихохоньку,
Чару берет помалехоньку,
Кланяется все низешенько!

Что у месяца рога золоты
 И у солнышка-луны светлые,
 У Ивана кудри русые
 Из кольца в кольцо испронизаны.
 Что за эти-то за кудеречки
 Государь его хочет жаловать
 Первым городом — славным Питером,
 Другим городом — каменной Москвой,
 Третьим городом — Белым Озером.
 На Белом Озере там пива варят,
 В каменной Москве там вино гонят,
 В славном Питере там женить хотят,
 У купца брать дочь у богатого,
 Дочь умную, дочь разумную,
 Катерину Пантелеевну,
 Со даньем ее, со приданным,
 Со бельем ее коробейным.

Ай, во поле Натальюшка
 Зелен ячмень жала,
     Ай, ляли, али-ляли, зелен ячмень жала.
 Ай, во поле Михайловна
 По одном колосочку.
 На ту пору Василий-свет —
 На вороном коне.
 «Не можешь ли, Василий-свет,
 Изюму купити?
 Не можешь ли, Василий-свет,
 Меня накормити?» —
 «Могу, могу, Натальюшка,
 Изюму купити,
 Могу, могу, милый друг,
 Тебя накормити».

Ой, Натальюшка по садочку гуляла,
 Ай, ляли, али-ляй-ляли, да гуляла.
 Она каленые орешки шелкала,
 Те щелушечки в окошко бросала,
 Да Васильюшке во кудерцы попала.
 «Отсмею тебе, Натальюшка, насмешки,
 Отсмею тебе, Михайловна, да большие». —
 «Позабудешь, мой милой друг, позабудешь
 За своею, за большою суетою,
 За своим, за великим за гуляньем.
 Позабудешь, мой милой друг, за обниманьем,
 За своим же целованьем, милованьем».

Уж как кто у нас в пиру хорош,
 Уж как кто у нас в пиру пригож?
 Как хорош новобрачный князь,
 Новобрачный князь Васильюшко,
 Что Васильюшко Иванович.
 Его личико — белый снег,
 Его щечки — вроде алый цвет,
 Его брови-то черного соболя.
 Подари-ка ты, хороший, нас,
 Подари-ка ты, пригожий, нас,
 Не рублем ты, не полтиною —
 Что своей-то золотой казной.

Не тот ли князь молодой,
 Что Михаил да Тимофеевич,
 Он сидел в большом чину,
 Сам на себя поглядывал,
 Сам себя выглядывал,
 Сам себя выхваливал:
 «Ох ты, как я хорош,
 Ох ты, как я пригож,
 Кунья шуба до полу,
 Божья милость до веку».

Еще по морю, морю синему,
Да и за Дунай.

Да что по синему морю по Хвалынскому
Там бежало, выбегало тридцать кораблей,
Тридцать кораблей бежало со единым кораблем,
Со единым кораблем да с корабельщиком.

Что один-то корабель наперед выбегал,
Наперед выбегал, как сокол вылетал,
Еще нос, корма его да по-звериному,
Что бока сведены по-лошадиному.

Что на корабле беседа разукрашена была,
Изукрашена беседа красным золотом,
Красным золотом да чистым серебром.

Что по кораблю гуляет удалой молодец,
Что удалый молодец — первобрачный князь,
Еще на имя-то Яков Тимофеевич.

Он строгал стружки — кипарисно деревцо,
Уронил со правой руки злачан перстень
Он во синее море во Хвалынское,

Он кричал-зычал зычным голосом,
Зычным голосом крычал да во всю голову:

«Да уж вы слуги, вы слуги, слуги верные мои,
Слуги верные мои, да разудалы молодцы,

Вы берите, мои слуги, шелковые невода,
Вы мечите их, слуги, во синее море,
Что во синее море во Хвалынское».

Что ведь Яковы слуги не ослушались,
Тимофеевича да не отрекнулись;

Они брали, слуги, да золоты его ключи,
Отмыкали слуги да кованы сундуки,
Брали слуги шелковые невода,

Что метали их слуги да во синее море,
Что во синее море во Хвалынское.

Они первый раз забросили — не выловили,
Что другой раз забросили — не попало ничего,

Они третий раз забросили — выловили,
Они выловили целых три окуня,

Целых три окуня да златопёрые:

Еще первого-то окуня во пятьсот рублей,
Еще второго-то окуня — во тысячу рублей,

Еще третьему-то окуню — цены ему нет.
Еще есть ему цена да во Нове-городе,
Во Нове-городе, в каменной Москве,
В каменной Москве, да в славной Вологде,
Да и в Пялице-деревне, да во нижнем во концы,
Что во нижнем во концы у Степана во дому,
У Степана во дому, да у Марьи в терему,
Как у Марьи в терему да Олександрушки своей,
Олександрушки своей да Степановны,
Она ценщица да красна девица.

№ 650

Что у светлого месяца золотая была луна,
Что у красного солнца теплы оболочка,
Что у света у Ивана кудревата голова,
У Ивановича кудри шелковые.
Что на всякой на кудринке по цветочку цветет,
Что на всяком волосочке по жемчужинке висит.
Еще кто ты, молодец, на свет породил?
Спородила молодец родна маменька,
Споил да скормил родной батюшка,
Воспелеговала родима его сестра —
Марья Ивановна.

№ 651

Ты, дубовый стол, постучай,
Постучай!
Уж ты, князь молодой, послушай,
Послушай!
Уж как мы-то тебя величаем,
Величаем!
Имя-отчество называем,
Называем!
Вынимай-ко кисет-то шолковой,
Шолковой!
Ты дари-ко девок несчетно,
Несчетно!
Уж как нас-то девиц немножко,
Немножко!

Шестьдесят-то девиц со девицей,
Со девицей!
Пятьдесят молодиц с молодницей!
С молодницей!

№ 652

Тебе спасибо, Василий-князь!
Тебе спасибо, Иванович!
На твоих больших дарах,
На твоих на великих!
Со твоим большим поездом,
Со твоим со великим,
Со гостям со приезжим.
Не успели мы песню спеть,
Не успели слова выговорить—
От тебя пошли дары великие,
[Не рублём], не полтиною —
Золотою гривною.

ОТЦУ И МАТЕРИ МОЛОДЫХ

№ 653

По сеням, сеням, сенечкам
Тут ходила, гуляла
Молодая боярыня.
Заходила во спальенку
Да своего варового,
Варового да здорового,
Подходила ко кроваточке,
Ко кроваточке тесовая,
До перинушки пуховые,
До зголовьица косящего,
Будила, разбуживала
Что своего мужа здорового,
Здорового да варового:
«Уж ты встань-ка, душа умненький,
Разбудись-ка, свет разумненький,

Николай же свет Павлович.
Мимо наше любимое село
Пролетели гуси-лебеди,
Серы малые утицы.
Еще мне, молодешенькой,
Еще мне, зеленешенькой,
Захотелось гусятинки,
Что белой лебедятинки,
Серой малой той утицы».
Тут ответ держит умненький,
Отвечает разумненький:
Отойди-ка, душа умная,
Отойди, душа разумная,
Ты Матрена ль Алексеевна,—
У тебя есть чадо милое,
У тебя есть чадо любимое —
Анатолий Николаевич.
Ты поди-ка во спаленку,
Разбуди-ка чада милого,
Чада милого да любимого,
Анатолия да Николаевича.
Пусть идет да на конюшен двор,
Выбирает пусть лошадь добрую,
По уму себе, по разуму,
По плечу молодецкому.
Пусть уздает, седлает коня,
Пусть езжает ко синю морю,
Пусть берет с собой тугой лук,
Тугой лук, калену стрелу.
Пусть езжает ко синю морю,
Что на тихи на заводи,
Пусть стреляет гуси-лебедей
Что тебе на воскушанье,
Что да мне на возрушение,
Еще нам с тобой на пречестен стол».

№ 654

Как по сеням, по сенечкам,
По новым по решетчатым,
Тут ходила и гуляла

Молодая молодушка,
Дорогая боярыня
Катерина Абрамовна;
За правую руку водила
Своего сына милого,
Евгенья Прокопьяча,
За левую руку водила
Дочь белую лебедушку,
Свою Дарью Степановну;
Она будила-будила
Своего друга милого
Свет Степана Еремеича:
«Уж ты встань, душа, пробудись,
Пробудись, душа отецкий сын,
Свет Степан Еремеич-сударь!
Мимо наш-то широкий двор,
Мимо широких воротечек
Пролегала дороженька,
Московская, широкая.
Как по той по дороженьке,
Как по той по широкой,
Государь-царь в поход пошел
Со своей силой-армией,
Со князьями, со боярами,
Со детьми княженицкими». —
«Ты не плачь, моя умная,
Не тужи, моя разумная:
У нас все будет исправлено,
У нас все изготовлено:
Комони приоседланы.
Молодцы приснаряжены,
Только сесть да поехать.
Уж заднего настижем,
Мы переднего обстижем,
Мы к царю-государю пойдем,
Мы коня в поводу поведем,
Сокола на руке понесем,
Сокола — сына милого,
Мы еще на руке понесем
Дочь — белую лебедушку.
Нечто бог нас помилует,
Государь-царь пожалует

Тремя городами вольными:
Что Казанью и Астраханью
И Москвою богатою».

№ 655

Молода наша боярыня по сенечкам гуляла,
Она пялечки во рученьках держала,
Во пялечках впялен алый бархат.
Шила-вышивала боярыня три узора:
Первый-то узор вышивала —
Утряную зарю с белым светом;
Другой-от узор вышивала —
Светел молодой месяц со звездами;
Третий-от узор вышивала —
Красное солнце с лучами.
Утренняя заря с белым светом —
То совет и любовь со женою,
Великая любовь с душою;
Светел молодой месяц со звездами —
То [Иван] с сыновьями,
Свет [Иванович] с соколами;
Красное солнце с лучами —
То [Марья] с дочерями,
Свет [Ивановна] с лебедями.

№ 656

У ворот сосёнушка зеленая,
Ой и ляли, ляли, ляли, зеленая.
У Владимира жена молодая.
Она с вечера пир пиновала,
Ко белой зари сына снаряжала.
Выходил светел месяц со звездами,
Выходило красно солнце со лучами:
Выходил Владимир-сударь с сыновьями,
Со такими сыновьями — с писарями,
Выходила Домна с дочерями,
Со такими дочерями — со швеями.

ТЫСЯЦКОМУ

№ 657

Станем мы, певицы, на ноженьки,
На сафьяновы на сапоженьки,
Поглядим мы, певицы,
По всему пиру, свадьбе:
Еще кто у нас на свадьбе хорошенек?
У нас тысяцкий хорошенек,
Князей большой пригоженек.
У нас тысяцкий — князь, воевода;
Воевал, воевал городами,
Побирал, побирал головами,—
Да все Аннушкиной головою,
Свет Ивановною головою.
Посадим мы его всех повыше:
На три пуховыя да перины,
На три чижовыя да подушки,
А мы будем на него да глядети,
На Поликарпа свет Савельича.
Мы и Анне Ивановне натакали:
У него голова кудревата,
Из кудринки в кудринку завилася,
Из колечушка в колечко заплелася!
Как во сахаре головушка лежала,
Во сладком меду кудрявая купалась,
Будто белый сыр да [на] оконце,
Как крупичитый калач, да на блюде.
Не ясно солнце да с маревами,
Не светел месяц да со звездами —
Поликарпушка Савельич с сыновьями.
Не утренняя заря да со звездами —
То и Аннушка Ивановна с дочерями!..

№ 658

«Уж ты, тысецкой, тысецкой,
Да ты крестов-крёсной батюшка,
Ты крестов-крёсной батюшка,
Да ты сидишь под образами,

Ты сидишь под образами,
Да ты под божьею милостью,
Ты под божьею милостью,
Да под великою радостью,
Под великою радостью.
Да над тобою божья милость,
Над тобою божья милость,
Да на тебе-то кунья шуба,
На тебе-то кунья шуба,
Да на тебе соболиная,
На тебе соболиная.
Да уж ты кушаешь ле, тысецкой,
Уж ты кушаешь ле, тысецкой,
Да ты гусятинку с перёцком,
Ты гусятинку с перёцком,
Да лебедитинку с чёснóчком,
Лебедитинку с чёснóчком;
Да уж ты любишь ле, тысецкой,
Уж ты любишь ле, тысецкой,
Да ты свою молодую жену,
Да ты свою молодую жену,
Да ище Анну Демидовну,
Ище Анну Демидовну?»—
«Да уж я кúшаю, кушаю
Уж я кúшаю, кушаю,
Да я гусятинку с перецком,
Я гусятинку с перецком,
Да лебедитинку с чёснóчком,
Лебедитинку с чёснóчком,
Да я люблю, люблю, тысецкой,
Я люблю, люблю, тысецкой,
Да я свою молодую жену,
Я свою молодую жену,
Да ище Анну Демидовну,
Ище Анну Демидовну».—
«Да затем здравствуй, Николай-господин,
Затем здравствуй, Николай-господин,
Да поздравляем, Прокопьевич,
Поздравляем, Прокопьевич,
Да со своею молодой женой,
Со своею молодой женой,
Ище с Анной Демидовной».

Тысяцкий — гость богатый,
 Молодой-то женой да возвышний:
 Золоту-то карету подтягают,
 Ворона-то коня подводят,
 Золоту-то сбрую ему подносят,
 Расшиты ковры ему стелют,
 Добра-то коня подпрягают,
 Золото-то седло надевают,
 Тысяцкого на карету сажают,
 Шелковы возжи ему дают,
 Шелковую плетку подавают,—
 По городу ездит, гуляет,
 Ко высокому терему подъезжает,
 Восприемный-то крестник его встречает,
 По коврам-то его проводили,
 Во новые сени заводили,
 Во нову-то горницу проводили,
 Кунью шубу с него снимали,
 Добра-то коня подбирали,
 Золоту-то сбрую вешали,
 На златые вешалки клали,
 Тысяцкого-гостя проводили,
 За дубовые столы его садили,
 В большой угол его садили
 За питья, за яства за сахарны.
 Тысяцкий — гость богатый,
 Восприемным-то крестником возвышний:
 Золотую чару ему наливали,
 Наливали да подавали.

Еще кто у нас на свадьбе богатый?
 У нас тысяцкой да богатый.
 Что скота-то у него табунами,
 Вороных лошадей да все парами,
 Что первая-то пара-то вороная,
 Что вторая-то пара-то соловая,
 Что третья пара-то голубая!

Он воюет да у нас городами,
Завоеывает кораблями.
Выбирает красных девиц теремами,
Там он и выбрал себе невесту,
Ой-де выбрал ее с головою,
Со русою со косою.
У нас тысяцкой богатый,
Он и пшенъки к обеденке не ходит,
Он и едет же да во коляске,
Он свою-то жену сажит на колени,
Своих-то крестничков на беседку.
У нас у тысяцкого визиточка баская,
У визиточки есть кармашки,
Во кармашках денег много.
Они на ребрышко становятся,
К нам, ко вдовушкам, торопятся.
Нам-де, вдовушкам, денег (много) надо
На полушалки да те больши шали.

№ 661

Тысяцкой, да и тысяцкой,
Да большой человек, да большой человек!
Он и по морю ходит черным кораблем,
В чистом поле стоит белым шатром.
Да на тысяцком шуба, на тысяцком шуба
Семи соболей, да семи соболей.
Да восьмой-от соболь, да восьмой-от соболь
К подолу пошел, к подолу пошел.
Да девятый соболь кругом полы пошел,
Да десятый соболь кругом заперстья,
Да одиннадцатым подпоясался,
Да двенадцатый в ожурелье ушел.
Да еще та ему шуба не в любви пришла,
Еще той же он шубой свою жену дарил.
...Да еще та ему шуба во любви пришла,
Еще в той же он шубе своего крестника женил,
Свою крестницу брал.

№ 662

Уж ты тысяцкий-воевода, воевода,
Уж ты едешь, сударь, воевати, воевати,
Ты ж играл, сударь, соболями, соболями,
Уж ты брал, сударь, головою, головою
Ты со русою со косою, со косою,
Ты со ленточкой со алёю.

№ 663

Уж ты, тысяцкой, догадайся—
За бумажник сохватайся!
Во бумажнике денег много,
Денег много — золота гривна!
Денежки, шевелитесь,
К нам, ко девушкам, торопитесь,
Нам ведь, девушкам, деньги надо,
Нам на ленточки, на платочки,
На золотые на колечки.
Тысяцкой не ленивый, не сонливый!
Ты поутру ведь рано встаешь,
Ты богатство все достаешь,
Хлеба у тя амбарами стоит,
Денег у тя сундуками лежит!
Ты не будешь дарить —
Мы тя будем бранить,
Что прибранивать, приговаривать!

СВАХЕ

№ 664

Гордая да наша свашенька,
Гордая да наша князя —
Василиса свет Ивановна!
Где стоит да наша свашенька,
Где стоит да наша князя,—

От неё-то да лучи падут,
От неё-то да лучи светлыё.
Как на нашей-то на свашеньке,
Как на нашей-то на князьях
Что рубашка полотняная,
Как у нашей-то у свашеньки,
Как у нашей-то у князьях
На могучиих на плеченьках
С трубчаты камки сарафан.
Как у нашей-то у свашеньки,
Как у нашей-то у князьях,
У неё на тонком животе
Что покромочка-то шелковая!
Как у нашей-то у свашеньки,
Как у нашей-то у князьях
На буйной головушке шаль пуховая,
На могучиих на плечиках шаль кованная.
Как у нашей-то у свашеньки,
Как у нашей-то у князьях
На резвых ноженьках чулки белёвые
Да ботиночки все резиновые.

№ 665

Сидит наша свашенька,
Свет Дарьюшка Офимьевна,
Ой, люли-люшеньки,
Дарья Офимьевна.
Сидит наша свашенька
Толстая, пушистая,
Ой, люли-люшеньки,
Толстая, пушистая,
Толстая, пушистая,
Белая, румяная,
Ой, люли-люшеньки,
Белая, румяная!
Только нашей свашеньке
При городе жити,
Ой, люли-люшеньки,
При городе жити,
При городе жити,

Торгом торговати,
Ой, люли-люшеньки,
Торгом торговати,
Торгом торговати,
Кумач продавати,
Ой, люли-люшеньки,
Кумач продавати.
Кумач продавати,
Кумачи, китайки,
Ой, люли-люшеньки,
Кумачи, китайки.
Кумачи, китайки
И шелки-бумаги,
Ой, люли-люшеньки,
И шелки-бумаги.

№ 666

Не от лесу, не от лесу,
Не от лесу от темного,
Не от листу зеленого
Только чернь чернеется,
Только бель белеется,
Только синь синеется,
Только крась красеется.
Эта чернь-то чернеется —
Это кони вороные,
Эта бель-то белеется —
На них сбруя серебряна,
Эта синь-то синеется —
Все князья да бояры,
Эта крась-то красеется —
Это свахонька княжая,
Княжая, переезжая.

№ 667

Умна наша свашенька да беляна,
Она по три года да полотна белила,
Ко Артемьюшке во свахи собиралась,
Пелагея-то Ивановна в свахи снаряжалась.

Она по три года да полотно белила,
На Дунай-реке да полоскала,
На сером камне да колотила,
На зелены луга да выстилала.
Она нагруднички да вышивала.
Она в лете-то да во карете,
А по зиме-то да во скачѣчках,
У ней пара коней да вороныѣ,
Кучера да с ней молодые,
Кучера-то с ней холостые —
То дружок-то, дружок
Все Иван-то Иванович!

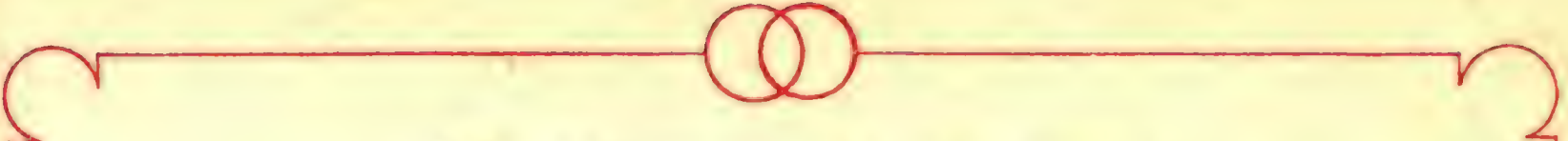
№ 668

У нас свашенька — отецка дочь,
У нас свашенька — отецка дочь.
Ты не во саду сидишь,
Ты не во зеленоѣм—
Ты сидишь во горенце,
Ты сидишь во горенце,
Во светлой во светлице,
Во светлой во светлице.
Тут не соловьи поют,
Тут не соловьи поют —
Тут поют все девицы,
Тут поют все девицы —
Души красные девицы,
Души красные девицы
От тебя даров хотят,
От тебя великих:
Пирога пшеничного,
Пирога пшеничного,
Пирога — гривну серебряну,
Пирога — гривну серебряну!

№ 669

Стоит сосенка зеленая,
Зеленая!
Сидит свашенька молодая,
Молодая!

Мы те, свашенька, свеличаем,
Свеличаем!
Мы по имени называем,
Называем!
Уж ты батюшка честнóго,
Честнóго!
Уж ты матушки благородной,
Благородной!
Уж ты, свашенька, не скупися.
Не скупися!
Вынимай пирог пшеничный,
Пшеничный!

№ 670

Благодарю я тебя, свашенька,
На твоей на золотой казны!
И да дай тебе, господи,
Пятьдесят тебе лошадушек,
Девяносто девять курочек тебе,
Черных, мохнатеньких тебе,
Рябенских, хохлатеньких!

ДРУЖКЕ

№ 671

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой.
Как на друженьке кафтан
Голубой парчевой,
Как на друженьке штаны
Черны бархатные,
Как на друженьке чулки
Белы шелковые,
Смазные башмаки —
Пряжки с искорками,
Вон повыскакали;
Как на шейке-то платок,

Будто аленькой цветок,
Во кармане-то другой,
Итальянской голубой.
Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой.

№ 672

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Как у дружки лицо снегу беленького.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Как у дружки глаза да ясно́го сокола.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Как у дружки кушак всё иркутский дорогой.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Как у дружки сапожки ново с искорками.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Ново с искорками, да все повыскакали.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.
Дружка бережки топтал, часты неводы кидал.
Дружка хорошенький,
Дружка пригоженький.
Часты неводы кидал, белу рыбицу ловил,
Друженька хорошенький
Друженька пригоженький.
Белу рыбицу ловил, молоду жену кормил.
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький.

№ 673

Полудружье девушки любили,
Во высок терем уводили,
Чаем, кофеем напоили,
Сладким пряничком накормили,
Во уста-то его поцеловали.

Теперь у нас дружка-повертышек:
Брошу дружку на полку,
Так он пирожок;
Брошу дружку на спичку,
Так он соболек;
Брошу дружку на ручку,
Так он перстенок;
Его мила женушка снаряжала,
Частым гребешком русы кудрецы расчесала,
На дороженьку его поцеловала.

№ 674

Сидит дружка да на травке,
Да сидит дружка на муравке,
На золотом он на стуле.
Сапог на ногу надевает,
Надевая, на себя дружка спозирует:
«Будто я, дружка, хорошеня,
Хорошеня да я, дружка, пригоженя!»
Он, друженька, да богатый, да богатый,
Он рублем ворота отпирает,
Он другим ворота запирает,
Из неволи сирот выпускает:
«Вы молитесь, сироты, за меня,
За мою за буйну голову,
За моего за кормилица,
За моих за малых детушек!»

ЖЕНАТЫМ ГОСТЯМ

№ 675

У нас по улице,
У нас по широкой,
Ой яли-люли, яли, яли, люли.
Там ходит-гуляет
Большой воевода,

Большой воевода —
Иван Иванович.
Он ходит-гуляет,
Во скрипку играет,
Во скрипку играет,
Марью забавляет:
«Не плачь, свет Марьюшка,
Не плачь, Ивановна,
Мы пойдем с тобою
Во ельник, сосенник,
Во ельник, сосенник,
Во частый березник.
Сказали, в лесе
Грузди родились,
Грузди родились,
Белые белянки,
Беленький груздочек —
Иванов сыночек,
Белая белянка —
Свет Марьи́на дочка».

№ 676

В огороде трава зеленая была,
Зелены́м она, зеленешенька,
Мы такой зеленой мало видывали,
Мало видывали, редко слыхивали.
У Андрея жена молодая была,
У Петрови́ча — молодешенька,
Свет Федосья-душа да Ивановна,
Мы такой молодой мало видывали,
Мало выдывали, редко слыхивали.
А Андрей-то сударь так жене говорил,
А Петрови́ч-то своей барыне,
Свет Федосье-душе да Ивановне:
«Породи мне, жена, сына — ясна сокола,
Отдадим мы его в Казань грамоте учить,
Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
Ради чести-хвалы, ради всей красоты».

Или:

«Породи мне, жена, мне милую дочь,

Мне милую дочь — лебедь белую,
Отдадим мы ее в Москву золотом шить,
Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
Ради чести-хвалы, ради всей красоты».

№ 677

По полю, полю, по широкому полю
Летал-вылетал сизокрылый голубок,
Кликал-выкликал он голубушку свою:
«Ты лети, лети сюда, голубушка моя!
Я тебя люблю за полеточку твою».
По двору, двору, по широкому двору
Ходил тут, гулял удалый молодец,
Свет же Василий Степаныч-сударь,
Звал он, вызывал жену-барыню свою:
«Подь-иди сюда, жена-барыня моя!
Я тебя люблю за походочку твою:
По двору идешь как лебедушка плывешь,
Речи говоришь как соловышек поешь».

№ 678

Селезень по реченьке всплавывает,
Желтые кудри высматривает:
Кому эти кудри, кому по плечам?
Понравились кудри Ивану-молодцу,
Ко белому лицу доброму молодцу.
Иван-то по горенке похаживает,
У души он у Паши выпрашивает:
«И кто ж тебе, Пашенька, от роду мил,
И кто ж тебе, Дмитриевна, по сердцу». —
«Мне от роду мил-то Иван да господин,
Мне по сердцу сам Алексеевич!»

№ 679

Во тереме во высоком
Иван-сударь спит,
Ти ой ляли, лялешеньки,
Иван-сударь спит.

Никто его, никто его
Не смеет будить.
Смела была, смелёшенька
Свет Марья его,
Она его, она его
Возбуживала:
«Встань-проснися, Иван-сударь,
В гусли поиграй,
Встань-проснись, Николаевич,
Гостей позабавь.
Твои гости, твои гости
Приунывши сидят,
Твои гости, твои гости
Припечалимши:
Не пьют, не едят, не кушают,
Забавы не слушают».

№ 680

Два стакана золотые, золотые,
Они медом налитые, налитые,
Уж как кто их наливал, наливал?
Наливал Васильюшко,
Подносил своей сударушке,
Что и Марье подносил, подносил.
Уж как Марья не брала, не брала,
Два поклона создала, создала.
«Уж ты, Машенька, выкушай,
А мой-то речи выслушай!»

№ 681

Да и дорог в торгу бархат, да и бархат,
Да и по сто рублей аршин, да и аршин,
Да на тысячу десять, да и десять.
Да кому в торги ходити, да ходити?
Да кому бархат носить, да носить?
Да ходить в торги Ивану, да Ивану,
Да Ивановичу-свету, да и свету,
Да носить бархат-от Анны, да и Анны,
Да Ивановны-голубке, да голубке.

Разукрашена крутая гора
 Да не долами-раздолиями,
 Да не... не долами-раздольями,
 Да не цветами лазоревыми,
 Да не... не цветами лазоревыми.
 Да разукрашен Алексей ли господин,
 Разукрашен Алексей-господин
 С молодой женой-боярыней,
 Что с Лександрою Федоровной.
 Они любят по пирам ходить,
 Они любят песни слушать,
 Они знают, чем и девок дарить:
 Не рублем, не полтиною —
 Да золотой одной гривною,
 Да зо... золотой одной гривною,
 Да гривною да старинною.

Как летели голуба, голуба,
 Как садились на дуба, на дуба,
 На дубовые тросточки,
 Да рассыпáлись мои косточки.
 Во саду было, во вишенью,
 Во саду во сладкой яблонькою,
 Сидел голубь со голубицею,
 У голúба — золотая голова,
 У голúбы позолоченная.
 Кто бы, кто бы позавидовал?
 Позавидовал Василий-свет,
 Позавидовал Иванович:
 «Если б это да моей жоны,
 Да моей жоны Натальюшке,
 Да Наталии Ивановне,
 Я своей бы жоны платок купил,
 Посередочке — светел месяц,
 Возле месяца — часты звезды,
 А на звездочке — пташечка».

Не летай ты, сокол, высоко,
 Не маши ты крылом широко!
 Много, много бояр на Руси,
 Того больше князей в Москве,
 А нет такого молодца
 Ни в Казани, ни в Астрахани,
 Ни в Усолье, новегороде.
 Проявился такой молодец
 На заводе у Демидова,
 Что богатая богатыня,
 Да Василий-сударь Федорыч:
 Он с гривны на гривну ступал,
 Он рублем ворота отпирал,
 А полуторым — запирает;
 Выкупал же такой молодец
 Из тюрьмы потюремщичков,
 Из приказов посидельщичков.
 За него богу молятся,
 За удача доброго молодца,
 За Василья-то Федорыча:
 Тебе дай боже здравствовать
 Да на многая лета!
 Да еще богу молятся
 За его жену милую,
 За Дарью Ивановну;
 Да еще богу молятся
 За его сына милого,
 За Ивана Васильича;
 Да еще богу молятся
 За его дочь любезную
 Свет за Анну Васильевну.

Дымно, дымно в поле,
 Да чадно, чадно в чистом!
 Да как у Федора двора
 Были трое ворота.
 Дымно, дымно в поле,
 Да чадно, чадно в чистом!

Да как во первы-то ворота
Сокол пролетал,
Да во вторые-то ворота
Сам Федор проезжал,
Да как во третьи-то ворота
Иванович-сударь.
Да как Ксения-то его
Да выходила на крыльцо,
Она махала платком,
Да тонким белым полотном:
«Воротись, душа, назад,
Тебе радость скажу,
Тебе радость скажу —
Да тебе сына рожу». —
«Я для сына своего
Не ворочаюсь назад». —
«Да воротись, душа, назад —
Тебе дочь я рожу». —
«Да я для дочери своей
Ворочусь, душа, назад,
Да еще дочь у меня
Да часта гостыюшка в дому».

№ 686

«Покупайся, сера уточка, покупайся!» —
«Да какое моё да купанье?
Моего селезенюшки дома нету,
Моего касатого не бывало.
Как и мой селезенюшка во отлёте,
Во отлёте, в чистом поле». —
«Снаряжайся, Катеринушка, снаряжайся,
Снаряжайся, Ивановна, снаряжайся!» —
«Да какое мне снаряжанье?
Моего Васильюшки дома нету,
Моего Васильевича не бывало.
Как и мой Васильюшка Васильевич
Он во славном городе в Петербурге.
Закупает Васильюшка алы ленты
Сподарить Васильевич красных девок.
Да и красны девки вороваты,

Начали его, Васильюшку, целовати,
Начали Васильевича миловати,
Катеринушку Ивановну ревновати,
Ай, ляли, ревновати».

№ 687

Что не штофики по горенкам стучат,
Да не стаканы по столам говорят,
Да тут Устенья ходит по терему,
Да тут Дементьевна ходит по високу.
Да она белится, румянится,
Да во хороше платье срядится,
У Николая сходит спросится,
У Ондреяновича доложится:
«Да ты спусти, спусти, Николай, меня гостить,
Да ты спусти, спусти, Ондреянович, гостить». —
«Да дорогая моя гостыюшка,
Да Устенья Дементьевна,
Да посиди-ка у меня ты в терему,
Да посмотри-ка на меня, на молодца,
На Николая Ондреяновича!»

№ 688

Чарочка моя
Серебряная!
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Пить чару,
Выпивать чару
Ивану да Васильевичу!
Кому наливать,
Кому починать?
Наливать чару,
Починать чару
Марье-то Ивановне!

ГОСТЬЕ-ВДОВЕ

№ 689

Это чья в поле нива
Стоит без огороды?
Это чей новый терем
Стоит без верху строен?
Это чьи новы сени
Стоят без подволоку?
Это чья кунья шуба
Лежит без поволоки?
Это чей златень перстень
Лежит без подзолоты?
Это чья бедна вдовка
Молода овдовела?
Это чьи бедны дети
Малы от батюшки остались?
Они живут — позарятся!

№ 690

Чье это поле негороженое?
Чей это терем недостроенный?
Чей это перстень без вставочки?
Чье это колечко без позолоточки?
Чья это вдова без мила друга?
Свет Степанида Васильевна.
Надо бы полю огородочку,
Надо бы терем достроити,
Надо бы перстню вставочку,
Надо бы колечку позолоточку,—
Надо бы вдове друга милого,
Свет Никиту Николаича!

№ 691

Как у Марьи шуба
Вся золотом шита,
Ой яли, люли, яли, яли, люли.
Вся золотом шита,

Серебром пошивата.
Под правою полою
Светлый месяц светит,
Супротив сердца
Что яснее солнца.
А что же ты, месяц,
Что же ты не светишь?
А что же ты, солнце,
Что же ты не греешь?
Игрицы-певицы,
Чего не поете?
Что же не поете,
Даров не берете?

№ 692

«Уточка, покупайся,
Серая, полощися!»—
«Уж я рада бы покупалась,
Я рада бы полоскалась,—
Нету сизого селезенька:
Он за синими за морями,
Он за черными за грязями».—
«Степанида-душа, умывайся,
Ты, Ивановна, снаряжайся».—
«Уж я рада бы умывалась,
Я рада бы снаряжалась,—
Нет у меня мила друга,
Свет Андрея-то Николаича:
Он за темными за лесами,
За высокими за горами».

№ 693

Не сова ли жито мелет,
Да воробей-то подсыпает?
Да горносталяюшко рыщет,
Да он по погребу скачет,
Да он столы-ти да направляет,
Да он питья-ти да направляет,
Да он свадьбу да сочиняет,
Да он гостей-то зазывает.

Да вот пришли, сказали
Да как Ивановны Лизаветы:
«Да как у ты дети наехали,
У ты рожонные приехали
Да со торгу они, со базару,
Да как с великой они добычи,
Да как с большой они наживы».
Да как Ивановна Лизавета
Да како стала мыться да белиться,
Да хорошо, бодро сряжаться.
Да она на ножки да надевала
Да она сафьяновы сапожки,
Надевала чусы, рясы,
Да на плечики салопы-те,
Да на головушку тальянской плат;
Да как скорешенько выбегала,
Да она крепко да обнимала,
Да во уста их целовала:
«Да уж вы, деточки, приехали,
Да вы, рожёны мои, наехали!»

ПАРНЯМ И ДЕВУШКАМ

№ 694

Не теки, вода, с гор по камушкам,
Ой ли, ой люли, с гор по камушкам,
Протеки, вода, по новым сеням.
Кто охоч гулять, тот передайся к нам;
У нас молодцы есть хорошие:
Первый молодец есть Петр-сударь, есть Александрович,
Другой молодец есть Дмитрий, есть Николаевич,
Третий молодец есть Иван-сударь, есть Иванович.
Не теки, вода, с гор по камушкам,
Протеки, вода, по новым сеням.
Кто охоч гулять, тот передайся к нам;
У нас девушки есть хорошие:
Первая девушка есть Прасковья, есть Михайловна,
Другая девушка есть Катерина, есть Александровна,

Третья девушка есть Софья, есть Павловна.
Что Петр Александрович — он писать горазд,
Что Дмитрий Николаевич — он разобрать горазд,
Что Иван Иванович — он разослать горазд.
Что Прасковья Михайловна — тонкопрядица,
Что Катерина Александровна — чистоткалюшка,
Что Софья Павловна — шелкошвеюшка:
Она шелком шьет, точно золотом.
Что Петр Александрович стрелять горазд,
Что Дмитрий Николаевич за утками за серыми,
Что Иван Иванович за девушками он за красными.

№ 695

Как над нашими да над воротами,
Да Дунай, мой Дунай, тихой мой Дунай!
Над воротами, над широкими,
Всходило там четыре месяца,
Четыре месяца, четыре ясные,
Четыре ясные, все прекрасные:
А первый месяц — что Егорушка,
Что Егорушка да Дмитриевич,
А второй месяц — что Борисушка,
Что Борисушка да Михайлович,
Как третий месяц — Митрофанушка,
Митрофанушка да Андреевич,
Как четвертый месяц — то Васильюшка,
То Васильюшка что Иванович!
Как над нашими да над воротами,
Над воротами, над широкими,
Усходило там четыре зорюшки,
Четыре зорюшки — четыре ранние:
Первая зорюшка — Парасковьюшка,
Парасковьюшка что Ивановна,
Вторая зорюшка — то Лукерьюшка,
То Лукерьюшка что Семеновна,
А третья зорюшка — Александрушка,
Александрушка что Васильевна,
А четвертая зорюшка — то Клавдеюшка,
То Клавдеюшка что Петровна-свет!

В по́ле было, во́ поле,
В широком было раздолье,
Стояло дерево не простое,
Не простое древо — виноградно.
На этом древе-винограде
Сидела птичка кинарейка.
Она день и ночь воспевала,
Мир во славушку пропускала,
Что Ивану быть не в мёньших,
Петровичу — воеводой,
Носить шубу соболью,
На шубе плащи золотые,
На плащах-то всё зверьё лютые.
Как Иван по корáблю ходит,
Петрович по но́вому гуляет,
Он гребцов моло́дцов выкликает:
«Вы, гребцы, моло́дцы молодые,
Молодые грёбцы нанятые!
Грядьте, грядьте-ко поскоряе.
Не ритва к бережку приставала,
Надо это ритва подрубить,
Честь, моло́дцы, получитьи
От князей, бояр и красных де́виц».
Его ладят нонче поженити:
«Уж мы чем его станем дарити?
Подаримте его часами». —
«Часы есть свои дорогие».
Его ладят опять поженити:
«Чем его будем дарити?
Подаримте его деньгами». —
«Есть своих денег много тысяч».
Его опять ладят поженити:
«Уж мы чем его станем дарити?
Подаримте его невестой,
Круглолицею, белолицею,
Говорливою и не спесивою,
Чернобровою и черноглазою —
Лидией называти,
Григорьевной величати».

Во Казани, славном городе,
 Во палате белокаменной,
 Там и стены беломраморны,
 Там полы-то все крашёные,
 Столы новые, дубовые,
 На столах-то скатерть браная,
 За столами гости званые —
 Пьют, едят и прохлаждаются,
 Сами с собой восхваляются,
 Кто богатством, кто торговлею,
 Кто помещьем, а кто вотчиной.
 Только один из них не хвалится,
 Что Иванушка Иванович:
 «У меня, братец, есть невеста хороша́,
 Клавденька Петровна.
 Без белил-то лицо белое,
 Без румян-то щечки алые,
 Без сурмянки брови черные,
 А походочка павлиная,
 Разговоры лебединые,
 А наречье — серой утицы».

Уж как Коленька садиком шел,
 Да Иванович зелененьким,
 Уж как Танечку за руку вел,
 Да Ивановну за правенькую.
 Как идет она — не стряхнется,
 На сторонку не оглянется.
 У ей платице алеется,
 Душегреечка желтеется,
 На головушке шалевой платок,
 Во правой руке немецкой веерок.
 Веерочком помахивает,
 На любезного посматривает,
 На любезного на Коленьку,
 Николая Ивановича.

№ 699

Березничек кудреватый,
Да и кто у нас не женатый?
Не женат у нас Иван-от,
Холостой у нас Иваныч.
За столом он письмо пишет,
Что и Анне отсылает,
Ее плакать унимает:
«Уж ты, Аннушка, не плачь-ка,
Свет Ивановна, не слезися,
Уж я нынче не женюся,
За другую не примуся,
До тебя, радость, дождуся».

№ 700

Как сидит сокол на колышке,
Как сидит сокол на колышке,
Соколица — на другой стороны,
Соколица — на другой стороны.
Соколица соколú и говорит:
«Ты лети, сокол, на барской двор,
Разбуди-ко боярску дочь,
Душу красную девицу,
Что Елену Фёдоровну,
Что со добрым молодцом —
С Николаем Федоровичём!»

№ 701

Ужо Ванюшка во щи упал,
Он с-под крошева выглядывает,
Себе любушку высматривает,
Себе любушку-голубушку,
Да Овдотью Ивановну.

№ 702

Хитёр-мудёр Иван-молодёц,
Хитрей-мудрей да его не было,
Хитрей-мудрей да его не было:

Пошел в торги да закупать шелки,
Бологíрские шелки да разноцветные.
Уж он плёл колыбель да из семи шелков,
Из семи шелков да из семи сортов.
Повесил колыбелюшку на улицу,
На дорожечку да на проезжую,
На проезжую да на разъезжую.
Говорил-то Иван таковы словеса:
«Качайте колыбелюшку повыше всех,
Чтобы мне увидеть получше всех,
Чтобы мне увидеть свою суженую,
Богосужену Овдотью Семеновну».
Затем здравствуй, Иван да с Овдотьешкой,
Проздравляем ты, Владимирович, с Семеновной-душой!

№ 703

Ты сокол, ты сокол молодой,
Не лётай высоко и далёко,
Не лётай высоко и далёко,
Да не маши крыльём широко;
Ище много бояр в Москвѣ,
Да того боле крестьян на Руси.
Ище нет такого молодца,
Да чтой Евгенья Васильевича:
Он на горы ясна сокола убил,
Под горою кунцу задавил,
Он на заводи — утушку,
Да на песочки — лебедушку,
В тереме-ту — красну девицу-душу,
Да ище Анну Ивановну хорошу.

ХОЛОСТОМУ ПАРНЮ

№ 704

Кто у нас на свадьбе богатой
Холостой, молодой, неженатой?!
Посадите его всех повыше,
На три подушки пуховых,

На четверту перину перову.
Мы бы на его поглядели
И невесте его похвалили,
Что хорош молодец уродился,
Хороша мать сына породила,
Умом-разумом наделила,
В цветно платьице нарядила,
С молодцами гулять отпустила.

№ 705

Как по край было синего моря,
Тут стояло древо кудряво;
На том древечке на кудрявом
Веселая сидит птица соловейко.
Она песни поет соловьины,
Словеса говорит все премудры:
«Еще кто у нас в беседе богаче?
Еще кто у нас всех справнее?»—
«Холост молодец, неженатой,
Свет Егор-сударь да Михайлыч».—
«Вы подите его приведите,
Посадите его, всех повыше,
Его на три подушки пуховы,
Еще бы мы на него поглядели,
Мы бы невесте его похвалили,
Что хорошей невесте, богатой,
Душе красной девице,
Свет Прасковье Петровне».

№ 706

«Зеленая вишенка
Да и сладкая ягодка!
Да и кто же у нас вишенка?
Да и кто у нас ягодка?
Вишенка — да и Павлушка,
Ягодка — Иванович!»—
«Да братцы-товарищи,
Что я вам за ягодка,
Что я вам за вишенка?
Я у вас да и Павлушка,

Я у вас Иванович.
Вишенка — в зеленом саду,
Ягодка во сыром бору.
А я рос у батюшки
Да служил у матушки».

№ 707

Не хотелось мне в зеленый сад идти,
Мне не милы в саду розовы цветы,
Ой, роза, ты роза моя,
В саду роза бело-розовая!
У кого у нас курчава голова,
У кого у нас примасленная?
Ой, роза, ты роза моя,
В саду роза бело-розовая!
У Ивана кудрява голова,
У Сергеича примасленная,
Ой, роза, ты роза моя,
В саду роза бело-розовая!
Я не знаю, к кому Ваню применить,
Я не знаю, к кому Сергеевича.
Ой, роза, ты роза моя,
В саду роза бело-розовая!
Применю я Ваню к злату-серебру,
Одею его серебряным кольцом.
Ой, роза, ты роза моя,
В саду роза бело-розовая!

№ 708

Как на дубчике, дубчике
Тут сидели два голубчика,
Ой ли, ой люли, тут сидели два голубчика.
Они сами меж собою говорят
Что про доброго молодца,
Что про доброго молодца,
Про Владимира Сергеевича.
Он ведь с тысячи на тысячу ступал,
Миллионами по городу шибал,
Миллионами по городу шибал,
Семисотами ворота запирали,

Семисотами ворота запирал,
По пяти рублей девчоночкам давал:
«Ой вы, девушки, голубушки мои,
Помолитесь получше обо мне,
Чтоб господь меня помиловал,
Государь меня пожаловал,
Он и шашечкой, фуражечкой
И конем в золотой узде!»

№ 709

Уж как у броду, броду,
У калинова мосту,
Тут стояли две роты,
Да две роты полевые.
Как по этим по ротам
Воеводой гуляет
Удалый добрый молодец,
Свет Осип Антоныч;
На нем шуба соболина,
На нем шапка боброва,
В руках трость камышова.
А бояре-то молвят,
Господа речь говорят:
«Удалый добрый молодец,
Свет Осип Антоныч!
Тебя кто шубой дарил?
Али тесть, али теща?»—
«Уж вы, глупые бояре,
Господа неразумны!
Дарил меня шубой
И не тесть и не теща;
А дарил меня шубой
Господин сам Демидов,
Свет Павел Григорьич,
За мою службу верну,
За мою неизменну,
За хороший ум-разум
Да за нрав молодецкий.
Он еще меня дарил
Душой красной девицей,
Свет Еленой Петровной».

Что у Феденьки да кудерки,
 Да кудерки,
 У Ивановича да русые,
 Да русые,
 По головушке кудри вилися,
 Да вилися,
 Не по синему по тулупу,
 По тулупу.
 Не за то ли его девицы любили,
 Да любили,
 Не за то ли его часто вспоминали,
 Вспоминали,
 Его милым называли,
 Называли,
 Ч-пригож уродился,
 Уродился,
 В меду, патоке укунулся,
 Укунулся,
 Он на горочку взошел — отряхнулся,
 Отряхнулся.
 Как стала гора золотая,
 Золотая,
 А под горочкой все жемчужинки,
 Жемчужинки;
 Уже ехали бояре дивовались,
 Дивовались:
 «Уже где же это чадо родилося,
 Родилося,
 Не у нас ли в Острову явилось,
 Явилось?»

Много на море гусей, лебедей,
 Больше того серых уточек;
 Много на Москве князей и бояр,
 Больше того княжнецких детей.
 Нет такого удала молодца,
 Свет Егора Прокофьевича.
 Он, молодец, чист и речист,

Перед богом как свеча горит,
Перед царем как в трубу трубит,
С вами, бояра, как жемчуг рассыпат,
С вами, девицы, цаловаться хотит.

№ 712

Ой дак чистой-от аленькой лазорёвой цветок,
Да чистой аленькой лазорёвой цветок
Да не у места во чистом поле цветет,
Да не у места во чистом поле цветет.
Где-то родилась такая красота?
Да где-то родилась такая красота?
Да что-то у Ивана Михайловича!

№ 713

Капитон-то свет вставляет,
Вставляет,
Что он синь кафтан сподымаит,
Сподымаит,
Шелковую мошну вынимает,
Золотую гривну выбирает.
Да дари девушек, не скупися,
Да что нам, девушкам, на белила,
А мы мыться, белиться охоны.
А мы пеше к обедне не ходим,—
Нам дайте коня вороного,
А извозчикка молодого,
Не женатого — холостого.

ДЕВУШКЕ

№ 714

Посадить было на саночки
Расхорошу красну деушку,
Да Марью-то Павловну;
Поставить на запяточки

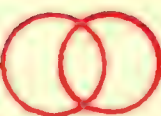

Разудала добра молодца,
Якова Осиповича.
Ужо Осенька возжи берё,
Ужо Осипыч шелковенькие;
Шелковым возжам потряхивае,
Да к воротам приворачивае,
Родну матушку выкрикивае:
«Ты повыди, рódна матушка,—
Вот те клюшница-замужница,
Слуга верная посылочка!»

№ 715

Уж вы выходы, выходы!
Золоты были выходы,
Золотые, позолочены.
По тем по выходам
Шла душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна,
В встречу ей добрый молодец
Свет Семен Егорыч-сударь.
Он пути у ней спрашивал,
Все дорожки выводывал:
«Ты, душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна!
Ты скажи путь-дороженьку
Во Казань-город ехати
Со атласом, со бархатом!»—
«Удалый добрый молодец,
Свет Семен Егорыч-сударь!
От ума ли спрашиваешь?
От разумья ли выводываешь?
Во полях все пути лежат,
Во полях все дороженьки,
Во реках — броды мелкие,
На красно крыльцо — лесенка,
В новые сенечки — дверечки,
В новой горенке — коврички
Ко мне в кут за занавесу,
Ко душе красной девице,
К Авдотье Ивановне».

№ 716

Татьяна полотна ткала,
Петровна широко брала,
Ай-люли, ай-люли, люли,
На полотенце — золоты кружки,
На беличке — сизы голуби,
На подножке — белы заюшки,
На веревке — горностаюшки.
Тут Иван ступил в горницу,
Тут Иванович в светлую.
Тут Татьяна испужалася,
Тут Петровна перепалася,
Золоты кружки все смешались,
Сизы голуби разлетались,
Белы заюшки раскатились,
Горностаюшки разбежались.
Татьяна, не скупися,
За песенку расплатися.

№ 717

Катерина-то Архиповна,
Да тебе полно во чужом пиру сидеть,
Да не пора ли тебе свой пир заводить?
Да не пора ли сладки солоды мочить?
Да не пора ли пиво пьяное варить?
Да тебе ехати по суженого,
Да тебе ехати по ряженого,
Да по Ивана Лопатина!

СВЯЩЕННИКУ

№ 718

У нас батюшка хорошенький,
У нас батюшка пригоженький:
У его ли лицо белое,
Да побелее снегу белого,

Да у его щечки алые,
Да поалее мака алого,
Да у его ли брови черные,
Да как у черного соболя.
Да он от отца-матери умных,
Да роду-племени разумного.
Он — стопа запрестольная,
Он — рука благословенная.
Да придет в церковь — помолится.
Да всем прихожанам поклонится.

№ 719

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена,
Александра Федоровна.
Слышишь ли, батюшка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаём:
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

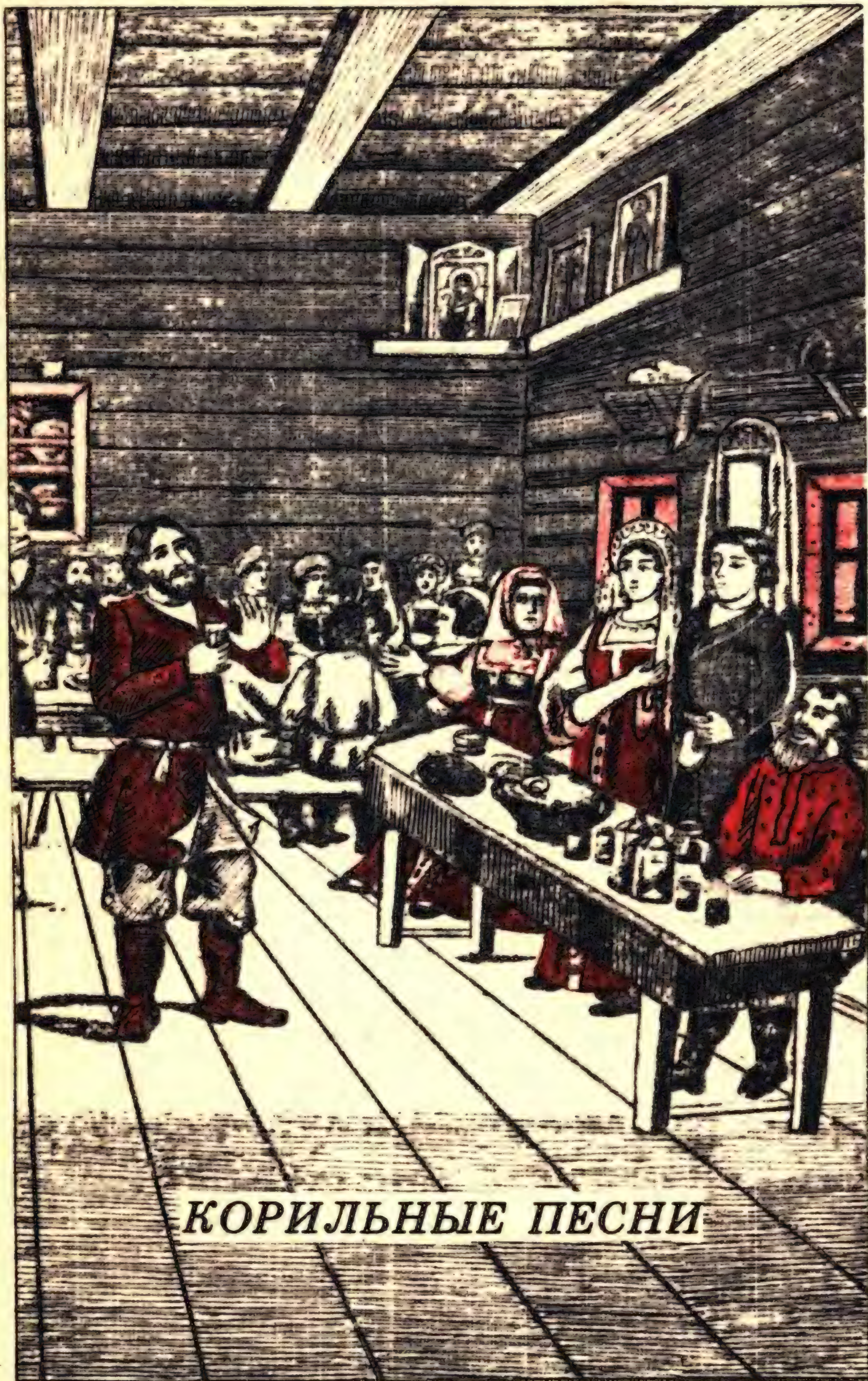

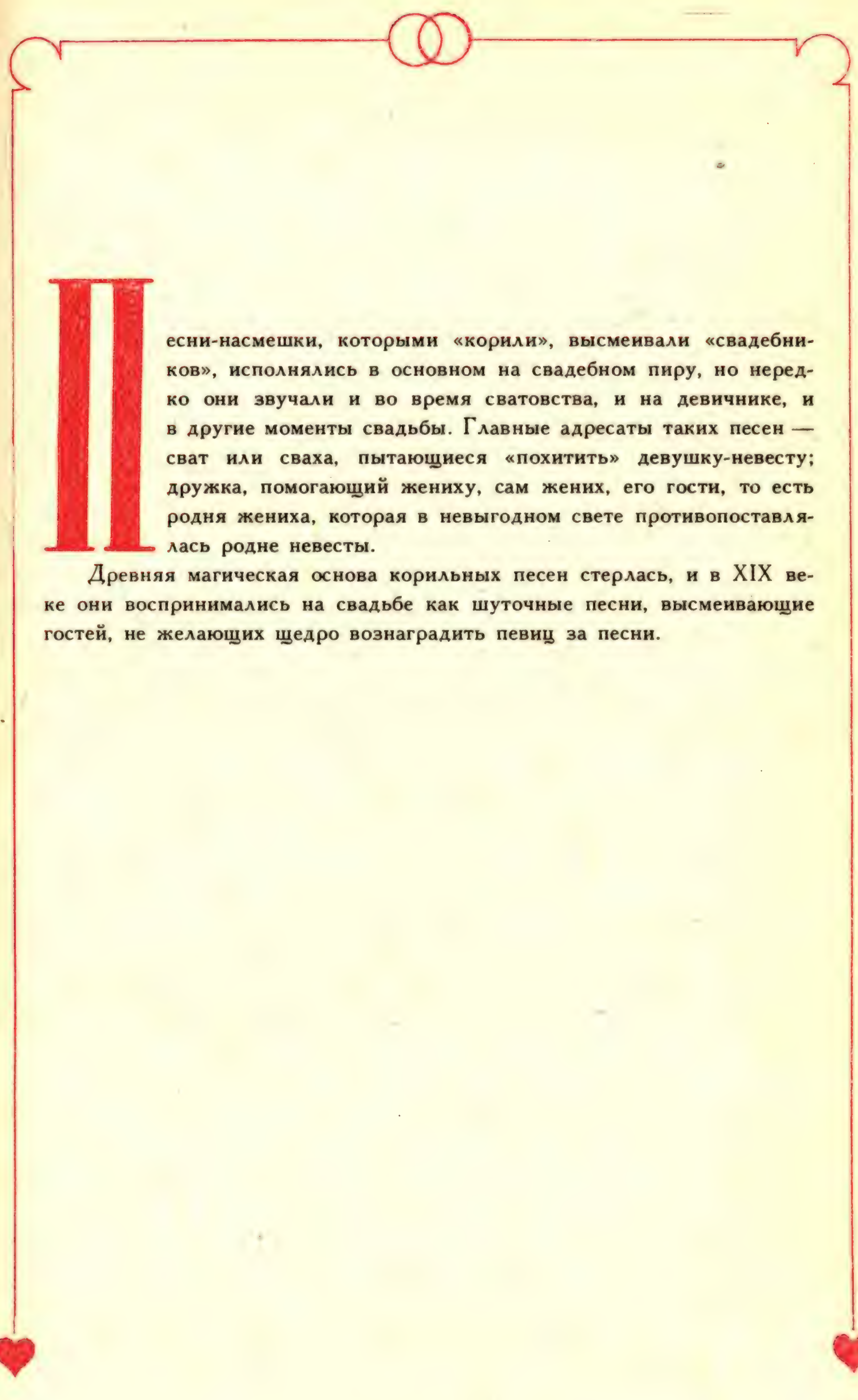
КОРИЛЬНЫЕ
ПЕСНИ

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

П

есни-насмешки, которыми «корили», высмеивали «свадебников», исполнялись в основном на свадебном пиру, но нередко они звучали и во время сватовства, и на девичнике, и в другие моменты свадьбы. Главные адресаты таких песен — сват или сваха, пытающиеся «похитить» девушку-невесту; дружка, помогающий жениху, сам жених, его гости, то есть родня жениха, которая в невыгодном свете противопоставлялась родне невесты.

Древняя магическая основа корильных песен стерлась, и в XIX веке они воспринимались на свадьбе как шуточные песни, высмеивающие гостей, не желающих щедро вознаградить певиц за песни.

ЖЕНИХУ

№ 720

«Что сказали про жениха,
Что жених-то хорош!
Еще черт, не хорош:
Он на морозе красен,
А как в избу зайдет,
Так раскис, как рассол!»—
«Что сказали про жениха,
Что шапка добра!
Еще черт, не добра:
Как воронье гнездо,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!»—
«Что сказали про жениха,
Что сапоги хороши!
Еще черт, хороши:
Закаблучье одно,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!»—
«Что сказали про жениха,
Что брюки хороши!
Еще черт, хороши:
Да заплатье одно,
Да и то не свое —
В людях выпрошено,

В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!»—
«Что сказали про жениха,
Что пиджак-то хорош!
Еще черт, не хорош:
На четыре полы,
Да бока-то голы,
Да и то не свои —
В людях выпрошено,
В ногах выкланено,
Еще хожено, прошено
По всей волости,
По всей Шаговаре!»

№ 721

Твой жених не хорош, не пригож:
На горбу-то роща выросла,
Во этой-то во рощище грибы растут,
Грибы растут березовые;
В голове-то мышь гнездо свила,
В бороде-то детей вывела.
А на лбу-то хоть лапшу сучи,
На бровях-то журавли клюют,
А у глаз-то хоть спички сирь!
В носу хоть кисель твори,
А сквозь зубов хоть кисель цеди,
На брилах-то хоть блины пеки!

ПОЕЗЖАНАМ

№ 722

Не белы́ наехали,—
Чтой чёрны́е, как воро́ны,
Чтой чёрны́е, как воро́ны,
Да неумытыя голо́вы,

Неумытыя голо́вы,
Да не учёсаны боро́ды,
Не учёсаны боро́ды.
Ище чьи это бояра?
Ище чьи это бояра?
Да чтой бояра Ивановы,
Чтой бояра Ивановы,
Да поезжана Ивановича,
Поезжана Ивановича.
Да уж вы бо́яра, бо́яра,
Да вы бояра Ивановы,
Вы бояра Ивановы,
Да поезжана Ивановича,
Поезжана Ивановича,
Уж вы съездите, бояра,
Уж вы съездите, бояра,
Да вы на Кицкое озеро,
Вы на Кицкое озеро,
Да насеките ольшинничку,
Насеките ольшинничку,
Да вы нажгите-ко пепёлу,
Вы нажгите-ко пепёлу,
Да наварите-ко щело́ку,
Наварите-ко щело́ку,
Да вы умойте-ко голо́вы,
Вы умойте-ко голо́вы,
Да учешите-ко боро́ды,
Учешите-ко боро́ды,
Да вы тогда будете бо́яра,
Вы тогда будете бо́яра,
И чтой бояра Лександровы,
Чтой бояра Олександровы,
Да поезжана Ивановича.

№ 723

Ох вы сваты, бояры!
Тихи ваши наряды,
Не скоры у вас повороты!
Князь мо́лодой засиделся,
Конь вороной застоялся,
Поели уж кони солому,

Солому ржаную, прямую
И всю яровую, гнилую!
Козы уж позанузданы,
Поросята позапряжены,
Черный кот под ковром стоит,
Одна курица в простых бежит!
Как у нас на улице
Завалилась курица:
«Эй, бояре-сватовья,
Подымите курицу,
Уведите в кузницу
И подкуйте курицу!»

№ 724

У Филиппа поезжанушка все дураки,
Все дураки.
Они полем ехали — куче поклонилися,
Куче поклонилися:
Они думали, гадали — церква стоит,
Церква стоит;
Поглядят, посмотрят — куча стоит,
Куча стоит.
Они в деревню-то въехали — поленнице поклонилися,
Поленнице поклонилися:
Они думали, гадали — народу толпа,
Народу толпа.
Они в избу входят — коту поклон,
Коту поклон:
Они думали, гадали — поп с крестом,
Поп с крестом.

№ 725

Нагонили-наехали
Сондушана-то дикие
Да кулаки-ти немытые,
Ой, на смоках да на ожигах
Да на банных на вениках.
Да возьмите дубейнюшку,
Да возьмите деревейнюшку
Да и выкупите невестушку.

Мало, не дали денег, дак мы повыругали. А как свои-ти,
да много дадут, дак:

Нагонили — наехали
Кони всё одношерстные,
Молодцы под одно лицо,
Саночки-ти дубовые,
Дуги всё золочёные.
Уж спасибо вам, спáсибо,
Вам спасибо великое, —
Дорогая у нас невестушка.

ДРУЖКЕ

№ 726

Друженька хорошей,
Друженька пригожий!
Ты по лавкам скакал,
Пироги с полук таскал,
Друженька хорошей,
Друженька пригожий!
Пироги с полук таскал
И за пазуху совал,
Друженька хорошей,
Друженька пригожий!
По подлавочью бродил
Да мышей наловил,
Друженька хорошей,
Друженька пригожий!
Да мышей наловил,
Свахе шубу сшил,
Друженька хорошей,
Друженька пригожий!
Уж как сваха на свадьбу спешила,
Что на ней была шуба мышина.

№ 727

Вечер ты, друженька, у нас ночевал,
У нас ночевал да блин украл.

Ты блин украл да жены сослал.
Не подымай, друженька, высоко головы,
Не считай ты, друженька, на печи пироги!
У нас пироги не про вас печены,
Печены пироги да про своих гостей!
Благодарствуй, друженька, на твоих подарочках:
Сулил полтиной, дарил алтыном;
Уж тебе тыи деньги да не скопити,
И жене фerezей да не купити,
И жене фerezей да не носити.

№ 728

Дружки, друженьки вы хорошие,
Зачем, дружки, воротилисе?
Или вы не дóели,
Или вы не дóпили?
Или вы что забыли, друженьки?
Вы хорошие, вы невежливые,
С печи лапти украл.
Уж вы, дружки, друженьки, вы хорошие,
Вы невежливые, неочесливые,
Как у дружки кафтан
С самого черта содран.

СВАТУ И СВАХЕ

№ 729

У нас в лавке булавки колотят,
Тебя, сват, за столом поколотят.
Да у нас в огороде не дорога,
Да у нас в огороде не дорога,
У нас сват за столом не дороден,
Не дороден, не дороден, не почётен.
У нас в огороде не сноп ли?
У нас сват за столом не без ног ли?
Да у нас в огороде не лук ли?
У нас сват за столом не оглух ли?

Да у нас в огороде не снег ли?
У нас сват за столом не ослеп ли?
Да у нас в огороде не ушат ли?
У нас сват за столом не плешат ли?
Уж кабы тебе, сватушка,
Тебе тресь привязалася,
Да тебе тресь привязалася,
Тебе тресь-то трясучая,
Пополза поползучая,
Да пополза поползучая!
Да все трясло тебя, повытрясло,
Да все трясло тебя, повытрясло
Да с кирпича тебя до матицы,
Тебя от матицы до грядицы,
Тебя от грядицы до лавицы!
Да не прогневайся, сватушка,
Да именем-изотечеством
Свет Иван-то Васильевич!
Еще кабы тебе, сватушка,
Еще кабы тебе, сватушка,
От двора тебе отъехати,
Да до другого не доехати,
Стороной набродитися!
Да стороной набродитися,
Да серым волком навыйтися,
Тебе собакой налаятися,
Да черным вороном накуркатися,
Тебе зайком наскакатися,
Тебе горностаљком напрядатися,
Тебе без попа умеретися,
Без попа, без отпевной,
Без дьячка, без покаянья!
Тебе назад воротитися,
У ворот поколотитися,
Да ночевать попроситися.
Еще кабы тебе, сватушка,
Да на печи не согретися
Под трема тебе шубами,
Да под четырьма тулупами,
Под пятима одевальницами,
Под шестой окрывальницею!
Еще кабы тебе, сватушка,

Да сквозь-то печь провалитися,
Куском-мясом задавитися,
Пирогом заколотися!
Да еще кабы тебе, сватушка,
Сто червей тебе в голову,
Да полтора в бороду,
Да полтретьяста тебе под пята!
Еще кабы тебе, сватушка,
С нашей листвицы сорватися,
Тебе рука-нога повываить,
Из плеча шея повывихнуть!
Еще кабы тебе, сватушка,
Тебе кошачья смерётушка,
Тебе кошачья смерётушка,
Собачья могилочка!
Не прогневайся, сватушка,
Именем-изотечеством
Свет Иван Васильевич!
Это за то тебе, сватушка,
Не ходи боле, не сватайся
Нашу милу подружечку,
Нашу милу, любимую
Настасью Ивановну.
Во приходе была первая,
Во уезде не последняя.
Она умеет сойтись, съехаться,
Она умеет слово молвити.
Не прогневайся, сватушка,
Именем-изотечеством
Свет Иван Васильевич,—
За другой добро жаловать!

№ 730

Наша-то сваха богата, богата,
Сватьяшка да дорогая, дорогая,
На ей шубочка штофяная, штофяная,
По подолу оборка золотая, золотая,
Уж ты, свахонька, преподвинься, преподвинься.
Под тобой сундуки дорогие, дорогие,
Под тобою ларцы золотые, золотые;
Еще наша-то сваха богата, да богата,

Как у нашей-то свахи три рубахи, да три рубахи,
Еще перва рубаха у ей дубова, да дубова,
Как втора-то рубаха смолёна, да смолёна,
Еще третья рубаха крапивна, да крапивна.
Дубова-то рубаха пяты бьё, э, пяты бьё,
А смолёна-то рубаха к телу льнё, э, к телу льнё,
А крапивна-то рубаха тело жжё, да тело жжё.
Еще сваха на свадьбу спешила, спешила,
Она в крынке рубаху мочила, да мочила,
В полотухе рубаху стирала, да стирала,
Она в лоханке рубаху полоскала, да полоскала,
На мутовке рубаху сушила, э, сушила.

№ 731

У нас свашенька — смутница,
У нас свашенька — смутница,
Пребольшая разлучница,
Пребольшая разлучница,
Нахвалила чужу сторону:
На чужой-то на сторонushке
Поле сахаром насеяно,
Сахарной водой поливано.
Не жила млада, не ведала,
Пожила да отведала:
На чужой-то сторонushке
Поле горюшком насеяно,
Горючим слезам поливано.
Взял бы, взял бы эту свашеньку,
Посадил бы ее на борону,
И спустил бы сваху под гору,
И сломал бы свахе голову.

ТЫСЯЦКОМУ ИЛИ СКУПОМУ ГОСТЮ

№ 732

Подари, наш умненькой,
Не рублем, не полтиною —
Золотою гривною.

Будете дарить,
Дари поскорей.
Не станешь дарить,
Мы станем корить,
В глаза говорить:
А Агафона кудри,
У Михеевича черны,
На четыре грани
Черти его драли,
Маленьки чертенки
Туда ж волочили.
Агафон-господин, не скупися,
С золотой гривной расступися,
Тебе тем казны не скопити,
Василисе башмаков не купити,
Еще Зотовне не купити:
К обедне пойдет — замарает,
От обедни пойдет — растеряет.

№ 733

Что Иван-то свет, не скупися,
Не скупися,
И на том дому не скопити,
Не скопити,
Жены сапогов не купити,
Не купити.
Твоя жена щеголёна,
Щеголёна:
Она с ножки на ножку скакала,
Скакала,
Сафьяны сапожки сломала,
Сломала.

МОЛОДЫМ

№ 734

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!

Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали:
У княгини дары митка́ины,
А князево пиво облі́ва,
На собаку льешь — облезет.

ПРИГОВОРЫ

ПРИГОВОРЫ

Приговоры исполнялись в наиболее ответственные моменты свадьбы: при сборе «поезда» в доме жениха и при встрече его в доме невесты, при выкупе невесты и ее косы, во время застолья в ее доме, при благословении к венцу, при передаче приданого и некоторых других обрядах. Приговоры произносили разные «свадебные чины»: сваха, постельницы (числяне), привозящие приданое невесты в дом жениха, подружки. Но чаще всех во время свадьбы приходилось приговаривать дружке. Дружка, который твердо знал порядок следования обрядов и умел произнести в нужный момент приговор, становился главным распорядителем на свадьбе. Приговором он направлял ход свадьбы, руководил поведением жениха, невесты, их родителей и всех «свадебников». Дружка, знающий приговоры, умеющий импровизировать, нередко разыгрывал на свадьбе настоящие спектакли. Послушать такого дружку собирались все односельчане, и слава о нем расходилась по всей округе. Такого дружку специально приглашали на свадьбу, щедро оплачивая труд.

До нас дошли имена дружек-профессионалов, от которых записано немало пространных поэтических приговоров. Среди них внук онежского сказителя былин Трофима Григорьевича Рябинина — М. К. Рябинин, дружка из костромской деревни А. Ф. Громов, пудожский дружка — вершник Я. И. Миронов и другие. Я. И. Миронов много раз руководил свадьбой, возглавляя свадебный поезд верхом на лошади (отсюда название — вершник). Приговоры его — образец меткой народной речи. В этом сборнике они публикуются впервые.

Приговоры на вынос елочки — красоты, когда ближайшая подруга невесты выносила из кута украшенную лентами и свечами елочку и ставила ее на стол перед плачущей невестой.

ПРИГОВОР ПОДРУЖКИ НЕВЕСТЕ

№ 735

Раздайся, народ, расшатися, народ,
Тише, народ, дивья краса идет!
Не сама она идет, ее девица несет!
От печи кирпичные, от столба горемычного
На своих да резвых ножках,
На сафьяновых сапожках,
На серебряных гвоздочках, на медных скобочках!
Чтобы медные скобочки не сломать,
Красной девице не упасть,
Дивью красоту не уронить,
Себя красную девицу не осрамить,
Марию Ивановну не распалить!
По полу по тесовому
Ко столу ко дубовому,
Ко скатертям браным, ко ествам сахарным,
Ко рюмочкам хрустальным,
Ко вилочкам стальным,
Ко ложечкам ко золотым,
К ножечкам булатным,

К вам, гостям приятным!
Здравствуйте, князь молодой
Со своею со княгиней молодой!
Друженька вежливый,
Большой барин, меньшей барин,
Полудружье хорошее!
Не всех по имени, а всем низко кланяюсь,
Здравствуйте!
Сватовья и свахоньки,
Друженька вежливый,
На столе-то белы скатерти разберите,
У меня дивью красоту на стол постановите!
Когда я дивью красоту на стол постановлю,
Тогда я с вами резко поговорю!
Я девушка незастенчивая,
Первый раз вам встречаюсь, говорю, не стесняюсь!
Я вас буду спрашивать, извольте мне рассказывать!
Молодой князь, изволь на ноги встать!
Дай знать, как вашу княгиню величать?
— Мария Ивановна!
Спасибо.
Молодая княгиня, Мария Ивановна,
Изволь на ноги встать, дай знать,
Как вашего князя звать?
— Вячеслав Иванович!
Спасибо.
Молодой князь, Вячеслав Иванович,
Молодая княгиня, Мария Ивановна,
Поздравляю вас с законным браком.
А вас, сватовья и свахоньки,
С новобрачными!
— Спасибо!
Что у нашей у хозяйюшки,
Что у нашей у богатые,
У Павлы у Михайловны,
А поголовье-то — жердочки,
Мы сюда съехались, все сроднички.
Под полом-то — земля,
Кладите серебра!
Под порогом-то — стружки,
Кладите деньги-хрушки!
На ком крахмальные рубашки,

Кладите деньги-бумажки!
На ком ушитые, кладите золотые,
На ком обметки, кладите рублевки,
Кому сорок шесть, кладите рубликов по шесть,
О ком еще забыли, рублишка по четыре!
Но много-то меди не кладите,
У тарелки края не пообломите!
Меня, девушку, в изъян не приводите!
Сватовья и свахоньки,
Друженька вежливой,
Где вы так долго были?
Мы вас ждали-дожидались,
В зеленом саду гуляли,
По башмачкам изорвали,
По чулочкам истоптали,
Цветы алые щипали,
Дивью красоту наряжали,
Марию Ивановну утешали!
У нас эта елочка росла
Не в саду, не в огороде,
А в чистом поле на большой дороге.
Ехали купцы-бояре,
У нас елочку эту покупали,
Но мы ее никак не отдавали,
Нам за нее дорого давали:
За каждую лапочку давали десяточку,
За каждую иголочку давали шестерочку,
А за вершинку — семь с полтинкой,
А с вас, друженька, тысячу,
Меньше тысячи не отдадим!
У нас на ясной елочке кукла сидит,
Она не смотрит в кут, она смотрит тут,
Куда денежки кладут!
А я, красная девушка,
Смотрю в кут, все ли кавалеры тут!
А вы что, посторонний народ,
На меня так пристально смотрите,
Или вы меня не видали,
Или моих слов не слышали?
Чтобы мне со слов-то не сбиться,
Да плечом не поворотиться,
Да деверьям не поклониться,

Чтобы мне стоять не застояться,
Говорить не заговориться,
Не дотянуть день до вечера,
День до вечера, до сýмеречья,
До восходу белого месяца,
До заходу красного солнышка,
Не пора ли дивьей кр́асоте
Со стола убираться?
Что, Мария Ивановна, дивью кр́асоту
Себе возьмете или нам оставляете?
— Вам!
Спасибо. Смотри, Мария Ивановна:
Пошла дивья кр́асота
Не с веселья, а с горюшка
Через все чисто полюшко,
Через горюшки крутые,
Через болота вертучие...
Не могла дивья кр́асота
В одну горюшку приподняться!
Привилась дивья кр́асота
Ко сухому-то деревцу!
Как сухое-то деревцо
Не бывает два раза зелено,
И вам, Мария Ивановна,
Не бывать два раза девицей!
И пошла дивья кр́асота
Посреди полу тесового,
Широким дверям хлопнула
Да еще воротилася,
С Марией Ивановной простилася,
С друженькой не простилася.
Друженька вежливый,
Встаньте-ка на резвы ноги,
Скажите: «Аминь!»
— Аминь!
За «аминь!» мы вас благодарим.
Давай-ка мы с тобою еще поговорим?
— Давай!
Вы ехали, мы вас видели,
У вас костюмы-то добры,
Карманы-то до пят,
Приезжайте к нам за девушками опять!

У вас карманы здоровы, за пуд,
А у нас, девушек, смотрите, какой кут,
Да все такие хорошеньки!
— Обязательно приедем!

ПРИГОВОР СВАХИ

№ 736

На девичнике (или рукобитии, запое) одаривают женихову родню. Дарит невеста, а подносит сваха на подносе. Одаривая сваху жениха, сваха невесты приговаривает:

Свахонька любезна,
Ножки подходят,
Ручки подносят,
Глазки глядят,
Родниться хотят.
Анна Николаевна
Дарит и жалыват
Не фабричным изделием,
Своим рукоделием,
С блюдечка примите,
А на блюдечко посеребрите.

Одариваемые кладут на поднос деньги. Так невеста дарит всех по очереди.

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

№ 737

Когда едут за княгиней, князь собирает сродников за стол. Из них он выбирает вершника, дружка — верный служка.

За столом:

Вы, господа, у князя молодого в гостях, все срод-

ники для свадьбы его — ехать с князем молодым за княгиней молодой.

Теперь мы у князя молодого

Ели хлеб-соль, пили чай.

Теперь вставайте на ноги

И молитесь святой иконе.

Делайте помощь князю молодому,

Сначала родный батюшка, родная матушка,

Кресный батюшка и кресна матушка

И все остальные дорогие сродники.

Давайте помощь по силе, возможности — золотой казны.

Теперь после этого вершник встает на ноги, берет рюмку и говорит:

Господи, помилуй, господи, благослови,

Подсоби, господи, мне выпить и закусить

И князя молодого к княгини припустить.

Что мне сделать?

Если выпить, то от бога будет грешно,

От людей смешно.

А если глаза завязать

Да в лес убежать,

То меня вместо зверя постреляют.

Это худо.

Я человек хотя не рыжатой,

Но женатой,—

Останется жена и дети:

Жена будет вольна,

А дети — самовольники.

Если выпить,— выпил и закусил,

А князя молодого к княгини припустил,

Так это будет хорошо.

И за здоровье ваше, дорогие гости,

Осмелю, беру рюмку и пью!

Выпивает рюмку. Сродники на поднос бросают деньги, и встают, и уходят в сани садиться. Вершник уходит садиться на коня. Подходя к коню, вершник говорит коню:

Сивушко-бурушко,

Вещее воронушко,

Встань передо мной,

Как лист перед травой,

Послужи по вере,

Верой-правдой,

Как служил моему дедушку.
Взял я службу — работу тяжелую,
Так как у нас, у князя молодого,
Михаила Георгиевича,
Производит кнеженецкий стол.
Доски в столах кленовыи,
Стланы скатерти шелковые,
Поставлены стулики дубовыи,
Наставлены вина разноцветныи.
Все на пиру напивалисе,
Все на пиру наедалисе,
Все на пиру порасхвастались,
А князь молодой Михаил Георгиевич
По полаты похаживает,
Золоты кудри порасчасывает,
На кирбитов пол побрасывает.
Подходил он к столу дубовому,
Брал он чашу кленовую,
Наливал он чашу зелена вина,
Становил он чашу посреди стола,
Говорил он таковы слова:
«Кто бы испил эту чашу зелена вина,
Тот бы ехал впереди меня,
Впереди меня, князя молодого.

(Вот он задает задачу.)

Где леса попадут — повырубить,
Топы болота — мосты мостить,
Реки, озера — корабли снастить».
Все на пиру призадумались,
Все на пиру приключинились.
Старший тулится за среднего,
Средний тулится за младшего,
А от младшего и ответа нет.
А я был молодец похрабрее всех, удалее всех:
Подходил я к столу дубовому,
Брал я чашу кленовую,
Брал я чашу правóй рукой,
Выпивал я на единой здох,
Взял я службу ехать впереди князя молодого
И надеюсь на тебя, бурушко,
Что ты пособишь мне выполнить свои задания,
Данные князем молодым Михаилом Георгиевичем.

Беру коня за уздечку и сажусь на коня, поворачиваю коня в публике, носом к лошадям сродников, снимаю шапку и говорю «наказ».

Наказ:

Вот, господа, мы собрались с князем молодым,
Михайлой Георгиевичем,
За княгиней молодой.
Вы все в санях,
А вы — верхом на лошадях.
А вы, господа,
Для случая берите с собою ружья двустрелые,
Топоры острые —
Говорят, что у княгини молодой
Заставлены заставы крепкие,
Птицы клевучие, звери крикучие, болота зыбучие,
Реки глубокие, озера широкия.
Топорами надо лес рубить,
Кленый мосты мостить,
А ружьями зверей и птиц бить,
А себе дорогу очищать.
Но прощайте, господа и вы, князь молодой.
Уезжает немножко. Вторично:
Здравствуйте, вся публика княженецкая:
Старые старички, пожилые мужички,
Молодые молодцы,
Вдовушки — победные головушки,
Красные девицы!
К приезду моему с князем молодым
И к поезду удалым,
Чтобы было состроено три терема златоверхних —
Вершинки с вершинками свивалисе,
Добры люди дивовалисе.
Что в первый терем я мог провести
Князя молодого с княгиней молодой,
А в другой терем брюдок провести,
А в третий терем — поезжан храбрых.
И покудова до свиданья, вся публика,
Вся веселая!

Отъезжая на несколько шагов, вершник поворачивает лошадь в третий раз и говорит своему поезду:

Поезд, дружина хоробрая князя молодого!
Все мы собрались в путь-дороженьку,

Ехать нам пора,
Крикнем вообще все три разá «ура»!

Вершник и весь поезд едет к невестиному дому. Первый раз вершник подъезжает один к невестиному дому, говорит, вызывает публику за сажень 10—15 до дома невесты, спрашивает про постоялый двор княгини молодой, здесь ли находится княгиня молодая (имя, отчество)? Встречающий подбегает и ведет лошадь к крыльцу невесты.

Вершник:

Здравствуйте, вся публика княженецкая,
Здравия желаю, старые старички,
Старые старички, пожилые мужички,
Покажите, расскажите,
Где постоялый двор княжны молодой (имя, отчество)?
Так как, господа, я здесь небывальщина,
Дорог не видалщина,
То прошу провести к постоялому двору.
Укажите княжну молоду (имя, отчество).
Княжна молода румянится, умывается,
Во божью церкóв снаряжается,
В шёлки платица ль да одеваются?
Я послан сюда князем молодым Михаилом Георгиечем
Сказать княгине молодой,
Чтоб она справляласе и снаряжаласе
Во платицо-то цветочное
Да в одежды княженецкие
И во божью церкóв да собираласе.
Здравствуйте, господа!
Приехал рыцар сюда,
Приехал рыцар молодой
Отдать честь толпы круговой,
Час-перечас, позамолкните на час!
Старые старички, пожилые мужички,
Молодые молодицы, красные девицы,
Вдовушки — победные головушки,
Дайте-ко мне, доброму молодцу,
Подъехать к крылечку тесовому,
К столбику точеному,
Колечку золоченому.
Извините, господа,
Заехал я туда ли, к тому ли дому,
К той ли княжны молодой (имя, отчество)?

Но у вашей княжны молодой
Есть папенька родный?
Если нет родного,
То нет ли двоюродного?
Или нет ли брата родного,
А все равно хотя и двоюродного
Или троюродного?
Или крестного отца,
Чтоб не отвели нас от венца.
А вот теперь по теремам походите
И княгиню молодую поищите
И сюда приведите,
Ия бело личенько покажите,
А потом чего-нибудь нам скажите.
Позвольте мне еще объясниться,
Добрый хозяинушко, православный христианин!
Я есть дружка, верный служба
Князя молодого Михаила Георгиеча.
Вот я раз проезжал мимо вашего дома и видел,
Что у вас в доме светлые свечи горели,
Красные девицы за столами сидели
И свадебные песни пели.
Но теперь я прошу вас — поближе подходите
И княгиню молоду на показ приводите.

На это посланник хозяина отвечает:

Я хозяином послан,
Посланника ни куют, ни вяжут,
А что велят, то он дружке все скажет.
Вот что, господин дружка, верный служба,
По нашей деревне и ворон не пролетывал,
И зверь не проскакивал,
И никто не приходил к нам,
К нам в дом никто не заходил,
И по сие время ничего не слышали,—
То у нас княжна молода не готова совсем
И князя молодого не ожидает вовсе.

Вершник отвечает:

Нет, я с этим не согласен,
Выставляю всю эту публику
Прямыми доказательствами,
Что княжна молода, которую я разыскиваю,
То она должна быть здесь.

Так как я здесь мало бывальщина,
То я по приезду моему сюда
Я обратился с просьбой к сей публике,
Которая меня привела сюда
И сказала, что княжна молодая (такая-то)
Находится здесь.

Вопрос вершнику:

Здравствуй, господин дружка!

А во-первых, позвольте мне узнать, кто вы такой есть,
Как вас звать, как величать по имени и по отчеству?

Ответ вершника:

А я есь добрый молодец,
Урождения из города Ростова,
Рода не простого:
Куричкин племянник,
Петухов брат,
Калистратьевны зять,
А вам с меня нечем взять.
Имя мое святое — Сысой,
Приехал я сюда за п.....

Вопрос: Один вы или двое вас? А где ж другой товарищ твой?

Ответ: Мой товарищ дружка остался при князе молодом и княженецком поезде.

Вопрос: А где же остался князь молодой со своим поездом?

Ответ:

Наш князь остался против неба на земле,
Отсель в девятом версте,
В чистом поле на заборе—
Смеяться хочет, штуку свою точит,
Княгиню молодую работать научить хочет.

Вопрос: А позвольте-ко у вас узнать, каким манером вы сюда попали и каким путем сюда ехали?

Ответ:

Я ехал сюда водой, горой, лесом, парусом.

Стал под ваши места подъезжать,

Стало меня на себя одежду рвать,

А моего коня на боках шерсть драть.

Но я ударил своего доброго коня

этой плеткой ременной,—

Поднялся мой добрый конь выше леса стоячего,

Пониже облака ходячего,—

И я с вышины и долины все теремы видал,

Но не знаю, кто в нем живет:

Барин или купец,

Или удалый добрый молодец,

Или княжна молодая,

Или ия родна матушка.

И вот я объявился в самом в том месте,

Где сейчас мы с вами стоим и говорим.

Вопрос:

Наша княжна молода вставала ранешенько,

Умывалась белешенько,

Брала в руки пяльца точены,

Вышивала ковры золочены

И улетела во синии моря, в теплыи края—

К огненному щиту, к пламенному копыю, к тому царю,—

Будет у него шелки закупать

И для вас, господа, ковры вышивать.

То вам свадьбу долго будет ждать.

Ответ:

У нас у князя молодого.

Есть сильный могучий богатырь Еруслан Лазаревич,

Который съездит за синии моря, в теплыи края,—

К огненному щиту, к пламенному копыю, к тому царю

И достанет княжну молоду.

Вопрос:

Да, господин, еще, к нещастью, у нас во двор зашел медведь

И всех коров порвал, и вот все в доме с испугу разбежались.

И стрелять его некому. И невесты молодой в доме нету.

Ответ:

У нас у князя молодого

Есть ссельцы удалцы.

И вот мы это время не спали,

В казны ружья покупали,

Так что мы всех медведей перебьем

И всех людей соберем,

Сокнягиней молодой свадьбу продолжать начнем.

Этим ответом удовлет〈воряется〉, наливает рюмку, ставит на поднос и подает. Вершник берет рюмку, сидя на коне, и говорит:

Господи, помилуй, господи, благослови,

Подсоби, господи, выпить, закусить,

Князя молодого к княгини допустить.

Что мне сделать?

Если выпить, то будет от бога грешно,

А от людей смешно.

Если взять глаза завязать

Да в лес убежать,

То меня вместо зверя расстреляют.

Это худо!

Я человек хотя не рыжатый,

Но женатый,—

Останется жена и дети:

Жена будет вольна,

А дети — самовольники.

А если выпить — выпил, кряхнул,

Да после нее стало на сердце худоумно,

А в голове дурно.

А вам, господа, за рюмку рассчитаться нужно:

У меня в одном кармане — вошь на аркане,

А в другом кармане — блоха на цепи.

Дайте мне волю подумать, погадать,

В затылке своем почесать:

С затылка моего не выйдет ли чего?

Да вот, господа, я одумаюсь —

Я поторопился, за разум схватился.

У меня есть закупленной запас именно для вас:

Сорок пудов собачьих хвостов,

Но они отправлены у меня не в людскую сторону,

А к Повенецкому городу.

И там прикащики-подлецы товар продавают,

Себе деньги обирают.

А вот позвольте-ко я съезжу туда сам,

Товар продам и вам в запясочку деньги

с удовольствием отдам.

Первую рюмку он выливает коню на голову:

Вот, конь мой, вчера ел сено, глядел на солому,—

Сегодня пей вино, ешь пироги,

Служи верой-правдой князю молодому, княгини молодой

И мне, удалому доброму молодцу.

Вторую рюмку вершник уже пьет и делает пожелания всей публике и кн(ягине) молодой и уезжает с известием обратно к поезду князя молодого. Ставит в известность князя молодого и своих гостей поезжан, которые

в дороге, что кн〈ягиня〉 молода к свадьбе готовится.

Второй приезд от поезда к невесте. Подъезжая к публике, отдает здравствование:

Здравствуйте, господа,
Приехал рыцар молодой
Отдать честь толпы круговой.
Здравия желаю, старые старички,
Пожилые мужички,
Молоды молодцы,
Старые старушки — пожилые молодúшки,
Красные девицы — пирожные мастерицы.
Извините, господа,
Заехал я сюда не волей, не очередью,
А охвотой молодецкой.
Т〈ак〉 к〈ак〉 у нас у кн〈язя〉 молодого
Мих〈аила〉 Георг〈иевича〉
Производился сегодня княженецкий стол,
На столах были доски дубовые,
Стланы скатерти шелковые,
Подставлены стулики кленовые,
Поставлены вина разноцветные.
Все на пиру напивались,
Все на пиру наедались,
Все на пиру порасхвастались,
А кн〈язь〉 молодой по палате похаживат,
Золоты кудри порасчасывают,
На кирбитов пол побрасывает.
Подходил он к столу дубовому,
Брал он чашу кленовую,
Наливал он чашу зелена вина,
Становил он среди стола,
Говорил он таковы слова:
«Кто бы испил эту чашу зелена вина,
Тот бы ехал впереди меня,
Впереди меня, князя молодого.
Где леса попадут — повырубить,
То по болотам мосты мостить,
Реки, озера — корабли снастить».
Все на пиру прикручинились,
Все на пиру призадумались.
Старший тулится за среднего,
Средний тулится за младшего,

А от младшего ответа нет.

А я был молодец похрабрее всех,
Удалее всех.

Подходил я к столу дубовому,
Брал я чашу правóй рукой,
Выпивал я чашу на единый вздох,
Взял я службу ехать впереди князя молодого,
Дорогу расчищать и княгиню молодую доставать.

И добавляет:

Эх, какое здесь место угрюмое,
Какие здесь улицы грязные,
Быть бы на этом месте зеленым садам, широким полям,
Стоять бы на этих местах палатам белокаменным,
Проживать бы в этих садах семи соловьям,
Сидеть — песни петь, меня встречать
И княгиню молоду защищать.

Вершнику задают вопрос:

А позвольте-ка у вас узнать, добрый молодец,
Какой вы земли, какого уезда, какой волости,
Какого отца?

Ответ: Земли русской, орды Петербургской, Олонец-
кой губернии, Пудожского уезда, Нигноземской волости,
деревни Семеновской.

№ 738

Дружка на дворе у невесты, стучится. «Кто ты?» —
отворяют ворота.

Я дружка, верная служка!
Есть ли у нашей и у вашей княгини молодой
При ворóтах ворóтнички,
На столбах пристолбнички,
У крылец крылечнички,
У ларев ларечнички,
У дверей придвернички,
В новой горенке у столов столешнички,
У сладких питей молоды разносчички?
Разносчички молодые —
Люди не простые;
У них головушки напозащены,
Фартучки белые у них подвязаны?

Есть ли у вашей и у нашей княгини молодой
Робята молодые, три братца родные?
Малый братец — ворота отворять,
Средний братец — коней держать,
Большой братец — нас, гостей, встречать,
Широки́ ворота отворять,
Золотую подворотню вон вынимать,
Чтоб нам, дружкам, верным служкам,
На широкий двор выезжать,
Добрым коням копыт не обивать,
Серебряных подков не рвать,
Черкасских седел не ломать,
Тесьмяных узд не сымать,
Шелковых лент не мять,
На широкий двор выезжать,
С добрых коней слезать,
Добрых коней на руки отдавать,
В высок терем входить,
А ярлыки на дубовый стол положить,
Чтоб наша и ваша княгиня молода
Ярлыки прочитала,
Нашего князя молодого
В чистом поле часу не держала,
И нас, дружек, верных служек,
Честно принимала,
Честней того назад отправляла.

№ 739

Приговор дружки у дома невесты:

К высокому терему подъезжаю,
Бобровую шапочку скидываю,
Лосиные рукавички за пояс затыкаю,
Коня ударяю:
«Стой, конь, не мотайся,
Никому в руки не давайся,
Меня, друженьку, дожидайся».
На крылечко всхожу,
Исусову молитву сотворю:
«Сын божий, помилуй нас».
На калиновый мостик всхожу,

Калиновый мостик, обломись,
Низко, друженька, поклонись!
«Здравствуйте, добрые люди!»
Берусь за скобочку,
Стучу своей рукой молодецкой.
Первый раз беру — немного отворю,
Второй раз беру — побольше отворю,
Третий раз беру — двери на пята расхвачу!
Скок через порог, едва ноги переволок!
Старые старушки, молодые молодушки,
Дайте мне дорожку, пройти под окошко!
Дайте дорожку пошире,
Чтобы мне, друженьке, не обступиться
И вам за причинное местечко не схватиться!
Всхожу под окошко.
Налейте мне пивца, или винца,
Или квасу годового,
Я вызову свата молодого (подают стакан).
Дайте знать, как свахоньку по имени,
по отчеству назвать.

Сватьяшка, голубушка,
Повыйди, повыступи
Из-за печки кирпичной,
Из-за столбучечки горемычной.
Встань на лыжи и подойди ко мне поближе.
Я к вам приехал не за рожью,
Не за пшеницей, а за красною девицей.
Был ли у вас договор с нашим женихом и с невестой,
Что сегодняшней день у нас свадьба?
Я к вам приехал не один, а нас двадцать один.
Стоят на широком поле под чистым небом.

№ 740

Приговор дружки при входе в дом:

Спасибо, на аминь,
На добром слове,
На благодатном доме.

Берется рукою за скобку двери:

Беру я, княжой дружка, двери за скобы
И отворяю широкие двери на пята.

Отворяет дверь:

Широкие двери отпираются,
Золотые замки отмыкаются,
Серебряные крючья раздвигаются.
Передо мной, перед княжим дружкой,
Красные сукна расстилаются,
Мелкие желтые пески рассыпаются.
Иду я, княжой дружка,
Не по сукнам цветным —
По черным медведным;
Не по крученым коврам —
По крутым берегам;
Не по крутым берегам,
А по мелким желтым сыпучим пескам;
Не по мелким желтым сыпучим пескам,
А по княженецким ступеням.
Подо мной, под княжим дружкой,
Счелк не рвется,
Булат не гнется,
Чистое серебро не ржавеет.
Иду я, княжой дружка, через порог,
Как ясный сокол.

Ставит правую ногу на порог, крестит на нем столбцом
три креста, затем перешагивает и медленно-медленно идет
к столу, продолжая наговор:

Нет ли копоты,
Не замарать бы лопоти;
Нет ли воды,
Не замочить бы ноги.

В это время в избу постепенно входят молодые и
остальные поезжане, все пока держатся близ порога, под
полатами:

На нашем новобрашном князе
Шапка бобровая,
Шаль кованная,
Рукавички плисовые,
Гарусом вышитые,
Шуба енотовая,
Опояска счелковая,
Шаровары плисовые,
Подкарманья ситцевые,
Чулочки тафьяны,

Сапожки сафьяны,
Подковочки серебряны.
На нашей новобрашной княгине
Шубейка счелковая,
Полушалочка барховая,
Юбочка пуховая,
Чулочки полубелящаты,
Подвязки счелковы,
Чаблетики сафьяны,
Подковочки серебряны.
Иду я, княжой дружка,
Под полатной брус,
Как под ракитов куст;
Ракитов куст нагибается—
У нашего новобрашного князя
И новобрашной княгини
Резвые ноженьки подсекаются.
Иду я, княжой дружка,
Из-под полатного бруса,
Как из-под ракитового куста,
Захожу я, княжой дружка,
В светлую светлицу,
Деревянную горницу.
Во светлой светлице,
Деревянной горнице
Брусья точены,
Стены золочены,
Потолок хрустальный,
Окошечки стеклянны,
Полики дубовы,
Столики точены,
Чашечки кленовы,
Ножечки булатны,
Вилочки укладны.
Встаю я, княжой дружка,
На показанное место,
Где господь бог показал,
С меньшим, с средним,
С большим боярами,
С господином тысяцким,
С новобрашным князем
И с новобрашной княгиней,

И со мною, дружкой,
И с полудружьем,
И со свашенькой —
Со повойничком,
Со всем полком —
Храбрым поездом.
Аминь.

№ 741

Приговор дружки в доме невесты:

Хотя вы нас не ждали, не глядели,
А мы, как ясны соколы, налетели,
Дайте нам всем по местам, как соловушкам по гнездам:
Князю с тысяцким под окошко,
Большому боярину с меньшим — до среднего окошечка,
Свахе с повозником — по лавочке в куть,
А мне, дружке, скамеечку дашь,
А не дашь, дак и так постою.
Дай им, сватушко, полицы
Положить нашему князю шапку и рукавицы.
Есть ли крюк повесить мне, друженьке, кнут?
Вот, сватушко, дай мне хлеба да соли,
Милости божьей,
Да сверх того позови нашу свахоньку.
Наша свахонька котряется, ломается,
Из саней не вылезает, токо по саночкам холызает,
Вашей свахоньки дожидается, всю одежду изодрала.

№ 742

Дружка приезжал за невестой со старой шубой, рванными
рукавичками и лаптями.

Скок через порог,
Еле ноги переволоок!

Подходит ближе.

Нате вам шубу овечью,
Подайте нам душу человечесью!
Дорогая хозяйюшка, ждала ли гостей,
Наварила ли корчагу шей?

Вот мы приехали, хлебаки,
Из-за Вёксы из-за реки,
Сандырёвские рыбаки.
Ей, ребятки,
Косые заплатки,
На полатах-то сидите,
Шматок соплей не уроните,
Мне голову не прошибите.

ПРИГОВОР КОРОБЕЙНИКОВ

№ 743

**Приговор коробейников,
привезших дары родне жениха:**

Летят гуськи, дубовы носки,
Кричат гуськи шепеты-лепеты:
Гости и гостейки, из кути, по лавке, вдоль по скамейке,
Приказали нам — кланяться вам!
И ротятишки, востреньки носки, черненьки уски,—
И те приказали вам кланяться.
Ехали мы лесам — стоит мужик с мясам,
Ехали мы мимо куста — стоит мужик с суслом,—
И те приказали вашей милости кланяться.
Ехали мы мимо овина — стоят две долгие Орины,—
И те приказали вам кланяться.
Ехали мы мимо омёта — стоят тут два Федота,
Ехали мы мимо забора — стоят два Егора,—
И те приказали вашей милости кланяться.

При каждом слове приговора главный коробейщик и все приехавшие с дарами кивают головой; таким же киваньем головы отвечает отец жениха и все гости. После приговора коробейников вводят в дом, сажают за стол и угощают, а девушки величают приехавших, получая за это деньги.

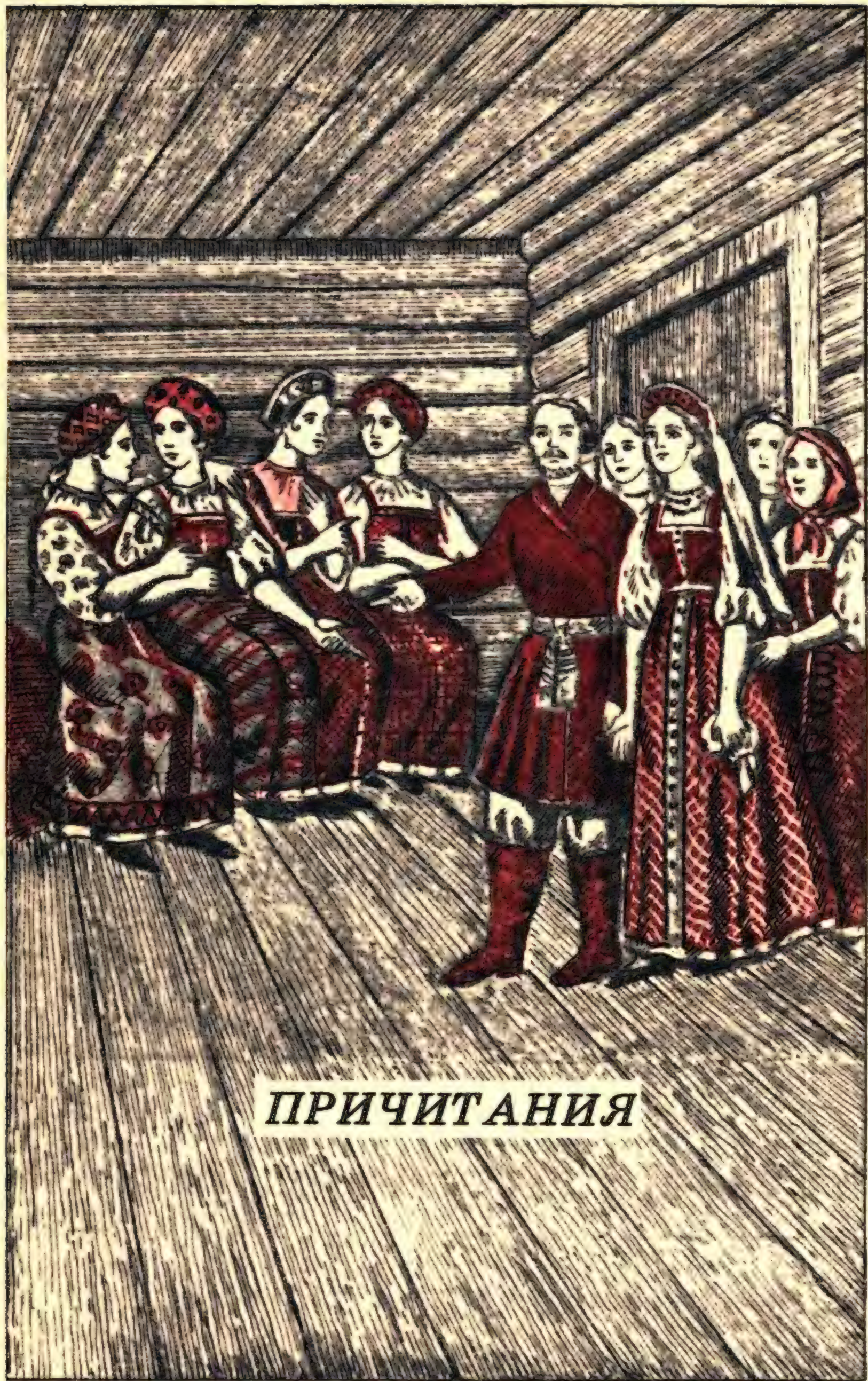

ПРИЧУТАННЯ

ПРИЧИТАНИЯ

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

В

севернорусских деревнях ни одна свадьба не проходила без причитаний. Причитывала невеста, ее подруги, мать, родственницы, специально приглашенные вопленицы.

«Как просватали, так плакать надь. А за дролягу-то идет, дак как плакать — смешно, луковицей натирали глаза, чтобы слезы-то бежали. Не плаче — так осуждали: «Эта-то, значит, хочет замуж»¹. Это замечание пожилых женщин, рассказывающих о своих свадьбах в 30-х годах нашего времени, очень показательно: причитания были неотъемлемой частью свадебного обряда, традицией, нарушать которую не полагалось ни при каких обстоятельствах; они оказались устойчивыми во времени и записываются собирателями и в наши дни. Причитание передавало тревожное состояние невесты, прощающейся с девичьей беззаботной жизнью, и это ее настроение было понятно слушателям, особенно замужним. «Одинокий голос невесты подхватывается голосами подруг, из толпы пожилых женщин присоединяется голос за голосом, и нередко все присутствующие с плачем и всхлипыванием выводят грустный напев». Так описывает типичное восприятие свадебного причитывания один из собирателей прошлого века².

Причитание сопровождало множество обрядов, и до самого отъезда невесты к венцу в ее доме и на улице звучали печальные, зачастую надрывные причеты. «На улицу выходила, девушек и поведет. Там прицитают, отца и мать призывают. Потом с полям прощаются: с рожью, с яровым, с зимовым; с полям, с приполецькам, с садам, с пригородоцькам»³. «На нидили-то каждой вецер ходит на улицу. Тут сильно больно ревит-то, на всю волость. Поприцитает, концила, девки схватят да в избу волоцят. Она не идет, упираетце. Девцата прицитают: «Находилась, нагулялась»⁴.

¹ Савушкина. С. 37.

² НГВ. 1896. № 45.

^{3,4} Балашов. С. 49.

Причеты от обряда к обряду становились все эмоциональнее и пространнее, и невеста ко дню венчания зачастую находилась на пределе душевных и физических сил. («Две недели похлёщешьсе, колени да и локти в корости!»)

До нас дошло множество таких пространных поэтичных причитаний, которые невозможно читать без волнения — настолько искренни выражаемые ими чувства русской женщины. Одним из таких причитаний, записанных от талантливой плакальщицы И. А. Федосовой, открывается этот раздел сборника.

Вопль невесты в день сватанья

Зажгли свечи перед образом. Пошли отец с матерью за невестой <...>. Пришли все, помолились богу, ударили по рукам. Невеста начинает выть, ее подхватывают под руки, а она воет:

Вы не шайте-тко, зарадки муравейны,
Вы не дуйтесь-ко, огня да скороплящи;
Не гори-тко ты, свеща да воску ярова,
Перед Спасом, пред святой да богородицей.
Горит свеща, перед образом туманится,
Пресвята мать богородица печалится,
Сожалеет меня, бедную лебедушку!
Ты не сдинься-ко рука, да ручка правая,
Выше плеч да в младу на головушку,
Со головушки на правое на плечушко.
У моих светов желанных у родителей
Во правом плече рука не устоялася,
Они сделали крепко да рукобитьище
И не в колокол теперячко ударили,
Меня, девушку, родители просватали,
И не в трэзвон-то в церквах да затрезвонили,
Мою волюшку родители да поневолили;
И не утушка во бережку побрякала,
Красна девушка во терему заплакала.
А у нас да во почетном во большом углу
Как не воины у нас да соезжаются,
Не вороны-то у нас да солетаются:
Кабы воины съезжались —
У них палицы б ломались,
Кабы вóроны слетались —
Крылья-перьицы б щипались;
Сходятся да соезжаются два свата да полюбовные.

«Уж и что же вы, родители желанные,
Меня, молодую, в неволю обневолили?
Во великую заботу обзаботили?
Надоела ль вам я, наприкучила?
Вы за что меня, желанные, окручили?
Вы на что, мои родители, накинулись,
Вы на что, светые желанные, позарились?
Вы на славного ль бурлана Питембургского,
На его ль наживу молодецкую?
На добро ль его... хоромное ль строение?
На бело ли его личичко,
Аль на желтые ль на кудрышки?
Отдаваете вы белую лебедушку
На чужую ль вы да на сторонущу...
Не далось-во мне, желанные родители,
Мне-ка с возрастом, лебедушке, сровняться,
Уму-разуму в головушку набратися,
С вольной волюшкой мне нагулятися,
С родом, с племенем мне-ка познатися!
Вы, глупёшеньку, меня да отдаваете,
Молодёшеньку со волей разлучаете,
Я какую вину, родитель, провинилася?
Я правой ногой у вас ли проступилася?
Так уж изменяете вы волю мою волюшку,
Выдаете меня, белую лебедушку,
На чужую на сторонущу.
Вы трех суток, родители, не думали,
Трех неделечек вы по роду не ездили,
Не собирали роду-племени
На совет да вы, на крепкую на думушку,
Посудьячи я на вас, мои желанные родители,
Что сымаете вы волю мою волюшку,
Мое мило прикрашенное девичество...
Мне-ко жаль ведь дорогой да воли-волюшки,
Мое мило прикрашенное девичество!
Погляжу-ко, дочка я невольна, красна девушка,
На своих милых советных всех подруженек,
Они девушки ведь есть да неталанная,
Родители да их да пожеланнее,
И не снимают у них вольной волюшки,
Они в девушках подружки поставаются,
Во ребятушках они да все считаются.

Уж как я, да красна девушка,
Я под рученькой сию да громовитой,
Я под облачком хожу да страховитом,
Будто деревце в лесах да подсечёное,
Будто травонька в лужку да подкошёная,
Подкошёная трава, да подсушёная;
Будто рыбинька во сетку изловлёная,
Будто пташечка во клетку посажёная...
Вы послушайте, желанные родители,
Мне-ко дайте вы слободну пору-времечко,
Вы спустите-ко в любимое гостилище,
Вы впрягите-ко ступистых лошадушек
Во этой в санки самокатные,
Привяжите звоны новы колокольчики,
Уж вы слушайте совет мой, дружны по́дружки,
Вы ду́ш да красны девушки,
Вы поедете с невольища
Во любимое во гостьбище,
Вы со мной, со красной девушкой,
Хоть не первая в девичестве, последняя,
Вы спевайте жалки песенки,
Веселите вольну мою волюшку,
Вольну волюшку развеселяйте,
Сберегайте волю на пути да на дороженьке
Вы от этого от студничка да чужанечного,
Блага сына — вот отечкого.
Тут пойду я, дочь невольничья,
Повзыщу братца родимого,
Соколочка златокрылого:
«Братец, красно мое солнышко,
Братец, денный белый светушка,
Ты, свеща да не топлёная,
Ты, верба да золочёная,
Ты любимый был повозничек
Мне невольной красной девушки;
Ты возил да красну девушку
По унылым по свадебкам,
По и скат горам высоким,
По смиренным по беседушкам;
Все мы думали да крепку с тобой думушку,
Распевали мы унылы жалки песенки
После моего недомиго девичества.

Спамятись, да братец, красно солнышко,
Ты на трудной на крестьянской на работушке,
На лугах меня невольных сенокосных,
На полях да хлебородных
Мы за шуточкой работу работали,
За весельицем мы время коротали.
Там уж после ты меня, невольной девушки,
Ходить будешь по крестьянской по работушке
Единым да единёшенек,
Вспомятишь меня, невольну красну девушку.
Ты послушай, светушкó братец родимый,
Ты поедешь со невольной красной девушкой
Во любимое, сердечное гостиньище,
Ко Любушке сестрице ко любимой,
Ты одень да свое цветно красно платьице,
Ты любимую бурлацкую покрутушку;
Ты поедем ли со мной, со красной девушкой,
По любимым-то, сердечным гостиньищам.
Как сегодняшним господним божьим денечком
Прогуляем день-деньской до вечера
Со своей да волей вольною,
Я со красными со девушкам,
Со милыми со подруженькам,
Во своей во воле вольной,
У своих да у родителей,
Я у свѣтушка, у братца у родимого.
Снарядите, свет желанные родители,
Меня, белую лебедушку,
На гостинну да урочную неделюшку,
Мне вы дайте-ко девичье рукодельюшко,
И мне мелкое девичье щепетеньище,
Мне-ко пялушки, лебедушке, точёныя,
Расшивной мне-ко бумаги сто пасóмок;
И уеду, подневольна красна девушка,
Я от вас, мои желанныи родители».

№ 745

В тот день, когда просватают девушку, на беседе ей пропоют песню «Отставала лебедушка», а потом причитают «Зореньку»:

Ты заря ли, моя зоренька,
Ты заря моя вечерняя,
Скоро рано да потухать стало,
Прежде закату да красна солнышка,
Прежде восхода да светла месяца.
Наша миленькая подруженька,
Коль ты скоро рано открасовалася,
Прежде сестриц ты своих голубушек,
Прежде миленьких подруженек:
Разве в девушках тебе присиделось?
Разве волюшка тебе напрокучила?
Голова тебе причесалась?
Руса косынька призаплеталась?
Беседные песни припелись?
Шутки-дворки пришутились?
Цветно платье да приносилось?
Красна красота да напрокучила,
Просекная да лента шитая
Со жемчужной-то со поднизью?
Разве в хороводах тебе пригулялось?
Тебе со миленькими подруженьками?

В ответ на это невеста причитает:

Мои миленькие подруженьки,
Можно знать вам да можно ведати,
По себе вам можно поверити:
Что в девушках-то мне не присиделось,
Волюшка не напрокучила,
Дрокушка не надосадила,
Голова не причесалась,
Руса косынька не призаплеталась,
В косу ленточки не привязались,
Во беседе с вами не присиделось,
Беседные песни не припелись,
Шутки-дворки с вами не пришутились,
Цветно платье не приносилось,
Красна красота не напрокучила,
Просекная-то лента шитая,
Со жемчужной-то со поднизью,
В хороводах не пригулялась,
Хороводны песни не припелись,
По гостям не приходилось,

Гостейкой не присиделось
У своих родных родителей.

Приходит на беседу за невестой сестра и причитает,
обращаясь к подружкам:

Вы, мои милые подруженьки,
Вы не бойтесь, да белы лебеди,
Вы меня-то, да молодешеньку,
Я не сидеть иду да не беседовать,
Иду за сестрицей своей голубушкой.

Потом она подходит к сестре и причитает:

Ты сестрица моя, голубушка,
Я скажу тебе, молодешенька,
Скажу весточку тебе не радостную,
Что приказали тебе родны родители,
Что тебе распрощаться, красной девице,
Со беседушкой смиренною,
Со гульбой — игрой веселою,
Что тебе со миленькими подруженьками,
С удалом да добрым молодцам,
Тошнее того да и обиднее —
Со всей волюшкой-то вольною,
Со девичьей волей гульливою.

Невеста спрашивает у сестры:

Ты скажи, сестра голубушка,
По чьему пришла позволеньцу,
По чьему да приказаньицу
Разлучаешь меня, красну девицу,
Со всей волюшкой-то вольною,
Со девочьей волей гульливою?
Бог судья-то вам, мои родители,
На чего вы рассердились,
На меня-то на красну девицу?
Что мне как бы не хотелось
Разлучаться с волей девичьей
И с беседушкой смиренною.
Прости, беседушка смиренная,
Прости, гульба-игра веселая,
Простите, миленькие подруженьки,
Удалые да добры молодцы,
Прости, беседная хозяйюшка!
Меня извините, красну девицу,
Что я суровая была, не смиренная,

Почасту я с вами бранилася,
Не подолгу только сердилася.
Моя лю́бая у вас была беседушка,
Почасту́ к вам сидеть ходила,
Подолгу у вас сидела,
В лавке местечко просидела,
Все окошечки проглядела,
У ворот-то пяты вытерла,
У дверей-то скобы вырвала,
Прости, беседушка смиренная!
Мне не бывать больше, не сиживать
Душечкой да красной девицей.
Прости, желанная хозяйюшка,
Дай бог счастливо оставатися
Да богато разживатися!

Вслед за этим причетом невеста выходит с беседы с подружками на улицу и идет к дому, причитывая:

Улица, моя улица,
Улица ты моя широкая,
Протянися ты, моя улица,
На сто верст да и на тысячу;
Я иду-то, да красна девица,
Не по старому-то, да не по-прежнему,
Иду со миленькими подруженьками.
Мои резвы ноженьки подрезало,
Белы ручки опустилися.
Подхожу я, красна девица,
К батюшкову широку двору,
К матушкину да нову терему,
Как погляжу я, красна девица:
Как у нас во светлой светлице,
Как зима-то у нас студеная,
Да отзímье да студеной зимы,
Как премногие злы чужи люди.

Невеста идет в дом, подходит к отцу и причитает:

Бог судья тебе, кормилец батюшка,
И кручинной моей матушке,
Что вы пригадали, что придумали
Меня отдавать-то да запросватывать,
Меня в эту зимоньку-то студеную;
Видно, не любая я была работница,
Не бела была платомойница,

Не верна, видно, слуга верная;
Мине как-то уж не хотелось
В эту-то вечериночку
Разлучаться-то, красной девице,
Со всей волюшкой-то вольною,
Со девичьей волей гульливою,
Со беседушкой смиренною,
Со гульбой-игрой веселою
И со миленьким подруженькам.

Накануне девичника бывает рукобитье. От жениха привозят «каравай», т^ое^{сть} белый хлеб, украшенный конфетками и ленточками. До приезда родных жениха с караваем невесте причитают:

Ахти мне, мине тошнихонько!
Я не знаю, красна девица,
Перед чем да взвеселилася,
Я чему обрадовалася,
Коль я баско набасилася,
Хорошо да нарядилася
Во убор да платье цветное,
Во нарядьце хорошее;
Что зачула я, слышала,
Я ко господнему ко праздничку,
Ли к обедне пресвященной,
Ко молебну я заздравному,
Ли на беседушку смиренную
Я со миленькими подружками?
Я сама знаю, сама ведаю:
В эту пору, в это времечко
На слуху да нету праздничка,
Во торгах да нету ярмарки,
По церквам нету обеденки,
В деревнях нету беседушки.
Я погляжу, да красна девица:
У меня сидят милы подруженьки
На дубовой-то на лавочке.
Во сегодняшний во белый день
Я наряжалася в платье цветное
И надевала красну красоту
Не по-старому, не по-прежнему,
Не на веселье, не на радости —
Меня принуждали, приневолили

Все мои родны родители.
Меня обманули, красну девицу:
«Наряжайся, красна девица,
Во наряд во платье цветное
И надевай да красну красоту —
Пойдешь на гуляньице веселое».
Приказали мне родители
Недалеко ходить-расхаживать,
Нешироко глядеть-рассматривать;
Приказали мне родители
Сесть на место-то на кручинное,
Повесить-то буйну голову,
Мне потупить да очи ясные;
Тужить да велят, плакати
Об девичьей-то воле вольной,
Опустить мне свой зычен голос
Мне по светлой-то по светлице,
По высокой-то новой горнице,
По народу да по добрым людям.
Доходите вы, звонки голоса,
До моих-то родных родителей,
До кормильца до батюшки,
До кручинной до матушки:
Вы родные мои родители,
Вы мне дайте благословеньице,
Я не смею, да красна девица,
Без вашего благословеньица
Объявить свой голос на люди,
Обронить свои слезы на землю.

Если невеста сирота, еще прибавляется:

Ах мне, мне тошнехонько,
Коль гораздо мне обиднехонько,
Моему-то да ретиву сердцу:
Уж я просила благословеньица
У своих я родных родителей,—
Я не слышу, красна девица,
Ихного благословеньица:
Видно, в дому их да не случилось,
В терему моем не сгодилося.
Видно, моих-то родных родителей
Нет во живой-то живности,
Как во добром-то во здоровьице —

Только имечко их да называется,
Отчество только величается.
Мне не дают они благословения,
Будто я безродная родилася,
Бесплемянная крестилася;
Видно, от камешка родилася,
От крутой горы откатилася.
Как разгадаю сама, раздумаю:
Есть у крутой горы пригорочек,
Есть у камешка-то дресвиночка;
Тут-то я, видно, сиротиночка:
Как у меня-то, у сиротиночки,
Нет родных-то моих родителей,
Денного-то нет заступнишка —
Нет кормильца-то батюшки,
Ночные-то нет богомольицы —
Нет кручинные-то матушки,
Нет у слезки-то горячия;
Хоть есть у сиротинушки
Сокопочки, милы братица,
Есть сестрицы мои голубушки,
Хоть им и жаль меня, младёшеньку,
Да не против моих родителей.

Потом невеста начинает ходить по полу, в это время причетница причитает:

Мне сидеть-то да не отсидетися,
Сидя сердце не утешити,
Своей родни не прослезити:
У меня родня-то не слезливая,
До меня-то не жалостливая;
Отшатить мне могучи плечи
От стены да тесу белого,
От косерчатого окошечка,
От стекольчатой околенки.
Благослови-ка меня, господи,
Встать со лавочки дубовая,
Со брусиночки кленовая,
Встать на ноженьки на резвые,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьянные,
На гвоздьё на полуженое,
Мне походить-то, покрасоватися,

С волюшкой-то порадоватися
По светлой-то по светлице,
По высокой новой горнице,
По одной мене половочке.
Ты не гнись, не гнись, половочка,
Не ломися, переводочка.
Отчего половке гнутися,
Переводочке ломатися?
Что не звирь да по тебе идет,
Не змея да извивается,—
Идет душечка да красна девица,
Будто ниточка тонешенька,
Будто линочка легошенька,
Как травинка подкошенная,
Как сенинка подсушенная.
Меня подкосил кормилец батюшка,
Соколóчки милы братьица,
Меня подсушила кручинна матушка,
Сестрицы мои голубушки;
В эту зимоньку студеную
Посковали мои резвы ноженьки,
Завязали буйну голову,
Мои призакрыли очи ясные,
Мое подсушили ретиво сердце.
Обратиться мне, красной девице,
Ко своим родным родителям:
Буду убиваться, красна девица,
Как ластушка вокруг гнездышка,
Как касатушка вокруг теплого,
Вкруг родных своих родителей.
Вы родные мои родители!
Вы пожалейте красну девицу,
Вы не разлучайте красну девицу
Со всей волюшкой-то вольною,
Со девичьей волей гульливою.
Вы не допускайте свата бóльшего
До двора-то да до широкого,
До тѣрема-то до высокого,
До меня-то, до красной девицы.
Вы откажите свата большего,
Честну хвальную коровайницу.
Буду жить у вас лучше прежнего,

Работать буду лучше старого,
Буду слуга-то я вам верная,
Я на вас буду надеяться,
Держать надеженьку великую.

Тут приезжают с караваем, и причетница причитает:

Ахти мне, мне тошнихонько:
Меня испугали, красну девицу,
Как мне, девушке, слышалось
Иль мне в яво показалось —
Как дубовые сани скрипнули,
Шелковая плетка свистнула,
Прозвонило колокольчико,
Пробежала лошадь добрая?
Как приехал злодей большой сват,
Честно-хвальная коровайница.
Мои миленькие подруженьки!
Встаньте стеной да белокаменной,
Вкруг меня, да красной девицы!
Не допускайте свата большего
Честно-хвальную коровайницу.
Охти мне, мне тошнихонько:
Как во мою-то светлу светлицу,
Как нанесло да снегу белого,
Как зашел да злодей большой сват.

В это время каравайница подходит к невесте, причитают:

Уж вы, глупые придвернички,
Уж вы, неразумные приворотнички!
Что вы сами гостей не встретили
И мне, девушке, не сказали?
Хоть бы я вышла, да красная девица,
На широкую на улицу.
Меня извините, гости, пожалуйста,
Что я вас не знала да и не ведала,
Я не вышла да вас не встретила.
Честно-хвальная коровайница,
Ты подошла ко мне, красной девице,
Со словами да со лестливыми,
Со поклонами да со низкими,
Всё со привозными подарочкам;
Уж вам можно знать, да можно ведати,
Что я девица-то да не безродная,
Красная — не бесплемянная:

У меня есть родные-то мои родители,—
Быде прикажут мне, красной девице,
Принимать ваши подарочки.
Благослови, да боже-господи,
Мне поднять да руки белые
На привозные подарочки.
Когда принуждали меня родители,
Мне как да не хотелось
За ракитов куст хвататися —
Мне со вами, да родня, знатися.
Принявши каравай, невеста обращается к свату:
Ты приезжий да большой сват,
Честно-хвальная коровайница,
Вы извольте-ко извещатися:
Перво место возле меня,
Друго место — супротив меня,
Третье место — где полюбится.
Приезжий да злодей большой сват!
Честно-хвальная коровайница!
Что я у вас буду спрашивать?
Вы извольте-ко мне сказывать
Про вашу чужую дальну сторону,
Как про вашу семью большую:
У вас здорово ли во дому живут
Богоданный мой батюшка,
Богоданная матушка?
Здоров-то ли чужой чужан?
С весела ли-то пир заводится?
С весела ли у вас пиво варят?
С весела ли у вас вино курят?
С весела ли меня в гости ждут?
Я сама знаю, сама ведаю:
Ждут не в гости меня и не в гостейки,—
Во рабы меня, во работницы,
Во белое платомойщицы.
Ты приезжий да большой сват!
Честно-хвальная коровайница!
Что стороной-то я чула, слышала
Про вашу чужую дальну сторону,
Про злодейку-то незнакомую:
Что сторона у вас невеселая,
И угода у вас нехорошая,

И семья-то у вас несогласная,
Лес с лесом-то не склонится,
Люди с людьми не сходятся,
И сойдутся — не поклонятся.

В это время бьют по рукам, и родители невесты со сватом молятся богу, а невесте причитают:

Не спешите, мои родители,
Не зажигайте восковой свечи,
Не молитесь богу-господу,
Не ударяйте да по белым рукам,
Не запросватайте буйну голову,
Не запоручьте да русу косыньку
За поруки-то за крепкие,
Что злодею свату большему.
Вы мне дайте находиться,
Пока во своей-то я воле вольной,
Во девичьей воле гульливой.

Рукобитье кончается, и свату дают полотенце. Он уезжает домой, а невеста после него причитает:

Соколóчек мой, братец миленький!
Запряги-тко доброго коня
Во саночки-самокаточки;
Нагони-тко свата бóльшего,
Отними да рукобитной плат,
Вороти-тко мою волюшку.

На другой день после рукобитья бывает девичник, при этом причитают:

Благослови-тко, боже-господи,
Меня на день да на сегодняшней,
Меня во час да во теперешней,
Белой лебеди возгыргати
Что на славном на синем море,
На горячем синем камешке,
Мне, красной девице, заплакати
Во высоком новом тереме,
На дубовой-то на лавочке.

В девичник невесту подруги и родные дарят деньгами, за это им причитают:

Вы, милые подруженьки,
Дарите казной несчетною!
Вам можно знать да можно ведать —
Мне не нужна золота казна

Ни на платьице-то цветное,
Ни на красную-то красоту,
Не неволю выкупать буду,
Не от неволюшки откупатися.
Вы скажите мне, милы подруженьки,
Куда издержать да золоту казну?
Я сама девушка догадлива,
Я пригадала да придумала,
Куда издержать да золоту казну:
Мы сей ночи да в темну ноченьку
Мы не поспим да ночки темные,
Запряжем да доброго коня,
Уж мы съездим в город Вологду,
Мы разыщем фотографию,
Снимем патрет да с себя карточку
С моего да лица белого,
Пока душечкой я красной девицей,
Пока с вами я, подруженьки.
Обойдется пора-времечко,
И я буду под неволюшкой;
Как тоской-то мне стоскуется
Об девочьей воле девичьей,
Погляжу я, красна девица,
На свой патрет да карточку,
Как припомню и припамячу,
Когда была душой девицей.

Перед венчанием невеста ходит в баню. Впереди идет ее брат с иконой, за ним ее мать крестная разметает веничком дорогу до бани. На воде, которою в бане окачивают невесту, творят пироги. Утирается невеста бельем, которое предназначено жениху <...> Пироги эти отсылаются к родителям жениха для того, чтобы невесту любили в новой семье. Невеста приходит из бани, одевается в праздничное платье и начинает ходить по полу, подружки в это время причитают:

Пораздвиньтесь-ко, добры люди,
Вы мне дайте, красной девице,
Хоть единую половочку
Походить, покрасоватися
После бани, после па́руши,
Будто ласточке пролётати,
Как касатушке пропóрхнути.

Вы, родны мои родители,
Поглядите, мои родители,
Как у вас во светлой светлице
Что там ходит за девица,
Что ходит за красная?
Ходит дочь-то поповская,
Ходит дочь-то купецкая?
Вы, родные мои родители,
Ходит ваша это родная дочь
После бани, после паруши,
Во наряде, в цветном платице
И во красной-то во красоте;
Только не во своей-то воле вольной,
Не в девочьей воле гульливой,—
Обрала да баня-паруша
Волюшку вольную.
Бог судья вам, подруженьки,
Вы на обман-то дело сделали,
Меня обманули, красну девицу,
Меня звали вы меня во парушу,
Во честную подвенечную,
Насказали да нахвастали:
«Не берет да баня-паруша
Она ни дани да ни пошлины,
Не снимет да баня-паруша
С тебя волюшки да вольные,
Девочьей воли гульливой,
С головы да красной красоты».
Обрала да баня-паруша
Мою волюшку да вольную.
Только упросила я красну красоту,
Просекную-то волю шитую
Не надолго пору-времечко,
На одну только вечериночку.
Я просила у бани-паруши,
Чтобы отпустила она волюшку
Ко мне-то, ко красной девице,
На одну только вечериночку,
На слезяной горькой девичничек,
Слезяных моих песен слушати.
Мои миленькие подруженьки,
Вы послушайте, белы лебеди,

Об чем я-то вам побью челом,
Красна девица, я покучуся:
Вы подите, да белы лебеди,
На широкую на улочку,
Стерегите, милы подруженьки,
Мою волюшку-то вольную:
Как пойдет моя воля вольная,
Она из бани-то из паруши,
Вы не отпустите ее на беседушку;
Как пойдет моя воля вольная,
Душечкой пойдет красной девицей,
Остановите ее, подруженьки,
Приведите-ка волю вольную,
Приведите ко мне в терем,
Я хожу-то да и красуюся,
Я сама-то да радуюся,
Что я жду да дожидаюся
Свою волюшку я вольную,
Свою девочью волю гульливую.

В это время две девушки приносят разукрашенную елку и останавливаются среди избы; невеста кланяется елке, а в это время причетницы причитают:

Здравствуй, милая подруженька,
Моя волюшка ты вольная,
Девочья воля гульливая!
Измещайся, моя воля вольная,
В большом месте, в переднем углу.
Я пойду, да красна девица,
По светлой-то по светлице,
На веселье и на радостях.
Я дождалася, красна девица,
Свою милую подруженьку —
Волюшку вольную.
Находитесь, мои резвы ноженьки,
Намашитесь, белы рученьки.
Нашатайся, буйна голова,
Накрасуйся, красна красота,
На моей да буйной голове!
Нарадуйся, ретиво сердце,
При своей да воле вольной!

В это время брат невесты снимает с головы ее коронку.

Я не долго нагулялася,
Немного нарасовалася
При своей да воле вольной.
Не глава да исшаталася,
Не кресты да повалилися,—
Исшаталась красна девица,
Повалилась красна красота
С моей да буйной головы.
Я не видала, красна девица,
Как подлетел да млад ясен сокол,
Подходил да братец миленький,
У меня снял да красну красоту
С моей да буйной головы,—
Меня пристыдил, да красну девицу,
Принародно, при добрых людях
И при миленьких подруженьках,
Пуще — при вольной-то волюшке.
(«Воля», т<о> е<сть> елка, ставится на стол.)
Соколочек, братец миленький,
Ты скажи мне, красной девице,
По чьему да позволеньицу,
По чьему да приказаньицу
Меня пристыдил, да красну девицу,
Принародно, при добрых людях,
При волюшке-то вольной.
Разве позволял кормилец батюшко,
Приказала кручинна матушка .
Пристыдить меня, красну девицу?
Ты скажи мне, милый брателко,
Куда снесешь ты мою красоту:
Али во торги ее снесешь, во ярмарки,
Продавать будешь ее, красоту?
Не продавай мою красну красоту
И не дорого и не дешево.
Как моя-то красна красота
В дешевые годы куплена,
В дорогу цену поставлена,—
Девять сот да она стоила.
Ты отдай-ко лучше, братец миленький,
Как обратно мне, красной девице,
Полно стыдить меня, бесчестити
Принародно да при добрых людях,

При волюшке-то вольной.
Вы, родные мои родители,
Варено ли у вас пиво пьяное?
Курено ли зелено вино?
Вы мне дайте, красной девице,
Скляницу дайте зелена вина.
Напоим-ко мы брата допьяна,—
У пьяного-то, может, выпросим
Мою красну-то красоту.

Подходит с вином к брату:

Соколочек ты, брат миленький,
Тебе рюмочка зелена вина;
Ты выпей-ка на здоровьице,
В буйну голову весельице.
Ты отдай мне мою красоту!
Без нее-то мне стосковалося,
Много времечка показалося
Без своей мне красной красоты.

В это время брат возвращает невесте коронку, а за бесчестье кладет в ленту деньги:

А теперь, слава тебе, господи,
Я получила красну красоту
На свои-то на белы руки.
Я не знаю-то, красная девица,
Куда положить свою красну красоту.
Давайте в очи видети кручинную матушку.

Мать невесты подходит к ней.

Ты кручинная моя матушка,
Ты возьми мою красну красоту!
Ты снеси мою красну красоту
Во отхожую хороминку,
Положи мою красну красоту
В окован-то ларец, коробочку,
Почасту-то ходи, проводывай
После меня-то, красной девицы!
Как потемнеет красна красота,
Потемнее будет ночки темныя,
Почернее грязи черныя,—
Так мне во примногих-то чужих людях
Будет житье-то нехорошее.
Если посветлеет красна красота,
Посветлее светла месяца,

Покраснее красна солнышка,—
Мне во примногих-то чужих людях
Житье-то будет хорошее.
Ты кручинная моя матушка!
Тут не место моей красоте,
Тут не продуют ветры буйные,
Не печет да красно солнышко,—
Залежится моя красота.
Ты положи да красну красоту
Ты во теплую-то пазушку,
За тонку белу рубашечку,
Ко сердечку ко ретивому,
Ко жалиню ко великому.
Тут и место моей красоте,
Будет печи да красным солнышком,
Будет светить да светлым месяцем;
У меня матушка старешенька,
Поясок носит слабешенько,
Потеряет красну красоту,
А найдет ее тут чужой чужанин,
Ее снесет да во царев кабак
И пропьет ее, мою красоту.—
Тут не место красной красоте.
Кручинная моя матушка!
Ты отдай мне назад красоту.
Я сама, да красна девица,
Приберу ей сама местечко,
Где не найдет и чужой чужанин:
Я снесу да мою красоту
Да во теплые-то стороны,
Положу ее на яблоньку садовую
И на грушицу зеленую.

С этими словами невеста кладет коронку на стол, на каравай хлеба, против елки, а по сторонам ставят свечи:

Посторонь да красной красоты
Я посажу да лебедь белую,
Да по другую — гуся серого,
Напротиво — волю вольную.
Как я, девица, обрадовалась,
Что прибрала я воле местечко,
И своей я красной красоте—
Местечко да и красивое:

Не найдет да чужой чужанин.
Я отойду да сама посмотрю:
Не проложила ли я проследьца,
Не проторила ли я тропинушки?
Не дошел бы чужой чужанин
По моей пути-тропинушке.
Вслед за мной за красной девицей
Вся трава да поднимается,
Все цветы да расцветают,—
Тут воля — красота осталася.
Охти мне, мне тошнехонько!
От людей я чула, слышала,
Что ушел да чужой чужанин
Он с ружьем да за охотою,
Он во теплые-то стороны,
Подстрелил да мою красоту
Наместо гуся, наместо лебедя,
Повалилась моя красота
Со яблони-то кужлявыя
На траву да на шелковую,
На цветы да на лазоревы,
Подхватила ее воля вольная,
Принесла ее ко мне, девице,
Попеняла, посудачила:
«Бог судья, да красна девица,
Что ты смехом насмеялася
Над своей да волей-красотой».
Я не знаю теперь, девица,
Куда снести мне мою красоту,
Где прибрать ей будет местечко,
Чтобы не нашел да чужой чужанин?
Как пригадала да придумала,
Где прибрать да воле-красоте
Местечко да понадежнее:
Ты поди, да воля-красота,
Выше лесу по поднебесью,
К частым звездам на беседушку,
Светлу месяцу на думушку,
Красну солнцу на подмогушку.
Тут и место да местечко:
Тут не найдет да чужой чужанин.
Ты иди, да красна красота,

Ко мне, ко красной девице,
На мои да на белы руки,
На мою на буйну голову,
Хоть на одну на вечериночку,
И на раннюю утриночку!
Охти мне, мне тошнехонько!
Отказала мне красна красота:
«Поди прочь ты, красна девица,
У тя белы руки немытые,
Голова да не учесана,
Руса коса не заплетена».
Вы, мои милы подруженьки,
Принесите ключевой воды
Да и мыло бело-пенисто,
Тонкое да полотенечко.
Вы помойте белы рученьки,
Учешите буйну голову,
Заплетите русу косыньку,
Я созову тогда красоту:
«Ты погляди теперь, красота,
На меня, на красну девицу,
У меня рученьки повымыты,
Буйна голова учесана,
Руса косынька заплетена,
Ты иди, да красна красота,
На мою-то буйну голову,
Хоть на одну вечериночку,
Да на раннюю на утринку!
Ты не бойся, красна красота,
Не задержу тебя, красоту».

Берет коронку в руки:

Теперь слава тебе, господи,
Я созвала красну красоту
Ко себе, да красной девице.
Мои милые подруженьки,
Наложите красну красоту
На мою да буйну голову!

Надевают невесте коронку на голову, а елку уносят
из избы; невеста ей кланяется и причитает:

Посиди, да воля вольная,
У меня, у красной девицы,
До зари до ранней, утренней,

Да при многих злых чужих людей:
Мы с тобой вместе подумаем.
Нет, пошла да моя волюшка
От меня, от красной девицы.
Ты прости, да моя волюшка,
Ты приходи, да воля вольная,
С утра рано поранёшеньку!
Ох, да мне, молодой, тошнехонько!
Я совсем да обтерялася
Я без волюшки гульливая.
Мои миленьки подруженьки,
Вся лучинка иссветилася,
Все подружки притомилися,
И мне спать захотелось.

Этим девичник кончается.

На другой день после девичника, в день свадьбы, утром невеста рассказывает сны:

Вы, родные родители,
Мои милые подруженьки,
Вам ночесь-то, в темну ноченьку,
Вам спалось ли да дремалось?
Что во снах-то вам привиделось,
Вы скажите мне, красны девицы.
Как мне-то, красной девице,
Не спалася ночка темная,
Я заснула на минуточку,—
Мне во сне много привиделось:
Мне привиделось, что у окна поколотилось,
У ворот да кольцо брякнуло,
У дверей да попросилось.
Я вставала, красна девица,
Отворяла двери на пятах,
Запускала красну девицу,
Заходила красна девица —
Моя волюшка-то вольная;
Середь пола становилася,
Богу господу помолилася,
Понизку мне поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька!»
Подходила воля-волюшка
Ко кроваточке тесовой,
Ко перинушке пуховой,

Ко кручинному сголовьцу,
Мою голову погладила,
Русу косыньку поправила,
Алы ленточки расправила,
Попеняла мне, посудачила:
«Бог судья те, красна девица!
Ты поспешила да поторопилася,
Отказала да волю вольную
От себя-то, от красной девицы:
Видно, надоело жить при волюшке,
Погоди-тко, красна девица,
После схватишься, наплачешься
О своей-то воле девичьей».
Как пошла моя воля вольная,
На меня она рассердилася,
Со мной пошла не простилася
И назад-то не воротилася.
Я выходила-то, красна девица,
Вслед за вольной-то волюшкой,
Поглядела я, красна девица,
Куда пошла да моя волюшка.
Пошла далеко-то, во темны леса,
Она села-то на елочку,
И на елочку на зеленую.
Подходила-то красна девица
К этой елочке зеленой.
Как подняла да свои белы руки,
Хотела снять свою волю вольную,—
Тут зелена елка окарзана,
Тут моя волюшка осталася.
Как другой-то сон привиделся:
Выходила я, красна девица,
На широкую-то на улочку,
На круто красно крылечушко.
Из-под нашего нова терема
Течет да речка быстрая,
Что плывет да легка лодочка,
Тут сидит да красна девица,
Во руках держит красну красоту,
Просекную да ленту шитую.
Вы скажите, мои родители:
Мне к чему да сон привиделся?

Вы молчите да и не скажете,—
Я сама знаю, ведаю:
Мне к тому да сон привиделся,—
Тут не речка течет быстрая,
А мои да горючи слезы;
Тут не лодка плывет легкая —
Все тоска моя, кручинушка;
Сидит не душа да красна девица —
Моя волюшка гульливая,
Во руках держит красоту,
Просекную-то ленту шитую.
Во третьих-то виделось:
Выходила красна девица
Во широко во чисто поле.
Среди да поля чистого
Стоит горюшенька высокая,
На горе лежит зверь со звериною,
Змея лежит да со змеями.
Среди горы высокие
Стоит столб да новоточенный,
Он горит да разгорается,
Кругом искрами обсыпается.
Вы скажите, вы подруженьки,
Уж к чему да сон привиделся?
Да и сама знаю, сама ведаю,
Что не гора стоит высокая,—
Тут чужая дальна сторона,
Злодейка незнакомая.
Лежит не зверь да со звериною,—
Лихой свекор со свекровкою;
Лежат не змеи со змеями,—
Тут деверья со золовками;
Стоит не столб да новоточенный,—
Тут гроза стоит молодецкая,
Не горит, не разгорается,
До поры да похваляется.

Потом снова невеста причитает:

Уж вы дайте в очи видети
Мне кручинную-то матушку!
Подойди, кручинна матушка,
Ко мне, ко красной девице,
Да при многих-то чужих людей;

Ты возьми да руки белые,
Положи да в теплу пазушку,
Посогрей да руки белые
Ты мне на путь да на дороженьку
Да при многих-то чужих людей,
Чтобы мои-то руки белые
На чужой на дальней стороне
Да морозу не боялися.

Благодарю да низко кланяюсь,
Что согрела руки белые.

№ 746

Невеста хвалит свою и хает чужую деревню:

Что стоит наша дёревня
На красе, на угорышке,
На припёке, на солнышке,
На большой-то дороженьке.
Что во нашей-то дёревне
Домики опушёные,
Вышечки подведенные,
Кровельки дорожёные.
Ведь наша-то дёревня,
На три трети разлóжена:
Перва треть нашей дёревни —
Всё куманьки да и кумушки,
Другая треть нашей дёревни —
Всё крестовые детоньки,
Третья треть нашей дёревни —
Всё суседки с суседями,
Дядюшки да и тётушки,
Всё сизые голубушки,
Всё милые подруженьки.
Встретятсе да поклонятсе,
Назовут-то по имечку,
Да звеличают по батюшку.
На чужой ближней стóроне
Домики покосилисе,
Кровельки обвалилисе.

Еще стоит их дѣревня
В западѣ-то от солнышка,
Во логу-то от месяца,
В стороне от добрыхъ людей,
Нет ни пути, ни дороженьки,
Есть одна-то тропиночка —
И то из лѣсу-то темного.
Тут серым волкам-то бежищю,
Тут воронам-то слѣтыщю;
Все суседи-табачные,
Все суседки-собачные,
Маленькие робѣночки,
Ровно всё собачоночки,
Все не любые подруженьки,
Встретятся — не поклонятся,
Осмеют-то походочку,
Перетвердят поговорочку
Да назовут-то по прозвищу.
Во ихней-то дѣревне
Нет речушки быстрые,
Нет водички ключѣвые,
Есть одна-то проточинка —
И то из лесу-то тѣмного.
Бежит водица со ржавчиной,
Кто пораньше заправитсе,
Тому свѣжа достанетсе.

№ 747

Причет при расставании с подружкой

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две ли да было буйныхъ головы,—
Одно только ретивѣ сердце!
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили.
У нас тайны были разговоры,
Непроносны да словеса.
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Всѣ ходили да мы гуляли,

Вместях двое да с тобой на́двое,
Друг без дружки да никуда,
По играм мы да по веселым,
По беседушкам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться!
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки, расставаться?
Расставаньице тяжело,
Нам в разлукушке нелегко,
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу нелегко,
Все останется от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселеньице,
Тайны-тайности, непроносны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не йзвестно,
Только знали бы, только ведали,
Только мы ли, две красны девушки!
С этой тайностью мы помрем,
В мать-землю да так пойдём!
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты, подружечка задушевная:
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна тепла,
Протекут ли да ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,
Как прокатится ли мать Печорушка
Вниз по быстери да по синя моря;
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да всё во лодочках
На гуляньице да на весельице
Как по вешним да тихим заводям
Всё со песнями да все со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря,
Как на промыслы да на богаты,

Как во тех ли во лодочках,
Что с белыми парусами,
Со белыми да полотняными,—
Помяни-косе, да где мы были,
Где мы были, да где мы рóбили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорíлися:
Мы по ловлям да рыболовным,
По вода́м ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалось,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали,
Руки, ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захлывала!
Только было нам согревы,
Только было нам пригревы:
Ключевой воды принагрём,
Изопьем воду́ — сердце́ огрём!
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы со промыслу
Домой при́дем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке,—
Мы ко тем ли да злым хозяевам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогрем,—
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжёлу!
Ты пойдешь ли, моя подружечка,
По лугам ли да по зелёным,
Ты по по́жням, по сенокосам,—
Спомни-косе, бела лебедь:
Всё мы вместе с тобой ходили
Всё на долгих да на покосах,
На широких да на погра́бах,
На тяжелой да на работушке!

Тяжелым ли да тяжело было,
Молодым ли да нам молодехоньким
Не по силушке да было нашей!
Тяжело рукам доставалось,
Могучи́ плеча́ уставали,
Со работы ноги дрожали,
Со тяжёлой мы уставали.
Мы не плату да получали,
Хошь копеечки собирали!
Что за наш-то труд-работушку
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал!
Подойдет-то пора-время,
Докатится час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки,
Как в расстанюшке житья девьего
Спомяни-косо, бела лебедь,
Про меня ли, про красну девушку:
Каково было мне-ка, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди!

№ 748

Причет о невольном замужестве дочери:

Навалились на нас злодеи лихие люди,
Что лихие люди — начальники,
Отымают у меня, сиротушки,
Правое крылошко, посылочку,
Скорую посылочку, безотказную;
А я, бедная сиротушка,
Осталась и старая, и хвора,
Мне работушка не под силушку,
Полоса в поле — не порадует,
Домой приду — все не прибрано.
Ты одна, мое дитя милое,
Была в старости мне подмогушка,
Разорили меня, бедную,
Подломили мою подпорушку.
Как насел на нас вор-староста,
Погубил мою головушку,

Что упрятал мою дитятку
Во злодеи, во чужи люди,
В руки варварские!
Ох, злодей эта неволюшка,
Моя свадьба несчастливая,
На моей-то свадьбушке
Нет гостей любезных,
Ни родных нет, ни приятелей,—
Бог плати етим начальникам,
Проглотили моё дитятко!

СИРОТСКОЕ ПРИЧИТАНИЕ

№ 749

Причет на заporученье по покойному отцу, которого невеста идет «встречать» на улицу:

Из-за лесу-ту темного,
Со востоку-ту дального
Прилетите, серы́ гуси́,
Вы сядьте, серы́ гуси́,
На кубы колокольные,
Поглядите малёшенько.
Как тут высоко покажется —
Так вы спуститесь низёшенько
На кресты-то могильные,
Посидите малёшенько.
Как тут высоко покажется —
Дак вы спуститесь, серы́ гуси́,
На крутую могилушку
Ко родимому батюшку,
Разгребите, серы́ гуси́,
Вы желтые песочки,
Серые камешочки,—
Что у вас же, серы́ гуси́,
Когти-ногти железные,
Носики оловянные.
В ту пору́ да в то времечко
Дай-подай, боже-господи,
Много заносу-то синего,

Три перевалы великие.
Из первые перевалушки
Так дай-подай, боже-господи,
Тучу грóзну великую,
Чтоб расшибить гробову доску.
С други́е перевалушки
Сдуют ветры-те буйные
Со лица-то бумажного
Белое́ полотёнышко.
Из третьёй перевалушки
Много дождика частого
Ополощить лицо белое́.
Да корьминец же, батюшко,
Сведи брови-те черные,
Да открой очи-те ясные,
Отшиби праву рученьку
От сердечка ретивого,
Склади крѣст по-писалному,
Перексти лицо белое́,
Ты вставай-ко, су-батюшко,
На свои резвы ноженьки,
Ты вставай-ко по-прежнему,
Говори по-доселному.
Из крутые могилушки
От корьминеца батюшки
Есть тетивчата лесенка,
Она о три ступенечки:
Ты на перву ступень ступи —
Да сова́литсе со́ тебя
Твоя смёртонька скорая;
На другую ступень ступи —
Дак сова́литсе со́ тебя
Твоя скорбь-то тяжёлая;
А на третью ступень ступи —
Сова́литсе-то со́ тебя
Платьице умиранно́е.
Ты пойдём-ко, су-батюшко,
Да на родимую сторону.
Погляжу я да по́смотрю,—
По большой-то дороженьке,
Что за стинь-то шатается,
Костыльком подпирается,

Да всё впéредь подавается,
Встречи всё дожидается?
Мне идти да и встретити,
Нé знать, как мне-ко встретити,
Не знаю, мне-ко с поклонами,
Не знаю, мне с разговорами,
Не знать, подняться да торнотсе.
Счас слава да слава богу!
Взошло красное солнышко
На широкую улочку,
Пришел корьминец-от батюшко.
Глúпа, глúпа я, девушка,
Глупая, неразумная,
У людей не спросиласе,
Сама собой не догадаласе:
Не растёт мурава-трава
Из-под снéжку-ту белого,
А со того свету белого
Не выходят-то выходцы,
Не выносят-то весточёк,
Не письма да не грамотки,
Не тайного чёлобитьёца.

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Жизнь семьи в деревне проходила на виду у всего «мира». Радость, горе, семейные беды и неурядицы каждого переживались всеми. Вместе отмечали праздники, всей деревней выдавали замуж невест, провожали парней в солдаты, оплакивали усопших. Все знали о каждом все, и эта особенность деревенского уклада проявилась в поэтическом творчестве народа, особенно в похоронных причитаниях. Плачи талантливых причетниц (а их было немало на Руси) становились своеобразной летописью народной жизни.

Похоронные причитания сопровождали обряды проводов покойного. Погребальный обряд имел свой распорядок, последовательность и время совершения ритуальных действий, своих «ведущих» — причетниц (плакуш, воплениц, плакальщиц, причитальниц, плачей).

О смерти человека узнавали в округе от «вестовых пешеходов», приглашающих всех «на последнее прощенье». В доме покойного начиналось его «обряжение»: умершего омывали водой (обычно на соломе), одевали в «смёртную» одежду (шили острием иглки от себя, чтобы отворотить смерть от домочадцев), укладывали на лавку в переднем углу (как правило, на соломе, головой к иконам) — и все это под причеты вопленицы, в которых не только рассказывалось о жизни усопшего, но и объяснялось совершаемое.

Причитывали в течение трех дней — и дома, и на улице: когда клали покойного в гроб («домовище», устланное обычно соломой или сухими листьями с веников), когда выносили из дому (нередко через окно, заливая «следы» водой, чтобы новая смерть не вошла в дом), по пути на кладбище (обычно останавливались в местах, где бывал покойный, чтобы он простился с улицей, полями, лесом), при захоронении (хоронили до захода солнца), по возвращении домой (при входе в дом касались рукой печки), во время поминовения (для души покойного оставляли место за столом, клали ложку, хлеб), на сороковой день поминок, в дни поминовения всех усопших (на радуницу, например).

Талантливая причетница умела передать чувства близких покойного, рассказать о его жизни и причинах смерти, о «горе-горькой» судьбе семьи. Слава о таких вопленицах расходилась далеко за пределы округа, их мастерство ценилось так же высоко, как и хорошего дружки. В сборнике помещены образцы похоронной причети таких известных в прошлом причетниц, как И. А. Федосова и Н. С. Богданова.

В русских деревнях еще и сейчас можно встретить искусных плакальщиц, твердо усвоивших традиции причитывания. Особенно устойчиво сохраняется этот жанр в районах русского севера. В местностях, близких к центральной части России, и некоторых южнорусских деревнях, оказалась развитой традиция поминовения усопших с пением поминальных стихов. В фольклорных архивах хранятся записанные совсем недавно образцы таких поминальных «стишков». В них явно обнаруживается влияние песен, баллад, духовных стихов, молитв. Типичен в этом отношении поминальный стих, записанный в 1979 году в Смоленской области:

«А вы пчелы мои, пчелы ярае мои,
Ай вы пчелы мои, пчелы, пчелы ярае мои,
А где вы были, долго лётавали?»—
«А были мы, были у Ивана на дворе».—
«Что вы видели, пчелы ярае?»—
«А мы видели диво дивная:
Прилятели во двор да два ангела,
Узяли душú, душú Аннину,
Понесли душú на страшный суд,
На страшный суд к самóму господу.
Там душа с телом расставалася,
Расставалася, слезно плакала:
«Тебе, тело, в земле тлеть, а я йду у ответ». —
Помянем, господи, да и Аннину душу,
Царства нябесное, память вечная,
Память вечная, бесконечная»¹.

Поминальные стихи создаются на основе народной поэтики: в них встречаются символы, взятые из мира природы, эпитеты, традиционные метафоры, уменьшительно-ласкательные суффиксы, приемы олицетворения.

Так, один из поминальных стихов полностью строится на поэтической метафоре, типичной для народной поэзии: к лежащей в гробу «Марьечке» прилетели три цесарочки — сыночки, дочушки и «дружок яе». Вот как раскрывается в поминальном стихе смысл метафоры:

Первая цасарочка у ногах пала,
Другая цасарочка в головах пала,

¹ ИРЛИ. Колл. 273. Папка 1. № 98 (поселок Колодня); № 216.

Третья цасарочка — серяди гроба.
А в ногах стоят сыночки яе,
Ну сыночки ж яе слезно плакали,—
А из их жа слез ручеек потек.
В головах стояли да дочушки яе,
Ну, дочушки ж яе слезно плакали,—
Из их жа слез роса выступила.
Солнце выскакало — роса высохла...¹

Чувство меры и вкус не изменяют создателям этого стиха, он до конца выдержан в традициях устного народного творчества.

Из-за ограниченности места поминальные стихи в сборник не включены, но и приведенные во вступлении отрывки дают читателю представление о художественной природе еще одного жанра народной поэзии.

Вопль дочери об отце

Не осудите-ко, народ да люди добрые:
 И пропущу теперь унылой зычной гóлосок,
 И объявлю я свою причеть неумильную!
 Я не знаю всё, спобедная головушка,
 Как подойти мни-ка к кормильцу свету батюшке,
 Мне по-старому подойти теперь, по-прежнему,
 Мне от резвых зайти теперь от ноженек,
 Аль ко молодой ко буйной головушке,
 Аль супротив теперь идти ретивого сердеченька?
 С коёго бочку теперь мни-ка подшаптывать,
 С коёго личка теперь да разговаривать?
 И мы приехали, спобедные головушки,
 Не по-старому к тебе да не по-прежнему,
 Мы не знаем-то самы теперь, не ведаем,
 Что сделалось у нас теперь, подеялось,—
 Ново чудушко у нас да обчудилося,
 Ново диво объявилось,
 Велико несчастье случилось!
 Что же ты, кормилец родной татенька,
 Уж мы ждали-то, победные головушки,
 Мы тебя домой по-старому, по-прежнему,
 Уж мы день ждали по праведному солнышку,
 Уж мы ночью-то по светлому по месяцу,
 Вечеру-то по зари ждали вечерней,
 Утром рано до луны ждали небесной!
 Не клонил сон наши млядые головушки,
 Уж мы сидели под косивчатым окошечком,
 Мы смотрели во хрустальные стеколышки,
 Выходили мы на шйроку на уличку,
 Мы смотрели-то во чистое во полюшко,
 По путистой мы смотрели по дороженьке —
 Не увидим ли ступистой лошадушки,

Не прикатятся ли санки самокатные,
Не приедет ли кормилец родной батюшко;
И не могли дождать победной головушки.
Тут приехали-то к нам добрые людюшки,
Привезли-то к нам весточку нерадостну,
Что нет во живности кормильца света татеньки!
Тут подрезало у нас ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые,
Сужахнулося ретивое сердеченько!
Тут мы не поверили-то людям добрым.
Мы приехали самы к тебе, победные головушки.
Уж ты что же, кормилец родной батюшка,
Рассердился-то на нас да распрогневался,
Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишься,
С крепка сну ты долго не пробудишься?
Уж ты встань-ко всё на резвые на ноженьки,
Поедем-ко, кормилец родной батюшка,
Домой в свое хоромное строеньице,
По-старому жить с нами, по-прежнему!
У нас всё теперь тебе есте прилажено,
И всё есть приготовлено,
Есть налажены кушанья сахарные.
Уж как смотрю, бедна победная головушка,—
Не по-старому ты спишь, да не по-прежнему!
Нет у душеньки в твоих да во белых грудях,
Нет во резвых во ноженьках стояньица,
Нет во белых во рученьках маханьица,
Нет во ясных очах да мигованьица,
Уж застоялся-то речист язык в устах да во сахарных.
Мы не знаем всё, спобедные кручинные головушки,
не ведаем —

Теби богом ли смерётка эта сужена,
Аль от добрых людей да напущённая,
Аль сама твоя головушка на суд пришла,
Не такая, как пришла да добрым людюшкам!
Добрым людюшкам смерётка на сдвленьицо,
Роду-племени всему да на сумленьицо,
Нам-то, бедным несчастным горюшицам,
На великую тоску да на досадушку!
Не привел-то тебя милостивой господи,
Как бы был ты при трудной постелюшке,
Как на своей бы лежал брусовой белой лавочке,

Тут пришла бы к тебе скорая непосульная смерётушка,
Да не так бы нас брала тошная тоскичушка,
А то случилась тебе скорая нечаемая смерётушка
Не в своем да во хорошем строеньице —
На открытой на даче на казенной,
На путистой широкой на зимней дороженьке!
Случилась злы недобрые людюшки,
Погубили твою младую головушку,
Толкнули ступистую лошадушку
Во пушистые снежочки за пушистую дороженьку;
Может, был тогда ростителек во живности,
Не могла привезть ступистая лошадушка;
На тую на пору на времечко
Не случились добрые людюшки
Спроводить нашу ступистую лошадушку
На путистую дороженьку —
Может, привезла бы домой по-старому, по-прежнему,
А то остались мы теперь, бедные
Круглые несчастные сиротушки,
В горегорькой в сиротской во жирушке!
Не привел-то многомилостивой господи
И не наставил, верно, долгого векушку
Пожить на сем свете на белом,
И не дорастил нас до полного до возраста!
Уж мы как станем жить, победные головушки,
После тебя теперь, роститель родной батюшка?
Уж мы теперь да нелюбимое
Сиротское словечко получили,
Не осталось именьяца-богачества,
Не осталось бессчётной золотой казны!
Уж кто теперь будет нас доращивать,
Уж кто же нас теперь будет устраивать?
Мы без ветрушка остались шатаючи,
Мы без дождика теперь да уливаючи,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы победные теперь да сиротиночки:
Нам от солнышка не будет-то сугревушки,
Нам от ветрушка теперь да заборонушки,
Нам от частого от дождика покрышечки,
Нам от добрых от людюшек заступушки!
Уж мы как станем жить, победные кручинные
головушки,

Как справлять крестьянскую любимую работушку?
Как пойдёт-то холодная, студёная зимушка,
Как наступит-то гульливая разливна красна вёснушка,
Как потаю-то пушистые снежочки,
Разнесёт-то хрустальные ледочки,
Поразóльются крутые бережочки,
Прíдет птично прилетаньицо,
Прíдет рыбное тогда да нерестаньицо,
Загошечкам-то серым кукованьицо,
На нашем сердце обиды сколыбаньицо!
Как пастушкí в лесах затукают,
На полянушках-то пахари занукают,
Как пойдут-то тут многие добрые людюшки,
Вси любимые спорядные соседюшки
На любимую крестьянску на работушку—
Вся работушка у их тогда объявится,
Колёсом у их тогда дело покатится.
А как нас-то, кручинных победных несчастных
головушек,

Одолять станет великая обидашка
И ушибать станет злодейная кручинушка—
Полянушки у нас да не запашутся,
Пóженки у нас да не покосятся,
Водушки у нас да не наловятся.
Опустеет наше житье-живленьице,
И опустеет хоромное строеньице,
Всё застынет-то у нас да захолонеет!
Как после тебя-то теперь, роститель-батюшко,
Кирпичная печенька не топлена;
В одном уголочек пушистые снежочки,
А во другом — морозушки трескучие,
Всё пустым у нас стало теперь, пустёшенько,
Холодным да холоднёшенько!
Мы сидим-то тут, победные головушки,
Быдто зимние упалы малы заюшки,
Дожидаем всё кормильца домой батюшка.
Верно, вовеки того да всё не водится —
Живой с мертвого на сем свите не родится,
Народ со погоста не воротится!
Уж как нунечу-теперичу
Как было бы именьицо-богачество,
Как была бы золота казна бессчётная,

Мы бы наняли, кручинные головушки,
Мы пятнадцать бы подвод да лошадиных,
Развозили бы великую кручинушку,
По дремучим развозили бы по лесушкам!
Нас страх долёт, победных головушек:
Как жить теперь в сиротской,
В победной, не в надежной во жирушке?
Как приходить-то будут празднички годовые,
У меня-то будут слезушки готовые,
Наступило-то теперь мое несчастное прекрасное
девичество.

Как пойдут-то советны мои пóдружки,
Как пойдут-то души красные девушки,
На гульбища пойдут, на прокладища,
На веселые на йгрища,
Ко любимым владычнием годóвым праздничкам,
А у меня-то, у кручинной головушки,
Не будет-то по ноженькам обуточки,
По плеченькам по разуму одеточки,
Зимних не будет согреваньицев,
И летних не будет украшеньицев!

№ 751

Причитание по матери

Ты моя да государынька!
Ты куда да сподобляешься?
Ты куда снаряжаешься?
Ты не в гости да не к праздничку,
Ты справляешься да сподобляешься,
Что ко Спасу да на круты горы,
В безвестную да во сторонушку,
Во неузнанную да во украинку.
Как располятся-то речки быстрые,
Со лужков-то вода выбежит,
Как настанет-то лето красное,
Как поскопятся птички-пташечки,
Серы малыи кукушечки, —
Ты моя-то государынька,
Прилети да птичкой-пташечкой,
Что серой-то кукушечкой;

Уж как я буду сиротинушкой
На широкой-то гладкой нивушке,
На тяжелой-то на работушке,
Прилети ко мне ты поблизехоньку,
Уж ты сядь-то поблизешеньку,
Закукуй-то жалобнешенько.
Уж как я-то пораздумаю, сиротинушка:
Это не птичка, это не пташечка,
А прилетела к сиротинушке
Что государынька-то родна матушка
Со мной думушку подумати,
Тайных басенок побаяти,
Поразнестъ тоски-кручинушки,
Что великой да обидушки;
Без тебя-то, государынька,
Не с кем думушки подумати,
Тайных басенок побаяти,
Поразнестъ тоски-кручинушки;
Уж как без тебя-то, моя матушка,
Уж как мне-то, сиротинушке,
Не к кому прикачнуть буйной головушки;
Уж как я-то, сиротинушка,
От камушка откатилася,
От сырой да земли зародилася.

№ 752

Причитание матери

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные.
Прилети ты, маленька пташечка,
Посреди-то летечка теплого,
Когда распустится наш зеленый сад
И расцветут всякие цветики!
Прилети ты серой пташечкой,
Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушкой,
Чтобы батюшка с матушкой догадались,
Во зеленый сад похватались;

Как поймали бы эту пташечку,
Эту птичку во белы руки,
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка!—
Что ты, какого роду-племени,—
Какого ты поколеньица?
Ты не нашего ль рода-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу.
Унимали мы маленьку пташечку:
«Останься ты, маленька пташечка,
На родной-то на сторонushке».
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
Что не останусь я, батюшка с матушкой,
Я не на вашей-то сторонushке,—
Там ведь жизнь-то горазд хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то доброродные!»
Удалая-ты головушка!

№ 753

Плач по дочери

Как сегодним долгим годышком
Перед этой злой обидушкой
Унывало всё ретливое сердечушко
У меня, да у позяблой бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебёдушка:
«Я не знаю же, родитель мой межонной день,
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали нонь девочки мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясных очей!
Хоть дождусь-то я тёмной этой ноченьки,
Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
Всё болит да моя буйная головушка!
Ты будить придешь, родитель жалостливая,
Кое-как да на постели я размаюся,
Погляжу тут на косевчато окошечко:

Вьют витрышки на шірокой на уличке,
Погодушка стоит во чистом поле!»
Я не знала, бедна мать, горька детиная,
Что разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры́ люди,
Что грузна-больна белая лебёдушка!
Тут по моему великому несчастьицу
Вдруг склонило ю тяжёло неможеннице,
Сустигала злодией скорая смерётушка;
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей господни белы денечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебёдушка:
«Не могу сидеть, родитель жалостливая,
Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудным да нонь, лебёдушка, труднёшенька».
Приносить стану тут ествушки сахарные,
Стану потчевать сердечно свое дитятко:
«Чего хочешь, моя белая лебёдушка,
По уму сложу те питица медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Не спешишь, моя родитель жалостливая,
Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого еденница,
Ты не трать, моё желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,
Не труди меня при трудной постелюшке;
Простит господи в великом согрешеньице,
Може, даст господь доброго здоровьица
И наставит мне-ка долгого он векушку!»

Уже день за днем как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка,
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитятко от нас да удаляться.
Быв как дождички уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-наокол огней,
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается!

Как светел месяц поутру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебёдушка
На иное, безвестное живленьице!

Когда оденут:

Ой, долит меня детиная тоска неугасимая:
Нонь крутят мою касату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платьице!
Я пойду с горя во светлую светёлочку,
Со обиды по ларцам я окованным,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
По подвесточке розову косыночку;
Я заглажу ейны русые волосушки,
Уберу да я завивну ейну кóсыньку
В дорогие золотые эты ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью эту шубоньку
На девочьи ей на белые на плеченьки!
Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
Покрасуйтесь-ко, советны-дружны пóдружки,
Со сторон глядя, суседи спорядовые!
Ой, тошным да мне, победной, тошнёшенько!
Не цветно ноньку басисто на ей платьице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
Ю не греет-то соболья ноньку шубонька!
Убирают мою белую лебёдушку
Во эту нонь колоду белодубову!
Не жалею я, победная головушка,
Ни этой пуховой я перинушки,
Ни эта соболина одеяльица;
Устелите-тко перину хорошихонько,
Вы оденьте-тко лебёдушку теплешенько,
Отрядите мое дитятко любёшенько!
Распороли бы нонь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку;
Быв огнем мое сердечко разгоряется,
Как смола кипит в несчастной утробушке,
Ушибат столько злодийная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачён жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпёюшка;
За ставом да дорогая была ткійюшка;
За тамбуркою досужа рукодельница,
Вышивала всяки-разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людюшки,
Все ласкались удалы добры мóлодцы;
Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
Освобожена гостиная неделюшка;
Говорили вси советны-милы пóдружки:
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цвётным ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена;
Вопрягú тебе ступистая лошадушка —
Днем ездить по унылым по свадебкам,
Ввечеру да по смиренным беседушкам!»
Не начáлась я, горюша, не надиялась!
«Сыто идется дитя, да долго выпится».
Хоть повыстану до ранному я утрышку,
Потихú приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по млáдой по головушке:
«Да ты спи же, моя белая лебёдушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»
Знать что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодним долгим годышком
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылым по свадебкам,
По летным ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерным бесёдушкам,
Тосковало за девочьим рукодельицем,

Быв в гостях да у породы именитой.
Не поспела бедна мать полюбоватися,
На дитяtko свое да насмотрѣтисѧ,
Воспокинула ю белая лебѣдушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чьѣ нас покидаешь доброумьце?

К родственникам:

Спасет бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице!
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебѣдушку,
Почасту брали в любимое гостибище:
По этой студеной холодной зиме
Да вы пошлете крылата ясна сокола
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных.
Она гостьницей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной;
Как придет со любимого гостибища,
Всѣ хвалилося сердечно мое дитяtko:
Было мѣстечко во светлой, скаже, светлице,
Мне почет-то был, скаже, во большом углу!
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена!
Теперь всѣ прошло-миновалося,
С родом, с племенем она порассталасѧ,
С отцом, с матушкой распростиласѧ,
Нонь далече от породы отшатиласѧ!
Не приидѣ к вам белая лебѣдушка
На гостиную уречную неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеняю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалося сердечно мое дитяtko,
Как лежало при болезной постелюшке —
Не пришли вы к ней, белой лебѣдушке,
Засмотрить да вы при крутом ю зголовьице,
Знать, боялись вы тяжѣла неможенъица,
Устрашились, видно, скорой вы смерѣтушки?

От суда божья, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать!
Знать, что невесто вам было не вестимо
Про ейно тяжёло неможеньицо?
Памятила моя белая лебёдушка,
Сожидала крепко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебёдушка,
Тяжела она, при скорой смерётушке,
Не посміли вы, спацливы, прийти, дяденки,
Подоброумить мою белую лебёдушку;
Что вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Что вы потиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, по́рушка теперь не рабочая.
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры-времечка
К нам прийти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебёдушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьицо у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебёдушка
На вас она, спацливых своих дяденек,
Сожидаюча родима засмотреньица;
Была в живности белая лебёдушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрили б как спацливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжёла неможеньица,
От этого я складного зголовьица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка

На вашей прогульной славной уличке
Владычной господеи буде праздничек,
Там гульбищечко буде со прокладбищем.
Гулянице буде со весельищем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые,
Тайны милые советны-дружны по́дружки,
Оны к вам во любимое гостибище,
Станут шуточки лебёдушки шутить,
Всяки разны будут игры преставлять,
Тут вспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых, советных ейных по́дружках!
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас, спацливых родных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожено мое дитятко,
С добрым хоромным построеньищем,
Ты со новой любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!
Вы простите, жалостливы милы сроднички,
Ты прости-прощай, порода родовитая!
Ко белому лицу прикладывайтесь-ко,
Ко сахарним устам прилагайтесь-ко!
Вы простите-тко, поля хлебородные,
Вы раскосисты луга сенокосные!
День ко вечеру последний коротается,
Красно солнышко ко западу двигается,
Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы — отцы духовные,
Отомкните божьи церкви посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победны мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви посвященной
Про запас вы на сердечно мило дитятко,
Во умершее во бело это личушко!
Все попы — отцы духовны сдивовались,

Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!
Спаси, господи, попов-отцов духовных,
Что священные вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жалѣли вы свечи да воску ярого,
Вы подсвечники на церковь выносили,
Честно-именно лебѣдушку отпѣли!
Как берут да мою белую лебѣдушку
Со этой дубовой со скамеечки
На правó плечо удалы добры молодцы,
На левó плечо советны-дружны пóдружки;
Тут несут оны колоду белодúбову
Со этой божьей церкви посвященной
На крещенскую на славну оны уличку,
На эту на микольску славну буяву;
Опускают мою белую лебедушку
По этим оны браным полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!
Я прошу еще попов — отцов духовных,
Вы глубоки погребá покадите-тко,
Не жалийте демьяна да вы ладану!
Ты прости, моя белая лебѣдушка,
Во сем меня векú да веку будущем,
Ты во тяжком великом согрешеньице,
Буде слóвечком тебя да приогрубила!
Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитятко,
Как раздать куды любимая покрутушка.
Сотлѣет нонь в ларцах да цветно платьице,
Забусѣют жемчуги нонь перебрáнные!
Я кладу ейну жемчужную подвесточку
Во эту божью церковь посвященную,
Ко этой пресвятой да богородице,
Я своей души кладу да на спáсенье,
Я по дитятке на вечно поминание;
Вси шелковые платочки заграничные
Я раздам да по удалым добрым мóлодцам,

Пусть-ко держат о владычных божьих праздничках,
Пусть-ко носят кругом шеи молодецкой!
Я вси алые девочки ейны ленточки
По душам раздам по красным по девушкам,
Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихих бесёдушках!
Раздарю да я колечка золоченые
По милым, сердечным ейным подружкам,
Пускай носят-то на белых оны рученьках,
Поминают свою дружную разговорщичку!
Я подóбрю всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных милых сродничков,
Сарафаны я раздам им мелкоскладные!
Вы придите, сироты да бесприютные,
Вы обидные вси дочери безотные!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю, обидных вас головушек,
Что сиротки вы победны-бесприютные,
Вам не от кого ждать себе покрутушки!
Я еще дарю вас, белых лебёдушек,
За ваше за великое желаньице,
Привитали вы к косатой моей ластушке,
Засмотрели во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы косату мою ластушку
До этой божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на белых своих рученьках,
На своих несли на младых головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тко к победной мне скорёшенько,
Засмотрите-тко, позяблую, частёшенько,
Во обидушке меня разговорите-тко;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебёдушку!

№ 754

Плач о старосте

Вопит старостиха:

Спаси, господи, спорядных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,

Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надёжную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленную!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраним,
Он стоял по вам стеной да городовой
От этих мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдёт мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Вопотай у недоростков он выведывает,
Уж нет ли где корыстного делишечка.
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной.
Он затопает ногами во дубовой пол,
Он захлопает рукама о кленовой стул,
Он в походню по покоям запыхаживает,
Точно вехорь во чистом поле полётывает,
Быдто зверь да во темном лесу порикивает;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживает,
Сговорит ему посредник таково слово:
«Что на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, звать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается,
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:

«Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на ямѹ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами схóдите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося.
Аль козловы сапоги да притопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете всё повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужичоночки дробят да всё поглядывают —
Ужель морюшко синё да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уж так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во младую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,

Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злачёные;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек,— уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник,— приусядешься!
Окол ночи мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны ра
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-падара теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельица,
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да всё накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как зглянут во подлётную сторонушку,
Тут защежит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша сторона,

Наша славна сторона́ Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разоренной
И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людюшки тогды да не штукавые,
Не штукавы оны были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не мо́лодые,
Пожиты да мужики были почётные,
Настойсливы оны да правосудливы,
Были добры у них кони иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеждú другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то, помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи вре́мечка прошли да не ви́даюча,
Тыи годы скоротались не слы́хаюча!
Наступили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут при́дались в подсиверну сторонушку
На званы острова да эти Кижские,
Во славное во общество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуеться,
На синём море волна да порасходится,
Будут земские вси избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасенные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кой умны недоросточки, приметные,
Оны этии слова тут принимали
Об досюльных законах постоянных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,

Как у старых стариков было рассказано!»
Тут мы думали с надежной головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиная!»
Говорила я надежной головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лодочке
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по той почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват,—
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревенские ребята испугались,
По своим домам оны да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася,—
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек,
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На покой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три сажал господних божьи дёнечка,
На четыре он на летных эти ночки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горючи слезы —

Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася.
Ворочáлся как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенъе сустигало,
На пути злодий смерётушка стретала!
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,—
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых!

РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

В 1704 году Петр I ввел рекрутский набор в армию, служба в которой до 1793 года была пожизненной, а потом (почти до середины XIX века) служили 25 лет. В рекруты брали молодых парней, отрывая их, иногда навсегда, от дома, от деревни, лишая крестьянские хозяйства рабочих рук, и была «жива эта разлука пуше мертвой». Рекрута ожидала тяжелая служба в царской армии, где «за пропащу их собаку почитают, и бьют да их несчастных до умертвия». Многие поэтому скрывались от рекрутчины, убегали в леса, в другие деревни. «Как было не бегать! На службы было тесно: служба — велико мученье! Рекрутов еще у полаты в железа ковали; бьют и мучат и ись настояще не дают»¹. Мучения выпадали и на долю родителей беглого рекрута: «И кладут веревку на шею родителям, угнетают их за друг другом в пролубу, перетягивают веревку слабкую и родителей из пролубы в пролубу — тащат на веревке за детей. За детей мучат и скот, голодом морят. И родители наубег, и бегают, и дома пустые. И в побегах живут и докуда набор кончается»². Объявление о рекрутском наборе поселяло тревогу в каждой семье, где были сыновья «на возрасте». «Соберется скоп многолюдной, с каждого двора по человеку <...> Голова <...> вынет Указ: «Слушайте, мир православной! Государь набор открывает с 500 душ по 3 человека»³. «Жеребьями дубовыми» (жеребьевкой) определялись семьи, в которых сыновья становились рекрутами.

Со «скопа» и жеребьевки начиналась череда причетов, сопровождавших основные обряды рекрутского ритуала: прощание рекрута с домом и близкими, последние вольные гуляния с друзьями и катание по деревне «на ступистой удалой на лошадушке» с подвязанными «звон-унылы колокольчики» (их подвязывали во время печальных событий, чтобы не звенели); когда «забривали лоб» — «молодецкие желтые кудерышка», когда прощались с рекрутом «во приемной палаты белокаменной».

^{1, 2, 3} Барсов. Ч. 2. С. 291, 287, 286.

Причитывали по рекруту мать, жена, сестры, родственницы, соседи: «Сами матки больше причитали; и не слышать бы лучше — уж больно сердце забирает; навоеешься до кровавых слез: и в жар и в озноб бросает, жаль-тошно несчастных некрутов»¹.

Нередко по рекруту причитывали и приглашенные вопленицы-профессионалы. Необыкновенной силы впечатление оставляют рекрутские причитания И. А. Федосовой — рассказ о судьбе рекрута и его семьи: 2605 стихов от имени матери, родных, соседей, самого рекрута. В сборнике помещена лишь часть причета.

---

¹ Барсов. Ч. 2. С. 278.

Плачи о холостом рекруте

В избе много народу. Мать вопит:
 Я чего да сижу, мать бедна несчастная,
 Сирота теперь сижу да бесприютная,
 И на брусовой сижу да белой лавочке,
 И под печальным косевчатым окошечком,
 И под туманной стекольчатой околенькой;
 Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
 И чужих басенок, горюша, приослухавши;
 Подивуют мне-ка добры эти людюшки
 И посрекаются спорядными суседушки:
 И, зная, на радости сидит да на весельице
 И на великой, зная, господней божией милости:
 У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
 Я гляжу, смотрю, печальная головушка,
 И што ведь прибрались народ да люди добрыи:
 И не весельице у нас, да не забавушки,
 И не тихии смиренныи беседушки,
 И не честное у нас да пированьице.
 Нонь как этым учетным долгим годышком
 И сочинилась грозна служба государева,
 И сволновался неприятель земли русской,
 И присылать стали указы государевы,
 И собирать стали удалых добрых молодцев
 Как на сходку ведь теперь да на общественну,
 И тут писать стали удалых добрых молодцев
 Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
 И призывать стали судьи неправосудныи
 И все ко этым ко жеребьям дубовым.
 Уж как этии удалы добры молодцы
 И перед господа глаза да ведь крестили,
 И богородице молитовку творили;
 И оны брали жеребий да тут дубовыи:

И пойти надо тут во службу государеву.
Как сегоднишним господним божим денечком
И хоть не скованы да резвы у их ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,—
И обрестованы указом государевым.
Вот похаживат сердечно мое дитятко,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И да он буйной-то головушкой покачивает,
Он жолтыма кудеркама потряхиват,
И молодецкима-то ручкама помахиват,
И он на пѣмѣ-то словечка спроговариват,
И говорит столько скачная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба государева;
И на роду да, видно, служба мне уписана,
И, видно, наделу бурлаку доставалася».
Тут он смахне свои белы эты рученьки
И на бурлацку молодецкую головушку,
И на завивныи на жолтыи кудерышка;
И не жалие молодецких кудер жолтых
И с горя рвет да свои желтыи кудерышка.
Тут он смѣхнет молодецки белы рученьки,
Он на эту на грудь да молодецкую,
И подожмет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй, да молодецкое сердечушко,
Не унывай, да молодецкая утробушка».
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговорит единое словечушко
Всѣм приближным спорядовым суседушкам,
Всѣм дружьям, да молодцам своим приятелям,
В собинѣ да душам красным, скажет, девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И на печального бурлака на молодого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по светлице:
И я не пьян — да с горя, молодец, шатаюся;
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгорается,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Дума думушку бурлака пошибает,

И ум за разум у бурлака забегает.
Вы простите-тко, души да красны девушки!
Как што сдиется над добрым над молодцем,
Как возьмут да в грозну службу государеву,
И вы вспомните, души да красны девушки,
И спамятите-тко бурлака розмолодого
Вы на этых горах да на искатных,
И вы на тихих да смиренных беседушках!
Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
Вы пречистой пресвятой да богородице,
Штобы господи бладыко-свет помиловал
Как от этой бы от службы государевой,
И возвратил бы на судиму бог сторонушку,
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям.
И не тоскуй, моя родитель родна матушка,
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зябллой утробушке».
Я гляжу, смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася,—
Добрый молодец кручиной убивается;
Не дай, боже, ведь того, да боже господи,
Расставаться со сердечным со дитятком.
Ой, тошнихонько ретливому сердечушку:
Как детиная тоска — не угасимая,
И как жива эта разлука пуше мертвой.

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел денечик теперь да не видаются,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечуку судьи да подъезжают:
И тут подогнаны ступистыи лошадушки,
И не по разуму любимы хоть извошники
И про сердечное рожоно мое дитятко.
И по фатерушки судьи да все похаживают,
И добра молодца оны все понаряживают:
«И ты справляйся, молодец, да поскорешеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровёшенько,

И у крыльца стоят ступистыи лошадушки,
И отправляйся в путь — широкую дороженьку,
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко приемной палате белокаменной».
И как у моего сердечного у дитятка
И подломились да тут резвы его ноженки,
И подрожали молодецки белы рученьки,
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтыи кудерки развеваются;
И хоть одет да он во цветное во платице,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовыи,
И не цветет да теперь цветно на нем платице,
И не красит да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная.
Сдай волю-те-тко, народ да люди добрыи,
И смилосердитесь, судьи да милосердыи!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку,
Вы рожное сердечно мое дитятко.
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачоную жемчужинку
Я от этых властей немилосердых,
Я от этых судей неправосудных,
Я запру да ведь во светлу его светлицу,
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцевы занавесочки;
И отвечать буду судьям да я обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко.
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердных,
Он казенного не ждал да все извощичка».
И пораздумаюсь победным умом-разумом:
Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка:
Времена теперь пошли да все бедовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи.
И дай волю-те-тко, судьи вы правосудныи,
Уж как моему сердечному-то дитятку,
И с горя сись ему на саночки дубовыи,

И поехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по широкой по уличке
И со малыми ему да поровечникам:
Как споют они солдаку ему писенку,
И воспотешат-то удала добра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку.
Ой же ты, мое сердечно мило дитяtko,
И укатись, да мое красное ты на золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эти на уречные неделюшки,
И в города да удались ты незнакомый,
И ты за крепости уйди новгородский —
И не знали бы судьи неправосудный,
И не доведались бы власти страховитый;
И твоей порушкой теперь да твоим времечком
И принаполнятся наборы государевы;
И ты останешься, сердечно мое дитяtko,
И во своей да молодецкой вольной волюшке.
И пораздумаюсь победным своим разумом:
«Никуда нын не уйдешь да не упрячешься —
Времена теперь пошли да все беды,
Хитроумны стали власти скрозекозны».

Рекрут к судьям:

И как у нашего хорошего строеньица,
И как у этого крылечика переного,
Как у этого столба да у точеного
Есть подогнаны ступистыи лошадушки
И под меня, да под несчастна добра молодца;
И все извожнички — крестьяна полномочный,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной днют оны доброе здоровьице.
И как до сегодняшна учетна долга годышка,
И в моем поро́сту да было, в возрастаньице,
И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись:
И столько знать да стали добры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудный —

И как брать надо во службу государеву.
И охти мни, да добру молодцу, тошнешенько!
И дай волю-те-тко, судьи вы правосудныи
И сноровите-тко, вы власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромным строеньицем,
И во двори — да со любимой скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем добрым.

Мать к молодцам:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы милыи любимы поровечники:
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачоную жемчужинку.
И ты пройди, да ведь удалой добрый молодец,
И по прогулушке по широкой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою — на доброумьице;
И да мы поглядим, печальныи головушки,
И как ведут да дружь-братьица приятели,
И как тебя, нашу скачоную жемчужинку,
И под несчастныи молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдацку жалку писенку,
И уласкают-то скачоную жемчужинку.
И с деревенским селом да свет прощается,
И сговорит наша скачоная жемчужинка:
«И ты прости, прости, село да деревенское,
И прости, уличка, бурлакушка, рядовая,
И вси суседушки, простите, спорядовыи,
И вы простите, вси старушки стародревнии,
Меня,— малыи бладенцы недоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко, победныи,
И меня,— горькии несчастныи вы сироточки;
И как ходил я по прогульной этой уличке,
Я не впервые прошел, бурлак,— последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли;
И от меня, да от дородня добра молодца,
И от злодейской от великой от кручинушки

И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слез следочки заплываются».

Рекрута едут кататься по деревне; мать вопит:
И пойду выйду я на широку на уличку
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он иде по прогульной этой уличке,
И на ступистой удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатных,
И как подвязаны звон-унылы колокольчики;
И спотешат себя сердечно мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрыи,
Вы приближни спорядовыи суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое,
Вы добротушки желанны родны тетушки,
И вы, отданыи сестрицы сдвуродимыи,
Вы — на милую скачоную жемчужинку.
И хоть гулят столько скачоная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийной великой со кручинушки,
И с проклятой теперь да со досадушки;
И по пути да по широкой по дороженьке
И добрый конь нонь-ко идет да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;
Как на санках добрый молодец шатается;
И не вёшний этот ручей разливается,—
И бедный молодец слезами умывается;
Он снимает-то с головушки тут шапочку
И на все на три, четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с горя молвит-то наш свет да таково слово:
«И ты прости, прости, село да деревенское,
И ты, усадьба-то, прости, да красовитая,
И вы, деревенки, простите, садовитыи,
И вы простите, тёмны лесушки дремучии,
И вси сахарнии садовы деревиночки,
И вы простите-тко, луга да сенокосныи,
И добра молодца, поля да хлебородныи,
И сине славное, прости, да ты Онегушко,
И ты родимая, прости меня, сторонушка,
И прости, волость-то меня, да красовитая,

И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторонка щегольливая;
И ты прости, да молодецка вольна волюшка,
И ты прости, да божья церковь посвященная,
И пресвятая мать, прости, да богородица».

С гулянья заезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачоная жемчужинка:

«И теперъ съезжу в божью церковь посвященную,
И попрошу да я попа — отца духовного,
И воспокаются служителю церковному,
И помолюсь да я богу от желаньица,
И прослужу да я молебен богородице,
И я поставлю ей свечи да воску ярова,
И положу-то пелены да ей шелковыи;
И помолюсь да со слезами со горючима
Уж я этому бладыке все небесному:
И сохранил бы меня господи, помиловал
И от приемной полаты белокаменной,
И как от этой бы от службы государевой.
И ты спаси, да пресвята мать богородица,
Ты от этих властей немилосердых,
Ты от этих судей да все безбожных!
И вы простите-тко, попы — отцы духовныи,
И благодетели служители церковныи!
И на духовных молитвах вспомяните-тко
Вы меня, да все уда́ла добра молодца!
И буде возвращусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровского,
Рассчитаюсь я за ваше утруженьице;
И за молитовки-то ваши ведь церковныи
Уж я сдию вам духовно угощеньице».

По приезде из церкви родные зовут рекрута в гости.
Провожая, в дверях мать вопит:

Я гляжу, смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И как идё да он по шíрокой по уличке,
И во любимое идё да во гостибище,
И ко добротушке к желанной идё тетушке.

Тетка, встречая, вопит:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико переное,
Да я стричю-то любимо свое племнятко,
И подхвачу его под праву белу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку.
Я гляжу, смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть с дружьем иде, мой свет, да со приятелем,
И с холостьбой иде, желанье, неженатой,
И он не князем-то иде ко мне молодым,
И он не славным женихом да наряженным,
И хоть не первое иде, може последнее,
И со злодийной иде да со кручинушкой
Он ко мни да во любимое гостибище;
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,
И ты по-прежнему поди да по-досюльному,
И как ходил да ты к печальной голове,
И ты во радости ходил да во весельице;
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовый столы да порасставлены,
И тонки белы скатерти да поразостланы,
И сахарни тебе ествы приналажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны.
И ты пройди, мое любимо мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньице,
Ты во светлую пройди да мою светлицу,
И ты роздень да молодецко цветно платьице;
И положу да я на стопочку точеную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учестую;
И ты садись, да наш сдовольной белой светушко,
И ты гости, гости, любимо мое племнятко,
Пока во своей бурлацкой вольной волюшке.
И я гляжу, смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он ествущек, горюн, не искушает,
И медвяного питья не испивает;
Он горючима слезама обливается,
Он великой кручиной утирается.
Жаль тошнешенько победным головушкам,

Нам сердечного любимого племянничка.
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитяtko с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидеть нашу скачоную жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племняtko:
Как што сдиется, скачоная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольну волюшку,
Как приведут да во полату белокаменну
И поразденут у вас цветно это платьицо,
И вас поставят-то под меру государеву,
Как под эту под линейчку дубовую,
И у тебя, наша скачоная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы ноженъки,
И подрожат да молодецки белы рученьки,
И приужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны очушки.
И тут повыстанут судьи неправосудныи
Со этих со стульицев кленовых
Оны на свои на резвыи на ноженъки
Как от этих столов да от дубовых;
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И оны в точь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушки начальники подрачивают:
«И всим здоров да молодец-то этот браво́й».
И столько слушайте, народ да люди добрыи:
И не радили бы победны мы головушки
И отпустить нашу скачоную жемчужинку
И во злодийную полату во приемную.
И буде господи бладыко не помилует
И как во этой во полате белокаменной,
И буде «лоб» скричат жандары государевы,
И тут подхвата вершала да все молодыи
Как тебя, нашу скачоную жемчужинку,
И посадя как на стульица кленовыи,
И во руки оны берут да бритвы вострыи
И оны брить да будут желтыи кудерышка
И у тебя, да у скачоной у жемчужинки;
И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол;

И тут ты сдынешь свои белы эти рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки с очей да проливаются:
«И куда волюшка моя да подевалася,
И молодецкии кудерка истерялися».
И приberi свои завивны кудри желтыи
Ты со этого полу да со дубового,
И ты клади да во гербовой лист-бумаженьку,
И отошли да на родиму свою родинку
И на погляженьице желанным родителям,
И на утехушку нам, сродчам, милым сродничкам.
И не поставь в гнев, скачоная жемчужинка,
И хоть я уныло, горюша, причитала,
И во слезах тебе, победна, рассказала
Про злодийную палату белокаменну.
И ты гости, да тепло красное наше солнышко,
И пока на своей родимой ты сторонушке,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милым спорядовым суседушкам.
Как тебя, да тепло красно наше солнышко,
Сожалиют вси спорядныи суседушки!

Рекрут к подружью:

И спасет бог да вам, дружье братья-приятели,
И што певали вы унылы жалки писенки,
И воспотешили удала добра молодца
И молодецку мою зяблую утробушку:
И нынь сердечушко мое не утешается,
И молодецкая головушка кручинится;
И поскореньку на б бурлаку распроститися,
И мне-ка со своей родимой со сторонущой,
И суровешенько мни на б да отправлятися
И во злодийну эту службу государеву.
И жаль тошнешенько удалу добру молодцу
И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
И мне с дружьем-братьем теперечко, с приятелем.

Проводы, угощение и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрыи
И вси приближни спорядовыи суседушки:

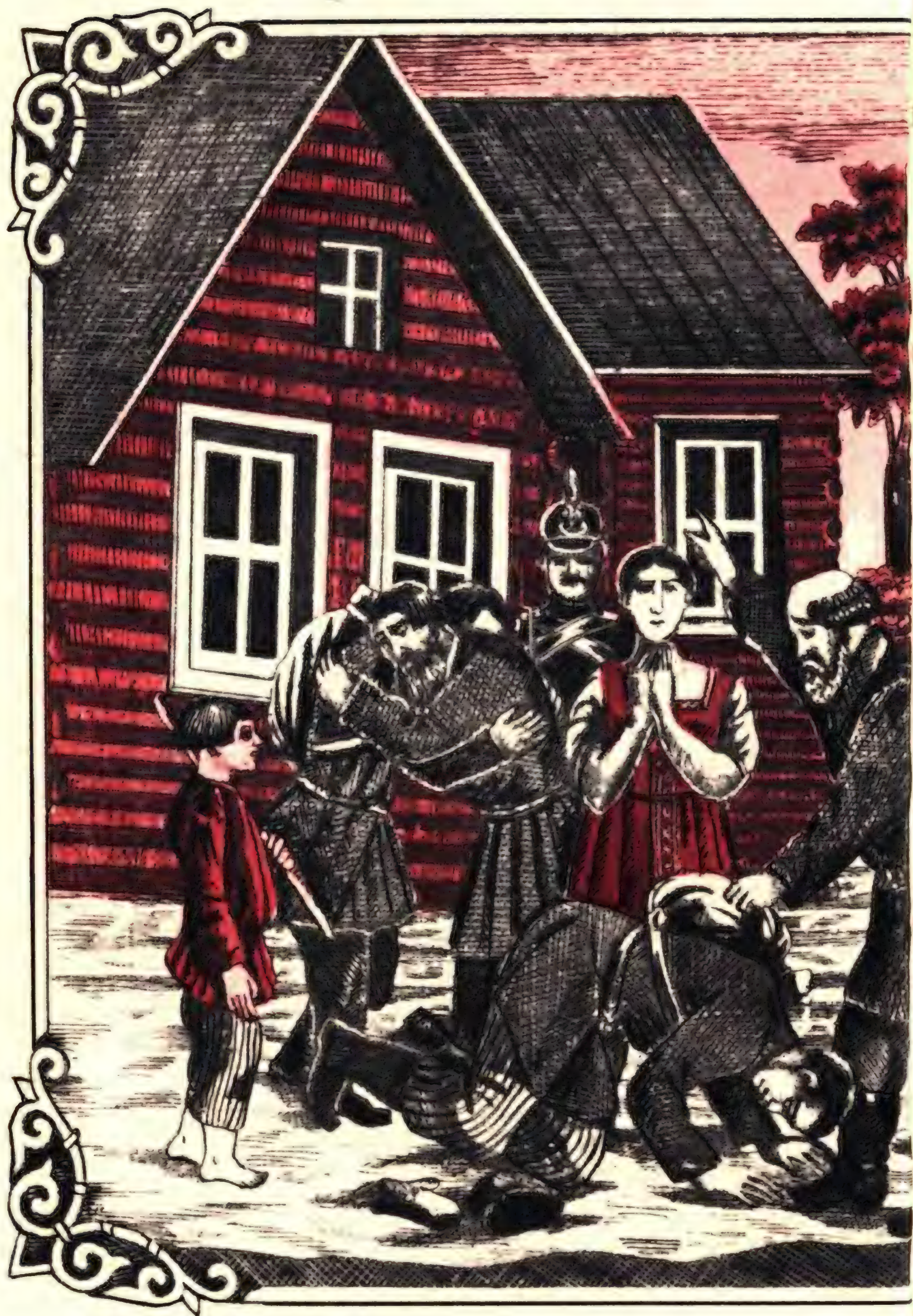

И как во этом во почестном во большом углу
Уже вси вкупе удалы добры молодцы —
Вси сидят тут рекрута да очередныи.
И не уяданьице им ествушка сахарнии.
И не в сласть да им сладка ноньку водочка;
За столом да их головки принаклонены,
И о сыру землю их очюшки утуплены;
И тут великоей обидой забавляются,
И оны горькими слезама обливаются;
И говорят да им тут власти поставленныи:
«И с родом, с племенем, бурлакушки, прощайтесь-ко,
И в путь-дороженьку, рекруты, отправляйтесь-ко».
И ответ держат им рекрутика молодыи:
«Дай волю-те-тко, судьи вы милосердыи.
И хоть единой час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить свое сердче молодецкое».
И, зная, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам молодым,
И от кушаньев пойти да от сахарных,
И от питейцев пойти да от медвяных;
И нынѣ долит да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскичушка.
И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному,
И перед господом ведь славу сотворяют.
И затопляли тут свечи да воску ярова.
И на бурлацкии колена становилися;
И сговорят да тут рекрутика молодыи:
«Уж ты спас да наш бладыко многомилостивой!
И ты спаси да нас, несчастных добрых молодцев,
И ты от этоей от меры государевой!
И ты, покров мать пресвятая богородица!
И ты покрой да нас, рекрутиков молодых,
И от злодейской ты от службы государевой».
И тут повыстали на резвы оны ноженки
И приклонили свою буйную головушку
И со бладой вышины да до сырой земли;
И на все на три, четыре на сторонюшки
Всим окольным суседам покланялися.
И в собину поклон желанным родителям,
И во пристаршии да держат оны ноженки:
И вы простите-тко, желанныи родители,
И во всей глупости простите нас, во дурости,

И благословите-тко, желанныи родители,
И нам поехать во путь широку, дороженьку,
И наделите-тко таланом вы нас, участью,
И всей великой господней божьей милостью».
И вы смотрите-тко, народ да люди добрыи:
И как не белыи березки нагибаются,—
И с отцем с матерью рекрутики прощаются,
И оны червышком, несчастныи, свиваются,
И они клубышком, победныи, катаются
И в безызвестную сторонку снаряжаются;
И не ясен сокол с тепла гнезда слетает,—
И добрый молодец из дому выезжает.
И нынъ по позднему теперечко по вечеру,
И по закату тепло красного ведь солнышка,
Тут повыстали бурлакушки сердешныи,
И как повышли со хоромного строеньица,
И у крылечика оны обстановилися,
И как зглянули на хоромное строеньице,
И на светлую зглянули оны светлицу,
И сняли шапочки со бладых со головушек,
И на три стороны бурлаки покланялися,
И со строеньицем оны да распростилися:
«И ты прости, прости, хоромное строеньице,
Прости, светлая тесова нова горенка,
И не бывать да на родимой буде родинке,
И не хаживать по хоромному строеньицу,
И нам не сиживать во светлой буде светлице».
И поклонилися несчастныи рекрутики,
И печальныи удалы добры молодцы,
И своим да все ступистым лошадушкам:
«И спаси господи ступистых лошадушек,
И што возили нас, печальных добрых молодцев,
Все по этим бладычным по праздничкам,
И по тихим по смиренным беседам,
И по унылым слезливым по свадебкам;
И знае-ведае несчастно ретливо сердце:
И нам не езживать на ступистых лошадушках,
И нам не сиживать на санках самокатных».
И уж как тут эти рекрутики печальныи,
И оны поджали ретливое сердечушко,
И сговорили тут, несчастны, таково слово:
«И ты не ной, наше сердечко молодецкое,

И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая,
И жаль расстаться со родимой со сторонушкой».
И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю;
И подхватили да их судьи поставленные,
И взяли молодцев под правую под рученьку,
И посадили во печальны дубовы сани,
И приукрыли соболиным одеялышком;
И приоттолкнули желанных родителей,
От своих оны сердечных милых детушек,
И отпехнули сродчев-сродничков любимых;
И тут извощички добрых коней понудили,
И добры конюшки пошли да суровешенько;
И быдто серый волк под кустышком поукиват,—
И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовых санях оны да горекуют:
И не дали-то им судьи немилосердые
И со старыма старушкам им проститися,
И на все стороны рекрутам поклонитися.
Как везут да их извощички не милые,
И не по разуму ступистые лошадушки;
И дале, дале от родимой сторонышки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому приему государеву».

№ 756

Причитание жены по мужу-рекруту

Свет-то ты да родной, доброй молодец,
Удалая ты моя головушка,
Покидаешь ты меня со малыми, со глупыми.
Кто их будет поить-кормить? Кто возлелеет их?
Ведут тебя, доброго молодца, во солдатушки,
Как связали твои белая ручушки,
Как опутали скорыя ноженъки;
Не тебе было, другу милому, не тебе быть в солдатушках!
Не тебе, удалая головушка, государю служить!
Ведь смиренная был ты у нас, беседашка;
Ах, ведут тебя к страсти, к ужаси,
На чужу-дальную сторонушку!
Уж откудова мне будет, молодёшеньке,
Со которого пути, со дороженьки,

При котором-то при празднике,
При восходе ль светла месяца,
При закате ль солнца красного
Дождаться тебя или грамотки,
Деточкам заочного благословеньица,
Добрым людям понижайший поклон?
Работничек ты был, заботничек,
Навалились на нас лихие люди,
Что лихие люди, начальники;
Кто тебя на чужой стороне приголубит,

доброего молодца?

Кто пригреет, кто пожалует?
Ни родных, ни друзей, ни приятелей!
Один ты, удалой, далеко залетел,
Далеко-высоко в поднебесии.
Как примашутся крылья, ноженъки,
Как признаются белы рученьки к строевому ружью,
Приглядятся ясныи очочки на чужую реку.
Как ни день-то, ни ночь вам покою нет;
Ночь темна настанет — на часах стоять,
А белой день придет — во поход идти
Под злодея нашего, под недруга,
Под француза, недруга злого-лютого!
Ох, тошным-то тошно молодешеньке
Оставаться без мила друга, сердечного!
Ах ты белой мой, ты румяной мой,
Ты кудрявая головушка и широкая бородушка,
Как наливной яблочек, ты, созрев, доброй молодец,
Покатился с яблони, покинул меня!

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

В

жизни дореволюционной замужней крестьянки было немало поводов для горького приплакивания. «Прежде, как я в казачихах жила,— рассказывала А. Т. Онуфриева, батрачившая с восьмилетнего возраста,— и вспомню, как я позорилась, сяду на угор и все приплачу»¹. Тяжелый физический труд, несправедливость в семье, одинокая старость, бытовые беды — все находило свое эмоциональное выражение в причете, он был всплеском души, порождением момента.

Предлагаем читателю два бытовых причитания из немалого числа записанных и опубликованных в различных сборниках.

---

¹ Чистов. С. 410.

№ 757

Плач
об одинокой доле

Как я рóстила, горющица,
Я рожóных своих детушек,
Ночью спать я не ложилася,
А днем на место не садилася,
Вила вíто это гнездышко,
Да строила хоромное строеньице.
Я тоё думу удумала:
Как под этим витым гнездышком,
Да под хоромным строеньицем,
Да под косивчатым окошечком
Разведу сады зеленые;
Будут яблони кудрявые,
Будут пташечки веселые,
Будут петь да эти ташицы,
Да будут гуркать соловеюшки!
Так мои рожоны детушки,
Дочери бажёные
Распевать да будут песенки
Во саду да во зеленоем!
Видно, такая мне судьба пришла,
Тако да пришло времечко:
У мня яблони сломилися,
А в саду ташки разлеталися.
У меня, у матери-кукушицы,
Как поразошлись да поразъехались
Дочери бажёные
Да по разным губернкам,
Не в свои да дерёвенки!
У меня есть да приосталося
Как одно только бажёное,
Мое дитятко рожóное
На одно на нагляженъице,
Да не в моем распоряженъице!

Плач
после пожара

Приходит тетка, племянница ее встречает с плачем
и причитывает:

Как идет да гостья дальняя,
Идет гостья долгожданная,
Моя тетушка-добротушка,
Старша буйная головушка.
У нас, у бедных,
Ново чудо счудовалось,
Ново диво сдивовалось!
Уж как век чего не думали,
Уж как век чего не гадали:
Уж как глупая-то женщина,
Неразумна молодá жена
Зажигала восковú свечу
Перед чудным перед образом.
Верно, она богу не угодная,
Ее свеча да недоходная;
Как от той от восковой свечи
Показались дымочки,
Запылали огонечки
По крестьянской по деревенке!
Потеряли мы селеньице,
Все хоромное строеньице,
Все крестьянско заведенъице.
Все огнем просветилося,
Головней все покатилося!
Как, желанна моя тетушка,
Теперь я, бедна горющица,
Я от господá обижена,
И от добрых людей обнижена:
Погорели у беднушки
Мои цвѣтныя все платъица
И жемчужно ожерельице,
Не видать мне боле, беднушке!
Я находилась, горющица,
На крестьянской на работушке;
Не работушку работала,

Только времечко корóтала —
Как про это про несчастье
Мое ведало сердечушко!
Как прихожу, бедна горюшица,
Я с крестьянской-то работушки —
Уж пустым стало, пустешенько,
Порозным да порознешенько;
Мои сердечные родители
В чистом полюшке под кустичком.
Как станем жить, бедные,
Без витого без гнездышка?!

СОКРАЩЕНИЯ

- Авдеева — Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.
- Агренева — Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и зазывальными. В 3-х частях. О. Х. Агреновой-Славянской. М., 1887.
- АКФ — Архив кафедры фольклора филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- Арефьев — Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейской губернии //Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1902. Т. 32. № 1—2.
- Балашов-I — Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега. Л., 1969.
- Балашов II — Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарновский район Вологодской области). М., 1985.
- Балов I — Балов В. А. Очерки Пошехонья //ЭО. 1898. № 4.
- Балов II — Балов В. А. Очерки Пошехонья //ЭО. 1901. № 2.
- Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872—1882. Ч. 1—2; М., 1886. Ч. 3.
- Березин — Березин П. А. Свадьба в Заветлужье. Литературная обработ-

- ка, научная редакция, предисловие и комментарии К. Кореповой. Горький, 1981.
- Болонев — Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1978.
- Бондаренко — Бондаренко Б. Поверья крестьян Тамбовской губернии //ЖС. 1890. вып. 1.
- Васнецов — Васнецов А. Песни северо-восточной России М., 1894.
- ВГВ — Владимирские губернские ведомости. 1865. № 10.
- Вилльер-де-Лиль-Адам — Вилльер-де-Лиль-Адам В. Деревня Княжая Гора и ее окрестности //Записки Русского Географического общества по отделению этнографии. Спб., 1871. Т. 4.
- Вишняков — ЦГАЛИ, фонд 1420, опись 1, единица хранения 35.
- Гагенторн Н. — Гагенторн Н. Свадьба в Салтыковской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии //Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
- Герасимов — Герасимов М. К. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии //ЭО. 1894. № 1.
- Гиппиус — Народные песни Вологодской области. Сборник фонографических записей под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Л., 1938.
- Гребнер — Гребнер В. А. Село Тетюши (этнографический очерк) //Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Вып. 2.
- Гринкова — Гринкова Н. П. Обряд «вождения русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области //СЭ. 1947. № 1.
- Груздев — Груздев В. В. Окликание молодых //Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1922. Т. 32. Вып. 1.
- Даль — Даль В. И. /Песни, собранные писателями. Материалы из архива П. В. Киреевского. Литературное наследство. М., 1968.
- Дилакторский — Дилакторский Х. Праздник покрова у крестьян Двиницкой волости //ЭО. 1903. № 4.
- Добровольский-1908 — Добровольский В. Н. «Егорьев день» в Смоленской губернии //ЖС. 1908. Вып. 2.
- Добровольский-1902 — Добровольский В. Н. Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губернии //ЖС. 1902. Вып. 2.
- Добровольский-1906 — Добровольский В. Н. Культ зернового хлеба в поверьях крестьян Рязанской губернии //Известия Отделения Русского языка и Словесности АН. 1906. Т. 11. Кн. 4.
- Добрынкина-1874 — Добрынкина Е. П. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде //Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Труды этнографического отдела. М., 1874. Кн. 3. Вып. 1.

- Добрынкина-1877 — Добрынкина Е. П. Васильев вечер и Новый год в Муромском уезде //Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Труды этнографического отдела. М., 1877. Т. 28. Кн. 4.
- Ермолаев — Ермолаев А. Свадебные наговоры дружки в Ангарской деревне //Сибирский архив. Иркутск, 1912. № 8.
- Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта //Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. 30. Труды этнографического отдела. Кн. 5. М., 1878.
- ЖС — «Живая Старина» (журнал).
- Завойко-1914 — Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии //ЭО. 1914. № 3 — 4.
- Завойко-1917 — Завойко Г. К. В костромских лесах по Ветлуге-реке //Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Этнографический сборник. Кострома, 1917. Вып. 7.
- Зайцев — Зайцев И. С. Народное творчество Южного Урала. Челябинск, 1948.
- Зеленин — Зеленин Д. К. Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии //ЖС. 1905. Вып. 1—2.
- Зернова — Зернова А. В. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае //СЭ. 1932. № 3.
- Зимин — Зимин М. М. Ковернинский край. Наблюдения и записи //Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17.
- Зобнин-I — Зобнин Ф. Поездка на Алтай. Описание поездки по Змеиногорскому округу Томской губернии и Усть-Каменогорскому уезду Семипалатинской области в январе и феврале месяце 1897 //ЖС. 1897. Вып. 3 и 4.
- Зобнин-II — Зобнин Ф. Свадебные обряды и обычаи казачьего населения Усть-Каменогорского уезда //Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1900.
- Иваненко — Иваненко Н. П. Сватанье (Орловская губерния) //ЖС. 1905. Вып. 1—2.
- Иваницкий — Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии //Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. 69. Труды этнографического Отдела. Т. 11. Вып. 1. М., 1890.
- Иванов-I — Иванов М. И. Святочные и новогодние гаданья //Тверская старина. 1912. № 1.

- Иванов-II — Иванов М. И. Гаданья в ночь на Ивана Купала //Тверская старина. 1912. № 6.
- Калужникова — Калужникова Т. И., Липатов В. А. Традиционная свадьба как музыкально-драматическое единство (по современным записям в пос. Билимбай Свердловской области) //Бытование фольклора в современности. На материале экспедиций 60—80 гг. Свердловск, 1983.
- Кедрина — Кедрина В. Е. Обряд крещений и похорон кукушки в связи с народным кумовством //ЭО. 1912. № 1—2.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1. М., 1917. Вып. 2. Ч. 1. 1929. Ч. 2. (Нумерация песен сквозная).
- Кирюхин — Русская песня в Дагестане (в записях 1964—1969 гг.) /Публикация, вступ. статья и коммент. В. С. Кирюхина. Махачкала, 1975.
- Колпакова — Лирика русской свадьбы. Подготовлена Н. П. Колпаковой. Л., 1973 (Литературные памятники).
- Копаневич-1903 — Копаневич И. К. Как проводится масленица в Псковской губернии. Псков, 1903.
- Копаневич-1907 — Копаневич И. К. Народные песни, собранные и записанные в Псковской губернии. Псков, 1907.
- Копаневич-1912 — Копаневич И. К. Народные песни, собранные и записанные в Псковской губернии //Труды Псковского Археологического Общества. Псков, 1912. Вып. 8.
- КОПС — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков /Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1981.
- Корепова. Вып. 2. Ч. 1.— Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета. Вып. 2. Обряды и обрядовая поэзия. Ч. 1. Календарные обряды. Заговоры /Сост. К. Е. Корепова, Ф. С. Эйдельман. Горький, 1977.
- Корепова. 1976—1982. Ч. 1.— Новые поступления в фольклорный архив. 1976—1982. Календарные обряды. Ч. 1 /Сост. К. Е. Корепова. Горький. 1982.
- Костоловский — Некоторые обряды, приметы и поверья крестьян Еремейцевской волости Рябинского уезда Ярославской губернии. По материалам И. В. Костоловского //ЭО. 1901. № 3.
- Котикова — Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области. М., 1966.
- Красноженова — Красноженова М. В. Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии) //Известия Красноярского

- подотдела Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества. Красноярск, 1914. Т. 2. Вып. 6.
- Круглов-I — Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1978.
- Круглов-II — Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., 1982.
- Кудрявцев — Кудрявцев В. Ф. Зимние народные увеселения в г. Василе //Нижегородский сборник. Нижний Новгород. 1870. Т. 3.
- Лавров — Лавров К. Свадебная плачевя (Новгородский уезд) //ЖС. 1905. Вып. 1—2.
- Лазарев — Лазарев А. И. Уральские посиделки. Челябинск, 1977.
- Леонова — Народные песни Прииртышья /Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1969.
- Леонтьев — Леонтьев Н. П. Печорский фольклор /Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Лотман — Лотман Ю. Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г. Р. Державина //Русская литература. 1960. № 3.
- Лукьянова — Народные песни Брянщины /Сост. Т. П. Лукьянова. Брянск, 1972.
- Львов-Прач — Львов-Прач. Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. М., 1955.
- Магницкий — Магницкий В. К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде //Этнографический сборник. Казань, 1888.
- Макаренко-I — Макаренко А. Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии //ЖС. 1901. Вып. 3—4.
- Макаренко-II — Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Спб., 1913.
- Максимов С. В. — Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903.
- Мехнецов-I — Народные песни Вологодской области. По материалам студенческих фольклорных экспедиций. Песни средней Сухоны /Сост. А. Мехнецов. Л., 1981.
- Мехнецов-II — Свадебные песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области /Запись, сост., предисл., примеч. А. Мехнецова. Л.; М., 1977.
- Мехнецов-III — Подблюдные песни Белозерья. Публикация А. М. Мехнецова //Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция. Сборник научных статей. Л., 1985.
- Минх — Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888. Спб., 1890.
- Можаровский-I — Можаровский А. Отголоски старины и народности //Труды Тамбовской Ученой Архивной Комиссии. Тамбов. 1903. Вып. 10.

- Можаровский-II — Можаровский А. Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873.
- Неуступов — Неуступов А. Д. Святочные обычаи в Кадниковском уезде // Известия Общества Изучения Русского Севера. 1913. № 1.
- Новикова — Новикова А. М., Пушкина С. И. Свадебные песни Тульской области. Тула, 1981.
- НС — Новгородский сборник. Издание Новгородского статистического комитета /Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865. Вып. 1.
- Орехов — Орехов Г. Свадебные обряды, обычаи и песни в Холмском уезде Псковской губернии // ЖС. 1913. Вып. 3—4.
- Пальчиков — Пальчиков Н. Е. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии. Спб., 1883.
- Первушин — Первушин П. Ф. Песни, святочные гаданья <...>, собранные в Катайской волости Камышловского уезда Пермской губернии // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Екатеринбург, 1895. Т. 15. Вып. 1.
- Песни Печоры — Песни Печоры /Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- ПКП — Поэзия крестьянских праздников /Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского, Л., 1970.
- Померанцева-I — Русское народное творчество в Башкирии. Вступ. статья Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957.
- Померанцева-II — Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963 — 1969 гг.). Отв. редактор Э. В. Померанцева. М., 1972.
- Пономарева — Русские народные песни Прикамья. Записала Ф. В. Пономарева /Сост., обраб. текстов, нотная запись, вступ. статья и примеч. С. И. Пушкиной. Пермь, 1982.
- Попов — Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // ЖС. 1903. Вып. 3.
- Потанина-I — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири /Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1981.
- Потанина-II — Русская свадебная поэзия Сибири /Вступ. статья, сост. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1984.
- ПСЧСП — Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Саратов, 1969.
- Пьянкова — Пьянкова С. Свадебные песни родины Глинки. М., 1977.
- Разумихин — Разумихин С. Село Бобровки и окружающий его околоток Тверской губернии Ржевского уезда // ЭС. Спб., 1853. Вып. 1.
- РФУ — Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1977.
- Савушкина — Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) /Под ред. Н. И. Савушкиной. Изд-во МГУ, 1980.

- Сахаров — Сахаров И. П. Сказания русского народа. Изд. 3. Спб., 1841. Т. 1. Кн. 1—4.; Спб., 1849. Т. 2. Кн. 5—8.
- Свирелина — Свирелина К. Народные обычаи и поверья в некоторых селах Владимирской губернии //Русский Филологический Вестник. 1880. Т. 4.
- Селиванов — Селиванов В. В. Год русского земледельца //Соч. Владимир, 1902. Т. 2.
- Семенова — Семенова О. П. Праздники Рязанской губернии Даньковского уезда //ЖС. 1891. № 4.
- Серебренников — Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собрал В. Н. Серебренников. Пермь, 1964.
- Синцов — ЦГАЛИ, фонд 1420, опись 1, единица хранения 189. Записи В. Д. Синцова.
- Скворцова — Скворцова С. Народные песни Вятской губернии //Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. Год 15-й. Вятка, 1893.
- Смирнов В. — Смирнов В. Народные гаданья в Костромском крае //Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. IV-й этнографический сборник. Кострома, 1927.
- Смирнов-I — Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям //Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Старый быт и хозяйство Переславской деревни. Переславль-Залесский, 1972.
- Смирнов М.-II — Смирнов М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки. М., 1922.
- Соболев — Соболев А. Н. Детские игры и песни //Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии. Владимир, 1914. Кн. 14.
- Соколов — Соколов М. Е. Обряды, поверья и суеверия великорусов Саратовской губернии //Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Саратов, 1916. Вып. 33.
- Соколова — Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.
- Сорокин — Фольклор Московской области (Вспомогательный материал по устному народному поэтическому творчеству для практических занятий. Тексты и методологические указания). Вып. 1. Календарный и детский фольклор /Сост. В. Б. Сорокин. М., 1979.

- Станиловский — Станиловский А. М. Записки <...>. //Труды Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1912.
- Степанов — Степанов Н. П. Народные праздники на святой Руси. Спб., 1899.
- Сумароков — Сумароков П. Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда //Сельское хозяйство. 1860. Т. 3. № 8.
- Терещенко — Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 5—7. М., 1847—1848.
- Тиханов — Тиханов Н. Брянский говор. Спб., 1904.
- Троицкий — Троицкий А. И. Народные песни Пензенской губернии //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1905. Вып. 6.
- ТФВД — Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.). М., 1972.
- ТФНО — Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963—1976 гг.): Песни. Причитания /Издание подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.
- Успенский — Успенский Д. Благовещение (по народным поверьям Тульской губернии) //ЭО. 1908. № 3.
- Ушаков — Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов //ЭО. 1896. № 2—3.
- Фридрих — Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор /Сост. И. Д. Фридрих. Рига. 1972.
- Халанский — Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии //Сборник Отделения Русского языка и Словесности Академии Наук. Спб., 1904. Т. 76. № 5.
- Харламов — Харламов М. Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в г. Ейске //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1901. Вып. 26.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
- Чесноков — Чесноков А. Свадебные обряды и песни кержаков //ЖС. 1911.
- Чистов-І — Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия /Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой. Л., 1984.
- Чистов-І — Причитания /Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова. Подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Чичеров — Чичеров В. И. Зимний период русского народного календаря XVI—XIX веков. Очерки по истории народных верований

//Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1957.
Т. 40.

Чичеров-ЦГАЛИ — ЦГАЛИ, фонд 1456, опись 1, единица хранения 33.
Запись В. И. Чичерова.

Чудинов — Русская народная лирика. Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова. Издание Н. Глазунова. Спб., 1894.

Чулков — собрание разных песен М. Д. Чулкова. Ч. 1—4 с прибавлением. Спб., 1770—1774.

Шаповалова — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья /Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985.

Шейн — Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. Спб., 1898. Т. 1. Вып. 1.; 1902. Вып. 2.

Шереметева — Шереметева М. Е. Земледельческий обряд «заклинания весны» в Калужском крае //Сборник Калужского гос. музея. Калуга, 1930. Вып. 1.

ЭО — «Этнографическое обозрение» (журнал).

ЭС — Этнографический сборник: Собрание местных этнографических описаний России. Издание Русского Географического общества.

Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. Спб., 1884.

Якушкин-I — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1 /Подгот. текстов, вступ. статья и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983.

Якушкин-II — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 2 /Подгот. текстов, предисл., коммент. З. И. Власовой. Л., 1986.

ПРИМЕЧАНИЯ

В книгу включены наиболее примечательные с историко-познавательной и художественной точки зрения описания обычаев и образцы обрядовых песен. Подбор материалов осуществлялся из самых авторитетных изданий (сведения о них приведены в списке условных сокращений). Кроме того использовались некоторые архивные записи, а также тексты из малоизвестных сборников.

Все тексты песен и описаний обрядов переведены на современную орфографию. Всюду снимается фонетическая фиксация произношения (например, окончания — о в а , т ц а переданы как — о г о , т с я), устранены признаки аканья, иканья, оканья, цоканья, чоканья и яканья, пропуски или удвоения согласных. Однако в стяжениях типа «мово», «свово» написание через «в» сохраняется. Пунктуация, по возможности, приближена к современной.

Некоторые маловажные детали из описания обрядов опускаются и заменяются многоточием, заключенным в косые скобки.

Ударение ставится, только когда оно отличается от общепринятого и указано собирателем или издателем. В спорных случаях ударение не обозначается из-за отсутствия необходимых сведений в записях песен. В комментариях к каждой записи обряда или песни указываются: источник публикации, место и время записи. В некоторых случаях приводятся данные о том, когда исполнялась песня, а также краткие примечания собирателя, издателя или исполнителя. Если песня исполнялась с припевом, то отмечается его повторяемость через определенное число стихов. Иногда в комментарии дается объяснение непонятному слову, когда оно встречается лишь в одном тексте; если же слово встречается неоднократно, то оно включается в словарь.

При указании на место записи сохраняется то административное деление, которое дано в источнике публикации.

Название источника публикации дается, как правило, сокращенно.

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ

Зимние святки

КОЛЯДОВАНИЕ

№ 1. [Описание колядования]. Добрынкина-1877. С. 70. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

№ 2. [Описание колядования с песнями]. РФУ. № 3. Зап. в г. Глазове в 1973 году.

№ 3. [Описание колядования с песнями]. Добровольский-1906. С. 111. Зап. в Рязанской губ. в начале XX века.

№ 4. [Описание колядования с песнями]. Р. «Пензеский таусень» — в газете «Северная пчела». 1850. № 250. В песне «Ты сорока-дуда» — припев после каждого стиха.

№ 5. [Описание колядования]. Добровольский-1906. С. 114. Зап. в Рязанской губ. в начале XX века.

КОЛЯДКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯЕВАМ ДОМА

№ 6. Владимирские губернские ведомости. 1865. № 10. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века. Исполнялась накануне Нового года.

№ 7. ИРЛИ, к. 261, п. 2, № 504. Зап. в Новгородской обл. в 1970 году. *Окануне* — накануне.

№ 8. Вестник РГО. Спб., 1853. Ч. 7. С. 38. Записано в Ярославской губ. Исполняли мальчики и девочки до 15 лет под окнами каждого дома 30 декабря. *Пролубь* — прорубь.

№ 9. Сумароков. С. 72. Зап. в Московской губ. во второй пол. XIX века. Поют под Новый год в каждой избе. *Долина* — длина.

№ 10. Новгородские губернские ведомости. 1873. № 34. Зап. в Новгородской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 11. Соболев. С. 32. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века. Исполнялась накануне Нового года. Припев после каждого стиха.

№ 12. Котикова. № 108. Зап. во Псковской обл. в 1953 году. Припев после каждого стиха. *Кол* — около.

№ 13. ИРЛИ, к. 216, п. 8, № 21. Зап. в Башк. АССР в 1938 году.

№ 14. ИРЛИ, к. 216, п. 5, № 138. Зап. в Коми АССР в 1955 году. Припев перед каждым стихом.

№ 15. АКФ. 1969. Т. 4. № 117. Зап. в Архангельской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 16. ИРЛИ, к. 216, п. 5, № 143. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году. Пели бездетной паре. Припев после каждого стиха.

№ 17. ИРЛИ, к. 258, п. 1, № 1. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году. Припев перед каждым двустишием.

№ 18. Заленский Э. Я. Что поет современная деревня Псковского уезда. Псков, 1912. С. 181. Зап. во Псковской губ. в начале XX века. Поют девушки и женщины вечером в первый день рождества. Припев после каждого стиха.

№ 19. Марков А. В. Что такое овсень? //ЭО. 1904. № 4. С. 64. Зап. в Саратовской губ. в начале XX века. Поют 31 декабря. Припев после каждого стиха.

№ 20. Пальчиков. № 123. Зап. в Уфимской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 21. АКФ. 1973. П. 1. Т. 5. № 1. Зап. в Архангельской обл. в 1973 году.

№ 22. Терещенко. Ч. 7. С. 114. Зап. во Владимирской губ. в первой половине XIX века.

№ 23. Сорокин. № 10. Зап. в Московской обл. в 1947 году.

№ 24. Добрынкина-1877. С. 72. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 25. ИРЛИ, к. 216, п. 8, № 11. Зап. в Коми АССР в 1955 году. Типичная севернорусская колядка, бытовавшая в старообрядческой среде.

№ 26. Померанцева-II С. 124. Зап. в Рязанской обл. в 1967 году.

№ 27. ИРЛИ, к. 258, п. 1, № 1. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году. Припев после каждого стиха.

№ 28. Извожиков М. Обряд колядования в Симбирской губернии //Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Казань, 1888. Т. 6. Вып. 2. С. 70. Поют накануне Нового года девочки.

№ 29. Смирнов М.-I. С. 15. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века. Поют дети накануне Нового года. *Василий Кесаринский* — день святого Василия Кесарийского, отмечаемый 1 января. *Овсей* — овсень.

№ 30. ИРЛИ, к. 69, п. 17, № 173. Записано во Владимирской губ. в 1924 году.

№ 31. Померанцева-II. С. 124. Зап. во Владимирской обл. в 1966 году. Типичная детская колядка, в которой использован текст вопросно-ответной (кумулятивной) песенки. *Конек* — обрядовое печенье в форме домашнего скота. *Расшерёпушка* — растрепушка.

№ 32. Минх. С. 90. Зап. в Саратовской губ. во второй половине XIX века. Поют ряженые парни и девушки — «святошники». Припев после каждого стиха.

№ 33. ИРЛИ, к. 235, п. 1, № 96. Зап. в Новгородской обл. в 1963 году. Обращения к скупому хозяину (стихи 16—19) сходны со свадебными корильными песнями.

№ 34. ИРЛИ, к. 215, п. 2, № 1. Зап. в Ивановской губ. в 1922 году. Выкрикивалась подростками.

№ 35. ИРЛИ, к. 261, п. 2, № 418. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году.

№ 36. Соболев. С. 25. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 37. Христиансен Л. Уральские народные песни. М., 1961. № 35. Зап. в Челябинской обл. в 1954 году. Пели парни и девушки под окном.

№ 38. ИРЛИ, к. 196, п. 13, № 74. Зап. в Костромской обл. в 1960 году. Эта песня и следующая — типичный пример детской колядки, в которой использованы мотивы из песенок ребячьего репертуара. *Милёда* — вместо «коляда». *Бундырь*, *Бундыриха* — очевидно, деревенские прозвища.

39. АГО, р. 37, оп. 1, № 27. Зап. в Симбирской губ. в 1850-х годах. Припев после каждого стиха.

КОЛЯДКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯИНУ ДОМА ИЛИ ЕГО СЫНУ

№ 40. Тибрин И. Н. Описание Ягодинской волости, Княгининского уезда // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 383. Поют девушки-невесты накануне Нового года.

№ 41. ИРЛИ, к. 216, п. 5, № 131. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году. Поют парню.

№ 42. Покровский И. Описание села Красного Арзамасского уезда // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 357. Припев после каждого стиха.

№ 43. Пушкин С., Григоренко В. Приокские народные песни. М., 1970. № 10. Зап. во Владимирской обл. в 1963 году. Припев после каждого стиха.

№ 44. Нижегородская земская газета. 1912. № 11. Поют девочки накануне Нового года. Припев после каждого двустишия.

№ 45. ИРЛИ, к. 216, п. 5, № 130. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году. Припев после каждого стиха. *Крылос* — клирос.

№ 46. Троицкий. № 10. Зап. в Пензенской губ. во второй половине XIX века. Припев перед каждым стихом.

№ 47. ИРЛИ, к. 263, п. 1, № 55. Зап. в Горьковской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 48. Симбирские губернские ведомости. 1877. № 30. «Если в семействе имеется взрослый, неженатый парень и девица-невеста, то в их честь особо поют». Припев после каждого стиха. Образы «игра на

гуслях», «заплетения кудрей (кос)» символизируют будущую свадьбу.

№ 49. ИРЛИ, к. 266, п. 9, № 127. Зап. в Архангельской обл. в 1976 году. Припев после каждого стиха.

№ 50. ИРЛИ, к. 263, п. 1, № 17. Зап. в Горьковской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 51. Нижегородская земская газета. 1912. № 11. Поют девочки накануне Нового года. Припев после каждого стиха.

№ 52. ЭО. 1899. № 4. С. 109. Зап. в Тульской губ. в конце XIX века. Если в доме было несколько маленьких детей, то песня повторялась для каждого. Ту же песню с заменой имени поют и при величании девочек.

КОЛЯДКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ХОЗЯЙКЕ ДОМА ИЛИ ЕЕ ДОЧЕРИ

№ 53. Соболев. С. 34. Зап. во Владимирской губ. в конце XIX века. Припев после каждого стиха. *На сдорочках* — очевидно, на дорожках.

№ 54. Пальчиков. № 121. Текст 3. Зап. в Уфимской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 55. Добрынкина-1877. С. 72. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха. *Подогом* — батогом.

№ 56. Троицкий. № 14. Зап. в Пензенской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого двустишия. *Бить по рукам* — просватать.

№ 57. АГО, р. 23, оп. 1, № 139. Зап. в Нижегородской губ. в 1850-х годах. Припев после каждого стиха.

№ 58. Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. № 12. Зап. в Горьковской обл. в 1963 году. Припев перед каждым стихом.

№ 59. ИРЛИ, к. 263, п. 1, № 18. Зап. в Горьковской обл. в 1969 году. Припев перед каждым стихом.

№ 60. ПКП. № 33. Зап. в Рязанской обл. в 1967 году. Припев после каждого стиха. Просьба «подать» припевом не сопровождается. *Жених догляд* — жениху на смотренье.

№ 61. Троицкий. № 15. Зап. в Пензенской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 62. ИРЛИ, к. 266, п. 7, № 143. Зап. в Архангельской обл. в 1977 году. Припев после каждого стиха. *Рыт(ый)* — узорчатый, постоянный эпитет к бархату; *скатный* — ровный, круглый — постоянный эпитет к жемчугу.

№ 63. Терещенко. Ч. 7. С. 50. Зап. в Саратовской губ. в первой половине XIX века. Поет молодежь накануне рождества. Величают младшую дочь в семье. Припев после каждого стиха.

ПЕСНИ ОБРЯДА ПОСЕВАНИЯ

№ 64. Солодовников Д. Д. Материалы для изучения народного творчества в Рязанской губернии //Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1916. Т. 27. Вып. 1. С. 102.

№ 65. Макаренко. С. 47. Зап. в Енисейской губ. в начале XX века.

№ 66. КОПС. № 119. Зап. в Новосибирской обл. в 1973 году.

№ 67. Померанцева-И. С. 141. Зап. в Благовещенске в 1948 году. Пелась под Новый год, т. е. в праздник святого Василия, поэтому в песне упоминание Василия.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ СЛАВЛЕНИЕ

№ 68. АКФ. 1969. Т. 2. № 93. Зап. в Архангельской обл. в 1969 году.

№ 69. Ефименко. С. 148. Зап. в Архангельской обл. во второй половине XIX века.

ДЕТСКИЕ «СЛАВЫ»

№ 70—71. Можаровский. С. 59, 60. Зап. в Тамбовской губ. в конце XIX века.

№ 72. Савушкина. С. 22. Зап. в Архангельской области в 1970-х годах. Пели на рождество, когда Христа славили, после молитвы.

№ 73. Там же. С. 22. «〈...〉 ходили славить Христа со звездами. Парни и девушки пели молитвы или «юльчика».

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

ПОДБЛЮДНЫЕ ГАДАНИЯ И ПЕСНИ

№ 74. «И то, и сию». 1769. Ноябрь.

№ 75. Мехнецов-III. С. 103. Зап. в Вологодской обл. в 1980 году.

№ 76. Чичеров. С. 103. Зап. в Костромской губ. в 1850 году.

ПЕСНИ ХЛЕБУ

№ 77. ПКП. № 108. Зап. в Костромской обл. в 1961 году. С этой песни начиналось гадание, но сама по себе она ничего не сулила.

№ 78. Терещенко. Ч. 7. С. 172. Припев после каждого стиха.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СЧАСТЬЕ И БОГАТСТВО

№ 79—80. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха. «Эта песня — самая счастливая».

№ 81. Шаповалова. С. 12. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

№ 82. Семевский. № 62. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха. *Никола* — святой Николай.

№ 83. Мехнецов-III. № 66. Зап. в Вологодской губ. в 1980 году. «К хорошему житью».

№ 84—85. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 86. ТФНО. № 291. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 87. ПКП. № 143. Зап. в Костромской обл. в 1961 году.

№ 88. ПКП. № 158. Зап. в Костромской обл. в 1963 году. Припев после каждого стиха.

№ 89—90. ИРЛИ, к. 273, п. 1. № 247, 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 91. Васнецов. С. 245. Зап. в Вятской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого трехстишья.

№ 92. Мехнецов-III. № 7. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году.

№ 93. Семевский. № 61. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 94. Шейн. № 1089. Зап. в Костромской губ. во второй половине XIX века.

№ 95. Мехнецов-III. № 119. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году. «И старым, и молодым хороша».

№ 96. Разумихин. С. 275. Зап. в Тверской губ. в первой половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 97. ТФНО. № 291. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 98. «И то и сию». 1769. Ноябрь. № 2. Припев после каждого стиха.

№ 99. Мехнецов-III. № 119. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году. «...молодая если женщина — к беременности».

№ 100. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха. «Женщина будет в положении и родит скоро».

№ 101. Мехнецов-III. № 142. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СВАДЬБУ

№ 102. ТФНО. № 291. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 103. «И то и сию». 1792. Ч. 2. № 218. Припев после каждого стиха.

№ 104—105. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 11, 14. Припев после каждого стиха.

№ 106. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 247. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 107. ТФНО. № 291. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 108. Станиловский. С. 152. Зап. в Сибири в сер. XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 109. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 6. Припев после каждого стиха.

№ 110. Семевский. № 38. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 111. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 4. Припев после каждого стиха.

№ 112. ИРЛИ, к. 273, п. 1. № 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 113. Мехнецов-III. № 22. Зап. в Вологодской области в 1979 году.

№ 114. Мехнецов-III. № 47. Зап. в Вологодской области в 1980 году. «Девка замуж выйдет, старуха — умрет».

№ 115. Мехнецов-III. № 38. Зап. в Вологодской области в 1969 году. «Это уже невеста вышивала, шила. Это невесте к свадьбе».

№ 116. Семевский. № 41. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 117. ПКП. № 239. Зап. в Костромской области в 1961 году.

№ 118. Семевский. № 42. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 119. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 247. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха. «К любви».

№ 120. Зап. А. Розовым (личный архив) в 1981 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 121. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 3. Припев после каждого стиха.

№ 122. Зап. А. Розовым (личный архив). В 1981 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 123. Самый новейший песенник. 1799. Отд. 9. № 10. Припев

после каждого стиха. Ср.: Пушкин. Евгений Онегин. Гл. V, строфа VIII: «милей кошурка сердцу дев».

№ 124. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 13. Припев после каждого стиха.

№ 125. Скворцова. С. 370. Зап. в Вятской губ. в конце XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 126. Мехнецов-III. № 128. Зап. в Вологодской обл. в 1980 году. «Девке достанется — выйдет замуж; молодой — к отъезду; старому — к смерти; <..> парню — в армию возьмут» (отгадки в разных деревнях).

№ 127. Мехнецов-III. № 131. Зап. в Вологодской обл. в 1980 году.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ БЕЗБРАЧИЕ

№ 128. Мехнецов-III. № 17. Зап. в Вологодской обл. в 1980 году.

№ 129. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 247. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха. «К скучной жизни».

№ 130. Лазарев. С. 73. Зап. на Урале в 20-е годы XX века.

№ 131. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в 1983 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 132. Зап. О. А. Славяниной (личный архив) в 1960-х годах в Брянской обл.

№ 133. ТФНО. № 291. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Припев после каждого стиха.

№ 134. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в 1983 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 135. Васнецов. С. 244. Зап. в Вятской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ РАЗЛУКУ, ДОРОГУ

№ 136. ПКП. № 269. Зап. в Костромской области в 1959 году.

№ 137. Разумихин. С. 276. Зап. в Тверской губ. в первой половине XIX века.

№ 138. Самый новейший песенник. 1799. Отд. 9. № 18.

№ 139. Разумихин. С. 276. Зап. в Тверской губ. в первой половине XIX века. «К солдатчине».

№ 140. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в 1983 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 141. Самый новейший сборник. 1799. Отд. 9. № 16.

№ 142. «И то и сию». 1769. Декабрь. № 12. Припев после каждого стиха.

№ 143. Шейн. № 1130. Зап. в Тульской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ НЕСЧАСТЬЕ,
БЕДНОСТЬ, БОЛЕЗНЬ

№ 144. Мехнецов-III. № 95. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году.
«К чему-то нехорошему».

№ 145. Сорокин. С. 22. Зап. в Московской обл. в 1973 году.
«Бедно жить» (ср. № 98).

№ 146. ПКП. № 275. Зап. в Костромской обл. в 1961 году.

№ 147. ПКП. № 290. Зап. в Костромской обл. в 1959 году. *По́жен-ка* — от *по́жня* — покос.

№ 148. Мехнецов-III. № 27. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году.
«К неприятностям: конюхом был — лошадь подохла».

№ 149. Зап. О. А. Славяниной (личный архив) в 1960-х годах в Брянской обл. «К бедности».

№ 150. Мехнецов-III. № 132. Зап. в Вологодской обл. «Неудачно замуж вышла».

№ 151—152. Васнецов. С. 245. Зап. в Вятской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

№ 153. Мехнецов-III. № 145. Зап. в Вологодской обл. в 1979 году.
«К болезни».

ПЕСНИ, СУЛЯЩИЕ СМЕРТЬ

№ 154. Сорокин. С. 22. Зап. в Московской обл. в 1973 году.

№ 155. ПКП. № 304. Зап. в Пермской области в 1963 году. Припев после каждого стиха.

№ 156. ПКП. № 333. Зап. в Костромской обл. в 1959 году.

№ 157. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в 1983 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 158. Зап. О. А. Славяниной (личный архив) в 1960-х годах в Брянской обл.

№ 159. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в 1981 году в Смоленской обл. Припев после каждого стиха.

№ 160. Сорокин. С. 22. Зап. в Московской обл. в 1973. «Быть сиротой».

№ 161. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 246. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 162. ПКП. № 303. Зап. в Костромской губ. в 1963 году.

№ 163. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 247. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

№ 164. Мехнецов-III. № 73. Зап. в Вологодской обл. в 1980 году.
«Это плохая песня».

№ 165. Семевский. № 49. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Припев после каждого стиха.

ОПИСАНИЕ СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ

№ 166. Балов-І. С. 72. Зап. в Ярославской губ. в начале XX века.

№ 167. Попов. С. 369. Зап. в Вологодской губ. в начале XX века.

№ 168. Зимин. С. 29. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

ГАДАНИЯ О СУДЬБЕ

№ 169. Балов-І. С. 69. Зап. в Ярославской губ. в начале XX века.

ГАДАНИЯ О ЖИЗНИ ИЛИ СМЕРТИ

№ 170. Арефьев. С. 126. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 171. Смирнов В. № 50. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 172. Соколовы. С. 522. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 173. Смирнов В. № 66. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

ГАДАНИЯ ОБ УРОЖАЕ

№ 174. Корепова. 1976—1982. Ч. 1. С. 21. Зап. в Горьковской обл. в 1970-х годах.

№ 175—176. Смирнов В. № 195, 422. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 177. Соколовы. С. 522. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

ГАДАНИЯ О ВЫХОДЕ ЗАМУЖ (ЖЕНИТЬБЕ)

№ 178. Пономарева. С. 224. Зап. в Пермской обл. в 1970-е годы.

№ 179. Шаповалова. № 61. Зап. в Костромской обл. в 1972 году.

№ 180. Смирнов В. № 397. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 181. Пономарева. № 1 и С. 224. Зап. в Пермской обл. в 1970-е годы. *Расплетание косы* — символ брака.

№ 182. Арефьев. С. 126. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 183. Корепова. Вып. 2. Ч. 1. С. 29. Зап. в Горьковской обл. в 1976 году.

№ 184. Соколовы. С. 519. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 185. Попов. С. 363. Зап. в Вологодской губ. в конце XIX века.

№ 186—187. Смирнов В. № 8, 16. Зап. в Костромской губ. в конце XIX века.

№ 188. Корепова. Вып. 2. Ч. 1. С. 28. Зап. в Калининской области в 1975 году.

№ 189. Вилльер де Лиль-Адам. С. 277. Зап. в Петербургской губ. в первой половине XIX века.

№ 190. Попов. С. 362. Зап. в Вологодской губ. в конце XIX века.

№ 191. Соколовы. С. 522. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 192. Лазарев. С. 68. Зап. на Урале в 20-е годы XX века.

№ 193. Харламов. С. 10. Зап. в Ейске в конце XIX века.

№ 194. Зимин. С. 29. Зап. в Костромской губ. в начале XIX века.

№ 195. Можаровский-II. С. 100. Зап. в Казанской губ. во второй половине XIX века.

№ 196. Шаповалова. № 97. Зап. в Ярославской обл. в 1977 году.

№ 197. Харламов. С. 10. Зап. в Ейске в конце XIX века.

№ 198. Селиванов. С. 130. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

№ 199. Харламов. С. 10. Зап. в Ейске в конце XIX века.

№ 200. Можаровский-II. С. 99. Зап. в Казанской губ. во второй половине XIX века.

№ 201. Шаповалова. № 117. Зап. в Ярославской обл. в 1978 году.

№ 202. Смирнов В. № 238. Зап. в Костроме в начале XX века.

№ 203. Шаповалова. № 135. Зап. в Ярославской обл. в 1979 году.

№ 204—207. Смирнов В. № 384, 432, 115, 277. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

ГАДАНИЯ О ТОЙ СТОРОНЕ, ГДЕ ЖИВЕТ ЖЕНИХ (НЕВЕСТА)

№ 208. Первушин. С. 81. Зап. в Пермской губ. в конце XIX века.

№ 209—210. Корепова. 1976—1982. Ч. 1. С. 27, 29. Зап. в Горьковской обл. в 1970-е годы.

№ 211. Шаповалова. № 44. Зап. в Калининской обл. в 1970 году.

№ 212—214. Арефьев. С. 123, 124, 128. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 215. Смирнов В. № 297. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 216. Шаповалова. № 52. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

ГАДАНИЯ ОБ ИМЕНИ, ВНЕШНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ СУЖЕНОГО (СУЖЕНОЙ)

№ 217. Авдеева. С. 63. Зап. в Сибири в первой половине XIX века.

№ 218. Можаровский-II. С. 101. Зап. в Казанской губ. в конце XIX века.

№ 219. Попов. С. 363. Зап. в Вологодской губ. в конце XIX века.

№ 220. Смирнов В. № 19. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 221. Корепова. Вып. 2. Ч. 1. С. 27. Зап. в Горьковской области в 1974 году.

№ 222—227. Смирнов В. № 69, 72, 340, 378, 368, 302. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 228. Корепова. Вып. 2. Ч. 1. С. 31. Зап. в Горьковской обл. в 1976 году.

№ 229—230. Смирнов В. № 273, 256. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 231. Магницкий. С. 24. Зап. в Казанской губ. во второй половине XIX века.

№ 232—233. Смирнов В. № 203, 20. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 234. Лазарев. С. 68. Зап. на Урале в 20-е годы XX века.

ГАДАНИЯ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНИХА

№ 235. Корепова. Вып. 2. Ч. 1. С. 29. Зап. в Горьковской области в 1976 году.

№ 236. Арефьев. С. 122. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 237—238. Соколовы. С. 521. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 239. Корепова. 1976—1982. Ч. 1. С. 34. Зап. в Горьковской обл. в 1982 году.

№ 240. Смирнов В. № 59. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

ГАДАНИЯ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ, О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

№ 241. Авдеева. С. 62. Зап. в Сибири в первой половине XIX века.

№ 242. Иванов-I. С. 35. Зап. в Тверской губ. в начале XX века.

№ 243. Корепова. 1976—1982. Ч. 1. С. 29. Зап. в Горьковской обл. в 1978 году.

№ 244. Лазарев. С. 69. Зап. на Урале в 20-х годах XX века.

№ 245. Смирнов В. № 117. Зап. в Костромской губ. в начале XX века.

№ 246. Бондаренко. С. 120. Зап. в Тамбовской губ. в конце XIX века.

№ 247. Можаровский-II. С. 104. Зап. в Казанской губ. во второй половине XIX века.

РЯЖЕНИЕ

№ 248. Кудрявцев. С. 110. Зап. в Нижегородской губ. во второй половине XIX века.

№ 249. Лазарев. С. 63. Зап. на Урале в 20-е годы XX века.

№ 250. Завойко-1914. С. 138. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 251. Шаповалова. С. 13. Зап. в Костромской области в 1974 году.

№ 252. Красноженова. С. 71. Зап. в Томской губ. в начале XX века.

НОВОГОДНИЕ ШАЛОСТИ

№ 253. Завойко-1914. С. 146. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 254. Балов-II. С. 125. Зап. в Ярославской губ. в начале XX века.

Масленица

МАСЛЕНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ

№ 255. Копаневич-1903. Зап. в Псковской губ. в начале XX века.

№ 256. Лазарев. С. 97. Зап. на Урале в 20-е годы XX века.

№ 257. Шаповалова. № 158. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

№ 258—259. Соколова. С. 89. Зап. в Пензенской губ. во второй половине XIX века.

№ 260. Соколова. С. 40. Зап. в Тверской губ. в 1874 году.

№ 261. Ефименко. С. 140. Зап. в Архангельской губ. во второй половине XIX века.

№ 262. Зобнин-I. С. 541. Зап. в Тюменском округе в конце XIX века.

№ 263. Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области, Кизлярского округа //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1889. Вып. 7. С. 39.

№ 264. Шейн. С. 333.

№ 265. Шаповалова. № 171. Зап. в Костромской области в 1975 году.

ПЕСНИ ПРИ ВСТРЕЧЕ МАСЛЕНИЦЫ

№ 266. Соколова. С. 64. Зап. в Калужской обл. в 1964. *Сустречают* — встречают.

№ 267. КОПС. № 282. Зап. в Новосибирской обл. в 1968 году.

№ 268. Дубравин В. Русские календарные песни на Украине. М., 1974. № 18. Зап. в Сумской обл. в 1966 году.

№ 269. Копаневич-1903. С. 11. Зап. в Псковской губ. в начале XX века.

№ 270. ПКП. № 349. Зап. в Псковской обл. в 1960-х годах.

№ 271. Зернова. С. 18. Зап. в Московской обл. в 20-х годах XX века. Поют эту песню, когда делают из тряпок куклу «масленицу» и прикрепляют ее либо на крыше, либо над окном.

ПЕСНИ МАСЛЕНИЧНЫХ ГУЛЯНИЙ

№ 272. Фридрих. С. 38. Зап. в Риге в 1959 году. Стихи 13—16. (Типичная детская потешка).

№ 273. ПКП. № 364. Зап. в Калужской обл. в 1930-е годы. Поют на горке. Типичные масленичные частушки.

№ 274. КОПС. № 317. Зап. в Омской обл. в 1971 году. Масленичная песня колядного типа. Скорее всего, обход домов с песнями на масленицу возник как подражание колядованию (ср. № 275—276).

№ 275. Смирнов М-І. С. 19. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 276. ИРЛИ, к. 215, п. 1, № 1. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 277. КОПС. № 280. Зап. в Новосибирской обл. в 1973 году.

№ 278. Лукьянова. № 6. Зап. в Брянской обл. в 1960-е годы. В конце песни голосом тянули «у-у-у». Подобное явление, особенно характерное для украинских, белорусских и южнорусских веснянок, восходит к ритуальным возгласам.

№ 279. ПКП. № 354. Зап. в Вятской губ. в 1927 году. Исполнялась при катании с масленичных гор.

№ 280—281. ПКП. № 358, 362. Зап. в Брянской обл. в 1940 году. *До духа* — до духовя дня.

№ 282. Шаповалова. № 199. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

№ 283. ПКП. № 366. Зап. в Курской губ. в конце XIX века. «На масленичной неделе величают женатых, венчавшихся в текущем году». *Сустрень* — встречай.

№ 284 ПКП. № 369. Зап. в Псковской обл. в 1964 году. «Величание молодоженов. Поют во время масленичных приездов зятей к тещам. Если молодые запаздывали, ребята бросали в них лапти».

№ 285. Халанский. С. 90. Зап. в Курской губ. в конце XIX века. Поют молодоженам.

№ 286. ПКП. № 373. Место записи неизвестно.

ПЕСНИ ПРОВОДОВ МАСЛЕНИЦЫ

№ 287. ИРЛИ, к. 215, п. 1, № 1. Зап. во Владимирской губ. в 1920-х годах.

№ 288. Соколова. С. 65. Зап. в Калужской обл. в 1973 году. Петров день — 29 июня.

№ 289. Семевский. С. 143. Зап. в Тверской губ. в середине XIX века. Христов день — рождество.

№ 290. КОПС. № 330. Зап. в Новосибирской обл. в 1976 году.

№ 291. Копаневич-1912. С. 7. Зап. в Псковской губ. в начале XX века.

№ 292. Шаповалова. № 198. Зап. в Калининской обл. в 1970 году.

№ 293. ТФНО. № 296. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Мясоед — время от великого поста до рождества.

№ 294. Пономарева. С. 224, 26. Зап. в Пермской обл. в 1970-х годах.

№ 295. Шаповалова. № 184. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

№ 296. Копаневич-1907. № 9. Зап. в Псковской губ. в начале XX века.

№ 297. Соколова. С. 63. Зап. в Рязанской обл. в 1960 году. «Вставка «тырь, тырь», и особенно возглас «ура» показывают, что это были радостные крики, когда разгорался костер».

Встреча весны

«КЛИКАНИЕ ВЕСНЫ»

№ 298. Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986. С. 440. Зап. в 1860-х годах.

№ 299. Шереметева. С. 35. Зап. в Калужской губ. в 1920-х годах.

№ 300. Красноженова. С. 72. Зап. в Томской губ. в начале XX века.

№ 301. ПКП. С. 26. Зап. в Рязанской губ. в 1925 году.

№ 302. Шейн. № 1175. Зап. в Курской губ. во второй половине XIX века.

№ 303. Успенский. С. 104. Зап. в Тульской губ. в начале XX века.

ВЕСНЯНКИ

№ 304. ПКП. № 416. Зап. в Рязанской обл. в 1967 году. «Поют (...), сидя на крышах изб с печеньем в виде жаворонков. После пения головки «птичек» отрывают и натыкают на солому крыш, а остальное съедают. Поют небыстро, мелодично, четко донося каждое слово этой поэтичной песни-заклички».

№ 305. КОПС. № 378. Зап. в Новосибирске в 1976 году.

№ 306—307. Лукьянова. С. 18. Зап. в Брянской обл. в 1960-х годах.

№ 308. ПКП. № 432. Зап. в Смоленской обл. в 1969 году. *Город — огород.*

№ 309. ПКП. № 426.

№ 310. Соколова. С. 74. Зап. в Калужской губ. в 1850 году. Пели накануне вербного воскресенья и благовещенья.

№ 311. Зап. А. Розовым (личный архив) в 1981 году в Смоленской обл. Поют на проталинах на берегу Днепра на благовещенье.

№ 312. Зап. А. Розовым (личный архив) в Смоленской области в 1983 году. Пели на благовещенье.

№ 313. ПКП. № 408. Зап. в Смоленской обл. в 1969 году. В этой песне, как и в других (№ 302, 314, 315), употреблены типичные для заговоров образы замков и ключей, при помощи которых весна или ее вестники — птицы должны были «замкнуть зиму» и «отомкнуть лето».

№ 314. ПКП. № 424. Зап. в Брянской обл. в 1960-х годах.

№ 315. Зап. А. Розовым (личный архив) в Смоленской обл. в 1981 году.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ОБРЯДЫ

СРЕДОКРЕСТИЕ-ПРЕПОЛОВЕНИЕ

№ 316. Максимов. С. 382.

№ 317. Зернова. С. 21. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

№ 318. Соколова. С. 149, 95. Место записи неизвестно.

№ 319. Соколова. С. 96. Зап. в Костромской обл. в 1959 году.

№ 320. Шаповалова. № 238. Зап. в Костромской обл. в 1974 году.

№ 321. ИРЛИ, к. 196, п. 3, № 89. Зап. в Костромской обл. в 1959 году.

№ 322. ИРЛИ, к. 196, п. 4, № 3. Зап. в Костромской обл. в 1959 году.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

№ 323. Максимов. С. 382.

№ 324. Шаповалова. С. 44. Зап. в Ярославской обл. в 1977 году.

№ 325. Фридрих. С. 39. Зап. в Латв. ССР.

№ 326. Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные В. Бахтиным. Л., 1982. № 148. Зап. в Ленинградской обл. в 1970-х годах.

№ 327. Соколова. С. 100. Зап. в Пензенской губ. в 1899 году.

ВЕЛИКИЙ («ЧИСТЫЙ») ЧЕТВЕРГ

№ 328. Максимов. С. 390.

№ 329. Иваницкий. С. 129. Зап. в Вологодской губ. во второй половине XIX века.

№ 330. Максимов. С. 395.

№ 331. Свирелина. С. 119. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

№ 332. Иваницкий. С. 129. Зап. в Вологодской губ. во второй половине XIX века.

№ 333. Герасимов. С. 125. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 334. Свирелина. С. 119. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

№ 335. Соколова. С. 108. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

№ 336. Зернова. С. 22. Зап. в Московской области в 1920-х годах.

№ 337. Шереметева. С. 57. Зап. в Калужской губ. в 1920-х годах.

№ 338. Шаповалова. № 280. Зап. в Костромской обл. в 1974 году.

№ 339. Иваницкий. С. 129. Зап. в Вологодской губ. во второй половине XIX века.

№ 340. Шаповалова. № 278. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.

№ 341. Иваницкий. С. 129. Зап. в Вологодской губ. во второй половине XIX века.

№ 342. Соколова. С. 106. Зап. в Сибири в начале XIX века.

№ 343. Шаповалова. № 282. Зап. в Костромской обл. в 1974 году.

ПАСХА

ПАСХАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

№ 344. Болонев. С. 129. Зап. Бурятской АССР в 1970-х годах.

№ 345. Максимов. С. 418.

№ 346. Соколова. С. 112. Зап. в Ярославской губ. во второй половине XIX века.

№ 347. Болонев. С. 131. Зап. в Бурят. АССР в 1920-х годах.

№ 348. Зернова. С. 23. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

№ 349. Макаренко. С. 163. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 350. Максимов. С. 408.

№ 351. Фридрих. С. 40. Зап. в Латв. ССР в 1947 году.

№ 352. Соколова. С. 116, 152. Зап. в Горьковской обл.

№ 353. Макаренко. С. 162. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

№ 354—355. Максимов. С. 409, 419.

ВОЛОЧЕБНЫЕ ПЕСНИ

№ 356. Копаневич-1907. С. 6. Зап. в Псковской губ. в начале XX века. Припев после каждого стиха. «Песня «волынщиков», или «лалынщиков» — девушек и молодых женщин, ходящих в первые дни святой недели по своей деревне и по соседним». *Заводчушка* — запеваала; *подводчушки* — хор. *Христов день* — рождество; *Егорий-свет* — день св. Егория; *Микола-свет* — николин день (весенний); *Илья святая* — ильин день.

№ 357. Николаев П. Песни, поговорки, пословицы и проч. — Труды Псковского Археологического Общества. Псков, 1912. Вып. 8. С. 202. Зап. в Псковской губ. в начале XX века. Припев после каждого стиха.

№ 358. ПКП. № 471. Зап. в Смоленской губ. во второй половине XIX века. Припев после каждого стиха.

ОКЛИКАНИЕ МОЛОДЫХ («ВЬЮНИНЫ»)

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ПРИ «ОКЛИКАНИИ МОЛОДЫХ»

№ 359. Тихонравов. С. 41. Зап. во Владимирской губ. в середине XIX века.

№ 360. АГО, ф. 18, оп. 1, № 21. Зап. в Костромской губ. в 1853 году.

№ 361. Соколова. С. 134. Зап. в Ярославской губ. в начале XX века.

ВЬЮНИШНЫЕ ПЕСНИ

№ 362. Груздев. № 4. Зап. в Казанской губ. в начале XX века. Припев после каждого стиха.

№ 363. АГО, р. 23, оп. 1, № 86. Зап. в Нижегородской губ. в 1850-х годах. Припев после каждого стиха.

№ 364. ИРЛИ, к. 263, п. 3, № 90. Зап. в Горьковской обл. в 1971 году. Припев после каждого стиха.

№ 365. ИРЛИ, к. 196, п. 3, № 88. Зап. в Костромской обл. в 1959 году.

№ 366. ИРЛИ, к. 263, п. 4, № 100. Зап. в Горьковской обл. в 1971 году.

№ 367. ИРЛИ, к. 196, п. 4, № 6. Зап. в Костромской губ. в 1920-х годах. Припев после каждого стиха. «Поют взрослые у ворот домов. Молодые и их родители наливают гостям по рюмке и угощают куличом и пасхой, а напоследок дают по яйцу».

№ 368. ПКП. № 489. Впервые — Терещенко. Ч. 4. С. 23. Зап. в Нижегородской губ. в первой половине XIX века.

№ 369. ПКП. № 488. Впервые — Сахаров. Т. 1. Кн. 3. С. 261. Зап. в Костромской губ. в первой половине XIX века.

№ 370. ПКП. № 490. Зап. в Костромской губ. в начале XX века. Припев после каждого двустушия. Песня представляет собой лирическую песню с выюнишным припевом.

ПЕРВАЯ ПАХОТА И ВЕСЕННИЙ СЕВ

ОБЫЧАИ ЕГОРЬЕВА ДНЯ

№ 371. Зернова. С. 24. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

№ 372. Добровольский-1908. С. 150. Зап. в Смоленской губ. в конце XIX — начале XX веков.

№ 373. Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии//Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Труды этнографического отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Труды этнографического отдела. М., 1889. Кн. 9. Вып. 1. С. 126. Конец XIX века.

№ 374. Добровольский-1908. С. 152. Зап. в Смоленской губ. в конце XIX — начале XX веков.

№ 375. ПКП. С. 27. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

№ 376. Соколова. С. 161. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

№ 377. Костоловский. С. 131. Зап. в Ярославской губ. в конце XIX века.

№ 378. Соколова. С. 165. Зап. в Новгородской губ. в конце XIX века.

№ 379. Семенова. С. 199. Зап. в Рязанской губ. в конце XIX века.

ЕГОРЬЕВСКИЕ ПЕСНИ

№ 380. ИРЛИ, к. 185, п. 1, № 33. Зап. в Костромской губ. в 1923 году.

№ 381. Шаповалова. № 259. Зап. в Костромской обл. в 1972 году. Пели ребятишки и подростки. «Вставали примерно в два часа ночи и вот будили всю окрестность пением».

Зеленые святки

ВОЗНЕСЕНИЕ. СЕМИК. ТРОИЦА

№ 382. Семенова. С. 200. Зап. в Рязанской губ. в конце XIX века.

№ 383. ПСЧСП. С. 10. Зап. в Саратовской губ. в первой половине XIX века. *Радышевчина* — часть села.

№ 384. Городцов. С. 193. Зап. в Сибири в начале XX века.

№ 385. Ушаков. С. 162. Зап. в Рязанской губ. в конце XIX века.

№ 386. Шейн. С. 358. Зап. во Владимирской губ. в 1850-х годах.

№ 387. Кедрина. С. 101. Зап. в Калужской губ. в 1909 году.

Кстить — крестить.

№ 388. Вилльер-де-Лиль-Адам. С. 75. Зап. в Петербургской губ. в середине XIX века.

СЕМИКОВЫЕ И ТРОИЦКИЕ ПЕСНИ

№ 389. Кирюхин. № 260. Зап. в Дагестане в 1960-х годах. Поют в хороводе.

№ 390. КОПС. № 407. Зап. в Приморском крае в 1968 году. Каждый стих, кроме припева, повторяется.

№ 391. Кирюхин. № 264. Зап. в Дагестане в 1960-х годах.

№ 392. Завойко. С. 152. Зап. во Владимирской губ. в начале XX века.

№ 393. ПКП. № 493. Отрывок редкой песни, сохранившейся от древнего обычая обходить дворы в семик так же, как ходили в святки.

ПЕСНИ НА ЗАВИВАНИИ ВЕНКОВ

№ 394. КОПС. № 389. Зап. в Новосибирской обл. в 1977 году.

№ 395. Серебренников. С. 237. Зап. в Пермской обл. в 1920-х годах. Поют, когда завивают березку.

№ 396. КОПС. № 429. Зап. в Новосибирской обл. в 1974 году.

№ 397. Шаповалова. № 343. Зап. в Калининской обл. в 1970 году.

№ 398. Сорокин. С. 27. Зап. в Московской обл. в 1946 году. Поют, когда завивают березку.

№ 399. Сорокин. С. 29. Зап. в Московской обл. в 1977 году.

№ 400. Фридрих. № 43. Зап. в Латв. ССР в 1963 году.

№ 401. Пономарева. С. 23, 228. Зап. в Пермской обл. в 1970-х годах.

№ 402. Шаповалова. № 349. Зап. в Костромской обл. в 1973 году.

ПЕСНИ ГАДАНИЙ НА ВЕНКАХ

№ 403. КОПС. № 402. Зап. в Новосибирске в 1973 году.

№ 404. Соколова. С. 209. Зап. в Тат. АССР в 1958 году.

№ 405. Кирюхин. № 269. Зап. в Дагестане в 1970-х годах. «Пели девушки, когда несли венок топить».

№ 406. Зайцев. С. 84. Зап. на Урале в 1920-х годах. «Хоровод поет».

№ 407. Фридрих. № 44. Зап. в Латв. ССР в 1926 году.

№ 408—409. Серебренников. С. 240. Зап. в Пермской обл. в 1920-х годах. «Поют, когда березку хоронят». С. 240. «Поют, когда венок пускают по воде». *Завет завечать* — давать обет, зарок; (по) клясться.

МАЙСКИЕ ПЕСНИ

№ 410. Зап. А. Н. Розовым (личный архив) в Смоленской обл. в 1981 году. Припев после каждого стиха.

№ 411. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 74. Зап. в Смоленской обл. в 1981 году. Припев после каждого стиха.

№ 412. Зап. А. Розовым (личный архив) в Смоленской области в 1983 году. Припев после каждого стиха.

№ 413. ИРЛИ, к. 273, п. 1, № 69. Зап. в Смоленской обл. в 1979 году. Припев после каждого стиха.

«ПРОВОДЫ РУСАЛКИ»

№ 414. Гринкова. С. 178. Зап. в Воронежской обл. в 1930-х годах.

№ 415. Гребнер. С. 28. Зап. в Симбирской губ. во второй половине XIX века.

№ 416. Шейн. С. 366. Зап. в Рязанской губ. в 1876 году.

№ 417. Семенова. С. 202. Зап. в Рязанской губ. в конце XIX века.

«ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ»

№ 418. Добрынкина-1874. С. 100. Зап. во Владимирской губ. во второй половине XIX века.

- № 419. Лукьянова. С. 80. Зап. в Брянской обл. в 1960-х годах.
№ 420. ПКП. № 625. Зап. в Саратовской обл. в 1957 году.

«ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЮ»

- № 421. Соколовы. С. 403. Зап. в Новгородской губ. в начале XX века.

Праздник летнего солнцеворота

ИВАН КУПАЛА

ОБРЯДЫ НА ИВАНА КУПАЛУ

- № 422. Максимов. С. 473. *Бурак* — берестяной кузов; корзинка.

ГАДАНИЯ

- № 423. Иванов-И. С. 15. Зап. в Тверской губ. в начале XX века.
№ 424. Шаповалова. № 385. Зап. в Калининской обл. в 1969 году.
№ 425. Шаповалова. № 389. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.
№ 426. Соколова. С. 259. Зап. в Архангельской и Вологодской обл. в 1960—1970-х годах.
№ 427. Арефьев. С. 122. Зап. в Енисейской губ. в конце XIX века.

КУПАЛЬСКИЕ ПЕСНИ

- № 428—429. КОПС. № 488, 491. Зап. в Томской обл. в 1970 году.
№ 430. КОПС. № 477. Зап. в Омской обл. в 1968 году. *Петр* — петров день; *Юрий* — св. Георгий Победоносец.
№ 431. КОПС. № 479. Зап. в Новосибирской обл. в 1975 году.
№ 432—433. ПКП. № 636, 635. Зап. в Смоленской обл. в 1969 году.
Каждый четный стих повторяется. Пели во время обхода домов. С песней «шли гнать ведьм с жита»: жгли колеса около поля. Священное — освященное.
№ 434. ПКП. № 643. Зап. в Тверской губ. во второй половине XIX века. Исполнялась накануне иванова и петрова дней: девушки «заклинали» ведьм, сидя на крышах бань, считавшихся убежищем нечистой силы.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

- № 435. Соколова. С. 259. Зап. в Тульской губ. в начале XIX века.
№ 436. Соколова. С. 253. Зап. в Тульской губ. в 1912 году.
№ 437. Шаповалова. № 394. Зап. в Калининской обл. в 1971 году.
№ 438. Добровольский-1902. С. 208.

Конец лета

ЖАТВА

- № 439. Зернова. С. 30. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.
№ 440. Селиванов. С. 49. Зап. во Владимирской губ. в середине XIX века.
№ 441. Завойко-1917. С. 16. Зап. в Костромской губ. в 1916 году.
№ 442. Зернова. С. 35. Зап. в Московской обл. в 1920-х годах.

ЖНИВНЫЕ ПЕСНИ И ПРИГОВОРЫ

- № 443. КОПС. № 514. Зап. в Новосибирской обл. в 1973 году.
№ 444. ПКП. № 684. Зап. в Курской обл. Покосная песня.
№ 445. АКФ. 1978. П. 8. Т. 13. Зап. в Архангельской области в 1978 году.
№ 446. ПКП. № 699. Зап. в Смоленской губ. во второй половине XIX века.
№ 447. ПКП. № 695. Зап. в Псковской обл. в 1964 году.
№ 448. ПКП. № 691. Зап. в Псковской губ. во второй половине XIX века. *Долговая нива* — поле, обрабатываемое в порядке взаимопомощи.
№ 449—452. Савушкина. С. 25. № 17. С. 24. № 16. С. 24. № 20. С. 25. № 19. Зап. в Архангельской области в 1970-х годах.
№ 453. АКФ. 1978. П. 8. Т. 1. Зап. в Архангельской обл. в 1978 году.
№ 454. Савушкина. С. 24. № 15. Зап. в Архангельской обл. в 1970-х годах.
№ 455. ПКП. № 723. Зап. в Архангельской обл. в 1920-х годах. «Жней пели, выстроившись в ряд и повернувшись лицом к «лету», т. е. к солнцу». Последнее двуступище повторяется.
№ 456. ПКП. № 721. Зап. в Смоленской обл. в 1940-х годах. Каждый четный стих повторяется.

№ 457. ПКП. № 718. Зап. в Псковской обл. в 1966 году.

№ 458. Шейн. № 1273. Зап. в Смоленской губ. во второй половине XIX века. *Спорын(ь)я* — «во время жатвы, как жнецы, так и жницы стараются найти на одном стебле самое большое число колосьев. Если таковых найдется 12, то он называется «житной маткой», или «спорыньей» (...) Нашедшие эти колосья хранят их как зеницу ока в продолжение всего года, приберегая их к посеву, во время которого их рассеивают первыми, с твердой надеждой на получение от них обильного урожая».

ГЛАВНЫЕ ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

№ 459—460. Максимов. С. 498, 506.

№ 461. Балов-І. С. 129. Зап. в Ярославской губ. в конце XIX века.

№ 462. Максимов. С. 508.

№ 463. Минх. С. 110. Зап. в Саратовской губ. во второй половине XIX века.

№ 464. Коропова. 1976—1982. Ч. 1. № 654, 657, 664, 651, 667. Зап. в Горьковской области.

№ 465. АКФ. 1972. Т. 7. № 481, 482. Зап. в Калужской обл. в 1972 году.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

СВАДЬБА

Свадебные песни

№ 466. Деревенская свадьба. Рассказ Старорусской крестьянки // НГВ. 1869. № 8. Записал В. С-в. *Понимайте стыд — то есть имейте стыд. Опроставьте место — освободите место. Мостіна пива — здесь как шутка: мостина — ларь. Пахать избу — подметать.*

СВАТОВСТВО

№ 467. Савушкина. № 43. Зап. в Архангельской обл. (на Пинеге) в 1970 году. *Кушкопала* — селение на Пинеге.

№ 468. Шейн. № 1370. Зап. в Вологодской губ. Исполнялась как песня или причитание на просватанье, рукобитии или перед отъездом к венцу.

№ 469. Колпакова. № 44. Зап. в Карелии в 1926 году.

№ 470. Круглов-II. № 199. Зап. в Калужской обл. в 1971 году. Припев после каждых двух стихов.

№ 471. Киреевский. № 683. Зап. в Воронежской губ. Прислано А. фон Кремером в письме на имя А. А. Краевского в 1848 году. В 14-й строке исправлено ошибочное «распоясалась» на «расплясалась».

№ 472. ТФНО. № 302. Зап. в Новгородской обл. в 1971 году. Исполнялась невесте в день просватанья или в день свадьбы до отъезда к венцу.

№ 473. Колпакова. № 24. Зап. на Тубинском руднике в Башкирии в 1938 году. Исполнялась сговоренной паре на вечеринках или на просватанье.

№ 474. Колпакова. № 11. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году. Исполнялась сговоренной паре на вечеринках, гуляньях, на просватанье, на предсвадебной неделе.

№ 475. Якушкин, № 3. Зап. в Орловской губ.

№ 476. Гагенторн. С. 177—178. Зап. в Тамбовской губ. в семье И. А. Зимина. Исполнялась на просватанье или в доме жениха во время «парневика».

ПОСЛЕ ПРОСВАТАНЬЯ

№ 477. Якушкин. № 9. С. 664. Зап. в Архангельской губ. С. В. Максимовым.

№ 478. Колпакова. № 125. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Свойка — свояченица, сестра жены.

№ 479. Колпакова. № 57. Зап. в Мурманской обл. в 1932 году. Кроватка кисовая — тесовая.

№ 480. Савушкина. № 55. Зап. в Архангельской обл. (на Пинеге) в 1970—1972 годах. Исполнялась на «зарученье», когда невесту выводили на «смотренье» жениху.

№ 481. Калужникова. № 3. Зап. в Свердловской обл. в 1973 году. Исполняли после рукобитья сидящим за столом родственникам жениха.

№ 482. Киреевский. № 732. Место записи не указано.

№ 483. Колпакова. № 183. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году. Всочь — т. е. напротив (глаза в глаза).

№ 484. Чулков. № 30. С. 745. Исполнялась на сговоре и девичнике.

№ 485. Синцов, л. 72. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году. В рукописи в первой строке вместо «свивалось» — «ссыкалось».

№ 486. Потанина-II. № 220. Зап. в Красноярском крае в 1906 году А. А. Макаренко.

№ 487. ЭС. С. 221. Зап. в Воронежской губ. в 1848 году П. Малыхиным. В строке 8 — «с своей».

№ 488. ЭС. С. 220. Зап. в Воронежской губ. в 1848 году П. Малыхиным.

№ 489. Колпакова. № 93. Зап. в Архангельской губ. в 1927 году.

№ 490. Колпакова. № 124. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году.

№ 491. Колпакова. № 131. Зап. в Свердловской обл. Близкий вариант: Киреевский, № 79.

№ 492. Синцов, л. 31—32. Зап. в Архангельской обл. в 1915 году. *Пяточка* — здесь: часть прялки.

№ 493. Чесноков. С. 64. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. Исполнялась на сговоре всем, кто одаривал невесту.

№ 494. Чистов. № 328. Впервые: Бахтин. № 51. Зап. в Ленинградской обл. в 1957 году.

№ 495. ТФНО. № 329. Зап. в Новгородской обл. в 1966 году. Исполнялась на рукобитии и на девичнике сидящим за столом жениху и невесте.

ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

№ 496. ТФНО. № 316. Зап. в Новгородской обл. в 1974 году. Исполнялась на сговоре, во время шитья приданого, на девичнике.

№ 497. Синцов, л. 48. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году. *Швэцки* — швен. *Покройщички* — кроильщицы. *Льзя* — можно. *Шурья* — братья жены.

№ 498. Савушкина. № 40. Зап. в Архангельской обл. (на Пинеге) в 1970 — 1972 годах. Близкие варианты: Киреевский. № 65, 763, 769, 792. *Повод вы́садила* — т. е. вышила, выставила серебряной нитью.

№ 499. Колпакова. № 145. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Исполнялась на предсвадебной неделе в время «бужения жениха» подругами невесты. *Ворово́* — быстро, по-воровски.

№ 500. Чесноков. С. 68. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. Исполнялась в промежутке от сговора до свадьбы, когда в доме невесты варили пиво. *Спичечка оселитряная* — облитая селитрой. *Челó* — здесь: наружное отверстие русской печи.

№ 501. Колпакова. № 184 — «Зóря». Зап. в Ленинградской обл. в 1923 году. Исполнялась на предсвадебной неделе и на девичнике.

ДЕВИЧНИК

№ 502. ТФНО. № 303. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году.

№ 503. Чесноков. С. 66. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. Исполнялась в бане, когда подружки раздевали невесту и поочередно расплетали ее косу.

№ 504. Зеленин. № 76 (66а). Зап. в Новгородской губ. Стихи 5, 7, 9, 11, 13 поются дважды.

№ 505. Зеленин. № 94. Зап. в Новгородской губ. Исполнялась, когда невеста возвращалась из бани — «Зоря».

№ 506. Киреевский. № 332. Зап. в Московской губ. в 1833 году.

№ 507. Киреевский. № 305. Зап. в Московской губ. в 1832 году.

№ 508. Киреевский. № 117. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским.

№ 509. Орехов. С. 308—309. Зап. в Псковской губ. в 1872 году на свадьбе в доме Гаврилы Петрова.

№ 510. Киреевский. № 152. Зап. в Псковской губ. в с. Михайловское в 1824 году А. С. Пушкиным. Опубликована В. Ф. Миллером в статье «Пушкин как поэт-этнограф» (М., 1899).

№ 511. Львов-Прач. № 119. Со второго стиха каждый последующий, кроме последнего, повторяется дважды.

№ 512. ТФНО. № 312. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Широко известная в северных деревнях песня, исполнялась, как правило, на девичнике. *Краснянское, крылошанское* поля — по именам деревень.

№ 513. Даль. № 16. С. 462. Исполнялась «в пропиванье и в обручение». Близкие варианты: Киреевский. № 119, 236, 327, 659, 757.

№ 514. Киреевский. № 413. Зап. в Калужской губ. Часто встречается с зачином: «Не долго веночку во горенке (на стеночке, на гвоздике, на стопочке и т. д.) висеть. Не долго Оленушке во девушках сидеть...»

№ 515. Потанина-II. № 245. Зап. в Красноярском крае в 1906 году А. А. Макаренко.

№ 516. Шаповалова. № 902. Зап. в Костромской обл. в 1972 году. Исполнялась на девичнике, когда выносили «красоту» — украшенную лентами и бумажными цветами елочку — из-за стола.

№ 517. Круглов-II. № 213. Зап. в Калужской обл. в 1972 году.

№ 518. Киреевский. № 714. Зап. в Симбирской губ. Пели на рукобитии (запое) и на девичнике.

№ 519. Балашов-I. № 7. Зап. в Мурманской обл. в 1961 году.

№ 520. Киреевский. № 118. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским. Примечание собирателя: «Песня повторялась с обращения к матери:

Во саду, во садике моем и проч.
Жалобно своей матушке говорит:
«Бог судит родимыя матушке и проч.»

№ 521. ТФНО. № 328. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году. Каждое последнее слово повторяется.

№ 522. Колпакова. № 254. Зап. в Куйбышевской обл. в 1953 году. Исполнялась на девичнике и утром в доме невесты в день венчания.

№ 523. Шаповалова. № 945. Зап. в Ярославской обл. в 1979 году. Пели на девичнике или у парня на вечерке (парневи́ке).

№ 524. Смирнов. 1922. С. 13. Зап. во Владимирской губ. П. Логиновым.

№ 525. Киреевский. № 120. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским.

№ 526. Песни Печоры. № 296. Зап. в Архангельской обл. в 1956 году. Широко бытовала в районах русского Севера. Близкие варианты: Киреевский. № 19, 980.

№ 527. Киреевский. № 121. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским.

№ 528. Киреевский. № 208. Зап. в Тверской губ. Передана П. В. Киреевскому И. М. Снегиревым. *Селигёрская вода* — от: *Селигёр* — озеро в Тверской губ. (Калининской обл.).

№ 529. Киреевский. № 272. Зап. в Москве. В предпоследнем стихе: «перевоз есть» вместо «перевозы есть».

№ 530. Киреевский. № 122. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским.

№ 531. Шаповалова. № 897. Зап. в Ярославской обл. в 1971 году.

№ 532. Киреевский. № 139. Зап. в Псковской губ. в с. Михайловское в 1824 году А. С. Пушкиным. Опубликовано В. Ф. Миллером в статье «Пушкин как поэт-этнограф» (М., 1899).

№ 533. Киреевский. № 1030. Впервые: Глазуновский сборник. № 28 (Новейший, всеобщий и полный песенник, или собрание всех употребительных доселе известных, новых и старых песен лучших в сем роде сочинителей в шести частях. Спб., 1819 — 73 свадебные песни).

№ 534. Киреевский. № 914. Впервые: Веселая эрата. № 32 (Веселая эрата на русской свадьбе, или новейшее и полное собрание всех доныне известнейших свадебных ста тридцати трех песен, употребительных как в столицах, так и в других городах. М., 1801). *Нарóком* — не случайно, умышленно, специально.

№ 535. ТФНО. № 318. Зап. в Новгородской обл. в 1974 году.

№ 536. Орехов. С. 309. Зап. в Псковской губ. в 1872 году на свадьбе в доме Гаврилы Петрова. *Твоя матушка с чужих людей* — т. е. привезена из других мест, сама испытала горечь разлуки с родным домом.

№ 537. Колпакова. № 177. Зап. в Горьковской обл. в 1949 году.

№ 538. Чулков. № 42. С. 754.

№ 539. Киреевский. № 100. Зап. в Пермской губ. Пели в конце девичника, когда уходили все гости. *Венок с пелепелками* — девичий голов-

ной убор, унизанный жемчугом и украшенный блестками, мишурой, фольгой, камнями.

№ 540. Шаповалова. № 928. Зап. в Костромской обл. в 1974 году. Пели в конце девичника.

№ 541. Киреевский. № 791. Место и год записи не указаны. *Щетка* — часть ноги лошади над копытным сгибом.

День свадьбы

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ДО ВЕНЧАНИЯ

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ В ДОМЕ ЖЕНИХА

№ 542. Киреевский. № 114. Зап. в Новгороде в 1834 году П. В. Киреевским.

№ 543. Чулков. № 37. С. 751.

№ 544. Колпакова. № 208. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году. Припев повторяется после каждых двух стихов.

№ 545. Даль. № 39. С. 475. Редкий текст, в сюжете которого использованы образы позднего времени (обычно молодец и девушка играют в шахматы).

№ 546. Зеленин. № 86. Зап. в Новгородской губ. в 1897 году. Примечание собирателя: «При пении последнее слово каждого стиха повторяется. Если же в этом слове меньше 3-х слогов, то повторяется два последних слова, напр. «соловей сиди». *Стенул* — т. е. стегнул, ударил.

№ 547. Зеленин. № 87. Зап. в Новгородской губ. в 1897 году. Припев после первого стиха дан на основании примечания собирателя: «После каждого стиха припев «Ай люли» с повторением последнего слова в стихе».

№ 548. ТФНО. № 335. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году. Близкий вариант: Шейн. № 1652. *Кони горлывые* — от: гордый.

№ 549. ТФНО. № 322. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Вариант широко известной песни. В тексте — мотивы корильной песни «Гордена» (см. № 616).

№ 550. ТФНО. № 337. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Исполнялась во время сборов поезда жениха. С 10-го стиха каждый второй стих повторяется.

№ 551. ТФНО. № 334. Зап. в Новгородской обл. в 1972 году.

№ 552. Киреевский. № 149. Зап. в Псковской губ. в с. Михайловское в 1824 году А. С. Пушкиным. Примечание: «или — «укатайте», смотря по времени года» — к 6-му стиху. Поется также:

Не печалься, княгиня-душа!
Поведем мы коней в кузницу,

Подкуем коней подковами,
Подковами-то булатными. (К 9-му стиху.)

Опубликовано В. Ф. Миллером в статье «Пушкин как поэт-этнограф» (М., 1899).

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ

№ 553. Киреевский. № 611. Зап. в Орловской губ. П. И. Якушкиным. В примечании к песне П. В. Киреевским внесены поправки: к стиху 11—«приподымуся»; к стиху 14 — «набелилася»; к стиху 15 — «нарумянилася»; к стиху 17 — «Бела-города»; к стиху 24 — «на вороных конях».

№ 554. Потанина-II. № 295. Зап. в Омской обл. в 1953 году.

№ 555. Липовецкая. № 11. Зап. в Свердловской обл. в 1981 году. Исполнялась в разные моменты свадьбы. Каждый стих повторяется дважды.

№ 556. ЭС. С. 222. Зап. в Воронежской губ. в 1848 году П. Малыхиным.

№ 557. Орехов. С. 313. Зап. в Псковской губ. в 1912 году на свадьбе в доме крестьянина Григория Титова. Смородина — речка Смородина, упоминаемая в исторических песнях.

№ 558. Львов-Прач. № 114. Впервые: Чулков. № 34.

№ 559. Чулков. № 48. С. 758.

ПРИЕЗД СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА В ДОМ НЕВЕСТЫ И ОТЪЕЗД К ВЕНЦУ

№ 560. Колпакова. № 222. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году.

№ 561. ТФНО. № 346. Зап. в Новгородской обл. в 1967 году.

№ 562. Киреевский. № 214. Зап. в Тверской губ. Передана П. В. Киреевскому И. М. Снегиревым. *Сарачинский* (сарацунский) — здесь: заморский, дорогой.

№ 563. Шейн. № 2496. Зап. в Иркутской губ. А. А. Доброхотовым.

№ 564. Новикова. № 51. Зап. в Тульской обл. в 1975 году. Припев повторяется после каждого двустишия.

№ 565. Киреевский. № 306. Зап. в Московской губ. в 1832 году П. В. Киреевским.

№ 566. Шейн. № 1606. Зап. в Вятской губ. *Полотенца дубовые* — т. е. дверь.

№ 567. Киреевский. № 638. Зап. в Орловской губ. в 1843 году П. И. Якушкиным. Из коллекции — «Песни, собранные летом 1843 г.»

№ 568. Чулков. № 36. С. 750.

№ 569. Шаповалова. № 1288. Зап. в Калининской обл. в 1971 году. Исполняли в доме невесты и после венца у дома жениха.

№ 570. Киреевский. № 909. Впервые: Веселая эрата (см. № 534).

№ 571. Чулков. № 49. С. 759.

№ 572. ТФНО. № 352. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Близкий вариант: Шейн. № 1734.

№ 573. Балашов-I, № 19. Зап. в Мурманской обл. в 1962 году.

№ 574. Гиппиус. С. 86—87. Зап. в Вологодской обл. в с. Ферапонтово на фонограф в 1937 году. Каждый стих, начиная со второго, повторяется дважды.

№ 575. Мехнецов-II. № 7. Зап. в Томской обл. в 1969 году. Исполнялась на девичнике и утром в день свадьбы до венца. Огласовки сняты.

№ 576. Киреевский. № 634. Зап. в Орловской губ. в 1843 году П. И. Якушкиным. Из коллекции — «Песни, собранные летом 1843 г.».

№ 577. Чесноков. С. 73—74. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах.

№ 578. Зеленин. № 64. Зап. в Новгородской губ. При пении каждый стих песни повторяется дважды. Вся песня повторяется три раза, причем последние стихи меняются. Второй раз поют: «По бережку матушка гуляё». В третий раз: «По бережку Митюшка гуляё».

№ 579. Песни Печоры. № 298. Зап. в Архангельской обл. в 1956 году. Близкие варианты: Киреевский. № 359, 526, 682. Шейн. № 1769, 1837, 2315, 2429.

№ 580. Киреевский. № 784. Место записи не указано. 9-й и 19-й стихи разделены на 2 (9—10, 19—20).

№ 581. Колпакова. № 244. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году. От сербѹту — от звука чеботов (искажено).

№ 582. Львов-Прач. № 112. Впервые: Чулков. № 31 (без двух первых строк). По первой публикации исправлено ошибочное «присватаю» на «присвашью». Я сам сѣм — т. е. седьмой.

№ 583. Новикова. № 13. Зап. в Тульской обл. в 1960 году.

№ 584. Киреевский. № 275. Зап. в Московской губ. в 1832 году П. В. Киреевским.

№ 585. Киреевский. № 35. Зап. в Шенкурске Архангельской губ. Год записи не указан.

№ 586. ЭС. С. 222. Зап. в Воронежской губ. в 1848 году П. Малихиным.

№ 587. Якушкин-II. № 466. Зап. в Тверской губ. П. И. Якушкиным. Помета П. А. Бессонова: «...Очень хороша» (С. 293). Пели на девичнике и перед отъездом к венцу.

№ 588. Якушкин-II. № 166. Зап. в Орле П. И. Якушкиным от извоз-

чика. Примечание собирателя: «...вторая по входе жениха в первый раз к невесте, поется девушками и подругами».

№ 589. Синцов, л. 64. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году.

№ 590. Синцов, л. 80—81. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году.

№ 591. ТФНО. № 348. Зап. в Новгородской области в 1967 году.

№ 592. Пьянкова. № 22. Зап. в Смоленской обл. в 1970 году. «Поют, когда невесту салят за стол, чтобы дарить» (С. 34). Каждый стих повторяется дважды.

№ 593. Чулков. № 41. С. 754.

№ 594. Балашов-II. № 9. С. 259. Зап. в Вологодской обл. *Свигальни города* — искаженное: во все дальни (объяснение собирателя).

№ 595. Колпакова. № 269. Зап. в Архангельской обл. в 1929 году.

№ 596. ТФНО. № 357. Зап. в Новгороде в 1972 году.

№ 597. ТФНО. № 358. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году.

№ 598. Шаповалова. № 1022. Зап. в Костромской обл. в 1974 году.

№ 599. Колпакова. № 262. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Исполнялась на просватанье и при отъезде к венцу. *Первоображна княгиня* — т. е. новобрачная.

№ 600—601. Чесноков. С. 76, 78. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах.

№ 602. Киреевский. № 610. Зап. в Орловской губ. П. И. Якушкиным.

СИРОТСКИЕ ПЕСНИ

№ 603. ТФНО. № 313. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Исполнялась сироте на девичнике и в момент отъезда к венцу. Каждый стих повторяется дважды.

№ 604. ТФНО. № 344. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Исполняли при благословении невесты-сироты.

№ 605. Чистов-II. № 400. Зап. в Олонецкой губ. в 1868—1880 годах от И. А. Федосовой. Исполнялась сироте.

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

ВСТРЕЧА МОЛОДЫХ. СВАДЕБНЫЙ ПИР

№ 606. Синцов, л. 77—78. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году.

№ 607. ТФНО. № 365. Зап. в Новгородской обл. в 1967 году. Приурочение устойчивое — встреча молодых у околицы. *Совил со белого миткалёчка* — т. е. надел женский головной убор — повойник.

№ 608. Шаповалова. № 1284. Зап. в Ярославской обл. в 1977 году.

№ 609. Колпакова. № 274. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Сто локот порчён — т. е. сто локтей портен — холста (локоть — старинная линейная мера длины, около 0,5 м).

№ 610. Киреевский. № 47. Зап. в Шенкурске Архангельской губ. Год записи не указан. В стихе 48 после слова «Лада» называется имя жениха (примечание собирателя). Припев повторяется после каждого стиха. Золотой подзатыльник — широкая оборка на тыльной стороне кокошника.

№ 611. Киреевский. № 92. Зап. в Пермской губ. Исполнялась, когда свахи в доме молодого заплетали невесте две косы и покрывали голову повойником. Исполнялась также на девичнике.

№ 612. Якушкин-І. № 189. Зап. в Орловской губ. в 1843—1844 годах. Исполнялась жениху и невесте перед отправлением к венцу и во время встречи молодых.

№ 613. Киреевский. № 423. Зап. в Калужской губ. П. В. Киреевскому передана Н. А. Костровым.

№ 614. Зеленин. № 85. Зап. в Новгородской губ. в 1897 году. Каждый стих повторяется дважды.

№ 615. ТФНО. № 366. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году.

№ 616. Вишняков, тетрадь 7, л. 90—91. Зап. в Архангельской обл. в 1940 году. Песню называли «Гордёна».

№ 617. Балашов-І. № 35. Зап. в Мурманской обл. в 1962 году. Песня широко бытовала на Терском берегу Белого моря. Исполнялась после того, как дружка открывает молодую во время «приводного» (свадебного) стола. «Дружка молодого берет два тонких пирога ржаных, с пшеном <...> и, пирогами поддев плат, снимает его с головы молодой, трижды обведя платом вокруг склоненной головы молодой по солнцу. Сразу, как только дружка снимает платок — «еще машет им только», — запевают «Звездку». Яфант, яхонт — рубин, здесь: драгоценный камень.

№ 618. ТФНО. № 368. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

№ 619. Колпакова. № 240. Зап. в Куйбышевской обл. в 1954 году.

№ 620. ТФНО. № 369. Зап. в Новгородской обл. в 1974 году.

№ 621. Орехов. С. 312—313. Зап. в Псковской губ. в 1912 году на свадьбе в доме Григория Титова. Исполнялась в доме невесты перед поездкой к венцу и в доме молодого. По́йлочка — здесь: помощница.

№ 622. ТФНО. № 402. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году. Исполнялась во время угощения невестой гостей до отъезда к венцу или во время свадебного пира, когда девушки угощали присутствующих вином. Последние слова каждого стиха повторялись дважды.

№ 623. Чесноков. С. 92. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. Песня ошибочно соединена с вариантом популярного величания «По се-

ням-сеням, по частым переходечкам», в котором опеваются гости с другими именами. Дана без контаминации (соединения).

№ 624. ТФНО. №372. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

№ 625. Чесноков. С. 83—84. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. Припев после каждого стиха. *Черка́льское седло, черкесское* — идеализирующий эпитет от раннего названия приднепровских казаков-черкасов.

№ 626. Балашов-І. № 50. Зап. в Мурманской обл. в 1963 году. Припев после каждого стиха.

№ 627. Колпакова. № 332. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. *Ветры дуют под на́каты мои* — т. е. продувают всю избу (*накат* — бревна или толстые доски, служащие основанием для пола и потолка).

№ 628. Орехов. С. 315. Зап. в Псковской губ. в 1912 году на свадьбе в доме крестьянина Трофима Артемьева. *Додéвити* — побыть в девушках.

КОНЕЦ ПИРА

№ 629. Киреевский. № 510. Зап. в Тамбовской губ. «По окончании обеда молятся богу. Дружка выбирает из поезжан одного мужа и жену, коих посылает обоспать для молодых постель. Игрицы в сие время поют» (С. 147).

№ 630. Колпакова. № 407. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Близкий вариант: Шейн. № 1349.

№ 631. Колпакова. № 148. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году. Исполняли на предсвадебной неделе и во время свадебного пира. Близкий вариант: Киреевский. № 30.

№ 632. Круглов-ІІ. № 211. Зап. в Калужской обл. в 1970 году.

№ 633. Киреевский. № 514. Зап. в Тамбовской губ. Поповым. Дружка спрашивает лежащих на приготовленной для молодых постели чужих мужа и жену (см. № 629): «Что за люди лежат?» Они: «Мы посланы от князя молодого постель обоспать». Дружка: «Обогревши постель, извольте слезать домой». Они: «Нет, не слезем, заплати нам за труды». Дружка расплачивается, а певички поют эту песню.

№ 634. Киреевский. № 429. Зап. в Калужской губ. Н. А. Костровым.

№ 635. Чистов-ІІ. № 461. Впервые: Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1981. № 501. Зап. в Читинской обл. в 1970 году.

№ 636. Леонова. № 50. Зап. в Омской обл. в 1953 году. Исполняли в конце свадебного пира, когда родственники невесты уезжали домой.

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

№ 637. Колпакова. № 414. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году.

№ 638. Чистов-И. № 469. Впервые: Киреевский. № 175. Зап. в Тверской губ. в 1834 году.

№ 639. Львов-Прач. № 120. Песня добавлена во второе издание сборника «Собрание народных русских песен с их голосами».

№ 640. Песни, собранные писателями. № 61. С. 218. Записана А. С. Пушкиным.

№ 641. Савушкина. № 103. Зап. на Пинеге от хора. Пели на «хлебных».

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

МОЛОДЫМ

№ 642. Новикова. № 64. Зап. в Тульской обл. в 1974 году.

№ 643. Круглов-И. № 17. Впервые: Н. П. Гринкова. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде // Сб. Ржевского общества краеведения. Ржев, 1926. С. 138.

№ 644. Колпакова. № 303. Зап. в Вологодской губ. в 1937 году.

№ 645. Якушкин-И. № 212. Зап. в Орловской губ. в 1843—1844 годах. Припев после каждого двустушия с повторением второго стиха.

№ 646. Якушкин-И. № 192. Зап. в Орловской губ. в 1843—1844 годах.

№ 647. Колпакова. № 307. Зап. в Ярославской обл. в 1962 году.

№ 648. ТФНО. № 382. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году.

№ 649. Колпакова. № 288. Зап. в Мурманской обл. в 1932 году. Припев повторяется после каждого стиха.

№ 650. Колпакова. № 298. Зап. в Архангельской обл. в 1928 году. *Воспелёговала* — т. е. спеленала.

№ 651. ТФНО. № 386. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году.

№ 652. ТФНО. № 390. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

ОТЦУ И МАТЕРИ МОЛОДЫХ

№ 653. Вишняков, тетрадь 6, л. 81—83. Зап. в Архангельской обл. в 1940 году.

№ 654. Даль. № 24. С. 467. Редкая запись.

№ 655. Чудинов. № 79. В тексте вместо конкретных имен в скобках указано: «имя свекра», «отчество свекра», «имя свекрови», «отчество свекрови».

№ 656. Колпакова. № 402. Зап. в Куйбышевской обл. в 1941 году. Припев после каждого стиха.

ТЫСЯЦКОМУ

№ 657. Чесноков. С. 82. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах.

№ 658. Балашов-І. № 22. Зап. в Мурманской обл. в 1961 году.

№ 659. Вишняков, тетрадь 6, л. 76. Зап. в Архангельской обл. в 1940 году.

№ 660. Круглов-І. № 27. Впервые: Народные песни Пермского края. Пермь, 1966. Т. 1. С. 100—101. *Соло́вая лошадь* — желтоватая, со светлой гривой и хвостом (масть коня). *Крёстничков на беседку* — здесь: на сиденье (беседка — сиденье на телеге для ямщика или седоков).

№ 661. Колпакова. № 340. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году. При варьировании сюжетного мотива песни поется с начала. *В ожуре́лье ушел* — т. е. вокруг шеи.

№ 662. Мехнецов-ІІ. № 16. Зап. в Томской обл. в 1969 году. Оглавки сняты.

№ 663. Круглов-І. № 25. Впервые: Чердынская свадьба. Зап. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1969. № 181.

СВАХЕ

№ 664. Чесноков. С. 86. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах. *Покро́мочка* — здесь: поясok из края ткани.

№ 665. Новикова. № 85. Зап. в Тульской обл. в 1972 году.

№ 666. Колпакова. № 344. Зап. в Архангельской обл. в 1936 году.

№ 667. Чесноков. С. 75—76. Зап. в Пермской губ. в 1907—1908 годах.

№ 668—669. ТФНО. № 397, 394. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году.

№ 670. ТФНО. № 401. Зап. в Новгородской обл. в 1974 году.

ДРУЖКЕ

№ 671. Чулков. № 45. С. 756.

№ 672. Мехнецов-ІІ. № 22. Зап. в Томской обл. в 1968 году.

№ 673. Потанина-ІІ. № 68. Впервые: Арефьев. С. 87—88. Начало относится к полудружью, основной же текст — к дружке.

№ 674. Чистов-ІІ. № 508. Впервые: Потанина-І. № 260. Исполнялась в момент приезда свадебного поезда за невестой, когда дружка деньгами «выкупал» закрытые ворота и место за столом (выпуская «из неволи сирот» — т. е. девушек).

ЖЕНАТЫМ ГОСТЯМ

№ 675. Новикова. № 78. Зап. в Тульской обл. в 1963 году. Припев повторяется после каждых двух стихов.

№ 676. Даль. № 18. С. 463. Исполнялась обычно женатой паре, иногда — молодым.

№ 677. Даль. № 19. С. 464. Редкий текст, в сюжете которого использованы традиционные символические образы.

№ 678. ТФНО. № 374. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

№ 679. Новикова. № 113. Зап. в Тульской обл. в 1974 году. Припев после каждых двух стихов с повтором второго стиха.

№ 680. Колпакова. № 382. Зап. в Ярославской обл. в 1962 году. *Два поклона создала* — т. е. отдала, поклонилась.

№ 681. Колпакова. № 374. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году.

№ 682. Колпакова. № 404. Зап. в Куйбышевской обл. в 1954 году. После седьмого стиха каждый следующий, кроме последнего, повторяется дважды.

№ 683. ТФНО. № 403. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

№ 684. Даль. № 27. С. 469. В тексте упоминаются уральские заводы Демидова.

№ 685. Колпакова. № 398. Зап. в Архангельской обл. в 1958 году. Близкие варианты: Киреевский. № 6, 19, 74, 309, 858. Припев повторяется после каждых двух стихов.

№ 686. Якушкин-II. № 90. Зап. в Орловской губ. в 1847 году.

№ 687. Колпакова. № 383. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году.

№ 688. Чистов-II. № 530. Впервые: Колпакова. № 381. Зап. в Куйбышевской обл. в 1954 году.

ГОСТЬЕ-ВДОВЕ

№ 689. Колпакова. № 405. Зап. в Архангельской обл. в 1927 году. Близкий вариант: Киреевский. № 21.

№ 690. Даль. № 49. С. 482.

№ 691. Новикова. № 124. Зап. в Тульской обл. в 1963 году. Припев повторяется после каждого двустушия.

№ 692. Даль. № 50. С. 482. Редкая запись.

№ 693. Колпакова. № 406. Зап. в Архангельской обл. в 1929 году. *Рясы, тальянский плат* — т. е. дорогие одежды, итальянский платок.

ПАРНЯМ И ДЕВУШКАМ

№ 694. Киреевский. № 751. Место записи не указано. Припев повторяется после каждого стиха.

№ 695. Круглов-І. №1. Впервые: Народные песни Белгородской обл./ Сост. Н. М. Элиаш и Л. Г. Улановская. Белгород. 1960. С. 29—30. Припев повторяется после каждого стиха.

№ 696. Соколовы. № 319. С. 390. Зап. в Вологодской губ. в 1909 году. *Мир во славушку пропускала* — т. е. пускала славу, слух по миру. *На плащах-то все зверьё лютые* — т. е. пуговицы в форме зверей. *Ритва* — литва. В тексте: шубу соборью.

№ 697. Павлова. № 12. Зап. в Татарии в 1947 году.

№ 698. ТФНО. № 410. Зап. в Новгородской обл. в 1967 году.

№ 699. Смирнов. М.-ІІ. С. 20. Зап. во Владимирской губ. П. Логиновым в начале века.

№ 700. ТФНО. № 424. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Такими песнями «припевали» холостому парню девушку. Парень целовал «припетую» ему девушку и одаривал певиц деньгами. Каждый стих повторяется дважды.

№ 701. Зеленин. № 69. Зап. в Новгородской губ.

№ 702. Балашов-І. № 52. Зап. в Мурманской обл. в 1961 году. Исполнялась во время свадебного пира молодым гостям. По словам исполнительниц с Терского берега Белого моря, «приводной стол» (свадебный) — самый веселый, поэтому звучало много шуточных песен. Подобные песни исполняли подросткам и детям, припевая «невесту» «жениху»: «Они маленькие, глупы, закричат да убегают, стыдятся. Как им споешь, задерутся прямо, думают: если так — женятся» (С. 112). В Варзуге записано много «детских» свадебных песен — см. следующую и Балашов-І. № 54 («Ище Витя на грядке трясется...»), 54а («Булавка на лавку упала...»), 55 («Со поверья...»), 57 («Каты-покаты, Женихи были богаты...»), 58 («Скачет спица по полицам...»), 61 («Ай кыс-кыско...») и др. *Бологёрские шелка* — возможно, от «болого»: добротнo, хорошо (объяснение собирателя). После третьего стиха каждый следующий повторяется дважды.

№ 703. Балашов-І. № 53. Зап. в Мурманской обл. в 1957 году.

ХОЛОСТОМУ ПАРНЮ

№ 704. Потанина-ІІ. № 139. Впервые: Зобнин. С. 9. Зап. в Восточно-Казахстанской обл. в 1897 году.

№ 705. Даль. № 41. С. 477. Малоизвестный вариант.

№ 706. Якушкин-ІІ. № 82. Зап. в Орловской губ. в 1847 году. Эта песня адресована, по-видимому, П. И. Якушкину.

№ 707. Новикова. № 86. Зап. в Тульской обл. в 1959 году.

№ 708. Колпакова. № 367. Зап. в Саратовской обл. в 1949 году. Исполнялась холостому парню или жениху в различные моменты свадьбы. Припев после каждых двух стихов с повтором второго стиха.

№ 709. Даль. № 38. С. 475. Редкий текст, сюжет которого построен на традиционных фольклорных образах. Упоминается П. Г. Демидов.

№ 710. ТФНО. № 433. Зап. в Новгородской обл. в 1971 году.

№ 711. Потанина-II. № 142. Впервые: Арефьев. С. 81.

№ 712. Колпакова. № 360. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году.

№ 713. ТФНО. № 431. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году. Повторяется последнее слово каждого стиха.

ДЕВУШКЕ

№ 714. Зеленин. № 73. Зап. в Новгородской губ.

№ 715. Даль. № 48. С. 482. Близкий вариант: Киреевский. № 310.

№ 716. Савушкина. № 112. Зап. в Архангельской обл. (на Пинеге).

Припев повторяется после каждого стиха.

№ 717. Колпакова. № 359. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году.

СВЯЩЕННИКУ

№ 718. Колпакова. № 356. Зап. в Вологодской обл. в 1937 году.

№ 719. Киреевский. № 153. Зап. в Псковской губ. в 1824 году А. С. Пушкиным. Примечание собирателя: «А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа» (С. 57). *Скуфья* — бархатная шапочка, знак отличия духовного лица.

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ЖЕНИХУ

№ 720. Круглов-II. № 149. Зап. в Архангельской обл. в 1967 году.

№ 721. Круглов-I. № 102. Впервые: Шейн. № 2348. *Спички сирь* — т. е. зажигай (от: *сирить* — зажигать).

ПОЕЗЖАНАМ

№ 722. Балашов-I. № 25. Зап. в Мурманской обл. в 1961 году. Шуточная величальная свадебному поезду жениха. «Улыбающиеся гости делают вид, что восприняли укоры всерьез: «Все и затягают расчески да зарасчесываются, нарочно будто».

№ 723. Круглов-I. № 167. Впервые: Киреевский. № 781. *Бежать в простых* — т. е. не «коренником», не в оглоблях.

№ 724. ТФНО. № 445. Зап. в Новгородской обл. в 1968 году. Исполнялась в разные моменты свадьбы.

№ 725. Мехнецов-I. № 100. Зап. в Вологодской обл. в 1975 году. «Припевка свадебным на подарки». *Ожига* — крапива.

ДРУЖКЕ

№ 726. Круглов-І. № 129. Впервые: Сахаров И. Песни русского народа. Спб., 1839. Ч. 3. С. 466—467.

№ 727. Шейн. № 1780. Зап. в Псковской губ. М. И. Семевским.

№ 728. Синцов, л. 60. Зап. в Архангельской губ. в 1915 году. Исполнялась дружкам, вернувшимся с полпути пригласить родителей невесты на свадебный пир.

СВАТУ И СВАХЕ

№ 729. Колпакова. № 419. Зап. в Архангельской обл. в 1928 году. Близкий вариант: Шейн. № 1315.

№ 730. Савушкина. № 1186. Зап. в Архангельской обл. (на Пинеге).

№ 731. ТФНО. № 444. Зап. в Новгородской обл. в 1969 году. Каждый стих повторяется дважды.

ТЫСЯЦКОМУ ИЛИ СКУПОМУ ГОСТЮ

№ 732. Чулков. № 51. С. 760.

№ 733. ТФНО. № 443. Зап. в Новгородской обл. в 1965 году.

МОЛОДЫМ

№ 734. Киреевский. № 165. Зап. в Псковской губ. с. Михайловское в 1824 году А. С. Пушкиным. *Митка́лыны дары* — т. е. слишком дешевые, скудные (*миткаль* — ненабивной ситец). *Пиво обліва* — т. е. негодное, кислое.

ПРИГОВОРЫ

ПРИГОВОР ПОДРУЖКИ НЕВЕСТЫ

№ 735. Шаповалова. № 862. Зап. в Костромской обл. в 1972 году. *Деньги хрушки* — крупные.

ПРИГОВОР СВАХИ

№ 736. Померанцева. № 28. Зап. во Владимирской обл. в 1965 году.

ПРИГОВОРЫ ДРУЖКИ

№ 737. Чичеров, тетрадь 3, л. 23—42. Зап. на Пудогге в 1928 году от Я. А. Миронова, который приговоры «выучил 27 лет тому назад (т. е. в 1901 г.—В. Ж.), семь раз ездил вершником» (л. 23).

№ 738. НГВ. 1866. № 21. Зап. в Новгородской губ. Приговор дружки, приехавшего со свадебным поездом за невестой.

№ 739. Шаповалова. № 1100. Зап. в Костромской обл. в 1972 году от А. Ф. Громова — «бессменного дружки на свадьбах в д. Красниково и с. Лосево Солигаличского р-на» (С. 249).

№ 740. Потанина-П. № 36. Впервые: Ермолаев. С. 587—589. Зап. в Красноярском крае в 1911 году Е. О. Девяткин. Счелк — шелк.

№ 741. Березин. С. 117. После приговора невестина сваха шла к поезжанам, целовалась со свахой жениха и вела всех в избу. Холызает — т. е. ёрзает, вертится.

№ 742. Шаповалова. № 1104. Зап. в Костромской обл. в 1972 году от А. Ф. Громова. См. № 739.

ПРИГОВОР КОРОБЕЙНИКОВ

№ 743. ЭС. С. 157. Зап. в Ярославской губ. в 1848 году А. Преображенским.

ПРИЧИТАНИЯ

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 744. Агренева. № 3. Зап. в Олонецкой губ. от И. А. Федосовой. *Вы не шайте-тко, зарадки муравейны* — т. е. не разгорайтесь уголья (объяснение собирателя). *Бурлан Питембургский* — здесь: парень, ушедший на заработки в Петербург. *Посудьячи я на вас* — т. е. укоряю, осуждаю. *Студник* — пристыдивший девушку, опозоривший, от: стыд. *Урочная неделюшка* — назначенная. *Девичье щепетиньище* — рукоделие. *Пасомки* — мотки ниток.

№ 745. Шейн. № 1672—1698. С. 514—524. Зап. в Вологодской губ. П. Г. Вересовым и М. П. Вересовой. Причитания объединены свадебным «сценарием» и даны в порядке следования обрядовых действий с сохранением комментирующего текста.

Напрокучить — наскучить. *Дворка* — острота, балагурство. *Просекная лента* шитая со жемчужной-то со поднизью — девичий головной убор (лента) из шелковой ткани с пробитым ажурным рисунком и сеткой или бахромой из жемчуга или бисера — символ девичества. *Дро́ка* — ласка. *Беседная хозяйюшка* — хозяйка избы, которую молодежь сообща сни-

мала на зиму для бесед, вечеров. *Ба́ско набаси́лася* — нарядно оделась, красиво (от: *баса́* — красота). *Что зачу́ла я* — почувствовала. *Дресви́ночка*, *дресва́* — галька, крупный песок. *Засту́пишка* — заступник. *Отша́тть* — отклониться, здесь: отойти. *Гвоздьё полу́женое* — гвозди, которыми подбивали каблуки, здесь: блестящие крепкие гвоздики. *По́ловочка* — половица. *Перево́дочка*, *перевóда* — перекладина, балка. *Ли́ночка*, *линь* — тонкая веревка белой пряжи. *Се́нинка* — от: сено. *Корова́йница*, *карава́йница* — женщина, пекущая обрядовый хлеб, каравай, и принимающая участие в свадебном обряде. *Не хотелось за ракитов куст хвататися* — здесь: не хотелось соглашаться на замужество (ракитов куст символизирует горе, разлуку, тяжелую печаль). *Рукобитный плат* — полотенце или платок, которые вручались свату в знак закрепления сватовства, своеобразный залог. *Возгы́ргать* — кликать, кричать. *Обра́ла баня* — взяла. *Я поку́чуся* — от: *ку́чить* — просить, умолять. *Приносят ёлку* — ёлка — символ девичьей воли. *Отхожая хоромина* — уединенное место (клеть, кладовая и т. д.). *Прослédьца* — следы. *Пеня́ть* — упрекать. *Красну солнцу на подмогушку* — так сияет «красота», что может помочь светить солнцу. *Ёлка ока́рзана* — т. е. обрублены ветви снизу.

№ 746. Балашов-II. С. 344. Зап. в Вологодской обл. (Маркуша). *Уго́р* — место обрядовых деревенских хороводов. *Вышка* — светелка, комнатка на чердаке дома. *Кровельки дорóженные* — дорóженный тес с желобками для стока воды, изготавливаемый специально для покрытия крыш. *Опушёный дом* — крытый досками с узорно-резными концами.

№ 747. Чистов-II. № 556. Впервые: Леонтьев. 1939. С. 85. Зап. в Архангельской обл. в 1938 году от М. Р. Голубковой. *Всё останется* — т. е. всё уйдет, минует. *Как в расста́нюшке житья девьего* — т. е. при расставании с девичьей жизнью.

№ 748. Лотман. С. 148. Из архива Г. Р. Державина. Зап. в Новгородской губ. неизвестным корреспондентом Державина.

Сиротское причитание

№ 749. Балашов-II. С. 344. Зап. в Вологодской обл. (Маркуша) от А. Е. Сковородиной. *Перева́лы великие* — внезапная грозовая или дождевая туча. *Бумажное лицо* — здесь: белое. *Перексти́ть лицо* — перекрестить. *Су-батюшко* — сударь-батюшка. *Говори по-досéльному* — говори по-прежнему, как раньше. *Тети́вчата лесенка* — тетива лестницы: каждый из боковых ее брусьев, в которые крепятся ступени. *То́рнотсе, то́рнуться* — здесь: поклониться в землю.

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 750. Чистов. № 557. Впервые: Шайжин. С. 204. Зап. в Олонецком крае от Н. С. Богдановой. *Ростѣтелек* — т. е. родитель. *Водушки у нас да не наловятся* — т. е. не будет наловлена рыба.

№ 751. ЭО. 1907. № 3. С. 87. Зап. в Новгородской губ. в 1904—1906 годах. *Українка* — край, место. *Располя́тся речки* — разольются — от: *полая* — весенняя вода. *Прикачнуть головушку* — прислониться, прижаться.

№ 752. ЭО. 1907. № 3. С. 90—91. Зап. в Новгородской губ. в 1904—1906 годах. *Во зеленый сад похвата́лися* — побежали. *Унима́ли* — упрашивали.

№ 753. Чистов. № 567. Впервые: Барсов. Ч. 1. С. 114—125. Зап. в Петрозаводске от И. А. Федосовой. *Межо́нной день* — весь долгий день, здесь: родитель-солнышко. *Гру́зная* — беременная. *Наря́жена покру́тушка* — приготовлено приданое. *Ослобо́жена гостиная неделюшка* — традиционная неделя для гощения у родственников. *Вопрягу́ тебе ступистая лошадушка* — всегда наготове быстрая лошадь. *Унылые свадебки* — свадьбы с печальными причитаниями. *Не нача́лась* — не надеялась, не думала. *Сыта идется* — сытно ест. *Порода именитая* — родственники. *Желаньице* — здесь: любовь. *Сокол ясный* — здесь: сын. *Засмотреть (...)* при крутом ю зголовице — навестить на смертном одре. *Умножила работушка* — здесь: увеличилась работа, много дел. *Христово воскресенье* — пасха. *Платьица прино́сила* — износила. *Сожидáючи роді́ма засмотрёньица* — ожидая посещения родных. *Стала со тяжела неможёньица (...)* с болезнью постелюшки — выздоровела бы. *Гульби́щечко со прокладбищем* — гулянье с увеселением, играми. *Сдвуродимый* — двоюродный. *Отоннуть* — открыть. *Пономарь звони́т во колокол* — мешается, попытки книги зачитаются — то есть пономарь сбивается, попы ошибаются при чтении. *Умерший венец уж прилагают*, *Под праву руку бумагу кладавают* — на лоб покойной кладут ленту, а в руку — «отпускную» молитву. *Честно-и́менно отпи́ли* — как положено, по правилам. *На крещенскую на славну оны уличку (...)* на микольску славну б́уяву — на кладбище и могилу. *Демьян* — чебрец, дикий базилик, из которого делали ладан (фимиам) для церковного куренья. *Как раздать куды любимая покрутушка* — приданое умершей, которое, по обычаю, положено было раздать молодежи. *Забуси́ют жемчуги* — потемнеют. *Пусть спасают* — то есть пусть молятся о спасении умершей, вспоминают. *Дру́жна разговорщи́чка* — подружка-собеседница. *Подобрить* — задобрить. *Обидные сиротки, безотные* — обиженные сироты. (Объяснения К. В. Чистова.)

№ 754. Чистов. № 564. Впервые: Современные известия. 1870. № 212.

Плач-поэма о народном заступнике в годы крестьянской реформы 60-х гг. XIX в. Зап. в Петрозаводске от И. А. Федосовой Е. В. Барсовым. Соболезновал об обществе собраном — заботился об интересах всей общины. От этих мировых да злых посредников — здесь: чиновников, ведающих крестьянскими делами после реформы 1861 г. Уж нет ли где корыстного делишечка — т. е. не продавали ли крестьяне хлеб нового урожая до уплаты податей. Он в похóдню по покоем запохаживает — быстро ходит. Буде взыщется <...> смелу́гище — найдется кто-либо смелый. Киж и Толвуя — заонежские деревни. Испражнѣтися — здесь: пустеть. Досю́льный, постоятельный закон — старинный, давний. Станѣчушка детиная — т. е. много детей. Сдержáвушка, надежа — муж. Долагáть своей казной — самому платить за всех подати.

РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 755. Барсов. Ч. 2. С. 1—17. Зап. от И. А. Федосовой — Плач о холостом рекруте. Молодца принаряживают — т. е. торопят, готовят к отъезду. Приѣмная палата — пункт сбора рекрутов. Тулупы одинцóвые — здесь: самые лучшие, самые дорогие (шуба из целого куска; из соболя-одинца, т. е. лучшего). Город Петровский — Петрозаводск. Урѣчные недѣлюшки — назначенные, здесь: следует спрятаться на время, пока идет рекрутский набор. Принапóлняются наборы государевы — закончится набор. Скрозекóзные власти — злые, строящие козни.

№ 756. Лотман. С. 147. Из архива Г. Р. Державина. Зап. в Новгородской губ.

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 757. Чистов-І. С. 351—352. Впервые: Михайлов. № 48. Зап. в Пудожском р-не Карелии в 1938 году от У. Г. Моисеевой. Да не в моем распорядѣньице — имеется в виду старший сын, умерший ко времени записи плача.

№ 758. Чистов-І. С. 251—252. Впервые: Михайлов. № 9. Зап. в Петрозаводске в 1938 году от А. М. Пашковой.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ОБОРОТОВ

— • — • — •

Арші́н — старинная мера длины, равная 0,711 метра.

Ба́ить — говорить.

Баля́сы, баля́сины — точеные столбики перил.

Баси́стое платье — красивое (от: *баско́й* — красивый).

Берча́тый — узорчатый, тканый нецветным узором.

Бесе́да, бесёда — вечерка, посиделка — вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения.

Боча́г — яма, лужа; глубокое место в реке.

Бра́ное полотенце — тканное узором или вышитое.

Браты́ня, брати́на — сосуд для пива, вина (на всю братию), из которого наливают всем.

Бры́лы — губы.

Броя́ть, бруя́ть — жужжать.

Бру́стик — деревянный брус, идущий по середине избы, поддерживающий крышу.

Бу́яры — сильные ветры.

Бысте́рь — стрежень, место наиболее быстрого течения реки.

Брюдо́ки (брюдга, брюзга) — свахи, женщины и девушки, провожающие невесту.

Варо́вый — ловкий, проворный.

Веря́ — косяк, столбик.

Ве́шна — яровой хлеб.

Ве́шник — юго-восточный ветер.

Верста́ — старинная мера длины, равная 500 саженьям — т. е. 1,0668 км.

Визи́тка, визи́точка — род полуфрака, кафтанчик особого покроя.

Волоко́вое окно — задвижное окно в курной избе, через которое выходил дым.

Воркота́ть — ворчать.

Во́потай, вопота́й — тайно.

Всочь — очи в очи.

Вы́зубать — поднимать.

Гайта́н — шнурок, ленточка.

Га́рус — шерсть для вышивания.

Гове́нье — время поста.

Го́голь — птица из породы уток-нырков.

Голова́шки — передняя часть саней, дровней.

Гора́зд — очень.

Го́род, уменьш.: городо́чек — хоровод.

Гри́вна — старинная монета достоинством в десять копеек.

Гриновы́тые палаты — грановитые — от: *грань* — одетые граненым камнем.

Грядá, грядка́ — поперечная доска под потолком от печки до противоположной стены.

Гряли́вый — веселый, игривый, любящий погулять.

Губá — название морских заливов на севере.

Гу́льбище — гуляние.

Гумно́ — сарай, в котором молотят хлеб.

Да́ча казе́нная — участок в казенном лесу, отведенный для порубки леса.

Дежа́ — опара для теста, квашня; кадка, в которой месят тесто для хлеба.

Ди́куша, дику́ша — греча, гречиха.

Доброу́мье — хорошее настроение, разумная жизнь.

Доброу́ить — дать совет, успокоить.

Додо́л — колокольчик.

Доли́ть — одолевать.

До́льная лавка — лавка, стоящая у стены (вдоль половиц).

До́нце — дощечка, на которую садится пряжа, втыкая в нее же гребень или кудель.

Досю́льный — старинный, давний.

Дресва́ный — мелкий.

Дробы́ть — бояться, дрожать.

Дроля́га, дро́ля — милый, любимый.

Дро́чить — холить, лелеять.

Дя́денка — тетка, жена дяди.

Ендова́ — широкая медная чаша с носиком.

Ены́ — они.

Живо́т — богатство; жизнь.

Жи́ровка — четырехугольная дощечка, на которую кладут предметы при святочном гадании.

Жи́рушка, жи́ра — жизнь.

Завеча́ть — замечать; давать наставление.

Загне́та, уменьш.: *загне́тка* — угол, углубление в углу шестка или внутри русской печи, куда сгребают горячие угли, жар.

Заговéться — начать пост, перестать есть скоромную пищу.

Заго́шечка — кукушка.

За́доски — куть, часть избы у русской печки.

Зало́м — несколько перевитых стеблей растущей ржи или другого хлеба с целью злого колдовства.

Замчу́жка — жемчужина.

За́перстье — опушка низа рукава.

Запон — фартук.

Запясочка — горсточка.

Зарука́выцо, *зарука́вье* — браслет.

Захолоне́ет — замерзнет, остынет.

Зголо́вье — изголовье.

Изби́ца — горенка, светелка.

Извно́ — снаружи.

Камка́ — узорчатое полотно или шелковая ткань.

Кара́кулька — небольшой сдобный калач, бублик, баранка.

Кату́шки, *катки́* — ледяные горки.

Кирби́тов пол — кирпичный (эпитет, свидетельствующий о достатке).

Кий — палка, посох.

Киса́ — мошна, карман; мешок.

Кити́га, *кичи́га* — кочерга.

Ки́чка — праздничный головной убор замужней женщины.

Клеть, уменьш.: *кле́точка* — кладовая при избе; отдельная нежилая постройка для хранения имущества.

Коври́га — каравай хлеба.

Кокор(к)а — лепешка из ржаной или пшеничной муки.

Коку́рка — сдобная лепешка.

Кол(о) — около.

Коло́да белодубовая — гроб.

Коло́дное окно — косящатое, с колодами — косяками.

Колы́ска — колыбель, люлька.

Ко́монь — конь.

Копá, уменьш.: *копочка* — единица счета (60 штук).

Копо́тье — дымный чад, копоть.

Коробе́йка — короб, корзинка.

Коробье́ — сундук.

Коре́ц — ковш.

Косёвчато, косящато, косистое — окошко — окно, обрамленное косяками, красное — в противоположность волоковому.

Костёр — куча хвороста, бревен, дров.

Кóстрик — жесткая кора растений.

Котряется, котря́ться — ломается, капризничает.

Кóчет — петух.

Кочетóк — название колядной песни, исполняемой детьми.

Кошéль — заплечный, сплетенный из лыка или бересты кузов.

Кóшничек — корзинка.

Крупíсчатый, крупítчатый — из белой муки высшего качества.

Кужля́виться — кудрявиться, курчавиться.

Кула́га — сладкое кушанье из муки.

Куманíца — ягода (смородина, ежевика, морошка).

Кунá, куня́ — куница.

Кур — петух.

Курíузик, курíузка — коротышка.

Кúтнее окошко — угловое окошко.

Кут(ь) — женский угол в избе, обычно у печки и, как правило, отгороженный занавеской.

Лазу́н — деревянный сосуд, кадка.

Лáстки — цветные четырехугольные вставки под мышками в рукавах женской рубахи.

Лáстовица — ласточка.

Литóвые топоры — острые.

Личíна — маска.

Ма́тица — средняя потолочная балка в избе.

Метíщо — летнее уличное гулянье молодежи (в разных деревнях приурочено к разным праздникам).

Мехонóша — колядующий, несущий мешок для даров.

Милядíть — медлить, мешкать, тянуть время, канителиться.

Мутóвка — палочка с рожками на конце для взбалтывания, мешания, пахтанья.

Надёжная головушка, надежа — муж, кормилец.

На(д)зóла, на(д)зóлушка — обида, досада, огорчение.

Надрыга́ться — издеваться.

Нала́вочье — доска на лавке, коврик или иная подстилка на лавку.

Налётье — будущий год, будущее лето.

Наплаво́к — поплавок.

Наса́д — речное судно с насадами — поднятыми, надстроеными бортами.

Наст — твердая корка льда после оттепели.

Настойсливый — настойчивый.

Начевье — корыто.

Небылой — выдуманный.

Непосульная, неначаемая (смерть) — внезапная, неожиданная.

Непроносны словеса — тайные слова, тайна.

Ноньку — теперь, нынче.

Норов — характер, нрав.

Ночевка, ночовка — корыто (ср. начевье).

Оборы — веревки, тесьма, которыми окручиваются онучи (обмотки для ноги под лапти).

Овин — постройка для сушки хлеба в снопах.

Одонье, одонок — подстожье, нижний слой сена в стогу.

Окануне — накануне.

Оланья — оладья, блины.

Омет — скирд, сложенная в кучу солома.

Опутинка — веревка.

Осметок — сор, отбросы.

Ос(ь)мина — мера хлеба, равная 48 пудам.

Очес(т)ливый, от: *честь, почесть* — вежливый, почтительный.

Ошурки — остатки, поскребыши, крошки.

Падера, падора — буря со снегом, дождем; вихрь; метель, зимнее ненастье.

Передызье, передызье — сени, коридор между избами и поветью (хозяйственной частью дома).

Перепастся — испугаться.

Переставиться — умереть.

Переходины — коридор, длинные сени.

Пестерь, пестёр — плетенный из бересты короб.

Плисовая ткань — бумажный бархат.

Победная головушка — обычно о жене, матери.

Поветь — хозяйственная часть дома.

Повойник — будничный женский головной убор.

Поволька — послабление.

Погода — ненастье.

Погоманивать, от: *гомонить* — говорить, поговаривать.

Пограб — сгребание сена.

Подволока — чердак под крышей.

Подклёт — нежилая, черная, или рабочая часть избы, часто кладовая; зимой используется иногда для скота (ср.: клеть).

Подла́вочь(е) — место под круговою лавкою в избе.

Подно́жка — часть ткацкого станка.

Подо́г — палка, трость.

Пожито́й — пожилой.

По́жня — покос.

Позао́чь — за глаза.

(По)за́риться — завидовать.

Позо́риться — мучиться.

Позя́блая — несчастная.

(По)канáться — кланяться, добиваться чего-либо.

(По)кучи́ться, — просить, умолять; жаловаться.

Поли́ца — доска, полка, прикрепленная к стене.

Полоту́ха — посуда для муки.

Понаро́вить — побаловать.

По́роз — поросенок.

Поро́ша, поро́ха — падающий ровно снег.

По́стать — делянка, участок поля, занимаемый жнищами.

Посте́люшка тяжелая — тяжелая болезнь.

Пора́то — очень.

Порошье — мусор, сор.

По́ртна — холсты.

Привита́ть — проявлять участие.

Приполóн — прибыль.

Прокла́дница — увеселения.

Прóлуб(ь) — прорубь.

Проть — (на)против.

Пята́ — стержень, пяточный шип, на котором вращалась дверь (вместо петель). Отворить на пятау — отворить настежь.

Разго́вливаясь — разрешать себе скоромную пищу, поестъ после поста.

Ра́менье — лес.

Раска́ты — ровная, хорошо накатанная дорога, место.

(Рас)кливи́ть — доводить до слез, дразнить до слез.

Ра́чить — желать, хотеть; усердно стараться.

Ретли́вое сердце — горячее.

Ромада́ — шум, возня, толкотня.

Ро́сстани — перекресток дорог, до которого обычно провожали уходящего.

Ру́дый — красный.

Рука́вцы, рукава́ — род короткой женской кофточки; два рукава, соединенные вместе.

Ру́шник — полотенце.

Рыбий зуб — моржовая кость.

Рытый — узорчатый (постоянный эпитет к слову бархат).

Сажень — старинная линейная мера, равная трем аршинам, или 2,134 м.

Сборник — головной женский убор.

(С)державушка — муж.

Сенная девушка — служанка, черная работница.

Скатный, скачный — ровный, круглый (постоянный эпитет к слову жемчуг).

Скачки, скачечки — санки с крутыми полозьями.

Скоба — ручка двери.

Скоп — сходка.

Слѣга — палка, шест.

Сопѡха, сопѹха — печной отдушник.

Сочельник — канун церковных праздников рождества и крещения.

Сошник — часть сохи, плуга — лемех, железный наконечник, режущий землю.

Спацливый — счастливый

Спичка, спица — деревянный гвоздь в стене.

Спорынья, спорина — стебель с разветвляющимися колосьями, символ роста богатства и изобилия.

Спорядные, спорядовые — соседи по деревенской улице, по ряду.

Срыгаться — ругаться.

Став — ткацкий стан.

Ставец — деревянная глубокая чаша, блюдо, общая застольная миска.

Стена городѡвая — заступник, защитник (обычно о муже).

Стинь — тень, призрак.

Стрекозный судья, скрозекозный — зловерный, несправедливый, чинящий козни.

Стретать — встречать.

Струг, стружок — лодка, ладья, речное деревянное судно.

Стѹпистая лошадь — с большим шагом, «шагистая».

Сусек — отгороженный ларь в амбаре для сыпки зерна.

Суслон — кладка снопов в поле.

Сустигать — догонять

Сѹтки — передний угол в избе.

Сѹтнее окно — окно в передней части избы.

Съедѹба — сутяга, сварливый человек.

Сыченый — подслащенный медом.

Талан(н)ый, таланистый — счастливый, удачливый.

Тамбурка — род вышивания в пальцах, петля в петлю.

Торовáтый — проворный, ловкий, смелый.

Тафьяны чулочки — из тонкого шелка.

Тётинка — веровочка.

Тенёта — сеть для ловли зверей.

Ти — или.

То́ни убойные — морской зверобойный промысел.

То́ча — белое льняное полотно, ткань.

Трудíть — беспокоить, докучать, тревожить.

Тру́дный — тяжело больной.

Тули́ться — прятаться.

У — в.

Убрúс — нарядный головной убор, свадебная фата.

Угрэв — обращенная к солнцу сторона возвышенности.

Улящивать — умиловать, добиться чего-либо ласками.

Упадь — падаль.

Упа́кивать — угождать.

Уречный, уро́чный — назначенный, условленный.

Фелóнь — верхняя одежда священника, риза.

Фёрезь, фёрязь — праздничный сарафан.

Цапа́н — часть одежды, передник, фартук.

Чуса́, чу́сы — серьги.

Шаньга́ — ватрушка, лепешка.

Шельга́ — прожорливый.

Ширíнка — полотенце во всю ширину ткани; платок.

Шмат(ок), шмот — кусок, ломоть.

Штоф — шелковая плотная ткань с разводами.

Штукóвые люди — хитрые, себе на уме.

Шушпа́н — холщовый кафтан.

Шурмовáть — чистить, гладить.

Щепли́га — щеголь (от: щепливый — щегольской).

Щетка — часть ноги лошади над копытом.

Шпи́ца — шиповник.

Яго́дницы — щеки.

Ям — место общинных сходов у волостной избы.

Яри́ца — яровое зерно.

РОДСТВЕННИКИ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ— УЧАСТНИКИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

—••••—

Божáт, божáтка — крестные отец и мать; сваха.

Большой боярин (барин) — ближайший старший родственник жениха (как правило, едет в свадебном поезде с иконой); почетный гость жениха.

Бо́яре (бояра) — товарищи жениха, его свита.

Бо́ярки (дружки) — девушки в свите невесты.

Брюдгá, брюньгá — женщина со стороны жениха или невесты; крестная мать.

Вежливéц, вежливóй — колдун, знахарь, оберегающий свадьбу.

Бéршник (передоезжий) — дружка, едущий верхом на коне впереди свадебного поезда.

Возíла (повозник) — кучер невесты.

Гвоздáрь и бочкáрь, гвоздариха (лагунник, подносчик) — поезжанин, хранящий пиво и напитки.

Дéверь — брат мужа.

Дру́жка — «второй чин» (после тысяцкого) в свите жениха, главный распорядитель свадьбы (как правило, женатый). Его атрибуты: кнут, полотенце через плечо, зажженный фонарь, какое-нибудь оружие.

Звáтые (позыватые, просильницы) — лица, приглашающие на свадьбу.

Золóвка — сестра мужа.

Зять — муж дочери; муж сестры; муж золовки.

Клётник — охранитель брачных покоев.

Князь — жених.

Княгíня — невеста.

Колпáчник, подколпачник — поезжанин со стороны жениха, который снимает с «князя» шапку, когда тот кланяется. Хранитель шапки жениха и подушки, на которой жених сидит в день брака.

Коробейники (посляне, постельники, числяне) — родственники невесты, отвозящие в дом жениха ее постель и приданое.

Коровайницы — женщины и девушки, пекущие и хранящие обрядовый хлеб.

Косник — младший брат невесты или мальчик-родственник, «продающий» косу невесты, когда приезжает поезд жениха.

Меньший боярин (барин) — родственник жениха в поезде без определенных обязанностей.

Невестка — жена сына по отношению к его матери; жена брата; жена одного брата для жены другого брата.

Подголо́сницы (причетницы) — плакальщицы, помогающие невесте причитывать.

Поддружье, полудружье — помощник дружки.

Поезд, поездá, поезжане — вся родня и гости жениха.

Поро́да (прибор, приборяне) — жених и его родня; свита жениха.

Придверники, приворотники (ключари, сторожа) — чины, открывающие двери.

Свадебники, свадебщики, сваребья́не — все участники свадьбы.

Сват, сватове́ц — сватающий невесту.

Сват — родственник или родитель невесты по отношению к семье жениха и наоборот.

Старший сват (староста) — едет в церковь впереди свадебного поезда.

Сва́ха, свату́нья — сватающая невесту; участница свадебного поезда.

Сва́тья — родственница или мать невесты по отношению к семье жениха и наоборот.

Све́кор — отец мужа.

Свекро́вь — мать мужа.

Сво́яченица — сестра жены.

Сноха́ — жена сына по отношению к его отцу, свекру (но не для свекрови).

Сходáтый (хожалый) — сват или сваха с палкой в руках.

Тесть — отец жены.

Те́ща — мать жены.

Топильщицы (истопщицы) — девушки, топящие баню для невесты.

Ты́сяцкий — «первый чин» в свите жениха, самый почетный гость со стороны жениха, всегда находящийся рядом с ним. Как правило, тысяцким бывает крестный отец жениха. Тысяцкому доверяют запрягать коня для жениха.

Шу́рин — родной брат жены.

Издательство «Современник»
благодарит сотрудников архива
Государственного литературного музея
и Государственного центрального
театрального музея им. А. А. Бахрушина
за помощь в создании этой книги.

Художник Т. М. Чиркова выражает
личную признательность
Надежде Гавриловне Ежовой
(уроженке дер. Дубровка Рузского района
Московской области)
за помощь в работе.

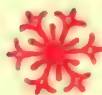

СОДЕРЖАНИЕ

Народные обряды и обрядовая поэзия В. Жекулина и А. Розов . . .	5

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ

Календарь основных крестьянских праздников	36

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

КОЛЯДОВАНИЕ

№ 1—5.	45

Колядки, адресованные хозяевам дома

№ 6. «Каледа, маледа!..»	53
№ 7. «Как ходила каледа окануне рожества...»	53
№ 8. «Каледа, каледа!..»	54
№ 9. «Ой, овсень, бай, овсень!..»	55
№ 10. «Благослови-ко, хозяинушко, коляду покликать!..»	56
№ 11. «Как у Васильевых ворот расстилалася трава...»	56
№ 12. «Как пала, пала порошка, выпало снежку немножко...»	57
№ 13. «Коляда светлая!..»	57
№ 14. «Да виноградие да красно-зеленоё!..»	58
№ 15. «Ишо по полю, полю, да по широкому полю...»	59
№ 16. «О святых вечерах да о рождественские...»	60
№ 17. «Той авсень, той авсень!..»	60
№ 18. «По этой по порошке колядовщички ишли...»	61
№ 19. «Благослови-ко, бог, завтра новый год!..»	62
№ 20. «За реченькой, за быстрою...»	63
№ 21. «Пошли мы славить к добру господину...»	63
№ 22. «Дома ли хозяин?..»	64
№ 23. «Усенья, усенья...»	65
№ 24. «У Спиридона, у света, три ключика текут...»	65

№ 25.	«Коляда, моляда...»	65
№ 26.	«Овсень, овсень!..»	66
№ 27.	«Гуси-лебеди летели через кострицыны сени...»	67
№ 28.	«В бору стоит сосенка...»	67
№ 29.	«Овсей, Овсей...»	68
№ 30.	«Калёда, малёда...»	69
№ 31.	«Овсень, овсень, каракульки...»	69
№ 32.	«Василий Звездин...»	70
№ 33.	«Пришла коляда...»	70
№ 34.	«Коляда, коляда...»	71
№ 35.	«Как ходила коляда...»	71
№ 36.	«Коледа-моледа...»	72
№ 37.	«Таусень, таусень!..»	72
№ 38.	«Милёда, милёда...»	72
№ 39.	«Из-за моря кума в решете приплыла...»	73

**Колядки, адресованные хозяину дома
или его сыну**

№ 40.	«Как не Волга-река разливается...»	73
№ 41.	«Ой, да не ясён сокол во поле увивается...»	74
№ 42.	«Не летай-ка ты, сокол, высоко...»	75
№ 43.	«Ох, не летай-ка ль ты, соколик, высоко...»	75
№ 44.	«Не летай-ка ты, соколик, высоко...»	76
№ 45.	«Во соборе у Михайла-архангела...»	76
№ 46.	«Таусень!..»	77
№ 47.	«Среди-то двора, вдоль широкого...»	78
№ 48.	«Тут и ехали, наехали бояре-купцы...»	78
№ 49.	«По морю, морю, морю синему...»	79
№ 50.	«Таусень!..»	80
№ 51.	«Летела пава через три оврага...»	81
№ 52.	«Ой, баусень...»	81

**Колядки, адресованные хозяйке дома
или ее дочери**

№ 53.	«У Марьюшки у вдовушки на сдорóчках...»	81
№ 54.	«Как у кочета головушка краснехонька...»	82
№ 55.	«У Ивана-то у света жена хороша!..»	82
№ 56.	«Уж ты ягодка красна...»	82
№ 57.	«Уж как ягодка красна...»	83
№ 58.	«Виноградье красно-зеленое мое!..»	83
№ 59.	«Таусень!..»	84

№ 60. «То-а́оси́нь, то-а́оси́нь!..»	84
№ 61. «Уж ты, клюковка, красна́ во сыром бору росла...»	85
№ 62. «Не во да́лече-далече, во чистом во по́лѣ...»	85
№ 63. «На горке ленок...»	87

Песни обряда посева́ния

№ 64. «Сею, засеваю...»	87
№ 65. «Сею-вею, засеваю...»	88
№ 66. «Сею, вею, засеваю...»	88
№ 67. «Василия дома нету...»	88

Рождественское славле́ние

№ 68—69	89

Детские «славы»

№ 70. «Славите, славите...»	90
№ 71. «Славите, славите...»	90
№ 72. «Хозяин с хозяйшкой, с праздничком!..»	90
№ 73. «Я, маленький юльчик...»	91

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

Подблюдные гадания и песни

№ 74—76	93

Песни хлебу

№ 77. «Еще ны́нее у нас...»	95
№ 78. «Хлебу да соли долог век...»	95

Песни, сулящие счастье и богатство

№ 79. «Благослови, боже, нам перстни затреть...»	95
№ 80. «А дай, господи, годы добрые...»	96
№ 81. «Сам Исус Христос у ворот стоит...»	96
№ 82. «Ходит Никола по погребам...»	96
№ 83. «Ходит Никола по полю...»	96
№ 84. «Ай часты́, часты́ звезды на́ небе...»	96
№ 85. «Нивка узенька, снопики ча́стенки...»	97
№ 86. «Стоит полоса нежатая...»	97
№ 87. «Пошла наша коровушка в лес по дрова...»	97
№ 88. «Во поле березонька не старится...»	97
№ 89. «А ты, бабушка-мукосейница...»	98
№ 90. «А ты, де́жечка-мукосейница...»	98
№ 91. «Шли три девицы...»	98
№ 92. «Сидит на перине, считаёт полтины...»	99

№ 93.	«На корыте сижу, я корысти жду...»	99
№ 94.	«На печи звезда...»	99
№ 95.	«Идет щучка из Новá-города...»	99
№ 96.	«Ходила корова по репищу...»	100
№ 97.	«Живут мужики богатые...»	100
№ 98.	«Идет кузнец из кузницы...»	100
№ 99.	«Мышь пищит, каравай тащит...»	100
№ 100.	«Лежит кошечка в печурочке...»	100
№ 101.	«Идет медведь через реку...»	101

Песни, сулящие свадьбу

№ 102.	«Идут сваты богатые...»	101
№ 103.	«Идет кузнец из кузницы...»	101
№ 104.	«Покачу колечко кругом города...»	102
№ 105.	«Катилось зерно по бархату...»	102
№ 106.	«По саду хожу, голову чешу...»	102
№ 107.	«Висит полотенце в горенке...»	102
№ 108.	«Брошу я подушечку через ворота...»	103
№ 109.	«Ах, ты мати, ты мати, порода моя...»	103
№ 110.	«Сей, мати, мучицу, пеки пироги...»	103
№ 111.	«Ах, как на небе у нас да две радуги...»	103
№ 112.	«Ой ты, щеточка-богатырочка...»	104
№ 113.	«За столами сидят, сарафаны кроят...»	104
№ 114.	«Пала иголочка во ящичок...»	104
№ 115.	«Полно тебе, иголочка, в коробочке лежать...»	104
№ 116.	«Брякнула игла с высока терема...»	105
№ 117.	«Брошу я ключи...»	105
№ 118.	«За рекой хомут, за другою дуга...»	105
№ 119.	«Соцепилися да два прутика...»	105
№ 120.	«Стоят саночки-малюваночки...»	106
№ 121.	«Сокол летит из улицы...»	106
№ 122.	«Идет котик дай по лавочке...»	106
№ 123.	«Уж кличет кот кошурку в печурку спать...»	106
№ 124.	«Кур идет на сени...»	107
№ 125.	«Греблась курочка под окошечком...»	107
№ 126.	«Сидит воробей на перéгороде...»	107
№ 127.	«Сидит воробей, начищается...»	107

Песни, сулящие безбрачие

№ 128.	«На печке сижу да ошурки гложу...»	108
№ 129.	«На печи сижу, сквозь потолок гляжу...»	108

№ 130.	«На загнетке сижу...»	108
№ 131.	«Уж ты, щеточка-повалюшечка...»	108
№ 132.	«Под окном сосна, сосна колючая...»	109
№ 133.	«Бежит река волнистая...»	109
№ 134.	«Сидит кошечка на окошечке...»	109
№ 135.	«Повадился медведь в бор коренье драть...»	109

Песни, сулящие разлуку, дорогу

№ 136.	«Лодочка от одного берега отстала...»	110
№ 137.	«Перекинь дугу на чужу сторону...»	110
№ 138.	«Ах, ты гнутое деревцо — черемушка...»	110
№ 139.	«На бочке сижу, за гвоздь держусь...»	110
№ 140.	«Коло речки шла, полотно стлала...»	111
№ 141.	«Саночки-самокаточки...»	111
№ 142.	«Ласточка касатая...»	111
№ 143.	«Зайнька-ковыляйныка...»	111

Песни, сулящие несчастье, бедность, болезнь

№ 144.	«Заехали в ухаб, не выехать никак...»	112
№ 145.	«Идет кузнец из кузницы...»	112
№ 146.	«Ходит старушка посереде...»	112
№ 147.	«Я бежала по поженке...»	112
№ 148.	«Идут из-за пёчи рваные плети...»	113
№ 149.	«А в печурочке да две чурочки...»	113
№ 150.	«Залетела ворона в чужие ворота...»	113
№ 151.	«Летел коршун с чужой стороны...»	113
№ 152.	«Бежит заяц по рощице...»	113
№ 153.	«Идет свинья из Питера...»	114

Песни, сулящие смерть

№ 154.	«Идут мужики горбатые...»	114
№ 155.	«Взял щеплига вострый топор...»	114
№ 156.	«Везут бревно на семи лошадях...»	115
№ 157.	«За гумном стоят коники все запряженные...»	115
№ 158.	«По погосту хожу...»	115
№ 159.	«Висит рушничок на воротиках...»	115
№ 160.	«Сидит сиротушка на шерсточке...»	115
№ 161.	«Покатился венок с кута в порог...»	116
№ 162.	«Полное корыто платков намыто...»	116
№ 163.	«За добром клетка не открывается...»	116
№ 164.	«В баенке ледок...»	116
№ 165.	«Мышь пищит, каравай тащит...»	117

ОПИСАНИЕ СВЯТОЧНЫХ ГАДАНИЙ

№ 166—168. 119

Гадания о судьбе

№ 169. 121

Гадания о жизни или смерти

№ 170—173. 122

Гадания об урожае

№ 174—177. 123

Гадания о выходе замуж (женитьбе)

№ 178—207. 124

Гадания о той стороне, где живет жених (невеста)

№ 208—216. 132

Гадания об имени, внешности и характере суженого (суженой)

№ 217—234. 134

Гадания об имущественном положении жениха

№ 235—240. 138

Гадания о будущей семье, о семейной жизни

№ 241—247. 140

РЯЖЕНИЕ

№ 248—252. 141

НОВОГОДНИЕ ШАЛОСТИ

№ 253—254. 145

МАСЛЕНИЦА

МАСЛЕНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ

№ 255—265. 151

Песни при встрече масленицы

№ 266. «Ой, ой, ты, масленица...» 160

№ 267. «Масленица годовая...» 160

№ 268. «Ой, масленица-кривошейка...» 161

№ 269. «А мы масленицу повстречали...» 161

№ 270. «О, мы масленицу устречали...» 161

№ 271. «Дорогая наша гостья, масленица...» 162

Песни масленичных гуляний

№ 272.	«Расскажи-ка, масленица...»	163
№ 273.	«Как на масленой неделе...»	163
№ 274.	«Мы давно блинов не ели...»	166
№ 275.	«Ах ты, Домнушка...»	166
№ 276.	«Сисинка, ясинка...»	166
№ 277.	«Ах ты, масленка дорогая...»	167
№ 278.	«Запрягу я коня вороного...»	167
№ 279.	«Широкорожая масленица!...»	167
№ 280.	«Ой, масленая, ай, покургузка, ай!...»	167
№ 281.	«Запрягу я бугай, бугай...»	168
№ 282.	«Масленица, масленица...»	169
№ 283.	«Как приехал Степанушка с Нова-города...»	169
№ 284.	«Коло рёчушки всё рябинка...»	170
№ 285.	«Черемушка, черемушка, густенький кусток...»	170
№ 286.	«Теща про зятя пирок пекла...»	171

Песни проводов масленицы

№ 287.	«Государыня ты масленица...»	171
№ 288.	«А свет, наша масленица...»	172
№ 289.	«А мы масленицу прокатали...»	172
№ 290.	«Масленка, масленка...»	172
№ 291.	«Наша масленица дорогая...»	172
№ 292.	«Прощай, маслена-вертушка...»	173
№ 293.	«Поддергалась...»	173
№ 294.	«Ты прощай, прощай...»	173
№ 295.	«Мы масленицу прокатали...»	174
№ 296.	«А мы масленицу прокатали...»	174
№ 297.	«Прощай, масленица...»	174

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

«КЛИКАНИЕ ВЕСНЫ»

№ 298—303.	. . . . .	178

Веснянки

№ 304.	«Лето, лето...»	184
№ 305.	«Жавороночек на приталинке...»	185
№ 306.	«Ой, весна моя...»	185
№ 307.	«Весна красная...»	186

№ 308. «Весна, где бывала?..»	186
№ 309. «Весна, весна...»	186
№ 310. «Весна, что ты нам принесла?..»	186
№ 311. «Ой, весна красна, теплое летечко...»	187
№ 312. «Ой, весна красна, что ты нам принесла?..»	187
№ 313. «Весна красная, теплое летечко...»	187
№ 314. «Сама мати Пречистая на улицу выходила...»	188
№ 315. «А звон-колокол благовещенский...»	188

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ОБРЯДЫ

Средокрестие-преполовление

№ 316—318.	194
№ 319. «Половина говенья...»	195
№ 320. «Крестики, крестики...»	195
№ 321. «Половина говенья...»	195
№ 322. «Кресты-богомолы...»	196

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

№ 323—324.	196
№ 325. «Верба, свята...»	197
№ 326. «Верба, верба...»	197
№ 327. Описание празднования кануна вербного воскресенья	198

Великий («чистый») четверг

№ 328—343.	199

ПАСХА

Пасхальные обряды и обычаи

№ 344—355.	207

Волочebные песни

№ 356. «Хозяинушка, наш батюшка!..»	210
№ 357. «Идем, бредем лалынщички...»	211
№ 358. «Далалынь, далалынь! По яиченьку!..»	212

Окликание молодых («вьюнины»)

№ 359—361.	213

Вьюнишные песни

№ 362. «Еще дома ли хозяин со хозяйшкой?..»	215
№ 363. «Мы пойдемте-ка, ребята, вдоль по улице гулять!..»	216
№ 364. «Еще господи Иусе, благословляй Христос!..»	217

№ 365. «Еще дома ли хозяин?..»	218
№ 366. «Разреши, сударь хозяин...»	219
№ 367. «Ты позволь, позволь, хозяин...»	220
№ 368. «Ты вставай-ка, молодец...»	220
№ 369. «Ой лелю, молодая...»	220
№ 370. «Научить ли тебя, вьюница...»	221

ПЕРВАЯ ПАХОТА И ВЕСЕННИЙ СЕВ

Обычаи егорьева дня

№ 371—379.	224

Егорьевские песни

№ 380. «Батюшка Егорий...»	234
№ 381. «Мы ранешенько вставали...»	235

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

ВОЗНЕСЕНИЕ. СЕМИК. ТРОИЦА.

№ 382, 383—388.	242

Семиковые и троицкие песни

№ 389. «Пришла наша весна красна...»	252
№ 390. «Пошла девка по воду...»	252
№ 391. «Березонька белая...»	253
№ 392. «Семик честной, семик ладужный...»	253
№ 393. «Дай нам шильце да мыльце...»	253

Песни на завивании венков

№ 394. «Пошли девушки во лужки гулять...»	254
№ 395. «Косатое дерево...»	254
№ 396. «Береза моя, березонька...»	255
№ 397. «Ты береза, ты моя береза...»	255
№ 398. «Березонька кудрявая...»	258
№ 399. «Ты завейся, береза...»	258
№ 400. «Мой веночек, мой зеленой...»	258
№ 401. «Александровска береза, береза...»	259
№ 402. «Вейся-ко, вейся, капуста...»	260

Песни гаданий на венках

№ 403. «Ай кумушки-голубушки...»	260
№ 404. «Уж мы, девушки, дело сделали...»	260
№ 405. «Вьюн я несу, золотой я несу...»	261
№ 406. «Что же ты, березонька, не зелена стоишь?..»	261
№ 407. «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет...»	262
№ 408. «Пойду я лужком...»	262
№ 409. «Я венок-от бросила...»	263

Майские песни

№ 410. «Святое вознесенье, взнеси, боже, жито!..»	263
№ 411. «Святое вознесенье, взнеси, боже, жито!..»	263
№ 412. «У' в поле пашаница перестой стояла...»	264
№ 413. «А береза лугу позавидовала...»	264

«Проводы русалки»

№ 414-417.	265

«Похороны Костромы»

№ 418.	270
№ 419. «Костромушка, Кострома...»	277
№ 420. «Костромушку да наряжали...»	277

«Прощание с весной»

№ 421.	278

ПРАЗДНИКИ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕВОРОТА

ИВАН КУПАЛА

Обряды на Ивана Купалу

№ 422.	282

Гадания

№ 423-427.	284

Купальские песни

№ 428. «На святого Ивана...»	286
№ 429. «Как на Ивана солнце играло...»	286

№ 430. «Иванская ночка мала, невелика...»	287
№ 431. «Приехала купаленка...»	287
№ 432. «Иван да Марья...»	287
№ 433. «Пойдем, девки...»	288
№ 434. «Зарождалися три ведьмы...»	288

ПЕТРОВ ДЕНЬ

№ 435—438.	291

КОНЕЦ ЛЕТА

ЖАТВА

№ 439—442.	296

Жнивные песни и приговоры

№ 443. «Жито зеленеет...»	304
№ 444. «Лели мое, лели!..»	305
№ 445. «Кыш, полышко, на конец...»	305
№ 446. «Ох, чиё то поле...»	305
№ 447. «А я, молоденька, рожь топчү...»	306
№ 448. «Жали мы, жали...»	307
№ 449. «Сей год — борода, на новой — другá...»	307
№ 450. «Вейся, вейся, борода!..»	307
№ 451. «Ниву сожали...»	308
№ 452. «Жали-пожали...»	308
№ 453. «Рано не ставали...»	308
№ 454. «Уж мы вьем, вьем бороду...»	308
№ 455. «А слава богу...»	309
№ 456. «Слава тебе, боже...»	309
№ 457. «Слава богу!..»	309
№ 458. «Яровая спорыня!..»	310

ГЛАВНЫЕ ОСЕННЕ-ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

№ 459—465.	313

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

- № 466. Деревенская свадьба. Рассказ крестьянки Старорусского уезда... 322

Свадьба

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Сватовство

- № 467. «Славен город, славен город...» 347
№ 468. «Сват-от сватался да порасхвастался...» 348
№ 469. «Я не знала, я не ведала...» 349
№ 470. «У ворот моей матушки...» 350
№ 471. «Перед нашими широкими воротами...» 350
№ 472. «Ни в уме-то было, ни в разуме...» 351
№ 473. «Приходил к нам селезень...» 352
№ 474. «Ты пчела ли, моя пчелынька...» 352
№ 475. «Как ударили два мороза, третий снег...» 353
№ 476. «Садил мужик черемушку...» 353

После просватанья

- № 477. «Мимо батюшков высок терем...» 355
№ 478. «У ворот было на улице...» 356
№ 479. «Ай, дунули ветры да со чистого поля...» 357
№ 480. «Белокаменные палаты да гриновиты, гриновиты...» 358
№ 481. «Возле реку, возле реку...» 358
№ 482. «Черныя кудрицы за стол пошли...» 359
№ 483. «Уж ты, свет наша голубушка...» 360
№ 484. «Как у Домнушки матушка...» 361
№ 485. «Золото с золотом свивалось...» 362
№ 486. «Во городе перстни ковали...» 362
№ 487. «Виноградна ягодка расцветала...» 362
№ 488. «Тужит, горюет перепелушка...» 363
№ 489. «У столба было, у столбушка...» 363
№ 490. «Залетала вольна пташечка...» 364
№ 491. «Во столовой новой горенке...» 364
№ 492. «Что на горки, на горочки...» 365
№ 493. «Вырастала предо мною белая березонька...» 366
№ 494. «Перекатно красно солнышко...» 366
№ 495. «Расшаталася грушица...» 367

Предсвадебная неделя

№ 496.	«Что во те... ох, во тереме...»	369
№ 497.	«Я ходила, похаживала...»	369
№ 498.	«По сеням-сенечкам по батюшковым...»	370
№ 499.	«Под часы, под часы...»	371
№ 500.	«Ой, петухи, петухи...»	372
№ 501.	«Вот мы выйдемте, сестрицы, мы на улочку...»	373

Девичник

№ 502.	«Ты топись-ко, топись, баенка...»	376
№ 503.	«Как от батюшкина крылечушка...»	376
№ 504.	«На проезжей улочке...»	377
№ 505.	«Вот мы выйдемте, сестрицы...»	377
№ 506.	«Вы, подруженьки, голубушки мои...»	378
№ 507.	«Уж ты мать моя, матушка...»	378
№ 508.	«Лей-полей, Волга-река...»	379
№ 509.	«Как у нас было при вечери...»	379
№ 510.	«Как при вечере, вечере...»	380
№ 511.	«Ай! Сборы, сборы Грушенькины!..»	380
№ 512.	«Уж вы девки, наши девушки...»	381
№ 513.	«Вы цветы мои, цветики...»	382
№ 514.	«Не трубушка трубит рано по зари...»	383
№ 515.	«Свет же мои подруженьки...»	383
№ 516.	«Кр́асота, дивья кр́асота...»	384
№ 517.	«На горушке вербинушка стояла...»	384
№ 518.	«Уж ты, лента моя, ленточка...»	385
№ 519.	«На солнечном всхо́де, на угрéве...»	385
№ 520.	«Во саду, во садике в моем...»	386
№ 521.	«А во новой во горенке столы стоят...»	387
№ 522.	«Да над речушкой рябинушка стояла...»	388
№ 523.	«Как у месяца звезды нету-тка...»	388
№ 524.	«Пропадает этот перстенок, перстенок...»	389
№ 525.	«Круг шатра белого, полотняного...»	389
№ 526.	«Что на горочке деревцо..»	390
№ 527.	«Хто в зеленóм саду моем был...»	390
№ 528.	«Хвалился свет Иван-то князь...»	391
№ 529.	«На горе стоит елочка...»	392
№ 530.	«Из-за лесу, лесику...»	393
№ 531.	«И как вился хмель по болоту...»	394
№ 532.	«Береза белая...»	395
№ 533.	«Малешенька птичка пташка...»	395
№ 534.	«Солнушко катилось ко западу...»	395

№ 535.	«Как по небу да по ясному...»	396
№ 536.	«Княгиня, княгинюшка...»	397
№ 537.	«Что не низко, не высоко...»	397
№ 538.	«Две реки сотекалися...»	399
№ 539.	«Не вода ли да меня по́няла...»	399
№ 540.	«Ты прощай, прощай, подруженька...»	401
№ 541.	«Кони вы, кони...»	401

ДЕНЬ СВАДЬБЫ

День свадьбы до венчания

Утро свадебного дня в доме жениха

№ 542.	«Володимира матушка...»	406
№ 543.	«Не тесан терем, не скоблен...»	407
№ 544.	«Ой, у Ивана-то хоромы хороши...»	407
№ 545.	«Что не винная река протекла...»	408
№ 546.	«Перед воротам-то озеро...»	409
№ 547.	«Соловей, мой соловей...»	409
№ 548.	«Во бору-то бревна рубленые...»	410
№ 549.	«Как у брода было, брода...»	411
№ 550.	«Уж вы бо́яры, бо́яры...»	411
№ 551.	«Да по широкой улице...»	412
№ 552.	«Как у нашего князя...»	413

Утро свадебного дня в доме невесты

№ 553.	«На море да и утушка да купалася...»	413
№ 554.	«Машенька мамочку высылала...»	414
№ 555.	«Ой, об чем, сердечушко, ноешь...»	415
№ 556.	«С вечера бел заюшка по приволью скачет...»	415
№ 557.	«Смородина, Смородина, Смородушка?...»	415
№ 558.	«Матушка, что во поле пыльно...»	418
№ 559.	«Не лежи, черной бобер, у крутых берегов...»	419

Приезд свадебного поезда

в дом невесты и отъезд к венцу

№ 560.	«Дорогая наша гостюшка...»	419
№ 561.	«Ни с буяр ветры заваяли...»	420
№ 562.	«Не бывать бы ветра́м, да повеяли...»	420
№ 563.	«Дорогие наши гостейки!...»	421
№ 564.	«Вы, сваты богатые...»	421
№ 565.	«Долго, долго сокол не летит!...»	422

№ 566.	«Скрип воротечки, мороз на дворе...»	422
№ 567.	«Гордая, спесивая свашенька...»	423
№ 568.	«Вьюн на воде извивается...»	423
№ 569.	«У богатого тестя...»	424
№ 570.	«Стучит, гремит на улице...»	425
№ 571.	«Пантелей-государь ходит по двору...»	426
№ 572.	«Не слыхала Надежда-душа...»	427
№ 573.	«Приобсели там голуби...»	428
№ 574.	«Что не тошно ли тебе, Анна...»	430
№ 575.	«Во лузях воды нету...»	430
№ 576.	«Летит, летит черная галка низенько...»	431
№ 577.	«По заморьцу белы лебедки клычут...»	431
№ 578.	«При утри рано на зори...»	432
№ 579.	«Не по сахару река текла...»	432
№ 580.	«Гибкое деревцо черемушка...»	433
№ 581.	«От терему да и до терему...»	434
№ 582.	«Что во светлой во светлице...»	435
№ 583.	«У ворот, у ворот у широких...»	436
№ 584.	«Разлилась, разлелеялась...»	436
№ 585.	«Отдала меня матушка...»	437
№ 586.	«Из лога, лога ехали бояре, стреляемчи...»	438
№ 587.	«Как летал, летал сокол, ладу, ладу...»	438
№ 588.	«Пала, выпадала, пала, выпадала...»	439
№ 589.	«Надежде подруги говорили...»	440
№ 590.	«Попов сын на городи...»	440
№ 591.	«Покатилоси солнышко по зálezью...»	441
№ 592.	«Как пошел виноград по-за яверью...»	442
№ 593.	«Матушка, с гор меды текут...»	442
№ 594.	«Да улетела-то сера утка со двора...»	442
№ 595.	«Из-за гор, гор высокних...»	443
№ 596.	«Не березушка ль клонится...»	444
№ 597.	«Что сломилась березонька с полдеревца...»	445
№ 598.	«Ой, на дворе дождь, на дворе дождь посеменивает...» . . .	445
№ 599.	«На горы на высокой, раю-раю-раю!...»	446
№ 600.	«Из-за гор-горы карета бежала...»	447
№ 601.	«Из лугу, лугу кони бежат...»	448
№ 602.	«Кудрявый повозник...»	448

Сиротские песни

№ 603.	«Ты река ль, моя реченька...»	448
№ 604.	«Бежит речка — не колыбнется...»	449
№ 605.	«Много, много во сыром во дубу...»	450

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ПОСЛЕ ВЕНЧАНИЯ

Встреча молодых. Свадебный пир

№ 606.	«Соколы вы, соколы...»	453
№ 607.	«Ох, соколы вы, соколы...»	454
№ 608.	«Возъезжал Васенок...»	455
№ 609.	«Кругом-кругом да солнце катилось...»	455
№ 610.	«Уж вы где, гуси, были?...»	455
№ 611.	«Трубила трубонька по заре...»	457
№ 612.	«Козушка белоногая...»	458
№ 613.	«Выглянь, матка...»	458
№ 614.	«Сокол мой Соколович...»	459
№ 615.	«Как у Петра-то во дворичке...»	459
№ 616.	«У броду-то, броду...»	460
№ 617.	«Ты звезда моя, звездочка...»	461
№ 618.	«Рыбинка-плотичка, не лягайся...»	462
№ 619.	«Что Семеновски рыболовы, да рыболовы...»	463
№ 620.	«Пригоженький горностай...»	463
№ 621.	«Весела горенка Григорьева...»	463
№ 622.	«Да уж вы кушайте, гости, не сидите...»	464
№ 623.	«Ай, в поле олень — золотые рога...»	464
№ 624.	«Плавала чарочка по сладкому медку...»	464
№ 625.	«Во тереме ясные свеченьки горят...»	465
№ 626.	«Что не соболи по улице погуливали...»	466
№ 627.	«Что перед воротами Ивановыми...»	467
№ 628.	«Умны бояре князевы...»	468

Конец пира

№ 629.	Фетисушка скажет: «Спать я хочу...»	468
№ 630.	«Тетера на стол прилетела...»	469
№ 631.	«Что во садике-саду, да эхи...»	469
№ 632.	«Как пришел Иван поздно вечером домой...»	470
№ 633.	«Воробей воробку парует...»	470
№ 634.	«Шелковая ниточка к стенке льнет...»	470
№ 635.	«Ой, не разбушуй...»	471
№ 636.	«До дому, сваты, до дому...»	472

Послесвадебные обряды

№ 637.	«Из сада в сад путь-дорожка лежит...»	475
№ 638.	«Вспомни-тко, Пётро-князь...»	475
№ 639.	«Во тереме гусли лежали...»	476
№ 640.	«Теща про зятюшку сдобничала...»	477
№ 641.	«Стряпуха-то кашу варила, варила...»	477

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Молодым

№ 642.	«Молоду князю песенку...»	482
№ 643.	«Перебор светел месяц...»	482
№ 644.	«Что у месяца рога золоты...»	483
№ 645.	«Ай, во поле Натальюшка...»	483
№ 646.	«Ой, Натальюшка по садочку гуляла...»	484
№ 647.	«Уж как кто у нас в пиру хорош...»	484
№ 648.	«Не тот ли князь молодой...»	484
№ 649.	«Еще по морю, морю синему...»	485
№ 650.	«Что у светлого месяца золотая была луна...»	486
№ 651.	«Ты, дубовый стол, постучай...»	486
№ 652.	«Тебе спасибо, Василий-князь!...»	487

Отцу и матери молодых

№ 653.	«По сеням, сеням, сенечкам...»	487
№ 654.	«Как по сеням, по сенечкам...»	488
№ 655.	«Молода наша боярыня по сенечкам гуляла...»	490
№ 656.	«У ворот сосёнушка зеленая...»	490

Тысяцкому

№ 657.	«Станем мы, певичы, на ноженьки...»	491
№ 658.	«Уж ты, тысецкой, тысецкой...»	491
№ 659.	«Тысяцкий — гость богатый...»	493
№ 660.	«Еще кто у нас на свадьбе богатый?..»	493
№ 661.	«Тысяцкой, да и тысяцкой...»	494
№ 662.	«Уж ты тысяцкий-воевода, воевода...»	495
№ 663.	«Уж ты, тысяцкой, догадайся...»	495

Свахе

№ 664.	«Гордая да наша свашенька...»	495
№ 665.	«Сидит наша свашенька...»	496
№ 666.	«Не от лесу, не от лесу...»	497
№ 667.	«Умна наша свашенька да беляна...»	497
№ 668.	«У нас свашенька — отецка дочь...»	498
№ 669.	«Стоит сосенка зеленая...»	498
№ 670.	«Благодарю я тебя, свашенька...»	499

Дружке

№ 671.	«Друженька хорошенькой...»	499
№ 672.	«Друженька хорошенький...»	500

№ 673.	«Полудружье девушки любили...»	500
№ 674.	«Сидит дружка да на травке...»	501

Женатым гостям

№ 675.	«У нас по улице...»	501
№ 676.	«В огороде трава зеленая была...»	502
№ 677.	«По полю, полю, по широкому полю...»	503
№ 678.	«Селезень по реченьке всплывает...»	503
№ 679.	«Во тереме во высоком...»	503
№ 680.	«Два стакана золотые, золотые...»	504
№ 681.	«Да и дорог в торгу бархат, да и бархат...»	504
№ 682.	«Разукрашена крутая гора...»	505
№ 683.	«Как летели голуба, голуба...»	505
№ 684.	«Не летай ты, сокол, высоко...»	506
№ 685.	«Дымно, дымно в поле...»	506
№ 686.	«Покупайся, сера уточка, покупайся!..»	507
№ 687.	«Что не штофики по горенкам стучат...»	508
№ 688.	«Чарочка моя...»	508

Гостье-вдове

№ 689.	«Это чья в поле нива...»	509
№ 690.	«Чье это поле негороженое?...»	509
№ 691.	«Как у Марьи шуба...»	509
№ 692.	«Уточка, покупайся...»	510
№ 693.	«Не сова ли жито мелет...»	510

Парням и девушкам

№ 694.	«Не теки, вода, с гор по камушкам...»	511
№ 695.	«Как над нашими да над воротами...»	512
№ 696.	«В по́ле было, во́ поле...»	513
№ 697.	«Во Казани, славном городе...»	514
№ 698.	«Уж как Коленька садиком шел...»	514
№ 699.	«Березничек кудреватый...»	515
№ 700.	«Как сидит сокол на колышке...»	515
№ 701.	«Ужо Ванюшка во щи упал...»	515
№ 702.	«Хитёр-мудёр Иван-молодёц...»	515
№ 703.	«Ты соко́л, ты соко́л молодой...»	516

Холостому парню

№ 704.	«Кто у нас на свадьбе богатой...»	516
№ 705.	«Как по край было синего моря...»	517
№ 706.	«Зеленая вишенка...»	517

№ 707.	«Не хотелось мне в зеленый сад идти...»	518
№ 708.	«Как на дубчике, дубчике...»	518
№ 709.	«Уж как у броду, броду...»	519
№ 710.	«Что у Феденьки да кудерки...»	520
№ 711.	«Много на море гусей, лебедей...»	520
№ 712.	«Ой дак чистой-от аленькой лазорёвой цветок...»	521
№ 713.	«Капитон-то свет вставаит...»	521

Девушке

№ 714.	«Посадить было на саночки...»	521
№ 715.	«Уж вы выходы, выходы!..»	522
№ 716.	«Татьяна полотна ткала...»	523
№ 717.	«Катерина-то Архиповна...»	523

Священнику

№ 718.	«У нас батюшка хорошенький...»	523
№ 719.	«У попа у батюшки...»	524

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Жениху

№ 720.	«Что сказали про жениха...»	528
№ 721.	«Твой жених не хорош, не пригож...»	529

Поезжанам

№ 722.	«Не белы наехали...»	529
№ 723.	«Ох вы сваты, бояры!..»	530
№ 724.	«У Филиппа поезжанушка все дураки...»	531
№ 725.	«Нагонили-наехали...»	531

Дружке

№ 726.	«Друженька хорошей...»	532
№ 727.	«Вечер ты, друженька, у нас ночевал...»	532
№ 728.	«Дружки, друженьки вы хорошие...»	533

Свату и свахе

№ 729.	«У нас в лавке булавки колотят...»	533
№ 730.	«Наша-то сваха богата, богата...»	535
№ 731.	«У нас свашенька — смутница...»	536

Тысяцкому или скупому гостю

- № 732. «Подари, наш умненькой...» 536
№ 733. «Что Иван-то свет, не скупися...» 537

Молодым

- № 734. «Мы все песенки перепели...» 537

ПРИГОВОРЫ

Приговор подружки невесты

- № 735. «Раздайся, народ, расшатыся, народ...» 542

Приговор свахи

- № 736. «Свахонька любезна...» 548

Приговоры дружки

- № 737. «Теперь мы у князя молодого...» 549
№ 738. «Я дружка, верная служба!..» 558
№ 739. «К высокому терему подъезжаю...» 559
№ 740. «Спасибо, на аминь...» 560
№ 741. «Хотя вы нас не ждали, не глядели...» 563
№ 742. «Скок через порог...» 563

Приговор коробейников

- № 743. «Летят гуськи, дубовы носки...» 564

ПРИЧИТАНИЯ

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

- № 744. «Вы не шайте-тко, зарадки муравейны...» 569
№ 745. «Ты заря ли, моя зоренька...» 573

№ 746. «Что стоит наша деревня...»	594
№ 747. «Уж мы жили, две красны девушки...»	595
№ 748. «Навалились на нас злодеи лихие люди...»	598

СИРОТСКОЕ ПРИЧИТАНИЕ

№ 749. «Из-за лесу-ту темного...»	599

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 750. Вопль дочери об отце	605
№ 751. Причитание по матери	609
№ 752. Причитание матери	610
№ 753. Плач по дочери	611
№ 754. Плач о старосте	619

РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 755. Плач о холостом рекруте	629
№ 756. Причитание жены по мужу-рекруту	644

БЫТОВЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

№ 757. Плач об одинокой доле	647
№ 758. Плач после пожара	648
СОКРАЩЕНИЯ	650
ПРИМЕЧАНИЯ	659
КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ	660
СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ОБО- РОТОВ	704
РОДСТВЕННИКИ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ — УЧАСТНИКИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА	712

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Составители
ЖЕКУЛИНА Валентина Ивановна,
РОЗОВ Александр Николаевич

Редактор *В. А. Серганова*
Художественный редактор *О. Г. Червецова*
Технические редакторы *В. М. Котова, Л. Б. Демьянова*
Корректоры *Г. А. Черепенникова, Г. В. Селецкая*

ИБ № 4983

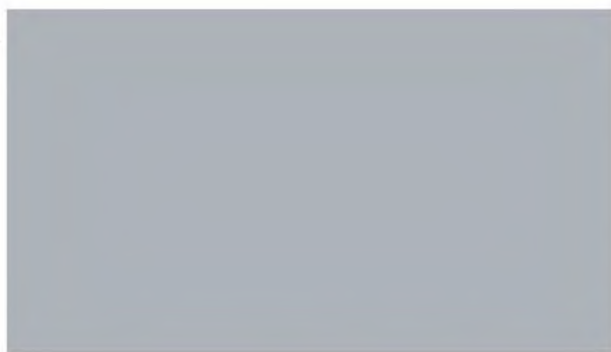
Сдано в набор 11.08.88. Подписано к печати 13.07.89. Формат 84×108/32. Гарнитура Акад.
Печать офсет. Бумага офс. № 2. Усл. краск.-отт. 78,12. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 38,44.
Тираж 100 000 экз. Заказ 89. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

10-20

202

Собрание

STANCOFF LIBRARY